ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2018 № 7

ЛФ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2018. No. 7

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2018. № 7

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – № 7. – 400 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2018. – No. 7. – 400 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors
Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)

Editorial Board
Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, Kosygin Russian State University of Design and Technology (Moscow / Tver', Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council
Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia) Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander F. Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.Р. Обатнина. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. 8

А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Главы из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг.
Вступительная заметка и комментарии Е.Р. Обатниной.
Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной 46

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.Л. Соболев. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы (окончание) 82

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

Т.В. Гордиенко. Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы: 1890–1917 гг. 140

В.Н. Дядичев. В. Маяковский и литературная группа «Резец» (Нью-Йорк) 159

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин. К вопросу об авторстве стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…», или «Карлсбадский текст» в русской поэзии 179

А.Г. Гачева. «Крест над вьюгой». Философ Александр Горский — о поэме Александра Блока «Двенадцать» 197

В.В. Петров. Доктринальное содержание и источники доклада Вячеслава Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» 257

Э.К. Александрова. К истории перевода Вяч. Иванова для «Сборника латышской литературы» 288

С.В. Федотова. «Бетховен, сыгранный на балалайке»: опыт критической статьи Е.Г. Полонской о Маяковском (1919) 307

В.А. Черкасов. В.Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком 331

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

А.В. Кулагин. А.М. Панченко. Лекция о Ломоносове. 349

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

К.М. Азадовский. Из словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М.А. Сукенников. С.Н. Шиль) 358

РЕЦЕНЗИИ

Н.И. Николаев. Опороченная жизнь философа 385

А.Г. Мец. Мандельштамовская энциклопедия 392

Contents

FROM THE LITERARY HERITAGE

Elena R. Obatnina. Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922 8

A.M. Remizov. "At the Evening Dawn". Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922. *Introduction and commentaries by Elena R. Obatnina. Editing by Elena R. Obatnina and Anna S. Uriupina* 46

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Alexander L. Sobolev. From the memoirs by S. Kara-Murza (conclusion) 82

LITERARY SOCIETIES AND INSTITUTIONS

Tamara V. Gordienko. Yuri Bunin on Moscow literary institutions: 1890–1917 140

Vladimir N. Dyadichev. V. Mayakovsky and Rezets literary group (New York) 159

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Nikolay L. Vasilyev, Dmitriy N. Zhatkin. On the authorship of the poem "Our Rampant Lifestyle in Karlsbad…", or the "Karlsbad text" in Russian poetry 179

Anastasia G. Gacheva. "A cross over snowstorm": Philosopher Alexander Gorsky on Alexander Blok's poem "The Twelve" 197

Valery V. Petroff. The doctrinal content and sources of Vyacheslav Ivanov's paper "The Meaning of the Word 'Earth' in the Gospels" 257

Elmira K. Alexandrova. On the history of Vyacheslav Ivanov's translation for "A Collection of Latvian Literature" 288

Svetlana V. Fedotova."Beethoven played on a balalaika": E.G. Polonskaya's attempt of a critical essay on Mayakovsky (1919) 307

Valery A. Cherkasov. V.F. Khodasevich, "Gulliver" and the Soviet myth of Gorky 331

FROM THE SCIENTIFIC HERITAGE

Anatoly V. Kulagin. A.M. Panchenko. A lecture on Lomonosov 349

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Konstantin M. Azadovsky. Articles from the Dictionary of Literary Biography Russian Writers, 1800–1917 (M.A. Sukennikov. S.N. Shil') 358

REVIEWS

Nikolay I. Nikolaev. Tarnished life of a philosopher 385

Alexander G. Mets. Mandelstam encyclopedia 392

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-8-45
УДК 821.161.1

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг.*

Е.Р. Обатнина

Аннотация: В статье на основе обширного архивного материала восстанавливается бытовой и историко-литературный контекст творческой биографии А.М. Ремизова, связанный с отъездом писателя и его жены из России (август 1921 г.) и двумя годами, проведенными Ремизовыми в «русском» Берлине. Биографическая канва позволяет восполнить временные и историко-литературные лакуны, образовавшиеся в письмах Ремизова к жене, которые составили основное содержание рукописи «На вечерней заре». Статья является этапом в подготовке научной творческой биографии Ремизова, которая будет сопровождать полную публикацию рукописи «На вечерней заре».

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярная литература, письма писателя, архивные материалы.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: lena.eo@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035)

В рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре», представляющей собой эпистолярный континуум совместной жизни писателя и его жены С.П. Ремизовой-Довгелло, экспозиция к главе, посвященной 1921 году, занимает всего пять строк, которые герметично вмещают, пожалуй, один из самых драматических сюжетов их судьбы, связанных с началом эмиграции: «1921 / 10–22.VIII / Карантин / Нарва (38–39 эшелон) / 1921 Berlin».

А.А. Ахматовой из редких петроградских встреч с Ремизовым в 1919–1921 гг. запомнилось его шутливое присловье: «Я не в осужденье зверю говорю»[1], которое, очевидно, в иронической форме отражало позицию писателя, отказавшегося от оценочных суждений по поводу наступившей советской эпохи. Действительно, летопись 1917–1921 гг., составившая содержание романа Ремизова «Взвихрённая Русь» (1927), повествовала о человеке, бессильном перед необратимостью революционного шквала.

Еще в 1919 г. началась история неоднократных прошений писателя в Совет Народных Комиссаров о выезде за границу с обращениями за поддержкой к писательской и партийной номенклатуре – М. Горькому, В.А. Карпинскому, С. А. Абрамову, А.Г. Глебову, В.Р. Менжинскому, Г.В. Чичерину, А.В. Луначарскому. Через год безрезультатных попыток он, в состоянии полного отчаяния, в письме В.А. Карпинскому от 20 апреля 1920 г. просил: «[…] помогите мне: поговорите с кем это надо! – отпустить меня и жену мою (С.П. Ремизову-Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы. Из последних сил хожу и все делаю. Измаяно сердце, ноги, дых и мысли»[2]. Восстановить реальную жизненную ситуацию, в которой оказался Ремизов вместе с другими литераторами, подававшими прошение на выезд из страны, позволяют документы ЦК РКП(б). Их содержание раскрывает планомерную легитимацию деспотических механизмов воздействия на такую идеологически неустойчивую категорию граждан, как представители культуры буржуазной формации. В секретном донесении [sic!] начальника Иностранного отдела ВЧК Л. Давыдова в ЦК РКП(б) от 28 июня 1921 г. был сформулирован базовый тезис в отношении попыток творческой интеллигенции выйти из-под контроля новой власти, добиваясь права на эмиграцию: «[…] Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них,

[1] См.: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 647.

[2] *Грачева А.М.* Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 601.

как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями – ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства. Если только у ЦК РКП нет особых соображений, чтобы считать того или иного литератора за границей более желательным, чем в Советской России – ВЧК со своей стороны не видит оснований к тому, чтобы в ближайшем будущем разрешить им выезд. Во всяком случае, мы считали бы желательным разрешение подобных вопросов передавать в Оргбюро»[3].

В это время атмосфера петроградской жизни для интеллигенции становилась все удушливей, летом день ото дня росло число арестованных[4]. Положение Ремизова было небезопасным: на его счету были сатиры на большевиков, публиковавшиеся в 1917 г. на страницах эсеровской печати [5]. Но в то же время, как это ни курьезно, помощь Ремизову приходила именно со стороны большевиков, сохранявших толерантность к писателю, отчасти благодаря разнообразным личным встречам дореволюционной поры. Помощь этих старых знакомых носила всегда «экстренный характер». Первый прецедент большевистского покровительства случился в феврале 1919 г., когда Ремизов оказался в числе арестованных писателей по подозрению в контрреволюционном заговоре[6]. Другой случай имел место летом 1920 г.

В конце июня Ремизовым удалось перебраться с Васильевского острова на Троицкую, 4. Здесь новая власть выделила жилье для номенклатурных работников и некоторого числа представителей творческой интеллигенции, назвав этот, по-видимому, один из первых

[3] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 21.

[4] Ср. дневник Ремизова за 1921 г., отрывочные записи сновидений без указания месяца, свидетельствующие о крайней степени нервного напряжения писателя: «Сидим в моей комнате я, С. П. и Сергей. Ночь. С улицы вызывают из каждого дома и расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. Чей-то голос вызывает: – Год – 69. И я выхожу через окно…» (*Ремизов А.* Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А.М. Грачевой и Е.Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А.М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 16. М.; СПб., 1994. С. 500. См. также описание обстановки лета 1921 г. на основании дневников А. Бенуа: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. № 4. S. 57.

[5] См. об этом: *Lampl H.* Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of “Prostaja gazeta” // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 245–259 (UCLA Slavic Studies; Vol. 16); *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205–215; *Обатнина Е.* А. Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна…» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 142–153. Публикацию памфлета Ремизова см. также: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 534–535.

[6] Об аресте Ремизова вместе с другими писателями в ночь с 14 на 15 февраля 1919 г. см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 208–221; 582–583 (коммент. А.В. Лаврова).

«ведомственных» домов в духе футуристических проектов – «Первый отель Петросовета». После всех мук – разрухи домохозяйства[7], отмены движения городского транспорта, пеших походов на службу и по очередям в поисках продовольствия, – что пришлось претерпеть в доме на 14 линии Васильевского острова, где Ремизовы, по выражению писателя, «гнездились» зимой 1919/1920 г., жизнь в этом советском «общежитии», расположенном вблизи от места службы в ТЕО Наркомпроса, показалась баснословно комфортной[8]. Идея организации «Отеля Петросовета» принадлежала Борису Гитмановичу Каплуну, влиятельному члену коллегии отдела управления Петроградского совета, по своим эстетическим наклонностям тесно связанному с писателями из «бывших», в особенности с Ремизовым. Часто наведываясь к нему на Васильевский, новый большевистский управленец не мог не видеть страданий писателя, пытавшегося выжить физически и угасавшего творчески. Возможно, учреждение Отеля было задумано с целью не только поднять бытовой статус свежеиспеченной советской номенклатуры, но и позаботиться о тех, кто оказался выброшен из планов строительства новой жизни. Хотя вполне очевиден утилитарный характер этой заботы в качестве средства привлечения на сторону новой власти значимых представителей интеллигенции, нельзя не признать, что старые дружеские контакты и уважение к творческому труду некоторое время после Октябрьского переворота оставались важнее идеологических разногласий. Ремизов, несомненно, испытывал чувство благодарности к гуманитарной деятельности М. Горького, хозяйственной помощи

[7] Обстоятельства этих невыносимых условий быта описаны Ремизовым в рассказе «Труддезертир» (впервые: Современные записки. 1925. Кн. 26. С. 161–183; включен в роман «Взвихрённая Русь», 1927).

[8] Очевидно, аналогичное впечатление испытал и писатель Вяч. Шишков, который со своей первой женой занял соседнюю с Ремизовыми квартиру. Ср. воспоминания, написанные в 1945–1946 гг. первой женой Шишкова, о новом местожительстве в Петрограде, которое она ошибочно называла «Домом Советов»: «К концу двадцатого года мы оба [К.М. Жихарева и В.Я. Шишков. – *Е.О.*] пришли в такой упадок, не столько от голода, сколько от общего неустройства жизни, что А.М. Горький переселил нас в Дом Советов, где уже жил А.М. Ремизов. Нам дали две прекрасных больших комнаты, температура там была всегда не ниже 12 градусов по Реомюру, до места службы (с угла Троицкой улицы) мне было меньше пяти минут ходу, Вячеславу Яковлевичу до его комиссии [подразумевается Театральный отдел при Наркомпросе – *Е.О.*] тоже было гораздо ближе, а самое главное свет был круглые сутки» (*Жихарева К.М.* Десять лет // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. С. 112). Ср. также письмо Г.Д. Гребенщикова А.Ф. Даманской от 6 августа 1921 г., в котором сообщались новости из Петрограда: «24 июля я получил ответ от Шишковых. Они кланяются Вам и пишут, что с некоторых пор “блаженствуют” – живут в 1-м Отеле Петросовета, Троицкая 7 [sic! – Е.О.], кв. 4, и я не знаю – как мне определить степень их красноты, если они блаженствуют» (*Росов В.А.* Георгий Гребенщиков: Письма из Ля Фавьера // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 4. Барнаул, 2008. С. 180).

Б. Каплуна и стародавней поддержке большевички С. Н. Равич (знакомой еще по северной ссылке, которая в силу своей влиятельности среди первых членов ЦК также способствовала улучшению бытовых условий творческой интеллигенции), когда записал в дневнике: «Как мы переехали на Троицкую в Отель, я мог писать»[9].

Нежданно-негаданно обретенное состояние творческого подъема продлилось недолго и вновь оказалось под гнетом внешних угроз. Вскоре обнаружилось, что и в среду литераторов проникла идея классового расслоения. Представители пролетарской культуры весьма ревностно следили за распределением «благ» по заслугам перед революцией. Ремизов же, очевидно, считался скрытым врагом, и дорога в социалистический рай ему была заказана[10]. «...что было толчком к заграницe? – размышлял писатель уже в Берлине, стараясь проанализировать стремительные и необратимые события лета 1921 г., и вспомнил бессильное отчаянье, пережитое его измученной душой перед вестью, принесенной, по всей вероятности, Борисом Каплуном: – Предупреждение Б., что нас выгонят из Отеля. Если бы этого не произошло – мы бы не уехали, по крайней мере так скоро»[11].

Отдельные представители интеллигенции, вошедшие в правительство, также не могли еще порвать свои стародавние связи, напоминавшие о молодости, в которой уживались и порывы революционного романтизма, и модернистские литературные искания. Таким был А.В. Луначарский, познакомившийся с Ремизовым в вологодской ссылке (1901–1903)[12]. В начале века их пути еще несколько раз пересекались на символистских «просцениумах» Петербурга, в частности, на «башне» у Вяч. Иванова[13]. Отклик наркома на реми-

[9] *Ремизов А.* Дневник 1917–1921… С. 513.

[10] Ср. статью В. Князева, написанную сразу после исчезновения Ремизова из Петрограда (*В-Кн.* [*В.В. Князев*] Литературные новости // Красная газета. 1921. № 186 (1062), 10 сент. С. 4), пафос которой был направлен на писателей, составлявших оппозицию флангу пролеткульта. Ремизов, побег которого стал общеизвестен, обвинялся в неблагодарном отношении к советской власти, обеспечившей его квартирой, при этом Князев, потрафляя пролетарской ненависти к творческой интеллигенции, не поскупился на гиперболы, описывая уровень советских привилегий в «Отеле Петросовета», выделенных на такую бесполезную для советского строя душу населения, как Ремизов. Прочитав эту статью, эсер С. П. Постников, находившийся в это время в Силезии, писал Ремизову, иронизируя над авторским вымыслом: «А хорошо Вам жилось в Питере – и лошадь, и горничная, и роскошь и все, все из земных благ» (Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 1. F. 1. P. 97. Далее: Amherst, с указанием шифра).

[11] *Ремизов А.* Дневник 1917–1921… С. 513.

[12] См. упоминания о нем в автобиографической книге «Иверень». См. также: *Кохно И.П.* Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследство. Т. 82. М., 1970. С. 603–619.

[13] Факт участия Луначарского в дискуссии, произошедшей на Башне Вяч. Иванова в начале февраля 1906 г., зафиксирован в письмах Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. За-

зовскую просьбу поддержать его прошение о выезде за границу был, несомненно, данью собственному литературному прошлому[14]. Думается, не будет преувеличением сказать, что помощь Ремизову потребовала от Луначарского очевидного должностного нарушения. В начале июня Ремизов получил разрешающий выезд документ, который был составлен и подписан лично наркомом просвещения, лишь на том основании, что ревельское издательство «Библиофил» планировало выпустить сборники «Шумы города» и «Огненная Россия». Удостоверение Луначарского имело следующую формулировку:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим удостоверяю, что народный Комиссар по Просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т.к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния.

Нарком по Просвещению А. Луначарский[15].

Это решение не было согласовано ни с членами ЦК РКП(б), ни с «Оргкомитетом», в ведение которого передавались подобные вопросы. По-видимому, слабую попытку узаконить уже выданное Ремизову «Удостоверение» Луначарский предпринял в письме в наркоминдел Чичерину чуть больше месяца спустя. Однако в этой докладной записке речь шла уже главным образом о спасении умирающего Блока, поэтому упоминание о прошении Ремизова осталось незамеченным в ситуации крайне негативного отношения руководителей советского государства не только к эмиграции, но даже к кратковременным выездам литераторов за границу[16].

Впоследствии Ремизов и сам выдавал из своего Обезвелволпала подобные пропускные билеты «на право вольного и безвизного въезда и выезда куда угодно – в какие страны или в какие города

мятниной (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М., 2009. С. 165).

[14] Партийная переписка отражает критику излишней толерантности Луначарского по отношению к писателям (Бальмонту, Белому, Блоку, Бунину, Ремизову, Сологубу), за которых он ходатайствовал по вопросу о выезде за границу (Власть и художественная интеллигенция… С. 22, 24).

[15] Там же. С. 602.

[16] 8 июля 1921 г. нарком Луначарский писал в наркомотдел Чичерину: «Общее положение писателей в России чрезвычайно тяжелое. Вам, вероятно, известно дело об отпуске за границу Сологуба и просьбы о том же Ремизова и Белого; но особенно трагично повернулось дело с Александром Блоком…» (Там же. С. 22).

безразлично»[17]. Но в начале августа 1921 г. на пути из России ему выпала не игровая (безграничная в полном смысле слова) свобода Обезвелволпала и отнюдь не забота Политбюро о литераторе, включенном в списки «товарищей, лечащихся за границей», как, например, Горькому[18], а досталось нечто вроде «охранной грамоты», полученной «по старой дружбе» от Луначарского, который взял на себя личную ответственность и риск пойти в обход ЦК РКП(б). Писатель наверняка понимал, что, не получив официального разрешения политбюро, которое выдавалось не одним членом ЦК, а после коллегиального обсуждения и голосования[19], его отъезд, даже санкционированный лично наркомом по Просвещению, мог иметь самые непредвиденные последствия как для него самого, так и для его влиятельного покровителя. Поэтому он стремился заручиться более весомыми документами и обратился к Горькому, который также был подключен к решению проблемы. В письме от 8 июня 1921 г. Ремизов сообщил о получении разрешения на выезд, подписанного Луначарским, и отправил оригинал этого документа с просьбой: «приложите к анкете нашей заграничной». «Охранная грамота» и поныне находится в личном архиве Горького[20]. Это означает, что эмиграция Ремизова состоялась стихийно и «удостоверение» Луначарского осталось без применения.

Итак, «охранная грамота» Луначарского была направлена Горькому, и в ожидании официального пакета документов Ремизов находился до начала августа, пока не возникла экстренная ситуация, подтолкнувшая писателя к весьма отчаянному и даже авантюрному поступку – использовать прикрытие представителя издательства «Библиофил» А. Орга для выезда из России в эшелоне с депортируемыми из Петрограда эстонцами. А. Орг обладал дипломатическим статусом и официально отвечал за организацию отъезда оптантов на родину, в Эстонию. Формирование эшелона и безотлагательный отъезд из Петрограда самого Орга решил судьбу Ремизовых[21]. Массовый исход граждан Эстонии из Советской России по договоренности между двумя странами не предполагал подробной паспортной

[17] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 134; а также воспроизведение «пропускного билета» Н.Л. Слонимского (разд. «Коллекция»).

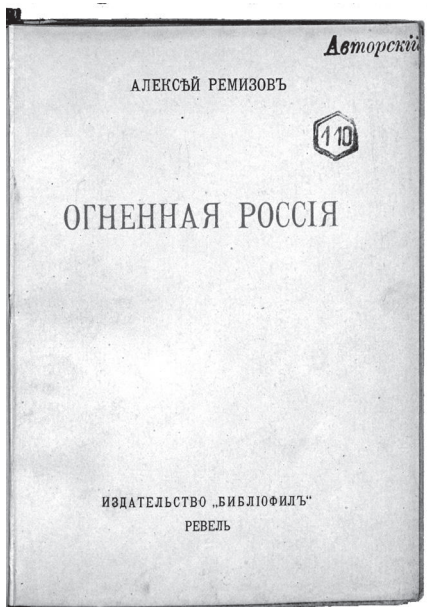
[18] См. постановление Политбюро от 31 декабря 1921 г. (Власть и художественная интеллигенция… С. 30).

[19] Ср. документы, в которых решалась судьба А.А. Блока (Там же. С. 29).

[20] См. публикацию письма и текста «удостоверения»: *Грачева А.М.* Между Святой Русью и Советской Россией… С. 602.

[21] Фактическая подоплека отъезда Ремизовых и решающая роль А.Г. Орга в этой истории впервые раскрыты в статье: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию… S. 42–74.

проверки. Необходимые документы, подтверждающие эстонские «корни», очевидно, ограничивались «беженским билетом», которым Ремизовых снабдил Орг[22].

5 августа 1921 г. в 4 часа дня супруги Ремизовы сели в товарный поезд под номером 38–39 на Варшавском вокзале. Из багажа при них было лишь самое необходимое, поместившееся в ручной клади. И хотя, готовясь к отъезду, они загодя предприняли попытки добыть денег на первое время в предстоящей эмиграции, события развивались быстрее, чем можно было предусмотреть. «Всю квартиру бросили на произвол судьбы, – как впоследствии вспоминала жена писателя, – книги продали за 4 миллиона (это 6 тысяч германских марок), но не получили денег[23], п[отому] ч[то] за три часа узнали, что надо ехать…»[24] В 3 часа ночи поезд тронулся. Забывшись тяжелым сном, пассажиры закрытого наглухо вагона только в 6 часов утра поняли, что поезд давно стоит: оказалось – прибыли на соседний Балтийский вокзал. Можно лишь отдаленно представить сомнения в совершённом выбо-

[22] Ремизовы приготовили на всякий случай легенду о некоем эстонском родстве Серафимы Павловны, в действительности имевшей литовские корни. В книге Н.В. Резниковой со слов писателя, записанных, очевидно, в конце 1940-х гг., упоминалась «зацепка», на основании которой Ремизовы могли подойти под статус «оптантов», однако документальное подтверждение каких-либо родственных связей в Эстонии у них навряд ли имелось (см.: *Резникова Н.В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 61).

[23] Книги были проданы издательству «Петрополис». Подробнее о длительной истории возмещения Ремизову денег см. в примечаниях к письму от 20 июня 1922 г. (наст. публ.). Подготовкой книг к продаже занимался В.В. Смиренский, который в письме сотруднику Пушкинского Дома В.И. Малышеву писал: «…эту библиотеку, по просьбе А.М. [Ремизова. – *Е.О.*], каталогизировал (в те дни я был заведующим 4 библиотеками: Артиллеристской Академии, Военно-инженерной Академии, Союза писателей (на Фонтанке) и Дома Литераторов (на Карповке). Но – принимал, по молодости лет, и частные заказы […] Так я сделал описание книг и Ремизова, и он по этому списку (как он мне сказал) эту библиотеку – продал» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1133. Л. 7об.; письмо от 16 октября 1974 г.).

[24] Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной; письмо от 10 декабря 1921 г. (в печати).

ре, которые роились в голове писателя тем утром[25]. Только в 11 часов 6-го августа эшелон выдвинулся в сторону Ямбурга, где после установления советско-эстонской границы в апреле 1920 г. был учрежден пункт № 1 таможенного надзора. Здесь оптантов ожидал обыск на предмет вывоза «национального достояния». Именно этой процедуры Ремизов опасался больше всего, зная запрет на перевоз за границу личных писем и рукописей, поэтому, решаясь на «побег», все ценное (рукописи, дневники и письма В.В. Розанова, приготовленные для издания будущей книги) он доверил для транспортировки выехавшему из Петрограда одновременно с ним А.Г. Оргу, полагаясь на его дипломатическую неприкосновенность. 9 августа поезд отправился в Нарву. После сдачи советских паспортов, перейдя мост, которому по заключенному между Эстонской и Советской республиками договору теперь надлежало разъединять, а не соединять два берега, Ремизовы оказались в «чистилище» для переселенцев. «После бани карантин», – коротко записал Ремизов в 10 часов вечера 10 августа.

Оптанты, натерпевшиеся в России от голода и житейской неустроенности, измученные переездом в «скотском» – «телячьем», как его описывал Ремизов, – вагоне[26], радовались стерильности и благоустройству подготовленных для них бараков[27]. Возможно, даже предоставленный им досуг показался благом. Этот интервал межвременья между метрополией и диаспорой Ремизов не мог принять за «свободу». Об атмосфере нарвского карантина, впечатления от которой врезались в память, Ремизов записал в дневнике 1940-х гг.: «Это как после пожара в глазах огонь – такое я увидел в карантине в Нарве, куда попали мы из России в августе 1921 г. Особенно мне памятны танцы: молчаливо-кружащиеся пары. Мне казалось, что прожитые годы в Революцию забили рты на клей: какое жуткое

[25] Ср. запись поздних воспоминаний Ремизова: «В ночь перед отъездом, 5-го августа: “как не хотелось уезжать. Всю ночь продумал: не хотелось. Но потом как оборвало, а у С.П. открылось на границе: ей так не хотелось расставаться”. Целый день в Петербурге ушел на переезд с одного вокзала на другой, на формальности и на обыск» (*Резникова Н.В.* Огненная память… С. 61).

[26] Ср. инскрипт Ремизова на альбоме «Последний путь из России» с его рисунками, посвященными пути в Нарву: «Наш путь заграницу / 5 VIII 1921 / в скотском вагоне и карантин в Нарве / на чужой земле из / взвихрённой Руси и навсегда» (РО ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 1. № 44. Л. 2).

[27] Ср. также упоминание о сходных обстоятельствах перемещения оптантов из России в Эстонию. Мемуаристка, проделавшая путь из Москвы в Нарву в январе 1922 г., сравнивая впечатления о московском голоде и разрухе, писала: «Потрясающим контрастом со всем этим развалом была Эстония. Наш эшелон, состоявший из набитых оптантами товарных вагонов, прибыл в Нарву в 2 часа ночи. Нас повели в баню, одежду отправили в прожарку, вещи – в дезинфекцию. Под утро мы попали в чистейшее помещение карантина с аккуратно застеленными кроватями. Поразил меня утренний завтрак!» (*Милютина Т.П.* Люди моей жизни / Предисл. С. Г. Исакова. Тарту, 1997. С. 38).

молчание с невыбивающимися словами из-под. И тоже особенно памятно: звероподобный начальник с лицом расплющенным масляным, – он танцевал всякий вечер. Остановившийся огонь в глазах и разочарование: карантин на две недели – каторга! Те же самые порядки, от которых, думалось, наконец-то, избавился. Тягчайшее воспоминание»[28].

Эшелонные испытания на пути из России и карантинная изоляция в Нарве тем не менее были скрашены для Ремизовых новым знакомством, вызвавшим в них чувство почти родительского тепла к одному из попутчиков. Леониду Иллисону, уроженцу Эстонии, шел тогда 21 год. И он, сам того не зная, в эти тягчайшие дни отвлек супругов от горьких раздумий о судьбе их дочери Наташи. В 1917 г. Ремизовы в последний раз смогли выбраться в Берестовец. Наташа уже в это время стала строптивым подростком. Со всей силой природного характера, немало повторяющего темперамент Серафимы Павловны в умении категорически отвергать и осуждать, она наотрез отказалась от предложения родителей вместе выехать за границу. Настроенная родственниками Серафимы Павловны враждебно, девочка вела себя по-детски жестоко, наивно оберегая семейный очаг, созданный ее бабушкой и теткой (матерью и сестрой Серафимы Павловны). Отца она попросту избегала, стесняясь его внешности и презирая его литературный труд. Отзвук темы эмиграции прочитывается в короткой дневниковой записи писателя: «Вчера слышал, как Наташа говорила о “политике” всякую путаницу и про Амигрантов»[29]. Так и простились, не зная, когда снова увидятся. Судя по сохранившимся письмам Ремизову, Иллисон душевно привязался к нему и его жене, испытывая огромный пиетет к личности писателя и вместе с тем сохраняя детскую непосредственность. Может, оттого и прозвали они его сказочным именем – Волк Волкович[30].

Через 11 дней, проведенных в карантинных бараках[31], вечером 22 августа путь в Ревель был открыт. Однако череда испытаний росла в геометрической прогрессии, удваиваясь с каждым шагом по «свободной» земле. Предстояло пережить сразу два несчастья, и оба связанные с А.Г. Оргом. Во-первых, их «провожатый» за границу рассказал, что в Ямбурге во время таможенного обыска он был, по сути, лишен полномочий эстонского дипломата, а его багаж с пристрастием досмотрен. Чекисты обнаружили рукописи, дневники

[28] *Ремизов А.М.* Дневник 1917–1921 гг… С. 539 (коммент. А.М. Грачевой).
[29] Там же. С. 439.
[30] Amherst. Series 1. B. 1. F. 7. P. 148.
[31] См. подневную роспись этого карантинного заключения: *Ремизов А.М.* Дневник 1917–1921 гг… С. 501.

и письма, запрещенные к вывозу, а также «контрабандные ценности», которые затем в советской прессе оценивались в 10 миллиардов рублей[32]. Пропажа рукописей практически обессмысливала для Ремизова весь путь из России[33]. Во-вторых, не менее жестокий удар судьбы поджидал их на пороге того временного приюта, на который они рассчитывали, очевидно, доверяя обещаниям того же Орга. Утром 23 августа в Ревеле он отвез Ремизовых по заранее известному адресу на улицу Глиняную, как запомнил писатель перевод эстонского названия, – viru Tänan, 4–2. Их встретил М.Л. Кантор – редактор и «технический директор» издательства «Библиофил», уже занимавший комнаты в этой квартире. Гостям предложили отдых и ароматный кофе, однако гостеприимство было омрачено врученным здесь же посланием от неизвестного подателя. Ремизов вскрыл конверт и прочел:

Господину А. Ремизову
М. Г.

К крайнему сожалению, я вынужден объявить вам, что о занятии Вами комнаты вышло досадное недоразумение.

Владельцы квартиры Г-да Гуткины не были в том осведомлены и согласия на занятие Вами комнат не изъявляли. Так как означенная комната нужна им для собственного пользования. Ввиду приезда с дачи.

С совершенным почтением пребываю
А. Зайдельсон

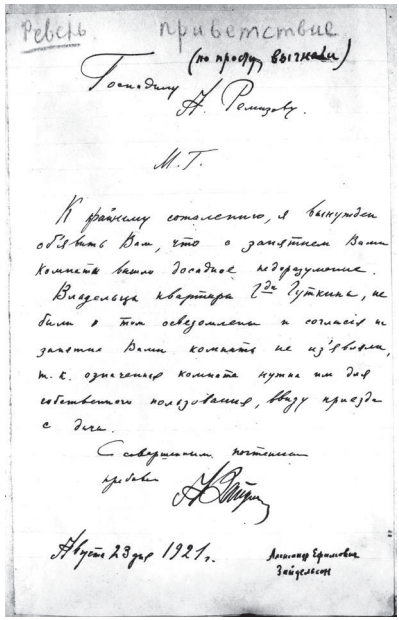
Августа 23 дня 1921 г.

Разбирая свой архив в 1948 г., Ремизов на первой странице альбома с корреспонденцией и документами, отражающими временное пребывание в Эстонии, поместил письмо А.Е. Зайдельсона, на котором, по всей вероятности, еще в конце августа 1921 г. появилась чернильная надпись: «*Попросту выгнали*», а некоторое время спустя – надпись красным карандашом с ироническим пояснением к началу эмигрантской «одиссеи»: «*Ревель. Приветствие*»[34]. Между тем адрес именно этой квартиры в Ревеле Ремизов заранее сообщил

[32] Заметка «Грандиозная спекуляция» с пометой «Москва. 28. 1 (“Аргус”)» сохранена Ремизовым в конволюте писем за 1921 г.; печатный источник эмигрантской прессы нами не установлен (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 3).

[33] Историю возвращения Ремизову его рукописей см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. С. 528 (коммент. А.М. Грачевой); *Обатнина Е.* Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е. Обатнина. СПб., 2011. С. 250–253 (сер. Литературные пвмятники).

[34] Ср. дневниковую запись: «23 VIII. Утро. Приехали. Сидим в комнате и ждем: пустят ли нас или [1 сл. нрзб.]» (*Ремизов А.М.* Дневник 1917–1921 гг… С. 521)

Ревель. Приветствие
(по пропуску выгнали)
Господину А. Ремизову.
М.Г.
К крайнему сожалению, я вынужден
объявить Вам, что о занятии Вами
комнаты нашим Господом не будет речи.
Видимая квартира 12-ю Гуськами, не
были в тех осведомлены и согласия на
занятие Вами комнаты не изъявили,
т.е. означенную комнату нужно им для
постоянного пользования, ввиду приезда
с дочерью.
С совершенным почтением
уважающий
Августа 23 дня 1921 г. Александр Ефимович Зайдельсон

берлинским друзьям, надеясь на их помощь в оформлении германской визы.

В воспоминаниях М.Л. Кантора, написанных в 1960 г. на основании дневниковых записей 1921 г., так и оставшихся неопубликованными при жизни автора[35], приводится нелицеприятный отзыв о Ремизове как о человеке капризном, не готовом к жизненным перипетиям в эмиграции, к тому же обремененном чрезмерным писательским самомнением. Оставив за рамками дневника эпизод с письмом Зайдельсона, о вручении которого мемуарист, без сомнения, знал, Кантор вспомнил, как после долгих и безрезультатных поисков жилья, предлагаемого «библиофильцами», Ремизов, оставшись недовольным всеми вариантами, произнес шокирующую фразу, апеллирующую к советским властям: «Нет, я вижу, что оставаться нам здесь нельзя. Что же, придется мне пойти в советское посольство, объяснить, что нас обманом вывезли из Сов. России, и попросить, чтобы нас вернули домой»[36]. Высказывание Ремизова даже дало основание Кантору считать, будто Ремизов, обиженный на Орга, несколько недель спустя сумел подстроить появление в печати обвинений издателя в скупке рукописей у петроградских писателей на унизительных условиях[37].

Сохранившееся письмо Зайдельсона придает принципиально иное содержание ремизовскому положению в первый его день в свободной Эстонии. После испытаний, пережитых в советском Петрограде, авантюры с побегом, в ситуации загнанного в угол человека, оказавшегося без крова над головой и без рукописей новых произведений, на издание которых писатель надеялся в самое ближайшее время как на источник существования в новых условиях, нелегко сохранить самообладание и даже от отчаяния не понадеяться на очередную помощь того самого «зверя», которого, по словам Ахма-

[35] Публикацию воспоминаний М.Л. Кантора см.: Флейшман Л. Бегство в Эстонию… S. 43–49.
[36] *Ibid*. S. 46
[37] *Ibid*. S. 62.

товой, не осуждал писатель и в самые для него лично черные дни победы большевиков[38]. Ремизовское упование на помощь от товарищей по вологодской ссылке, оказавшихся на руководящих постах новой власти, все-таки было неискоренимым, тем более что и потом именно партийные руководители по старой памяти, сохраняя к нему личную симпатию, содействовали возвращению личного архива писателя, конфискованного у А. Орга при пересечении им границы. Сказанные Ремизовым слова, возможно, и отразили «помутнение» его сознания, в то время как конкретные поступки писателя в отношении Орга свидетельствовали о довольно трезвом взгляде писателя на положение вещей. Сравнивая объективные (документальные) и субъективные факторы, отметим, что мемуарист извлек из глубин памяти впечатления о минутных слабостях писателя, однако не упомянул о том, что именно Ремизов опубликовал «Письмо в редакцию» ревельской газеты, где опроверг измышления о «махинациях» Орга. Личная оценка деятельности представителя издательства «Библиофил», которую высказал писатель, на самом деле лишь подтверждала реальную картину петроградской катастрофы, вынуждавшей его и других собратьев по перу практически обменивать свое творчество на скудный продовольственный паек. Однако гонорары Орга послужили чуть ли не единственным средством к выживанию, за что ему нельзя было не воздать должное. В своем печатном обращении Ремизов написал:

> Прошу напечатать разъяснение мое о «Библиофиле», о котором написано в Päevaleht 236 от 6 IX – Spekulatsioon naljaga. – Нет, конечно, за книгу мою «Шумы города» дает мне «Библиофил» не 5.000 м., а 5.000 м. за лист. А о петербургской истории «Библиофила» – как «Библиофил» рукописи собирал, позвольте тоже поправить. В июне А.Г. Орг предложил мне за мою книгу ½ мил. сов. руб. за лист. Полмиллиона за лист – это гонорар, превышающий всякие гонорары: и советский Госизд. в 30.000 р. за лист, и наш союзный Петербургского отделения Всероссийского союза писателей в 2.000 р. за лист. Я принял предложение Орга с благодарностью. Я помню, получив авансом лимон (1 миллион руб.) – вот этакую кипу – полный портфель! – купили мы сахару (1 ф. – 30.000 р.), масла (1 ф. – около 30.000 р.), баранок (1 б. – 1. 500 р.) и такой вечер справили, ну, как в старое время где-нибудь в Москве дружная се-

[38] См., в частности, антибольшевистский памфлет Ремизова «Вонючая торжествующая обезьяна…», поводом для создания которого (1 января 1918 г.) стал декрет о национализации авторских прав. Однако в реальности Ремизов создал обобщенный портрет революционера.

мья воров на Хитровке. Пили чай с сахаром, с баранками, поминали добрым словом Орга[39].

Возможно, принимая во внимание несоразмерность гонорара за рукописи в сравнении с реальными ценами и сложившимися обстоятельствами, издательство «Библиофил» взамен обещанной комнаты в квартире Гуткина оплатило писателю и его супруге проживание в санатории с 23 августа по 18 сентября. За это короткое время наладились контакты со многими «потерянными» в годы гражданской войны друзьями. Одним из них был И.С. Соколов-Микитов, обосновавшийся в Берлине. Разыскав ревельский адрес писателя благодаря сообщениям в газетах, 31 августа он приветствовал, по его выражению, «выходцев с того света», с которыми виделся в последний раз в Петрограде в 1919 г.: «Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна! Слышу о Вашем спасении и верить боюсь, как неожиданно»[40]. Привет единомышленника, с которым писали в «Простой газете» (Петроград) иногда даже под одним псевдонимом, пытаясь поддержать оппозиционны силы, противостоящие большевистскому террору в 1917 г.[41], конечно, был воспринят как обещание теплого приема в кругу соотечественников. Среди знакомых Ремизова в Берлине уже стало известно, что писатель стоит перед дилеммой выбора между двумя центрами русского мира в эмиграции – Парижем[42] или Берлином. Предупреждая о парижской дороговизне и малочисленности русских издательств на французском книжном рынке, Соколов-Микитов обещал: «Буду хлопотать через местный комитет помощи литераторам о визе для Вас в Германию и о деньгах на дорогу»[43]. В это время главный редактор берлинского журнала «Русская книга», приятель Соколова-Микитова, один из первых «невозвращенцев» в советскую Россию, А.С. Ященко развернул бурную деятельность, чтобы найти основания для открытия германской

[39] Ремизовское «Письмо в редакцию» было напечатано в эстонской газете “Päevaleht” (1921. № 238, 8 sept. Lk. 5), а также в русскоязычной ревельской газете «Последние известия» (1921. № 219, 9 сент. С. 4). В контекст биографии писателя это печатное выступление было введено в статье: *Доценко С. Н.* А.М. Ремизов в Эстонии: Начало эмиграции // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: Альм. Таллин, 1996. Т. 2. С. 189–190.

[40] Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 21; письмо от 31 августа 1921 г.

[41] См. примеч. 6.

[42] Обращение Ремизова к парижским деятелям русской эмиграции с просьбой о поддержке в получении французской визы подтверждается ответным письмом С. Н. Метальникова, предлагавшего писателю вполне конкретные шаги, в частности, отправить телеграмму через консульство Франции в Ревеле в Министерство Иностранных дел с прошением о визе и ссылкой на поручителей – французских славистов, в частности А. Мазона (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 45–46).

[43] Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 19.

визы для Ремизовых. Среди посланных Ремизову уже 3 сентября бумаг были и официальное письмо от Христианского союза молодежи с предложением фиктивного места службы в Берлине, и письмо к знакомому служащему немецкого посольства в Ревеле с просьбой «устроить» немецкую визу. Очевидно, все эти совместные усилия возымели действие, так что уже в следующем письме, полученном 27 сентября от Соколова-Микитова, пришло долгожданное известие: «Виза Вам выхлопотана»[44].

Из прессы берлинским друзьям также стало известно о сотрудничестве писателя с издательством «Библиофил». Оказалось, что репутация Гуткина и Орга в Берлине получила самые негативные отклики. «Бога ради, – предупреждал Соколов-Микитов, – не продавайте ничего издателям ревельским – обжулят непременно, и остерегайтесь большевистского издательства Лундберга[45], о котором, слышно, ведутся переговоры» [46].

В России отношения Ремизова с упомянутым Евгением Германовичем Лундбергом внешне носили дружественный характер, но после публикации ремизовского «Слова о погибели русской земли» (1917) претерпели идеологические корректировки[47]. В Германии литератор жил с 1919 г. и вскоре стал руководителем берлинского отделения издательства «Скифы». Именно издательская деятельность за границей оказалась в центре громкого скандала, обнаружившего его просоветские убеждения. Основным инициатором разоблачения Лундберга как «советского чиновника» тогда выступил соредактор газеты «Руль» и глава издательства «Слово» И.В. Гессен[48]. Вся эта история сказалась на содержании первого письма Лундберга, которым он 12 сентября отвечал Ремизову на просьбу помочь ему получить визу. Хотя проблема визы к этому времени уже была разрешена, тем не менее текст послания Лундберга не мог не открыть Ремизову глаза на реалии эмигрантского мира, в котором писателю предстояло найти свой модус отношения к политике и литературе.

---

[44] Там же.

[45] Подразумевался организованный Лундбергом «Гостехиздат».

[46] Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 19.

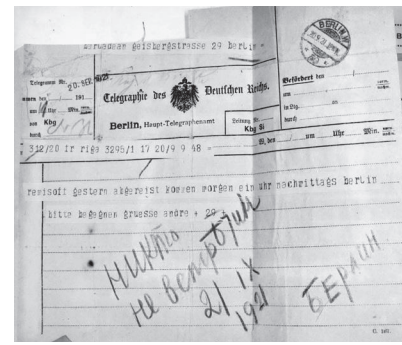
[47] Подробнее см.: Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314–367.

[48] Подробнее см.: *Обатнина Е.* 1) Е. Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб., 2003. С. 271–276; 2) История одной сожженной книги // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М., 2006. С. 158–168.

Соответственно своим представлениям о политической прагматике Лундберг писал:

> Дорогой Алексей Михайлович,
>
> О вас начал хлопотать – но надо иметь терпение, все это сейчас не так легко […] не обращайтесь с просьбою о визе без разбора ко всем – и здесь, как в России, прошла черта между левыми и правыми. Участие в издат[ельстве] Гессена («Слово») или его газетах испортит Вам ценные возможности[49].

В Ревеле, пока Ремизовы ожидали германской визы, у них завязались дружеские отношения с кругом журналистов прибалтийской периодической печати, особенно с сотрудником газеты «Русские ведомости» Л.И. Львовым и его женой. Отчасти стараниями этих людей в эстонской столице был организован вечер чтения писателя[50].

Telegraphie des Deutschen Reichs.
Berlin, Haupt-Telegraphenamt
Remisoff gestern abgereist kommen morgen ein uhr nachmittags Berlin
Никто не встретил 21 IX 1921 Берлин

В издательстве «Библиофил» шла верстка книг «Шумы города» и «Огненная Россия»[51]. Однако, не дожидаясь их печати в типографии, 19 сентября Ремизовы выехали через Ригу в Берлин. Некто Andre отправил из Риги на имя неизвестного Ремизовым Алексея Барладеана[52] телеграмму с сообщением о прибытии супругов 21 сентября утренним поездом и просьбой встретить. Телеграмма сохранилась в архиве писателя. На ней рукой Серафимы Павловны памятная запись красным карандашом: «*Никто не встретил*». Вскоре состоится

[49] Предупреждения Лундберга были тщетны: Ремизов направил Гессену просьбу о содействии в получении германской визы в двадцатых числах августа. 30 августа письмо дошло до адресата, который тотчас ответил обещанием помочь и приглашением печататься в газете «Руль», а вскоре даже отправил писателю денежный перевод, о чем свидетельствует ремизовская помета на том же письме: «вспомоществ[ование] 1. 000 м[арок]» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 42–43).

[50] Подробнее см.: *Доценко С. Н.* А. М. Ремизов в Эстонии… С. 190.

[51] Авторские экземпляры книг «Шумы города» и «Огненная Россия», изданных ревельским издательством «Библиофил», Ремизов получил от Кантора 28 октября. Ср. письмо С. П. Постникова Ремизову, отправленное из Чехии от 19 октября: «Здесь только что вышли “Шумы города” и “Огн[енная] Россия” – издатели говорят, что выпущено в [количестве?] 5000 экз. “Огн[енная] Россия” издано неважно» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 95).

[52] В Берлине профессиональный революционер Барладеан рекомендовался следующей визитной карточкой: Dr. Alexis Barladean. Spezialkorrespondent der “Wolja Rossii” für Kriegsgefangenen-, Internierten- und Flüchlingsangelegenheiten = Специальный корреспондент «Воли России» по делам военнопленных, интернированных и беженцев (нем). Экземпляр сохранился в архиве Ремизова (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 50).

и личное знакомство со специальным корреспондентом газеты «Воля России». Именно в этом, эсеровском по политическому направлению эмигрантском издании, вскоре изменившем формат выпуска на еженедельник (с января 1922 г.), в сентябрьских и октябрьских номерах 1921 г. появились первые публикации художественных произведений писателя в эмиграции – рассказы из петроградской жизни 1919–1921 гг., частично вошедшие в книгу «Шумы города» (Ревель, 1921) и позднее в роман «Взвихрённая Русь».

Без малого месяц, переезжая из пансиона в пансион (всего пять адресов), Ремизовы искали квартиру, пока 15 октября не поселились в районе Шарлоттенбург, облюбованном русскими, на улице Церковной – Kirchestrasse, 2. Пансион фрау Делион пользовался спросом среди прибывавших из России. Для Ремизова эти постояльцы были людьми, с которыми его связывали тесные либо случайные знакомства: руководитель берлинского отделения издательства «Эпоха» Соломон Каплун, латышские скульпторы-авангардисты Карл Залитис и Арнольд Дзиркалис, литераторы Андрей Белый и Борис Пильняк.

Собственно, адаптация Ремизова в среде берлинской литературной эмиграции произошла благодаря поддержке и сотрудничеству с редакцией журнала «Русская книга». Уже в сентябрьском номере, по традиции, заведенной А. С. Ященко, в разделе «Писатели», освещавшем со времени основания журнала (январь 1921 г.) «судьбу и работы русских писателей, ученых и журналистов», появился curriculum vitae Ремизова с 1918 г., который завершался констатацией:

> 5 VIII по беженскому билету уехал из России за границу, чтобы, «прикоснувшись к старым камням Европы»[53], набраться силы и вернуться назад в Россию, – русскому писателю без русской стихии жить невозможно[54].

Очевидно, публикацию в эмигрантском журнале Ремизов использовал как «открытое письмо», потому что здесь же он счел необходимым обозначить свою позицию как по отношению к Европе, так и к той корневой системе русской культуры, отделиться от которой он не мог и помыслить. Несколько позднее мысль об учительной роли Европы для «взвихрённой» России Ремизов повторил в авто-

[53] Аллюзия на слова Ивана Карамазова: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними...» (*Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 210).

[54] Русская книга. 1921. № 9, сент. С. 29–30 (Отд. IV. Писатели).

биографии, написанной по заказу редактора московского журнала «Россия» И. Лежнева. Текст был опубликован в февральском номере и содержал смысловые акценты, обозначенные авторским курсивом:

> В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, выпущен был временно уехать из России. Пользуясь гостеприимством Германии, поселился я в Шарлоттенбурге на Церковной улице у львов (Charlottenburg, Kirchstr, 2, bei Delion), продолжаю начатые в России работы – голова успокоилась, – и учусь у великой германской культуры, давшей столько миру, и особенно России в науке, в искусстве, в примере труда и в бережении культуры[55].

С одной стороны, в объявленной личной программе просматриваются отголоски еще недавних противоречий с революционерами «духа» – скифами[56], вопреки которым Европа (в частности, Германия) воспринималась Ремизовым вовсе не как угасающий, ветхий антипод молодости будущей России, а как универсум накопленных веками непреходящих ценностей, способных воспитать и цивилизовать стихию, которая бушевала теперь в его стране, грозя вырваться, как из ящика Пандоры, и обрушиться на Европу. С другой стороны, – Ремизов по-прежнему не мог представить себя вне России и не отказывался от строк своей поэмы «Огневица» («я – кость от кости, плоть от плоти матери нашей бесчастной Руси»[57]). Это психологическое состояние было не столько ностальгическим, обусловленным тоской по прошлому, сколько экзистенциальным, связанным с чувством потери внутренних оснований личной жизни. Как он напишет много лет спустя, оценивая свое положение за границей: «В России у меня был вызов – всё принять; судьба ли меня согнет или я ее измором возьму. А тут была одна оборона…»[58]

---

[55] Россия. 1923. № 6, февр. С. 25–26.

[56] Об идеологии литературной группы «Скифы» и их политических ориентациях см.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. Об отношении Ремизова к идее «скифства» см.: *Мануэльян Э.* «Слово о погибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева. СПб., 1994. С. 81–88; *Грачева А.М.* Скифство в интерпретации Алексея Ремизова (мистерия «Соломон и Китоврас») // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сб. ст. по материалам конференции (Царское Село, 16–17 марта 1996 г.) / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1996. С. 89–95; *Обатнина Е.* «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А.М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 484–495.

[57] Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 157.

[58] *Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 322.

Ремизова-Довгелло по поводу возвращенческих настроений мужа объяснялась в письме, адресованном из Берлина З.Н. Гиппиус, с которой ее связывали давние дружеские отношения[59]: «От этой фразы А[лексей] М[ихайлович] и не отказывается, он действительно думает, что не надо покидать России. Я теперь тоже так думаю, что надо в России жить; когда я была там, я думала иначе, но здесь я вижу, что там жизнь имеет во сто раз больше смысла, чем здесь. Я понимаю, напр[имер], с[оциалистов]-р[еволюционеров], они что-то свое партийное здесь делают, понимаю смысл их существования. Но нам, здесь ничего не делающим такого, чтобы одно могло оправдывать уезд оттуда. Я прямо говорю, что я жалею о том, что мы уехали. […] здесь остается бесправное (мы, как иностранцы, не имеем права даже квартиры иметь, живем у хозяйки, вышли уже из того возраста, когда можно терпеть хозяйку) бесправное [sic!], скудное, бедное, бессмысленное существование. А там существование имеет смысл. Мы хотим вернуться в Россию, пользуясь тем, что уехали как беженцы под своей фамилией. Не знаю, когда еще это будет, но вернуться мы решили»[60]. В своем «объяснении» Серафима Павловна бытовым языком пересказывала мысль Ремизова об ощущении утраты почвы, которое тяжело переживалось писателем. В очерке «Из огненной России (Памяти Блока)» он писал: «я теперь узнал за границей, что для русского писателя тут, пожалуй, еще тяжче, и писать невозможно, а просто нечего: ведь только в России и совершается что-то, а тут – для русского-то пустыня. Уйти временно в пустыню, конечно, для человека полезно, в молчании собрать мысли – ведь нигде, как в пустыне, зрение и чувства остры. – Гоголь уходил в римскую пустыню для “Мертвых душ”»[61].

Гиппиус едва ли была способна сочувствовать такой позиции. Ее ответное письмо содержит совершенно непреклонный взгляд на историческую реальность и мнение большинства из ее эмигрантского окружения в Париже:

> Скажу вам: невозможность работать для России, т[о] е[сть] для падения б[ольшеви]ков, так, как хотелось бы, во всю меру сил, – это здесь самое тяжелое. Такое тяжелое, что прямо выпивает жизнь. Но когда я спрашиваю себя, что́ могла я, и могла бы ли теперь, делать

[59] См. подробнее: *Обатнина Е.* Подруги: один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 2014. С. 251–262.

[60] Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941); п. от 18 февраля 1922 г. (в печати).

[61] Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. М., 2002. С. 7.

> в этом смысле в России – я должна по разуму ответить себе, что ничего не могла бы. Разница лишь в том, что лучше погибать со всеми, чем погибать здесь одиноко, – вот и всё. Я не чувствую за собой права раскаиваться, что уехала. Иначе это было бы так: «ах, я думала, мне там будет лучше; вижу, что мне здесь не лучше; ах, не надо было уезжать!» Нет, когда я с *большевицкой* Россией порывала – то знала, что это навсегда. Не на две стороны гадала: если б[ольшеви]ки скоро свалятся – тем лучше; будут сидеть годы – вернусь к ним, окрепшим. Я такие вещи один раз решаю, и там уж будь что будет… – Всё это говорю, не думая о вас, моя родная: во-первых, потому, что ваше дело совсем иное, а во-вторых, потому, что мне все-таки кажется, что в *большевицкую* Россию вы не вернетесь, не придется. […] Конечно, попроси мы прощения, нас бы простили. Но даже писать это мне противно. И сколько бы я здесь ни жила – каждым случаем буду пользоваться, чтобы пойти против них…[62]

Последнее убеждение даже такого трезвого аналитика, как Гиппиус, в том, что вставшая у власти в Советах интеллигенция предпочтет интеллектуальную ценность контрреволюционеров их политическим «ошибкам», является дополнительным свидетельством иллюзорности представлений эмигрантской элиты о реалиях советской идеологии и в некотором смысле сближается с ремизовской надеждой на благородство «зверя». Возможно, такой самообман Гиппиус был следствием искаженных представлений, поскольку тягчайшие для творческой интеллигенции 1919–1921 гг. были известны только по письмам, а строительство новой идеологии осуществлялось многими, с кем общее оппозиционное отношение к существующему строю в России до Октябрьского переворота было лишено окраски классовой непримиримости. Так или иначе, письмо Гиппиус добавляет еще один обертон в диссонансное звучание голосов русской эмиграции, среди которых мнение о Ремизове было примерно таким, как высказала поэтесса в письме Серафиме Павловне от 1 февраля 1922 г.: «…Ал[ексей] Мих[айлович] – дитя, и я тоже верю, что он в душе не может с “ними” никогда примириться; […] В конце концов – большевицкие передержки известны, и не так всё важно, но у меня сердце всё же болит, и чувствую горечь, что А[лексей] М[ихайлович] допустил их воспользоваться собою, они им, между прочим, тоже орудуют в свою маленькую выгоду»[63].

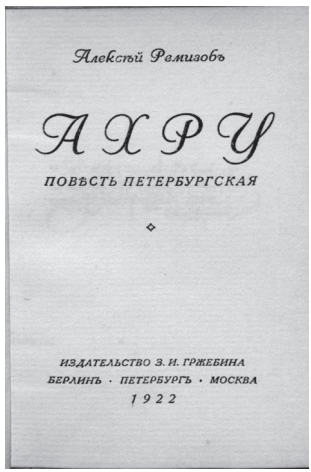
Ремизов в дискуссию с Гиппиус не вступал, предпочитая общаться с теми, кто не требовал от него политической присяги.

[62] Письма З.Н. Гиппиус С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941); п. от 9 марта 1922 г. (в печати). Подчеркивания в тексте принадлежат Гиппиус.

[63] Там же.

Очевидно, не ответил он и на реакцию Д.В. Философова, который в конце декабря приветствовал Ремизова из Варшавы[64], но после выхода книги «Ахру. Память петербургская» не удержался от достаточно резкого суждения, подчеркивая свое категорическое отрицание ремизовского патриотизма. Озаглавив свою рецензию «Обезьяний язык», Философов констатировал: «К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплеванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе А. А[хматову][65], о которой с такой любовью вспоминает Ремизов»[66]. Старые друзья перестали понимать друг друга. Оказавшись в эмиграции по внешне сходным мотивам, они пришли к 1922 г. с разным опытом жизни первых пореволюционных лет[67].

Одна из первых ремизовских книг, вышедших в свет в берлинской эмиграции, – «огненная» книга «Ахрý» хранила еще не остывшую память о недавнем прошлом, уходящей литературе («К звездам»), живые, не утратившие своего эмоционального накала свидетельства о зарождении новой творческой энергии («Крюк»), наконец, утопическую мечту о возможном человеческом братстве («Обезвелволпал», «Манифест»). Развивая вполне конкретные сюжеты, Ремизов создал метафорический образ России начала 1920-х гг. Над реальным планом повествования возникло метаисторическое пространство сверхсмысла, вбирающее даты, лица, поступки, события как частные проявления одного всеобъемлющего значения, в котором заключена сущность явлений бытия в целом. Пожалуй, именно в «Ахру» впервые так явно объективировалось новое, мифологическое направление творчества Ремизова. Совсем небольшая по объему книжка положила начало огромному

Алексѣй Ремизовъ

АХРУ

ПОВѢСТЬ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ · ПЕТЕРБУРГЪ · МОСКВА
1922

[64] См.: Переписка А.М. Ремизова и Д.В. Философова / Вступ. статья, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 419–421.

[65] Подразумевается метафора из книги «Ахру» (очерк «Крюк»): «А.А. Ахматова, вербная ветка» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. М., 2002. С. 23).

[66] *Ф*[*илософов Д.В.*] Обезьяний язык // За Свободу! 1922. № 269, 1 окт. С. 2.

[67] Философов пересек российскую границу вместе с Мережковскими 14 декабря 1919 г. в надежде собрать на приграничных территориях Польши военные силы для свержения большевистской власти.

мифу о времени и о себе, которым стало всё последующее творчество писателя. В книжке, названной обезьяньим магическим словом «Ахру» (огонь), Ремизов предъявил как диаспоре, так и метрополии три опоры мировосприятия, оправдывающие его собственное существование: память о единомышленниках (очерк «К звездам», написанный на смерть Блока), надежда на новое поколение писателей (рассказ «Крюк») и идея братства вне политики (глава «Альберн» с манифестом Обезвелволпала).

З.И. Гржебин, приняв рукопись этой книги к производству в только что учрежденном в Берлине издательстве, обращался к Ремизову 18 февраля, не скрывая удивления от текста и под впечатлением от небывалой энергичности автора:

> Дорогой Алексей Михайлович,
>
> Скажите, что означает «АХРУ»?
>
> У меня, конечно, имеются издания, в которых я ничего не понимаю, например, Астрономия Иванова, состоящая целиком из каких-[то] непонятных формул, но всё это книги – вне литературы.
>
> Другой вопрос, который меня занимает, это размеры книги. На мой взгляд, там и листа не будет. Конечно, могут быть и такие книги, даже меньше, но неужели это Вас удовлетворяет?
>
> Третий вопрос – обложки. Я хорошо понимаю, что белый цвет может казаться темным, вернее, слишком спокойным, вялым. Я могу Вам закатить такую оранжевую или зеленую обложку, под общий тон книжки – «память Петербургская»? И уже совсем не понятно: белый цвет вас раздражает, а набор на обложке, даже мастерский набор Вас устраивает. Одно из двух – либо крик, а Вы, по-видимому, хотите даже отчаянный крик, яркость, либо тишина, спокойствие – «память петербургская» (как это чувствую я).
>
> Дальше. Вы знаете, что я всегда с удовольствием издаю Ваши сочинения, даже когда они не могут рассчитывать на огромный сбор; теперь же в условиях эмиграции, когда все тоскуют по русской книге, ваши книги должны вызвать большой интерес. Конечно, я с удовольствием принимаю ваше предложение – и если хотите, издам *моментально*. Вы сколько часов хотите, чтобы я издал вашу книгу? Если дадите ее мне до 4-х ч[асов] дня в воскресенье, в течение недели выпущу. Но так нельзя: хотите *своеобразно* издать книжку и думаете этого достигнуть письменными указаниями, сделанными наспех (по почерку, столь небрежному для вас, видна спешность!) Хотите я зайду к Вам или Вы м[ожет] б[ыть] зайдете ко мне в 4 ч[аса] вместе с материалом. […]
>
> Ваш З. Гржебин[68]

[68] Amherst. Series 1. B. 1. F. 2. Pp. 10–11.

Для писателя «Ахру» стало первым книжным изданием, вышедшим в эмиграции. Экземпляр, адресованный С. П. Ремизовой-Довгелло, он надписал проникновенными словами: «А эта книга, как комок огненный, это первая память о России, это первые наши дни здесь покинутые, безучастные, никогда так черство не относились к нам, как здесь нас встретили, я теперь это понимаю хорошо. И я не знаю, за что это было. И вот это – в этой книге – тут мало, но много от дум первых за Россией»[69].

Внутреннее самоощущение бесперспективности личной жизни в эмиграции, которое не покидало Ремизова, не имело каких-либо депрессивных внешних проявлений. В течение первых полутора лет пребывания в Берлине (с осени 1921 по конец 1922 г.) Ремизов стал ключевой фигурой практически всех основных литературных и общественных событий, составивших ситуативный континуум русской диаспоры. Он и Серафима Павловна вошли в Совет берлинского Дома искусств (организационное собрание состоялось 29 ноября), при этом Ремизов был избран на руководящую должность «товарища председателя» – Н.М. Минского. Более того, Ремизов становится редактором собственного раздела в печатном органе новой русской институции – «Бюллетенях берлинского Дома искусств»[70]. Не остался писатель в стороне и от учрежденного 5 декабря берлинского отделения «Вольной Философской Ассоциации», вместе с Серафимой Павловной он был членом Совета Вольфилы.

ДОМЪ ИСКУССТВЪ

Берлинъ, 1922

БИЛЕТЪ № 34

дѣйствительнаго члена

Заведующая Александра Михайловна Ремизова

Председатель Совѣта:

Секретарь:

Вместе с тем именно на почве деятельности этих «дублеров» петроградских институций с необычайным размахом расцвел талант Ремизова как хроникера симулякров русской жизни, разворачивающейся в пределах берлинской диаспоры[71]. Апофеозом ремизовской летописи псевдодеятельности русской диаспоры стала серия анонимных заметок о заседаниях мифического общества Цворфизон,

[69] Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 23.

[70] *Beyer T.R.* Бюллетени Дома Искусств (Берлин) // Rossica. 1997. № 1. С. 97–103.

[71] Подробнее см.: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski. Stanford, 1999. Vol. 20. P. 145–176.

пародирующего работу берлинской Вольной философской ассоциации[72]. Притом если рассматривать эти ремизовские «проказы»[73] как неотъемлемую часть творчества берлинского периода, то нельзя не заметить, что именно они демонстрируют резкий спад той патетической амплитуды, которая еще недавно отражала накал сильнейших переживаний, связанных с другим континуумом – реалиями подлинной русской жизни 1917–1921 гг. Энергией этого творческого подъема, вызванного октябрьским переворотом, были наполнены и первые произведения, написанные в Берлине. К ним прежде всего относятся два очерка из книги «Ахру»: воспоминания Ремизова об Александре Блоке «К звездам», этот шедевр мистической прозы, и очерк «Крюк. Память петербургская»[74], пронизанный надеждами на становление нового поколения литераторов. Практически одновременно с этими произведениями были написаны анонимные заметки, освещающие события берлинской жизни и контрастирующие с русской темой именно своей искусственностью и даже комичностью. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов проблему гонораров, позволявших писателю худо-бедно обустроиться на пустом месте, в чужой стране, оказавшись практически без средств к существованию. Однако очевидно, что в берлинском локусе для Ремизова происходит изменение масштаба событий.

Характерно и то, что писатель не примкнул ни к одному из эмигрантских политических, равно как и литературных движений. Остался он вне сменовеховства[75], не примкнул и к радикально настроенным борцам с большевизмом. В силу этой «вненаходимости» он оказался под подозрением в каждом из противоборствующих лагерей. Если отношение к Ремизову в кругу З.Н. Гиппиус нами раскрыто на примере писем поэтессы к жене писателя, то эволюцию взаимоотношений с основателями журнала «Сполохи» и литературного объединения «Веретено» мы можем проследить отчасти благодаря ремизовским упоминаниям о встречах с ними в письмах, а также по отражениям на страницах журнала «Сполохи» и «Веретеныш». А. Дроздов и Г. Алексеев (автор первого литературного портрета Ремизова в Берлине) претендовали на некое третье – противоположное радикальной и в то же время отличное от позиции,

[72] См. авторскую подборку печатных заметок под заглавием «Цвофирзон» в составе книги «Мерлог»: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 14: Звезда надзвездная. СПб., 2018. С. 226–233; см. также: *Обатнина Е.Р., Белоус В.Г.* Берлинская Вольфила (1921–1922): Хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141–155.

[73] *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций… С. 167.

[74] Впервые: Новая русская книга.1922. № 1. С. 6–10.

[75] См. коммент. к ситуации с А. Толстым, п. от 21 мая 1922 г. – с. 56, 76 наст. публ. (примеч. 69, 70).

декларируемой сменовеховской газетой «Накануне», – самостоятельное направление, утверждая в своих печатных изданиях единый литературный континуум для эмиграции и советской России. Такова была идея «содружества», получившего название «Веретено», на участие в литературно-художественных мероприятиях которого Ремизов согласился в мае 1922 г., в одну из первых встреч с организаторами. Однако его статус в содружестве с мая по ноябрь 1922 г. изменился кардинальным образом – от активного участника до «гостя», что, скорее всего, было связано с дистанцированием писателя от деятельности «Веретена», произошедшим вследствие протеста некоторых членов (А. Амфитеатрова, И. Бунина, И. Лукаша, В. Набокова) против участия в объединении А. Толстого как выразителя сменовеховской идеологии. Очевидно, Ремизов предпочел независимую позицию, вне группировок и организаций. Так, в «Хронике “Веретена”», опубликованной в первом и втором номерах сатирического журнала «Веретеныш», творческая деятельность писателя еще прямо соотносилась с деятельностью содружества. Здесь даже стали появляться не соответствовавшие реальности оповещения о поездках и творческой деятельности писателя, например: «А.М. Ремизов уехал из Берлина в деревню. Работает над новым рассказом для “Веретена”»[76], или: «Писатели Алексей Ремизов и Глеб Алексеев уезжают в ближайшее время в Прагу и Ужгород, где выступят с чтением своих произведений»[77]. Однако уже в третьем номере журнала в заметке «Вечера “Веретено”» сообщалось, что на предстоящих вечерах 12 и 28 ноября, «помимо писателей, *входящих в содружество* […], выступят *в качестве гостей* [курсив мой. – *Е.О.*] писатели Вл. Лидин и Ал. Ремизов». Кроме того, в том же третьем номере «Веретеныша» появились публикации, задевающие творческое кредо и внешний облик писателя. В одной из них высмеивалась стилистика и словотворчество Ремизова наряду с Андреем Белым и Б. Пильняком, и все эти писатели были зачислены автором в разряд «нечитаемых»[78]. Другая статья, под названием «Внезапности. Опыт моментальной фотографии без натуры», представляла собой монтаж шаржей Вл. Белкина и характеристик, данных автором, подписавшимся *Зеленый*. Здесь Ремизов, изображенный в прямом сходстве с обезьяной, был представлен в иронически жалком образе: «Человека и не видать, а только пыль мохнатенькая и паутина. И в паутине мышонок – но что-то возится и пискает. Однако же у мышки круглая

[76] Веретеныш. 1922. № 1. С. 16
[77] Там же.
[78] *Бухов Арк*. Экзамен по русскому языку // Веретеныш. 1922. № 3. С. 7

плешка на макушке видна, и круглые очки как у старенького книгожы, торгующего антикварным товаром под башней Сухаревой»[79]. Эта комическая рефлексия образа Ремизова до известной степени показывала, что организаторы «Веретена» не смогли найти в нем опору для продвижения своих политических взглядов. Ремизов держал устойчивый политический нейтралитет, отстаивая лишь право на сохранение этических и моральных ценностей во взаимоотношениях с эмигрантским кругом. На страницах «Русской книги», переименованной в «Новую русскую книгу» в наступившем 1922 г., впервые получает печатную легитимацию мифология уже известного в литературных кругах ремизовского литературного фантома «Обезьянья Великая и Вольная палата». Почетные звания и титулы кавалеров Обезвелволпала вскоре становятся привычной атрибутикой ремизовских текстов, посвященных литературной жизни как в России, так и в Берлине. Ремизовская игра настолько вошла в обиход частной жизни, что Ященко подписывал свои личные письма, адресованные писателю, не иначе как «Кавалер обезьяньего знака 1 ст[епени]»[80].

Между тем ситуация на книжном рынке для Ремизова складывалась весьма благоприятно. В течение первого года эмиграции он выпустил 16 книг, включая напечатанную на тканом свитке сказку «Горе злосчастное» в оформлении художника А. Смирнова. Публикации отдельных произведений писателя появлялись в толстых журналах и литературно-художественных альманахах русского зарубежья, таких как «Эпоха» (Берлин), «Сполохи», «Современные записки» (Париж), «Воля России» (Прага). Другое дело, что этот коммерческий, как можно было бы предположить, успех не поспевал за растущей инфляцией, и материальное положение Ремизовых оставалось неустойчивым. Писатель изо всех сил старался использовать временное, как ему хотелось думать, пребывание за границей для поправления здоровья Серафимы Павловны, направляя практически все свободные средства на курортные лечебницы для нее.

По-прежнему, как и в дореволюционный период, германские издательства планировали выпуск книг писателя на немецком языке. Снова в его окружении появляются уже знакомые по 1910-м гг.

[79] *Зеленый*. Внезапности. Опыт моментальной фотографии без натуры // Там же. С. 15.

[80] В частности, таким образом подписана была присланная Ремизову «памятка» с перечнем ожидаемых публикаций в журнале, в том числе Письма в защиту Гржебина и статей о Н. Гумилеве и С. Городецком (Amherst. Series 1. B 1. F. 1. P. 75). См. также публикацию писем Ремизова к Ященко (1921–1923): *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском инте. Paris, [1983]. С. 165–175.

имена переводчиков Ф. Фриш и Й. Шапиро, Г. Ган[81], дружеская поддержка которых оказывается немаловажной в новых условиях.

В 1922 г. Ремизов продолжает работать над главами «Временника», начатого публикациями в журнале «Народоправство» в 1917 г., с которым, кстати, тогда же сотрудничал А.С. Ященко. Пережитое в революционном Петрограде вызвало у писателя чувство сопричастности общей судьбе, которая буквально не отпускала его. Еще в «Ахру» он вспоминал слова Блока: «В таком гнете невозможно писать»[82]. Единственный путь к сохранению морального права на творчество он видел в том, чтобы подняться над человеческим страхом перед стихией и принять ее неотвратимость. Миссия летописца, сопричастного своему времени, созревала в сознании писателя: «Ведь, чтобы сказать что-то, написать, надо со всем железом духа и сердца принять этот “гнет” – Россию, такую Россию, какая она есть сейчас всю до кости, русскую жизнь, метущуюся из комнаты в комнату, от дверей к дверям, от ворот до ворот, с улицы на улицу, русскую жизнь со всем дубоножием, шкурой, потрохом, орлом и матом, Россию с великим желанным сердцем и безусловной свободной простотой, Россию – ее единственную огневую жажду воли»[83]. В письме историку литературы и библиографу В.Н. Тукалевскому от 16 февраля 1922 г. Ремизов описал мотивы своей, как ему думалось, эмигрантской передышки и свое положение в эмигрантском мире:

> Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, если бы не беда: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся – света не видел. Или погибать, или временно уехать
>
> – Понемногу оправляюсь,
>
> а как укреплюсь, назад в Россию. Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться и поучиться – есть чему поучиться,
>
> и написать – четыре года смотрел, жил стотысячной жизнью, и конечно, оторвавшись, легче видеть
>
> яснее вижу
>
> мало тут я видел чего, жалко – такое чувство
>
> это я про русских
>
> а что успел увидеть
>
> а так мы отдельно – душой к России
>
> за эмигранта не считаю себя[84].

[81] О немецких переводчиках Ремизова в эмиграции см.: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Stanford 2014. Part I. Pp. 325–338 (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

[82] Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 7.

[83] Там же. С. 15.

[84] ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. № 697. Л. 14. Сохранены особенности авторской графики.

Приступы глубокого одиночества среди русских эмигрантов, переживаемые Ремизовым, были до такой степени острыми, что даже прорывались в коротких пометах, которые писатель сохранил в своих альбомах. 13 апреля, в Великий Четверг он записал: «13 IV в untergrund'е встреча с счастливейшим человеком. В суб[боту] 15-го едет в Россию»[85]. Таких было немало. В окружении Ремизовых оказались литераторы, занесенные в эмиграцию совершенно разными путями и искавшие «обратной» дороги. Таким был и Соколов-Микитов, и художник Пинегин, и поэты-«парижане» Парнах и Талов, и писатели, близкие сменовеховству – А. Толстой, А. Дроздов и Г. Алексеев. Все они в течение 1922–1923 гг. вернулись в Россию. Насколько их решение было инспирировано влиянием сменовеховской пропаганды, мы не беремся судить, поскольку в своем большинстве эти представители русской литературы имели разного свойства романтические иллюзии о новой России. В частности, поэт-«парнасец» Марк-Людвик Талов оказался во Франции в канун Первой мировой войны и, вкусив все прелести богемной жизни, рвался вернуться на родину, очевидно, надеясь найти творческую реализацию и достойное поэта и переводчика место в новом обществе. Личное знакомство Талова с Ремизовым предварялось небольшой перепиской. Первое письмо, которое поэт направил в Берлин из Парижа 14 февраля 1922 г., раскрывало основной мотив поиска контакта с писателем, недавно приехавшим из России:

> Позвольте же мне обратиться к Вам за помощью. Если Вы можете что-нибудь сделать для меня, добиться визы для меня, моей благодарности не будет предела. Я к Вам обращаюсь так просто, потому что я вас очень люблю. Боже мой, что мне делать? Я хочу, хочу в Россию. Хочу поехать к своей *Невесте*. Помогите, ради Бога, мне, извините, что так пишу[86].

В августе 1922 года мечта поэта сбылась: он вернулся в Москву при поддержке Ремизова, который помог поэту связаться с М. Горьким[87], а также с заведующим Петроградским отделением Госиздата И.И. Ионовым[88].

---

[85] Записка сохранена среди писем конволюта «1922. I–VII» (Amherst. Series 1. Series 1. B. 1. F. 5). Untergrund – берлинское метро.

[86] Amherst. Series 1. B. 1. F. 3. P. 191.

[87] См. письма Горького с ходатайством о возвращении Талова в Россию, адресованные в советское представительство в Берлине: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой; Предисл. Р. Герра. М., 2006. С. 64.

[88] Сохранилось письмо М.-Л. Талова И.И. Ионову от 12 июня 1922 г. (ИРЛИ. Р. I. Оп. 11. № 103).

В июле 1922 г. Ремизовы отправились в первую совместную поездку по Германии. Отдых и увлекательное путешествие по Верхней Баварии спланировала для них Фега Фриш, занимавшаяся не только переводами писателя на немецкий язык, но и его бытовой адаптацией в германской среде. Искренне заботясь о создании творческого комфорта для Ремизова, в письме от 5 июня она расписала все возможные затраты супругов и маршруты их радиальных поездок, пригласив погостить в своем домике, расположенном в деревне Breitbrunn на озере Ammersee (Breitbrunn am Ammersee): «…я бы предложила следующую комбинацию. Серафиме Павловне необходимо полечиться, Вы же в санаторию не хотите. Вам может хорошо понравиться на свежем воздухе, на молоке и яйцах и т.п. Поэтому я бы наняла для Серафимы Павловны в санатории комнату, а Вам предлагаю приехать к нам в Breitbrunn, это очень скромная деревушка на берегу большого прелестного озера. 1 ½ часа от Мюнхена[:] дешево, тихо и хорошо. Там же живут и мои приятели: Михаэль Бауэр и Маргарета Маргенштерн, есть, значит, и книги, и очень интересные люди. Потом мы бы вместе по окончании лечения Сер[афимы] Павловны поехали бы еще и в горы. […] Мы за Вами очень будем ухаживать, потолстеете, отдохнете, а главное, сумеете работать»[89]. Июльский вояж оставил в памяти Ремизовых самые яркие впечатления. По возвращении в Берлин Серафима Павловна упомянула об этом в кратком рассказе, адресованном З.Н. Гиппиус: «Мы на 3 недели уезжали в Баварию, там очень хорошо, горы, были в Oberbayern'е, там изумительно – люди очень религиозные и добрые, дольше нельзя было остаться, обратно ехали в 4-м классе, денег не хватило, а туда ехали 2-м»[90]. Для Ремизова поездка по Верхней Баварии открыла пути к творческому освоению немецкой мифологии. Отчасти проводником в эту заповедную область истории Германии для Ремизова стал Александр Самойлович Элиасберг, имя которого было хорошо известно писателю начиная со второй половины 1900-х годов по петербургским литературным связям. Их творческие отношения начались в 1917 г., когда благодаря переводчику в Веймаре вышел в свет сборник рассказов Ремизова на немецком языке. Путевой дневник этого лета вскоре будет вписан в сюжетную канву повести «По карнизам» (1929), работа над которой началась в 1924 г. Конечным пунктом путешествия Ремизовых по югу Германии стал Мюнхен, где с 31 июля по 2 августа они остановились в гостях у Элиасберга и его жены – художницы Зинаиды Николаевны Васильевой-Элиасберг, с этого времени став-

[89] Amherst. B. 1 F. 5.
[90] Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову… (в печати).

шей многолетней корреспонденткой Серафимы Павловны. Повесть «По карнизам» станет первым произведением Ремизова, в котором писатель отойдет от древнерусской мифологической почвы и обратится к западноевропейским источникам. Возможно, скорбным поводом к началу работы над книгой, освещенной памятью о баварском путешествии, стало известие о смерти переводчика, наступившей 27 июля 1924 г. – практически два года спустя после путешествия на гору Andechs в бенедиктинский монастырь, в стенах которого родилась легенда о «святой» мыши, пересказанная Ремизовым в повести «По карнизам»[91]. Не случайно в черновом варианте первой главы, в рассказе «О мышке», связывая личную мифологию с легендарными мотивами баварского локуса, Ремизов написал: «А вспомнил я о святой мышке и потому, что заговорил о своей – сторожила меня семь вечеров! – и еще потому, что на святую гору Андекс взбирался с нами А.С. Элиасберг и трудно ему было: больное сердце. И вот слышу, его уж нет на белом свете: больше сердце не выдержало грешной земли»[92].

Два года, проведенные Ремизовым в Германии (с 21 сентября 1921 г. до переезда в Париж 5 ноября 1923 г.), прошли в интенсивной переписке с литераторами, издателями, учеными, друзьями, оставшимися в России. За этот краткий срок писатель приобрел и новые знакомства с посещавшими Берлин представителями творческой интеллигенции Москвы и Петрограда[93]. До 1924 г. включительно Ремизов, несмотря на сложную систему взаимоотношений внутри русской диаспоры, был настроен на активное сотрудничество с советскими печатными органами («Красная Новь», «Россия») и с представителями частных или кооперативных издательств («Алконост», «Круг»). Несомненно, эпистолярные контакты писателя были весьма осторожными и определялись официальной установкой конкретных органов печати, ориентированных как на сотрудничество с писателями старой, дореволюционной формации, так и на поддержку и продвижение внепартийной талантливой молодежи[94].

Вместе с тем растущая инфляция безжалостно вытесняла из Берлина не только русские издательства, но и русских эмигрантов. Еще в декабре 1922 г. из-за незаконных валютных операций префектура

[91] Подробнее см. в нашем комментарии к повести «По карнизам» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 11: Зга. СПб., 2011. С. 756).

[92] РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 5.

[93] В частности, в Берлине Ремизов познакомился с А.Я Аросевым: в недавнем прошлом комиссар, он некоторое время состоял на дипломатической работе, а с 1922 г. наравне с А.К. Воронским возглавил журнал «Красная новь».

[94] Подробнее об этом в статье: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова (в печати).

Берлина приняла решение о тотальном выселении граждан иностранного происхождения. Ремизов в письме от 8 декабря жаловался С. Я. Осипову: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем, не можем найти. (Все гонятся за валютчиками)»[95]. В результате ходатайств Т. Манна и немецкого политического деятеля В. Хайне писателю удалось получить разрешение на проживание в Германии сроком до 31 декабря 1923 г.[96]

Литература

Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Интрада, 2009. 288 с.

«В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 218–265.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

Грачева А.М. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихрённая Русь. М.: Русская книга, 2000. С. 589–604.

Грачева А.М. Скифство в интерпретации Алексея Ремизова (мистерия «Соломон и Китоврас») // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сб. статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878–1946). Личность. Творчество. Роль в культуре» (Царское Село, 16–17 марта 1996 г.) / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб.: Глаголъ, 1996. С. 89–95.

Д'Амелия А. Неизданная книга «Мерлог»: время в изобразительном и словесном творчестве А.М. Ремизова // Alexej Remizov. Approaches to a Protean

[95] Цит. по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 253. История о том, как Ремизова «выслали из Берлина за "спекуляцию"» и о помощи в этом деле Т. Манна, запечатлена в романе «Мышкина дудочка», см.: *Ремизов А.М*. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 138–140.

[96] См.: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 112, 118 (п. от 8 апреля и 30 мая 1923 г.).

Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 141–166. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

Доценко С. Н. А.М. Ремизов в Эстонии: Начало эмиграции // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: Альм. Таллин: Авенариус, 1996. Т. 2. С. 171–194.

Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 314–367.

Жихарева К.М. Десять лет // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1987. С. 106–116.

Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский: Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 603–619.

Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. 328 с.

Мануэльян Э. «Слово о погибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 81–88.

Милютина Т.П. Люди моей жизни / Предисл. С. Г. Исакова. Тарту: Крипта, 1997. 415 с.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. № IV. P. 149–190.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1987. № VI. P. 237–310.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № IX. P. 443–498.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149–178.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 3. С. 142–184.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (окончание) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2016. № 2. С. 162–211.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста А.С. Урюпиной // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–94.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Русская литература. 2018. № 1. С. 163–209.

Обатнина Е. А.М. Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна…» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 142–153.

Обатнина Е. Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319. (сер. Лит. памятники).

Обатнина Е. Е. Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 271–276.

Обатнина Е. История одной сожженной книги // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 158–168.

Обатнина Е. «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А.М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 484–495.

Обатнина Е. Подруги: один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сб. в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 2014. С. 251–262.

Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Переписка А.М. Ремизова и Д.В. Философова / Вступ. статья, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 366–422.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского (продолжение) // Русская литература. 1993. № 3. С. 112–121.

Поляков Ф. Алексей Ремизов и переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Stanford, 2014. Part I. P. 325–338. (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А.М. Грачевой и Е.Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А.М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 407–549.

Ремизов А.М. Письма к А.С. Ященко // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 165–175.

Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма из Ля Фавьера // Алтайский текст в русской культуре. Материалы четвертой межрегиональной (с международным участием) научной конференции, 4–5 мая 2008 г. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. С. 169–185.

Субботин С. И. К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205–215.

Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto: Водолей Publishers, 2005. 784 с.

Флейшман Л. Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. Vol. 4. P. 42–75.

Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski. Stanford, 1999. Vol. 20. P. 145–176.

Beyer T.R. Бюллетени Дома Искусств (Берлин) // Rossica. 1997. № 1. С. 97–103.

Lampl H. Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of "Prostaja gazeta" // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 245–259. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

References

Beyer T.R. Biulleteni Doma Iskusstv (Berlin) [Art Center Bulletins (Berlin)]. *Rossica*, 1997, no. 1, pp. 97–103. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: documentary chronicles]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

D'Amelia A. Neizdannaia kniga «Merlog»: vremia v izobrazitel'nom i slovesnom tvorchestve A.M. Remizova [The unpublished book "Merlog": time in A.M. Remizov's graphic and literary works]. *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer,* ed. by G. Slobin. Columbus, [1987], pp. 141–166. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16). (In Russ.)

Dotsenko S.N. A.M. Remizov v Estonii: Nachalo emigratsii [A.M. Remizov in Estonia: The beginning of emigration]. *Baltiiskii arkhiv. Russkaia kul'tura v Pribaltike: Al'm.* [The Baltic Archive. Russian culture in the Baltics: Alm.]. Tallinn: Avenarius Publ., 1996. Vol. 2, pp. 171–194. (In Russ.)

E.G. Lundberg: I. Avtobiografiia (1913). II. Pis'ma k A.M. Remizovu (1910–1918) [E.G. Lundberg. I. Autobiography (1913). II. Letters to A.M. Remizov], intro., publ. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god* [с. 41, абзац 5 снизу, ст. 2 снизу, в пустых квадратных скобках должно быть: Pushkin House Manuscript Department Annual for 2000]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 314–367. (In Russ.)

Fleishman L. Begstvo v Estoniiu. Remizov i revel'skoe izdatel'stvo "Bibliofil" [Flight to Estonia. Remizov and Revel publishing house "Bibliofil"]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2016, vol. 4, pp. 42–75. (In Russ.)

Fleishman L. V krugu remizovskikh mistifikatsii: «Konklav» Sarkofagskogo [Among Remizov's mystifications: Sarcophagsky's "Conclave"]. *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, 1999, vol. 20, pp. 145–176. (In Russ.)

Gracheva A.M. Mezhdu Sviatoi Rus'iu i Sovetskoi Rossiei: Aleksei Remizov v epokhu vtoroi russkoi revoliutsii [Between Holy Russia and Soviet Russia: Alexei Remizov during the second Russian revolution period]. *Remizov A.M. Sobranie sochinenii. T. 5: Vzvikhrennaia Rus'* [Collected Works. Vol. 5: Russia Swirled Up]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000, pp. 589–604. (In Russ.)

Gracheva A.M. Skifstvo v interpretatsii Alekseia Remizova (misteriia «Solomon i Kitovras») [Scythianism in Alexei Remizov's interpretation ("Solomon and Kitovras" mystery play)]. *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture: Sb. statei*

po materialam konferentsii "Ivanov-Razumnik (1878–1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture" (Tsarskoe Selo, 16–17 marta 1996 g.) [Ivanov-Razumnik: Personality. Creative work. Role in culture. Collection of articles following the conference "Ivanov-Razumnik (1878–1946). Personality. Creative work. Role in culture" (Tsarskoe Selo, March 16–17, 1996)], ed.-comp. V.G. Belous. St. Petersburg, Glagol Publ., 1996, pp. 89–95. (In Russ.)

Kokhno I.P. Vologodskaia ssylka Lunacharskogo [Lunacharsky's Vologda exile]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 82: A.V. Lunacharskii: Neizdannye materialy* [Literary heritage. Vol. 82: A.V. Lunacharsky. Inedita]. Moscow, Nauka Publ, 1970, pp. 603–619. (In Russ.)

Lampl H. Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of "Prostaja gazeta". *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, ed. by G. Slobin. Columbus, [1987], pp. 245–259. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

Leont'ev Ia.V. *"Skify" russkoi revoliutsii: Partiia levykh eserov i ee literaturnye poputchiki* [The "Scythians" of the Russian revolution: The Party of Left Socialist-Revolutionaries and its literary companions]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2007. 328 p. (In Russ.)

Manuel'ian E. "Slovo o pogibeli russkoi zemli" A. Remizova i ideologiia skifstva R. Ivanova-Razumnika ["The Tale of destruction of the Russian land" by A. Remizov and R. Ivanov-Razumnik's ideology of the Scythianism]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Aleksey Remizov: Studies and Materials], publ. ed. A.M. Gracheva. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, pp. 81–88. (In Russ.)

Miliutina T.P. *Liudi moei zhizni* [People of my life], preface by S.G. Isakov. Tartu: Kripta Publ, 1997. 415 p. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1985, no. IV, pp. 149–190. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1987, no. VI, pp. 237–310. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1990, no. IX, pp. 443–498. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1907 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1907], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2014, no. 1, pp. 149–178. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1908 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1908], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2014, no. 3, pp. 142–184. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1909 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1909], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2015, no. 3, pp. 153–203. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1909 god (okonchanie) [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-

Dovgello: 1909 (conclusion)], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2016, no. 2, pp. 162–211. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1910 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1910], intro. and comment. by E.R. Obatnina; ed. by A.S. Uriupina. *Russkaia literatura,* 2017, no. 2, pp. 56–94. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1911 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1911], intro. and comment. by E.R. Obatnina; ed. by E.R. Obatnina and A.S. Uriupina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 1, pp. 163–209. (In Russ.)

Obatnina E. "Krylatyi" ili "Zemlianoi"? (K istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenii A.M. Remizova i «skifov») ["Winged" or "Earthy"? (On the history of creative relationships between A.M. Remizov and the "Scythians")]. *Na rubezhe dvukh stoletii: Sb. v chest' 60-letiia A.V. Lavrova* [On the cusp of two centuries: A collection in honor of A.V. Lavrov's 60th anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 484–495. (In Russ.)

Obatnina E. A.M. Remizov. «Voniuchaia torzhestvuiushchaia obez'iana…» [A.M. Remizov "A stinking triumphant monkey..."]. *Novoe literaturnoe obozrenie,* 1995, no. 11, pp. 142–153. (In Russ.)

Obatnina E. E. Lundberg versus I. Gessen: maloizvestnye podrobnosti nesostoiavshegosia treteiskogo suda [E. Lundberg versus I. Gessen: little-known details of the failed arbitration proceedings]. *Zarubezhnaia Rossiia*. 1917–1939. Sb. statei. Kn. 2 [Russia abroad. 1917–1939. Collection of articles. Part 2]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2003, pp. 271–276. (In Russ.)

Obatnina E. Istoriia odnoi sozhzhennoi knigi [The history of a burned book]. *Russkii Berlin*: *1920–1945: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Berlin: 1920–1945: International academic conference], comp. by. M.A. Vasilieva, L.S. Fleishman. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, pp. 158–168. (In Russ.)

Obatnina E. Podrugi: odin epizod iz istorii otnoshenii Z.N. Gippius i S.P. Remizovoi-Dovgello [Girlfriends: an episode from the history of relationships between Z.N. Gippius and S.P. Remizova-Dovgello]. *Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaia literatura XX–XXI vekov. Sb. v chest' professora Khaliny Vashkelevich* [From modernism to postmodernism. Russian literature of the XX–XXI centuries. A collection in honor of professor Halina Waszkielewicz], ed. by A. Skotnitskaia i Y. Svezhii. Kraków, 2014, pp. 251–262. (In Russ.)

Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Obatnina E. Variatsii pamiati (Tvorcheskaia istoriia "Kukkhi" i drugikh memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) [Variations of memory (Creative history of "Kukkha" and other Remizov's memorial records about Rozanov)]. *Remizov A.M. Kukkha. Rozanovy pis'ma* [Kukkha. Rozanov's letters], ed. by E. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)

Perepiska A.M. Remizova i D.V. Filosofova, Vstup. stat'ia [A.M. Remizov's correspondence with D.V. Filosofov], publ. i comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2002 god* [Pushkin House Manuscript

Department annual for 2002]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 366–422. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym (prodolzhenie) [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov (continuation)], intro., ed. and comment. by I.F. Danilova i A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, 1993, no. 3, pp. 112–121. (In Russ.)

Poliakov F. Aleksei Remizov i perevodchiki v Germanii: Arkhivnye materialy (I) [Alexey Remizov and translators in Germany: Archival materials (I)]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014. Part I, pp. 325–338. (Stanford Slavic Studies; vol. 45). (In Russ.)

Remizov A. Dnevnik 1917–1921 [Diary 1917–1921], ed. by A.M. Gracheva and E.D. Reznikova, intro. and comment. by A.M. Gracheva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 16* [Bygone: A historical almanac. 16]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 407–549. (In Russ.)

Remizov A.M. Pis'ma k A.S. Iashchenko [Letters to A.S. Yashchenko]. *Fleishman L., Hughes R., Raevsky-Hughes O. Russkii Berlin, 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute* [Russian Berlin, 1921–1923: Based on B.I. Nikolaevsky collection in Hoover Institution Archives]. Paris, YMCA-Press, [1983], pp. 165–175. (In Russ.)

Rosov V.A. Georgii Grebenshchikov: Pis'ma iz Lia Fav'era [Georgii Grebenshchikov: Letters from La Faviere]. *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture. Materialy chetvertoi mezhregional'noi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, 4–5 maia 2008 g. Vyp. 4* [Altai text in Russian culture. Materials of the 4th interregional (with international participation) academic conference, May 4–5, 2008. Part 4]. Barnaul: Altai St. Univ. Publ., 2008, pp. 169–185. (In Russ.)

Subbotin S.I. K atributsii psevdonimnykh sochinenii iz "Prostoi gazety" [On the attribution of pseudonymous writings from "Prostaia Gazeta"]. *Russkaia literatura*, 1992, no. 1, pp. 205–215. (In Russ.)

Timenchik R. *Anna Akhmatova v 1960-e gody* [Anna Akhmatova in 1960s]. Moscow Toronto, Vodolei Publishers, 2005. 784 p. (In Russ.)

"V Rossii, kak vstretimsia, budem vspominat'". I. Perepiska A.M. Remizova s S.Ia. Osipovym (1913–1923). II. Pis'mo V.Ia. Shishkova k A.M. Remizovu (1921) ["In Russia, as we meet, we will remember". I. A.M. Remizov's correspondence with S.Y. Osipov (1913–1923). II. V.Y. Shishkov's letter to A.M. Remizov (1921)], publ., intro. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god* [Pushkin House Manuscript Department annual for 2001]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 218–265. (In Russ.)

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 [The power and the artistic intelligentsia. Documents of RKP (b) – VKP (b) Central Committee and VCK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953], ed. by acad. A.N. Yakovlev, comp. by A. Artizov, O. Naumov. Moscow, Democracy International Fund Publ., 1999. 872 p. (In Russ.)

Zhikhareva K.M. Desiat' let [Ten years]. *Viacheslav Shishkov v vospominaniiakh sovremennikov* [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of his contemporaries]. Novosibirsk: Novosibirskoe kn. izd-vo Publ., 1987, pp. 106–116. (In Russ.)

Список иллюстраций

С. **15**. Титульный лист книги А.М. Ремизова «Огненная Россия» (Ревель, 1922). Авторский экземпляр. РО ИРЛИ. Ф. 256.

С. **19**. А. Эйдельсон. Письмо А.М. Ремизову. 23 августа 1921, Ревель. Надпись красным карандашом рукой Ремизова: «Ревель. Приветствие». Центр русской культуры (Amherst).

С. **23**. Телеграмма с просьбой встретить Ремизовых в Берлине, адресованная А. Барладеану неизвестным за подписью Andre. 20 сентября 1921, Рига. Надпись рукой С.П. Ремизовой-Довгелло: «Никто не встретил». Центр русской культуры (Amherst).

С. **28**. Титульный лист книги А.М. Ремизова «Ахру». Авторский экземпляр. РО ИРЛИ. Ф. 256.

С. **30**. Членский билет № 34 действительного члена берлинского Дома искусств «завобезвелволпала Алексея Михайловича Ремизова». За подписью Председателя Совета ДИСКа Андрея Белого и секретаря правления А.В. Бахраха. 1922, Берлин. Центр русской культуры (Amherst).

Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922

Elena R. Obatnina

Abstract: The social as well as historical and literary context of A.M. Remizov's creative biography, connected with the writer and his wife's departure from Russia (August 1921) and two years spent in "Russian" Berlin, is reconstructed in the paper on the basis of multiple archival materials. The biographical outline allows to fill temporal and historical literary lacunae in Remizov's letters to his wife, the main contents of the manuscript "At the Evening Dawn". The article is a stage in preparation of a scientific creative biography of Remizov, which will accompany the full publication of "At the Evening Dawn".

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary literature, writer's letters, archival materials.

Information about the author: Elena R. Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS. St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-46-81
УДК. 821.161.1

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. *

Вступительная заметка и комментарии Е.Р. Обатниной
Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной

Аннотация: В публикации представлены фрагменты рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), основанной на письмах к жене писателя, С. П. Ремизовой-Довгелло. Публикуемые главы посвящены первым двум годам (1921–1922) жизни Ремизовых в Берлине. Во вступительной заметке к публикации изложены история создания рукописи и особенности ремизовского автобиографического жанра. В Приложении помещены подлинные письма А.М. Ремизова, что дает возможность оценить приемы трансформации эпистолярных документов и проанализировать творческую стратегию Ремизова в работе над автобиографическими произведениями.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярная литература, письма писателя, архивные материалы.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

В составе парижского архива А.М. Ремизова, ныне переданного в Государственный Литературный музей, хранится рукопись под названием «На вечерней заре». Генезис этого текста обусловлен авторским методом, в основе которого лежал процесс переписывания и редактирования собственных писем, адресованных писателем его жене Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло в течение длительного периода – с 1903 по 1939 гг.[1] Очевидно, высокая концентрация литературных фактов и сюжетов в этой бытовой, на первый взгляд, переписке послужила причиной тому, что Ремизов после смерти жены в 1943 г. взялся за литературную обработку собственного эпистолярия с явной интенцией создать автобиографический роман в письмах. Во внушительном корпусе этих документов нашли отражение события литературной карьеры писателя, сюжеты, связанные с публикацией его произведений, характеристики представителей литературно-художественного окружения, факты, касающиеся дореволюционного периода жизни писателя и его трудов и дней в эмиграции. Оригинальные письма Ремизова Серафиме Павловне – это уникальная форма непосредственного проявления личности писателя и вместе с тем богатейший материал, максимально насыщенный информацией биографического характера. В свою очередь, сама рукопись «На вечерней заре» представляет собой начальную стадию работы над автобиографическим произведением.

Главы, охватывающие дореволюционный период жизни Ремизовых в Петербурге, преимущественно организованы по единому принципу: они начинаются перечнем ключевых событий и реальных действующих лиц, актуальных для конкретного временного отрезка. Такой «план-проспект», несомненно, служил заготовкой будущего развернутого рассказа, образующего историко-литературный контекст для представленных в главе писем. Авторская редактура подчинена идее преодоления собственно эпистолярного дискурса, поэтому тексты-источники подверглись здесь не только стилистической правке, но и были дополнены разного рода пояснениями, которые помещались Ремизовым в квадратные скобки. Кроме того, в процессе редактирования собственных писем писатель зачастую без каких-либо сигнатур инкорпорировал в первоначальный текст собственные рефлексии, возникшие значительно позднее, или включал дополнительные эпизоды, свободно распоряжаясь биографическим документом как художественным произведением.

Законченного воплощения идея романа в письмах так и не получила, но сохранилась уникальная рукопись, свидетельствующая о масштабном творческом эксперименте писателя. По всей вероят-

ности, в процессе работы Ремизов столкнулся с рядом объективных трудностей, связанных с необходимостью создать общую повествовательную канву для хронологически дискретных писем. Также ему не удалось выдержать изначально выбранный принцип организации будущего произведения на протяжении всего текста. В главах эмигрантского периода, которые репрезентируются в настоящей публикации, авторский замысел существенно нивелируется: изначальный шаблон «плана-проспекта» вытесняется реестром географических мест, с которыми была связана переписка супругов. Характер правки становится более произвольным и утилитарным, авторские вставки в квадратных скобках ограничиваются раскрытием имен и лаконичными ремарками. Тем не менее элементы художественного структурирования эпистолярного текста проявляются в авторской композиции, нарушающей линейную хронологию конкретных событий. Так, глава, посвященная 1922 г., начинается с апрельского письма, образующего нечто вроде экспозиции повествования, связанного с квартирой Ремизовых на Kirchestrasse. Вместе с тем, как уже было отмечено, несмотря на бытовой генезис текстов-источников, содержание как рукописи, так и оригиналов писем имеет отношение прежде всего к истории творческой карьеры писателя (с первых «литературных шагов» в начале 1900-х гг. до конца 1930-х гг., когда его художественное мастерство достигло своего апогея) и предоставляет широкие возможности для детальной реконструкции историко-литературного контекста жизни Ремизова в России (до 1921 г.) и в эмиграции (с августа 1921 г. до начала Второй мировой войны).

Представленные ниже две главы из рукописи «На вечерней заре» и соответствующий им корпус оригинальных писем за 1921–1922 гг. охватывают начальный этап эмиграции писателя. Их сопоставление позволяет наглядно проследить процесс «пресуществления» эпистолярного документа в литературный факт творческой биографии писателя. Тексты публикуются по автографам (Государственный литературный музей. Ф. 156. Оп. 2. №№ 299, 340) с сохранением авторской пунктуации и некоторых случаев авторской или дореволюционной орфографии. В текстах оригинальных писем (Приложение) для удобства чтения в угловых скобках раскрываются имена и фамилии упомянутых лиц. Авторские подчеркивания выделены в публикации курсивом.

Публикаторы выражают искреннюю благодарность профессору Стэнли Рабиновичу, содействие которого в работе с архивными материалами фонда А.М. и С.П. Ремизовых в Центре русской культуры Амхерст-Колледжа неоценимо. Особую признательность мы хотим

адресовать коллегам за помощь при подготовке текстов к публикации. Проблемы идентификации немецких реалий и распознавания немецких слов и идиоматических выражений в рукописи и оригиналах писем Ремизова были по возможности решены благодаря дружескому участию сотрудников Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете Марии Классен и Татьяны Двинятиной. Комментарий к некоторым сюжетам берлинского периода жизни Ремизовых был бы неполным без квалифицированной научной поддержки профессора Федора Полякова (Институт Славистики Венского университета).

***

1921
10–22.VIII
Карантин
Нарва (**38–39 эшелон**)[2]

1921 Berlin

Берлин 1921
8 октября
пятница
Fremdenheim
над кабаком Friedenau
<1>[3]

«Гусиные» подробности, что зайчик принес[4], доел и хлеб, – без ножа: должно быть, Frau взяла чистить. Я всё в хорошую сторону думаю, зачем ей красть?

Был у «Нового Спаса»[5]: не хочет хозяйка нас отпускать без себя, и от 5000 м<арок> отказывается, чтобы только при свидетелях подписку ей дать за ломаные вещи уплатить в случае. Так мне Эмилия Моисеевна (Каплун)[6] передала, сам я не очень понял.

Сказал о телефоне: пошли на телефон (с Е.М. Каплун[7]) справляться, сколько будет стоить. Позвонят от 7 до 8-и Марье Моисеевне (Гуревич)[8]. А она нам. А мы пообдумаем, либо Е.М. (Каплун), либо Марье Моисеевне (Гуревич), чтобы кто-нибудь из них наше решение передала.

Вот это и будет мое первое письмо.

[В Берлин из Ревеля мы приехали 21 сент<ября> 1921[9], и началось наше кочевье, пока, наконец, не обосновались у Делион[10] на Кирхштрассе в Шарлоттенбурге].

Берлин 1921
11 октября
Charlottenburg
Kirchstr<asse>
<2>

1

Пошли в кофейную подправиться.

[Записка на дверях: только что переехали и Каплун (Соломон Гитманович)[11] повел нас].

2

Приходящую к нам публику просим по телефону не звонить зря над ухом.

[У Делион, кроме нас: художник Залит и скульптор Зеркал[12]. Одно время жил Пильняк[13]. Постоянно Соломон Каплун и Андрей Белый[14]].

1922 г.

Charlottenburg I
Kirchstr< asse > 2.II bei Delion[15]

Wilchelm <*sic!*> 25–31
Sarow-Ost. 19–22.V
Ahlbeck 12.VI – 25. VI
Breitbrunn am Ammersee 14.VII – 31.VII
Unteram<m>bergau 22–23.VII
Oberammergau 26–28.VII
Her<r>sching – 21.VII
Andechs – 29.VII
München – 31.VII – 2.VIII
Potsdam – 21.IX[16]

14 April 1922
Karfreitag[17]

Frühling kommt![18]

Первый теплый день. Sommertag[19]. Снял зимнюю шкурку. Без пальто вышел zur Post[20].

Комната Серафимы Павловны в Charlottenburg'e bei Delion на Kirchstr<asse > 2.II. Рисовал художник Н. В. Пинегин, новоземец, самоед[21].

Это только не Весна изображена и не Соколов-Микитов[22] и, хоть с усами, а это Бирюлька [Эмилия Моисеевна Каплун-Вальден[23]]. Жаль, что без меня, а то бы где из-за яйца нос торчал.

– Quakt der Frosch vor Martus <sic!> viel
Schweigt er dafür nach<h>er still[24] –

Berlin 1922
1 января
<3>

Новый год! Что-то несет нам? А наше ночное путешествие через Берлин – путь два часа против ветра – что нам сулит? Неужто дорогу? Но какую? Испытали такое мытарство. Или мы в ночь столько прошли – путь за целый год. И нам все сулит тишину? Невероятно. Не под той звездой. Наша звезда буря. И это только отражение прошедшего года – наш путь из России?[25]

[Новый год встречали мы в кабаре Южного[26]. С Минским и З.А. Венгеровой[27]. И возвращались пешком – шли часа два. А проснулись: пожарные.

Такой берлинский обычай: в Новый год будить в полдень пожарными. В Новый год нас и с квартиры прогнали, а вскоре и из Берлина: в двухнедельный срок[28]].

Berlin1922
19 апреля
3 день Пасхи
3 час ночи
<4>

Не сердись на меня, пожалуйста, очень это мне горько, что невольно я тебе тяжело сделал. Ну, больше уж не буду никогда. Даже невольно.

Совсем я забыл, что человеки скотолюбы, а хотел я по-человечески к человеку. Вот и вся вина моя.

Я-то не осердился бы, если бы ты так поступила. Но думаю, пожалуй, по «бесправию» моему, а не по воле моей (Не имею права – так скажется у всякого после преступления: не имею права осуждать, но по существу-то в скрытии даже от самого себя осуждаю).

Ну, не буду, не буду, не буду. И на долгие годы. А потом все пройдет. А если надо будет выразить жалость, буду головой кивать.

В данном случае: если бы одна жалость – вина моя меньше была бы – а сказать по правде по последней: было не только сожаление, было и раздражение – против назойливости, а это давно сидит во мне: «все нюхают, все трогают»[29].

«Нести твое сердце», как несу в своем, особенно горько при наших печальных делах. А может, это мне кара – так и нужно.

Berlin 1922
29 апреля
<5>

Вот уж и 9-ть. Стало быть, Дроздов [А.А. <sic!> Дроздов, секретарь Гутнова «Сполохи»[30]] не придет и зря прождал я его. Мечтал, как тебе деньги [гонорар] дам: придешь, а я тебе на стол.

Это все очень печально. Неверное все какое-то, ведь, так обещать! И подумаешь: что-то, что-то делать? И не позвонил.

И не знаю, чем тебя уж утешить!

Звонила Бирюлька [Эмилия Моис<еевна> Каплун] – сказал, чтобы позвонила завтра. А был только Селивестрович [Григорий Сел<ивестрович> Киреев, посыльный из «Русского Изд<ательства>»[31]].

Экая, ей Богу, незадача.

Berlin 1922
8 мая
8 ч<асов> у<тра>
<6>

Чайник скипячен <sic!>. В кастрюльке кипяток. Там стоит моя кружка с Mulbrün'ом[32]. Только-только подогреть немного, не вынимая.

Berlin 1922
19 мая
пятница
<7>

В Sarow-Ost (Гржебины)[33]

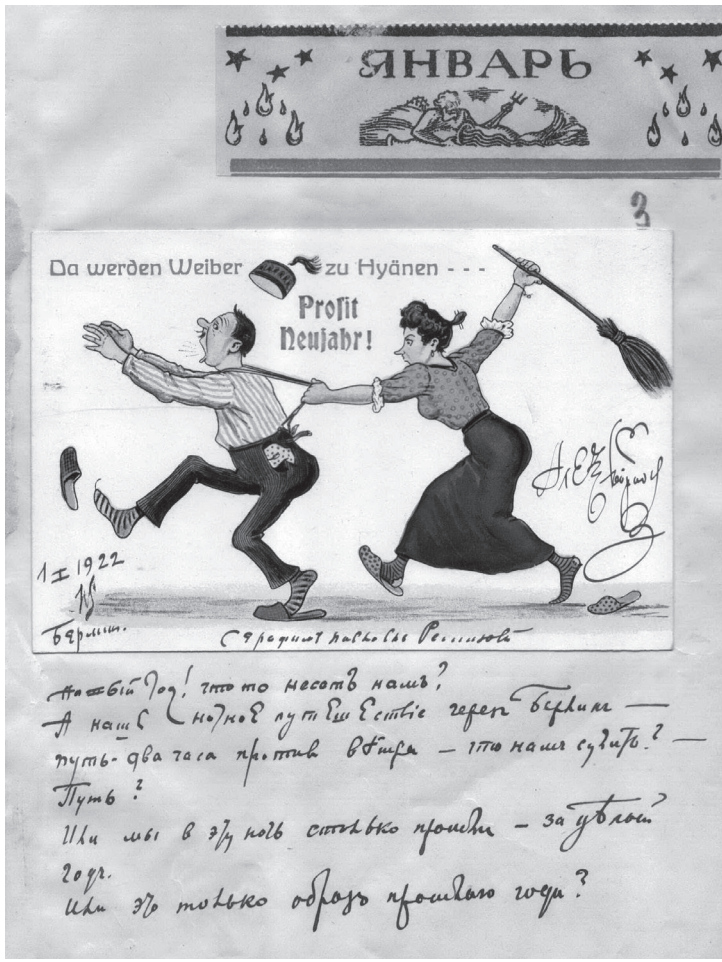
Так устал я, что сидя за поправкой «Царя Максимилиана»[34] заснул. И вдруг очнулся. Уж 2-ой час.

Боюсь, не в состоянии буду сделать, а надо завтра.

В старых очках сижу, новые что-то раздражают. Дождик на дворе.

Была А.П.[35] и Киреев, переписывал[36].

А.П. жаловалась на судьбу.

«Очень неловко, подумал я, может, ей дать что-нибудь. Не знаю».

Звонил З.И. Гржебин: «уехала ли ты? – «Да, говорю, по-е-хала». Звонил А.Г. Вишняк[37]: завтра предлагает идти с ним в М.И.Д.[38] в 12 ч<асов> дня. Был Дроздов и Алексеев[39]: о вечере «Серапионов» в пользу «голодающих писателей»[40]. Я согласился. И об Альманахе[41].

Спать! Не могу больше.

Berlin 1922
20 мая
<8>

Поднял меня Киреев чуть свет: за машинкой. Письма: от Уманского из Вены[42] и Никитина из Петрограда[43]. «Сполохи» № 7.

Вот мое горе: забыл, в котором часу сговорился с Вишняком идти в М.И.Д.

Слава Богу, позвонила Вишнячка[44]: в 12-ть.

Заперев комнату, вышел. Был в М.И.Д., Отдел Прессы. Познакомился с Dr. Ланне, читает славянскую палеографию в Университете[45]. Но говорить пришлось не с ним, а с его помощником. Обещают через 2 недели. [Все еще под грозой высылки, нет никакого документа, а надо письменное разрешение от министра Северинга[46]]. А еще узнал: ехать в Баварию русским надо разрешение; для литовцев и других так, а нам, русским, разрешение. Домой вернулся около 2-х.

В 4-е открытие «Дома Ученых в Берлине». [Ничего не вышло][47]. Сначала от<к>рывали: Минский сказал, что он знаком с Гоголем – никто этому не поверил, но никто и не возражал[48]. Потом разговор о журнале и издании[49]. За «Розановы письма» З.И. Гржебин предлагает 50.000 М<арок>. [Были изданы в 1923, «Кукха»][50].

После «открытия» втроем: Горький[51], А.Н. Толстой[52] и я, отправились в кафе «с цыганами». Горький ходит не ходко («вены»), Толстой, занимая весь тротуар, выступает, а я безудержно сторонкой. Так, не спеша, мы достигли цыганское кафе, поднялись на какой-то высокий этаж (для цыган «неестественно»), а не обрадовались: полон зал. Нас устроил Родэ[53], очень тесно. Пили какое-то вино, цыганы пели. Доморощенные – цыганское только название. Я подошел к столику: Пинес[54], Ол<ьга> Мих<айловна> Персиц[55] и ее мать. Сказал я с ними два слова, а когда вернулся, вижу суетящегося Родэ, а Горький поднялся, прощается. Потом я узнал, что с соседнего столика делали «угрожающие знаки», а попросту всем нам готовился мордобой. Так не дослушав и не допив, особенно возмущался

Толстой, мы спустились с лестницы, только чудесным образом не спущенные. А какая тихая была ночь «на небесах»[56].

Очень меня огорчило: в «Голосе России» напечатали с ошибкой стихи Н. Тихонова[57]. Ну, можно ли им давать что-нибудь, если они небрежно так относятся. И не могу я никак успокоиться: главное, в стихах! Ничего я им больше не дам: пускай наперед научатся быть внимательными к слову.

С Горьким разговаривал о «Вехах» («Смена Вех»), он против[58].

Уже 2-ой час, а не чувствую усталости. «Царя Максимилиана» поправил[59]. [Толку не вышло. В Берлине его не играли[60]].

Остался я вдвоем с Frl. Delion. Разговор в коридоре: тон ее, что в Борзне, не «хвост» скажет («хвост» неприлично!), а «фост» – звучит тонко.

Berlin 1922
21 мая
воскресенье
<9>

Завтрашний день, ты и дома. Без тебя тишина, а особенно сегодня – один я, как есть, во всем доме.

Звонил З.И. Гржебин, просит к себе в 5 ч<асов> чай пить, а если позвоню, то на дачу. А я все над «Царем Максимилианом». Время-то пропустил, схватился уходить. А дверь-то заперта. Это Frl. Delion, уходя, заперла меня. Долго искал я лазейку, со 2-го не прыгнешь. Догадался: со своим ключом – хорошо, что подошел! А вышел, забыл, как на Kurfürstendamm, 150. И плутал. То ли «Царь Максимилиан» увел меня к себе, то ли Frl. Delion чего-нибудь нашептала: почему у нее такой острый красный нос и никакого слуха, – ты знаешь, как она поет!

Был Горький, Пинкевич[61]. Н. Полякова пела цыганские романсы[62]. А угощали бананами.

Горький вспоминал Нижний[63]. Был, оказывается, особый прием у читающих публичные лекции. Начиналось обыкновенно: последними словами выругать слушателей: свиньи, дурачье, болваны, а потом перейти к изложению. Такой прием производил потрясающее впечатление. Провинциальные «лектора» были самоотверженные люди, в них-то и жил дух интеллигенции: читали лекции, несмотря ни на что, у одно<го>, вспоминал Горький, умирала жена, и ночь накануне не спал, и все-таки «по долгу» он лекции не отложил.

Пинкевич не пропускал ни одного горьковского слова и, выходя в другую комнату, будто «до ветру», записывал в записную книжку.

Я вспомнил, что в 8-ь придет Талов[64], простился и вышел один. Но уж такой день – пошел и заблудился.

А какие чудесные места я видел: балконы в цветах и необыкновенная тишина. А ведь плутал я недалеко от дома за Шарлоттенбургским полицейпрезидиумом[65]. А попал я домой вовремя.

Без меня был Я.С. Шрейбер[66].

Талов мне рассказывал о Париже, о католичестве (он обращенный), взял мои книги для перевода[67]. Я даю без всякой надежды. В.И. Полисадов в Швейцарии: туберкулез. Обещал достать адрес[68].

Писем не было.

Что меня очень взволновало: узнал, что за парижским и наше берлинское «Литературное общество» изгоняет А.Н. Толстого за «сменовеховство»[69]. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать его имени «писателя» нельзя[70]. А кроме того, Толстые не на каждом шагу, и кто это исключает, какие это писатели – «мошкара».

З.И. Гржебин уговорил меня: пройти тебе курс лечения на их даче, в Сарове, а не заключаться в санаторий. Не знаю.

Ahlbeck Seebad[71]

Berlin 1922
12 июня
<10>

Так я измучился, решил, ни о чем не думая, лечь спать. Был у С.П. Постникова[72], взял 1000 М<арок>, а другую пришлет. Видел и Вл<адимира> Мих<айловича> Зензинова[73] и М.Л. Слонима[74]. Сол<омон> Г<итманович> Каплун[75] берет «дол-нео-вес» [?][76] за 10000 М<арок>, обещал на днях зайти. И я не послал М. Вишняку письма.

Разговаривал с Ведьмой (Frau Delion), а нашей (Frl. Delion) нет еще, куда-то уехала. Напишу Шрейдеру («Скифы»)[77].

О деньгах не беспокойся, к твоему приезду соберу. Все прибрал и закрыл от пыли.

Начал, отделывая, переписывать «Временник» [«Взвихр<ённая> Русь»][78]. Оторвался за эти дни и вот опять сначала. Главное в писании – *непрерывность*. Или я очень устал, тяжело, не весело писалось.

Звонила Анна Ильинична [ ][79]: не сговоришься ли ты с ней ехать в воскресенье на прогулку?

Потом звонит – Говорю: «Хало, кто говорит?» – Голос: «Серафима Павловна». Сначала я ничего не понял: «Серафима Павловна!?» потом сообразил: Линдерхаус[80]. Она пробудет в Берлине недели две. А я только-только что опустил твое письмо. Очень ей хочется тебя повидать.

Купайся и не беспокойся нисколько. Кланяйся дому, живущим в нем. Скажи: «Пинкевич возвращается»[81].

Вода опять не течет.

13 июня

Пасмурно. Письмо от А.А. Маделунга по-немецки[82].

Сон: Ан<на> Руд<ольфовна> Минцлова[83]. Она мне сказала, что в каком-то французском воплощении я был *Madam Kept*.

Начинается день. Жду Залшупина[84]. Да, когда вчера прибирался, нашел еще грязное белье.

Адрес Иды Фед<оровны> Ремизовой[85]: Бронницы, Моск<овская> Губ<ерния>, Отд<ел> Наробраз<ования>.

Адр<ес> Софьи Ник<олаевны> Вербицкой[86]: Турский Бечей. Рус<ский> комитет. Югославия (Сербия).

Berlin 1922
13 июня
<11>

Еще 12-и нет, а так спать хочется, «грохнулся» бы и заснул. А за день особых дел не делал.

Написал – пришлось все сызнова – «Пряники», «Палочки», «О мире» [«Взвих<ренная> Русь»][87] – 10 страниц. И боюсь, не так написал. Когда кончу, просмотришь.

С С. Залшупиным [художник] был в «Вонунг<с>амте» (жилищный отдел)[88]. Надо показать разрешение о продлении на право жительства. В четверг пойдет Киреев один на Neue Friedrichstr<asse>, возьмет “Schein”[89]. А в пятницу я опять с Залшупиным к нам сюда в «Вонунгсамт» – до чего это канительно, времени сколько зря!

Ф<еге> Фриш[90] написал в Мюнхен записать нас, где она будет, не в санаторию, а в пансионе[91].

Хозяйка вернула штаны. Искомых «накидок» не нашли, а только носовой платок. Очень друг с дружкой (Frau и Frl. Delion) они кричали: раз платок нашелся, надо искать дальше – в швах что ли? А старуха, видно, помирилась. Сегодня подметала у меня сама хозяйка, а я до нее сам навел порядок. Ищут новую прислугу.

Звонят у св. Луизы[92].

Frl. Delion убеждена, что украла Frau Nölte. Но обыск штанов ни к чему не привел. Только поругались.

Барышня [Из «Огоньков»[93]] принесла переписанное и взяла окончание I части [«Канавы» («Ров львиный»)][94]: обещает принести в пятницу. Был Киреев и заносил книги «Монах» [И.С. Соколов-Микитов][95]. Написал А. Шрейдеру [«Скифы»] о «зырянском сказе»[96].

О Данциге справлялся Киреев: у них в «Рус<ском> изд<ательстве>»[97] одна служащая тоже так получает, извещения надо ждать – срок недельный, а то и больше. Марка все падает. Grau Brot – 18 М<арок>[98].

Ходил покупать себе Würstchen.[99] Тоненьких не было. И что же ты думаешь, за 3 штуки лавочник сказал – 21 М<арка>, и поправился: 61 М<арка>. Вот что бывает, когда сам покупаешь. Хозяйку спрашивал. Говорят, «приняли за Ausländer'a!».[100] Еще бы.

А.А. Маделунг просит ответить, приедем ли мы в Копенгаген в июне, так как в июле ожидает он пятиголовое нашествие. Я ответил: «конечно, нет». Успеется. Легко сказать: в Копенгаген.

Не беспокойся, купайся и сиди на солнце.

Кланяйся гнезду.

Купи всякие открытки. Эх, денег-то нет у тебя, взяла бы и те, отложенные. Ведь, я достану и за комнаты заплачу.

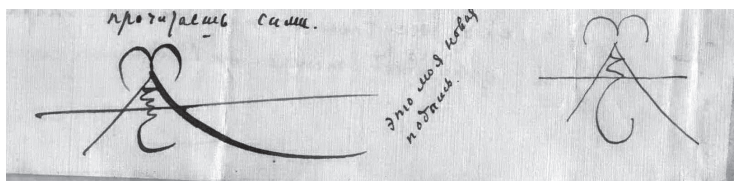
14 июня

Какое чудесное светлое утро. Цветы полил.

Письма от Вяч<еслава> Як<овлевича> Шишкова: нашел «Рус<ских> женщин» (изд<ательство> «Скифы») и «Николины притчи» (изд<ательство> З.И. Гржебина), посылает через контору Гржебина. Боюсь, пропадет. Прислал свою книгу: «Оплешнички» – очень хорошо[101].

Письмо от «Волка» (Иллисона): жив, но плох, температура уползла – 39°–40° [Ил<л>исон – студент эстонец, наш спутник из России – 5.VIII.1921][102]. Открытка из Polizeipräsidium: 16.VI вызывают за нашими желтыми паспортами – Ausweis'ами[103].

Письма не вклеиваю, а кучкой складываю – и все по приезде прочитаешь сама.

Это новая моя подпись: а-кси-с[104] (вроде Аксиньи)[105]. <подпись-анаграмма>

Приложение

1

Берлин 1921
8 1/1 [октября] 1921
пятница
Fremdenheim
над кабаком в Friedenau

Серафиме Павловне этот зайчик принес
«гусиные» подробности, доел и хлеб без ножа: ножик, д<олжно> б<ыть>, взяла чистить (Я все в хорошую сторону думаю). Был у «Нового Спаса»: не хочет хозяйка нас отпускать без себя, и от 5000 м<арок> отказывается, чтобы только при свидетелях подписку дать за ломаные вещи уплатить в случае. Так мне Эм<илия> Моис<еевна Каплун> передала, сам я не очень понял.

Сказал о телефоне: пошли на телефон справляться: как скоро и сколько будет стоить.

Позвонят от 7–8-и Марье Моисеевне. А она должна нам. А мы, пообдумав, либо ей, либо Марье Моисеевне, чтобы уже она решение наше передала.

Вот это и будет 1-ое письмо. Алексей Ремизов.

2

Берлин 1921
11 октября

<2 слова нрзб.>. Пошли в кофейную подправиться. А.Р.

3

1922 Берлин
1 января

Серафиме Павловне Ремизовой
Алексей Ремизов

Новый Год! что-то несет нам?

А наше ночное путешествие через Берлин – путь два часа против ветра – что нам сулит? – Путь?

Или мы в эту ночь столько прошли – за целый год.

Или это только образ прошлого года?

4

1922 Берлин
19 апреля

Дорогая моя детяточка, не сердись на меня, пожалуйста, очень это мне горько, что тебе я тяжело сделал. Ну, больше уж не буду никогда.

Совсем забыл я, что человеки скотолюбы, а хотел я по человеческому к человеку.

Я понимаю,

я-то не осердился бы, если бы ты так поступила. Но думаю, пожалуй, по бесправию моему, а не по воле моей.

Ну, не буду, не буду, не буду.

И на долгие годы.

А если надо жалость выразить, буду головою кивать.

Главное было тут (еще скажу),

если бы одна жалость – пожалуй, вина меньше была бы, –

но (если по правде по последней)

было и раздражение – против назойливости (давно это сидит во мне)

тут что-то есть: «все нюхают, все трогают».

И нести твое сердце

особенно горько

при таких делах внутренних.

А может, это кара, – так и нужно.

Ал. Ремизов.

3 день Пасхи

3 час<а> ночи

5

1922 Charlottenburg
29 апреля

Дорогая моя деточка. Вот уж и девять – стало быть, Дроздов не придет и даром прождал я его, мечтая, как тебе деньги дам: придешь, а я тебе на стол.

Это все очень печально

– неверное все какое-то.
И подумаешь, что-то – что-то делать.
А главное, и не позвонил.
И не знаю, чем тебя уж утешить.
Звонила Бирюлька <Каплун Э.М.>.
Сказал, чтобы позвонила завтра.
А был только Селивестрыч <Киреев Г.С.>.
Экая, ей Богу, незадача.
Алексей Ремизов

6

1922 Berlin
8 апреля
8 ч<асов> у<тра>

Деточка,
Чайник скипячен <sic!>.
В кастрюльке кипяток:
там стоит моя кружка
с Mulbrün'ом.
Только-только подогреть
немного, не вынимая.

А.Р.

<Рукой С. П. Ремизовой-Довгелло>:
Колокольная
д. 8. кв. 5
Нина Яковлевна.

7

1922 Charlottenburg
19 мая
Пятница вчера
В Sarow-Ost
С.П. Ремизовой

Деточка, до такой степени устал,
что сейчас, сидя за поправкой для «Максимилиана», заснул и вдруг очнулся.

Уж 2-ой час.
Боюсь, не в состоянии сделать, а надо завтра.
Была А.П. и Киреев.
Переписывала.
Дождик на дворе.
Звонил Вишняк: завтра предлагает идти с ним в М.И.Д. в 12 ч<асов> дня.
Был Дроздов и Алексеев.
Говорили о вечере Серапионов в пользу голодающих писателей.
Я согласился,
и о альманахе.
Котичек, спать, не могу больше. А. Ремизов.
В старых очках сижу,
новые что-то – раздражают.
А.П. жаловалась на судьбу
Очень неловко, подумал я, может
Ей дать что-нибудь,
Не знаю.
Звонил Гржебин: уехала ли ты?
Да, говорю, по-е-ха-ла.

8

1922 Берлин
20 мая

Поднял меня, деточка, Киреев чуть свет: за машинкой.
2 письма – от Уманского из Вены
– <от> Никитина <Никитин Н.Н.>
и «Сполохи» № 7.
Вот мое горе: забыл, в к<оторо>м часу сговорился с Вишняком.

Слава Богу, позвонила Вишнячка <Вишняк В.Л.>. Теперь знаю.
Вышел (заперев комнату) в Отд<ел> Прессы. Познакомился с Dr. Ланне, который палеографию славянск<ую> читает. Но говорить пришлось не с ним. Через 2 недели обещаю все сделать.
И еще узнал, чтобы ехать в Баварию *русским* надо разрешение, это литовцам и друг<им> так, а нам разрешение.
Домой вернул<ся> около 2-х.
В 4-е назначено открытие Дома Ученых.
Сначала было открытие, потом заседание журнала.
Сказал Гржебину, что за «Розановы письма» – *50.000 М<арок>*.

Когда кончилось заседание, пошли Горький, я и Ал. Толстой в кафе, где он живет. Там цыгане.

Во время исполнения, я отошел к столику, где сидел Пинес, Ол<ьга> Мих<айловна> <Персиц> и ее мать.

И в это время что-то произошло.

Когда я вернулся, Горький прощался.

Не могу понять точно, какие-то с соседнего стола ему угрожающие знаки делали.

Очень меня огорчило, что в «Г<олосе> Р<оссии>» напечатали с такой ошибкой стихи Н. Тихонова.

Ну, можно ли им давать что-нибудь, если они так небрежно относятся к слову.

И не могу я никак успокоиться, что такая несообразность вышла: главное, в стихах!

Ничего я им больше не дам.

Пускай наперед научатся вниманию к слову.

Разговаривал и о «Вехах».

Горький тоже против.

Уже 2-а. А не устал я сегодня.

«Ц<аря> М<аксимилиана>» поправил.

А. Р.

Остался я вдвоем с Fr. Delion.

Разговаривали по-немецки.

В коридоре – это тоже знаешь ли такой тон фоста <sic!>.

9

1922 Berlin
21 мая
воскресенье

Ну вот деточка, завтрашний день ты и дома будешь.

Без тебя тишина, а сегодня особенно – один, как есть в квартире.

Позвонил Гржебин, чтобы звонил на дачу и пригласил к себе чай пить в 5 ч.

А я сидел все над «Цар<ем> Максим<илианом>». Время-то пропустил, схватился – уходить. А Fröl. Del<ion> меня, оказывается, заперла. Туда-сюда, не могу выйти. Едва сообразил, как быть.

Грж<ебин> на Kurfürstendamm, 150.

Ну там были и Горький, и Пинкевич, и какая-то певица Полякова романсы пела.

Хорошие были бананы.

А схватился уходить – в 8-ь должен прийти Талов – вышел и заблудился.

– Ну и чудесные места видел.

И что-то ты думаешь, здесь ведь около Шарлоттенбург<ского> полицейпрезидиума блуждал.

Был Шрейбер без меня.

А попал я домой все-таки вовремя.

Рассказывал мне Талов и о Париже, и о католиках, взял книжки для перевода на франц<узский>.

Полисадов в Швейцарии – очень болен (чехотка <sic!>).

Адрес он скажет.

Да, сегодня *писем не было.*

Очень меня взволновало, узнал, что и здешнее «Литератур<ное> общест<во>» изгоняет Толстого. Уж больно это нехорошо. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать писател<ьского> звания нельзя.

Ах, лапусик, лапусичек.

Р.

Гржебин все уговаривает на отеч<ественной> даче тебе курс пройти лечения, а не ездить бы лечиться в санаторий. Не знаю.

22.V

Вернусь ½ 4-го домой.

10

Charlottenburg
1922
12 июня
12 ч<асов> н<очи>

Так я, деточка, измучился, что решаю, ни о чем не думая, лечь спать. Был у Сер<гея> Порф<ирьевича> <Постникова>, взял 1000 М<арок>, а другую пришлет. Видел и Влад<имира> Мих<айловича> <Зензинова> и Соломона <Каплуна>. Сол<омон> <Каплун> берет «дол-нео-вес» за 10000 М<арок>. Обещал на днях зайти. И я не послал Вишн<яку> письма. Больше никого не видел. Разговаривал с Ведьмой, а нашей нет еще, куда-то уехала д<олжно> б<ыть>. Завтра напишу Шрейдеру. Ты о деньгах не беспокойся, к твоему приезду соберу. Все прибрал и закрыл от пыли.

Начал, отделывая, переписывать «Временник». Оторвался за эти дни и вот опять сначала. Главное дело в писании – непрерывность. Или очень устал я сегодня, не весело писалось, тяжело.

Звонила Ан<на> Ильинична <Денисевич>, спрашивала тебя: не сговоришься ли ехать вместе в воскресенье на прогулку?

Потом звонит –

Говорю: «Хало, кто говорит?»

Отвечает голос: «Серафима Павловна».

Сначала я ничего не понял, потом сообразил:

Linderhaus

Она тут будет 2 недели.

Я ведь только-только что ей письмо твое опустил.

Позвонит: очень ей хочется тебя повидать.

Турский бечej	Serbien	Турскій Бечей
Turski Becej	Jugoslavien	Русский комитет
	Jörökbecse	Соф<ья>
	Sophia Werbitzky	Вербицкая
Russland	Бронницы	
Bronnizi	Московской губ<ернии>	
Frau Ida Remizow	Отд<ел> Наробраз<ования>	
	И.Ф. Ремизовой	

Алексей Ремизов

Ну, котик, купайся и не беспокойся нисколько.

Кланяйся дому и живущим.

Скажи: «Пинкевич возвращается».

Вода опять не течет.

13 июня
утро
Пасмурно

1 письмо от Аггея <Маделунг А.А.> по-немецки,
а больше нет!

Видел во сне Анну Рудольфовну <Минцлову>
Она мне сказала, что я был *M-me Kept*
в каком-то воплощении
французском.

Начинается день.

Жду Залшупина.

Да, когда вчера прибирал, нашел еще грязное белье.

11

1922 Charlottenburg
13 июня

Деточка, еще 12-и нет, а так спать хочется, грохнулся бы и заснул.

А особых дел не делал.

Написал (пришлось начинать сначала) «Пряники», «Палочки», «О мире» – всего 10 стр<аниц>. И боюсь, что написал не так, ну, когда кончу, просмотришь. С Залшупиным был в Wohnungsamt'е: надо было показать разрешение о продлении, а в четверг пойдет Киреев один на Neue Friedrichstr<asse>, возьмет Schein и в пятницу я опять с Залшупиным к нам сюда – до чего это канительно.

Фриш вчера написал <sic>, чтобы нас записали, где она будет, не в санаторию.

Хозяйка вернула штаны. Рассказывали, что искомых накидок не нашли, а только платок носовой. И потом очень друг с другом они кричали. Раз платок нашелся, надо идти куда-то дальше. А старуха, видно, помирилась. Сегодня подметала хозяйка у меня, а я так все сам сделал. Ищут новую.

12 ч<асов> звонят у св. Луизы.

Наша убеждена, что это Frau Nölte. Но все равно ничего не вышло. Только переругались друг с другом.

Барышня принесла переписанное и взяла окончание I части.

В пятницу обещает принести.

Был Киреев, и заносил книги монах.

Написал Шрейдеру о зырянском сказе.

О Данциге справлялся Киреев: там у них служит одна, тоже так получает и говорит, что извещения надо ждать – и срок недельный, а то и больше. Марка падает ужасно. И Grau Brot теперь уж 18 М<арок>.

Ходил покупать себе Würstchen.

Тоненьких не было, толстые. И что же ты думаешь, деточка, за 3 штуки он сначала сказал – 21 М<арка>, а потом поправился – 61 М<арка>. Беда, когда сам покупаешь. Хозяйку спрашивал, говорит, приняли за Ausländer'а. Еще бы!

Аггей <Маделунг А.А.> пишет, что ему сейчас же ответить, приедем мы в июне или нет, т<ак> к<ак> в июле ожидает он 5-головое нашествие.

Я ему отвечу, конечно, нет.
Еще успеется.
Не беспокойся, деточка, купайся
и сиди на солнце.
Кланяйся гнезду. Алексей Ремизов.
Купи всякие открытки.
Эх, денег-то нет у тебя, взяла бы и те,
ведь я достану.

14 июня

Какое чудесное свежее утро.
Цветы полил.

2 письма: 1) от Шишкова: нашел «Рус<ских> женщ<ин>» и «Николины притчи», посылает через контору Гржебина. Боюсь, пропадет. И прислал «Оплешничков» (это очень хорошо).

2) от Волка <Иллисон Л.И.> – жив, но очень плох, темпер<атура> уползла 39°–40°.

И открытка из Polizeipräsidium, чтобы пришел
за желт<ыми> паспортами 16.VI.
Письма не вклеиваю,
а кучкой соберу,
и все по приезде
прочитаешь сама.
<подпись-анаграмма> Это моя новая моя подпись.

---

[1] Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д'Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1985. № IV. P. 149–190; 1987. № VI. P. 237–310; 1990. № IX. P. 443–498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149–178; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 3. С. 142–184; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203; 2016. № 2. С. 162–211; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста А.С. Урюпиной // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–94; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Русская литература. 2018. № 1. С. 163–209.

[2] См. примеч. 9.

[3] Здесь и далее в угловых скобках приводится авторская нумерация писем, проставленная карандашом.

[4] Мотив «гостинца от зайчика», по-видимому, был устойчивым в семейных отношениях Ремизовых и восходил к рассказу писателя «Таинственный зайчик» (впервые: Русская мысль. 1909. Кн. 10. Отд. 1. С. 131–137), написанному по устным воспоминаниям С. П. Ремизовой-Довгелло о своем детстве.

[5] Топоним не выяснен (вероятно, подворье русской православной церкви в Берлине).

[6] Жена С. Г. Каплуна. См. о нем. примеч. 11.

[7] Очевидно, Э.М. Каплун. См. примеч. 23.

[8] Неустановленное лицо.

[9] Ночью 6 августа 1921 г., прождав отправления с 4-х часа дня 5 августа, Ремизовы покинули Петроград в товарном вагоне вместе с беженцами. В Ямбурге (с 1922 г. Кингисепп) они пробыли с 7 по 9 августа, им пришлось пройти обыск и регистрацию. 9 августа поезд прибыл в Нарву, где все пассажиры вагона были помещены в карантин. 23 августа супруги приехали в Ревель (ныне Таллинн), где прожили чуть меньше месяца, ожидая визы для въезда в Германию. Подробнее см.: *Доценко С.Н.* А.М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции (Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: Альманах. Таллинн, 1996. Т. 2. С. 188–194).

[10] Имя хозяйки квартиры.

[11] *Каплун Соломон Гитманович* (наст. фам. Каплан; псевд. Сумский; 1883, или 1888, или 1891 – 1940) – социал-демократ, меньшевик; владелец (совместно с Д.Ю. Далиным с начала 1922 г. до октября 1923 г.) берлинского отделения издательства «Эпоха», образованного в 1921 г. в Петрограде.

[12] Латвийские скульпторы-футуристы Залит – *Зале Фриц Карл Иоганн Леопольд* (Kārlis Zālis; Карл Федорович Залит, Залитис, Залите; 1888–1942) и Дзеркал – *Дзиркалис Арнольд* (Arnolds *Dzirkalis*, 1896 – после 1933). Ср. краткую характеристику встреч с ними в Берлине на Крихештрассе, 2: «…латыш Карл Залит, шумный, как африканский христианин IV века, Арнольд Дзеркал, молчаливый и непонятный…» (*Шкловский В.* ZOO или Письма не о любви // Шкловский В. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М., 1964. С. 165). См. также статью Шкловского о творчестве Залита на нем. языке: Der Futurismus. 1922. Oktober. Nr. 5/6. S. 4–5; перевод на русский язык опубл. в статье, посвященной ремизовской рецепции футуризма и творчества Ф. Зале, в частности: *Обатнина Е.* Художник и История, или Как сделан «Памятник погибшим анархистам» // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 198–225.

[13] *Пильняк Борис Андреевич* (наст. фам. Вогау; нем. Wogau; 1894–1938); в начале февраля 1922 г. прибыл в немецкую столицу по командировке от Всероссийского Союза писателей. В течение двух месяцев (в феврале–марте) жил в пансионе фрау Делион. Ремизова-Довгелло в своих письмах к З.Н. Гиппиус отзывается о его присутствии крайне неприязненно. Ср. ее письмо от 16 мая 1922 г: «Сначала был здесь Пильняк – это хулиган, он выводок <*sic!*> советский, о чести понятия не имеет, о самой простой чести, какую знает самый последний бродяга. Напр<имер>, он хвастается своими победами над женщинами, ему от меня так попало, что он меня, как огня, боялся» (Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной (в печати)). См. также письма Пильняка Ремизову: *Пильняк Б.А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010 (по указ.).

[14] *Андрей Белый* (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) приехал в Берлин 18 ноября 1921 г. О берлинском периоде его жизни и контактах с Ремизовым см.: *Beyer Th.R.* 1) Andrej Bely. The Berlin Years 1921–1923 // Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. L. 1990. P. 90–142; 2) Russia's Odd Couple: Andrej Belyj and Aleksej Remizov // Russian Literature. 2005. Vol. 58, iss. 1/2. P. 1–27; *Лавров А.* Две Германии Андрея Белого // Europa Orientalis. 2003. № 22/2. С. 39–49; *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и берлинские автографы Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика / Ред.-сост. проф., д-р К. Инчин, д-р М. Спивак. Белград; М., 2017. С. 295–301.

[15] Адрес первой съемной квартиры в Берлине. Хозяйка – фрау Делион.

[16] Список путешествий по Германии в 1922 г.

[17] Страстная пятница (*нем.*). Данный текст является записью Ремизова к рисунку Н.В. Пинегина (цв. карандаши, без даты и без подписи), находящемуся в Альбоме С.П. Ремизовой-Довгелло с записями и рисунками ее современников (ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1291. Л. 39).

[18] Весна идет! (*нем.*)

[19] Летний день (*нем.*)

[20] на почту (*нем.*).

[21] *Пинегин Николай Васильевич* (1883–1940) – художник, писатель, кинодокументалист, полярник. В характеристиках своего нового знакомого Ремизов, очевидно, опирался на рассказы этого пейзажиста и отважного путешественника, в 1908 г. впервые предпринявшего экспедицию на Кольский полуостров для изучения природы и быта коренного населения – лопарей и самодийцев (самоедов). Выпускник Императорской Академии художеств (1916), свое творчество Пинегин прочно связал с географией Крайнего Севера. Работая и как пейзажист, и как картограф, он не только инициировал самостоятельные путешествия на Север, но и был участником знаменитых арктических экспедиций, таких как арктический поход Г.Я. Седова (1912–1914). Вклад Пинегина в работу экспедиции Седов отметил, назвав его именем западный остров в группе южных Крестовых островов и мыс в заливе Иностранцева. В 1920 г. Пинегин, живший после Октябрьской революции в Крыму, эмигрировал в Париж. В 1921 г. переехал в Прагу, где работал как театральный художник; весной 1922 г. перебрался в Берлин. К этому времени Пинегин написал книгу о путешествиях на Крайний Север «В ледяных просторах», которая при содействии Горького увидела свет в 1924 г. (Л.: Госиздат). Возможно, именно общение с Пинегиным, изучавшим в конце 1900-х годов фольклор самоедов и лопарей, напомнило Ремизову о собственных несостоявшихся планах 1910 г. отправиться вместе с М.М. Пришвиным к лопарям за сбором фольклорного материала. Идея не получила воплощения, однако уже в следующем году Ремизов использовал мотив северного фольклора о колдуненойде в рассказе «Глаголица» в качестве вставной безымянной новеллы, опираясь на опубликованные в 1889 г. исследования этнографа Н. Харузина (подробнее см. в коммент. Е.Р. Обатниной*: Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 3. М., 2000. С. 631–632). Наверняка в Берлине обнаружилось совпадение давних интересов новых знакомых, поскольку оказалось, что сказочный мотив ожившего колдуна-мертвеца привлек и Пинегина, который в 1909 г. в одной из своих публикаций, посвященных путешествию на Новую землю, привел собственную запись услышанной им в этих краях лопарской сказки (см.: *Пинегин Н.В.* Из сказок Лапландского Севера: Листки из записной книжки туриста // Известия Архангельского Общества изучения Русского севера. 1910. № 17. С. 27–33). Сказка о колдуне-мертвеце была републикована на страницах рождественского номера берлинской газеты «Дни» уже под самостоятельным названием «Нойда» (1922. 24 дек. № 48. С. 1; под общим заголовком «Святочные рассказы»), Пинегин же к своим необычным заслугам, отмеченным на карте Русского Севера, получил новый фантастический титул и звание «Кавалера, художника и посла самоедского при Обезвелволпале» (см.: *Осипов С. Я.* Разрядная Роспись людям Обезьяньей Великой и Вольной Палаты // Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 355). В Берлине художник сотрудничал с издательством Е.А. Гутнова, выпускавшим журнал «Сполохи» и серию книг под названием «Библиотека Сполохи». В частности, по заказу Гутнова художник выполнил иллюстрации к новеллам Ремизова из посолонного цикла (1906), получившим название «Красные поигрунки» (впервые: Игра: Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. СПб.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. № 3. Ч. 2. С. 57–64). Идея продолжить публикацию детских народных игр в ремизовской обработке возникла, очевидно, летом 1922 г., однако осенью этот проект не был востребован. В связи с переменами издательских планов из-за непредвиденных расходов на книгу (отказ издательства по финансовым причинам изложен в письме Гутнова Ремизову от 27 октября 1922 г. – Amherst. B. 1. F. 6. P. 45) Пинегин писал Ремизову 11 октября 1922 г.: «…ежели дело с “Поигрунками” расстроилось, рисунки Гутнову нечего держать – пусть немедленно вернет их Вам и снимет мое имя

с объявлений. <…> О дальнейшей судьбе иллюстраций загадывать пока не будем, надеюсь переговорить с Вами лично. Но по другим издательствам трепать картинки мне не хочется» (Amherst. B. 2. F. 7. P. 16). Отдельное издание «Красных поигрунков» с иллюстрациями Пинегина не состоялось, между тем на основании появлявшихся в печати анонсов эта книга оказалась включена в библиографию писателя (см.: *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 140). Издательство Е.А. Гутнова 6 ноября вернуло Ремизову и его рукопись, и «картины» Пинегина (Amherst. B. 1. F. 6). Другой несостоявшийся проект был связан с отдельным изданием ремизовского «Царя Максимилиана», которое по настоянию писателя издательство «Век культуры» предполагало выпустить с иллюстрациями Пинегина (об этом в письме представителя издательства Сергея Сочивко от 13 июля 1922 г.: Amherst. B. 1. F. 6. P. 45). См. примеч. 34.

[22] *Соколов-Микитов Иван Сергеевич* (наст. фам. Соколов; 1892–1975) – прозаик, литературный критик, мемуарист; участник I мировой войны; летчик-бомбардировщик; в 1919–1920 г. матрос грузового торгового судна, совершавшего рейсы в Европу; с 1920 г. – в вынужденной эмиграции в Англии; в мае 1921 г. поселился в Берлине; член берлинского Союза русских писателей и журналистов, сотрудничал в изданиях русской периодической печати («Новая русская книга», «Жар-птица», «Сполохи», «Голос России»). См. его автобиографический очерк, охватывающий период с 1918 по февраль 1922 г., в рубрике «Писатели – о себе» журнала «Новая русская книга» (1922. № 2. С. 41), а также воспоминания, запечатлевшие писателя в эмигрантской среде (*Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. В 3 т. Т. 1: Россия в Германии. М., 2001. С. 118–120). Дореволюционная биография писателя и берлинский период его жизни представлены также в кн.: *Смирнов Мих.* Иван Соколов-Микитов: Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 20–44. В августе 1922 г. писатель вернулся в Россию. В Берлине произошла встреча Соколова-Микитова с близкими знакомыми, с которыми его свела судьба в 1910-е гг. С упомянутым в данном письме художником Н.В. Пинегиным Соколов-Микитов был связан дружескими отношениями с 1919 г. (см.: *Соколов-Микитов И.С.* Полярный худдожник // Соколов-Микитов И.С. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 2007. С. 263–279). Весной 1922 г. Пинегин, готовясь к возвращению в Россию, нарисовал портрет Соколова-Микитова. Об этой графической работе, в частности, упоминалось в анонимной заметке Ремизова «Из жизни художников в Берлине» (1922. № 938, 9 апр. С. 7). Портрет сохранился в архиве Соколова-Микитова (ИРЛИ. Ф. 823. Оп. 1. № 29). С Ремизовым Соколов-Микитов познакомился в 1912 г. Обстоятельства тесного дружеского общения отражены в письмах 1913–1919 гг.: *Соколов-Микитов И.С.* Письма к А. М. Ремизову // Соколов-Микитов И.С. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1987. Т. 4 / Сост. П. П. Ширмаков; Подгот. текста, примеч. А.Н. Гершаника и В.Н. Сажина. С. 261–282. О политической сатире обоих писателей, выступавших под псевдонимами на страницах петроградской «Простой газеты партии социал-революционеров для города и деревни» (1917–1918), см.: *Субботин С.И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205–215. В июне 1922 г. Ремизов работал над главой «Всеобщее восстание» для «Временника», публиковавшегося в журнале «Эпопея», добавив в текст обновленную редакцию своей новеллы «Слово серебро – молчание злато» (Простая газета. 1917. № 20, 3 дек. С. 3; подписана псевдонимом: *Федор Бублов*). В контексте «Временника», представлявшего собой художественную версию дневника писателя за 1917–1921 гг., рассказанную Ремизовым, новелла получила новое название «Молчальник», а ее вымышленный герой Назарыч был преобразован в реального участника и свидетеля петроградской жизни – И.С. Соколова-Микитова (впервые: Эпопея. 1922. № 2. С. 83–84. См. также: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000, С. 61).

[23] Э.М. Каплун, которая в записях Ремизовых упоминается и как Эмилия, и как «Ел<ена?> Моис<еевна> Каплун», под прозвищем «Бирюлька». К записи С. П. Ремизовой-Довгелло от 24 декабря 1921 г, описывающей диалог с Бирюлькой в кафе «Дома искусств», Ремизов, после смерти жены в 1945 г., оставил позднейший комментарий: «[<…> Бирюлька вышла замуж за прогнившего старца-безобразника Вальдена [Sturm], а Соломон стрелялся и потом женился на даме морфинистке. Померла Бирюлька. Туберкулез. Помер и Сол<омон> Каплун († 1940), и осталась их дочь в Москве да этот измазанный

мазями Вальден. Мне жалко и Бирюльку, нежное существо, и Соломона, еврейский Хлестаков, хорошие люди, за меня всегда вступались, в Берлине, и здесь, в Париже – уже Сумский А.Р.]» (*Ремизова-Довгелло С. П.* «Мои записки». Тетрадь с записями, скопированными и откомментированными А.М. Ремизовым // ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 292. Л. 144). По непроверенным сведениям Э.М. Каплун умерла от туберкулеза в 1930 г. Мотивы неприязненного отношения Ремизова к Вальдену не выяснены. В момент записи он не мог знать о трагической судьбе Херварта Вальдена (наст. имя: Herwarth Walden Georg Levin, 1878–1941), который был видной фигурой немецкого авангарда, литератором, композитором; в 1910 г. он основал журнал «Sturm» и открыл одноименную галерею, где в 1927 г. устроил выставку рисунков Ремизова; в 1932 г. по идеологическим убеждениям, несовместимым с национал-социализмом, уехал из Германии в Москву; в 1941 г. был арестован, этапирован в Саратов, где умер в тюрьме (https://de.wikipedia.org/wiki/Herwarth_Walden).

[24] Букв.: Чем больше квакает лягушка перед Марком, тем тише она после него (*нем.*). Народная примета, распространенная на севере Германии, связана с днем памяти Св. Апостола и Евангелиста Марка (25 апреля). Биологическое поведение земноводных отражает изменение циркуляции воздуха в конце апреля. Лягушки квакают во влажном климате, связанном с действием атлантического циклона, который в свою очередь вызывает выпадение значительного уровня осадков. Лягушки замолкают, когда наступает сфера высокого давления. Таким образом, если лягушки в начале апреля квакают, это значит, что к концу месяца наступит продолжительная засуха.

[25] Оригинал представляет собой тетрадный лист, на который наклеены вырезка из календаря (надпись «январь») и почтовая открытка с рисунком – жена с метлой преследует мужа, убегающего в домашних тапочках, – и надписью: «Da werden Weiber zu Hyänen… Prosit. Neujahr!» (*нем. букв.*: «Так женщины становятся гиенами… Ваше здоровье! С Новым годом!»). На открытке надписи рукой Ремизова: «1.I.1922. Берлин. Серафиме Павловне Ремизовой. Алексей Ремизов <подпись>» (ОРФ ГЛМ. Ф. 156).

[26] *Южный Яков Давидович* (1883–1938) – актер, конферансье, режиссер; 20 декабря 1921 г. открыл в Берлине «Русско-немецкий театр-кабаре Якова Южного», который в дальнейшем получил название «Синяя птица» (просуществовал до 1937 г.).

[27] Литератор, переводчица *Венгерова Зинаида Афанасьевна* (1867–1941) и поэт, философ *Минский Николай Максимович* (наст. фам. Виленкин; 1855–1937), связанные между собой длительной историей любовных отношений, в Берлине заняли активную общественную позицию. В частности, они, как Ремизов, стали инициаторами берлинского Дома искусств, учрежденного 29 ноября 1921 г. – Минский (председатель), Ремизов (товарищ председателя), Венгерова (казначей). Подробнее о составе берлинского ДИСКа см. заметку «Дом искусств в Берлине» (Бюллетени Дома искусств. Берлин, 1922. № 1–2, 17 февр. Стб. 21). В своих политических взглядах Минский и Венгерова склонялись к сменовеховству, что откорректировало отзывы о них в письме С. П. Ремизовой-Довгелло от 10 декабря 1921 г., адресованном З. Н. Гиппиус, ввиду радикально противоположной политической установки адресата: «Венгерова мне очень не нравится, и вот она мне кажется зловредной, она какая-то, как Ал<ексей> М<ихайлович> ее нарисовал с красной звездой в турнюре сзади, противная» (Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной (в печати)).

[28] Угроза выселения Ремизовых из съемной квартиры возникла в начале ноября 1922 г. В декабре 1922 г. префектура Берлина приняла решение о тотальном выселении граждан иностранного происхождения в связи с незаконными валютными операциями. Ремизов в письме от 8 декабря жаловался С. Я. Осипову: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем, не можем найти. (Все гонятся за валютчиками)» («В России, как встретимся, будем вспоминать…». I Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст., коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 253). Ремизовым было предписано не только оставить квартиру, но и выехать из Берлина в двухнедельный срок. Сложившуюся ситуацию Ремизов описал в книге «Мышкина дудочка» (1953): «Опытные люди, в руках которых обращалась в те годы нелегальная благородная валюта, догадывались по полицейскому извещению: “Абт. 1. А, фременамт”,

и уверяли <…> меня, что высылают нас не иначе, как за “спекуляцию”» (*Ремизов. А.М.* Собр. соч.. М., 2003 Т. 10. Петербургский буерак. С. 139).

[29] Стиль поведения бесцеремонных персонажей Артамошки и Епифашки из сказки Ремизова «Зайка» (1905): «И стала Зайка их в комнаты пускать. А как влезли они в комнаты, – тут уж ничем их не выживешь. Зайка скачет, беленькая пляшет, а они мороками по башенке бродят, все трогают, все нюхают, а то в игры свои играть примутся: либо угощают друг дружку мордой об стол, либо в окно выбрасываются, – такие эти были Артамошка с Епифашкой» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М., 2000. С. 79).

[30] *Дроздов Александр Михайлович* (1895–1963) – писатель, редактор журнала «Сполохи» (1921–1923), сотрудник берлинского издательства *Евгения Александровича (Соломоновича) Гутнова* (1888–?). Подробнее о Дроздове см.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 80–106. См. также рецензии Дроздова, посвященные творчеству Ремизова в 1921–1922 гг. (А.М. Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб., 2016).

[31] Подразумевается сотрудник берлинского издательства «Русское творчество». Письма Г. Киреева за 1922 г. касаются корректурных вопросов вышедших в этом издательстве книг Ремизова: «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове (Неуемный бубен)», «Сказки обезьяньего царя Асыки», «Ё: тибетский сказ» (Amherst. B. 1. F. 7).

[32] Предположительно, ошибка в написании названия минерального источника в Карловых Варах: Muhlbrünnen (*нем.*).

[33] Подразумевается дом в курортном городке Бад Сааров, расположенном на берегу озера Шармютцельзее, где отдыхала семья издателя *Зиновия Исаевича Гржебина* (1877–1929).

[34] Речь идет о подготовке к изданию текста драмы «Царь Максимилиан» по заказу издательства «Век Культуры» – «Wiek Kultury» (Danzig), вступившего с Ремизовым в переписку в начале мая 1922 г. (Amherst. B. 1. F. 5; издательские письма на русском языке подписаны Ив. Германном). Несмотря на то, что это драматическое произведение было дважды опубликовано в России в 1920 г. (Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова. По своду В. В. Бакрылова. Пб.: Алконост; Пб.: Гос изд-во), издательство «Wiek Kultury» приняло его в производство, заплатив Ремизову гонорар 8000 немецких марок (Amherst. B. 1 F. 5. P. 109). В июльском номере журнала «Новая русская книга» был помещен анонс издательских проектов «Века культуры», в котором, в частности, сообщалось о приобретении рукописи «Царя Максимилиана» (1922. №. 7. С. 30). Однако проект так и не был доведен до завершения.

[35] Неустановленное лицо. В квадратных скобках рядом с инициалами Ремизов, очевидно, не смог восстановить в памяти полное имя, оставив пустое место.

[36] Киреев выполнял машинописный набор текстов Ремизова для издательства Гутнова.

[37] *Абрам Григорьевич Вишняк* (1895–1943) – владелец образованного в Москве в 1918 г. издательства «Геликон», успешно возобновивший книгоиздательскую деятельность в 1920 г. в Берлине. В 1922 г. выпустил в свет первый том книги Ремизова «Россия в письменах», а также в издаваемом им журнале «Эпоха» (под ред. Андрея Белого) опубликовал рассказ «Веретейка» (№ 1) и главы «Временника» (№1, 2).

[38] Министерство иностранных дел. Речь идет о получении вида на жительство в Берлине.

[39] *Алексеев Глеб Васильевич* (наст. фам. Чарноцкий; 1892–1938, в заключении) – прозаик, журналист; в Гражданскую войну оказался случайным эмигрантом: заболел сыпным тифом, находился в госпитале, который был эвакуирован из Новороссийска в Константинополь; работал в разных странах Южной Европы; в Берлин переехал в 1921 г.; некоторое время исполнял обязанности редактора «Книгоиздательства писателей в Берлине»; в 1922 г. образовал литературно-художественное содружество «Веретено» и два перио-

дических издания, отражающих деятельность и программу содружества, – вестник критической мысли и сатиры «Веретеныш» (первый номер вышел в августе 1922 г.), а также литературно-художественный альманах «Веретено», в единственном номере которого (вышел из печати в ноябре), в частности, была опубликована сказка Ремизова «Христов Крестник» (С. 189–196). См. также содержание устава «Веретена» и состав Совета в разделе «Литературная хроника» (Новая русская книга. 1922. № 5, май. С. 27). Подробнее о содружестве «Веретено» см.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 85–86. См. также очерк, посвященный Ремизову в Берлине: *Алексеев Г.* Алексей Ремизов // Сполохи. 1923. № 17/18. С. 44–45; *Алексеев Г.* Живые встречи. Берлин: Мысль, 1923. С. 5–10.

[40] Очевидно, визит представителей объединения «Веретено» был связан с планируемым в октябре литературным вечером, анонс которого появился во втором номере вестника критической мысли и сатиры «Веретеныш». Здесь сообщалось, что «в этом месяце в Берлине состоится первое публичное выступление писателей группы "Веретена". Выступят с чтением новых произведений писатели А. Ремизов, Ив. Лукаш, Александр Дроздов, Глеб Алексеев и поэт Вл. Пиотровский. Кроме того, выступят артисты русских и берлинских театров» (Веретеныш. 1922. № 2, окт. С. 8). Тема вечера, по-видимому, изменилась (см. отчет о вечере: Веретеныш. № 3, нояб. С. 6) в связи с отказом участников группы «Серапионовы братья» сотрудничать в «Веретеныше». См. письмо М. Слонимского (вторая половина октября 1922 г.), в котором лаконично выражено негативное отношение «серапионов» к новому берлинскому изданию (Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С. 384). Очевидно, что отношение к «Веретенышу» было реакцией на критику Г. Алексеева, упрекавшего «братство» в оторванности от классической русской литературы, с одной стороны, и в эпигонстве Ремизову, с другой (см.: *Гл.А.* <Алексеев Г. В.> Серапионовы братья // Веретеныш. 1922. № 2, окт. С. 9).

[41] Речь шла об участии Ремизова в альманахе «Веретено». См. анонс альманаха и публикации сказки Ремизова «Христов крестник»: Веретеныш. 1922. № 1, авг. С. 8.

[42] *Уманский Дмитрий Александрович* (1901–1977) – переводчик русской литературы на немецкий язык, публицист, брат дипломата К.А. Уманского. См. переводы Уманского рассказов «Мурка», «Цветник», «Пупочек», «Богомолье», «Чудо» и «Заборы», опубликованные в немецкой и чешской периодической печати в 1922–1923 гг. (А. М. Ремизов: Библиография (1902–2013); по указ. прижизненных публикаций А. М. Ремизова). Речь идет о письме Уманского от 16 мая 1922 г., в котором он отвечал на вопросы Ремизова, поставленные в связи с предложением Уманского предоставить тексты своих произведений для проекта издательства «West-Ost Verlag» (Лейпциг; Вена), которое объявило о намерении выпустить 35-томную серию «библиотеки русской литертуры» от классиков XIX в. до писателей современности. В серии «Russiche Bücherei» под редакцией Уманского предполагалось участие известных Ремизову переводчиков (в частности, А. Лютера, Ф. Фриш и др.). Судя по письму Уманского, Ремизов в своем письме от 11 мая подробно в 11 пунктах <*sic*!> расспрашивал переводчика об условиях публикации, включая вопросы о предоставлении корректур, гонораре, сроках издания (Amherst. B. 1. F. 5).

[43] Подразумевается письмо *Николая Николаевича Никитина* (1895–1963) – писателя из литературного объединения «Серапионовы братья», датированное 2–9 мая 1922 г. См.: Письма С. Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А. М. Ремизова: 1920-е гг. // Публ. Е. Обатниной // Архив советской эпохи: сб. (в печати).

[44] *Вера Лазаревна Вишняк* (урожд. Аркин; 1896, по др. сведениям 1898 – ?) – жена владельца издательства «Геликон» А.Г. Вишняка.

[45] Неустановленное лицо.

[46] *Северинг Карл Вильгельм* (Зеверинг; Carl Wilhelm Severing; 1875–1952) – политический деятель, социал-демократ, в 1920–1930 гг. возглавлял министерство внутренних дел Германии и Пруссии.

[47] Очевидно, речь идет о собраниях Русского Академического Союза в Германии, учрежденных 3 июня 1920 г. профессором А.И. Каминкой для защиты научных, правовых и профессиональных интересов организации русских ученых, находившихся в Берлине. Объединение русских ученых также ставило целью принять на себя заботу о русских студентах в Германии, содействовать проживающим в России ученым к установлению их связи с научным миром за границей вообще и особенно в Германии. Для выполнения целей Союз организовывал моральную и материальную поддержку ученым, постоянно проживающим в России, устраивал научные собрания, лекции и систематические курсы по отдельным отраслям научного знания, а также снабжал русских ученых в Германии и в России специальной научной литературой. В 1922–1923 гг. Академическая группа выпустила в издательстве «Слово» под ред. проф. А.И. Каминки четыре сборника научных трудов. Инициатива Дома Ученых в Берлине, поддерживалась Горьким как основателем Дома Ученых в Петрограде (открыт 31 января 1920 г.). Идея учреждения собственно «Дома ученых» в Берлине так и не была доведена до осуществления.

[48] Ср. оригинал письма, в котором отсутствует пассаж о Минском. Очевидно, Ремизов внес в текст письма колоритную деталь публичного поведения Минского, опираясь на одно из выступлений поэта и философа в берлинском Доме искусств. Ср. также стиль Минского, отмеченный другим очевидцем: «…не верилось совсем, когда Николай Максимович рассказывал: “познакомившись с Достоевским…” У поэтессы, спросившей о возрасте, он взял палец и провел им по своим челюстям: “у молодых это видали? то-то!” – засмеялся Николай Максимович и продолжал: “однажды гуляли с Тургеневым…”» (*Гуль Р.* Жизнь на фукса. М.; Л., 1927. С. 210).

[49] Параллельно с идеей организации «Дома ученых» в Берлине (см. примеч. 47) Горький занимался подготовкой «издания Дома Ученых» – «информационного журнала по вопросам науки и техники» (в другом варианте: научно-литературного журнала), в первоначальных планах носившего название «Путник». Ср. анонс: «В Берлине в ближайшее время начнет выходить научно-литературный журнал “Путник”, предназначенный для распространения, главным образом, в России. Новый журнал предполагается издавать по типу так называемых “толстых журналов” в 25 печатных листов. Главными руководящими силами журнала будут: М. Горький, проф. Ф.А. Браун, академик Ольденбург, проф. Пинкевич. Получено согласие на участие в журнале писателей Толстого, Ремизова, а также ведутся переговоры с виднейшими литературными силами Англии, Германии, Франции и др. <…> Редактироваться журнал будет в Берлине (Горьким и проф. Брауном) и в Петрограде (акад. Ольденбург и др.). <…> Цель журнала <…> – всестороннее ознакомление русского читателя с мировой литературой и наукой и общественно-политической жизнью Запада» (Новый журнал «Путник» // Накануне. 1922. № 16, 13 апр. С. 5). См. также письма Горького А.П. Пинкевичу, Г.Д. Гребенщикову, Г. Уэллсу (*Горький М.* Полное собрание сочинений: В 24 т. М., 2009. Т. 14. С. 42, 43, 48–49). Результатом этих проектов стал журнал литературы и науки «Беседа», выход первого номера которого состоялся в июне 1923 г.

[50] Книга Ремизова «Кукха. Розановы письма» увидела свет в издательстве З.И. Гржебина 19 декабря 1923 г.

[51] *Максим Горький* (Пешков Алексей Михайлович; 1968–1936) при поддержке Ленина выехал за границу 6 октября 1921 г. В последующие три года он проходил лечение в санаториях Германии и Чехословакии. Речь идет о его кратковременном приезде в Берлин из курортного городка Бад Сааров.

[52] Весной 1922 г. *Алексей Николаевич Толстой* (1883–1945) переехал из Парижа в Берлин после череды инцидентов, связанных с началом его деятельности как редактора литературного приложения к сменовеховской газете «Накануне». Подробнее см.: *Толстая Е.* 1) Человек меняет вехи: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: К 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446–472; 2) Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 214–224.

[53] *Родэ* (Роде) Амалий (Адолий) Сергеевич (1879–1930) – владелец петербургского ресторана «Вилла Родэ», популярного в литературно-артистической среде 1910-х гг.; в годы революции заведующий столовой в Театральном отделе Наркомпроса. В 1920–

1921 гг. – заведующий хозяйством Петроградской Комиссии улучшения быта ученых и директор Дома ученых. Эмигрировал как литовец по происхождению. См. о встрече с Родэ в Берлине очерк Ремизова «Алексей Максимович Пешков – (1868–1936)» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 284–285).

[54] *Пинес Ефим Семенович* (?–1933) – сотрудник берлинского издательства «Скифы».

[55] *Ольга Михайловна Персиц* – писательница, переводчица произведений русских писателей на английский язык; в 1913–1914 гг. переводила повести и рассказы Ремизова; об этом в ее письмах Ремизову (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 149); сестра Тамары Михайловны Персиц (в первом браке Кобеко; лит. псевд. Эванс; ?–1955) – писательницы; владелицы издательства «Очарованный странник» (1918), жены Артура Лурье. См. также упоминания об О.М. Персиц в Дневнике Ремизова (1917–1921 гг.): *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5. М., 2000 (по имен. указ.).

[56] По-видимому, аллюзия на заключительный пассаж лирического отступления поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «А ночь! небесные силы! какая ночь совершается в вышине!» (гл. 11).

[57] Подразумевается стихотворения «Махно» *Николая Семеновича Тихонова* (1896–1979), публикации которого Ремизов в качестве эпиграфа предпослал цитаты из полученного от Б. Пильняка письма Е. Замятина с доброжелательной оценкой поэтического таланта молодого поэта, в ноябре 1921 г. присоединившегося к братству «серапионов» (Голос России. 1922. № 993, 18 июня. С. 6).

[58] Идеологическое и политическое направление, возникшее в 1920 г. в эмиграции, лидеры которого (Ю.В. Ключников и Н.В. Устрялов) выдвинули программу сотрудничества с Советской Россией. В июле 1921 г. в Праге был издан сборник «Смена вех», собравший статьи видных философов, социологов, политических деятелей либерального направления, продемонстрировавших новый взгляд на ответственность интеллигенции за дальнейшее историческое развитие России, согласно которому национальные интересы страны должны быть поставлены выше политических разногласий с победившей партией большевиков. Появление сборника в значительной мере расслоило эмигрантский контингент начала 1920-х гг., усилив настроения «возвращенчества». Органами печати сменовеховства за рубежом стал одноименный журнал (Париж, 1921–1922) и газета «Накануне» (Берлин, 1922–1924). В России идеологию сменовеховства с несколько смещенными акцентами пропагандировал корреспондент Ремизова в 1922–1926 гг. И.Г. Лежнев в выходившем под его редакцией журнале «Новая Россия» (1922–1923). См. также главу «Сменовеховцы» в мемуарах участника этого движения в эмиграции: *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции в 3 т. Т. 1: Россия в Германии. С. 219–227. Об отношении Горького к сменовеховству подробнее см.: *Примочкина Н.* Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 95–107.

[59] См. примеч. 21, 34.

[60] Поздний комментарий Ремизова, очевидно, искажает мотивы переработки текста «Царя Максимилиана», поскольку предложения Ремизову, связанные с постановкой драмы в 1922 г. не выявлены. См. также примеч. 21, 34.

[61] *Пинкевич Альберт Петрович* (1883–1939) – профессор-геолог, доктор педагогических наук, издательский работник, заместитель М. Горького в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых, благодаря которой 15 октября 1920 г. Ремизову, вместе с М. Кузминым, А. Блоком, Ф. Сологубом и Н. Гумилевым, был назначен академический паек в столовой при «Доме ученых»; в начале 1922 г. командирован в Берлин в качестве заместителя З.И. Гржебина в его издательстве. Перед отъездом в Петроград (18 мая) Пинкевич отправил «Рапорт» – «светлейшему князю обезьяньему Ремизову Алексею <от> кавалера обезьяньего знака неизвестно какой степени Пинкевича Альберта», в котором объявил о конце «жития берлинского» и просил о встрече утром 20 мая (Amherst. B. 1. F. 9. P. 316–317). Очевидно, встреча была перенесена на вечер.

[62] Прославившаяся в России 1910-х гг. исполнительница цыганских романсов *Настя* (Анастасия Алексеевна) *Полякова* (1877–1947); эмигрировала в 1920 г. в Константинополь; в начале 1920-х концертировала во Франции и Германии.

[63] В Нижнем Новгороде А.М. Пешков родился и провел юность.

[64] *Талов Марк Владимирович* (католическое имя Марк-Людвик; 1892–1962) – поэт, переводчик, мемуарист; жил в Париже с 1913 г.; вошел в круг поэтов и художников французского авангарда 1910-х – начала 1920-х гг.; автор нескольких поэтических сборников; во Франции принял католичество и подписывался именем, данным при крещении: Марк-Людвик Талов; в мае 1922 г. приехал в Берлин в надежде с помощью русских эмигрантов получить разрешение на возвращение в Россию; в августе 1922 г. вернулся в Москву при поддержке Ремизова (см. нашу статью «Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг.», с. 35 наст. изд.). В архиве Ремизова сохранилось стихотворение Талова «В корчах голода» (май 1922 г.) с посвящением Ремизову (Amherst. B. 1. F. 2. P. 107–107). Письма Ремизова и дарственные надписи на книгах, подаренных Талову во время его пребывания в Берлине, см.: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы. М., 2005 (вклейка иллюстративных материалов).

[65] Полицейское управление (*нем.*).

[66] *Шрейбер Яков Самойлович* – инженер; близкий друг Л. Шестова; знакомство с Ремизовым восходит к июлю 1911 г., когда писатель во время заграничного путешествия останавливался в доме Шрейберов в Берлине.

[67] Намерения Талова перевести произведения Ремизова на французский язык остались неосуществленными.

[68] *Полисадов Владимир Ионович* (Полисадов-Шарлай; Polisadoff; V. Polissadiw-Charlaï; 1883 – после 1940) – художник-авангардист; с 1911 г. жил во Франции, в 1914–1923 гг. – в Швейцарии. Вероятно, знакомство Ремизовых с ним относится к 1903 г., когда они недолго останавливались в Одессе, где прошли детство и юность Полисадова. В письме Ремизову от 15 июня 1922 г., отправленном из швейцарского городка Лутри, Полисадов, очевидно, по просьбе М. Талова, сообщал: «Уважаемый Господин Ремизов, Талов Марк-Людвик поэт і мой возлюбленный ученик обернулся до меня с маленькою листівочкою поведомляючи из Берлина о Вашем с Серафимой Павловной здоровіи…» (Amherst. B. 1. F. 5. P. 184).

[69] После организованной Толстым публикации «Открытого письма» председателю Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции Н.В. Чайковскому (см.: Открытое письмо гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. 1922. № 17, 14 апр. С. 2) по инициативе З.Н. Гиппиус состоялось исключение писателя из этого сообщества русской интеллигенции (см.: Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной (в печати); п. от 12 мая 1922 г.). Затем последовало отчуждение Толстого от парижского Союза русских писателей и журналистов, что, по сути, стало подтверждением тенденции русской творческой диаспоры к расколу по линии политических интересов. См. публикацию писем П.Н. Милюкова от 19 апреля, направленных одновременно сотрудникам газеты «Накануне» – А.Н. Толстому, И.М. Василевскому (Не-Букве) и А. Ветлугину (В.И. Рындзюну), об исключении их из Союза русских писателей и журналистов (Парижская контр-разведка // Накануне. 1922. № 26, 27 апр.; там же опубликованы заявления троих литераторов о выходе из Союза). В Берлине метаморфозы Толстого также не остались без общественной реакции: 30 мая в Союзе русских журналистов и литераторов в Германии было устроено Чрезвычайное собрание, на повестку дня которого был поставлен вопрос об исключении из членов Союза журналистов, работающих в газете «Накануне». В прениях радикальную точку зрения высказал С. И. Гессен. См. также об этом поворотном периоде жизни Толстого: *Толстая Е.* Человек меняет вехи: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: К 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446–472.

[70] Несомненно, Ремизов проецирует ситуацию с Толстым на эпизод личной биографии 1909 г., когда после обвинения в плагиате некоторые журналисты поднимали вопрос о его «изгнании» из писателей. См.: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2015. № 3. С. 155.

[71] Курорт на Балтийском море, расположенный на границе с Польшей, где с 12 по 25 июня 1922 г. находилась на санаторном лечении Ремизова-Довгелло.

[72] *Постников Сергей Порфирьевич* (1883–1965) – историк, библиограф, с которым Ремизов был хорошо знаком со времени сотрудничества в основанном Постниковым неонародническом журнале «Заветы» (1912–1914), а также в газете «Дело народа», учрежденной также Постниковым в марте 1917 г., и в петроградском издательстве «Революционная мысль», выпустившем повесть Ремизова «Странница» (1918). В 1922–1923 гг. жил в Берлине, где заведовал литературно-художественным отделом газеты «Голос России»; с 1923 по 1945 г. – в Праге, один из организаторов пражского Русского заграничного исторического архива; редактировал (1923–1927) журнал «Революционная Россия».

[73] *Владимир Михайлович Зензинов* (1880–1953) – политик, общественный деятель, публицист, член ЦК партии эсеров; член редколлегии «Современных записок».

[74] *Слоним Марк Львович* (1894–1976) – литературный критик, публицист, редактор литературного отдела журнала «Воля России» (1922–1932).

[75] См. примеч. 11.

[76] Судя по поздней ремарке Ремизова, содержащей вопросительный знак, писатель не смог восстановить смысловое значение слова «дол-нео-вес».

[77] *Шрейдер Александр Абрамович* (1894 или 1895 – 1930) – философ, журналист, один из лидеров партии левых эсеров; в 1918 г. председатель Петроградского революционного трибунала печати; с 1921 г. жил в Берлине, являясь заграничным представителем партии левых эсеров; основал издательство «Скифы».

[78] Речь идет о главах будущего романа «Взвихрённая Русь», которые первоначально печатались под общим заголовком «Временник Алексея Ремизова» в московском журнале «Народоправство», выходившем в 1917 г. под редакцией Г.И. Чулкова, и представляли собой персональный дневник революционного времени. В Берлине публикация глав ремизовского «Временника» была продолжена в журнале «Эпопея», выпускаемом издательством «Геликон» под редакцией Андрея Белого. См.: Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Весенняя рынь. 23–27.II.1917 // *Эпопея*. 1922. № 1. С. 41–86; Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Орь. 27.II – 1.VI. 1917 // *Там же*. 1922. № 2. С. 61–104; Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Мятенье. 1.VI – 10.VII.1917 // *Там же*. 1922. № 3. С. 68–124.

[79] Ремизов не вписал фамилию в текст рукописи. Однако очевидно, что речь шла об *Анне Ильиничне Денисевич* (имя до 1908 г.: Матильда; в 1-м браке Карницкая; 1883–1948) – второй жене Л.Н. Андреева, матери Саввы, Веры и Валентина Андреевых. Денисевич жила на окраине Берлина, в известном своим парком районе Грюневальд (см. упоминание о Денисевич в Берлине в воспоминаниях ее пасынка: *Андреев В*. История одного путешествия. М., 1974. С. 246).

[80] *Серафима Павловна Линдерхаус* (S. Linderhaus) – постоянная корреспондентка С. П. Ремизовой-Довгелло в 1920-х гг. Ср. оригинал письма.

[81] Ремизова-Довгелло гостила в загородном доме семейства Гржебиных на курорте Бад-Сааров до 12 июня 1922 г. Очевидно, в закавыченных словах заключалась ироническая «угроза» Гржебиным, только что проводившим жившего у них в течение нескольких месяцев А.П. Пинкевича.

[82] *Маделунг Аггей* (*Оге, Ааге*) *Андреевич* (1872–1949) – датский писатель. В начале 1900-х гг. был скупщиком и экспортером масла в Вологде; в последующие годы состоял в дружеской переписке с Ремизовым. См.: Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

[83] См. о ней: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной (окончание) // Русская литература. 2016. № 2. С. 187.

[84] *Залшупин Сергей Александрович* (псевд. Серж Шубин (Choubine); Zalchoupine, Zalshupin S.; 1898, по другим данным 1901–1931) – график, живописец. Эмигрировал в Берлин в 1921 г.; сотрудничал в эмигрантских издательствах, в частности в журнале

«Сполохи»; в марте 1922 г. написал портрет Ремизова, опубликованный в журнале «Сполохи» (1922. № 8. С. 25). См. упоминание об этой графической работе в заметке «Выставка художника С. Залшупина» (Руль. 1924. № 993, 11 марта. С. 6). Портрет с автографом Ремизова: «Нарисован я тут замурлотанный <*sic!*> / так должно быть и есть: то-то, д<олжно> б<ыть>, невесело со мной. Алексей Ремизов. 20 III 1922», – воспроизведен в изданиях: Русский альманах. Париж, 1981 (вклейка); Русский міръ: альманах. СПб., 2014. № 9. С. 79.

[85] *Ида Федоровна Ремизова* (урожд. Рюккерт; 1873–1958) – жена старшего брата писателя, Виктора Михайловича Ремизова.

[86] Неустановленное лицо.

[87] Речь идет о частях главы «Всеобщее восстание. Орь. 27/II – 1/VI 1917» из «Временника Алексея Ремизова» (I. «Пряники»; II. «Палочки»; III. «О мире всего мира»), которую писатель готовил для публикации во втором номере журнала «Эпопея» (1922. № 2. С. 61–74). Впоследствии эти тексты вошли в состав главы «Медовый месяц» романа «Взвихрённая Русь» (1927).

[88] Das Wohnungsamt (*нем.*).

[89] Der Schein – свидетельство (*нем.*).

[90] Немецкая переводчица и поэтесса *Фега Фриш* (Frish; 1873–1942) впервые обратилась к Ремизову с просьбой предоставить авторское согласие на переводы его произведений в письме от 6 ноября 1909 г. См. о ней также: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Stanford, 2014. Part I. P. 325–338. (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

[91] Речь идет о деревне Брайтбрунн на озере Ammersee (Breitbrunn am Ammersee), где Ф. Фриш предложила писателю и его супруге снять комнату и совершать радиальные прогулки по местным достопримечательностям (Amherst. B. 1. F. 5; п. от 5 июля 1922 г.). Путешествие по Верхней Баварии нашло отражение в повести Ремизова «По карнизам» (1929). Подробнее см. статью «Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг.», с. 36–37 наст. изд.

[92] Церковь Св. Луизы в Шарлоттенбурге, получила название в начале 1820-х гг. в память о Королеве Луизе, скончавшейся в 1810 г.

[93] Издательство «Огоньки», основанное в Берлине в декабре 1921 г., в планах анонсировало выпуск русской беллетристики и поэзии, в том числе произведений Ремизова. См. об этом заметку «Новое издательство» (Руль. 1921. № 325, 11 дек. С. 7).

[94] Первоначальное название написанного в Петрограде романа (1917–1918), главы из которого появились в печати в 1923 г. в журнале «Русская мысль» (София; Прага; Берлин), а в 1950-е гг. публиковались под общим названием «Плачужная канава». См.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. С. 283–448. Владелец издательства А.Г. Левенсон в письме Ремизову от 15 декабря 1921 г. вел переговоры об издании тома повестей и рассказов писателя (Amherst. B. 1. F. 1. P. 224), однако в 1922 г. «Огоньки» выпустили из печати повесть Ремизова «В поле блакитном», а роман «Канава» был в 1923 г. переадресован Ремизовым в московское издательство артели писателей «Круг» (см. об этом: *Пильняк Б.А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Т. 2. М., 2010. С. 21), но и в Москве публикация не состоялась.

[95] Прозвище Соколова-Микитова, данное ему Ремизовыми; связано с эпизодом биографии писателя – службой матросом на торгово-пассажирском пароходе «Королева Ольга», доставлявшем паломников из Одессы в Грецию на Святую гору Афон. В один из рейсов Соколов-Микитов сошел на берег и более двух недель путешествовал по старому Афону, проведя некоторое время среди монастырской братии. Афонские впечатления составили часть его книги «Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем…», выпущенной в 1922 г. издательством «Русское творчество» в Берлине. Ср. рецензию Р. Гуля на это издание: «Очерк “Об Афоне” – от него веет православным ладаном и темным

монастырским блудом» (Новая русская книга. 1923. № 2. С. 16). Очевидно, в прозвище «монах» Ремизов вкладывал собственные корреляции с Гоносиевой повестью «Что есть табак» (1906), которая была им написана на основе народных легенд и заветных сказок антиклерикального характера, а также с повестями из жизни афонского монашества.

[96] Речь шла о новом сборнике сказок. Очевидно, после очередного предложения издательству «Скифы», которое в 1922 г. уже выпустило книгу «Чакхчыгыс-Таасу: Сибирский сказ» и готовило к выходу в свет книгу «Лалазар: Кавказский сказ» (издана летом 1922 г.), 22 июня Ремизов получил ответ А.А. Шрейдера, в котором издатель объяснял ситуацию на книжном рынке: «А насчет новой книги сказок – сейчас очень трудно. Ни один комиссионер сейчас сказок не хочет брать» (Amherst. B.1. F. 2. P. 24).

[97] См. примеч. 31.

[98] Хлеб из непросеянной муки.

[99] Würstchen (*нем.*) – колбаски.

[100] Ausländer (*нем.*) – иностранец.

[101] *Вячеслав Яковлевич Шишков* (1873–1945) входил в круг литераторов, с которыми Ремизов тесно общался в 1918–1921 гг., сотрудничая в Петроградском отделении Театрального отдела Наркомпроса и Театральной коллегии Петербургского Театрального отдела (ПТО). Особенно писатели сблизились, когда в 1920 г. оказались соседями по первому советскому «общежитию», получившему официальное название «Первый Отель Петросовета» (Троицкая, 4). Шишков, испытывавший глубочайший пиетет перед ремизовским литературным дарованием и искреннюю дружескую привязанность к нему, стал добровольным поверенным Ремизова в разрешении финансовых и имущественных проблем, возникших после отъезда писателя из России. Речь идет о письме Вяч. Шишкова от 29 мая, в котором он сообщает об отправке в Берлин найденной ремизовской публикации рассказа «Оплешнички» (Моряк. 1918. № 2, май. С. 2–5), который впоследствии частично был включен автором в очерк «Семь бесов» в составе воспоминаний «Иверень».

[102] *Иллисон Леонид Иванович* (1900–1922) – выходец из Эстонии; учился в Петрограде в Императорском Коммерческом училище; увлекался театром, посещал Школу актерского мастерства при Наркомпросе (ныне Академия театрального искусства) в 1918–1920 гг.; 5 августа 1921 г. оказался вместе с Ремизовыми в составе эшелона оптантов, направлявшихся из Петрограда в Эстонию. Испытания, пережитые вместе на пути из России, сблизили Ремизовых и молодого человека, которого они прозвали «Волк Волкович». После переезда Ремизовых в Берлин Илллисон просил писателя о содействии в получении визы в Германию для продолжения актерского образования. Ремизовы буквально взяли под опеку своего юного друга, стараясь помочь ему обосноваться в Германии. В начале 1922 г. молодой человек приехал в Берлин. При посредничестве Б. Пильняка, находившегося в феврале-марте 1922 г. в Берлине, удалось обеспечить ему финансовую помощь американской ассоциации помощи голодающим русским литераторам и ученым (ARA), которая была направлена через берлинский комитет помощи русским литераторам и ученым. Ходатайство о помощи Иллисону от 2 марта 1922 г., подписанное Б. Пильняком и Ремизовым, сохранилось в архиве Пильняка (РГАЛИ. Ф. 1576. Оп. 1. № 37. Л. 259). Эта поддержка оказалась чрезвычайно своевременной, поскольку очень скоро выяснилось, что юноша тяжело болен. Из-за стремительно развивавшегося туберкулеза легких ему понадобилась срочная медицинская помощь. 24 марта 1922 г. Иллисон известил писателя о том, что оказался в больнице (Amherst. B. 1. F. 2. P. 132–133). Благодаря американским денежным переводам молодой человек был переведен из больницы в санаторий Красного Креста (об этом в письме Иллисона от 27 июля: Amherst. B. 1. F. 2. P. 138–140). Спустя месяц Иллисон скончался, о чем Ремизов узнал из извещения, направленного на его имя представителем Красного Креста 3 сентября 1922 г. (Amherst. B. 1. F. 7. P. 148). На этом документе Ремизов оставил запись красными чернилами: «Так помер Волк Волкович, спутник наш дорожный из России эшелоном в Нарву 5 августа 1921 г. Хороший был Волк Волкович. Кавалер обезьяньего знака и обезьяний посол эстонский» (*Там же*).

[103] Ausweis (*нем.*) – документ. Речь идет о «персональаусвайсах» (Personalausweis) – удостоверениях личности, имевших желтоватый цвет обложки. Этот документ выдавался

тем беженцам из России, которые могли достоверно доказать, что не могут получить советский паспорт или обратиться к советским властям. В персональаусвайсе была отметка, что документ выдается вместо паспорта для пребывания на территории Германии. По истечении трех месяцев документ возобновлялся (ср. в Приложении оригинал письма, где говорится о сроке до 12 сентября). Разрешение на пребывание в стране не давало права на жительство в той или иной местности Германии. Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 375.

[104] Ср. расшифровку литер в фамилии писателя, которая появилась во время работы над главами будущего романа «Взвихрённая Русь» в связи с новым образом подписи: «Я писал завитущато – и перо хорошее и сидеть удобно и свет такой, не темнит и не режет! – и в конце подпись свою вывел:

с голубем, со змеей, с бесконечностью –
с крылатым “з”, со змеиным “кси”
с “Ѣ” – в Алексее
с “ижицей” – в Ремизове

и с заключительным “твердым знаком”» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 219). Подробнее о ремизовской автомифологии, заключенной в графическом изображении имени и фамилии, придуманном писателем в 1922 г., см.: *Безродный М.В.* Об одной подписи А. Ремизова // Русская литература. 1990. № 1. С. 224–228.

[105] *Аксинья*, в других случаях Анисья – имя воображаемой прислуги («няньки»), работу которой выполнял Ремизов. Ср.: «А я вам скажу, кто я. Я – нянька Анисья (Анисья Алексеевна) и я – горничная Аннушка (Анна Борисовна) и я же, – повар Дементий Петрович). Загляните на кухню, <…> когда я за своей работой и без всякого тормошения и никто меня не дергает и в тишине: с двенадцати ночи и до трех или немного позже. Отрываясь от беспокойных сливающихся строчек, в раздумье, я вдруг замечаю (я как очнулся во сне, продолжая сновидение), что я не один: под кастрюлями горничная Аннушка с поджатыми губами, – я не решаюсь спросить, что ее сегодня так расстроило, какая забота? <…> …а вот и нянька Анисья, знаю, как ей трудно, а поднялась к плите, спасибо, это она осторожно ставит на стол к рукописи мой волшебный “фильтр”, – кофе, и отошла в угол, <…> где примостился спиной к ордюру, вижу “философ” повар Дементий; набивает из окурочного табаку вытянутые, советским способом, использованные гильзы, спасибо, – я закуриваю его папиросу. <…>. А иногда и без всякого вдруг, подпершись кулаками, мы совещаемся, как исхитриться, как будем жить завтрашний день…» *(Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. М., 2000. С. 195).

Список иллюстраций

С. **53**. Письмо А.М. Ремизова жене. 1 января 1922, Берлин. ОРФ ГЛМ. Ф. 156.
С. **58**. Фрагмент письма А.М. Ремизова жене. 14 июня 1922, Берлин. ОРФ ГЛМ. Ф. 156.

A.M. Remizov

“At the Evening Dawn”. Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922

Introduction and commentaries by Elena R. Obatnina
Editing by Elena R. Obatnina and Anna S. Uriupina

Abstract: The publication presents extracts from the manuscript "At the Evening Dawn" (1943–1948) by A.M. Remizov, based on his letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello. The present chapters are devoted to first two years (1921–1922) of Remizovs' life in Berlin. In the introductory note, the origin of the manuscript and distinctive features of Remizov’s biographical genre are discussed. The appendix contains A.M. Remizov’s original letters, which make it possible to evaluate methods of transformation of epistolary documents and analyze Remizov's creative strategy concerning autobiographical works.

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary literature, writer’s letters, archival materials.

Information about the authors: Elena R. Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS. St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna S. Uriupina, PhD, archivist, Dal State Museum of Russian Literary History (State Literary Museum). Moscow, Russia. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-82-139
УДК. 821.161.1

Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы
(окончание)

А. Л. Соболев

Аннотация: Окончание мемуаров Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878–1956), начатых печатанием в третьем номере «Литературного факта». Ныне публикуемые главы содержат воспоминания о Валерии Яковлевиче Брюсове (1873–1924), Борисе Арнольдовиче (Ароновиче) Койранском (1882–1920), книгоиздательстве «Скорпион», художниках Модесте Александровиче Дурнове (1868–1928) и Георгии Богдановиче Якулове (1884–1928). В приложении печатается краткая юмористическая пьеса В.Г. Лидина «Вторник у Кара-Мурзы», рисующая яркие портреты самого мемуариста и завсегдатаев его литературного салона.

Ключевые слова: русская литература XX века, русская живопись начала XX века, символизм, модернизм, В.Я. Брюсов, Б.А. Койранский, издательство «Скорпион», М.А. Дурнов, Г.Б. Якулов, В.Г. Лидин.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ[1]

Недавно, проходя по 1-ой Мещанской улице, мимо дома причудливой архитектуры, нечто вроде скандинавского стиля, я увидел на фасаде мемориальную доску из белого мрамора с барельефом и надписью: «В этом доме жил, творчески работал и умер Валерий Брюсов, поэт, историк, ученый, член ВКП(б). Годы 1873–1924»[2].

Подсчитал в уме цифры и получилось, что Брюсов жил всего 51 год, и от этого сознания так больно защемило в душе, что и потом целый день чувствовал какой-то укол в сердце. Иные политические, общественные и даже литературные деятели в этом возрасте только начинают развертывать свою творческую мощь.

Вал. Як. был одним из самых интересных людей, каких я только встречал в жизни, одним из тех оригинальных, многогранных лиц, которые пленяют своим неповторимым своеобразием. С ним как-то неловко и даже бестактно было бы заговорить о чем-нибудь мелком и будничном. С Вал. Яковл. всегда нужно было быть подтянутым.

Мои воспоминания о Брюсове восходят еще к концу прошлого столетия, ко временам нашей юности. Они довольно обширны, но я прочту из них только несколько отрывков. Первая наша встреча произошла 55 лет тому назад.

8-го октября 1893 года в Париже умер Алексей Николаевич Плещеев, любимый поэт тогдашней радикальной молодежи, поэт-общественник, после смерти Некрасова возглавлявший гражданскую лирику, поэтический трибун демократической интеллигенции.

Тело Плещеева было привезено для погребения из Парижа в Москву.

---

[1] Печатается по автографу: РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 7. В рукописи подзаголовок: «Читано в Мемуарной секции Союза Советских писателей 17-го апреля 1942 г.». В той же единице находится вторая версия этого текста, предназначенная для выступления в научном собрании Государственного Литературного музея. 9 мая 1942 г. (в оригинале описка – «1941») Кара-Мурза писал, адресуясь «в дирекцию Литературного Музея»: «Предлагаю Вам на одном из Ваших “четвергов” повторение моих воспоминаний о В.Я. Брюсове, прочитанных мною в заседании мемуарной секции Союза Советских писателей 17 апреля с. г. Был бы рад выступить снова в учреждении, с которым я был связан многолетним сотрудничеством» (ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 3). Доклад был поставлен в план на 18 июня 1942 г. под названием: «С. Г. Кара-Мурза. Воспоминания о Валерии Брюсове (В. Брюсов как патриот)». Некоторые метаморфозы текста в угоду принятой теме заставили нас положить в основу публикации первый, более ранний вариант доклада. Одно из трудных мест в черновике было прочитано А.А. Ильиным-Томичом, которому пользуемся случаем выразить глубокую признательность.

[2] Мемориальная доска (работы С. Д. Меркурова) была установлена на доме, где жил Брюсов (ул. 1-я Мещанская, д. 32) в 1935 г. Современный адрес – пр. Мира, д. 30.

В то время я был учеником пятого класса одной из Московских гимназий.

Уже за два, за три дня до похорон Плещеева по всем гимназиям прошел слух, что организацию похорон любимого поэта принимает на себя московская учащаяся молодежь, студенты и гимназисты.

С утра 20-го октября, это было в воскресенье, я уже был на выносе тела[3].

Молодежи собралось человек 500.

Полицейских и переодетых сыщиков нагнали множество для соблюдения порядка.

Нас, гимназистов, бесцеремонно оттеснили, как малышей, на задний план.

Впереди шли и распоряжались студенты Университета, Технического училища и Петровской сельскохозяйственной Академии.

По пути на кладбище было два столкновения с полицией. В первый раз, когда студенты решили нести гроб на плечах, а не устанавливать его на катафалк, и во второй раз, когда распорядители повели процессию по большим и людным улицам, а не по дороге, указанной полицией.

Оба раза полицейские пускали в ход нагайки, но до настоящего избиения дело не дошло[4].

Помимо полиции с увещаниями к молодежи обращался еще и сын покойного поэта, небезызвестный впоследствии балетоман и театральный коллекционер Александр Алексеевич Плещеев[5], умолявший студентов не омрачать благолепия похорон и не устраивать скандалов.

Но все его уговоры не достигали цели, и студенты понесли гроб на плечах по пути, намеченному ими, а не полицией.

---

[3] Кара-Мурза путает даты: Плещеев умер 8 октября по новому стилю (26 сентября по старому); похороны его состоялись в четверг 7/19 октября.

[4] Ср. в воспоминаниях Л.П. Меньщикова, на тот момент служившего в московской полиции: «Похоронная процессия направилась по маршруту, заранее выработанному полицейскими властями; однако, выйдя на Садовую улицу, шествие направилось было по Уланскому пер. к университету; наряд городовых и околоточных преградил дорогу, произошло столкновение, во время которого кто-то одному полицейскому раскровянил нос; городовые хотели отнять гроб и чуть не вывалили покойника на землю. Сопровождавшая процессию дочь Плещеева разрыдалась, и тогда, по команде: "студенты – уступить!" шествие тронулось по предназначенному пути – к Новодевичьему монастырю, кладбище которого является в Москве местом вечного упокоения многих писателей» (*Меньщиков Л.* Охрана и революция. М., 1925. Ч. 1. С. 173–174). См. также: *Пустильник Л.С.* Жизнь и творчество А.Н. Плещеева. М., 2008. С. 335–336.

[5] Плещеев Александр Алексеевич (1858–1944) – актер, писатель, драматург, журналист, балетный критик.

Впереди всех распорядителей шел совсем еще молодой студент, скуластый и чернобровый, лет 20, в новенькой, только что сшитой университетской шинели.

Он горячился и волновался больше всех, объяснялся с сыном Плещеева, размахивал руками перед нагайками полиции[6].

На кладбище Новодевичьего монастыря, когда гроб опустили в склеп и вырос могильный холм, покрытый венками, выступили с речами несколько ораторов и среди них какой-то неизвестный дюжий мужчина в черной черкесской бурке прочел маловразумительное стихотворение собственного сочинения.

Он оказался впоследствии пресловутым поэтом-декадентом Емельяновым-Коханским, автором сборника стихотворений «Обнаженные нервы».

Он служил кассиром на беговом ипподроме и посвящал свои творения «себе и египетской царице Клеопатре»[7].

После выступления Емельянова-Коханского к могиле подошел тот самый студент-распорядитель, которого я заметил в процессии, хотел что-то сказать, затем вернулся к товарищам, посоветовался с ними, снова подошел к могиле, пытался что-то объявить; я все ждал, что он что-нибудь скажет, но он удалился, так ничего и не сказав.

Должен сказать, что – как это нередко бывает в отрочестве, – меня очень заинтересовало, чрезвычайно понравилось его лицо: угреватое, скуластое и некрасивое, но необычайно выразительное, интересное, умное и решительное. Кто это был, я так и не узнал, но студент надолго запечатлелся в моей памяти.

Прошло несколько лет. Я окончил гимназию и стал слушателем Московского Университета. За это время я ни разу не встречал в Москве того студента. Будучи в университете, я попал на вечер

---

[6] Ср. в дневниковой записи Брюсова: «Похороны Плещеева. Собственно для меня любопытнее всего было наблюдать за “психологией толпы”. Студентов было до 300, и они действовали заодно, сразу усваивая мысль и никогда не разбиваясь на партии. На пути нас побила полиция, когда мы вздумали нести гроб своим путем. Тщетно молил нас сын Плещеева не начинать скандала.

– Я сын покойного.

– К черту!

Думал и я произнести речь, но как-то не удалось» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 30–31).

[7] Емельянов-Коханский (наст. фам. Емельянов) Александр Николаевич (1871–1936) – поэт, переводчик. Ср., кстати, его словесный портрет в воспоминаниях Бунина: «Это был рослый плотный малый, рыжий, в веснушках, с очень неглупым и наглым лицом» (*Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 325). Его дебютная книга стихов «Обнаженные нервы» (М., 1895) снабжена дедикацией: «Посвящается Мне и Египетской царице Клеопатре». О нем см.: *Щербаков Р.Л.* Емельянов-Коханский Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 231–232.

известного в Москве литературного салона Варвары Алексеевны Морозовой[8], бабки нынешнего шекспироведа Мих. Мих. Морозова[9]. Усевшись за огромный стол, стоявший среди комнаты, я вдруг увидел в углу гостиной молодого человека в черном сюртуке, стоящего и оживленно беседующего с артисткой Художественного Театра Марией Федоровной Андреевой[10].

Он был чрезвычайно похож на моего студента, только более возмужалый и с более энергичными чертами лица. Для меня не было сомнения, что это он и есть, тот самый, кого я видел пять лет назад на похоронах Плещеева.

Я спросил своего соседа, Давида Викторовича Викторова, желчного и раздражительного приват-доцента по кафедре философии, кто этот господин. Он мне ответил: «это поэт Брюсов, автор известного стихотворения, которое состоит только из пяти слов “о закрой свои бледные ноги”» и саркастически расхохотался. А потом прибавил: «его отец собирает коллекцию пробок; если это чудачество перенести на интеллектуальную почву сына, имеющего университетское образование, то как раз получится та поэзия, которая и есть в стихотворениях Брюсова». Ответ Викторова показался мне странным и непонятным: я тогда еще не знал этого стихотворения о бледных ногах[11].

Впоследствии оказалось, что Викторов неправильно осветил мне коллекционерскую страсть отца Брюсова. Он собирал пробки не как любитель, а для профессиональных целей; они ему нужны были как промышленные эталоны, как образцы существующих хозяйственных изделий.

Когда Брюсов кончил беседу с Андреевой, я подошел к нему, представился и спросил: не он ли был распорядителем на похоронах Плещеева? Вал. Як. очаровательно улыбнулся и ответил мне положительно, очень оживившись, он рассказал, что инициатива нести гроб поэта на плечах до самого кладбища принадлежала ему и что за это ему немало досталось от полиции[12].

---

[8] Воспоминания Кара-Мурзы о салоне В.А. Морозовой см.: Литературный факт. 2017. № 5. С. 34–59.

[9] Михаил Михайлович Морозов (1897–1952) – историк литературы и театра, переводчик, критик.

[10] Мария Федоровна Андреева (1868–1952) – актриса, общественный и политический деятель.

[11] Комментарий к другой редакции воспоминаний об этом эпизоде см.: Литературный факт. 2017. № 5. С. 46.

[12] Об этом же Брюсов писал в дневнике: «Изобретение нести гроб на плечах принадлежит мне, конечно, мне, но, собственно, я предлагал только донести до катафалка, после же, когда мою мысль преобразовали в пешее путешествие с гробом на плечах в продолже-

Вал. Як. сообщил мне также, что был возмущен выступлением бездарного и наглого стихотворца Емельянова-Коханского, и что он хотел протестовать против профанации памяти замечательного поэта, но товарищи отсоветовали ему делать это тут же, на кладбище, над свежей могилой писателя.

Так началось наше знакомство, которое продолжалось 24 года.

Случилось как-то так, что мне пришлось присутствовать на многих важных событиях и моментах жизни Брюсова.

Стоит остановиться немного на вечерах у В. А. Морозовой.

Я был постоянным и усердным посетителем этих вечеров и поэтому на моих глазах прошли все выступления. Здесь Вал. Яковл. Брюсов появлялся обычно не один, а как мэтр, в сопровождении целой группы соратников и учеников: Юргиса Балтрушайтиса, Андрея Белого, С. А. Полякова, Макса Волошина, иногда Бальмонта и Эллиса[13].

Особенно памятно мне одно выступление Вал. Як. Однажды Геор. Ив. Чулков сделал доклад о книге стихов Брюсова «Tertia Vigilia», причем очень высоко расценивал содержание и достоинства сборника и рассыпался перед Вал. Як. в комплиментах.

Сам Брюсов присутствовал на вечере, внимательно слушал докладчика, несколько иронически улыбаясь, а затем во время прений взял слово и яростно напал на референта, причем построил свои возражения очень хитро. Он находил, что стихи его совершенно недостойны подобной похвалы, что они слабы, несовершенны, и что докладчик абсолютно лишен поэтического вкуса и чувства прекрасного, если может так хвалить его слабые творения и пр. Он говорил это так резко и запальчиво, с такой жестокостью нападал на бедного докладчика, что все последующие ораторы взяли Чулкова под свою защиту, оправдывали его точку зрения, основательно аргументировали его оценки и тем самым защищали и хвалили стихи Брюсова, а Валерию Яков. только этого и нужно было[14].

ние 5 час. – я проклинал свою мысль. До сих пор у меня болят плечи и поясница» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 31).

[13] Кара-Мурза подробно рассказывает о визитах перечисленных лиц в очерке «Литературный салон В. А. Морозовой» (Литературный факт. 2017. № 5. С. 34–59).

[14] Описываемый вечер состоялся 14 января 1901 г. На следующий день Брюсов записывал в дневнике: «Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый напал на референта и разбранил его реферат жестоко... Все, даже явные мои недоброжелатели, бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи» (*Брюсов В*. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 118).

В декабре 1902 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Некрасова. В это время я работал в редакции московской газеты «Новости Дня» в качестве литературного хроникера, рецензента и интервьюера.

В связи с 25-летием смерти Некрасова редакция решила организовать большую анкету по вопросу о том: отжил ли свой век Некрасов, каков приговор истории по отношению к поэту, какое место приготовила ему судьба, ожидает ли его бессмертие или забвение? Был ли Некрасов «рыцарем на час», говоря его же словом, или истинным поэтом? Как отвечает на это современность в лице своих виднейших представителей? Кто был ближе к правде, тот ли молодой голос, который во время похорон прокричал: «Он выше, выше, Пушкина и Лермонтова»[15] или Тургенев, категорически утверждавший, что поэзия даже и не ночевала в стихах Некрасова[16], и Толстой, не признававший поэтического дарования в Некрасове[17].

Организация и проведение этой анкеты были поручены мне.

Вооружившись вопросником, я пустился в поход и посетил ряд московских писателей: Чехова, Горького, Златовратского, Боборыкина, Л. Андреева, Сумбатова, Найденова и др. и в их числе Брюсова.

От Вал. Як. я получил следующий характерный ответ, опубликованный мною в «Новостях Дня» 27 декабря 1902 г., но повторно, насколько мне известно, нигде в собраниях сочинений Брюсова не появившийся: «“Мне борьба мешала быть поэтом” – вот слова, в которых Некрасов определил свою судьбу. Но несмотря на все помехи, какие он сам ставил своему творчеству, не быть поэтом он не мог. Слова Тургенева, что в стихах Некрасова “ее-то, поэзии-то и нет ни на грош”[18] – грубая несправедливость. У Некрасова самобытный склад стихотворной речи, свои, ему одному свойственные размеры и рифмы: это внешние, но безошибочные признаки истинного дарования. Некрасовские стихи легко узнать без подписи, у него свое лицо, это не безличный стих нынешних эпигонов гражданской поэзии. После Пушкина и Лермонтова Некрасов запел на особый лад, не подражая своим учителям, – что тоже доступно только большим дарованиям. Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники.

---

[15] Этот эпизод приводит Достоевский в «Дневнике писателя» (см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26. С. 113; см. также комм. на с. 417–418).

[16] Знаменитый отзыв из письма Тургенева к Я.П. Полонскому от 25/13-го января 1868 г. (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1990. Т. 8. С. 99–100).

[17] Ср., например, характеристику Некрасова как «совершенно лишенного поэтического дара» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 275).

[18] Из письма И.С. Тургенева редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» от 8/20 января 1870 г. (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1994. Т. 10. С. 127).

Как никто, умеет Некрасов пользоваться образами русского сказочного мира. В описаниях природы он достигает иногда почти тютчевской зоркости. Поэзия Некрасова до сих пор не оценена справедливо».

В связи с моим интервью я впервые переступил порог таинственного и загадочного книгоиздательства, интриговавшего москвичей всем своим существованием, начиная от наименования «Скорпион» и кончая содержанием произведений новых авторов с совершенно неизвестными именами: Кнут Гамсун, Габриель д'Аннунцио, Морис Метерлинк, Шарль Ван Лерберг, Пшибышевский и др.

Вал. Як. принял меня в своем редакторском кабинете, помещавшемся в доме Метрополь, по фасаду которого тянулся майоликовый фриз с цитатой из «Так говорил Заратустра» Фр. Ницше.

Отделано было помещение редакции Скорпиона также оригинально: стены были обиты дорогими обоями так называемыми линкруста[19], всюду были дуб, кожа, никель, книги, картины, статуэтки. Оно напоминало кают-компанию какого-нибудь первоклассного пакетбота, в котором Брюсов восседал как гостеприимный капитан корабля. И никак не было похоже на измызганное помещение обычной русской редакции, с ее продавленным клеенчатым диваном, колченогими столами и поломанными креслами.

Недаром в одном из своих стихотворений поэт Сергей Соловьев писал:

Как новый Вавилон воздвигся Метрополь
Исконный твой очаг, великолепный Брюсов[20].

В Скорпионе Вал. Як. был первым лицом: вождем и вдохновителем, руководителем и стратегом и главой новой поэтической школы.

По окончании университета я вступил в число членов Московского Литературно-Художественного Кружка и был членом комиссии по устройству литературных вечеров[21].

Здесь в совместной работе я еще чаще стал встречаться с Вал. Як. Брюсов в кружке очень скоро приобрел популярность и быстро стал подниматься по лестнице выборов.

---

[19] Сорт плотных обоев с тисненой фактурной поверхностью.

[20] Из «Московской поэмы» С. М. Соловьева (*Соловьев С.* Собрание стихотворений / Редакция и примеч. В.А. Скрипкиной; послесл. С. Гардзонио. М., 2007. С. 382).

[21] Кара-Мурза впервые появляется в списках членов кружка в 1903 г., см.: *Розенталь Е.И.* Московский литературно-художественный кружок. Исторический очерк. 1898–1918 гг. М., 2008. С. 107.

Вскорости он был избран в число членов Дирекции, и наконец председателем Дирекции на место А. И. Южина-Сумбатова[22].

Таким образом Вал. Як. стал первым лицом в самом изысканном и культурном московском клубе.

Нужно сказать, что Брюсов любил директорскую роль и умел администрировать. Он всегда и везде был «настоящим человеком, на настоящем месте»[23] и превосходно, с большим достоинством и тактом представительствовал за кружок перед градоначальством, городской управой, полицией и пр.

В то время на политическом горизонте Европы ярко выделялась фигура французского премьер-министра Аристида Бриана, и директора кружка, гордясь своим председателем, в шутку называли Вал. Як. «наш Бриан»[24].

Вал. Як. был большим знатоком античной, классической литературы, превосходно знал латынь и древнегреческих авторов. В связи с этим я вспоминаю один характерный эпизод.

Как-то приехал в Москву читать доклад в Литературно-художественном кружке известный петербургский филолог-классик, профессор Фаддей Францевич Зелинский.

После доклада по обычаю клуба выступавшему устраивался ужин, и поближе к гостю сажали лиц по возможности из числа коллег и специалистов, могущих занять приезжего гостя.

И на этот раз Зелинского окружили московские филологи и латинисты: проф. Лопатин, Иванцов, Шамбинаго, Ланговой[25] и, конечно, Брюсов.

---

[22] Брюсов возглавил Кружок в 1909 г. (Там же. С. 25–26).

[23] Английский фразеологизм («the right man in the right place»), прижившийся на русской почве благодаря Тургеневу.

[24] Далее в черновике следовал фрагмент, вычеркнутый автором:

«Отношения мои с Вал. Як. в ту пору были самые лучшие. Вал. Як. видел во мне явно сочувствующего новым эстетическим веяниям, в частности, символизму в поэзии и модернизму в искусстве. И это так и было. Я чувствовал, что в области художеств назревает что-то новое, доселе неведомое и что носителями этого нового являются руководители “Скорпиона” и “Весов”.

Но тут отношения наши с Вал. Як. резко ухудшились. Поводом к тому послужило следующее обстоятельство. В течение двух-трех сезонов эстрада литературно-художественного кружка благодаря сильному влиянию Вал. Як. превратилась в арену для всякого рода публичных выступлений московских декадентов.

В первый год я, сочувствующий, относился как член вторничной Комиссии к ним приветливо и давал в Новостях Дня, где работал, благоприятные отзывы и заметки, с трудом преодолевая противодействие самой редакции газеты».

[25] Перечислены философ Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), один из братьев Иванцовых (членами кружка были четверо Иванцовых: Александр Александрович, Михаил Александрович, Николай Александрович и Сергей Александрович. Ни одного латиниста среди них, кажется, нет. Известнее прочих натуралист Николай Александрович (1863–1927); ближе других к делам кружка стоял Сергей Александрович (ок. 1867–1917). Александр Александрович был директором Московской женской гимназии; в списке

За столом речь, естественно, велась на классические темы. Из уст ужинающих то и дело раздавались латинские цитаты, стихи, афоризмы. Брюсов больше молчал. Инициатива беседы была, конечно, за Зелинским: он говорил о Вергилии и привел было большой отрывок из Энеиды. Но в середине цитаты запнулся и продолжить не мог: то ли под влиянием выпитого вина, то ли по ослаблению памяти.

Никто из присутствующих также не мог подхватить цитаты. Тогда с середины стола раздался мерный, гортанный голос Брюсова, который с невозмутимым спокойствием продолжил длинную цитату и без запинки закончил ее. Профессора-латинисты только смущенно переглянулись между собой. То же самое повторилось при цитатах из Овидия: когда филологи-лингвисты запинались, Брюсов без всякого напряжения памяти подхватывал отрывок и скандировал его до конца. Таковы были память и знание классики Вал. Яковлевича.

Грянула Японская война и затем революция 1905 г. Отношение Брюсова к этим историческим событиям достаточно известно. Вал. Як. откликнулся на войну прекрасной патриотической одой «К Тихому океану»[26] и 19 марта 1904 г. писал в письме к Перцову следующие знаменательные строки: «Ах война! Наше бездействие выводит меня из себя. Давно пора нам бомбардировать Токио. Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливейшие японские храмы-музеи. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого, а я за русских. Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке. Великий океан – наше озеро, и ради этого долга ничто все Японии, будь их десяток! Будущее принадлежит нам и что перед этим, не то что всемирным, а космическим будущим – все Хокусаи и Оутомары вместе взятые»[27]. Проникновенные слова!

Чем пламеннее верил Брюсов в свою родину, предвещая даже не всемирное, а космическое будущее России, тем тяжелее он переживал позор Цусимы и унизительный виттевский портсмутский мир.

выпускников гимназии Поливанова он охарактеризован как «Филолог. Учитель истории и географии» (Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым. 1868–1893. М., 1893. С. 41). Михаил Александрович окончил историко-филологический факультет Московского университета (Там же. С. 43) и преподавал в Московской консерватории), филолог Сергей Константинович Шамбинаго (1871–1948) и, вероятно, приват-доцент Московского университета врач Алексей Петрович Ланговой (1856–1939), не бывший, впрочем, в отличие от перечисленных выше, членом кружка.

[26] Стихотворение «К Тихому океану» («Снилось ты нам с наших первых веков…») впервые напечатано: Русский листок. 1904. № 28. 29 января. С. 1.

[27] Кара-Мурза цитирует письмо по источнику: Десять писем Валерия Брюсова к П.П. Перцову / Публ. и предисл. Г. Лелевича, прим. П. П. Перцова // Печать и революция. 1926. № 7. С. 42.

На события 1905 г. Вал. Як., как известно, отзывался рядом своих замечательных стихотворений: знаменитое «Каменщик, каменщик, в фартуке белом», было написано еще раньше[28].

За время своего пребывания на посту Председателя Дирекции Литературно-Художественного Кружка Вал. Як. сделал для кружка очень много, он поднял его престиж в глазах московской интеллигенции, обогатил библиотеку кружка, превратив довольно чахлые собрания книг в одно из лучших московских книгохранилищ, завел так называемую «Золотую Книгу» автографов, в которую занесли свои записи многие отечественные знаменитости и немало знатных иностранцев[29].

Вал. Як. встречал и приветствовал речами всех приезжавших в Москву деятелей искусства, литературы, политики.

Английский фантаст Уэллс[30] и бельгийский поэт Эмиль Верхарн[31], датский новеллист Герман Банг[32] и король французских поэтов Поль Фор[33], итальянский футурист Маринетти[34] и французские

[28] Стихотворение «Каменщик», первую строку которого приводит мемуарист, впервые напечатано в книге Брюсова «Urbi et orbi» (М., 1903. С. 118).

[29] «Золотая книга» автографов членов кружка и почетных гостей хранилась в библиотеке Академии общественных наук при ЦК КПСС, откуда была передана в РГАЛИ (Ф. 1336. Оп. 3. Ед. хр. 14). Коллекция автографов, составлявших собственное собрание кружка, легла в основу Ф. 176 ОР РГБ.

[30] Впервые Уэллс приезжал в Россию в начале 1914 г., пробыв в Москве с 20 по 24 января (см.: *Левидова И.М.* Первый приезд Г. Д. Уэллса в Россию // Левидова И.М., Парчевская Б.М. Герберт Джордж Уэллс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1898–1965. М., 1966. С. 125–129); ни о его встречах с Брюсовым, ни о визите в Литературно-художественный кружок сведений у нас нет.

[31] О встречах с Верхарном см.: *Дронов В.С.* Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963. С. 216–231; Переписка с Эмилем Верхарном / Вступит. статья и публ. *Т.Г.* Динесман // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 546–621.

[32] Банг, бывавший в России еще в конце XIX века, приезжал в Москву в декабре 1911 года (см. многочисленные мемуары о его русском вояже, собранные в книге: *Левенсон А.* Поэт безнадежных поколений. М., 1912. С. 9–10, 12–13, 16–17, 20), но сведений о его встречах с Брюсовым у нас нет. Ср., кстати, замечание хроникера: «К сожалению, организовавшие его чтение – весьма плохие организаторы: они точно заботились о том, чтобы сделать из выступления Банга секрет, позабыли сколько-нибудь заблаговременно оповестить о чтении, не приняли никаких мер, чтобы привлечь внимание. Датский писатель увезет из Москвы самые печальные воспоминания. Ему пришлось выступить в неуютной, более чем наполовину пустой зале, перед случайной публикой. […] Совсем отсутствовала Москва литературная и артистическая […]» (Б. п. На чтении Банга // Русские ведомости. 1911. № 281. 7 декабря. С. 4).

[33] Поль Фор, стихи которого переводил Брюсов, был в России в 1914 г.: подробнее см.: Тименчик Р. Из мимолетностей французско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire. Lausanne, 1995. P. 145–149. Исключительно подробное описание его вечера в Литературно-художественном кружке см.: *Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 571–574.

[34] О визите Маринетти в 1914 г. см.: *Котрелев Н.В.* Ф.-Т. Маринетти и Россия: Новые материалы и наблюдения // Италия и славянский мир: Сб. тезисов. М., 1990. С. 95–97;

депутаты социалисты Альберт Тома и Ренэ Вивиани[35], французский композитор Клод Дебюсси[36] и польская клавесинистка Ванда Ландовска[37], – все они услышали приветствия от Москвы из уст Валерия Брюсова.

Как будто ленивая и рыхлая тогдашняя Москва обрадовалась, что нашла нужного человека, который перед иностранцами лицом в грязь не ударит и раз навсегда передоверила Брюсову произнесение всех приветственных речей приезжающим в Москву знаменитостям.

В апреле 1909 г. вся Россия участвовала в Гоголевских юбилейных торжествах. В Москве на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевском), состоялось открытие памятника великому писателю.

На второй день празднеств Общество Любителей Российской Словесности устроило у себя торжественное заседание, посвященное Гоголю.

В качестве одного из докладчиков был приглашен Вал. Як. Брюсов. Он произнес блестящую по форме, но крайне парадоксальную по оценке писателя речь[38].

Вал. Як. трактовал Гоголя как великого фантаста и преобладающей чертой его творчества признал пристрастие к гиперболизму, стремление к безмерному и беспредельному.

Уже к середине речи Брюсова, которая называлась «Испепеленный», в публике началось какое-то недоброжелательное к оратору движение, некоторые слушатели стали громко выражать свое недо-

---

Парнис А.Е. К истории одной полемики: Ф.Т. Маринетти и русские футуристы // Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. К 100-летию художественного движения. М., 2008. С. 177–185.

[35] Французские министры Альберт Тома (1878–1932) и Жан Рафаэль Адриен Рене Вивиани (1863–1925) входили в состав делегации, посетившей Россию весной 1916 г. (первый из них бывал здесь и позже).

[36] Клод Дебюсси приезжал в Россию в 1913 г.; см.: Ред. Чествование Дебюсси // Аполлон. 1913. № 10. С. 82–83; П. Выступление Клода Дебюсси // Русское слово. 1913. № 277. 1 декабря. С. 9. В частности, 25 ноября его чествовали в Литературно-художественном кружке (см. отчет: Русские ведомости. 1913. № 272. 26 ноября. С. 5). Согласно подробному протоколу приветствия, Брюсов в нем официального участия не принимал (Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 3. 1914. Январь. С. 20); более того, тремя днями позже ему была послана от имени дирекции кружка телеграмма «с выражением пожелания скорейшего возвращения в Москву к совместной работе на пользу и процветание Кружка» (Там же).

[37] Ванда Ландовска (Ландовская; 1879–1959) гастролировала в России в 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 гг. В частности, в 1910 г. она выступала в Обществе свободной эстетики; повестка на это заседание (3 февраля) сохранилась в бумагах Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 32). См. также: *Шекалов В.А.* Ванда Ландовская и возрождение клавесина. СПб., 1999. С. 103–137.

[38] Речь Брюсова была произнесена 27 апреля 1909 г. Текст напечатан: Весы. 1909. № 4. С. 98–120; отд. изд.: М., 1909 и 1910 г. Ср. характеристику ее как «вызвавшей своим парадоксальным и претенциозным тоном шумный протест части публики» (Б. п. Литературное обозрение // Вестник Европы. 1910. № 6. С. 410).

вольство, а в середине речи решительно запротестовали; раздалось громкое шиканье и крики «стыдно», «довольно», многие, шумно хлопая стульями, стали покидать зал.

Ушли даже некоторые члены президиума и почетные гости, сидевшие на эстраде[39].

Правда, были и такие слушатели, которые стали аплодировать Брюсову и кричали «просим продолжать». Председательствовал французский академик Мельхиор де Вогюэ[40], в зеленом, шитом золотом мундире. Он с большим тактом и уменьем умиротворил аудиторию и просил Брюсова продолжать свою речь[41]. А Вал. Як. стоял в это время за пультом в своей обычной позе со скрещенными руками, запечатленной на знаменитом портрете работы Врубеля, иронически глядел в публику, терпеливо ожидая окончания шума.

Когда зал затих, Вал. Як. спокойно и с огромным достоинством закончил свою речь без всяких инцидентов[42].

Вокруг его имени всегда бурлила какая-то пена, разгорались страсти, расходились круги как от брошенного в воду камня.

Почти то же самое повторилось через 14 лет в 1923 г. в Московском Доме печати, где Вал. Як. читал свою фантастическую пьесу «Диктатор»[43]. С самого начала пьесы было ясно, что среди слушателей назревает недовольство и по мере чтения в аудитории нарастало протестующее настроение.

А когда по ходу действия на сцене появляется лифт с обитателями планеты Венеры – один слушатель встал и с криками «чушь, чушь, чушь!» выбежал из зала. Произошло смятение и замешательство.

[39] Ср. в газетном отчете: «Раздалось резкое шиканье и крики по адресу оратора: “Стыдно! Довольно!” Многие поднялись и стали покидать зал. Двое демонстрантов вышли, намеренно опрокинув свои стулья. Кое-кто поднялся даже с эстрады. Словом, произошел настоящий скандал» (Б. п. Из мира литературы // Приазовский край. 1909. № 115. 3 мая. С. 5).

[40] Эжен Мельхиор де Вогюэ (1848–1910), французский писатель, историк литературы. О нем см.: Эжен Мельхиор де Вогюэ. Предисловие к книге «Русский роман» / Вступ. заметка П.Р. Заборова, пер. с франц. С. Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе. «Русская идея». Сб. статей / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 499–503.

[41] Ср.: «Раздалось решительное и бурное шиканье по адресу оратора, крики “довольно” и “стыдно”. Публика поднялась и стала в значительном числе покидать зал и эстраду. Брюсов остановился с недоуменным видом. Исполнявший фактически обязанности председателя за сидящего рядом виконта де-Вогюэ г. Грузинский не сразу нашелся дать звонок, а когда дал его, он уже был заглушен свистками и криками» (Б. п. В большом зале консерватории // Русское слово. 1909. № 96. 27 апреля. С. 4).

[42] Подбор других свидетельств о реакции публики см.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов. Биография. СПб., 2010. С. 369–373.

[43] Кара-Мурза путает даты: обсуждение пьесы «Диктатор» состоялось 2 декабря 1921 г. на «Литературной пятнице» в «Доме печати» (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 2. С. 248).

Вал. Як. на некоторое время перестал читать. Часть аудитории зааплодировала и просила продолжать чтение, и Брюсов с невозмутимым спокойствием закончил пьесу.

Нужно сказать, что так во всем и всегда: никогда Вал. Як. не приходилось иметь полный успех, всегда находилась частичка аудитории, которая неизменно протестовала.

А также неуспех и провал никогда не постигал Брюсова целиком: часть слушателей восторженно аплодировала ему. Вероятно, от роду суждено было Брюсову порождать своими выступлениями раскол, вызывать бурю и смятение.

После речи, произнесенной на юбилее Гоголя, в прессе и в литературе началось форменное гонение и преследование Брюсова. Годами накапливающаяся зависть, злоба, злопыхательство и злорадство прорвались как в плотине и брызнули на поэта, и Брюсов не только познал несправедливость в стане своих врагов, но и измену со стороны своих бывших соратников.

Начался форменный негласный суд над Брюсовым. Вал. Як. инкриминировалось, как писал один юморист: «превышение критической власти, проживание по подложному паспорту знаменитости, тайно похищенному из Олимпа путем усыпления сторожевых муз наркотиком трудолюбия и усидчивости»[44].

С большой книгой «Брюсов и русский язык» выступил Андрей Шемшурин, плоско и убого пытавшийся доказать, что Брюсов невежественен в знании русского языка[45], Юлий Айхенвальд бросил свое крылатое слово, что Брюсов не талант, а преодолевший свою бездарность[46], Бальмонт подал свой голос: «Скучно быть делопроизводителем своей собственной славы»[47], Зинаида Гиппиус обмолвилась: Брюсов сам себе Державин и сам себе Грот[48], Борис Садовской доду-

[44] Источник цитаты не установлен.

[45] Об Андрее Акимовиче Шемшурине (1872–1937) и его антибрюсовских эскападах см.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. М., 2013. Т. 2. С. 378 – 379.

[46] Имеется в виду финал заметки Айхенвальда о Брюсове: «В объективном отношении слишком скудны результаты его напряжений и ухищрений, он трудом не обогатил красоты; но если Брюсову с его сухой и тяжеловесной, с его производной и литературной поэзией не чуждо некоторое величие, то это именно – величие преодоленной бездарности» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 99).

[47] Ср.: «И приличествует ли, в каком бы то ни было возрасте, быть исказнителем [sic!] поэтических дневников своей юности и делопроизводителем собственной своей славы» (*Бальмонт К.Д.* Забывший себя // Утро России. 1913. 3 августа. № 179. С. 3).

[48] Кара-Мурза ошибается (или сознательно лукавит): эта фраза принадлежит не Гиппиус, а Д.В. Философову и содержится в отзыве на первый том брюсовского собрания сочинений: «Брюсов-Державин перерабатывает свои сочинения, а Брюсов-Грот стремится собрать все брюсовские крохи и напечатать все варианты» (*Философов Д.В.* Расточительность // Речь. 1913. 22 июля. № 197. С. 2).

мался до того, что называл Вал. Як. Вильгельм Гогенцолерн[49], а там пошли и пошли: Георгий Иванов, Вадим Шершеневич[50] и др. стали изощряться друг перед другом в придумывании обидных определений: Брюсов-завистник, надменный диктатор, откровенный позер, искусный жонглер, голая техничность, замена музы механической куклой из папье-маше, ловкость рук, сомнительный вкус, торжественное преклонение перед самим собой и тому подобное.

А Вал. Як. не придавал никакой цены поднятой вокруг его имени свистопляске [и] в это время в тиши своего кабинета неустанно работал, писал, читал, изучал и творчески рос.

В дни Гоголевских торжеств в Литературно-Художественном Кружке был устроен любительский спектакль.

Был поставлен «Ревизор» исключительно силами литераторов: все роли исполнялись писателями и журналистами[51]. В Москве не хватило писателей и из Петербурга был выписан Баранцевич[52], специально для роли Земляники.

Вал. Як. досталась крошечная роль Степана Ивановича Коробкина, который появляется только в последнем акте. Он читает письмо Хлестакова, адресованное Тряпичкину. Но нужно было видеть с какой добросовестностью относился Вал. Як. к взятой на себя роли в 15-20 строк, как аккуратно и педантично посещал он все репетиции, тщательно гримировался, выбирал седой парик, прилаживал красный фрак.

А до начала репетиции все волновался по поводу редакции комедии, спрашивал по какому же тексту будем играть, по первому варианту или по щепкинской рукописи[53].

И все же сыграл свою роль Вал. Як., нужно сказать, неважно; и по голосу и по манерам и по походке Коробкин оставался Вал. Як. Брюсовым, и его сразу узнали[54].

---

[49] Ср.: «Как Вильгельм, создал Брюсов по образу и подобию своему целую армию лейтенантов и фельдфебелей поэзии, от Волошина до Лифшица [sic!], с кронпринцем-Гумилевым во главе» (*Садовской Б.* Озимь. Статьи о русской поэзии. Пг., 1915. С. 38).

[50] Многочисленные отзывы Шершеневича и единственный (до 1917 г.) Георгия Иванова перечислены в: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973 / Сост. Э.С. Даниелян. Ред. К.Д. Муратова. Ереван, 1976.

[51] Спектакль состоялся 8 апреля 1912 г. в Литературно-художественном кружке. Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов. Биография. С. 384–385.

[52] Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927).

[53] Вероятно, подразумевается меняющая смысл пьесы «Развязка Ревизора», написанная Гоголем для бенефиса М.С. Щепкина (и отвергнутая последним).

[54] Ср.: «[…] В.Я. Брюсов, облачившись в красный фрак с жабо, заклеив бородку, сделав себе седые усы и седые зачесанные височки, изображал Коробкина, у которого полторы фразы. На мой взгляд, бремя участия в спектакле никого так не давило, как московского поэта. На лице явственно читалось: “И кой черт понес меня на эту галеру!” Характерные

Но зато этот спектакль показал, как скрупулезно-щепетилен был Вал. Як. в добросовестном исполнении всех принимаемых на себя обязанностей, как бы они ни были малы и незначительны.

Наступило 19 июля 1914 г. Грянула империалистическая война. Первые же выстрелы германских орудий, раздавшиеся в Калише[55], пробудили в Брюсове его патриотизм; он оставил все свои московские дела, журналы, альманахи, журфиксы, Кружок, «Свободную Эстетику» и уехал на фронт.

Он пожелал воочию увидеть трагедию войны и стал военным корреспондентом. Вал. Як. предложил свои услуги лучшей дореволюционной прогрессивной газете того времени, «Русским Ведомостям», которые с восторгом приняли предложение Брюсова[56].

Те самые «Рус[ские] Вед[омости]», которые когда-то глумились над Брюсовым, открыли ему свои столбцы.

Характерно отметить, что Брюсов был в жизни чрезвычайно удачен, счастлив и везуч.

Какую бы цель он себе ни поставил, он ее достигал.

И в дальнейшем – захотел быть сотрудником лучшего московского журнала «Русская Мысль», который когда-то, также как и «Рус[ские] Вед[омости]», высмеивал Брюсова-новатора и Вал. Як. стал не только сотрудником, но, после смерти Чехова, и редактором литературного отдела этого журнала[57].

Я убежден, что если бы жизнь Вал. Як. не пресеклась так резко, так безвременно, он бы достиг самых вершин в коллегии Наркомпроса, в котором работал после великой Октябрьской революции.

Уже на пятый день войны, 24 июля 14 г., мы провожали Вал. Як. на войну и Литер[атурно-]Худож[ественный] Кружок давал ему прощальный обед. Многие ораторы отмечали выдающееся значение Брюсова как писателя и выражали уверенность, что исключительно богатые впечатления дадут и исключительно богатый результат. В ответ на дружеские приветствия Вал. Як. просил забыть о нем как о писателе и личности и помнить, что такие моменты исключают значение личности. «Мир живет одной душой, – сказал он, – миллионное славянство довлеет единой целью. В этих мировых катастрофах, когда впереди переоценка всех ценностей, не время заниматься

брюсовские жесты, походка остались непобежденными и были полностью переданы Коробкину» (*Чужой* [Эфрос Н.Е.] На спектакле литераторов // Речь. 1912. № 98. 11 апр. С. 2)

[55] Польский город Калиш был занят немцами в первые дни войны.

[56] Брюсов работал фронтовым корреспондентом «Русских ведомостей» с середины августа 1914 по конец мая 1915 г.

[57] Брюсов возглавил литературно-критический отдел «Русской мысли» лишь осенью 1910 г.

личностью. Я еду простым чернорабочим. Поднимем бокал за культуру, за право, за духовные ценности, во имя которых мы призваны бороться. Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные идеалы, культуру, право, свободу народов»[58].

Отъезжающему писателю мы, члены Кружка, поднесли походную сумку со всеми нужными принадлежностями.

В своих превосходных корреспонденциях Вал. Як. неизменно восхвалял доблесть русских солдат, проявлявших, несмотря на бездарность и измены высшего командования, чудеса храбрости и мужества, отваги и героизма[59].

Кроме своих корреспонденций Вал. Як., как известно, откликнулся на войну целым рядом высокопатриотических стихотворений.

В своей другой речи, произнесенной по приезде с фронта, Вал. Як. указал, что не время говорить о лицах, о поэтах, о поэзии. «Если бы обстоятельства момента сложились так, – сказал Брюсов, – что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, потому что наступит грядущее торжество родины и тогда явится поэт, достойный великого момента»[60].

В дни первой империалистической войны Вал. Як. глубоко презирал Германию. Но все его политические высказывания всегда переплетались с литературными оценками. Помню один его замечательно-остроумный отзыв о немецкой литературе.

«Я люблю и ценю германских поэтов, – говорил Вал. Як., – и Шиллера и Гете. Но что они писали и для кого они творили? “Орлеанская Дева” написана для французов, “Мария Стюарт” для англичан, “Эгмонт” для голландцев, “Вильгельм Телль” для швейцарцев. А что же они написали для своих немцев? Только “Разбойники”!»

Известно, с какой открытой душой, как неоглядно и безоговорочно встретил Вал. Як. великую октябрьскую социалистическую революцию и вступил в тесное сотрудничество с советской властью.

---

[58] Эти слова приводит один из хроникеров, описывавших торжественный обед: Проводы В.Я. Брюсова // Голос Москвы. 1914. 25 июля. № 170. С. 3. Позже они были включены в биографию Брюсова, которая, возможно, и была использована Кара-Мурзой в качестве подспорья для памяти: *Ашукин Н.* Валерий Брюсов. М., 1929. С. 321.

[59] Военные корреспонденции Брюсова ныне переизданы: Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 264–580 (подготовка текста и коммент. А.И. Иванова, Г.В. Мурзо, Э.С. Даниэлян, М.В. Орловой).

[60] Из речи, произнесенной Брюсовым на ужине 13 января 1915 г. в Литературно-художественном кружке, где чествовали его и С.С. Мамонтова; см.: Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 10. 1915. Февраль. С. 39.

Он последовательно работал в Книжной Палате, в Государственном Издательстве, в библиотечном фонде и в литературном отделе Наркомпроса, в Главпрофобре по отделу Художественного образования, в Государственном Ученом Совете, и, наконец, незадолго до смерти организовал и стал во главе Высшего Литературно-Художественного Института, который после смерти Брюсова носил его имя.

На всех своих административных постах он обнаруживал огромную работоспособность, развивал необычайную энергию, показывал примеры исключительной трудоемкости своего рабочего дня. Он поражал своих сослуживцев и подчиненных беспримерной точностью своей работы, знал все необходимые по делу декреты Совнаркома, все постановления Наркомпроса, их номера, даты опубликования и пр.

И в то же время не переставал творчески работать, создавал пьесы, поэмы, баллады, сценарии, стихотворения, научные исследования и критические статьи, следуя своему постоянному и неизменному девизу, которого придерживался всю жизнь «nulla dies sine lines» (ни одного дня без строки).

В 1920 г. Вал. Як. вступил в ряды коммунистической партии.

В течение двух десятилетий Вал. Як. был в орбите внимания москвичей: им интересовались, о нем говорили, сплетничали, одни восторгаясь, другие хуля и злословя, но никто из интересующихся русской литературой не относился к нему безразлично, равнодушно. Вокруг него всегда было движение: враги переходили в круг адептов и почитателей, друзья оказывались в стане врагов.

А М. Горький, в своих фельетонах Иегудиила Хламиды в «Нижегородском Листке» вышучивавший Брюсова[61], стал его убежденным почитателем. Незадолго до смерти Вал. Як. Горький писал ему: «Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю; эта – искренна»[62].

Анат. Вас. Луначарский, будучи эмигрантом в Париже, крайне недоброжелательно относился к Брюсовским «Весам» и «Скорпиону»[63], а впоследствии так характеризовал Вал. Як.: «Брюсов это начетчик, книгарь, усердный филолог, образованнейший русский

[61] Свод отзывов Горького о Брюсове см.: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973, по указ.

[62] Письмо от 25 июля 1917 г., т.е. все-таки задолго до смерти адресата (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 12. Письма. Январь 1916 – май 1919. М., 2006. С. 160).

[63] Отзывы Луначарского о Брюсове см.: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973, по указ.

писатель того времени, да и нашего, интеллектуально заостренная и мужественная натура, пуританский, добросовестный облик»[64].

Пав. Никит. Сакулин, в молодости никак не одобрявший крайних увлечений Брюсова, впоследствии писал: «Поэт грядущего, поэт-провидец, поэт взлетов, – таким он был как символист, таким он остался в рядах коммунистической партии»[65].

Петр Семенович Коган, товарищ Брюсова по университету, ни в какой мере не разделявший склонностей юного Вал. Як., при новой встрече с ним после революции в Государственной Академии Художественных Наук отметил: «Брюсов – поэт слишком большого размаха, чтобы остаться в границах салонной революции. Его путь – поиски мужественной красоты, путь блужданий, быстрых очарований и глубоких разочарований»[66].

Зато с другой стороны бывшие друзья, единомышленники и соратники Брюсова, очутившиеся по ту сторону рубежа, стали его яростными врагами, хулителями и ненавистниками.

У Брюсова было два любимых героя: Суворов и Пушкин. В заметках за 1911 г. Вал. Як. записано: «“Выбери себе героя, догони его, обгони его” – говорил Суворов. Мой герой Пушкин»[67].

Можно себе представить, с каким вдохновением, с каким энтузиазмом – доживи Вал. Як. до второй мировой войны, – отдал бы он все свои силы, всю свою страстность, свою неукротимую энергию, свой темперамент, свой талант на разгром разбойнического немецкого фашизма, бешеного врага славянства, чудовищного врага всего человечества. И как торжествовал бы он после разгрома германских варваров, ничтожных пигмеев, мечтавших об уничтожении великой культуры славянских народов.

---

[64] Из некролога, написанного Луначарским (*Луначарский А.В.* Собрание сочинений. М., 1963. Т. 1. С. 437).

[65] Источник цитаты не установлен.

[66] Источник цитаты не установлен.

[67] Впервые опубликовано: *Ашукин Н.* Труд Валерия Брюсова // Новый мир. 1934. № 10. С. 236. Кара-Мурза был, вероятно, знаком с этой записью по цитате, приведенной в: *Ашукин Н.* Валерий Брюсов. М., 1929. С. 273.

Б. А. КОЙРАНСКИЙ

Их было трое – братьев Койранских: Генрих, Борис и Александр[68]. И кто из москвичей, близких в начале нынешнего века к искусству и поэзии, особенно интересовавшихся новейшими художественными движениями символизма и декадентства, не знал их. Один из них был – доктор-психиатр, другой художник, третий адвокат. Но так именовались они лишь по своей официальной профессии и по специальностям. По своему призванию это были журналисты, а по темпераменту – поэты. Все трое печатались в газетах и писали стихи. Где они теперь? Они удивляли собеседника разнообразием своих умственных интересов, знанием иностранных языков и литературы, обширными познаниями в различных областях искусства, философии и истории. Начитанность их была изумительна. Рассказывали, что у отца их было переплетное заведение[69], и шутники-приятели приписывали энциклопедичность их осведомленности тому, что они без разбору прочитывали все книги, приносимые в заведение отца для переплета. Они были в числе первых московских «декадентов», письменно приветствовали зарождение новых эстетических веяний и пропагандировали лозунги так наз[ываемого] «Нового искусства». Все трое обладали недюжинными ораторскими способностями, и не было такого диспута по вопросам литературы и искусства, на котором кто-либо из Койранских не выступал бы в качестве провозвестника новых канонов красоты и разрушителя старой эстетики. Их выступления были всегда уместны, блестящи, остроумны и парадоксальны; они возмущали и раздражали староверов и приводили в восхищение сочувствующих всему новому и свежему в поэзии. Братья никогда не выступали вместе, всегда по одному. Злые языки говорили, что у трех братьев один общий жилет, и они его носят поочередно.

[68] Печатается по черновой рукописи: РГБ. Ф. 561. Карт. 8 Ед. хр.. 17. Самый известный из них – Александр Арнольдович (Аронович; 1884–1868); см. о нем словарную статью А.Б. Устинова (Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 11–13). О Борисе (1882–1920) и Генрихе (1883 – после 1960) сведений значительно меньше (см. весьма обстоятельную ревизию наличных данных: Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... Книга 5. От Андрея Белого до Павла Флоренского. М., 2010. С. 193–194, 197–198 (справки Н.Н. Перцовой)). Мы можем существенно отодвинуть дату смерти Генриха благодаря письму М. Вишняка к Б.К. Зайцеву от 7 января 1960 г., где упоминается о том, что Г.А. ликвидировал нью-йоркскую врачебную практику и переселился в Лос-Анджелес (Марк Вениаминович Вишняк – корреспондент Бориса Константиновича Зайцева / Публ. А. Клементьева // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1998. Том I (VI). С. 255).

[69] Подтверждения этим сведениям у нас нет. Аарону Григорьевичу Койранскому принадлежал в Москве писчебумажный магазин (Верхние Торговые ряды).

Обычный будничный жилет, конечно, имелся у каждого, но был один особый, яркий, «декадентский» жилет, эпатирующий буржуев. В нем они выступали на эстраде в роли труднопобедимых полемистов.

Борис Арнольдович Койранский учился в Москве, в Практической Академии Коммерческих Наук и был товарищем по классу с Н.Л. Тарасовым, с которым читатель знаком по одной из предыдущих глав[70].

В литературе он впервые выступил вместе с Викт. Гофманом, уже знакомым нам.

Коммерческое образование не могло удовлетворить Б.А., и он стремился поступить в университет. Для этого ему необходимо было получить аттестат зрелости, и он поступил в Коломенскую гимназию, которую он и окончил. Б.А. нежно любил Коломну, и как он радовался бы теперь, читая коломенские повести Пильняка, написанные у Николы на Посадьях[71]. По окончании Коломенской гимназии Койранский поступил на юридический факультет, и, пройдя его, был принят в состав московской адвокатуры. В начале этого столетия в Москве народилось новое книгоиздательство «Гриф», выпустившее свой первый альманах в 1903 г., принятый критикой и читателями как «декадентский».

«Быть может, то, к чему мы стремимся, – писал в своем манифесте Гриф, – лишь мираж, обманчивый призрак. Но для нас мираж будущего стократ обаятельней и дороже скучной ясности настоящего. Нам не надо спокойствия мертвых гаваней. Наша цель – в неустанной тревоге искания. Мы не фанатики идеи и не клянемся в своей непогрешимости, но жажда неизведанного томит нас, и нам нет иной дороги, как идти вперед с верой или без веры в будущее, навстречу неведомому. Привет тебе, неизвестность!»[72]

В ту пору Б.А. был всецело охвачен интересами нового издательства, принимал участие в составлении его литературной декларации, много и с увлечением говорил об альманахе, восторгался произведениями его участников: В. Брюсова, Андрея Белого, Макса Волошина. Сам он поместил в первом сборнике Грифа три небольших вещи под общим заголовком «Echo du temps passé». Они были

---

[70] Николай Лазаревич Тарасов (1882–1910), который должен был стать, наряду с Б. Койранским, одним из героев книги Кара-Мурзы «Писатели-самоубийцы» (см.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 10).

[71] Знаменитый храм Коломны. Этим экзотическим местом издания («Никола на Посадьях, издание автора») помечены три книги Б. Пильняка 1924 г. (два тома «Повестей» и том «Рассказов»).

[72] Подписанное «Гриф» и, вероятно, принадлежащее перу С. А. Соколова (Кречетова) предисловие: Альманах Гриф. М., 1903. С. 5.

подписаны псевдонимом Б. Москвин[73]. Два отрывка были прозаические, один – стихотворный. Первый из них: – «Billet doux» – был посвящен Конст. Сомову и представлял собой стилизованное письмо княгине влюбившегося в нее на балу кавалера. Письмо было очень искусно выдержано в стиле 18 века. «Сколь счастлив князь, – писал влюбленный, – такую благосклонную жену имея! Мне же предстоит гроб, в который низойти готовлюсь, есть ли [sic] не преступите к сожалению. Извините, что нахожу в том увеселение, описывая первые движения своего сердца». Второй отрывок – «Сострадание» – перевод из Берни – также сделан в сантиментальном стиле эпохи мушек и париков. Третья вещь – стихотворение «Гобелен» («Lisle d'amour») – стилизованная пастораль во вкусе Тредиаковского. Во всех этих пустячках было много вкуса, художественной выдумки и знания эпохи.

В 1904 г. вышел второй альманах «Грифа». В своем новом манифесте «Гриф» писал: «Когда мы вышли в путь, нас встретили гамом и свистом. Мы не ждали иного. Все имеют очи и уши. Не всем дано видеть и слышать. Тем ярче горят немногим наши огни»[74].

Б.А. всецело отождествлял себя с «Грифом», делил с ним его судьбу, вместе с ним переживал все его удачи и гонения. На всех диспутах он выступал в роли застрельщика новых эстетических теорий и беззаветно защищал «Гриф». Во втором альманахе Б.А. уже выступил под своим именем – Борис Койранский, – и дал три сонета о встречах. В них очень искусно переплетались мотивы романтической лирики с нотами «городской» поэзии. Такая амальгама вообще очень характерна для Койранского, бывшего как поэт под обаянием В. Брюсова.

Я приведу здесь один из сонетов Б.А., показательный для ранней поры поэзии урбанизма, впоследствии расцветшей пышным цветом.

На улице ночной я жажду новой встречи
И вглядываюсь в глубь всех встречных женских глаз.
Тропою звездной убегает газ…
Слежу шаги, ловлю отрывки речи,

Но нет ее. И что-то каждый раз
Мне говорит, что это лишь предтечи,
А кто-то каменный мне давит грудь и плечи,
И холодно глядит луны кровавый глаз.

[73] Там же. С. 83–85. Вопреки сообщаемому далее автором, К.А. Сомову посвящен весь цикл, а не только первый текст.

[74] Альманах Гриф. М., 1904. С. [5]. В оригинале записано в столбик.

Но вот шаги… Чернея в лунном блеске
Вуалью темною, желанный силуэт
Идет. Мы встретились. Слились в случайном всплеске

Со взором взор, и просьба и ответ.
Идем рука с рукой, идем над скрытой бездной,
И убегает газ тропою звездной.

В этом же интимно-урбанистическом стиле и другие сонеты Б. Койранского. С годами Б.А. заметно уходил от стихотворной формы и писал прозой. А когда пришел зрелый возраст и будни жизни охватили бывшего мечтателя и превратили его в трезвого реалиста, он стал писать фельетоны и публицистические статьи на различные литературно-общественные темы. Б.А. любил странствовать, часто уезжал за границу; откуда посылал своим друзьям небольшие сувениры. Особенно он ценил жизнь в Париже и в Риме. Охотно жил в этих городах, посещая музеи и галереи. Я с благодарностью храню у себя присланный мне Б.А. из Рима бюст Никколо-да-Иццано работы Донателло. Возвращаясь в Москву, он тосковал по югу, а покидая Россию, скучал по Москве, нежно им любимой. Он любил московские бульвары и парки, любил солнечные летние воскресенья в Сокольниках, ранние сумерки в Петровском-Разумовском. Выбирая квартиру, он главным образом интересовался видом, открывающимся из окон.

Последняя квартира была снята им на углу Моховой и Воздвиженки с намеренной целью любоваться пирамидальными тополями в сквере архива Министерства юстиции[75]. И он радовался как маленький, когда ранней весной начинали распускаться почки на этих стройных тополях, которых в Москве так мало.

Одной из слабостей Б.А. был фарфор, особенно английский. За хороший Веджвуд он готов был отдать свои последние деньги. Он собирал также портреты русских деятелей, и особенно любил фотографии 19 века. Работая в Румянцевском музее, он собирался там организовать фотографический кабинет.

Революцию Б.А. принял восторженно. Весной 1918 г. он уехал в Киев в качестве корреспондента одной из московских газет. Там его застала Скоропадчина. До нас доходили странные слухи, что Б.А. сделался редактором газеты германской ориентации, и что

[75] Вероятно, последняя квартира была снята не ранее 1917 г., поскольку в адресной книге за этот год (традиционно подготовленной годом раньше) Б.А. Койранский значится проживающим по адресу: 3-й Монетчиковский пер., д. 10.

немцы его очень ценили как блестящего газетного руководителя. В последнем не было ничего удивительного, но самый факт редактирования белой газеты представлялся для его московских друзей непонятным и маловероятным. Неискушенный в политике, поэт и эстет Б.А., очевидно, запутался в клубке взаимно-исключающих друг друга военно-политических [сил?], каковым тогда был Киев. Красные, белые, Скоропадский, Украинская рада, германская оккупация, Петлюра, Винниченко. В психическом отношении Б.А. Койранский никогда не отличался особой устойчивостью, и очутившись в одиночестве вдали от Москвы, лишенный обычного круга своих друзей, – он разрубил узел своих внутренних трагических противоречий путем самоуничтожения, покончив жизнь в Сухуме выстрелом из револьвера. Как и почему он попал на черноморское побережье осталось невыясненным[76].

О КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СКОРПИОН»[77].

Мы посвящаем сегодняшнее заседание «Русского Общества Друзей Книги» издательству «Скорпион» по случаю 25-летия, истекшего с его основания[78]. Не следует рассматривать наш сегодняшний вечер как акт всесторонней оценки деятельности издательства, оставившего столь глубокий след в истории русского книжного

[76] Последние годы жизни Б. Койранского почти не поддаются реконструкции. Единственный разысканный источник – некролог в тифлисской газете, автор которого впечатляет степенью своей осведомленности:

«Приехавшие из Баку рассказывают, что в Казахе покончил жизнь самоубийством московск[ий] прис[яжный] пов[еренный] Борис Арнольдович Койранский.

Покойный по окончании московского университета вступил в ряды присяжной адвокатуры и быстро выдвинулся как смелый и яркий защитник в политических и уголовных делах. Параллельно с адвокатурой, Койранский занимался и литературой – писал статьи по литературной и театральной критике, политические и общественные фельетоны.

После октябрьского переворота Койранский попал в Одессу, где сотрудничал в газетах; из Одессы он пробрался в Тифлис, где поместил несколько фельетонов в “Слове”. Затем покойный перебрался в Баку, где он снова главные свои силы отдал адвокатуре.

После воцарения в Баку большевизма Койранский поступил на службу в “Каврост” и был откомандирован в Казах для открытия отделения “Кавроста”. Здесь он сильно тосковал, рвался в Грузию, но пропуска не мог получить. Злая ирония судьбы – разрешение на выезд пришло уже после смерти.

Ушел из жизни молодой полный сил яркий нешаблонный человек. Еще одна жертва кошмара наших жутких дней» (Л. Самоубийство Б. Койранского // Слово (Тифлис). 1920. № 212. 18 сентября. С. 4).

[77] Печатается по автографу: РГБ. Ф. 571. Карт. 1. Ед. хр. 4. В той же единице хранения – фрагменты черновика.

[78] Доклад был прочитан 11 декабря 1925 г.; к этому же дню была приурочена выставка книг и графических материалов, связанных с деятельностью издательства (см.: *Марков А*. Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 318).

дела; не является он также персональным чествованием издателя[79]. И то и другое привлечет несомненно значительно больше внимания Москвы и ее литературно-научных организаций. Наше заседание – лишь скромная, минимальная дань друзей книги издательству, близкому и дорогому сердцу всякого библиофила.

На ранней заре нового столетия, весной 1900 года, в Москве народилось новое литературно-художественное издательство, которое через 4 года приступило к изданию ежемесячного критико-библиографического журнала «Весы». Появление этого издательства совпадает с одним из интереснейших и ярких моментов в истории развития новейших литературных направлений в Европе. На рубеже 20-го века на Западе происходят ожесточеннейшие литературные битвы, завязываются критические схватки, горячо дебатируются острые, всех волнующие вопросы о том особом настроении усталости и упадке творческих сил, которое создается и развивается в расслабленной атмосфере так называемого конца века – «fin de siècle». Макс Нордау гремит своей книгой «Вырождение», подводя под это определение самые разнообразные, вовсе не схожие между собой явления литературы, философии и искусства. Жюль Леметр называет новейшие литературные течения декадансом, новаторы подхватывают это слово и именуют себя декадентами. Они находят в новом искусстве не вырождение, а признаки ренессанса, усматривают не упадок, а желанное творческое оздоровление, как законная реакция против крайнего натурализма. Нарождение «Скорпиона» в России обусловливалось наличностью вполне созревшей соответствующей атмосферы, подготовленной к восприятию идей новых эстетических теорий. Это было время, когда достигло уже своего зенита колдовское дарование Врубеля, когда Скрябин искал и добивался новых звуковых сочетаний, Шехтель создавал свои причудливые архитектурные фасады, а по городам Поволжья скитался Горький с томиком Ницше в кармане. В экономике господствовал марксизм, в философии ницшеанство, в искусстве символизм. Они как таран подрывали основы старого мещанского миропонимания минувшего века. Только старая поэзия ждала еще своих разрушителей и новаторов. Выразителем нового художественного направления в литературе и поэзии, оформляющим их движения, суждено было стать книгоиздательству «Скорпион», а пропагандистом его – бое-

[79] Руководитель и сооснователь «Скорпиона» – Сергей Александрович Поляков (1874–1943). О нем см.: *Богомолов Н.А.* К истории символистского книгоиздания: автобиография С. А. Полякова // Тихие песни: Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014 С. 19–38.

вому агитационному органу «Весы», бросавшему в дремлющие, инертные, читательские круги новые эстетические лозунги и художественные формулы. С возникновением «Скорпиона» в России, на грани двух веков повеяло свежим дуновением новизны. Все было ново, свежо и своеобразно в этом необычайном литературном начинании. И в самих наименованиях изданий – «Скорпион» и «Весы», заимствованных из созвездий знаков «Зодиака», после казенно либеральных «Сынов отечества» и «Вестников Европы» чудилось что-то дерзновенное, и они эпатировали общество, вызывая в нем тревогу и раздражение, а порой и возмущение. Уличные листки избрали их мишенью для дешевого остроумия, и газеты изощряли на них свои тупые каламбуры. Самое помещение издательства в отличие от обычных редакционных комнат с их клеенчатыми диванами и закапанными в чернильных пятнах столами, было отделано как нарядная пароходная кают-компания.

Редакция помещалась в доме «Метрополь», по фасаду которого тянулась мозаичная цитата из Ницше, а фронтон был украшен композициями по рисункам Врубеля, майоликовыми плитами, изготовленными в абрамцевской керамической мастерской С. И. Мамонтова. Инициатором и издателем «Скорпиона» и «Весов» был никому дотоле неизвестный молодой лингвист Серг. Алекс. Поляков. Идейными вдохновителями дела кроме Полякова были два поэта: В.Я. Брюсов и Ю.К. Балтрушайтис. Вскорости ближайшее участие в издательстве стали принимать К.Д. Бальмонт и Андрей Белый, а впоследствии Блок, Эллис, Борис Садовской и др.

На тусклом фоне серой, прозаической московской жизни деятельность этих энтузиастов была окутана в глазах сочувствующих какой-то таинственностью, а сами они казались некими аргонавтами, пустившимися на поиски драгоценного руна. Попасть на четверги «Скорпиона» было мечтой многих москвичей. Издательство стало легендой. Оно выбрасывало в читающую публику книги, авторы которых были едва известны Москве лишь понаслышке, а то и неведомы вовсе. Ибсен, Артур Шнитцлер, Габриель д'Аннунцио, Кнут Гамсун, Метерлинк, Оскар Уайльд, Верхарн, Пшибышевский, Эдгар По и многие другие, ныне признанные вожди европейской литературы, впервые предстали перед русскими читателями в прекрасных переводах и в отличных изданиях Скорпиона. Сначала они вызывали недоумение у одних, насмешки у других; затем стали нарождаться первые робкие поклонники и ценители, вскоре превратившиеся в пламенных приверженцев и адептов нового направления в искусстве. А через восемь-десять лет эти авторы по-

лучили в России полное признание и приобрели прочное влияние на весь ход развития новейшей русской литературы. Их обаяние сказывалось не только в литературе, но и в жизни. В подражание Уайльду в столице насаждался свой особый, московский дендизм, дружеская мистификация называлась «зеленым попугаем»[80]; коньяк стали пить по рецепту Фалька из «Homo Sapiens»[81]. 22-го августа поклонники гамсуновского Пана праздновали «первую железную ночь» в честь лейтенанта Глана[82]. Если символизм был литературно-философской школой, а декадентство художественным устремлением, то «Скорпион», я бы сказал, это был особый комплекс настроений, создававший благоприятную среду для развития этих учений, питавший и согревавший соответствующую атмосферу для их пышного расцвета.

Из русских поэтов «Скорпион» стал издавать Брюсова, Сологуба, Вяч. Иванова, Кузмина, Зинаиду Гиппиус, Андрея Белого, Блока, Волошина[83] и др. Он возродил очаровательную традицию пушкинской эпохи, – издание альманахов – и выпустил ряд литературных сборников «Северные цветы», в которых печатались изысканные произведения современной русской музы.

Здесь мирно уживались рядом представители самых различных оттенков русской литературы и поэзии от Чехова и Бунина до Сологуба и Кузмина. Столь широкая свобода вкусов и симпатий обеспечивалась терпимостью, глубоким доброжелательством и постоянным благодушием редактора-издателя С. А. Полякова. Андрей Белый в своих воспоминаниях о Блоке пишет следующее: «Чувствовалось, что между мною и Брюсовым, в глубинах туманного подсознания нашего назревает конфликт; и порою мне было не по себе в Скорпионе; да, если бы не С. А. Поляков, с неизменною мягкостью выраставший между нами, смягчавший углы между нами, наверное я б с очень громкою ссорою с Брюсовым отошел от “Весов”. Но Серг. Ал. гарантировал мне свободу всех действий, и я оставался в “Весах”…» («Эпопея» № 2. 1922 г. стр. 158. Москва–Берлин.)[84]

---

[80] В честь пьесы А. Шницлера, перевод которой был напечатан под маркой издательства «Скорпион» (см.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 84).

[81] Роман С. Пшибышевского.

[82] В романе Гамсуна «Пан» упоминаются три «железных ночи» – между 22 и 25 августа, когда в местности на севере Норвегии, где проходит действие книги, начинаются первые заморозки.

[83] Отдельные книги Волошина под маркой «Скорпиона» не выходили, хотя в упомянутых далее «Северных цветах» он печатался.

[84] Этот абзац в рукописи зачеркнут.

Заграничными корреспондентами Весов были лучшие иностранные литературные и художественные критики и теоретики эстетизма.

Не менее чем по содержанию замечательны и ценны были издания «Скорпиона» по их внешности. Впервые после грубых кирпичей второй, безвкусной половины 19-го века, в России появились книги, отмеченные печатью высокого библиофильского вкуса и благородного типографского изящества. Издания «Скорпиона» печатались на великолепной бумаге, к которой русская читающая публика не была приучена.

Тонкий, изящный шрифт, стильные виньетки, строго художественные заставки и концовки – все было прекрасно и нарядно, чуждо обычных и банальных книжных трафаретов. Страницы книги оживлялись ценными печатными украшениями и отлично воспроизведенными факсимиле. Обложки делались по рисункам лучших графиков: Обри Бердслея, Фелисьена Ропса, Ван Рейссельберга, Валлотона, Одилон Редона, Сомова, Бакста, Борисова-Мусатова, Феофилактова и др.

Не только в отношении пропагандируемого им «нового искусства», но и в смысле внешнего оформления книги «Скорпион» – это целая эпоха вкуса в истории русской художественной культуры. Она возродила интерес к лучшему и благородному Buchschmuck'у[85] полиграфического искусства, привила русскому читателю любовь к книге как таковой, утончила его художественные запросы и изощрила понимание печатного мастерства. Вот почему имя «Скорпиона» никогда не будет забыто в русском издательском деле и будут памятны заслуги его перед книжным просвещением страны.

Буйные вихри последнего десятилетия внесли опустошение в ряды сотрудников Скорпиона и рассеяли их по разным странам света. Спит в ограде Новодевичьего монастыря Брюсов, на Волковом кладбище покоится Блок, недавно в Англии в доме для душевнобольных умер Ликиардопуло[86]; Александр Добролюбов пошел в народ, слился с крестьянством и ныне в образе странника ходит по

[85] Художественное оформление книги (*нем.*).

[86] Михаил Федорович Ликиардопуло умер 17 ноября 1925 г. в английском Брайтоне. 3 ноября он писал Г. Уэллсу из хирургической больницы (ср. краткую аннотацию послания: «[…] письмо написано крайне неразборчиво, видимо, оно писалось в постели. В нем содержится очень подробное и невразумительное изложение обстоятельств, в которых оказался бывший переводчик Уэллса. Обстоятельства и впрямь были мрачными: бедность, потеря работы, заболевание легких, угрожающее перейти в скоротечную чахотку, больничная койка». – *Ковалев Ю.В.* Русский переводчик Герберта Уэллса // Советские архивы. 1967. № 1. С. 80).

деревням и селам[87]; Эллис стал богомольным католиком и примкнул к ордену иезуитов[88], Бальмонт пребывает в Парижской эмиграции [и занят перепевами своего стихотворения: «Этим летом я Россию разлюбил»[89]]. Но живы и работают среди нас полные сил и творческой бодрости С. А. Поляков, Андрей Белый, Сологуб, Кузмин, Волошин и др.; и среди членов Русского Общества Друзей Книги есть ряд бывших сотрудников Скорпиона и Весов: Павел Давидович Эттингер, Игорь Эммануилович Грабарь, Максимилиан Яковлевич Шик[90], Алексей Иосифович Бачинский[91] и др. Они перьев из своих рук не выпускают, продолжая лучшие традиции «Скорпиона».

В этом залог того, что благородные художественные заветы издательства не померкнут и впредь.

М. А. ДУРНОВ[92]

Вчера похоронили популярного некогда москвича; архитектора, художника и поэта Модеста Александровича Дурнова[93].

В старой, дореволюционной Москве М.А. был очень известен, вращался в литературно-артистических и художественных кругах, принадлежа к кругу так называемой «всей Москвы».

---

[87] О биографии А.М. Добролюбова в 1920-е годы (известной лишь в отрывках) см.: *Азадовский К.* Серебряный век. Имена и события. СПб., 2015. С. 46.

[88] Этот слух настойчиво опровергался самим Эллисом; см.: Литературный факт. 2017. № 5. С. 57–58.

[89] Стихотворение Бальмонта «Этим летом» («Не собрал я этим летом Божьей жатвы…»), написанное летом 1917 г. и опубликованное 2 сентября (Утро России. 1917. № 213. 2 сентября. С. 1), быстро приобрело скандальную известность.

[90] Шик Максимилиан Яковлевич (1884–1968) – поэт, переводчик, критик; носил титул немецкого корреспондента «Весов». См. о нем: *Шик Н.Б.* Максимилиан Шик – посредник между русской и немецкой культурами // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М., 1987. С. 170–187.

[91] Бачинский Алексей Иосифович (1877–1944) – опубликовал (под псевдонимом «Жагадис») в «Скорпионе» книгу «Облака» (М., 1905); был присяжным рецензентом «Весов» до августа 1906 г., после – печатался в «Перевале» (ср., кстати, высказанное Вяч. Ивановым неудовольствие по поводу тона одного из его отзывов: Перевал. 1907. № 4. С. 72); позже отошел от литературы; с 1918 г. – профессор физики МГУ, автор нескольких учебников. См. о нем: Поливанов К.М. Бачинский Алексей Иосифович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А.–Г. С. 186; *Матышев А.А.* Энциклопедия репрессированных авторов. 1917–1987. Биобиблиография советской трагедии. СПб., 2012. Т. 1. А–Б. С. 323–324.

[92] Печатается по автографу: РГБ. Ф. 561. Карт. 7. Ед. хр. 13. Экземпляры некролога хранятся также в фонде Московского областного бюро краеведения (РГБ. Ф. 177. Карт. 43. Ед. хр. 40) и в архиве Дурнова (РГАЛИ. Ф. 965. Оп. 1. Ед. хр. 91).

[93] М. А. Дурнов умер 5 августа 1928 г.

Он отличался своим изяществом, светскостью, хорошим вкусом, и никто бы не подумал, что этот изысканный эстет, насаждающий в Москве «дэндизм» в английском стиле, по своему происхождению из крестьян.

Мальчиком он попал в Училище живописи, ваяния и зодчества и пошел по архитектуре: он был учеником проф. Быковского, Каменского и Соловьева[94]. Но уже во время прохождения архитектурного курса в нем обнаружились недюжинные способности к живописи, и в особенности к акварельной, и М.А. блестяще окончил школу с дипломом на звание свободного художника архитектуры. Но как зодчий-профессионал он мало осуществлял свое призвание: в качестве строителя-производственника выступал очень редко и в Москве нельзя указать почти ни одного значительного здания, которое было бы сооружено Дурновым, за исключением двух-трех доходных домов в Штатном пер. и на Пречистенке[95].

Но как кабинетный работник М.А. был чрезвычайно ценен и интересен. Обладая прекрасным художественным вкусом, он создавал отличные проекты отдельных фасадов, украшений и деталей.

По его проекту выстроен театр на Садовой-Триумфальной, ныне имени Мейерхольда. Он был изготовлен по заказу тогдашнего увеселителя Москвы Шарля Омона, и первоначально был задуман составителем очень широко и оригинально[96].

Вход в театр изображал собой пасть дракона, широко раскрытую для поглощения потоков людей, но тогдашний московский губернатор кн. Голицын[97] нашел его слишком кричащим и безнравственным

---

[94] Быковский Константин Михайлович (1841–1906) – архитектор, преподаватель; Каминский (иногда ошибочно: Каменский) Александр Степанович (1829–1897) – архитектор; Соловьев Сергей Устинович (1859–1912) – архитектор и реставратор.

[95] Вероятно, Кара-Мурза ошибается: в списке построенных по проекту Дурнова зданий доходных домов нет, см.: *Гершкович Е.* Московский денди Модест Дурнов // Пинакотека. 2004. № 1–2. С. 72.

[96] Омон Шарль – известный театральный предприниматель, один из пионеров российского кинопроката; согласно новейшим данным, он был уроженцем Алжира по имени Соломон и появился в Москве около 1890 г. (см.: Великий Кинемо. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908 – 1919. М., 2002. С. 514–516; справка Ю. Цивьяна и Р. Янгирова). В некоторых источниках годом его рождения назван 1860-й (см., напр.: Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 5. Письма 1905–1906. М., 1999. С. 544). Здание было достроено в 1909 г. (дата по: Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. М., 1976. Т. 3. С. 497); позже было приобретено для театра И. Зона; после 1917 г. передано театру Мейерхольда (ср. реплику хроникера: «Это была старая постройка, возведенная по поручению московских купцов художником-декадентом М. Дурновым для блудного игралища пресловутого Омона, переменившая с тех пор многих постояльцев» (*Аксенов И.* Пять лет театра имени Мейерхольда // «Правда нашего бытия». Из архивов театра Вс. Мейерхольда / Сост. и подгот. текстов Н.Н. Панфиловой и О.М. Фельдмана. М., 2014. С. 26). Не сохранилось.

[97] Владимир Михайлович Голицын (1847–1932).

и не разрешил этого проекта и поэтому весь фасад получил такой скучный, как бы недоделанный вид[98].

К тому же у антрепренера не хватило средств и широко задуманный проект пришлось еще более скомкать и принести в жертву экономии[99].

М.А. проектировал внутри театра стеклянные лестницы, сплошные окна во все три этажа, цвет здания должен был быть синий с белыми фарфоровыми орнаментами.

Кому довелось видеть в подлиннике эскиз Дурнова в неискаженном виде, тот должен признать, что он представляет собой настоящее художественное произведение, к сожалению, не претворившееся в жизнь.

Внутри театра автору удалось лишь сохранить променуар, впервые введенный в России, и, действительно оригинальный, громадный люк, расположенный у входа в фойе и огороженный массивной балюстрадой из красного мрамора.

Техническое осуществление постройки театра взял на себя архитектор Новиков[100].

С юных лет М.А. подпал под влияние так называемых модернистов: символистов и декадентов.

Когда в Париже взошла звезда архитектора Гимара, а в Вене зашумели Ольбрих и Макинтош[101], М. А. явился в Москве пропаган-

[98] Ср. другое свидетельство о первоначальном плане здания: «А я видел у Модеста чудно написанный акварелью проект фасада театра. Весь он должен быть очень цветной, покрыт керамической блестящей облицовкой, а по бокам огромного полукруглого входа два панно – женщины в танце, тоже керамика. Самый вход должен быть по проекту залит морем огня, как ад. Театр-то ведь был кафе-шантан. Модест очень жалел, что не удалось довести до конца смелую и красивую свою затею» (*Виноградов С. А*. О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах // Воспоминания о серебряном веке / Под ред. В. Крейда. М., 1993. С. 430–431). Ср. также запись в дневнике Брюсова: «У [Г.] Бахмана видел Дурнова. Тот излагал проекты нового театра, где сцена будет не впереди, а внизу, и рассказывал, как он будет строить театр Омона (вход – пасть чудовища, лестницы стеклянные, окна во все три этажа, promenoir, цвет зданий – синий с белыми фарфоровыми украшениями и т.д.» (*Брюсов В*. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 119).

[99] В 1907 году, спешно распродав свое имущество, Омон скрылся из России и с этого времени следы его теряются; ср.: «Из Москвы исчез г. Омон, которого в этот день усиленно разыскивал суд[ебный] пристав для получения от него подписки о невыезде. Услужливые друзья Омона говорят, что он уехал только на 11 месяцев, сдав на это время помещение г-же Сытовой; в действительности же, Омон еще осенью продал свое имущество Лидвалю и К°, причем сделка совершена на имя клоуна Бома» (Театр и искусство. 1907. № 10. С. 165). См. также: *Сариева Е.А*. Кафешантан Шарля Омона // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 350–371.

[100] Новиков Александр Николаевич (1866 – ?) – архитектор; см. о нем: Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917 годы). Иллюстрированный биографический словарь. М. 1998. С. 188.

[101] Перечислены архитекторы Эктор Гимар (1867–1942), Йозеф Мария Ольбрих (1867–1908) и Чарльз Ренни Макинтош (1868–1928).

дистом их новых архитектурных идей и стал проповедовать «стиль модерн».

На эту тему он прочел несколько докладов в Московском Архитектурном Обществе и вызвал к себе большой интерес со стороны московских зодчих.

Не подлежит сомнению, что М.А. оказал заметное влияние на Ф.И. Шехтеля при постройке им Ярославского вокзала, и дома Рябушинского, на Малой Никитской, в котором сейчас помещается ВОКС[102].

Как художник, М.А. впервые обратил на себя внимание картиной «19-ый век», репродукции с которой одно время широко были распространены в Москве и продавались во всех эстампных магазинах.

Она, вероятно, еще у многих в памяти. Там на фоне Эйфелевой башни были изображены все выдающиеся политические, общественные, литературные и иные деятели 19-го столетия: Гладстон, Бисмарк, Александр II, Толстой, Пушкин, Ницше, Гете и др.[103]

По поводу этой картины находим несколько любопытных строк в дневниках Брюсова.

24-го декабря 1898 г. Вал. Як. пишет: «Был у Дурнова, смотрел картину “19-ый век”; на меня она не произвела впечатления; хорош галстук у Гладстона, хороши брови у Толстого. Больше очаровали меня его маленькие картины: Ночь, Лебеди, Три пальмы, Лесбос, У синего моря»[104].

Однако, через три месяца Брюсов снова возвращается к этому произведению. В записи от 11-го марта 1900 г. мы читаем: «Снимок с картины Дурнова “XIX век” выставлен в художественных магазинах. Ее очень смотрят, я часто даю объяснения»[105].

Нужно полагать, что объяснения были сочувственные, ибо Вал. Як. высоко ценил разнообразные дарования Дурнова.

Вообще, в Дневниках Брюсова нередко упоминается о Дурнове.

Вот, наприм., некоторые записи: «Был на выставке акварелистов; недурно, гладко, все импрессионисты, но нет мысли, Дурнов среди них великое исключение, его “Призраки” очень хороши. Все вновь

---

[102] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) с 1925 по 1931 г. располагалось в особняке С. П. Рябушинского, построенном Федором Осиповичем Шехтелем (1859–1926).

[103] В неподписанном (и запоздавшем на 10 лет) некрологе Дурнову сообщалось, что картина «XIX век» вместе с другим его холстом («Царство водки») была приобретена американским покупателем (Советское искусство. 1938. № 102. 4 августа. С. 4).

[104] *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 74–75.

[105] Там же. С. 100.

им написанное – замечательно, особенно портрет Бальмонта, на высоте, над городом в час луны»[106].

По поводу постановки в Малом театре декадентской пьесы Боборыкина «Накипь» газетный интервьюер опросил мнения всех московских декадентов, и вот Брюсов в дневнике своем пишет: «лучшее сказано, конечно, Дурновым». И дальше: «Дурнова видел дня через два. Он был в ударе, говорил афоризмы лучше меня и Уайльда, так что я внутренне аплодировал на все его слова»[107].

17-го ноября Вал. Як. записывает: «Был у меня Дурнов. У него все разные недоразумения с художниками. Много говорил о своей теории гениальности: гений не есть степень таланта, а особый дар, по его терминологии “сочетание”, который может достаться каждому. Обычно ценят лишь гений, подкрепленный умом и выдержкой.

Я напомнил ему стих Баратынского: “Глупцы не чужды вдохновенью”»[108].

В апреле 99-го года Брюсов заносит в дневник: «Дурнов уехал, одни говорят в Палестину, другие – к бурам»[109]. На самом деле М.А. уезжал в Персию.

Дурнову особенно удавались акварельные портреты: им прекрасно написаны портрет Самарина, Собинова, Востряковой, Отеро и др.[110] Из жанровых картин его пользовались большим успехом «Танцовщицы» и «Борцы».

---

[106] Там же. Портрет Бальмонта работы Дурнова (акварель, гуашь) хранится в ГТГ; воспроизведен: Мир искусства. 1903. № 7/8. С. 15.

[107] *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 109.

[108] Там же. С. 94 (приведено с купюрой).

[109] Там же. С. 101. Запись относится к 1900 г., подразумевается участие в англо-бурской войне. Ср. в письме И. Коневского к Брюсову от 3 мая 1900 г.: «Меня очень впечатлевает [sic] поступок отъезда в край буров со стороны М. Дурнова; но желал бы удостовериться, каковы его намерения – воинственные или созерцательные. И в том, и в другом случае его поступок знаменателен» ([*Брюсов В.Я.*] Переписка с Ив. Коневским / Вступит. статья А.В. Лаврова. Публ. и коммент. А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. М., 1991. Т. 98. Кн. 1. С. 491).

[110] Самарин Сергей Дмитриевич (1865–1929) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии, художник. В его усадьбе Васильевское по проекту Дурнова был построен главный дом и хозяйственные здания (см., кстати, фотографию Дурнова среди членов семейства Самариных: Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. Непагинированная вклейка между с. 160 и 161). Портрет С. Д. Самарина экспонировался в 1909–1910 г. (Каталог VII выставки картин Союза русских художников. [М., 1909]. С. 11); портрет Л.В. Собинова работы Дурнова хранится в Санкт-Петербургском Государственном музее театрального и музыкального искусства. Вострякова Мария Васильевна – жена художника; ср.: «Образованная, прекрасная музыкантша Мария Васильевна не могла изжить в себе “купецких черт” – страшной скаредности и старомодной чванливости» (*Серпинская Н.* Флирт с жизнью. М., 2003. С. 128). В адресных книгах упоминается ее служба в «Московской кассе взаимопомощи невест»; портрет ее кисти мужа воспроизведен: Кривое зеркало. 1909. № 8. С. 3. Отеро Каролина (1868–1965) – французская танцовщица испанского происхождения. Ее портрет работы Дурнова репродуцирован: Кривое

Из перечисленных сюжетов Дурнова нетрудно усмотреть, что его интересовал в искусстве острый и терпкий городской жанр: его привлекали танцы, борьба, работники эстрады, театра и цирковой арены.

Но рядом с ними в его рисунках и набросках мы видим черепа, скелеты, пляску смерти, зловещих птиц и прочие атрибуты символистической поэзии.

Таким же он был и в своих поэтических произведениях. Модест Дурнов принадлежит к числу первых поэтов-декадентов.

Он дебютировал в печати в 1899 г. в сборнике «Книга раздумий», изданном начинающим Брюсовым, а затем печатался в «Северных Цветах», в альманахах «Скорпион» и «Гриф»[111]. Отдельным изданием своих стихов М.А. не издавал, но среди любителей поэзии его произведения ценились высоко.

М.А. начинал свою литературную деятельность вместе с Брюсовым, Бальмонтом и Балтрушайтисом, ныне литовским послом в Москве. Ими посвящено покойному много стихов, и не только отдельных произведений, а целые циклы стихотворений.

Так например, весь поэтический цикл Брюсова под названием «Любимцы веков» посвящен Модесту Дурнову. Бальмонт, посвящая ему одну свою поэму, писал так: «Модесту Дурнову, создававшему поэму из своей жизни»[112].

Невольно возникает вопрос: в чем же заключалось то обаяние, которое М.А. внушал окружающим, при том столь большим литературным и художественным силам.

Казалось, что сам он не создал ничего крупного и значительного, ни в области поэзии, ни в сфере живописи и архитектуры. А между тем его мнением крайне дорожили, к оценкам его внимательно прислушивались, отзывы его ловили, повторяли и передавали из уст в уста.

зеркало. 1909. № 8. С. 4; оригинал хранится в РГАЛИ (Ф. 965. Оп. 1. Ед. хр. 17; в каталоге и описи обозначен как «Эро – испанка»).

[111] В «Книге раздумий» (СПб., 1899) помещено пять стихотворений Дурнова, в альманахе «Гриф» (М., 1904) – еще одно. В «Северных цветах» (по крайней мере, под своей фамилией) Дурнов стихов не печатал, альманахов «Скорпион» не существовало. К этому лапидарному перечню добавим еще его стихотворение, отложившееся в архиве Вяч. Иванова: «В жизни Христа, – / Каждый найдет подражание. / Этот – сама простота; / Тот вон – возжаждал страдания. // Клонится солнечный шар; / Небо – пестрей арлекина; / Ночь разгребает пожар, / Ночь… и… покой… Магдалина! // Свежесть развернутых роз / Благоуханнее меда. / Царская щедрость волос / Прах поглощает… свобода!» (РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 27. Л. 1). Стихотворение датировано 8 сентября 1907 г., к тексту сделана приписка: «Прощайте, у меня нет никаких слов. Я ничего не умею. Модест».

[112] Часть коллективного посвящения из книги Бальмонта «Будем как Солнце» (М., 1903).

Сила и значение Дурнова заключались не в творческих возможностях, а в его критическом таланте. По типу своего дарования М.А. принадлежал к числу так называемых арбитров, ценителей и знатоков.

Он был широко художественно образован, эстетически развит, обладал тонким артистическим чутьем, и потому с ним так считались, так можно сказать – носились.

Это был настоящий самородок из народа, дошедший благодаря своему природному инстинкту до понимания вершин европейского искусства.

Шутка сказать: его афоризмы были блестящее Оскара Уайльда.

Кроме того, он умел притягивать к себе таланты, сосредоточить в себе интересы эпохи, тот нерв, который играет и бьется в искусстве в данную минуту.

Во всякую эпоху бывают лица, которые не будучи сами творцами самостоятельных художественных ценностей, являются носителями и распространителями идей и вкуса. В 90-х годах прошлого века таким эстетическим авторитетом в Москве был Модест Дурнов.

После октябрьского переворота М.А. все свои силы отдал революции. Несколько лет он работал в Музейном Отделе МОНО[113], горячо отстаивая значение и интересы сохранения памятников искусства и старины.

В последнее время он сотрудничал в МКХ[114] в Земельно-планировочном Отделе, работая над планировкой новой Москвы, главным образом, отдельных площадей.

На обеих своих службах М.А. снискал себе любовь и уважение, был очень ценим как полезный и преданный делу работник.

Умер М.А. 60 лет от эндокардита, развившегося после осложнения гриппа.

Думаю, что в истории московской интеллигенции имя Модеста Дурнова не будет забыто.

[113] Точнее – в Музейном подотделе Московского отдела народного образования.
[114] Москоммунхоз, отдел коммунального хозяйства Моссовета.

ГЕОРГИЙ ЯКУЛОВ[115]

Тяжело произносить мемориальное слово о человеке, унесенном в могилу в расцвете сил, темперамента и творческой энергии.

Таким в периоде яркого духовного горения, в зените своего оригинального, вихревого дарования ушел от нас Георгий Богданович Якулов.

Мне странно называть его Георгием Богдановичем. Я помню его Жоржиком, как, впрочем, Жоржем называла его и вся знавшая его артистическая и художественная Москва.

Несколько обстоятельств дают право мне, лицу, далекому от живописи и художественной критики, говорить о Якулове.

Прежде всего, мы были с ним соотечественники, что называется компатриоты. Затем были однокашниками, хотя он был и моложе меня[116]. И наконец: где мне уже приходилось оставаться пассивным, я очень любил его красивый, такой [слово пропущено], такой динамичный талант, весь его своеобразный, какой-то бунтарский, несколько эксцентричный артистический облик.

Поэтому я и позволю себе поделиться с вами несколькими личными воспоминаниями о покойном.

Три фактора влияли на оформление художественной индивидуальности Якулова: его родина Тифлис, его семья и гимназия.

Тифлис – прекрасная столица Грузии, один из живописнейших городов Союза, раскинулся на рубеже Европейской и Азиатской культуры. Он исстари славился своей театральностью.

Из мемуаров Соллогуба[117], из воспоминаний Амфитеатрова[118], из рассказов А.А. Яблочкиной[119] вырисовывается та интересная кипучая артистическая жизнь, которая билась в Тифлисе.

---

[115] Печатается по авторской машинописи: РГБ. Ф, 561. Карт. 3. Ед. хр. 9. Рукопись сильно повреждена, из-за чего некоторые фрагменты текста утрачены. Впервые Кара-Мурза писал о Якулове в заметке «Армяне в искусстве» (Армянский сборник. Второе издание. М., [1916]. С. 229–231).

[116] Ср. в воспоминаниях Кара-Мурзы о школьном журнале: «Моей тогдашней гимназической редакции мог бы позавидовать любой печатный еженедельник. В нем печатали свои стихотворения такие будущие поэты, как Лев Зилов, Павел Сухотин, помещали свои рисунки ученики Якулов и Судейкин» (*Кара-Мурза С. Г.* Русское общество друзей книги. М., 2011. С. 83).

[117] Имеется в виду издание: Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887. С. 226–245.

[118] Не вполне понятно, какой из текстов Амфитеатрова имеется в виду: существенная часть его книг включает в себя мемуарный элемент, а Тифлис (в котором он жил в 1888–1890 гг.) он упоминает довольно часто.

[119] В Тифлисе прошло детство и состоялся театральный дебют Александры Александровны Яблочкиной (1866–1964), см.: *Яблочкина А.* 75 лет в театре. М., 1977. С. 62. Ве-

Уже в пятидесятых годах прошлого столетия там подвизалась первоклассная итальянская опера, играла отличная русская драма.

Из Тифлиса в Москву привезли свою любовь к театру, свое искусство такие деятели как А.И. Южин, В.И. Немирович-Данченко, Ф.А. Корш.

Теперь к этим именам присоединяется и имя Якулова.

Жоржик недолго оставался в Тифлисе, он провел там лишь раннее детство до десятилетнего возраста: но город способствовал образованию и развитию художественных вкусов его родителей, порождая культурное настроение и артистические запросы в его семье, и через нее влиял на будущего художника.

Отец Якулова – известный в Тифлисе и популярный по всему Закавказью адвокат[120]. Он умер молодым и Жоржик его совсем не знал.

Вся тяжесть воспитания легла на мать, женщину необычайной энергии и воли, выдающегося ума и тонкого художественного вкуса.

По собственному признанию покойного, он очень многим был обязан ей.

Несмотря на все материальные лишения, мать ежедневно занималась с детьми пением, рисованием и чтением.

И есть много общего в чертах характера и методов воспитания трех выдающихся тифлисских женщин (трогательных матерей): Варвары Ивановны Сумбатовой, Александры Каспаровны Немирович-Данченко и Сусанны Артемьевны Якуловой[121].

И вот почему все члены семьи Якуловых представляют собой недюжинные индивидуальности; в этой семье мы видим отличных юристов, популярных ораторов, музыканта, скульптора и химика-изобретателя[122].

К сожалению, их известность остается лишь в пределах московской общественности и только одному из них суждено было высоко вознести фамилию Якулова и вписать ее в историю искусства большого масштаба.

В 1893 году семья Якуловых из Тифлиса переехала в Москву, и я хорошо помню, когда Жоржика десятилетним мальчиком привели

роятно, имеются в виду ее устные рассказы, поскольку ее печатные автобиографические выступления начались уже в 1930-е годы.

[120] Немногочисленные сведения о Богдане Галустовиче Якулове (Якуляне; ок 1843 – 1884/1885) см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 31–33.

[121] Варвара Ивановна Сумбатова (урожд. Недзвецкая; 1836–1902) – мать артиста А.И. Сумбатова-Южина; Александра Каспаровна Немирович-Данченко (урожд. Ягубян; 1829–1914) – мать Владимира Ивановича и Василия Ивановича Немировичей-Данченко; Сусанна Артемьевна Якулова (урожд. Кананова; 1852–1934) – мать Якулова.

[122] За исключением юристов (о которых см. ниже) остальные члены семьи для нас неопознаваемы.

в пансион Лазаревского Института Восточных Языков, где уже воспитывались два его старших брата[123].

Смуглое лицо мальчика с черными как угольки глазами сразу привлекло к себе внимание воспитанников.

Жоржик недолго заставил себя ждать и скоро стал запанибрата с товарищами, проявляя широкую инициативу во всех играх, выдумках и озорствах.

Едва ли чьи-либо глаза так часто описывались в литературе, как глаза Якулова. «Якулов брюнет с выразительными глазами, чертами азиата-метиса», – писал французский сенатор Де-Монзи[124]. «Чуть шафранное лицо Якулова и две жирных маслины многовидящих глаз», – читаем у Бориса Глубоковского[125].

Лазаревский институт, несомненно, оказал на Жоржика большое влияние и сильно способствовал оформлению в нем художника.

В институте постоянно жили, и были очень крепки и устойчивы всякого рода театральные и художественные традиции.

Достаточно сказать, что в нем провели свои гимназические годы такие театральные деятели как Станиславский и Корш, литераторы Веселовский и Эфрос, драматурги – Антропов и Сухотин, актеры – Адашев и Асланов, поэты Липскеров и Зилов, беллетрист Лидин, художник Судейкин и много других[126].

Вольный дух в нашей гимназии был театрально-артистический. Ежегодно давали по несколько ученических спектаклей. Ф.А. Корш щедро присылал нам на свои утренники бесплатные билеты. И вся

---

[123] Якулов Яков Богданович (1875–1933) – адвокат; о нем см.: *Костицын В*. Мое утраченное счастье… Воспоминания, дневники. М., 2017. Т. II. С. 408 (справка В.Л. Гениса) и Якулов Александр Богданович (? – 1937 или 1938) – присяжный поверенный; год смерти устанавливается по дневниковой записи Е.Е. Лансере (*Лансере Е.* Дневники. Книга третья. Художник и государство. М., 2009. С. 328); третий брат, Якулов Артемий Богданович – физик.

[124] Монзи Анатоль де (1876–1947) – французский дипломат, побывавший в Москве в августе 1923 г. и посетивший, среди прочего, мастерскую Якулова. Цитата взята из его книги с рассказом о путешествии: *De Monzie*. Du Kremlin au Luxembourg. Paris, 1924. P. 124. Годом позже был выпущен русский перевод (*Монзи А*. В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца) / Пер. с франц. С. О. Цедербаум, с предисл. проф. Е. Энгеля. Л.; М., 1925. С. 106), который Кара-Мурза ниже упрекает в неточности.

[125] *Глубоковский Б*. Повесть о Георгии Якулове в 5 главах // Мастерство театра. 1922. № 1. С. 78.

[126] Перечислены: Константин Сергеевич Станиславский (наст. фам. Алексеев; 1863–1938); Федор Адамович Корш (1852–1923); Юрий Алексеевич Веселовский (1872–1919); Абрам Маркович Эфрос (1888–1954); Роман Лукич Антропов (1876? – 1913); Павел Сергеевич Сухотин (1884–1935; не включавшиеся в его биографию сведения об обучении в Лазаревском институте верифицируются выпиской о сдаче экзаменов на аттестат зрелости, см.: РГАЛИ. Ф. 1709. Оп. 1. Ед. хр. 3); Константин Абрамович Липскеров (1889–1954); Лев Николаевич Зилов (1883–1937); Владимир Германович Лидин (1894–1979); Сергей Юрьевич Судейкин (1882–1946).

эта атмосфера не могла не влиять на живую восприимчивость и впечатлительный ум юного экспансивного кавказца.

Первый, кто угадал в Якулове будущего живописца, был наш учитель рисования небезызвестный Ник. Ник. Богатов[127].

Не надо было быть большим прозорливцем, чтобы предвидеть, что Якулов недолго останется в институте и уйдет в искусство. Он дружил с Судейкиным и они вместе мечтали о карьере художника.

И действительно, с шестого класса Жоржик бросил гимназию и перешел в училище живописи, ваяния и зодчества. Это было в 1900 году, когда ему минуло 17 лет.

Здесь он оставался также недолго, кажется, года два, и был исключен из школы за несдачу зачетов[128].

Тут я потерял его из виду; он на несколько лет был оторван от Москвы, отбывал военную службу на Кавказе, а затем попал в действующую армию на Дальний восток.

Мы встретились с ним уже в 1906 году после заключения мира с Японией.

Он показал мне свои «Скачки» и «Толпу»[129] и долго объяснял мне про эти [картины], написанные в принципах китайской графики и японской живописи.

Признаюсь, я мало понимал и плохо верил в то, что он мне толковал, но он говорил так горячо и с таким воодушевлением, что невольно заражал вас пылкостью своего увлечения.

Мне же просто нравились красные тона его скачек и тот порывистый вихрь, который давал движение множеству лошадиных ног, и я готов был простить Жоржу всю мудреность его комментария.

Особенно я любил один его интерьер, где в вихре красного цвета рдели розоватые отсветы стекол и сверкали глубоким блеском ромбы паркета.

Он напоминал мне вещи Уистлера, его живописные симфонии.

Вскоре «Скачки» появились на выставке[130] и на страницах «Весов»[131].

Через несколько лет Жоржик впервые уехал заграницу и вернулся оттуда европейцем.

---

[127] Кара-Мурза путает отчество Николая Алексеевича Богатова (1854–1935).

[128] В действительности – за пропуск занятий, см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 35.

[129] Обе картины ныне находятся в ГТГ.

[130] «Скачки» экспонировались в 1906 г. на выставке «Московского товарищества художников» (Аладжалов С. И. Георгий Якулов. С. 37–38).

[131] Картина (под названием «На скачках») репродуцирована: Весы. 1908. № 6. С. 45.

Он проповедовал последнее слово французского искусства: симультанизм.

Якулов познакомился и подружился в Париже с двумя родоначальниками этой школы – Сандраром и Делоне – и со свойственным ему энтузиазмом говорил об их учении[132].

Симультанизм опирается на современность, но в отличие от футуризма ищет в ней ее психологические начала, внутренние голоса души.

Он вводит одухотворенное движение слова и цвета, совместную [пропущено слово] и краски и от этого возникает контраст, создающий глубину.

Жоржик говорил о симультанизме с той же экспрессией, с такой же убежденной горячностью, с какой после Манчжурии рассказывал об азиатской сюжетности и японской фантастике.

После возвращения из-за границы – короткий светский период жизни Жоржика, он становится модным художником, посещает «Общество свободной эстетики»[133], приглашается в самые рафинированные салоны Москвы: к Лосевым, Носовым, Гиршман, к Рябушинским[134] и в другие дома. Недаром писал один светский хроникер того времени: «У Якулова плечи, которые так ловко держат жакет, порывистость движения, острые как пикули слова»[135]. Портретные штрихи несомненно удачны и особенно последнее наблюдение «острые и едкие слова».

Надев на себя салонный костюм московского денди – по существу Жоржик оставался непримиримым противником буржуазного благополучия: внутренне он ненавидел мещанское самодовольство и купеческую сытость и на самых изысканных вечерах [шоки]ровал

[132] Ср.: «Среди живописцев у нас нашелся единомышленник в лице Якулова, незадолго перед тем приехавшего из Парижа, где Делоне на лету перехватил у него идею одновременной совместноцветности – ядро симюльтанэ. […] Вообще одновременность такого восприятия следовало признать довольно относительной. Нам, поэтам, ломать копья тут было не из-за чего. Но Якулов не мог спокойно слышать о симюльтанэ и надсаживал себе глотку, крича, что Делоне ограбил его, так как он, Якулов, первый своим “вращающимся солнечным диском” показал, каким образом можно достигнуть единства впечатления путем единства технических средств» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец / Сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера. Подготовка текста П.М. Нерлера и А.Е. Парниса. Примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. Л., 1989. С. 467–468, см. также с. 677 – 678). В Париж Якулов ездил в 1913 г. (см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 46–47).

[133] Московское литературно-художественное общество (1907–1917).

[134] Перечислены салоны московских меценатов – Евдокии Ивановны Лосевой (урожд. Чижовой, 1881–1936); Евфимии Павловны Носовой (урожд. Рябушинской; 1883–1977); Владимира Осиповича Гиршмана (1867–1936), кстати – казначея упомянутой выше «Свободной эстетики», и его жены Генриетты Леопольдовны Гиршман (урожд. Лион; 1885–1970); Николая Павловича Рябушинского (1877–1951).

[135] Слова цитировавшегося выше Б. Глубоковского: *Глубоковский Б.* Повесть о Георгии Якулове в 5 главах // Мастерство театра. 1922. № 1. С. 78–79.

хозяев и гостей своими вызывающими замечаниями и дерзостью суждения. А на следующий день после вечера в обществе Сапунова[136], Судейкина и других где-нибудь в кафе или в кабачке отводил душу в уничтожающих издевательствах над своими вчерашними собеседниками и партнерами. За стаканом вина Жоржик был незаменим, неистощим на рассказы, на остроумные сравнения, броские афоризмы, в присутствии друзей он чувствовал себя радостным и свободным, сыпал занятные парадоксы, меткие эпитеты, убийственные характеристики. Было наслаждением присутствовать при том словесном поединке, какой он затевал иногда, например, с Сапуновым или Александром Кожебаткиным[137].

Одно время Якулов был таким же баловнем московской художественной богемы, каким позже стал Есенин для богемы литературной.

Жоржик был не только отличным собеседником в небольшом обществе, но прекрасно говорил и с эстрады. На излюбленных в последнее время театральных и художественных диспутах и судах он с большим успехом выступал то в роли защитника, то на амплуа прокурора, но никогда в роли председателя или эксперта, ибо основная стихия Якулова была страстность и запальчивость, полемика, борьба и протест. Объективность и бесстрастие не были в числе его добродетелей. Бунтарство вообще является одной из самых характерных черт всей семьи Якуловых. Когда-нибудь московский мемуарист уделит немало страниц этой семье, в летописи которой есть и вызовы на дуэль председателей суда и звонкие пощечины бесчестным педагогам и много других проявлений независимости и личного достоинства[138].

Поэтому, когда два года тому назад из Парижа пришло сообщение о том, что Жоржик нанес оскорбление действием известному Пикассо и что французский суд привлек Якулова к дисциплинарному взысканию, я нисколько не был удивлен[139].

Правда, в действительности оказалось, что до пощечины дело не дошло и что Жоржик лишь словесно отхлестал зарвавшегося французского кубиста.

---

[136] Николай Николаевич Сапунов (1880–1912) – художник.

[137] Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884–1942) – издатель и библиофил.

[138] По семейному преданию, Я.Б. Якулов, защищая в суде юного М.В. Фрунзе, вызвал на дуэль председателя суда, обвинив его в несправедливом ведении дела (см.: З*урабян Т.* Волны счастья. Ереван, 1981. С. 140).

[139] Эта история не подтверждается; ср., например, подробные воспоминания А.Б. Никритиной о совместном визите Ларионова, Мариенгофа, Никритиной, Якулова и Шиф в мастерскую Пикассо: «Якулов все приглашал Пикассо в Ереван (он армянин), и все кричал своим гортанным голосом: – Есть только два города – Париж и Ереван! […] Ушли от Пикассо довольные, счастливые» (цит. по: *Маквей Г.* Новое об имажинистах // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2004. М., 2006. С. 227). Ср., кстати, апологетическую по тону заметку: *Якулов Г.* Пикассо // Огонек. 1926. № 20. С. 8.

Якулов ездил в Париж, как известно, ставить у Дягилева балет Прокофьева «Стальной скок»[140].

Постановка Жоржа имела шумный успех у парижан и вызвала большие толки.

Во время одной из бесед Пикассо позволил себе бестактные нападки на советскую культуру, но был немедленно осажен Якуловым.

В нашей прессе успех Якулова в «Стальном скоке» не нашел достаточного отражения и оценки.

И невольно вспоминаются остроумные строки, написанные в 1922 году уже цитированным Глубоковским: «Странно сказать, но официальная печать мало отметила творчество Якулова. Должно быть потому, что наши присяжные критики очень схожи с Дидротовой кухаркой. Последняя, как известно, узнала, что ее господин великий человек только после его смерти. Что ж! Твердо уверен, что Якулов не скоро доставит Дидротовым кухаркам радость своего признания»[141].

Увы, автор этих строк просчитался; не прошло и шести лет, как Якулова не стало.

В 1917 году Якулов декорировал кафе Питтореск на Кузнецком мосту в доме Сенгали, где сейчас помещается Текстильторг.

Хозяином этого предприятия был один из московских чудаков и оригиналов, миллионер, поэт и анархист-булочник Николай Дмитриевич Филиппов[142].

Он торговал калачами и издавал анархический журнал «Клич» под редакцией профессора Борового[143].

Его же перу принадлежит небезызвестная роскошно изданная анонимная книга стихов «Мой дар»[144].

Филиппов предоставил Якулову полную свободу действий, дал ему, как говорится «белую карту».

---

[140] О постановке см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 188–197; *Бадалян В.* Георгий Якулов. Ереван, 2010. С. 36–37. Сам Якулов посвятил отдельную статью своей работе: *Якулов Г.* «Стальной скок» Сергея Прокофьева // Рабис. 1928. № 25. С. 5.

[141] *Глубоковский Б.* Повесть о Георгии Якулове в 5 главах // Мастерство театра. 1923. № 1. С. 79.

[142] Кафе «Питтореск» (Кузнецкий мост, д. 5) было открыто 30 января 1918 г. в помещении бывшего магазина «Сен-Галли» на деньги Николая Дмитриевича Филиппова (1874–после 1924) при участии Д.Д. Бурлюка и В.В. Каменского. В архиве Кара-Мурзы отложилось несколько газетных вырезок, посвященных Филиппову (РГБ. Ф. 561. Карт. 51. Ед. хр. 29). О дизайне «Питтореска» см.: *Бадалян В.* Георгий Якулов. С. 22–24.

[143] Журнал «Клич» выходил в Москве в 1917 г. (№№ 1–4); издателем его значится Н.В. Петров, редактором А.А. Боровой; никаких следов участия Н.Д. Филиппова в самом журнале не находится.

[144] М., 1918 (издана без указания автора).

И Жоржик создал декоративную композицию, которая привела в восторг всех московских конструктивистов.

Бодлэр в одном месте своего дневника говорит: «В театре больше всего люблю… люстру»[145].

И Якулов главное внимание обратил на эту принадлежность зала.

Он дал необыкновенно причудливую конструкцию контуров, света, блеска, огня, отражения и самоцветных красок.

Это был вихрь на зыбком, ломаном, но едином стержне пропеллера.

Жоржик любил эту люстру, как воплощение своей мечты, как продукт настоящего творческого вдохновения. В ней бился пульс сегодняшнего дня, играл подлинно урбанистический нерв.

Я помню день открытия «Питтореска» в январе 1918 года.

Это было нечто вроде вернисажа зимнего сезона или премьеры спектакля.

Жорж чувствовал себя именинником, а Филиппов благоговейно смотрел ему в рот и ловил каждое его слово, каждый его жест.

В публике были Ал. Толстой, Эренбург, Маяковский, Вас. Каменский, Андрей Соболь и много других литераторов и артистов.

Маяковский произнес приветственную речь Якулову, а в центре всего внимания была конструктивистская люстра.

В ноябре 1918 г. в помещении Питтореска была отпразднована первая годовщина октябрьской революции, после чего кафе, а вместе с ним и люстра были ликвидированы[146].

Я вспоминаю Якулова и в редакции журнала «Клич» на Воздвиженке, т.е. попросту в гостиной у Н.Д. Филиппова, все стены которой были увешаны картинами[147].

Здесь бывали Хлебников, Василий Каменский и др.

Якулов проходил между рядами сомнительных [пропуск], поддельных Коро, фальшивых Боровиковских, но зато явно подлинных Бо[да]ревских, Дубовских и Богданово-Бельских и громил безвкусие и невежество собирателя.

А Филиппов с немой покорностью принимал его приговоры.

Дом Якуловых в Москве отличался всегда своим гостеприимством и культурностью.

[145] «Мое мнение о театре. Всегда и в детстве и теперь мне казалось самым прекрасным – люстра, этот чудный, светлый, кристаллический, сложный, круглый и симметрический предмет» (*Бодлер Ш.* Мое обнаженное сердце. Пер. Эллис. М., 1907. С. 6).

[146] Место кафе «Питтореск» занял (после 7 ноября 1918 г.) клуб-мастерская «Красный петух», организованный Театральным отделом Наркомпроса (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 1. М., 2006. С. 287).

[147] Московский адрес Н. Д. Филиппова: Воздвиженка, 9.

Женившись и поселившись отдельно, Жоржик продолжал традиции своей семьи[148]. Его дом был открыт не только для всех московских деятелей искусства, но и для приезжих иностранцев.

И Де-Монзи и Дюамель и Фермен-Жемье и все другие знатные европейцы, посетившие Москву в эти годы, были неизменными гостями Якулова и его студии на Садовой[149].

Сенатор Де-Монзи очень живо описал свой визит к Жоржику в известной книге «В Россию и обратно: от Кремля до Люксембургского дворца».

Со свойственной французским дипломатам талантливостью глава о Якулове написана блестяще и я не могу отказать себе в удовольствии привести оттуда несколько отрывков. «Полночь. Я обещал ужинать у художника Якулова, которому был представлен. Мне любопытно узнать, как живет художник, переживший революцию под властью Луначарского, как живет Дюжарден-Бомец 3-го Интернационала»[150].

Необходимо указать, между прочим, что это место переведено по-русски с извращением смысла. Дюжарден-Бомецом, который, как известно, был не художником, а министром изящных искусств, автор называет Луначарского, а не Якулова[151]. А переводчик присвоил это сравнение Жоржику.

Однако продолжаю цитату:

«Якулов, как и Кончаловский, является одним из фаворитов режима, занимает квартиру № 38, в доме № 10 по Большой Садовой – караван-сарае в жанре Монпарнасского бульвара.

Ателье, превращенное в жилище: кровать, установленная на эстраде, а внизу скамья и стол, изображающие салон: обстановка живописца-подмастерья.

Якулов объездил весь мир, увлекался недолго Веронезе, три месяца жил в 1913 году в Париже, бессистемно обучался вместе с Робертом Делоне.

[148] Якулов женился в начале 1920-х годов на Наталье Юльевне Шиф (вар. Шифф, по др. версии Вермель; 1889–1974). Из череды ее выразительных портретов приводим один: «Она некрасивая была, но сложена великолепно. Рыжая и вся в веснушках. Когда она шла или там на машине подъезжала, за ней всегда толпа мужчин. Она ходила голая... одевала платье прямо на голое тело или пальто, и шляпа громадная. И всегда от нее струя очень хороших духов. Просыпается: “Жорж, идите за водкой!”. Выпивала стакан и начинался день» (*Паршин Л*. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991. С. 103; реплика Т.Н. Лаппы (Булгаковой, Кисельгоф)).

[149] Прозаик Жорж Дюамель (1884–1966) путешествовал по СССР летом 1927 г.; актер Жемье Фирмен (1869–1933) принимал участие в московских театральных проектах весной 1928 г.

[150] *Монзи А*. В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца). С. 105.

[151] Анри Шарль Дюжарден-Бомец (1852–1913) – министр изящных искусств – все-таки был художником, но, несмотря на это, упреки Кара-Мурзы основательны: в оригинале автор титулует так именно Луначарского (*De Monzie*. Du Kremlin au Luxembourg. Paris, 1924. P. 123).

Рисует он без руководителя, без модели, без критического удержу, под действием душевного порыва. Он не испытал никаких влияний, кроме буйного колорита своих странствий и барельефов византийского искусства.

В своеобразных выражениях разъясняет он формулу, которой руководствуется. “Живопись это лирическая химия”. В сущности он повторяет слова Шардена: “Пользуются красками, а рисуют чувствами”. Перед лицом окружающего человечества, обуреваемого пляской святого Витта, Якулов пытается вскрыть ритм, стиль, линии этой нервической жизни. Принадлежа к художникам движения – но движения лихорадочного, осатанелого, он от революции получил тягу к широким композициям и общечеловеческим синтезам.

Для красного очерка персонажи Якулова достаточно хорошо очерчены, расположены и одеты.

– Якулов, чем вы в сущности обязаны революции?

– Прежде всего своим хлебом насущным.

– Но затем: какими идеями, мечтами, новым вдохновением?

Якулов колеблется. – Я открыл толпу, ее эстетизм, ее ритм, законы ее движения. Раньше я не видел толпы. Я видел только сборища, более или менее многочисленные, но не спаянные единством…

Подобно тому как Жанбатист Тьеполо, который проектировал нарисовать на стенах дворца Лаббия всю историю и всех действующих лиц вселенной, так и мой Якулов влюблен в миф о всеобщем единстве, об этом “монизме”, который является философией всех революций: его томит предчувствие грандиозных фресок, на которых он изобразит шумную встречу умиротворенных людей.

К ужину было приглашено несколько друзей, цыганская певица и толстая русская дама, знающая старые крестьянские песни. Музыка вперемешку с куплетами. Прислуга, которая услуживала за столом, остается тут же и, упирая руки в бока, слушает концерт – таков обычай этого дома.

Степенная фамильярность связывает между собой гостей.

На этот раз мы, как настоящие русские, возвращаемся на Софийскую набережную на рассвете»[152].

Вскоре после того, как книга Де-Монзи появилась в русском переводе, я встретил Жоржика и спросил его: как нравится то, что о тебе написал Де-Монзи? – Он откинул голову, поднял плечи, своим обычным жестом отбросил руку и сказал только одну, но уничтожающую фразу: «Знаешь, это то же самое, что один французский путеше-

[152] *Монзи А.* В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца). С. 105–108 (с пропусками и искажениями).

ственник 17 века писал о России “Иван Грозный был прозван за свою жестокость Васильевичем»”»[153].

Режиссер Сахновский в своей красивой речи о Якулове сделал из Жоржика Гофманский тип: «Когда по занесенной снегом Москве, – говорил он, – в голодные годы, по уличным сугробам, мимо нетопленных домов, в холодном [пропуск слова] без галош, в пестрой кепке, из-под которой чернели его блестящие [пропуск фрагмента] театра, – это был образ из Гофмана. Он сталкивал так зрительный зал со сценой, производил взрыв и ему было весело. И он радостный возвращался в ночь, по занесенным сугробами переулкам, мимо холодных особняков»[154].

Образ несомненно красивый и динамический, но не верный.

Он относится к той эпохе, когда нас посетил Уэллс и написал свою книгу «Россия во мгле», когда не шли трамваи, на улицах не было электричества, дворники отсутствовали и снег не убирался[155].

Но скоро побежали трамваи и понеслись автобусы, загорелись вольтовы дуги и отогрелись особняки, задымились снеготопки и исчезли Гофманские наваждения. Снежная маска, надетая на Якулова, растаяла.

Гофманский тип трагичен по существу – в Жорже не было трагизма.

В нем была жизнерадостность, веселый бунт, изящный скепсис, красивое безверие.

А главное: страсть к движению, к [динамике?] и к фанатизму и ненависть к застою, к статике и к болоту.

Он носился из Эривани в Париж, из Берлина в Баку.

Сквозь все его стремления к инвенции красной нитью проходит основная линия его творчества, главная цель его жизни: сочетать в своем искусстве родину физическую с родиной духовной, связать восток с западом, влить в европейский стиль струю ориентализма и привить достижения Франции и Италии мастерству и вдохновению своей страны.

И следует признать что, невзирая на свою короткую жизнь, он в этом направлении многого достиг.

Свой жизненный и творческий путь Якулов прошел без трагических надрывов, минуя Гофманские изломы – легко и беспечно.

---

[153] Бродячая апокрифическая цитата, известная уже в начале XX века (ср. упоминание ее у Кузмина: Кузмин М. Проза и эссеистика. М., 2000. Т. 3. С. 573) и поочередно приписываемая то словарю Larousse, то А. Дюма-отцу, а иногда – «одной французской исторической брошюре» (*Ренников А.* Клюквенный квас // Возрождение. 1956. № 54. С. 97).

[154] Василий Григорьевич Сахновский (1886–1945). Обширные воспоминания о его работе с Якуловым помещены в книге: *Сахновский В.Н.* Работа режиссера. М.; Л., 1937. С. 148–161, но приведенной цитаты там нет.

[155] Книга Герберта Уэллса «Россия во мгле» («Russia in the Shadows») рассказывает о поездке, совершенной в 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Г. Лидин

ВТОРНИК У КАРА-МУРЗЫ[1]

Драматическое представление в одном действии.

Афиша:

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, хозяин литературного салона.

Мария Алексеевна, его жена[2]; гостей всех считает талантливыми.

Жоржик, Андрюша[3] – их дети.

Граф Толстой, Алексей Николаевич, собиратель трубок.

Наталья Васильевна[4], его жена. Поэтесса. Скромна, молчалива. Любит детей, мужа, даже в пьяном виде, собак, нищих, поэтесс и др.

Эренбург Илья. Личность темная, российская. Из-за любви к России не моется и не стрижется. В Париже был под надзором как полиции, так и темных элементов столицы. Существует стихами и тем, что бросают, спасаясь, солдаты при встрече с ним по ночам. Жителями Арбата избран в церковные старосты церкви Бориса и Глеба в память чудесного очищения местности от шаек грабителей. Среди громил популярен как переводчик Франсуа Вийона[5].

Новиков, Иван Алексеевич. Славянофил. Друг Аксакова и Вячеслава Иванова[6].

Ольга Максимилиановна, его жена[7]. Делает вид, что пьет чай с вареньем, но на самом деле все замечает. В отличие от жены Толстого стихов не пишет и поэтесс не любит.

Соболь Андрей, Соболев Юрий[8] – Молодые люди цвета хаки. Оба напирают на свою бывшую близость к влиятельным военным сферам. Очень похожи друг на друга, так что окружающие часто их смешивают. Во время чтения поднимают грызню. В остальное вре-

мя кричат, бегают в задние комнаты, просят слова и упрекают друг друга.

Журин, пишет стихи. Дом на Пресне[9].

Янтарев Ефим. Хлебосол. Представитель старой дворянской Москвы. Потомок генералиссимуса Янтарева-Задунайского[10]. Из всех напитков предпочитает водку. С женщинами холоден и пренебрежителен, что создает ему славу сноба. Посещает Кружок исключительно потому, что Дворянский клуб закрыт. Любит стерлядку кольчиком. Друг Леонида Андреева, Спиро[11] и других русских писателей.

Инбер Вера. Поэтесса. Шесть городов юга спорят о праве именоваться ее родиной. В виду гражданской войны и разобранных путей вопрос остается не решенным.

Матусевич Иосиф (Осип); он же Мавич, Мава и Бом[12]. Драматург. Лев литературных салонов. При виде красивых женщин впадает в беспамятство и становится опасен. Смел и ревнив.

Орлов, капитан Копейкин[13]. Медного цвета. Лыс. Любит, чтобы по ошибке его называли полковником. Не пьет и не выносит карт и женского общества. Пишет роман из великосветской румынской жизни.

Никандров[14], матрос.

Гости, прислуга, Моносзон[15] и проч.

Действие происходит в Москве в 20-х годах сего века.

(*Гостиная Кара-Мурзы. В глубине обед. Двери в детскую открыты. Жоржик и Андрюша у стола*.)

Жоржик (*задумчиво*): Когда я вырасту большой, я куплю автограф Веры Инбер.

Андрюша: Не мешай. (*Пауза*.)

Жоржик: А кто известнее: Янтарев или Софья Заречная[16]?

Андрюша: Конечно, Янтарев. Он всем писателям говорит ты.

Жоржик (*грустно*): В прошлый раз во вторник съели все печенье.

Андрюша: И опять съедят.

Жоржик: Может быть, они думают, что если всего не съедят – мама обидится?

Андрюша: Всегда много едят. Закрой дверь.

(*Входят гости из столовой после обеда*.)

Мария Алексеевна: Пожалуйте, господа. Сейчас подадут кофе.

Соболь (*Соболеву*): Я остался голоден.

Матусевич: А я спрятал немного хлеба на ужин в Кружке.

Никандров (*подходит*): Да, здорово, брат. Хлеба главное вволю.

Соболев: Положим, осетрина была с душком… (*Соболю*) Ты заметь, мне всегда фатально не везет: даю статью – закрывают газету, не даю статьи – попадается рыба с душком.

Соболь: Не кричи на меня. (*Грызня.*)

Инбер (*Орлову*): Я люблю порок и запах любви.

Орлов: Букарешти.

Инбер: Что он сказал? Что он говорит?

Толстой: Это ничего, он всегда такой. Контуженный человек.

Инбер: Как странно. Когда мы пили коньяк, он казался мне таким чутким, даже немного интеллигентным.

Толстой: Удивительно чуткий человек. Никогда в гостях больше бутылки не пьет.

Инбер (*указывая на Мавича*): А это кто?

Толстой: Мавич. Драматург.

Инбер: Я бы хотела видеть его голым. У него наверное чудное тело.

Толстой: Замечательное тело. Намедни в Сандуновских банях банщик оторваться не мог, все тер мочалкой.

Инбер: Ах, как чудно. Пойдите сюда, сядьте ближе, совсем близко. У вас порочные губы. Я хочу прочитать вам стихи.

Соболев: Андрей, на минутку. (*Шепчет.*)

Соболь: Я знаю где. Идем. (*Уходят.*)

Орлов: Филиппеску.

Толстой: Миша, ты настоящий румын.

Мавич: Когда же, когда же, когда же?

Инбер: Может быть, завтра. Медвежонок. Уселся и сопит. Какой чудный. Не целуйте же мне рук. Вы южанин? Вы любите икру из баклажан? А кефаль?

Мавич: Я напишу про вас драму.

Инбер: Да, моя жизнь драма. Вы знаете, мной однажды увлекся абиссинец в Порт-Саиде. Но он скоро стал мне противен, как мертвый попугай. Я его бросила.

Мавич: Не бросайте меня.

Толстой: Миша, сиди прямо. Насвистался, как свинья.

Новиков: Олечка, нам не пора?

Ольга Максимилиановна: Который час?

Новиков: Девятый.

О. М.: Конечно, пора. Вы забыли, что Пречистенка не освещается.

Новиков: Еще будет чай.

О. М.: Тогда подождем.

Мария Алексеевна: Господа, просим Илью Григорьевича прочесть стихи.

(Все*: Просим. Просим.*)

Никандров (*Соболю*): А чай с сахаром дают? Да, жизнь. Подожди, напишу пьесу, тоже чаи буду устраивать. С баранками, брат, из белой муки.

Эренбург (*читает*):

> Россия, Россия, Россия.
> Ишь, раскидалась, голенькая.
> А Антип как хватит топором да обухом.
> Матерь Пречистая. И девки смрадные пляшут.
> О русской земле, русских полях, прапорщик,
> который жевал сухую корочку, такую черствую,
> Миром Господу помолимся[17].

Мария Алексеевна: Какой талант. Сережа, какой талант!

Сергей Георгиевич: Замечательно.

Орлов: Хочу к румынам.

Толстой. Еще что выдумал. Сиди прямо.

Никандров (*Соболю*) А горничной на чай давать? Или тут на процентах?

Соболев: Господа, чаю не будет. Идем домой. Не везет прямо фатально. Вчера на заседании домового комитета обнаруживаю на груди вот такое чернильное пятно.

Соболь: Сам виноват. Не надо было давать фельетона.

Соболев: Что же, я его грудью писал? Это даже глупо, прости пожалуйста (*грозно*).

(*Все начинают прощаться*.)

Наталья Васильевна: Алеша, я без Эренбурга не пойду. Пусть идет впереди.

Толстой: Илья, одевайся. Пойдешь впереди.

Эренбург:

> О, Русь моя. По переулочкам шмыгают старухи богомольные,
> Душегубы и нечисть смердящая. А я, Илья Эренбург, на Арбате.
> В Церкви Бориса и Глеба церковный староста, такой умытый,
> Как никогда не умывался во Франции.

Толстой: Знаешь, он в Париже рожу газетой вытирал.

Инбер (*Мавичу*): До завтра.

Мавич: В пять, у меня. Тверская, кафе Бом[18]. Спросить Матусевича.

Инбер: Я буду. Пустите руку. Какой страстный.

(*Все уходят.*)

Мария Алексеевна (*взволнованно*): Какие милые, чудные люди. Как они любят литературу.

Сергей Георгиевич (*рассматривая окурок*): Папироса Толстого. «Трезвон»[19]. Это очень важно для биографа, что курил писатель. (Кладет в конверт) Слава Богу, мой архив пополняется.

Мария Алексеевна: Сережа, как хорошо жить на свете, когда есть писатели.

Сергей Георгиевич: И Венгеров[20].

(*Идут в задние комнаты обнявшись.*)

Орлов (*в углу на диване; просыпаясь*): А про меня забыли… Ничего… я тут посижу. А Андрей, наверно, мои папиросы захватил. (*Ложится*) Я полежу. И коньяка наверно не допили… Эх, молодо-зелено.

(*Наступает тишина, и только слышно, как на улице Инбер нанимают извозчика на Остоженку.*)

Занавес

1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по машинописному экземпляру, отложившемуся в архиве Кара-Мурзы: РГБ. Ф. 561. Карт. 23. Ед. хр. 11.

[2] Мария Алексеевна Головкина, в первом замужестве – Гончарова (1881–1952) – жена С. Г. Кара-Мурзы, переводчица (напр., ее перу принадлежит перевод романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (М., 1906; 2-е изд.: М., 1909)); краткий биобиблиографический очерк см.: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб., 2001. Т. 1. А–Л. С. 313); воспоминания о ней: *Данин Д.* ...и Андрей Гончаров (Из «Книги без жанра») // Панорама искусств. [М., 1990]. [Вып.] 13. С. 360–362.

[3] Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906–1945) – историк-китаист. См. о нем: *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы // Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М., 1988. С. 81–100; Андрей Дмитриевич Гончаров (1903–1979) – приемный сын Кара-Мурзы, впоследствии – известный художник.

[4] Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1963, в 1-м браке Волькенштейн) – поэтесса, третья жена А.Н. Толстого.

[5] Переводы Эренбурга из Вийона вышли отдельным изданием: *Вийон Ф.* Отрывки из «Большого завещания». Баллады и разные стихотворения. Пер. и биогр. очерк И. Эренбурга. М., 1916.

[6] Последняя дефиниция имеет под собой некоторые основания; ср. тон инскрипта на томе переводов из Флобера: «На память о дружеской беседе вечером 15/28 марта 1918 г. втроем на Зубовском бульваре дорогому поэту Ивану Алексеевичу Новикову подносят свой совместный труд с сердечным приветом и благодарностью Александра Чеботаревская, Вячеслав Иванов» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 669. Л. 5) и краткое обращение, сопровождавшее, впрочем, важную для автора просьбу: «Вы умный, чуткий, достойный, Вы – художник […]» (письмо Иванова от 17 июня 1923 (?) года // Там же. Л. 6). Пик их общения приходится именно на 1918 г., ср. в письме Новикова к Иванову от 4/17 мая 1918 г.: «Я сегодня видел И. Г. Эренбурга и сказал ему, что О. М. [Новикова] и я будем у Вас по Вашему приглашению: боюсь, не стали бы Вы нас ждать к чтению, а потому посылаю эту записочку. Я сижу над работой, которую надо закончить к завтрашнему утру, а потому выбраться из дому, к крайнему сожалению, никак не смогу» (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 1. Л. 1).

[7] Ольга Максимилиановна Новикова (урожд. Левинштейн, в 1-м браке Принц, 1882–1949) – жена И.А. Новикова.

[8] Андрей (Юлий Михайлович, Израиль Моисеевич) Соболь (1888–1926) – писатель. См. о нем: *Хазан В.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. СПб., 2015. К этой же исчерпывающей монографии адресуем и за подробностями его отношений с ближайшим приятелем, литературным и театральным критиком Юрием Васильевичем Соболевым (1887–1940).

[9] Александр Иванович Журин (1878 – после 1930) – поэт, о нем см.: *Ратгауз М.Г.* Журин Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 293. Его московский адрес 1910-х годов: 8-я Сокольническая, 10, но принадлежавшая его семье зеркальная мастерская действительно располагалась по адресу: Средняя Пресня, 32, собственный дом.

[10] Поэт и журналист Ефим Янтарев (Ефим Львович Бернштейн, 1880–1942) – родился в городе Шуя, в бедной еврейской семье. См. о нем: *Мозгова Г.Г.* «Я – русский интеллигент»: Ефим Львович Бернштейн, литературный псевдоним Ефим Янтарев // Материалы конференции «Российская провинция: история, традиции, современность». Ковров, 2011. С. 116–121; *Эдельштейн М.Ю.* Шуйский «Гриф». (К биографии Ефима Янтарева) // Долг

и любовь. Сборник филологических работ. К 65-летию профессора М.В. Михайловой. М., 2011. С. 250–259.

[11] Почти наверняка речь идет о драматурге и журналисте Сергее Петровиче Спиро. Судя по пометке на карточке генерального каталога РНБ (*Спиро С. П.* В нашем городе. Новое кабаре. М., 1913), где годом его смерти показан 1942, библиографы идентифицировали писателя с его полным однофамильцем, погибшим в блокаду и имеющим даты жизни «1875–1942».

[12] Матусевич Иосиф Александрович (1879–1940), драматург, журналист, критик, художник. Шутка с перечислением его псевдонимов остается нам недоступной. Его перу принадлежит большинство портретов в альбомах кружка Кара-Мурзы (см.: *Адаскина Н.Л.* Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М., 2013. С. 151).

[13] Загадочное для нас лицо.

[14] Николай Никандрович Никандров (наст. фам. Шевцов) (1878–1964) – прозаик. См. о нем: *Михайлова М.В*. Никандров Николай Никандрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. М.–П. С. 294–296.

[15] Лев Исаакович Моносзон (1897–1967) – поэт, в эмиграции – популярный немецкий певец. Кара-Мурза пытался оказать ему протекцию (безуспешную) в издательстве «Центрифуга»: «Один мой знакомый, здоровенный молодой человек Л.И. Моносзон, автор книги “Сердце пудренное”, желал бы издать свою небольшую книжку стихов в издательстве “Центрифуга”, причем все расходы и заботы по изданию он берет на себя и желает только, чтобы книжка вышла под Вашей маркой и была включена в Ваш каталог.

Если подобного рода сотрудничество не противоречит Вашим издательским предположениям, не будете ли Вы так добры заехать как-нибудь вечером (после 6-8) ко мне. Л.И. Моносзон живет в нашем же доме и я бы вызвал его для личных переговоров с Вами. Был бы Вам очень благодарен» (письмо к С.П. Боброву от 9 ноября 1917 г. // *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. М., 2013. Т. 2. С. 259).

[16] Регулярная посетительница «вторников», писательница и журналистка Софья Заречная (наст. фам.: Софья Абрамовна Кочановская; 1887–1967).

[17] Вторая и последняя строчки – из стихотворения Эренбурга «Молитва о России» («Эх, настало время разгуляться…»), третья явно восходит к стихотворению «Как Антип за хозяином бегал» («К ужину Антип малость выпил…»); см.: *Эренбург И.* Молитва о России. М., 1918. С. 5–7, 40–45.

[18] Знаменитое артистическое кафе «Бом» (Тверская, 37, угол с Малым Гнездниковским), содержавшееся М.А. Станевским (клоуном Бомом). Наиболее полная подборка сведений о нем содержится в весьма труднодоступном издании: *Парнис А.Е.* Из разысканий о Хлебникове. *Гоголин М.Ю.* Альбомы кафе «БОМ». М., 2010 (в надзаг.: CXLVIII заседание Московского клуба библиофилов 19 мая 2010 г.).

[19] Недорогие папиросы Петроградской фабрики «Лаферм».

[20] Историк литературы и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920), служивший (не без основания) символом филологической дотошности.

Литература

Адаскина Н.Л. Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М.: ГТГ, 2013. С. 151–176.

Азадовский К. Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб.: Пушкинский Дом; Нестор-История, 2015. 512 с.

Аладжалов С. И. Георгий Якулов. Ереван: Армянское театральное общество, 1971. 319 с.

Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973 / Сост. Э.С. Даниелян. Ред. К.Д. Муратова. Ереван, 1976. 501 с.

Богомолов Н.А. К истории символистского книгоиздания: автобиография С. А. Полякова // Тихие песни: Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского / Сост. А. Соболев, А. Устинов. М.: Трутень, 2014. С. 19–38.

Брюсов В.Я. Переписка с Ив. Коневским / Вступ. ст. А.В. Лаврова; Публ. и коммент. А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 424–531.

Брюсов В.Я. Переписка с Эмилем Верхарном (1906–1914) / Вступ. ст. и публ. *Т.Г.* Динесман // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 546–621.

Дронов В.С. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван: Айастан, 1963. С. 216–231

Кара-Мурза С. Г. Русское общество друзей книги. (Московские библиофилы). Воспоминания / Сост. Я. Бердичевский. М.: Инскрипт, 2011. 200 с.

Котрелев Н.В. Ф.-Т. Маринетти и Россия: Новые материалы и наблюдения // Италия и славянский мир: Сб. тезисов. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1990. С. 95–97.

Литературная жизнь России 1920-х годов События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2. 704 с.

Марк Вениаминович Вишняк – корреспондент Бориса Константиновича Зайцева (к публикации писем 1955–1972 гг.) / Публ. Александра Клементьева // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. I (VI). Иерусалим, 1998. С. 237–268.

Марков А. Магия старой книги. Записки библиофила. М.: Аграф, 2004. 672 с.

Матышев А.А. Энциклопедия репрессированных авторов. 1917–1987. Биобиблиография советской трагедии. Т. 1. А–Б. СПб., 2012. 640 с.

Михайлова М.В. Никандров Николай Никандрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4: М.–П. М., 1999. С. 294–296.

Мозгова Г.Г. «Я – русский интеллигент»: Ефим Львович Бернштейн, литературный псевдоним Ефим Янтарев // Материалы конференции «Российская провинция: история, традиции, современность». Ковров, 2011. С. 116–121.

Молодяков В.Э. Валерий Брюсов. Биография. СПб.: Вита нова, 2010. 672 с.

Парнис А.Е. К истории одной полемики: Ф.Т. Маринетти и русские футуристы // Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. К 100-летию художественного движения. М.: Красная площадь, 2008. С. 177–185.

Поливанов К.М. Бачинский Алексей Иосифович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 1: А.–Г. М., 1989. С. 186.

Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 880 с.

Пустильник Л.С. Жизнь и творчество А.Н. Плещеева. М.: Наука, 2008. 340 с.

Ратгауз М.Г. Журин Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 293.

Розенталь Е.И. Московский литературно-художественный кружок. Исторический очерк. 1898–1918 гг. М.: Гос. Исторический музей, 2008. 164 с.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы. [1] // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–120.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы (продолжение) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 34–94.

Соболев А.Л. Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М.: Трутень, 2013.

Тименчик Р. Из мимолетностей французско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire. Lausanne: L'Âge d'homme, 1995. P. 145–149.

Устинов А.Б. Койранский Александр Арнольдович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3: К–М. М., 1994. С. 11–13

Хазан В. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова; Gallina Scripsit, 2015. 920 с.

Шекалов В.А. Ванда Ландовская и возрождение клавесина. СПб.: Канон, 1999. 335 с.

Шик Н.Б. Максимилиан Шик – посредник между русской и немецкой культурами // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М.: МГУ, 1987. С. 170–187.

Щербаков Р.Л. Емельянов-Коханский Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 231–232.

Эдельштейн М.Ю. Шуйский «Гриф». (К биографии Ефима Янтарева) // Долг и любовь. Сборник филологических работ. К 65-летию профессора М.В. Михайловой. М.: Кругъ, 2011. С. 250–259.

Эжен Мельхиор де Вогюэ. Предисловие к книге «Русский роман» / Вступ. заметка П.Р. Заборова, пер. с франц. С. Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе. «Русская идея». Сб. статей / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб.: Пушкинский Дом; Петрополис, 2010. С. 499–503.

References

Adaskina N.L. Sodruzhestvo muz. Literaturno-khudozhestvennyi kruzhok Kara-Murzy. [Community of Muses. Kara-Murza's Literary-Artistic Circle]. *Tret'iakovskie chteniia. 2012. Materialy nauchnoi konferentsii* [Tretyakov Readings. 2012. Proc. Sci. Conf.]. Moscow, Treryakov Gallery Publ., 2013, pp. 151–176. (In Russ.)

Aladzhalov S.I. *Georgii Iakulov* [Georgy Yakulov]. Erevan, Armenian theatrical society Publ., 1971. 319 p. (In Russ.)

Bibliografiia V.Ia. *Briusova. 1884–1973* [V. Bryusov. Bibliography. 1884–1973], comp. by. E.S. Danielian, ed. by K.D. Muratova. Erevan, 1976. 501 p. (In Russ.)

Azadovskii K. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia: Izbrannye raboty* [Silver Age. Names and events. Selected works]. St. Petersburg, Pushkin House Publ.; Nestor-Istoriia Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. K istorii simvolistskogo knigoizdaniia: avtobiografiia S.A. Poliakova [On the history of Symbolist publishing: S.A. Poliakov's autobiography]. *Tikhie pesni: Istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu* L.M. *Turchinskogo* [Quiet songs: Historic-literary collection in honor of L.M. Turchinsky's 80th anniversary], comp. by A. Sobolev, A. Ustinov. Moscow, Truten' Publ., 2014, pp. 19–38. (In Russ.)

Briusov V.Ia. Perepiska s Iv. Konevskim [Correspondence with I. Konevskoy], introd. by A.V. Lavrov, ed. and comm. by A.V. Lavrov, V.Ia. Morderer, A.E. Parnis. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 98. Book 1. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 424–531. (In Russ.)

Briusov V.Ia. Perepiska s Emilem Verkharnom (1906–1914) [Correspondence with Emile Verhaeren (1906–1914)], introd., ed. by T.G. Dinesman. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 85. Moscow, Nauka Publ., 1976., pp. 546–621. (In Russ.)

Dronov V.S. Valerii Briusov i Emil' Verkharn [Valery Bryusov and Emile Verhaeren]. *Briusovskie chteniia 1962 goda* [Bryusov readings 1962]. Erevan, Aiastan Publ., 1963, pp. 216–231. (In Russ.)

Edel'shtein M.Iu. Shuiskii "Grif" (K biografii Efima Iantareva) [Shuiskii "Grif". On Efim Iantarev's Biography]. *Dolg i liubov'. Sbornik filologicheskikh rabot.* K *65-letiiu professora M.V. Mikhailovoi* [Duty and love. A collection of philological studies. In honor of Prof. M.V. Mikhailova's 65th anniversary]. Moscow, Krug Publ., 2011, pp. 250–259. (In Russ.)

Eugène-Melchior de Vogüé. Predislovie k knige "Russkii roman" [Eugène-Melchior de Vogüé. A foreword to the book "Russian Novel"], introd. by P.R. Zaborov, transl. by S.Yu. Vasilyeva. *K istorii idei na Zapade. "Russkaia ideia". Sbornik statei* [On the history of ideas in the West. "Russian Idea". A collection of essays], ed. by V.E. Bagno and M.E. Malikova. St. Petersburg, Pushkin House Publ.; Petropolis Publ., 2010, pp. 499–503. (In Russ.)

Kara-Murza S.G. *Russkoe obshchestvo druzei knigi. (Moskovskie bibliofily). Vospominaniia* [Russian Society of Book Lovers (Moscow bibliophiles). Memoirs], comp. by Ya. Berdichevsky. Moscow, Inskript Publ., 2011. 200 p. (In Russ.)

Khazan V. *Zhizn' i tvorchestvo Andreia Sobolia, ili Povest' o tom, kak vse vyshlo naoborot* [Andrey Sobol's life and works, or the Tale of how everything happened the other way round]. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova Publ.; Gallina Scripsit Publ., 2015. 920 p. (In Russ.)

Kotrelev N.V. F.-T. Marinetti i Rossiia: Novye materialy i nabliudeniia [F.T. Marinetti and Russia: New documents and notices]. *Italiia i slavianskii mir: Sbornik tezisov* [Italy and the Slavonic world: a collection of abstracts]. Moscow, Institute for Slavic Studies of AS USSR Publ., 1990, pp. 95–97. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [Russian literary life in the 1920s: Events. Comments of the contemporaries. Bibliography. Moscow and Petrograd.

1921–1922], ed. by A.Iu. Galushkin. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005. Vol. 1. Ch. 2. 704 p. (In Russ.)

Mark Veniaminovich Vishniak – korrespondent Borisa Konstantinovicha Zaitseva (k publikatsii pisem 1955–1972 gg.) [Mark Veniaminovich Vishnyak as Boris Konstantinovich Zaitsev's correspondent (on the publication of letters for 1955–1972], ed. by A. Klement'ev. *Russkoe evreistvo v zarubezh'e. Stat'i, publikatsii, memuary i esse* [Russian Jewry abroad. Essays, publications, memoirs]. Vol. I (VI). Jerusalem, 1998, pp. 237–268. (In Russ.)

Markov A. *Magiia staroi knigi. Zapiski bibliofila* [Old book's magic. Notes of a bibliophile]. Moscow, Agraf Publ., 2004. 672 p. (In Russ.)

Matyshev A.A. *Entsiklopediia repressirovannykh avtorov. 1917–1987. Biobibliografiia sovetskoi tragedii* [Encyclopedia of purged authors. 1917–1987. A bio-bibliography of the Soviet tragedy]. Vol. 1: A–B. St. Petersburg, 2012. 640 p. (In Russ.)

Mikhailova M.V. Nikandrov Nikolai Nikandrovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 4. Mocow, 1999, pp. 294–296. (In Russ.)

Molodiakov V.E. *Valerii Briusov. Biografiia* [Valery Bryusov Biography]. St. Petersburg, Vita nova Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)

Mozgova G.G. "Ia – russkii intelligent": Efim L'vovich Bernshtein, literaturnyi psevdonim Efim Iantarev ["I am a Russian intellectual": Efim L'vovich Bernshtein, pen-name Efim Yantarev]. *Materialy konferentsii "Rossiiskaia provintsiia: istoriia, traditsii, sovremennost'"* [Russian province: history, traditions, present state. Proc. sci. conf.]. Kovrov, 2011, pp. 116–121. (In Russ.)

Parnis A.E. K istorii odnoi polemiki: F.T. Marinetti i russkie futuristy [Revisiting a dispute: F. T.Marinetti and Russian Futurists]. *Futurizm – radikal'naia revoliutsiia. Italiia – Rossiia. K 100-letiiu khudozhestvennogo dvizheniia* [Futurism as a radical revolution. Italy – Russia. On the centenary of the artistic movement]. Moscow, Krasnaia ploshchad' Publ., 2008, pp. 177–185. (In Russ.)

Politika i poetika: Russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniia i materialy [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of World War I. Publications, studies and documents], ed. by V.V. Polonskii. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014. 880 p. (In Russ.)

Polivanov K.M. Bachinskii Aleksei Iosifovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1989, pp. 186. (In Russ.)

Pustil'nik L.S. *Zhizn' i tvorchestvo A.N. Pleshcheeva* [A.N. Pleshcheev's Life and Work]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 340 p. (In Russ.)

Ratgauz M.G. Zhurin Aleksandr Ivanovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1992, pp. 293. (In Russ.)

Rozental' E.I. *Moskovskii literaturno-khudozhestvennyi kruzhok. Istoricheskii ocherk. 1898–1918 gg.* [Moscow Literary-Artistic Circle. A historical sketch. 1898–1918]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2008. 164 p. (In Russ.)

Shcherbakov R.L. Emel'ianov-Kokhanskii Aleksandr Nikolaevich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1992, pp. 231–232. (In Russ.)

Shekalov V.A. *Vanda Landovskaia i vozrozhdenie klavesina* [Wanda Landowska and the revival of harpsichord]. St. Petersburg, Kanon Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)

Shik N.B. Maksimilian Shik – posrednik mezhdu russkoi i nemetskoi kul'turami [Maximilian Schick as an intermediary between Russian and German cultures]. *Iz istorii russko-nemetskikh literaturnykh vzaimosviazei* [On the history of Russian-German literary interconnections]. Moscow, MGU Publ., 1987, pp. 170–187. (In Russ.)

Sobolev A.L. Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy [1] [From the memories by S. Kara-Murza (1)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 68–120. (In Russ.)

Sobolev A.L. Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy [2] [From the memories by S. Kara-Murza (2)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 5, pp. 34–94. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka. Ocherki i materialy po istorii russkoi literatury XX veka* [Lethean library. Essays and materials on the history of 20th century Russian literature]. In 2 vols. Moscow, Truten' Publ., 2013. (In Russ.)

Timenchik R. Iz mimoletnostei frantsuzsko-russkikh literaturnykh sviazei XX veka. Pis'mo Polia Fora Vladimiru Piastu [From fugitive events of Russian-French literary connections of the 20th century. Paul Fort's letter to Vladimir Piast]. *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire.* Lausanne, L'Âge d'homme, 1995, pp. 145–149. (In Russ.)

Ustinov A.B. Koiranskii Aleksandr Arnol'dovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 3. Moscow, 1994, pp. 11–13 (In Russ.)

From the memoirs by S.G. Kara-Murza
(conclusion)

Alexander L. Sobolev

Abstract: The final part of the memoirs by Sergei Georgievich Kara-Murza (1878–1956); the first two parts are published in Literaturny Fact 4 and 5. The present chapters contain memories of Valery Yakovlevich Bryusov (1873–1924), Boris Arnoldovich (Aronovich) Koiransky (1882–1920), Scorpion publishing house, painters Modest Aleksandrovich Durnov (1868–1928) and Georgy Bogdanovich Yakulov (1884–1928). The Appendix contains a short humoristic play Kara-Murza's Tuesdays by V.G. Lidin that vividly depicts the author of the memoirs and the habitués of his literary salon.

Keywords: XX century Russian literature, early XX century Russian painting, Symbolism, Modernism, V.Ya. Bryusov, B.A. Koiransky, Scorpion publishing house, M.A. Durnov, G.B. Yakulov, V.G. Lidin.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-140-158
УДК 821.161.1

Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы: 1890–1917 гг.

Т.В. Гордиенко

Аннотация: Статья посвящена литературным, просветительским и культурным организациям Москвы конца XIX – начала XX вв. Основой ее стали автографы, черновые наброски, записи Ю.А. Бунина, хранящиеся в его фонде в РГАЛИ. Известный общественный деятель, журналист, редактор педагогического журнала «Вестник воспитания» вел записи о своем времени и о тех событиях в мире литературы и искусства, в которых ему довелось участвовать. В полном объеме тексты публикуются впервые.

Ключевые слова: конец XIX – начало XX вв., литературные объединения, общества, кружки.

Информация об авторе: Тамара Викторовна Гордиенко, кандидат филологических наук, независимый исследователь. Москва, Россия.
E-mail: tamara_gordienko@mail.ru

В Предисловии к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга» составитель Манфред Шруба отметил, что «обилие и многообразие объединений (кружков, салонов, обществ и т.п.) в России конца XIX и первых десятилетий XX в. свидетельствует о значимости этого социокультурного явления для литературной жизни и культурной атмосферы эпохи в целом»[1]. Особое внимание автор словаря обратил на то, что «принадлежность писателя к тому или иному обществу или кружку отражает зачастую его литературное направление, идеологическую установку, жанровые предпочтения, социальный статус, круг знакомств и творческих контактов и составляет немаловажный элемент его биографии», тем самым подчеркнув важность этих сведений.

[1] Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 5.

В словаре неоднократно упоминается Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921), фигура заметная в литературных кругах того времени, ибо старший брат И.А. Бунина принимал участие в работе многих литературных объединений, о которых идет речь в словаре, и оставил о них свои заметки[2]. В частности, приведены цитаты из его черновых записей о тех объединениях, участником которых он был. Это закономерно, ибо Юлий Алексеевич Бунин внес немалую лепту в их работу и как участник, и как журналист, и как мемуарист.

Представитель обедневшего, но знатного рода Буниных, корни которого уходят в XV в., Юлий получил прекрасное образование: окончил в 1877 г. 1-ю Воронежскую классическую гимназию с золотой медалью и в том же году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета (ИМУ). Учитывая его способности к математике, ему прочили карьеру ученого, но он преуспевал и в гуманитарных науках; учась в университете на физико-математическом отделении, слушал лекции известных профессоров на историко-филологическом и юридическом факультетах, многое изучал самостоятельно. Об учебе в Московском университете оставил воспоминания[3].

Характеризуя своих сыновей, Алексей Николаевич Бунин обозначил старшего сына как человека «трусоватого, который и на лошадь боится сесть», однако тот вопреки дворянским установкам семьи поступил довольно храбро, выбрав нелегкий путь революционера-народника, полный опасностей и тревог, в те времена потребовавших от него мужества и смелости. Участие в революционных кружках и активная политическая деятельность, направленная против самодержавия, привели к тому, что в 1881 г. Юлий Бунин был «уволен из Московского университета без права восстановления», и хотя к тому времени студент полностью выполнил теоретическую программу четырехлетнего университетского курса и успешно сдал окончательные экзамены, из-за участия в политических выступлениях студен-

[2] Литературный кружок «АНДРЕЕВА ПОНЕДЕЛЬНИКИ» (С. 20); литературные журфиксы «ЗЛАТОВРАТСКОГО СУББОТЫ» (С. 55); издательское объединение (КПвМ) «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В МОСКВЕ» (С. 73); клуб деятелей литературы и искусства «ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК (ЛХК)» (С. 109); журфиксы «МИХАЙЛОВА ЧЕТВЕРГИ» (С. 123); литературное объединение «МОЛОДАЯ СРЕДА» (С. 125–126); литературное объединение «ОБЩЕСТВО ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ» (ОДППиЛ) (С. 143); литературное объединение «ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ЛИТЕРАТОРАМ И ЖУРНАЛИСТАМ (ОПЛиЖ)» (С. 153); литературный кружок «ПАРНАС» (С. 166–167); литературный кружок «СРЕДА» (С. 228–230); литературно-художественный кружок «ТИХОМИРОВА СУББОТЫ» (С. 241); ШМАРОВИНСКИЕ СРЕДЫ (художественный кружок «СРЕДА») (С. 266).

[3] *Бунин Ю.А.* Из студенческих воспоминаний // Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин: Материалы к биографии. М.: ИКАР, 2017. С. 126–128, 153–156.

тов и в сходках к защите выпускной работы допущен не был. Но он не спасовал, не сдался. Выпускную работу защитил в Харьковском университете, в котором восстановился в 1882 г., и получил диплом кандидата математики. Политических убеждений не изменил, был автором некоторых документов по истории движения народовольцев. Его работы «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции» и «Проект организации “Народной партии”» были отпечатаны в харьковской подпольной типографии Иордана за подписью «Алексеев»[4]. Когда псевдоним был раскрыт, Бунин получил тюремный срок, а затем на три года отправлен под надзор полиции в ссылку, которую отбывал в имении родителей. Времени там зря не тратил. Увидев особую одаренность младшего брата, учившегося в гимназии, начал с ним заниматься дома, проявив редкие педагогические способности. Позже он рассказывал В.Н. Муромцевой-Буниной, что знаний у Вани было еще мало, но «не прошло и года, как он так умственно вырос, <…> суждения его были оригинальны, подчас интересны и всегда самостоятельны»[5]. Под руководством Юлия Алексеевича брат завершил четырехлетний гимназический курс и дополнительно получил знания по многим разделам литературы, истории, философии.

Кроме математики Ю.А. Бунин профессионально занимался статистикой: в Харьковском университете изучал статистику и некоторое время работал в статистическом бюро Харькова, а с 1890 по 1897 гг. заведовал Статистическим бюро в Полтаве. Примерно в то же время увлекся журналистикой, писал статьи, печатался в газетах, входил в редколлегию «Полтавских губернских ведомостей», со временем стал активным деятелем журналистского цеха в России: вместе с П.Д. Боборыкиным стоял у истоков профессионального журнала «Журналист» и был одним из инициаторов создания Союза журналистов России.

Именно журналистика со временем стала его основной профессией: с 1897 г. вплоть до его закрытия в 1918 г. Ю. Бунин был редактором «Вестника воспитания», одного из лучших педагогических журналов того времени. Журнал также уделял большое внимание литературе, искусству, в нем печатались известные писатели, литературоведы, критики[6]. Редактор был деятельным, активным, «жил

[4] Подробнее об этом см.: Сайкина О.А. Новый документ по истории народовольческого движения // Отечественная история. 2000. № 5, сент.–окт. С. 154–159.

[5] Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. С. 62–63.

[6] «Вестник воспитания» (1890–1917) выходил в Москве восемь раз в год объемом от 15, а иногда и до 20 п. л. и был адресован учителям и родителям. Особенность его состо-

спокойной и культурной жизнью, с очень общественным оттенком: состоял членом бесчисленных обществ, комиссий и правлений, заседал, "заслушивал", докладывал, выступал на съездах, и т.п. <…> Юлий был мера, образец и традиция. В сущности, по нему одному, по его речи, суждениям, заседаниям, заграничным поездкам, можно было почувствовать всю ту жизнь, всё то время», – писал о нем хорошо знавший его Борис Зайцев[7].

После революции Ю.А. Бунин остался не у дел: «Вестник воспитания», как и большинство дореволюционных изданий, был закрыт. Для него наступили трудные времена: голод, холод, болезни. Последние годы жизни он провел в ужасных условиях. Сначала ему пришлось переселиться из служебной квартиры в Староконюшенном переулке в «Здравницу для работников умственного труда», откуда в 1920 г. он сообщал Н.Д. Телешову неутешительные вести о себе: «Дорогой друг мой, Николай Дмитриевич! Прежде мы встречались друг с другом в "Книгоиздательстве"[8] еженедельно, а иногда и чаще, а теперь потеряли эту возможность, с тех пор как нас оттуда окончательно выжили. Побывать у тебя я физически не в силах. <…> поэтому остается одна только переписка, чтобы не потерять друг друга из виду. Это было бы для меня очень тяжело, – ведь мы познакомились четверть столетия тому назад и ни разу не поссорились. <…> Сообщи, как ты поживаешь и как вообще себя чувствуешь. <…> Я живу в общем по-прежнему. Здоровье мое неважное… Начал писать свои воспоминания, касающиеся как революционного прошлого, **так и разных литературных, просветительских и вообще культурных организаций** (выделено мною – *Т. Г.*). По всем этим предметам у меня скопилось много всякого материала, отчасти уже обработанного, отчасти еще не приведенного в надлежащий порядок. Одна беда, у меня начала ослабевать память и боюсь, что напутаю что-нибудь. Кроме того, для такой работы нужно спокойствие духа, а этого-то как раз не всегда хватает»[9]. Некоторые тексты статей, заметок, записок мемуарного характера Ю.А. Бунина, посвященных литературным объединениям, сохранились, фрагменты из них цитировались в работах С. Н. Морозова, частично приводятся в Словаре М. Шрубы.

яла в том, что на его страницах печатались статьи о воспитании не только педагогов, но и врачей. Среди авторов журнала были А.Ф. Фортунатов, М.О. Гершензон, В.В. Виноградов, В.М. Бехтерев, И.И. Мечников и многие другие известные люди.

[7] Зайцев Б.К. Юлий Бунин // Собр. соч. в 11 т. Т. 6: Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999. С. 51.

[8] «Книгоиздательство писателей в Москве».

[9] Бунин Ю.А. Письмо Н.Д. Телешову // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 1об., 2.

Восстановленные по черновым автографам Ю.А. Бунина, хранящимся в РГАЛИ, в полном объеме эти записи публикуются впервые.

* * *

Литературные организации Москвы в первый период революции[10]

Такие великие исторические периоды, как переживаемый нами, требуют сохранить их в памяти не только современников, но и потомков: те материалы, которые не были совсем или своевременно опубликованы в печати, или уже появились в ней в отрывочном и разбросанном виде, материалы, характеризующие настроение тех или иных слоев общества в разные моменты революции. У меня сохранился ряд документальных данных в виде протоколов заседаний, воззваний, писем и т. п., касающихся московских литературных организаций в первые месяцы нашей революции, когда мне пришлось быть в центре этих организаций и большей частью даже во главе их. Мне кажется, что эти данные до известной степени рисуют отношение литераторов и журналистов к событиям того времени. Мне хотелось воспроизвести эти материалы с наибольшей объективностью. К личным воспоминаниям прибегаю лишь в случаях, когда не хватает документальных данных, но стараюсь это делать с большой осторожностью и проверкой со стороны лиц, участвовавших в описываемых организациях.

Февральская революция 1917 года заставила сразу всколыхнуться в Москве все общественные организации, в том числе и литературные. Прежде всего был поднят вопрос о посылке представителей в образовавшийся городской комитет образованных организаций и в Совет рабочих и солдатских депутатов. Среди литературных организаций инициативу в этом деле взяло на себя Общество деятелей периодической печати и литературы, правление которого решило, не дожидаясь общего собрания, послать немедленно в Комитет общественных организаций двух временных представителей – С. П. Мельгунова и Ф.П. Шипулинского. Для избрания же председателей в Совет рабочих и солдатских депутатов правлением Общества деятелей периодической печати и литературы было созвано собрание московских журналистов независимо от того, принадлежат ли они к Обществу или нет, но на этом собрании выяснилось,

[10] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 4. Ед. хр. 1.

что представительство от неорганизованной массы журналистов в Совет рабочих и солдатских депутатов допущено быть не может, что такое представительство допустимо лишь от организаций, носящих профессиональный характер, каковым среди литературных организаций являлось тогда лишь Общество деятелей периодической печати и литературы. На общем собрании этого Общества, состоявшемся немедленно после упомянутого собрания журналистов, в Совет рабочих и солдатских депутатов были избраны В.Н. Подбельский и В.М. Фриче.

Для избрания постоянных представителей в Комитет общественной организации правлением Общества деятелей периодической печати и литературы было решено созвать собрание всех существующих в Москве литературных организаций. Такое собрание состоялось 12 марта и на него явились члены следующих организаций: 1) Общества деятелей периодической печати и литературы; 2) Московского отделения кассы взаимопомощи литераторов и ученых; 3) Московского общества помощи литераторам и журналистам; 4) кружка «Среда»; 5) Общества любителей российской словесности; 6) Литературно-Художественного кружка; 7) Общества свободной эстетики; 8) Общества русских драматических писателей и оперных композиторов; 9) Общества искусства; 10) Суриковского (литературно-музыкального – *Т.Г.*) кружка; 11) Общества редакторов; 12) Русского биографического общества при Московском университете.[11]

В комитет общественных организаций были избраны два председателя – Ю.А. Бунин и С.С. Раецкий (в следующем общем собрании литературных организаций кандидатом к этим представителям был избран С. П. Ордынский).

Для объединения писателей и журналистов по освещению текущего момента на собрании 12 марта было положено начало организации особого комитета, в состав которого было избрано 25 лиц с предоставлением им права привлекать новых членов. Избранные лица воспользовались этим правом, и, сверх того, предложили следующему общему собранию произвести дополнительные выборы. В окончательном виде комитет заключал в своем составе (в оригинале цифра не указана – *Т.Г.*) лиц. Лица эти были следующие: *Ю.И. Айхенвальд, В.А. Анзимиров, Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, Б.С. Боднарский, Н.А. Бердяев, А.А. Боровой, Ю.М. Бочаров, И.М. Брюсова, В.Я. Брюсов, Б.Н. Бугаев*

[11] К этим литературным организациям вскоре после собрания 12 марта были присоединены: 1) Толстовское общество; 2) Первое литературно-музыкальное общество имени Островского и 3) Общество истории литературы при Московском университете.

(Андрей Белый), В.Ф. Булгаков, И.А. Бунин, Ю.А. Бунин, И.А. Белоусов, В.П. Вахтеров, А.Б. Вайнштейн, С. И. Варшавский, А.М. Васнецов, В.В. Вересаев-Смидович, В.П. Волгин, М.П. Гальперин, М.О. Гершензон, В.А. Гиляровский, С. С. Голоушев, Д.Я. Голубев, А.Е. Грузинский, И.А. Данилин, А.Б. Дерман, А.К. Дживелегов, А.А. Евдокимов, И.В. Жилкин, Б.К. Зайцев, Е.А. Звягинцев, И.Н. Игнатов, В.Я. Канель, Л.С. Козловский, В.А. Крандиевский, В.П. Кранихфельд, Кудряшов (инициалы не указаны, возможно, М. И. – Т.Г.), Е.Е. Курлов, Е.Д. Кускова, В.Н. Ладыженский, В.Г. Лидин, Н.М. Лисовский, В.В. Максаков, П.И. Муринов, Вл.И. Немирович-Данченко, И.Н. Нестеров, И.А. Новиков, Г.П. Новицкий, Н.П. Огановский, С. П. Ордынский, М.А. Осоргин, Ф.И. Павчинский, А.Б. Петрищев, П.Н. Петровский, И.И. Попов, Е.А. Полевой, А.Н. Петросова, В.А. Розенберг, Г.А. Рачинский, С. С. Раецкий, А.Ф. Саликовский, В.Г. Сахновский, А.С. Серафимович-Попов, Ю.В. Соболев, Б.М. Соколов, Л.Н. Столица, В.Н. Сторожев, П.С. Сухотин, Н.Д. Телешов, гр. А.Н. Толстой, гр. С. Л. Толстой, кн. Е.Н. Трубецкой, В.М. Турбин, В.М. Фриче, Г.М. Ходоровский, А.Д. Хвощенко, кн. Д.Н. Шаховской, Н.Г. Шкляр, И.С. Шмелев, С. М. Шмонин, А.А. Чумаченко, Н.Е. Эфрос, В.П. Ютанов, А.А. Яблоновский, С. В. (фамилия не указана – Т.Г.), В.Е. Якушенко.

Затем по предложению В.П. Кранихфельда было постановлено созвать представителей всех литературных организаций для выработки Устава Союза писателей и журналистов в Москве. Особое внимание собрания 12 марта обратил на себя вопрос об отношении к войне. Представитель республиканского клуба офицеров прапорщик К.А. Томашевский указал, что клуб ждет от действий писателей и журналистов завершения и укрепления добытой свободы, для чего необходимо к бросаемым в армию лозунгам «мир и братство народам» добавить слова «победа над германским империализмом». Собрание признало необходимым издание всевозможных воззваний, брошенных для распространения в народных массах с целью «ознакомления с значением переживаемых событий и необходимостью закрепления свободы организации, дисциплины, порядка и спокойствия, а также вполне ясного и сознательного отношения к войне». В.А. Анзимиров предложил собранию вынести резолюцию относительно необходимости продолжения войны до победного конца. Составленный им проект резолюции постановлено было предложить на обсуждение следующего общего собрания литературных организаций. Вследствие изменившихся обстоятельств проект этот не был рассмотрен. Тем не менее надо констатировать, что настрое-

ние огромного большинства писателей и журналистов впервые было определенно воинственным. Все верили, что освобожденный народ пожелает и сумеет отразить врага, который будет стремиться задавить только что добытую свободу, так как на первом же собрании Комитета литературных организаций, когда он еще не был окончательно сформирован, было постановлено присоединить к тезисам, принятым петербургскими журналистами: 1) борьба со всякого рода пораженческими течениями; 2) борьба со всеми возможными проявлениями анархии и беспорядка; 3) борьба с контрреволюцией; 4) поддержание Временного правительства и 5) собирание активных сил для продолжения войны.

Параллельно одновременно с собранием литературных организаций тотчас после февральского переворота были еще организованы по инициативе покойного В.В. Каллаша, Ю.К. Балтрушайтиса и др. особые совещания писателей в Художественном театре. Круг приглашенных был довольно ограниченным, но вследствие неорганизованности дела на совещаниях присутствовали лица, явившиеся без особого приглашения. Состав совещаний был довольно разнородный, но общий тон им задавала группа лиц, объединенных на религиозно-философской почве, а именно: кн. Е.Н. Трубецкой, Андрей Белый, покойный В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяев, Лев Шестов, М.О. Гершензон, С. Н. Булгаков и др. Из беллетристов и поэтов присутствовали: В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов, И.С. Шмелев, А.Н. Толстой, А.Р. Крандиевская, И.А. Новиков, П.С. Сухотин, В.Г. Лидин и др. Посещали собрание и некоторые публицисты, журналисты, артисты и проч. Председательствовал, как обычно, Вл.Ив. Немирович-Данченко. Собрание было посвящено вопросу об отношении к войне. С особыми докладами выступали главным образом лица первой из указанных категорий, отстаивая с большой горячностью необходимость энергичной борьбы с немцами. Приводим протоколы комиссии, образованной для составления резолюции по поводу этих докладов. В общем собрании литературных организаций 14 мая 1917 года, происходившем в день демонстрации по поводу приговора к смертной казни Фридриха Адлера, был составлен следующий протокол: «Признавая смертную казнь, по какому бы поводу и над кем бы она ни совершалась, преступлением против элементарного нравственного чувства, общее собрание соединенных литературных организаций Москвы пламенно протестует против смертного приговора Фридриху Адлеру, священнику Рыжову и призывает литературных собратьев всего мира противостоять во всех странах против института смертной казни,

оскорбляющей своим существованием человечество и его духовную культуру».

Представители литературных организаций в ином составе собрались весной 1917 года по разным вопросам. Так, комиссар исполнительного комитета общественных организаций по московскому градоначальству П.П. Лидов предложил 15 марта президиуму литературно-художественного кружка созвать совещание представителей литературных организаций для избрания Совета из десяти лиц, каковые могли бы взять под свое наблюдение и руководство все операции по надзору за печатью в Москве при помощи существующих при градоначальстве учреждений. Таковой состав по мысли комиссариата гарантировал бы означенные учреждения от всяких нареканий и мог бы придать надзору за печатью широкий общественный характер, а также на практике вырабатывать указания к исправлению и дополнению временного положения о печати, которые могли быть положены в основу пересмотра в будущем всего законодательства по надзору за печатью в связи с переменой государственного строя.

Субботы у Ник<олая> Ник<олаевича> Златовратского[12]

С Николаем Николаевичем Златовратским я познакомился однажды, когда жил в провинции, но это знакомство было случайным и поверхностным. После моего переезда в Москву в 1897 г. я получил возможность сблизиться с ним. Этому способствовали разные обстоятельства. Во-первых, играли роль мои давнишние народнические симпатии, которые я сохранил и в то время, когда многие из народников стали склоняться к марксизму и социал-демократии. Во-вторых, у меня оказались некоторые общие с Н<иколаем> Н<иколаевичем> приятели, которых я знал еще со времен студенчества, как покойные теперь д-р В.Ф. Ставровский, профессора Н.А. Карбышев, В.Д. Соколов и некоторые другие лица. В-третьих, и это, может быть, самое главное, Ник<олай> Ник<олаевич> состоял постоянным сотрудником по отделу рецензий на статьи и народные книги в журнале «Вестник воспитания», заведовать которым я был приглашен и с этой целью перебрался в Москву. Мой предшественник по журналу, ныне тоже покойный, Е.Д. Синицкий, был в очень добрых отношениях с Н<иколаем> Н<иколаевичем> и содействовал моему сближению с ним. Наконец, почти тотчас же после моего переезда в Москву организован был комитет для торжественного празднова-

[12] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 10. 4 л. 3-ий л. с. об.

ния 30-летнего юбилея Ник<олая> Ник<олаевича>[13]. В этот комитет, в который, кроме названных лиц, входили покойные профессора А.И. Чупров, В.А. Гольцев, был приглашен и я.

У Ник<олая> Ник<олаевича> собирались более-менее близкие ему люди еженедельно по субботам. «Субботы» продолжались до самой его смерти в декабре 1911 года, сохраняя в общем один и тот же характер. Все это время Н<иколай> Н<иколаевич> жил на Малой Бронной в доме Гирша (Гершензона), как его прежде называли (теперь это дом Росстрахобщества «Жизнь») – сначала в кв. 67, а с 1906 – в кв. № 8 (обе квартиры устроены по одному образцу).

Квартира у Ник<олая> Ник<олаевича> была небольшая и бывало даже душно, когда набиралось довольно много народу, как это случилось, например, 14 декабря, в день его рождения. Но даже и при сравнительно небольших количествах посетителей в ординарные «субботы» все-таки ощущалась теснота.

Публика собиралась сравнительно рано – часов в восемь. Как сейчас, представляю себе Н<иколая> Н<иколаевича> в русской шитой парусиновой или полотняной рубашке, набивающего машинально себе папирос, обычно он курил непрерывно одну за другой, или показывающего пришедшим уже гостям газету с каким-либо интересным известием, или новую книжку. Когда гостей становилось больше, переходили в другую, более просторную комнату. Делились новостями, завязывались беседы, переходящие нередко в споры – большей частью на международные или общественно-политические темы. Иногда Ник<олай> Ник<олаевич> рассказывал эпизоды из своей жизни, описывал встречи с разными писателями, причем особенно любил вспоминать Гл<еба> Ив<ановича> Успенского или кого-либо другого из глав «Отечественных записок». Интересно отметить, что мне не приходилось слышать от него какие-либо рассказы или воспоминания из его наблюдений над народной жизнью. Если он и говорил на эту тему, то это относилось обычно к его недавним наблюдениям над некоторыми представителями из народа при станции Апрелевке Брянской железной дороги. Не особенно любил он также и теоретические беседы на тему о народничестве и марксизме. Ему казалось, по-видимому, что идеи народничества настолько прочно обоснованы и соответствуют интересам и особенностям русской жизни, что к противоположным течениям он относился как к чему-то наносному, временному и даже малоинтересному. Марксизм он ставил на одну доску с декадентством, говоря о том и о дру-

[13] 16 ноября 1897 г. должны были чествовать Н.Н. Златовратского по случаю 30-летия его литературной деятельности.

гом, что все это скоропреходящее и «эфемерное». Я полагаю сверх того, что у него вообще не было склонности к вопросам, а тем более к теоретическим спорам.

Из моего многолетнего знакомства с Ник<олаем> Ник<олаевичем> я вынес твердое убеждение, что он, вопреки довольно распространенному мнению, вовсе не может быть причислен к идеализаторам народа: он ценил многие его свойства и тенденции, но видел также его недостатки: грубость, забитость, невежество и другие отрицательные черты. Он меньше всего был доктринером, протестовал против нарочитой <нрзб> и тенденциозности в детской и народной литературе, зато высоко ценил проблески самосознания и таланта у народа. Поэтому он всячески покровительствовал «писателям из народа» и самоучкам в других областях искусства.

На «Субботах» бывал один из художников, вышедший из народной среды, но, конечно, у Ник<олая> Ник<олаевича> преимущественно бывали «писатели из народа», как вполне определившиеся, вроде С. Т. Семенова и С.Д. Дрожжина, так и молодые, и вновь начинающие. К последней категории принадлежали Н.А. Лазарев и Т. Тавринов.

К числу более или менее постоянных посетителей относились еще некоторые наиболее демократические в народническом духе представители земского «третьего элемента», как В.В. Петров, работавший в журнале по народному образованию, покойный И.П. Боголепов – первым поднявший практические вопросы о всеобщем обучении (ранее В.П. Вахтеров), городской врач, друг Ник<олая> Ник<олаевича> В.Ф. Ставровский, со своей супругой Павлой Ивановной и представители других профессий.

«Четверги» у Н.Ф. Михайлова[14]

В течение двадцати лет мне пришлось бывать на «Четвергах» у Н<иколая> Ф<едоровича> Михайлова, совместно с которым мы вели «Вестник воспитания». С ноября 1917 г. Николай Федорович переселился в Крым на собственную дачу в Судаке.

«Четверги» у него носили довольно своеобразный характер. Собрания обыкновенно бывали интимные и потому немногочисленные, собирались родственники Н<иколая> Ф<едоровича> и его супруги Юл<ии> Ив<ановны>, врачи – большею частью старинные его товарищи по университету и по службе в земстве, городском самоуправлении (И.В. Попов, М.С. Тенкин, Н.Н. Алексеев, С. В. Пуч-

[14] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1, 2 об.

ков, некто П.И. Яковлев, И.И. Орлов, М.Д. Фокин и др.), ближайшие сотрудники «Вестника воспитания» (Г.А. По-Роков, Л.Я. Синицкий и его покойный брат Е.Д., д-р Д.Д. Бекарюков и проч.), литераторы, ученые, адвокаты, мой брат Ив<ан> Ал<ексеевич>, П.М. Шестаков, проф. Н.А. Каблуков с супругой М.Н., Л.А. Хитрово, Д.Н. Доброхотов и др.). Хотя состав посетителей «Четвергов», разумеется, за два десятилетия не мог не измениться, но все же он оставался в значительной мере устойчивым в своей основной группе, состоявшей из перечисленных лиц. В известное время, когда в Москве происходили разные съезды (медицинские, по народному образованию и др.), на «Четвергах» появлялись и иногородние друзья, и близкие знакомые Н<иколая> Ф<едоровича>. В различные <нрзб> моменты общественной или политической жизни число гостей на «Четвергах», конечно, увеличивалось, хотя журфиксы у Н<иколая> Ф<едоровича> никогда не носили политической и тем менее какой-либо партийной окраски.

Другою особенностью «Четвергов», кроме устойчивости состава их посетителей, был их скромный, корректный характер – иногда даже несколько скучноватый в глазах тех, кто привык на журфиксах в других домах к шумному веселью и даже разгулу, продолжавшемуся иногда чуть не до утра. Обычно гости на «Четверги» собирались часам к девяти, когда был уже подан чай, фрукты, сласти и проч.

После чая гости отправлялись в кабинет Н<иколая> Ф<едоровича> и в соседнюю гостиную. Здесь нередко прочитывались различные новинки – литературные, общественно-политические, которые не всем удавалось достать (разные воззвания, сообщения, доклады и проч.). Иногда возникали интересные и поучительные прения, причем полемический и резкий тон обыкновенно отсутствовал. Затем, довольно часто, после этого устраивалось небольшое концертное отделение (на рояле, фисгармонии – иногда совместно с виолончелью или скрипкой). Вечер заканчивался легким, но очень хорошим ужином с небольшим количеством вина (также хорошего качества). Часу в первом ночи гости обычно уже разъезжались. Такой порядок вечеров сохранялся, быть может, даже от большей устойчивости в течение долгих лет, чем состав их посетителей.

Имели ли эти вечера какое-либо общественное значение? На этот вопрос можно ответить двояко: и да, и нет. Конечно, посетители «Четвергов» представляли собой слишком различные элементы как в профессиональном, так и в идейном отношении.

Тогда приглашались видные артисты, оперные певцы, музыканты, литераторы. Из последних упомяну Н.Д. Телешова, моего брата

Ив<ана> Ал<ексеевича> (Бунина – *Т.Г.*), С. Д. Махалова-Разумовского, Л.А. Хитрово, покойного В.Е Ермилова. Все это производило на провинциальную учащуюся молодежь неизгладимое впечатление. Некоторые из них писали Н<иколаю> Ф<едоровичу> искренние благодарственные письма. Мне припоминаются вечера, предназначенные для учителей, они не были объединены в какой-либо кружок, не составляли одного целого, не преследовали никаких заранее поставленных целей, нисколько не задавались никакой программой, а просто являлись гостями Н<иколая> Ф<едоровича>, желая встретиться с ним, с его семьей и с некоторыми добрыми знакомыми. Словом, это были обычные журфиксы, которых в Москве было очень много. Тем не менее «Четверги» Н<иколая> Ф<едоровича> не были обывательскими журфиксами, на которые собираются исключительно ради развлечения – отдохнуть в близком кругу, провести весело время, поиграть в карты, выпить, закусить и т.д. Они носили интеллигентский характер, как ни разнороден был их состав, в общем это все-таки была прогрессивная компания.

Системные и многолюдные встречи не могли пройти бесследно, по крайней мере, для части посетителей «Четвергов», невольно и заранее составленного плана, сближали людей между собой, создавали между некоторыми из них более или менее крепкую связь, добрые отношения и подготовили почву для совместной работы на разных поприщах (одним – при журнале «Вестник воспитания», другим – в земстве, в городском самоуправлении, в различных просветительных, благотворительных и иных областях).

Люди, собиравшиеся на «Четвергах», принадлежали почти сплошь к пожилым. Молодежь почти отсутствовала. Для нее Н<иколай> Ф<едорович> устраивал в течение сезона несколько особых вечеров с танцами, играми, музыкой, пением и проч. Иногда эти вечера были маскированные.

Кроме того, одно время, раз или два ежегодно, у Н<иколая> Ф<едоровича> устраивались вечера для учеников и учениц учительских семинарий и других учебных заведений (провинциальных): школы Макановой в Твери (экскурсия воспитанников этой школы была организована под руководством г-жи Свешниковой) и для новгородской учительской семинарии (экскурсия под руководством А.М. Анисимова). Для новгородской семинарии было организовано два или три вечера, точно не упомню.

В конце 90-х, в начале 900-х годов Михайлов нередко приглашал многих из посетителей своих «Четвергов» в свое имение Лунёво близ станции Сходня Николаевской железной дороги, перешедшее

потом к московскому предводителю дворянства Базиловскому. Поездки туда и летом, и зимой носили исключительно увеселительный характер, ради прогулок и отдыха. Я не сомневаюсь, что если не у всех, то у большинства, пребывание в Луневе оставило приятные воспоминания.

«Литературный Особняк»
Заметка[15]

Возникновение «Литературного Особняка» в качестве отдельной организации объясняется тем, что многие поэты и писатели, возмущенные крайне напряженным характером деятельности Союза поэтов, в виде протеста решили выйти из его состава и образовать свою особенную группу неоклассической поэзии, представителем которой был избран Олег Леонидович Леонидов-Шиманский[16]. Во время отсутствия в Москве Леонидова заместителем его был Василий Павлович Федоров, в настоящее время известный поэт и переводчик Верхарна. «Литературный Особняк» формально считается отделением «Среды», но фактически является самостоятельной литературной организацией.

Собрания «Литературного Особняка» происходили в разных местах: в квартире Леонидова в Денежном переулке, в квартире Михаила Петровича Гальперина (Пименовский пер., д. 8), у С. Альперта, в доме Щербатова на Новинском бульваре, и за последнее время – в Доме печати (Никитский бульвар, 8), еженедельно, за редким исключением по понедельникам. Помещение в Доме печати очень хорошее. «Особняку» предоставляется обширная теплая и освещаемая комната. Имеется буфет, где за сравнительно дешевую плату можно получить кофе и бутерброды. Для более тесного общения на заседания «Литературного Особняка» приглашаются представители Дома печати. В собраниях Особняка велись протоколы, но, кажется, не всегда и не систематично.

В прениях наиболее активное участие принимали М.П. Гальперин и В.П. Федоров. Возражения последнего лекторам обыкновенно бывали очень подробные, обстоятельные и часто чрезвычайно резкие. Это относилось как к содержанию, так и к форме прочитанных произведений – и к получаемым от них звуковым впечатлениям, к ритму, аллитерациям и проч. Довольно часто с подробными воз-

[15] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1, 2об.

[16] Леонидов Олег Леонидович (наст. фамилия Шиманский; 1893–1951) – поэт, прозаик, драматург.

ражениями выступала К. Ник. Лаврова – супруга Ветрова-Пржеславского. Кроме стихов, в «Особняке» читали иногда рефераты. Так, Екатерина Николаевна Волчанецкая читала о поэзии Иннокентия Анненского, С. Г. Кара-Мурза – о художнике Баксте, о котором было получено известие, не вполне проверенное, что он скончался.

Иногда в «Особняке» читали свои произведения, стихи и посторонние лица. С особым вниманием были, например, заслушаны стихи Ив<ана> Серг<еевича> Рукавишникова – руководителя «Дворца искусств». Бывали и другие гости.

Протест против Союза поэтов на практике оказался далеко недействительным. Очень многие из поэтов и поэтесс, состоя членами «Особняка», вновь вошли в состав Союза и там усердно читали свои произведения и делали это тем охотнее, потому что в Союзе за выступление уплачивали некоторый гонорар. Участие членов «Особняка» в Союзе было вначале трудно представимым, ибо на первых порах между Вад<имом> Габ<риелевичем> Шершеневичем – одним из руководителей Союза, и участником «Особняка» Адуевым – возникла ссора, чуть не окончившаяся дуэлью, которая, однако, не состоялась. Адуев принужден был уйти из «Особняка»[17].

«Особняк» с течением времени стал пополняться новыми членами и принял иной характер. Из старых представителей остались сравнительно немногие, между которыми выделяются, кроме выше упоминаемых, Лукьянова, Присманова, Бутягина, Арго, Ямпольский. «Особняк» в политическом отношении остается беспартийным, но стихи и другие произведения с революционной в коммунистическом духе окраской явно пользуются симпатией членов «Особняка». Что касается литературной школы, то «Особняк» принципиально относится одинаково к ним ко всем, но фактически отдает предпочтение символизму и модернизму, и, хотя крайне левые течения не встречают полного поощрения, однако нередко читаемые в «Особняке» стихи очень близко соприкасаются с ними. Кроме того, некоторые лекторы как бы щеголяют тем, что они выражают лишь свои индивидуальные ощущения, понятные только им самим, а не слушателям. «Это я ощущаю так-то», «это мне представляется в таком-то виде» и тому подобные заявления часто приходится слышать, нередко притом и в категорической форме, противопоставляющей «я» остальной публике, не способной понять жестокостей такого индивидуализма – «в этом-де она виновата сама» – вот ultima ratio указанных заявлений.

[17] Адуев Николай Альфредович (наст. фамилия Рабинович; 1895–1950) – поэт, драматург, либреттист.

У В. П. Ютанова. В редакции «Сполохи». Воспоминания[18]

Один из наиболее деятельных членов «Среды» новой формации В.П. Ютанов около десяти лет является редактором-издателем сборников «Сполохи». До настоящего времени (октябрь 1918) вышло 12 книг «Сполохов». По редактированию последних выпусков этих сборников помощником В.П. Ютанова был И.И. Белоусов – старший сын Ив<ана> Ал<ексеевича> Белоусова. В настоящее время в редактировании их участвует Н.Н. Ляшко (недавно к участию в редакцию был привлечен еще молодой писатель А.А. Тришанов-Добровольский, Л.Н. Зилов, уехавший теперь в провинцию). Вообще редакция «Сполохов» принимает характер коллектива и как таковая заслуживает внимания.

Редакция смогла сгруппировать вокруг себя довольно значит<ельный> контингент сотрудников. Между ними имеются и старые литераторы: как Ив<ан> Ал<ексеевич> Белоусов, А.М. Венгеров, А.С. Серафимович, так и более молодые, из которых большинство принадлежит к кружку «Среда»: Н.С. Ашукин, Н.Ф. Бернер, А.И. Белоусов (начинающий поэт – второй сын Ив. Ал.), М.П. Гальперин, А.И. Журин, Л.Н. Зилов, Н.Н. Ляшко, С. А. Малиновская, П. Милованов, Н.М. Мюш, И.А. Новиков. А.И. Окулов, М. Папер, П.К. Искровский, Б.А. Пильняк, Ю.В. Соболев, А.А. Тришатов, И.Г. Эренбург. Наконец, сотрудниками сборников были и лица, не входившие в состав «Среды», а именно С. Григорьев, Д. Крачковский, Н. Лубнин, К. Маригодов, Е. Месанер, И. Оханов, К. Павлович, М. Розанов, Н. Сорока, А. Чернышев, С. Чеглаков (сын сотрудников последних трех выпусков «Сполохов»; имена сотрудников расположены в алфавитном порядке).

Главная задача «Сполохов» – привлекать новые молодые силы. Произведения, предназначенные редакцией к печати, иногда прочитываются в присутствии приглашенных лиц. Мне пришлось слышать чтение рассказа Н.Н. Ляшко «Никон из заимки».

Редакция «Сполохов» в минувшем году ассигновала небольшую сумму (400 рублей) на премии по конкурсу, объявленному «Средой» для авторов, не выпустивших свои беллетристические (в прозе) произведения отдельными сборниками.

Случайные летние чтения у разных лиц[19]

[18] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1.
[19] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 9. 2 л.

До сих пор я говорил о более и менее регулярных и постоянных собраниях, на которых читались и обсуждались новые литературные произведения. Но наряду с ними бывали и случайные собрания, о которых я упомяну для полноты описываемой мною картины, причем имея в виду последние пять-семь лет.

Иногда это бывали многолюдные, но не публичные собрания. Так, одно время устраивались чтения у А.И. Адашева для слушателей с его курсов. Одно из таких собраний устроено было в связи с юбилеем моего брата Ив. Ал. В 1912 г. брат выступал на нем с чтением своих стихотворений. В 1913 г. читал свой рассказ И.С. Шмелев. В 1916 г. у В.Д. Лебедевой и у г-жи Радбоковой-Иванцовой читала свои полубеллетристические исторические воспоминания о своей детской и шлиссельбургской жизни Вера Н. Фигнер. Собрания были довольно многолюдные. Вера Н. выступала с большой скромностью и даже как бы с конфузливостью и неуверенностью в своем литературном даровании.

В небольшом кругу своих наиболее близких товарищей по старой «Среде» читал свои новые пьесы драматург С.Д. Махалов-Разумовский, эти же лица приглашались им в особо занятые ложи на <…>.

У себя на дому читал иногда свои новые произведения И.С. Шмелев, приглашая, однако, очень ограниченный круг слушателей.

Мне приходилось бывать у Н.А. Крашенинникова (у него читал свои произведения С. С. Голоушев). Такого же рода собрания были у А.С. Серафимовича, у С. Юма (читал иногда не только свои произведения, но и чужие, как, напр., пьесы Истомина), у брата Ив<ана> Ал<ексеевича>, у П.А. Нилуса (читал свой рассказ), у С.В. Яблонского (рассказ «От Пушкина до Игоря Северянина»), у А.Я. Грузинского.

У Николая Григорьевича Шкляра[20]

Н. Г. Шкляр за последние 3 года, желая выслушать мнения некоторых своих знакомых относительно своих новых рассказов, приглашал иногда к себе небольшую компанию, в состав которой входили: я, мой брат Иван Алексеевич с супругой Верой Николаевной, Алексей Евгеньевич Грузинский с супругой, Н.А. Пушешников, А.Б. Дерман, Ада Чумаченко. При чтении присутствовали, кроме семьи Н<иколая> Г<ригорьевича>, иногда и случайные посетители.

[20] Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 1.

Так, напр., однажды был приглашен А.Ф. Кокошкин, брат покойного Ф<едора> Ф<едоровича>.

Из прочитанных рассказов припоминаются следующие: «Святой кладезь», «Братья», «Разрушение Иерусалимского храма», «Завещание» и «Длинный день».

Не будучи профессиональным писателем, Н<иколай> Г<ригорьевич> имел большое тяготение к литературе и, по мнению названной компании, обладал несомненным талантом и хорошим литературным чувством, которое он неоднократно обнаруживал в прениях на «Средах». В своих отзывах он иногда бывал резок и слишком прям, чем у некоторых авторов на «Средах» вызывал к себе неприязненные чувства, в особенности у авторов молодых, получивших, однако, известную популярность, и притом из лагеря модернистов. Они почему-то считали Н<иколая> Г<ригорьевича> <далее текст написан неразборчиво – *Т.Г.*>.

1 марта 1918 г.

Литература

Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин: материалы к биографии. М.: ИКАР, 2017. 208 с.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2: 1910–1919 / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1183 с.

Сайкина О.А. Новый документ по истории народовольческого движения // Отечественная история. 2000. № 5, сент.–окт. С. 154–159.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

References

Gordienko T.V. *Iu.A. Bunin: materialy k biografii* [Yu.A. Bunin: materials for biography]. Moscow, IKAR Publ., 2017. 208 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 2: 1910–1919 [Chronicle of life and works of I.A. Bunin. Vol. 2, 1910–1919], comp. by S.N. Morozov. Moscow, RAS Institute of World Literature Publ,, 2017. 1183 p. (In Russ.)

Saikina O.A. Novyi dokument po istorii narodovol'cheskogo dvizheniia [A new document on the history of Narodnaya Volya movement]. *Otechestvennaia istoriia*, 2000, no. 5, sept.-oct., pp. 154–159.

Schruba M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and Petersburg in 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 448 p.

Yuri Bunin on Moscow literary assosiations: 1890–1917

Tamara V. Gordienko

Abstract: The article is devoted to literary, educational and cultural organizations of Moscow in the late 19th – early 20th centuries. The article is based on manuscripts, drafts and records of Yuri Bunin from his collection in RGALI. A well-known public figure, journalist, editor of the pedagogical journal "Bulletin of Education" kept records of his time and the events in the world of literature and art, in which he happened to participate. The full text is published for the first time.

Keywords: late 19th – early 20th centuries, literary associations, societies, circles.

Information about the author: Tamara V. Gordienko, PhD, independent researcher. Moscow, Russia. E-mail: tamara_gordienko@mail.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-159-178
УДК 821.161.1

В. Маяковский и литературная группа «Резец» (Нью-Йорк)[1]

В.Н. Дядичев

Аннотация. Представлена история возникновения и недолгого существования в Нью-Йорке русской литературной группы «Резец». Группа выпустила журнал «Спартак» с участием В. Маяковского и Д. Бурлюка. Журнал «Спартак», первый и единственный номер которого вышел в октябре 1925 года – редчайшее издание, отсутствующее в крупнейших библиотеках мира и сохранившееся только в частном библиофильском собрании. В Приложении воспроизводится публикация стихотворения В. Маяковского «Шестерка», манифест группы «Резец» и стихи Д. Бурлюка из журнала «Спартак».

Ключевые слова. Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, литературная группа «Резец», журнал «Спартак», текстология, мемуаристика

Информация об авторе: Владимир Николаевич Дядичев, к.т.н., старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва. E-mail: dyaditchev@list.ru

К началу 1920-х годов в США образовалась довольно многочисленная русскоязычная диаспора. При этом Русское Зарубежье Америки состояло не только из представителей «белой» послереволюционной эмиграции (хотя таковая также имелась). Заметная русская колония по-прежнему, ещё со времен Русской Америки, существовала на Западе США. Значительное количество выходцев из Российской империи и стран Восточной Европы осело в городах и штатах Восточного побережья и центральных штатах Америки – Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Питтсбурге, Детройте, Чикаго и т.п.[2]

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-04-00132-ОГН «Новые материалы к биографии В.В. Маяковского: историко-литературный и общественно-политический контексты».

[2] О русской диаспоре XX в. в США см., например: *Гринёв А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009; *Назаров П.В.* Российские иммигранты в США в конце XIX – начале XX в. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2009; *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 2007.

В. Маяковский, посетивший США в августе–октябре 1925 г., не без иронии описал демографическую ситуацию Нью-Йорка в очерке «Моё открытие Америки»:

> Негры, китайцы, немцы, евреи, русские – живут своими районами со своими обычаями и языком, десятилетия сохраняясь в несмешанной чистоте.
>
> В Нью-Йорке, не считая пригородов, 1 700 000 евреев (приблизительно),
>
> 1 000 000 итальянцев,
>
> 500 000 немцев,
>
> 300 000 ирландцев,
>
> 300 000 русских,
>
> 250 000 негров,
>
> 150 000 поляков,
>
> 300 000 испанцев, китайцев, финнов.
>
> Загадочная картинка: кто же такие, в сущности говоря, американцы, и сколько их стопроцентных?..[3]

В 1920-е годы в США издавалось немало периодических изданий на русском языке. Наиболее известная ежедневная газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910–1940) являлась умеренно консервативным изданием. Газета «Русский голос» (Нью-Йорк, 1917–1996) была более «либеральной», как правило, не публиковавшей материалов, враждебных по отношению к Советской России. Ее постоянным сотрудником с 1923 года являлся Давид Бурлюк.

В то же время значительное количество русскоязычных иммигрантов, прибывших в Америку в поисках «лучшей доли» (особенно в период 1900–1910-х годов), стали там простыми рабочими, служащими и т.п. Они сочувственно относились к событиям в революционной России, зачастую определяли себя людьми левых убеждений, настоящими пролетариями.

Усилиями этой части русской и русскоязычной диаспоры в Нью-Йорке издавалась русская рабочая газета «Новый мир» (Нью-Йорк, 1917–1938), являвшаяся органом «Федерации русских отделов Рабочей (коммунистической) партии Америки». При этой газете образовался литературный кружок «Резец» (1924–1925). Кружок объединил в своих рядах трудовых интеллигентов, занимавшихся литературным творчеством и пишущих, главным образом, по-русски. Хотя примыкали к нему также выходцы из России,

[3] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 7. С 306–307.

рабочие и служащие, пробовавшие писать на еврейском и английском языках.

Название этого нью-йоркского литературного кружка должно было сразу указывать на «пролетарский» состав и ориентацию его членов. Надо сказать, что в Советской России в первые послереволюционные годы на волне лозунгов Пролеткульта («Пролетариат сам создаст собственную культуру и литературу…») возникло множество различных студий, объединений, кружков, приобщавших своих членов-рабочих к культуре, литературе, творческой деятельности. И в Ленинграде с 1924 по 1939 г. выходил двухнедельный литературно-художественный журнал «Резец». В редколлегию журнала в разное время входили такие известные литераторы, как А. Горелов, Ю. Либединский, А. Решетов, И. Скворцов-Степанов, П. Чагин и др. Ленинградский «Резец» наряду с произведениями профессиональных писателей печатал рабкоров, самодеятельных поэтов-рабочих, стремясь содействовать воспитанию кадров пролетарской литературы. Постоянным разделом журнала была «Литературная студия „Резца“», где велись беседы с начинающими литераторами, проводились литературные викторины. Журнал уделял большое внимание творчеству рабкоров, литкружковцев и т.п. В 1928–1929 годах редколлегией журнала было выпущено пять альманахов[4].

В. Маяковский ещё в 1918 г., отдавая дань духу времени, писал в стихотворении «Поэт рабочий»:

Орут поэту:
«Посмотреть бы тебя у токарного станка.
А что стихи?
Пустое это!
Небось работать – кишка тонка».
Может быть,
нам
труд
всяких занятий роднее.
Я тоже фабрика.
А если без труб,
то, может,
мне
без труб труднее[5].

[4] Резец: Рабочая литгруппа: Альманах. Л.: Изд. «Красная газета», 1928–1929. Кн. 1–5.
[5] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 2. С 18.

А в 1923 г. в поэме «Про это» не без некоторой грустинки отмечал:

Столбовой отец мой
дворянин,
кожа на моих руках тонка.
Может,
я стихами выхлебаю дни,
и не увидав токарного станка[6].

И можно предположить, что нью-йоркский литературный кружок принял свое название «Резец» не без влияния ленинградского советского собрата. Хорошо известно, что посетивший США летом-осенью 1925 г. В. Маяковский встречался с членами нью-йоркской литературной группы «Резец».

Ряд важных материалов и документальных свидетельств о пребывании Маяковского в Америке содержится в работах С. С. Кэмрада[7]. Ценные, ранее неизвестные и малоизвестные сведения о контактах Маяковского с прокоммунистическими русскоязычными еврейскими кругами США приведены в исследовании Л.Ф. Кациса[8].

О приезде поэта в Нью-Йорк сообщали газеты: «Сегодня утром, после непродолжительного пребывания в Мексике, в Нью-Йорк прибывает известный русский поэт и писатель Владимир Маяковский» (Новый мир. Нью-Йорк. 1925. 30 июля); «Вчера в Нью-Йорк приехал знаменитый русский поэт Владимир Маяковский… находившийся в последнее время в Мексике» (Русский голос. 1925. 31 июля).

В том же номере газеты «Новый мир» появилась заметка: «Экстренное собрание группы “Резец” состоится в субботу 1 августа, в 4 часа дня, в помещении 431, Ист, 6-я улица». А в день первого выступления поэта (14 августа) группа «Резец» поместила в «Новом мире» следующее объявление: «Кружок пролетарских писателей в Америке “Резец” приветствует певца рабоче-крестьянской России В.В. Маяковского»[9]. На собрании группы было решено приступить к изданию журнала «Спартак»: «Скоро выйдет из печати журнал “Спартак”, – писала 1 сентября газета “Новый мир”. – Что будет

[6] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 4. С 179.

[7] См.: *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. Страницы биографии. М., 1970.

[8] *Кацис Л.Ф.* Владимир Маяковский и русско-еврейский Нью-Йорк // Маяковский продолжается. Сб. научных статей и публикаций архивных материалов. Вып. 2. (К 115-летию со дня рождения поэта и 70-летию Государственного музея В.В. Маяковского). М., 2009.

[9] *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. С 203.

в этом “Спартаке”? В литературном отделе – новые стихи В.В. Маяковского, которые появятся впервые в этом журнале…»[10].

Не подлежит сомнению, что выбор названия «Спартак» для предполагаемого литературного «пролетарского» издания также не был случайным. Это название явно соотносилось с названием немецкой революционной марксистской группы «Союз Спартака» (*Spartakusbund*), которая была образована по инициативе Розы Люксембург в августе 1914 г.

Отметим, что предводитель восстания рабов в Древнем Риме *Спартак* уже в XIX веке стал популярным символом борьбы угнетенных, чему способствовал вышедший в 1874 г. роман итальянского писателя-историка Рафаэлло Джованьоли «Спартак». Утверждению древнеримского героя в качестве борца за права трудовых масс против эксплуататоров способствовал и вышедший на экраны в 1913 г. итальянский художественный фильм «Спартак».

В контексте нашего исследования интересен и такой факт. В 1926 г. на Одесской кинофабрике Всеукраинского фотокиноуправления (ВУФКУ) был снят советский художественный фильм «Спартак» (премьера состоялась в Киеве 7 декабря 1926 г.). Автором сценария был украинский поэт-футурист Гео Шкурупий (для ВУФКУ в те же годы ряд киносценариев написал и Маяковский). Музыкальное сопровождение к фильму «Спартак» было написано А.И. Хачатуряном. Фильм не сохранился. А музыка к фильму в дальнейшем легла в основу созданного Хачатуряном в 1950–1954 годах балета «Спартак».

Не известно, принимал ли Маяковский какое-либо участие в определении названия журнала «Спартак», но поэт был в те дни в Нью-Йорке и имел тесные контакты с участниками литературной группы «Резец».

Журнал «Спартак» вышел в первых числах октября 1925 г. «Сегодня выходит из печати первый номер ежемесячного журнала “Спартак”, – сообщала газета “Новый мир”. – Номер будет содержать материалы на трех языках. Среди разнообразного материала – еще не изданное стихотворение Владимира Маяковского»[11].

А спустя две недели в «Новом мире» (№ 925, 17 октября) появилась рецензия М. Фиоре «Наши новые журналы», в которой говорилось: «Наконец-то мы имеем журнал, в котором давно чувствовалась потребность, и от души приветствуем его… Журнал сразу занял пролетарскую позицию и с первого же номера обещает быть

[10] *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. С 204.
[11] *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. С 204.

интересным. Поэтому мы считаем своим долгом серьёзно отнестись к нему, подчеркнуть слабые стороны и отметить хорошие… Интересен “опыт разбора” т. Менделевского о Маяковском и Сендберге, даже если мы не соглашаемся с его оценкой этих поэтов. Хороша и сочна только первая половина стихотворения Бурлюка о Маяковском. Не совсем понятно, правда, посвящается оно Маяковскому или дореволюционной России. Пускай читатель решает… Конечно, стихотворение Маяковского, написанное для “Спартака”, в высшей степени украшает журнал, и мы надеемся, что в дальнейших номерах будет побольше таких украшений. Но репутация “Спартака” зависит в первую очередь от американских пролетарских писателей – и в этом залог его успеха»[12].

В связи с выходом журнала члены кружка решили устроить «бал». В газете «Новый мир» были помещены два объявления. Одно (№ 918, 9 октября) гласило: «Все подземные и надземные дороги ведут в Парк-Палас в пятницу, 16 октября, в 8 час. веч. на концерт-бал кружка пролетарских писателей “Резец”. В честь выпуска журнала “Спартак” Вл. Вл. Маяковский прочтет свои лучшие стихи. Богатая концертная программа. Выступит Саут-Бруклинский спортивный кружок. Конферансье – Давид Бурлюк». В сообщении, напечатанном в газете в день проведения мероприятия (№ 924, 16 октября), говорилось: «Вниманию русской колонии. Сегодня, в пятницу, 16 октября, в 8 ч. веч. в Парк-Палас… состоится грандиозный концерт-бал кружка пролетарских писателей “Резец”. По случаю выпуска журнала “Спартак” Вл. Вл. Маяковский прочтет свои лучшие стихи… В заключение – бал. Большой оркестр музыки. Русские и американские танцы до утра»[13].

Небольшую заметку «В.В. Маяковский на вечере “Спартака”» (автор – Д. Бурлюк ?) о прошедшем концерте поместила газета «Русский голос» (25 октября): «Состоялся вечер, организованный новым журналом “Спартак”. Центром вечера явилось выступление поэта Маяковского. Маяковский прочел несколько своих стихотворений, уже напечатанных и публике известных, и между ними одно свеженькое “Русский язык в Нью-Йорке”. Оно очень насмешило публику… Публика тепло приветствовала поэта»[14].

Между тем, журнала «Спартак» (Нью-Йорк,1925. № 1, октябрь) не нашлось ни в одной из доступных нам библиотек России и зарубежья (в том числе – в Библиотеке Конгресса США). Журнал не

[12] *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. С 205.
[13] *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. С 205–206.
[14] *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. С 206.

учтен в различных библиографических указателях, энциклопедиях, справочных изданиях и т.п., посвященных Русскому зарубежью[15].

Он оказался недоступным и для исследователей – составителей и издателей научных (академических) собраний сочинений В.В. Маяковского.

В комментариях к стихотворению «6 монахинь» в 13-томном Полном собрании сочинений В.В. Маяковского об источниках текста этого стихотворения читаем: «Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. “Прожектор”', М. 1925, № 16, 31 августа (под названием “Монашки” и с обозначением места написания: “Атлантический океан. Пароход 'Эспань'”); *В.В. Маяковский*. Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка. М., 1926; *В.В. Маяковский*. Сочинения, т. 5. М., 1927; сб. “Антирелигиозный чтец-декламатор”', изд. “'Безбожник”', М. 1929.

Нью-йоркская газета “Новый мир” (1925, 3 октября) сообщала: “Сегодня выходит из печати первый номер ежемесячного журнала „Спартак“… Среди разнообразного материала имеется неизданное еще стихотворение Владимира Маяковского”'. По свидетельству советского литературоведа М.О. Мендельсона, в то время находившегося в Америке, в журнале “'Спартак”' (Нью-Йорк, 1925, № 1, октябрь) было опубликовано стихотворение “6 монахинь”»[16].

Недоступным оказался этот журнал и для издателей нового 20-томного Полного собрания произведений В.В. Маяковского, где в комментариях к стихотворению «6 монахинь» читаем: «Публикация в журнале “Спартак” предварялась информацией: “Сегодня выходит из печати первый номер ежемесячного журнала “Спартак”… Среди разнообразного материала имеется неизданное ещё стихотворение Маяковского” (Новый мир. Нью-Йорк, 1925. 3 окт.). “Спартак” – журнал еврейского кружка “Молодая кузница” издавался на русском, английском и еврейском языках (Спартакус. Монтли, Юнион-сквер, 30). В числе сотрудников Вл. Маяковский, Д. Бурлюк, М. Голд и др. (Русский голос. Нью-Йорк. 1925. 11 окт.)…»[17]

Весьма существенные сведения об истории возникновения кружка «Резец» и издании журнала «Спартак» содержатся в воспоминаниях непосредственного участника тех

[15] См., например: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999; *Кудрявцев В.Б.* Периодические и непериодические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941. Опыт расширенного справочника. Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: В 2 ч. М., 2011; Литературная энциклопедия Русского зарубежья: 1918–1940: В 4 т. М., 1997–2006.

[16] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 7. С. 470.

[17] *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: В 20 т. М., 2014. Т. 2. С 530.

событий Мориса Осиповича Мендельсона (Менделевского, 1904–1982), в то время – молодого русскоязычного американского журналиста, впоследствии – известного советского ученого, литературоведа-американиста, сотрудника ИМЛИ.

Приведем наиболее важную для нас часть его воспоминаний:

> В газете “Русский голос" появилось извещение, что русская федерация Рабочей партии Америки приступает к изданию ежедневной газеты ‘’Новый мир". […]
>
> Остро ощущалась потребность в ежедневном издании. Им и стал “Новый мир". Газета широкого политического профиля, она в то же время сыграла существенную роль в жизни молодых, как правило, поэтов, прозаиков, критиков, писавших на русском языке и приближавшихся в своем творчестве к пролетарским идеалам.
>
> Возникшее чуть раньше в том же Нью-Йорке объединение русских литераторов, гордо именовавшее себя группой пролетарских писателей “Резец”, впервые ощутило почву под ногами. Ведь в прошлом большинству этих людей печататься было негде. А теперь в “Новом мире” возникла рубрика "Литературная неделя", занимавшая в субботнем номере целую полосу, а то и полторы. Среди авторов, сотрудничавших в "Литературной неделе", было немало членов “‘Резца”. Я упоминаю об этом потому, что, когда в Америку приехал Владимир Маяковский, его имя нередко упоминалось в связи с названиями "Новый мир" (речь шла о той же рабочей газете) и “‘Резец”.
>
> Владимир Маяковский приехал в США в середине 1925 г.
>
> В то время я уже был штатным сотрудником “Нового мира” – одним из четырех редакционных работников, выпускавших каждый день (кроме воскресенья) эту газету. Круг моих обязанностей был довольно широк. Он включал, в частности, ведение отдела рабочих корреспонденций. Мне было поручено также редактировать "Литературную неделю". Вполне естественно, что я принимал довольно активное участие в деятельности "Резца"…
>
> Среди членов "Резца" было больше десятка честных, искренних и не лишенных известных способностей литераторов – молодых н довольно пожилых. Впрочем, сила их заключалась все же не в поэтическом мастерстве, а в ясном стремлении подчинить свои творческие замыслы серьезным социальным задачам. […]
>
> Повторяю, богатством поэтического выражения стихи участников "Литературной страницы" не отличались. И все же не случайно, полагаю, их деятельность привлекла внимание такого тонкого ценителя искусства, как Анатолий Васильевич Луначарский, чьи дружеские послания мы время от времени получали из Москвы.
>
> В одном письме Луначарского (оно было опубликовано в "Новом мире" в самом начале того же 1925 г., когда в США приехал

Маяковский) выражалось удовлетворение тем, что даже в такой капиталистической стране, как Америка, существует группа русских пролетарских писателей. В другом послании за той же подписью говорилось о возможности возникновения Ассоциации пролетарских писателей во всеамериканском масштабе. Участниками такой Ассоциации могли бы стать и товарищи из "Резца" совместно с коренными американцами и передовыми литераторами, принадлежавшими к другим национальным меньшинствам США.

С течением времени члены "Резца" начали чувствовать, что им тесно на ограниченной площади, которую предоставляла "Литературная неделя". Возникла мечта создать ежемесячный журнал. Все в том же 1925 г. вышел в свет первый номер этого журнала – его назвали "Спартак". Именно тут впервые увидело свет стихотворение Владимира Маяковского "6 монахинь".

Впрочем, первый номер "Спартака" оказался и последним. А "Новый мир'' продолжал выходить. И все чаще на его страницах выступали не только наши "доморощенные" литераторы, но и по-настоящему крупные писатели – советские и американские.

Вернусь, однако, к группе "Резец". В журнале "Спартак", в том самом единственном номере, была напечатана статья 'Кто мы такие и чего мы хотим". В статье говорилось: "Мы не эмигранты. Мы в Америке не потому, что не хотим быть в революционной России. Мы живем жизнью американского пролетариата. Мы боремся рядом с ним... Наш журнал... не эмигрантский... Мы счастливы и горды тем, что мы дети свободной рабоче-крестьянской России... наш "Спартак" – американский революционер".

И вот однажды по поручению группы "Резец" и редакции журнала "Спартак" я встретился с Маяковским вскоре после его приезда в Америку. Маяковский обещал дать стихотворение для первого номера журнала, и меня направили к поэту с заданием – получить у него обещанный материал. […]

Членов группы "Резец" подбадривали верные друзья. В "Спартаке" было напечатано приветствие от Центрального бюро русской секции (была тогда такая) Рабочей партии Америки. В нем выражалась надежда, что "Спартак" станет "мастерской подлинно пролетарского творчества, всецело преданного делу мировой пролетарской революции". Редакционная коллегия "Нового мира" пожелала группе "Резец" еще шире развернуть "литературную деятельность, столь плодотворно протекающую на страницах 'Нового мира".

И тут же было напечатано сообщение о намеченном на будущий год Первом международном съезде пролетарских и революционных писателей. Вместе с А. В. Луначарским – председателем Международного бюро пролетарской литературы, инициаторами съезда значились, в частности, Барбюс, Серафимович, Вайян-Кутюрье, Катаяма, Демьян Бедный.

Итак, я отправился к Маяковскому. Он жил тогда в одном из некогда роскошных особняков на Пятой авеню, в самом начале этой широко известной в Америке улицы. Рядом находилась площадь Вашингтона, запечатленная в художественной литературе США, и облюбованный художниками и литераторами район Гринвич вилледж.

Поэта приютил у себя тогдашний торговый представитель Советского Союза в США Хургин. Прошло немного времени, и мне довелось увидеть Маяковского при очень печальных обстоятельствах: поэт пришел на похороны Хургина, утонувшего во время водной прогулки. […]

Я постучал. Маяковский, открыв дверь комнаты, стал у входа. Я знал, что он человек высокого роста, но мне он показался тогда чуть ли не гигантом. Довольно долго и пристально глядел на меня. Наконец, видимо, догадавшись о моем состоянии, он, ничего не спрашивая, ничего не говоря, вынес какой-то листок.

Я поблагодарил его и ушел. На улице я посмотрел на рукопись. В одной из первых строк текста стояло: "шестеро". Под заголовком "6 монахинь" стихотворение и появилось в "Спартаке".

Итак, я даже не сказал Маяковскому, что будет представлять собою журнал, для которого предназначалось его стихотворение. Мне не пришло в голову объяснить, что мы не имеем возможности выплатить гонорар. Не повернулся у меня язык упомянуть и о своей статье, хотя сложенные вчетверо большие листы бумаги были запихнуты во внутренний карман пиджака и мешали как следует застегнуть его. […]

Произошло, однако, так, что в "Спартаке" рядом со стихотворением Маяковского, статьей о нем Бурлюка, драматическим наброском Н. Киселя и другими материалами появилась моя статья, которую я так и не посмел показать поэту.

У меня, скажу тут же, нет оснований гордиться ею – напротив, прошло не так уж много времени, и я понял ее уязвимость. Но Маяковский проявил к этой статье известное внимание. И о том, как он на нее реагировал, я постараюсь рассказать.

Начну с одного из выступлений Маяковского в Нью-Йорке, где я присутствовал. В переполненном зале он читал стихи. А затем вдруг упомянул о напечатанной в журнале "Спартак" статье "Маяковский и Сандбург". Так называлась моя пресловутая статья.

Наступила пауза. […] Наконец он улыбнулся и сказал! "Я знаю, что автору статьи только двадцать лет, поэтому я его ругать не стану". […]

Стоит подчеркнуть, что "Новый мир'' очень активно поддерживал Маяковского на протяжении всего срока его пребывания в США. Собственно говоря, эта газета, а в известной мере группа "Резец" были главными пропагандистами творчества Маяковского, активнее всего привлекали внимание русской рабочей колонии в Америке к выступлениям поэта.

В “Моем открытии Америки”, в очерке “Чикаго”, он вспоминает, как был изображен в поэме "150 000 000'' этот промышленный центр, а потом переходит к разговору о человеке, который охарактеризован как «знаменитейший сегодняшний американский поэт Карл Самбор... чикагец... описывает Чикаго так...". […] (ныне по-русски принято писать Сэндберг).

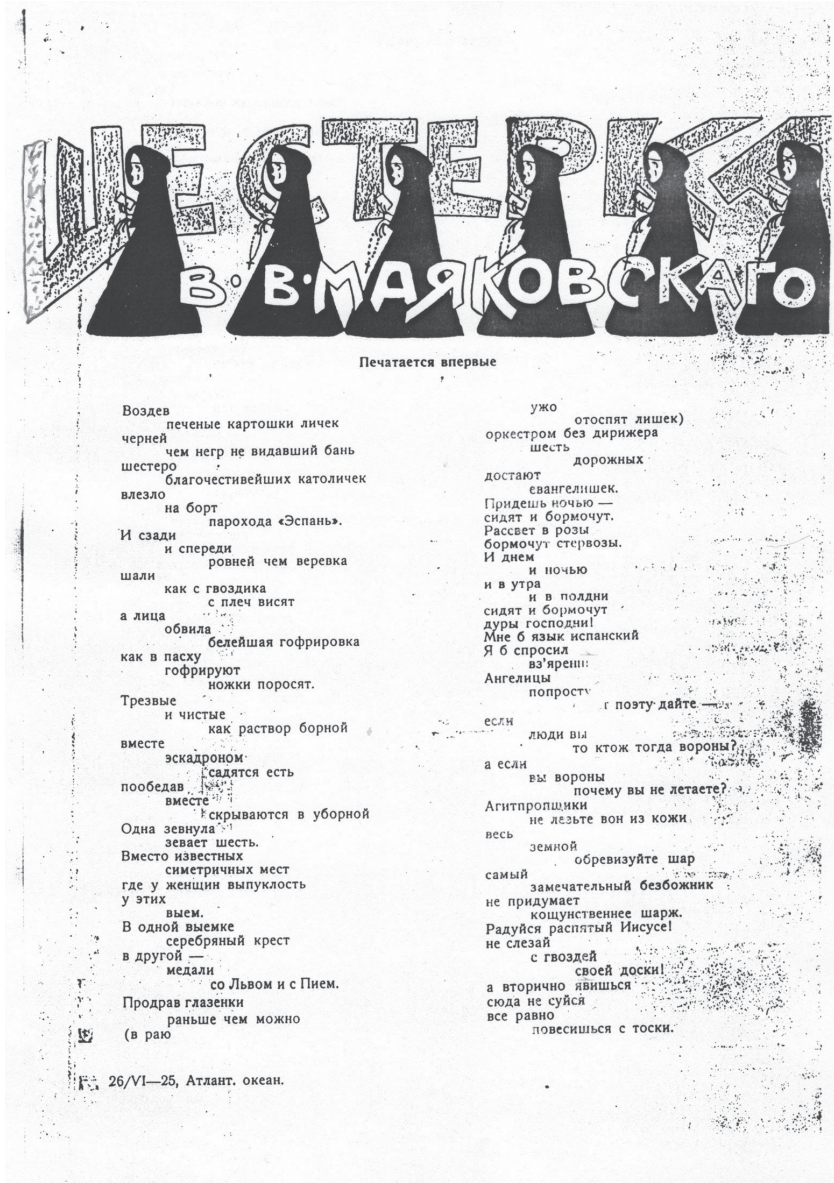
Надо иметь в виду, что ссылки Маяковского на Сэндберга имеют откровенно полемический характер. В "Моем открытии Америки'' он явно вступает в спор с критиками, которые "писали, что мое Чикаго могло быть написано только человеком, никогда не видавшим этого города". Сопоставляя собственную поэму с тем, как Чикаго описан у Сэндберга, Маяковский прямо заявляет: американский поэт описал Чикаго "неверно и непохоже. Я описал неверно, но похоже". […] Маяковский взял из приведенного в моей статье русского текста сэндбергского “Чикаго” довольно значительную часть. И уже то обстоятельство, что цитаты из данного стихотворения приводятся в моем переводе, показывает, что спорит Маяковский, в частности, со мною.

Прочитайте "Чикаго" и "Мое открытие Америки" – и вы разом увидите значительные различия в облике города, встающего в строках обоих произведений. И главное из этих различий заключено в том, что, в отличие от Сэндберга, Маяковский ощутил, что “грандиозность армии трудящихся, мрак чикагской рабочей жизни именно здесь вызывают трудящихся на самый больший в Америке отпор''.

Таким образом, советский поэт увидел в Соединенных Штатах Америки не только средоточие мощи капитализма, не только воплощение ужасов и мерзостей мира эксплуатации, но также один из важнейших центров сопротивления рабочих власти капитала. И в этом ключ к пониманию превосходства мысли Маяковского над кругозором даже такого крупного американского писателя, как Карл Сэндберг. […] Спор, который нашел выражение в статье “Маяковский и Сандбург”, уже давно ушел в прошлое. Автор этой статьи не собирается, конечно, защищать свою былую позицию. Если есть у него основание вспомнить хоть с какой-либо, даже самой малой долей удовлетворения литературно-критический опыт, опубликованный так много лет тому назад, то оно сводится к следующему: может быть, статья "Маяковский и Сандбург" помогла привлечь внимание Маяковского к творчеству выдающегося американского поэта.

Стоит упомянуть, что в своей небольшой статье “Свинобой мира”, написанной под непосредственным впечатлением от поездки в США и опубликованной в марте 1926 г., Маяковский назвал Сэндберга не только знаменитейшим сегодняшним поэтом Соединенных Штатов, но также “революционером американской поэзии”.

[...] Мне довелось обменяться с Маяковским в Америке лишь двумя-тремя словами, но об этой краткой встрече я вспоминаю и поныне[18].

ШЕСТЕРКА
В. В. МАЯКОВСКАГО

Печатается впервые

Воздев
печеные картошки личек
черней
чем негр не видавший бань
шестеро
благочестивейших католичек
влезло
на борт
парохода «Эспань».
И сзади
и спереди
ровней чем веревка
шали
как с гвоздика
с плеч висят
а лица
обвила
белейшая гофрировка
как в пасху
гофрируют
ножки поросят.
Трезвые
и чистые
как раствор борной
вместе
эскадроном
садятся есть
пообедав
вместе
скрываются в уборной
Одна зевнула
зевает шесть.
Вместо известных
симетричных мест
где у женщин выпуклость
у этих
выем.
В одной выемке
серебряный крест
в другой —
медали
со Львом и с Пием.
Продрав глазенки
раньше чем можно
(в раю
уже
отоспят лишек)
оркестром без дирижера
шесть
дорожных
достают
евангелишек.
Придешь ночью —
сидят и бормочут.
Рассвет в розы
бормочут стервозы.
И днем
и ночью
и в утра
и в полдни
сидят и бормочут
дуры господни!
Мне б язык испанский
Я б спросил
вз'яреш:
Ангелицы
попросту
г поэту дайте —
если
люди вы
то ктож тогда вороны?
а если
вы вороны
почему вы не летаете?
Агитпропщики
не лезьте вон из кожи
весь
земной
обревизуйте шар
самый
замечательный безбожник
не придумает
кощунственнее шарж.
Радуйся распятый Иисусе!
не слезай
с гвоздей
своей доски!
а вторично явишься
сюда не суйся
все равно
повесишься с тоски.

26/VI—25, Атлант. океан.

[18] *Мендельсон М.О.* Две встречи / Публ. Н. Анастасьева и Г. Знаменской // Вопросы литературы. 1984. № 3. С 194–213.

Опубликованные уже посмертно интереснейшие и весьма информативные воспоминания М.О. Мендельсона (как и комментарии составителей к академическим собраниям сочинений В.В. Маяковского) показывают, что ни у мемуариста, ни у составителей и комментаторов сочинений В.В. Маяковского не было возможности *de visu* свериться с журналом «Спартак».

К настоящему времени это уникальное издание удалось найти в одном из частных библиофильских собраний Великобритании. Выражаю искреннюю благодарность за это Л.Ф. Кацису.

Отметим, что стихотворение В.В. Маяковского в «Спартаке» озаглавлено «**Шестерка**» (а не «**6 монахинь**», как полагали ранее). Под таким названием стихотворение больше нигде не публиковалось. В тексте имеется целый ряд лексических, синтаксических, графических (в разбиениях стихов «лесенкой») отличий от других публикаций этого стихотворения. Естественно, всё это в дальнейшем должно быть отражено при научных публикациях этого произведения Маяковского.

Статья М. Мендельсона, опубликованная в журнале «Спартак» под названием «Маяковский и Сандбург», была перепечатана автором в 1928 г. (с некоторыми исправлениями и уточнениями за подписью *Менделевский*) уже в Советской России[19].

Маяковский же первым открыл для читателей Советской России имя выдающегося американского поэта Карла А. Сэндберга (1878–1967). Вскоре после публикации в 1926 г. очерков В. Маяковского «Мое открытие Америки» и «Чикаго» стали появляться в нашей стране первые переводы на русский язык стихотворений Карла Сэндберга.

Опубликованное в «Спартаке» стихотворение Д. Бурлюка «Владимир Маяковский» больше нигде не воспроизводилось. (И это именно *стихотворение*, а не «статья», как сказано в мемуарном очерке М.О. Мендельсона).

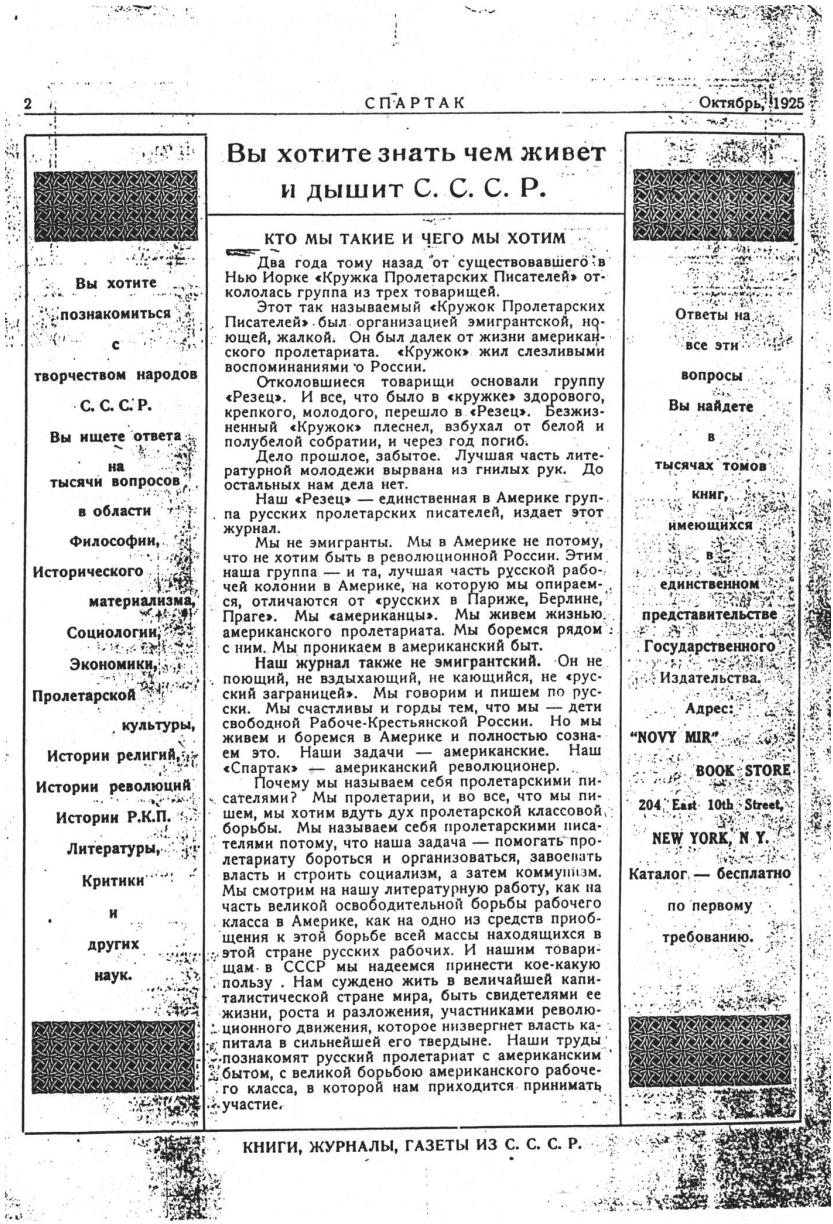
Упоминаемые письма А.В. Луначарского к американским рабочим также нигде не воспроизводились, не учтены в его Собраниях сочинений и имеющихся Библиографиях[20].

В Приложении мы воспроизводим манифест группы «Резец» – «Кто мы такие и чего мы хотим», и стихотворение Д. Бурлюка, посвященное Маяковскому, по тексту первого номера журнала «Спартак» (1925).

---

[19] Вестник иностранной литературы. 1928. № 11. С 141–144. См. также: Маяковский В.В.: pro et contra. Антология / Сост. В.Н. Дядичева. СПб., 2013. Т. 2. С 140–145.

[20] Ср.: Луначарский Анатолий Васильевич. Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности: В 2 т. Т. 1. Труды А.В. Луначарского. М., 1975; Т. 2. Письма А.В. Луначарского. Литература о жизни и деятельности. М., 1979; *Ефимов В.В.* Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского (1917–1933): В 3 т. Душанбе, 1991–1992.

2 СПАРТАК Октябрь, 1925

Вы хотите знать чем живет и дышит С. С. С. Р.

КТО МЫ ТАКИЕ И ЧЕГО МЫ ХОТИМ

Два года тому назад от существовавшего в Нью Йорке «Кружка Пролетарских Писателей» откололась группа из трех товарищей.

Этот так называемый «Кружок Пролетарских Писателей» был организацией эмигрантской, ноющей, жалкой. Он был далек от жизни американского пролетариата. «Кружок» жил слезливыми воспоминаниями о России.

Откоповшиеся товарищи основали группу «Резец». И все, что было в «кружке» здорового, крепкого, молодого, перешло в «Резец». Безжизненный «Кружок» плеснел, взбухал от белой и полубелой собратии, и через год погиб.

Дело прошлое, забытое. Лучшая часть литературной молодежи вырвана из гнилых рук. До остальных нам дела нет.

Наш «Резец» — единственная в Америке группа русских пролетарских писателей, издает этот журнал.

Мы не эмигранты. Мы в Америке не потому, что не хотим быть в революционной России. Этим наша группа — и та, лучшая часть русской рабочей колонии в Америке, на которую мы опираемся, отличаются от «русских в Париже, Берлине, Праге». Мы «американцы». Мы живем жизнью американского пролетариата. Мы боремся рядом с ним. Мы проникаем в американский быт.

Наш журнал также не эмигрантский. Он не поющий, не вздыхающий, не кающийся, не «русский заграницей». Мы говорим и пишем по русски. Мы счастливы и горды тем, что мы — дети свободной Рабоче-Крестьянской России. Но мы живем и боремся в Америке и полностью сознаем это. Наши задачи — американские. Наш «Спартак» — американский революционер.

Почему мы называем себя пролетарскими писателями? Мы пролетарии, и во все, что мы пишем, мы хотим вдуть дух пролетарской классовой борьбы. Мы называем себя пролетарскими писателями потому, что наша задача — помогать пролетариату бороться и организоваться, завоевать власть и строить социализм, а затем коммунизм. Мы смотрим на нашу литературную работу, как на часть великой освободительной борьбы рабочего класса в Америке, как на одно из средств приобщения к этой борьбе всей массы находящихся в этой стране русских рабочих. И нашим товарищам в СССР мы надеемся принести кое-какую пользу . Нам суждено жить в величайшей капиталистической стране мира, быть свидетелями ее жизни, роста и разложения, участниками революционного движения, которое низвергнет власть капитала в сильнейшей его твердыне. Наши труды познакомят русский пролетариат с американским бытом, с великой борьбою американского рабочего класса, в которой нам приходится принимать участие.

Вы хотите познакомиться с творчеством народов С. С. С. Р.

Вы ищете ответа на тысячи вопросов в области Философии, Исторического материализма, Социологии, Экономики, Пролетарской культуры, Истории религий, Истории революций Истории Р.К.П. Литературы, Критики и других наук.

Ответы на все эти вопросы Вы найдете в тысячах томов книг, имеющихся в единственном представительстве Государственного Издательства.

Адрес:

"NOVY MIR"

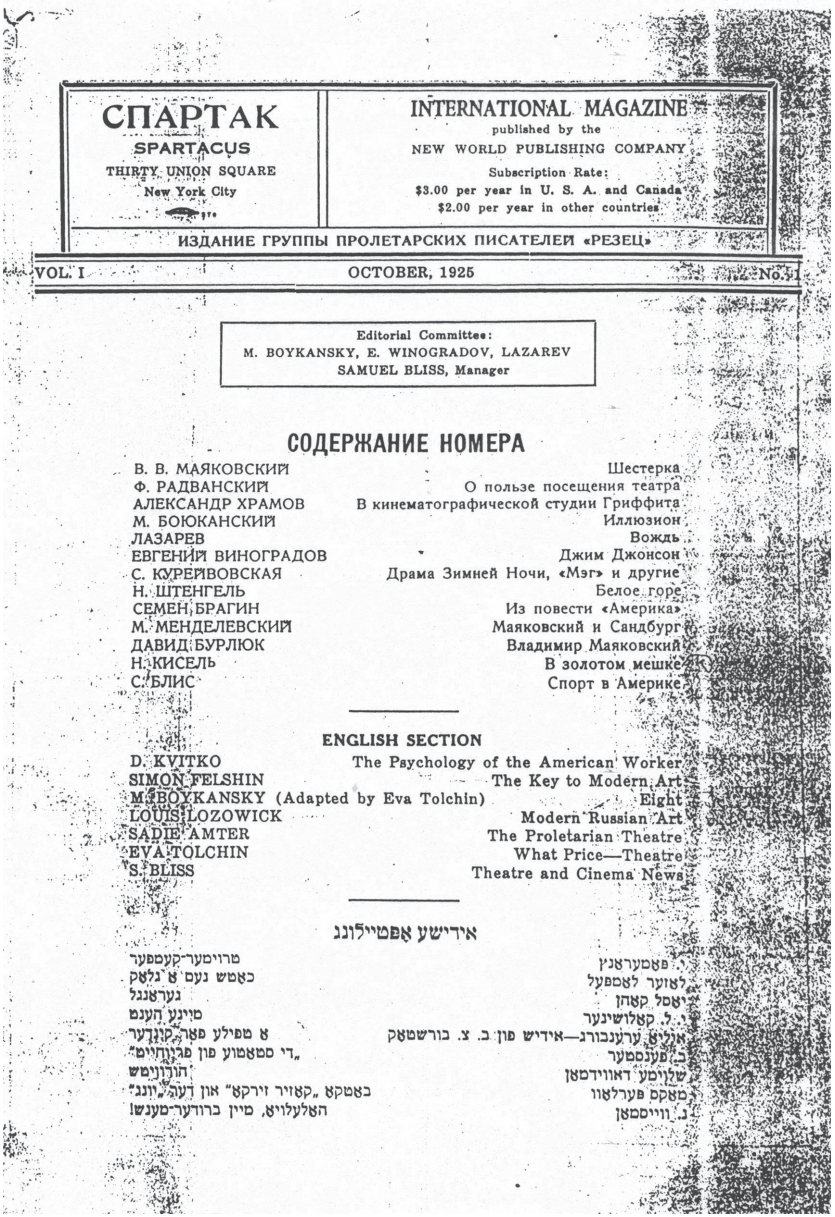
BOOK STORE

204 East 10th Street,

NEW YORK, N Y.

Каталог — бесплатно по первому требованию.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ ИЗ С. С. С. Р.

СПАРТАК
SPARTACUS
THIRTY UNION SQUARE
New York City

INTERNATIONAL MAGAZINE
published by the
NEW WORLD PUBLISHING COMPANY
Subscription Rate:
$3.00 per year in U. S. A. and Canada
$2.00 per year in other countries

ИЗДАНИЕ ГРУППЫ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «РЕЗЕЦ»

VOL. I OCTOBER, 1925 No. 1

Editorial Committee:
M. BOYKANSKY, E. WINOGRADOV, LAZAREV
SAMUEL BLISS, Manager

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

В. В. МАЯКОВСКИЙ	Шестерка
Ф. РАДВАНСКИЙ	О пользе посещения театра
АЛЕКСАНДР ХРАМОВ	В кинематографической студии Гриффита
М. БОЮКАНСКИЙ	Иллюзион
ЛАЗАРЕВ	Вождь
ЕВГЕНИЙ ВИНОГРАДОВ	Джим Джонсон
С. КУРЕЙВОВСКАЯ	Драма Зимней Ночи, «Мэг» и другие
Н. ШТЕНГЕЛЬ	Белое горе
СЕМЕН БРАГИН	Из повести «Америка»
М. МЕНДЕЛЕВСКИЙ	Маяковский и Сандбург
ДАВИД БУРЛЮК	Владимир Маяковский
Н. КИСЕЛЬ	В золотом мешке
С. БЛИС	Спорт в Америке

ENGLISH SECTION

D. KVITKO	The Psychology of the American Worker
SIMON FELSHIN	The Key to Modern Art
M. BOYKANSKY (Adapted by Eva Tolchin)	Eight
LOUIS LOZOWICK	Modern Russian Art
SADIE AMTER	The Proletarian Theatre
EVA TOLCHIN	What Price—Theatre
S. BLISS	Theatre and Cinema News

אידישע אפטיילונג

מרויטער־קעמפער	פאמפֿלעטן
כאטש נעם א גלעק	לאזער לאמפּעל
נעראנגל	יאסל קאהן
מיינע הענט	ל. קאלושינער
א טפילע פאר קונדער	אליע ערענבורג—אידיש פון ב. צ. בורשטאק
„די סטאמוע פון פרעוחיים"	ב. פעלמער
הונדוימש	שלויסע דאוידמאן
באטאק „קאזיר זירקא" און דעה „ווינג"	מאקס פערלאוו
האלעלויא, מיין ברודער־מענש!	ב. ווייסמאן

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кто мы такие и чего мы хотим

Два года тому назад [т.е. в 1923 г.] от существовавшего в Нью-Йорке «Кружка пролетарских писателей» откололась группа из трех товарищей.

Этот так называемый «Кружок пролетарских писателей» был организацией эмигрантской, ноющей, жалкой. Он был далек от жизни американского пролетариата. «Кружок» жил слезливыми воспоминаниями о России.

Отколовшиеся товарищи основали группу «Резец». И все, что было в «кружке» здорового, крепкого, молодого, перешло в «Резец». Безжизненный «Кружок» плесневел, взбухал от белой и полубелой собратии, и через год погиб.

Дело прошлое, забытое. Лучшая часть литературной молодежи вырвана из гнилых рук. До остальных нам дела нет.

Наш «Резец» – единственная в Америке группа русских пролетарских писателей, издает этот журнал.

Мы не эмигранты. Мы в Америке не потому, что не хотим быть в революционной России. Этим наша группа – и та, лучшая часть русской рабочей колонии в Америке, на которую мы опираемся, отличаются от «русских в Париже, Берлине, Праге». Мы «американцы». Мы живем жизнью американского пролетариата. Мы боремся рядом с ним. Мы проникаем в американский быт.

Наш журнал тоже не эмигрантский. Он не ноющий, не вздыхающий, не кающийся, не «русский заграницей». Мы говорим и пишем по-русски. Мы счастливы и горды тем, что мы – дети свободной Рабочее-Крестьянской России. Но мы живем и боремся в Америке и полностью сознаем это. Наши задачи – американские. Наш «Спартак» – американский революционер.

Почему мы называем себя пролетарскими писателями? Мы пролетарии, и во все, что мы пишем, мы хотим вдуть дух пролетарской классовой борьбы. Мы называем себя пролетарскими писателями потому, что наша задача – помогать пролетариату бороться и организовываться, завоевать власть и строить социализм, а затем коммунизм. Мы смотрим на нашу литературную работу, как на часть

великой освободительной борьбы рабочего класса в Америке, как на одно из средств приобщения к этой борьбе всей массы находящихся в этой стране русских рабочих. И нашим товарищам в СССР мы надеемся принести кое-какую пользу. Нам суждено жить в величайшей капиталистической стране мира, быть свидетелями её жизни, роста и разложения, участниками революционного движения, которое низвергнет власть капитала в сильнейшей его твердыне. Наши труды познакомят русский пролетариат с американским бытом, с великой борьбою американского рабочего класса, в которой нам приходится принимать участие.

Давид Бурлюк

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Глава дореволюционная

Россия без устали только равнина…
С пригорка в долину, опять бугорок…
И так бесконечно, а моря помину –
Не взгянешь синеющий где-то кусок!..

Равнина волнами живет понаслышке;
Ветрило взлохматит верблюдам горбы
И только под стрехой соломенной вышки
Вдруг – явны морские зазывы трубы.

Огонь путеводный – в окрайной избушке
У бабы гульливой, в дорожную темь
Блеснет мимолетной винтовочной мушкой,
Как сказочный терем.

Над топью дорожной жандармским разъездом,
Распивочной удалью – водочный штоф,
Кабак улыбнется лукошка берестой,
Сквозь осени мокро-мох.

В России киты удивляют селенья –
Они под землею, в кошаре, в овсе…
А то не слыхали о рыбине вовсе
И ребра китовьи – поленья.

Послеоктябрьская

Россия умыта грозой обновленья:
Все заново крашено, выбрито, сшито.
Не надо исправника дозволенья –
Для жизни иное обладить корыто.

Россия познала размах океана
Свободы ярятся, фонтаня китами,
А Ленин, на дно затонув Атлантидой,
Легенды навеки тревожит волнами,
Пронзаясь скалой мировой из тумана.

Маяк-Маяковский, а голос – ветрило
Сияет и светит, и режет овчину –
(Осеннее ночи ослепшее рыло)
И весь – под размер океанскому чину!

Железобетонный поэт многотомен.
Он радио-гибок; из почвы столетий
Российской равнины размашистым Вием
Бессмертия творческим кием,
Как в лузу, в сердечные клети
Свой палец железный протянет огромен.

Вития народный является Вием!
И сколько б не смазался будничный смысл,
И долго ль мещанство не пряталось в круге –
Он пальцем железным – уверенным кием
Укажет великую родины мысль –
Маяк, Маяковский, всемирной округе.

Литература

Гринёв А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2009. 672 с.

Ефимов В.В. Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского (1917–1933): В 3 т. Душанбе, 1991–1992.

Кацис Л.Ф. Владимир Маяковский и русско-еврейский Нью-Йорк // Маяковский продолжается. Сборник научных статей и публикаций архивных материалов. (К 115-летию со дня рождения поэта и 70-летию Государственного музея В.В. Маяковского). М.: Гос. Музей В.В. Маяковского, 2009. Вып. 2. С 51–70.

Кудрявцев В.Б. Периодические и непериодические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941. Опыт расширенного справочника. Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: В 2 ч. М.: Русский путь, 2011.

Кэмрад С.С. Маяковский в Америке. Страницы биографии. М.: Советский писатель, 1970. 270 с.

Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 2. 638 с.

Маяковский В.В.: pro et contra. Антология. Т. 2. Личность и творчество Владимира Маяковского в оценке современников и исследователей / Изд. подготовил В.Н. Дядичев. СПб.: РХГА, 2013. 840 с.

Мендельсон М.О. Две встречи / Публ. Н. Анастасьева и Г. Знаменской // Вопросы литературы. 1984. № 3. С 194–213.

Назаров П.В. Российские иммигранты в США в конце XIX – начале XX в. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2009.

Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. Дисс. … докт. ист. наук. М., 2007.

References

Efimov V.V. *Letopis' zhizni i deiatel'nosti A.V. Lunacharskogo (1917–1933): V 3 t.* [Chronicle of A.V. Lunacharsky's Life and Work (1917–1933): in 3 vols]. Dushanbe, 1991–1992. (In Russ.)

Grinev A.V. *Kto est' kto v istorii Russkoi Ameriki: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Who is who in the history of Russian America: an encyclopedic dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2009. 672 p. (In Russ.)

Katzis L.F. Vladimir Maiakovskii i russko-evreiskii N'iu-Iork [Vladimir Mayakovsky and Russian-Jewish New York]. *Maiakovskii prodolzhaetsia. Sbornik nauchnykh statei i publikatsii arkhivnykh materialov. (K 115-letiiu so dnia rozhdeniia poeta i 70-letiiu Gosudarstvennogo muzeia V.V. Maiakovskogo)* [Mayakovsky continues. A collection of academic essays and archival publications. (To the 115th

anniversary of the poet's birth and the 70th anniversary of Mayakovsky State Museum]. Issue 2. Moscow, Mayakovsky State Museum Publ., 2009, pp. 51–70. (In Russ.)

Kemrad S.S. *Maiakovskii v Amerike. Stranitsy biografii* [Mayakovsky in America. Biography pages]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1970. 270 p. (In Russ.)

Kudryavcev V.B. *Periodicheskie i neperiodicheskie kollektivnye izdaniya russkogo zarubezh'ya. 1918–1941. Opyt rasshirennogo spravochnika. Zhurnalistika. Literatura. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. Religiya. Voennaya i kazach'ya pechat': V 2 ch.* [Periodical and non-periodical editions of the Russian diaspora, 1918–1941. An experimental extended guide. Journalism. Literature. Arts. Humanities. Pedagogy. Religion. Military and Kossack Publishing]: in 2 parts. Moscow, Russkii Put' Publ., 2011. (In Russ.)

Maiakovskii V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: V 20 t.* [Complete Works], in 20 vols. Moscow, Nauka Publ., 2014. Vol. 2. 638 p. (In Russ.)

Maiakovskii V.V.: pro et contra. Antologiia. T. 2. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Maiakovskogo v otsenke sovremennikov i issledovatelei [Mayakovsky V.V.: pro et contra. An Anthology. Vol. 2: Mayakovsky's personality and works assessed by his contemporaries and researchers], ed. by V.N. Diadichev. St. Petrersburg, RHGA Publ., 2013. 840 p. (In Russ.)

Mendel'son M.O. Dve vstrechi [Two Meetings], publ. by N. Anastas'ev and G. Znamenskaia. *Voprosy literatury*, 1984, no. 3, pp. 194–213. (In Russ.)

Nazarov P.V. *Rossiiskie immigranty v SShA v kontse XIX – nachale XX v. Diss. kand. ist. nauk* [Russian Emigrants in the USA in the late 19th – early 20th century. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Ruchkin A.B. *Russkaia diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoi polovine XX veka. Diss. dokt. ist. nauk* [Russian Diaspora in the USA in the 1st half of the 20th century. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2007. (In Russ.)

V. Mayakovsky and *Rezets* literary group (New York)

Vladimir N. Dyadichev

Abstract: The paper describes the emergence and history of a short lived New York Russian literary group "Rezets" ("Cutter"). The group issued a magazine "Spartak" ("Spartacus") with the contributions by V. Mayakovsky and D. Burliuk. Its first and only issue published in October, 1925 is an extremely rare edition, absent in world's largest libraries and preserved only in a private collection. Published as an Appendix to the paper are Mayakovsky's poem *Shesterka* (The Six), Rezets Manifesto, and D. Burliuk's poems from the *Spartak* magazine.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, David Burliuk, New York Russian literary group "Rezets" ("Cutter"), *Spartak* [Spartacus] magazine.

Information about the author: Vladimir N. Dyadichev, PhD, Senior Research Assistant, RAS Gorky Institute of World Literature, Moscow. E-mail: dyaditchev@list.ru

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-179-196
УДК 821.161.1

К вопросу об авторстве стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…», или «Карлсбадский текст» в русской поэзии*

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Аннотация: В статье анализируется авторство стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…», распространявшегося в списках. Поддерживается версия о принадлежности этого шутливого произведения П.А. Вяземскому, что подтверждается новыми архивными фактами. Выявляются детали написания и распространения данного сочинения, его каламбурные подтексты; иллюстрируется контекст полемического диалога и культурный фон своеобразного «карлсбадского текста» в русской поэзии.

Ключевые слова: Карлсбад, русская поэзия, П.А. Вяземский, А.С. Голицын, атрибуция, архивные материалы.

Информация об авторах: Николай Леонидович Васильев, д.ф.н., профессор Национального исследовательского Мордовского гос. университета им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru;

Дмитрий Николаевич Жаткин, профессор, заведующий кфедрой Пензенского государственного технологического университета, Пенза, Россия. E-mail: ivb40@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П.А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)».

А там когда-нибудь – когда мой путь увянет
И мой портрет один останется по мне;
Пусть ласковая мысль меня при нем помянет
И мой отыщет след в Карлсбадской старине.
(П.А. Вяземский. «Хотя с заочным поздравленьем…»)

Австрийский, а ныне чешский курорт Карлсбад (Карловы Вары), расположенный в живописном лесном ущелье, являлся в прошлом излюбленным местом отдыха и лечения западноевропейской и русской аристократии, освоенным в 1705 г. князем Б.И. Куракиным, а в 1711–1712 гг. и Петром I.

Данный топос нашел отражение и в творчестве русских писателей[1], например, князя П.А. Вяземского, жившего здесь с женой, а иногда и с внучкой Е.П. Валуевой в 1852–1853 гг. и позже[2], оставившего дневниковые и поэтические следы своего пребывания в этом курортном месте: «Русской крылатой дружине» (сентябрь 1852), «Памятник Петру I-му в Карлсбаде» (23 апреля 1853), «Хотя с заочным поздравленьем…» (Прага, июль 1853 г.), «Карлсбад» (1858), «Очерки Карлсбада» (1858) и др.[3]

1

Грустные лирические ноты стареющей музы князя Вяземского в стихотворениях карлсбадского «цикла», как и в других его произведениях зрелых лет, соседствуют с юмористическими, а нередко и озорными аккордами. Так, вспоминая о приезде в курортный город семейства Пашковых с их прелестными юными дочерьми[4], он пишет: «Веселый круг счастливой молодежи, / Красавицы! Из свежих роз пригожий, / Живой венок! На празднике весны / Младые гостьи с ясной и беспечной / Улыбкою, с веселостью сердечной, / Порукою сер-

[1] См., напр.: *Кишкин Л.С.* П.А. Вяземский и Чехия // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 103–126; *Он же*. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М.: Наука, 1983; *Он же.* Чешские мотивы в русской литературе // Литературные связи славянских народов: исследования, публикации, библиография. Л., 1988. С. 58–79.

[2] См.: *Бондаренко В.В.* Вяземский / 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 535, 551.

[3] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 4. С. 377–379; Т. 11. С. 42, 62, 302–307.

[4] Ср. более позднюю запись, относящуюся к 1853 г.: «12–14 [июня]. Приехала Пашкова с своею *крылатою дружиною,* с своим мужем и сыном. Они из Парижа, а сын из Петербурга» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 56). Речь идет о семье флигель-адъютанта, директора Департамента внешней торговли М.В. Пашкова (1802–1863) и его жены М.Т. Пашковой, урожденной Барановой (1807–1887), у которых было 6 дочерей (Александра, Екатерина, Мария, Юлия, Леонилла, Ольга) и сын Николай. См.: *Федорченко В.И.* Свита российских императоров: В 2 кн. М.; Красноярск, 2005. Кн. 2: М–Я. С. 171; П.А. Вяземский: Неизвестный и забытый: Из поэтического наследия / Изд. подгот. П.Р. Заборов, Д.М. Климова. СПб., 2013. С. 174–176, 548 (прим.).

дечной тишины! / Свободных птиц **крылатая дружина** (здесь и далее полужирный шрифт наш. – *Н. В., Д. Ж.*). / Младая стая светлых, милых снов, / Жизнь, радость, блеск, поэзия, картина, / Волшебный мир, мир песней, мир цветов! / Давно ль вы здесь играли шумно, пели / И позабыв, что их прошла пора, / Давно ль при вас здесь старцы молодели / И нелюдимка, мрачная хандра, / Нечаянно и будто бы ошибкой, / Дружилась вновь с забытою улыбкой / И любовалася сквозь сумрак свой / На ваши игры, резвости и пляски, / На блеск лучей, на радужные краски, / Которыми сиял ваш легкий рой / И одевал действительность земную / В сон наяву, в поэзию живую?»; «И вас уж нет! **Карлсбад** осиротел; / Без вас **Карлсбад** замолкнул, опустел»; «Где вы теперь? Где празднуется младость, / Крылатых дней одушевленный Май?»; «А ваш **Карлсбад**! при вас живая сцена, / Где Петербург, Париж, Афины, Вена, / Берлин и Лондон, все на Русский лад / Вам вторили, – блестящий ваш **Карлсбад** / Теперь без вас вновь обращен в **больницу**, / Где, с грустью помня прежнее житье, / **Шлосбрунна пьем соленую водицу** / За здравие и ваше, и свое» («Русской крылатой дружине»).

Позже карлсбадский *хронотоп* с его *полукарнавальной* суетой снова навеял поэту грустные метафизические размышления о бренности жизни и превратностях дружбы: «Сегодня мы попутчики и братья, / А завтра нет его, или ея: / Друг другу чужды братские объятья / И каждого зовет тропа своя. // На том же месте новый мир встречая, / Других друзей отыщет наш привет / И спутник наш другой, или другая, / А об отставших и помина нет. // Назвать ли это благом иль несчастьем? / Но на водах такой уже обряд; / Когда ж вопрос рассмотришь с беспристрастьем / **И вся-то жизнь – не тот ли же Карлсбад**?» («Карлсбад»).

В трехчастных «Очерках Карлсбада» поэт описывает прелестные осенние пейзажи городка: «Увядающего года / Грустных признаков здесь нет: / Сберегла для нас природа / Лучших ласк своих привет. // День блистателен и жарок, / И тепла ночная тень; / Неба щедрого подарок / Нам на радость каждый день. // От подошвы до вершины / Зеленеют груды скал; / Между тополей рябины / Рассыпают свой коралл. // Кое-где из тени темной, / Ребра исполинских гор, / Камни толщею огромной / Перерезывают бор. // Быстрых вод веселым пеньем / Пробуждая берега, / Тепла мчится по каменьям / Мимо скал и сквозь луга. // Всюду жизнь, очарованье! / И по воздуху разнес / Свежих трав благоуханье / Запоздалый сенокос». Анатомирует повседневную, рутинную курортную скуку: «Жизнь в **Карлсбаде** беззаботно / Льется тихим ручейком; / Прозябательно, животно, / **По-карлсбадски** здесь живем. // Друг на друга дни походят, / Отмечаешь их едва: / Ноги и желудок бродят, / Но не бродит голова. // Нет задач головоломных, / Места нет

трудам, борьбе; / Мысль в размерах самых скромных, / Молча, мается в себе. // Тихо, бережно, piano[5], / Нас баюкает покой; / Рано ляжешь, встанешь рано / И пойдешь на водопой. // Пьешь иль **Мюль-брун**, или **Шпрудель**: / Вот забота! а потом / Ты, как ласточка, иль пудель, / Не заботься ни о чем. // По вершинам рыщешь смело, / Если крылья есть у ног; / Нет – так Визу[6] то и дело / Меришь вдоль и поперег[7]. // Вылитый в однообразность, / Здесь приносит каждый день / Поэтическую праздность, / Созерцательную лень». И, наконец, прощаясь с Карлсбадом, вспоминает, кажется, и о мимолетном курортном романе, сердечной привязанности: «Паровоз над темной бездной / Ночью мчится, как гроза, / А комета с тверди звездной / Прямо смотрит мне в глаза. // Два страшилища! пожаром / Рдеет та средь мирных звезд; / Здесь, клубясь огнем и паром, / Скачет наш ночной поéзд. // Я лечу! но вдруг увлекся / Мыслью в милый мой **Карлсбад**, / Спать еще он не улегся, / Хоть он спать ложиться рад. // На мосту народ толпится, / Жадно смотрит в небеса, / Где космато золотится / Девы огненной коса. // Души зрителей волнуют / Суеверье, темный страх; / Все по-своему толкуют / Чудный очерк в небесах. // Но, не вслушиваясь в сказки, / И мечтая, и шутя, / Тут же черненькие глазки / Щурит милое дитя. // И красавица гадает / В любопытстве молодом: / Что ей небо обещает / В ярком знаменьи своем? // Что ей скажет год кометы? / Даст ли жизнь сердечным снам / И отгадку, и ответы / Сердца тайным голосам? // Эти черненькие глазки / Так умны и хороши, / В них так много детской ласки, / Вдохновенья и души, – // Что, любуясь в них рассвету / Упоительной зари, / Забываю про комету, / Как она там ни гори».

2

Лирические откровения Вяземского о великосветской курортной жизни, иногда слишком личные, чтобы стать эстетически общезначимыми, особенно в эпоху «шестидесятников», вызвали пародийную реакцию поэтов-«искровцев».

В.С. Курочкин в язвительной «рецензии» на сборник Вяземского «В дороге и дома» (М., 1862) высмеял почтенного автора: «Мы заранее знаем, что будем путешествовать с комфортом, как путешествуют люди хорошего тона. Сперва мы заглянем в Европу… […] Повторяем: мы будем путешествовать как люди хорошего тона, тонко развитые и подготовленные европейским образованием и русским смиренномудрием к сочувственному наслаждению прекрасным божьим миром. Так путешествуют лучшие русские люди – аристократия ума, кротости чувств

[5] «Тихо» (итал.).
[6] Alte Wiese, или Старая Лоука, улица в Карлсбаде.
[7] Архаическое написание слова *поперек*.

и талантов. Наш поэт стихами, то благоухающими, то колкими, выразил в своей книге весь нравственный мир именно этих привилегированных людей. Жаль только одно: наш поэт несколько длинен в своем творении. По нашему мнению, весь заграничный отдел книги, составляющий добрую сотню страниц, можно бы поместить на каких-нибудь четырех-пяти страничках, в десяти-двенадцати строфах, вроде строф "Евгения Онегина"»: «[…] Ах, как мы славно, беззаботно / В Карлсбаде, русские, живем, / Так *прозябательно, животно...* / Жизнь льется тихим ручейком. / Проснулся: **мильбрун** пей иль **шпрудель**, / Да и гуляй себе, *как пудель,* / С закатом солнца спать, домой... / С утра опять на *водопой...* / Купаясь в животворной влаге, / Я ощутил такую лень, / Что вдруг стихи отправил в "День". / О чем, бишь?.. кажется, о Праге... / И, чая подкрепленья сил, / В Карлсбаде стал славянофил»; «Ехал из Карлсбада по железной дороге и засмотрелся на комету. Мысль увлекает меня в милый Карлсбад. Любуясь, с одной стороны, на милых карлсбадцев, с другой – на комету, я сочинил даже стихотворение»; «Двум следующим строчкам, вероятно, позавидует сам Бенедиктов: "Где космато золотится / Девы огненной коса"»; «Хорошенькая девочка загляделась на комету, и я мысленным оком пытался проникнуть в ребяческие мечты карлсбадянки»; «В Карлсбаде есть памятник Петру Великому. Написал стихи в честь памятника. Знаю, что за это достанется мне в Москве от славянофилов, да что ж делать – не мог утерпеть»; «А что за женщины в Карлсбаде! / И сколько барышень и дам! / Забыв мильбрун, в их каждом взгляде / Я пил целительный бальзам / И назвал их, всех до единой, / "Крылатой русскою дружиной", – / Затем что русские оне, / Вот что всего отрадней мне! / Мадрид, Афины, Вена, Лондон / Все с ними здесь на русский лад: / Все по-французски говорят / Такой уж ими русский тон дан. / Карлсбад, пленительный Карлсбад, / Ты русских женщин вертоград!»; «Отправил к одной русско-карлсбадской даме визитную карточку-портрет при стихах[8]. Стихи велел переписать и отправить для напечатания в Москву, в "Наше время"»[9].

[8] Ср. реальные обстоятельства, касающиеся адресата письма Вяземского – В.А. Голицыной, урожденной Столыпиной (ок. 1820–1853), сестры невестки поэта: «15 [июня 1853 г.]. Вчера узнал я о другой печальной смерти. Бедная княгиня Вера Голицына скончалась в Берлине. Когда я из Дрездена послал к ней, перед Светлым Воскресением, свой портрет со стихами, я имел какое-то минутное чувствие, что все это дойдет до нее не вовремя. И в самом деле, все это пришло в Берлин, когда она была уже отчаянно больна и, кажется, она ни портрета, ни стихов моих не видала. Давно ли была она в Константинополе в полном цвете здоровья, силы и красоты? Умер в Берлине и наш Русский священник, и к княгине Голицыной приезжал священник из Парижа» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 56).

[9] В гостях и дома. *Размышления по поводу книги: "В дороге и дома"* – собрание стихотворений князя *Вяземского //* Искра. 1862. № 39. С. 509–514; № 40. С. 522–528. См.: *Курочкин В.С.* Стихотворения. Статьи. Фельетоны / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. И.Г. Ямпольского. М., 1957. С. 558, 561–563.

Более тонкие ассоциации – случайные или неслучайные – с карлсбадскими мотивами творчества Вяземского содержатся в пародийном стихотворении «Нового поэта» И.И. Панаева «Far-niente» (1855): «В сельце **Валуевке** он тридцать лет живет, / В известные часы травник **целебный** пьет / И кушает всегда три раза в день исправно / С супругою своей Федосьей Ермолавной. / Он после трапезы курит обыкновенно, / Привычкам следуя лет сорок неизменно; / Зевает, кашляет, сморкается, плюет, / Приподнимается – и опочить идет... // От беспокойных мух прикрыв свой тучный лик, / Он погружается в огромный пуховик / И спит до вечера. И жизнь так льется плавно... / Придет его будить Федосья Ермолавна, / И он поднимется; отекшею рукой / Укажет на **стакан с** брусничною **водой /** И выпьет залпом всё; потом почешет спину / И отправляется лениво на крыльцо, / Чтоб освежить свое заплывшее лицо... / Меж тем на **водопой** пригнали уж скотину, / Уж солнце клонится к закату – и порой / Из саду вдруг пахнет накошенной травой. / Сквозь рощу темную огонь заката блещет, / И каждый лист сквозит и радостно трепещет...»[10]. Как известно, зятем Вяземского являлся граф, государственный деятель, литератор П.А. Валуев (1815–1890)[11], навещавший супругов Вяземских вместе с дочерью в Карлсбаде[12].

Между тем у Вяземского как певца заграничной курортной жизни было немало предшественников и адептов среди современников, включая весьма именитых, например: «Ищи в чужом краю здоровья и свободы, / Но Север забывать грешно, / Так слушай: поспешай **карлсбадские пить воды**, / Чтоб с нами снова пить вино» (А.С. Пушкин. Н.Д. Киселеву. 1828); «Или спешишь в **Карлсбад** здоровье освежать / **Бездельем**, воздухом, движеньем?» (Н.М. Языков. П.В. Киреевскому. 1835). Встречались, впрочем, и ироничные поэтические высказывания, помимо упоминавшихся ранее, например: «Но весь куш, что спрятан мной на путь возвратный, / Сбуду на дороге я в игре азартной / Немцам – и пешочком поплетусь к **Карлсбаду**: / Там, изнеможенный, прямо в **ванну** сяду / И, усевшись в ванну, в сильном нетерпеньи / Буду ждать доходов с моего именья» (Б.Н. Алмазов. Турист. 1859); «Двести лет тому назад / Соизволил

[10] Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. и общая редакция Б.Я. Бухштаба; сост., подгот. текста, биогр. справки и прим. Э.М. Шнейдермана. Л., 1972. С. 375–376.

[11] См., в частности: *Баскаков В.Н.* Валуев Петр Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. слов. Т. 1. М., 1989. С. 387–389.

[12] См. в записной книжке Вяземского (июль 1853 г.): «Во все эти дни, т.е. до нынешнего 8 числа, ничего особенного не было, кроме приезда Лизы Валуевой с отцом. Пробыв с нами двое суток, отправился он обратно в свое Митавское воеводство. Много чувств и грустных воспоминаний возбудило во мне свидание с ними […]» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 64).

царь родиться… / Раз, приехавши в **Карлсбад**, / Вздумал **шпруделя** напиться» (А.Н. Апухтин. По поводу юбилея Петра Первого. 1872); «От взора твоего пусть киснет шоколад, / Пусть меркнет день, **пусть околеет пудель**, / Мы молим об одном **—** не езди ты в **Карлсбад** – / Боимся убо мы, чтоб не иссякнул **шпрудель**» (А.Н. Апухтин. Молитва больных. 1872); «Как-то раз пред сонмом важным / Всех Богемских гор / Был со **Шпруделем** отважным / У **Мюльбрунна** спор» (А.Н. Апухтин. Спор. 1872). Не прошла мимо карлсбадского «хронотопа» и М.И. Цветаева: «– В Москву! – В **Карлсбад**! – / У меня оседает **зад**» («Крысолов», 1925).

3

Одно из примечательных произведений, связанных с Карлсбадом как знаковым местом, где культивировались *dolce vita* и *far niente*, – шутливое стихотворение «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…», авторство которого с некоторых пор нуждается в обосновании и комментариях.

В 1880 г. чиновник Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского, а по совместительству историк и библиограф, Н.Н. Голицын (1836–1893) издал собрание материалов о роде Голицыных, где упомянул в числе дилетантских сочинений своего тестя[13] князя А.С. Голицына (1789–1858) стихотворение «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…» (1853), «автограф которого находится в Императ. Публич. Б-ке. (Отчет ее за 1870 г., СПб., стр. 134)»[14] и процитировал его:

Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем!
Ложимся с Польками и с Польками встаем,
И спозаранку пьем горячие напитки.
Долой заботы все и умственные пытки!
Здесь принц, торгаш, барон, ремесленник, маркиз,
В различных образцах народы и сословья, –
Все ищут одного: здоровья да здоровья!
У нас одно в виду и занимает нас:
Мы лазим *по горам*, чтобы *сходить на низ*,
Мы ходим *три часа*, чтоб раз сходить *на час*!

А.С. Голицын являлся одним из младших сыновей воспетых Державиным в стихотворении «Осень во время осады Очакова» (1788) вельможи екатерининского времени С. Ф. Голицына и его

[13] Автор был женат на Евгении Александровне Голицыной (1852–1919), одной из дочерей А.С. Голицына от второго брака. См.: История родов русского дворянства: В 2 т. / Сост. П.Н. Петров. СПб., 1885. Т. 1. С. 191.

[14] Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н.Н. Голицыным. Киев, 1880. С. 143–144.

жены, был внучатым племянником по материнской линии Г.А. Потемкина и воспитанником И.А. Крылова, был знаком, в частности, с А.С. Пушкиным, К.Ф. Рылеевым, С. А. Соболевским. По словам Н.Н. Голицына, дружеские отношения связывали его с Вяземским: «В бумагах князя А.С. нами найден редкий литографированный портрет князя П.А. Вяземского […] с следующею подписью: “Витцлебен, чудно здесь твой смелый карандаш / Природу превзошел ей в подражаньи близком. / За старый подлинник и пфеннига не дашь, / А все любуются твоим удачным списком. // Дрезден. Март 1853. К. Вяземский”»[15]; «Подписано: На память о нашей старине К[нязю] Александру Голицыну. Карлсбад. 6 (18) июля 1853 […]»[16].

Действительно, Вяземский и Голицын были знакомы, по крайней мере, с 1818 г., когда оба служили в Варшаве. В своих записках первый вспоминал:

> Заключим длинную нашу застольную хронику рассказом о столовом приключении, которое могло кончиться и трагически и комически. Однажды проезжал из-за границы в Россию чрез Варшаву Петр Михайлович Лунин. С начала столетия и ранее был он очень известен обществам Петербургскому и Московскому. Его любили, а часто и забавлялись слабостями его. В числе их была страсть вышивать основу рассказов своих разными фантастическими красками и несбыточными узорами. Но все это было безобидно. Давно знакомый с Н.Н. Новосильцовым[17], Лунин заехал к нему. Тот пригласил его на обед. “Охотно, отвечал Лунин, но под одним условием: со мною ездит приятель мой и дядька (Лунин былъ тогда уже очень стар), позволь мне и его привезти”. Оказалось, что это был старый французский повар, кажется по имени Aimé, который долго практиковался в Петербурге и не без достоинства. Новосильцов посмеялся при такой странной просьбе; но, разумеется, согласился на нее. За обедом было только несколько Русских, в числе их **Александр Сергеевич Голицын** (один из младших сыновей известного князя Сергея Федоровича), полковник гвардейского

[15] См. также: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 27. В примечании говорится: «Факсимиле этого стихотворения было помещено под портретом Автора, писанном Витцлебеном и приложенном к X тому *Полного Собрания его Сочинений.* Под стихотворением означено: “Дрезден, март, 1853 г.” Впервые оно было напечатано в *Гражданине,* 1878, № 35, стр. 619» (С. 464).

[16] Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных… С. 144. Этот портрет с факсимильным воспроизведением автографа стихотворения поэта открывает 10-й том «Полного собрания сочинений» Вяземского.

[17] Н.Н. Новосильцев (1761–1838), в 1813–1815 гг. вице-президент временного совета, управляющего Варшавским герцогством, позже представитель Александра I при совете, управляющем Царством Польским, с 1821 г. советник наместника Царства Польского и доверенное лицо великого князя Константина Павловича.

> уланскаго полка. По волосам слыл он *рыжим Голицыным*. Он был любим в Варшаве и Поляками, и земляками. Отличался он некоторым Русским удальством и остроумием, мог много выпить, но никогда не напивался; а только, по словам *дорогих собутыльников* видно было, как пар подымается из рыжей головы его. Этот Голицын за обедом у Новосильцова отпустил какую-то шутку, направленную на Людовика XVIII-го. Это происходило в первые года реставрации. Сотрапезник-повар встает со стула и громко говорит: „Тот негодяй (так переводим мы крепкое французское выражение, употребленное поваром), кто осмеливается оскорбить священную особу короля. Я готов подтвердить слова свои, где и как угодно. Не первую рану получу я за короля своего". И тут же снимает он свой фрак, засучивает рукав рубашки и указывает на руку. Была ли получена эта рана от кухонного ножа или от шпаги, в достоверности неизвестно; но вызов был сделан в формальном порядке. Можно вообразить себе общее удивление и смущение. Голицын принимает вызов. Много стоило труда Новосильцову и некоторым из присутствующих, чтобы умирить эту бурю и уладить дело без кровопролития. Нечего и говорить, как много было бы несообразного и дикого в поединке русского князя, русского полковника с французским кухмистером. Вначале было не до смеха; но после много и долго смеялись этой застольной стычке[18].

В 1830 г. и, вероятно, позже Вяземский и Голицын обменивались письмами, причем на французском языке[19].

Еще одно упоминание Вяземским о старинном приятеле содержится в дневниковых записях 1853 г., касающихся пребывания в Карлсбаде: «18 [июня]. […] Вечером на Wiese музыка праздновала приезд князя Эстергази, бывшего посла в Лондоне. Приехал также граф Красинский, варшавская развалина, и **рыжий Голицын**, тоже обломок прежнего варшавского житья»[20].

Вернемся, однако, к указанию Н.Н. Голицына на авторство А.С. Голицына в отношении стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…». Свидетельства такого рода ненадежны; даже опытные литературоведы могут принимать на веру ошибочные представления родственников писателей о принадлежащих им произведениях, обнаруживаемых в домашних архивах в виде списков, – что произошло, например, с С.А. Венгеровым, приписавшим популярное анонимное стихотворение времен Крымской войны

[18] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 376–377.

[19] См.: РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 358–360. См. также письмо А.С. Голицына к П.П. Вяземскому от 28.XII.1846 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4138).

[20] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 57.

малоизвестному поэту В.П. Алферьеву (1823–1854) на основе информации жены последнего[21].

Вполне естественно, что новейший биограф *писателя* А.С. Голицына опиралась на сведения Н.Н. Голицына, конкретизировав их: «Из многочисленных стихов [А.С. Голицына] “на случай” известно “Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем” (1853), записанное на обложке изданного в Дрездене в том же году стих. Вяземского “Масленица на чужой стороне” (экз. хранится в ГПБ) и представляющего собой своеобразную сниженную параллель последнего»[22]. Заметим, что само по себе указание, что некто записал в *чужой*, подаренной ему книге какое-то стихотворение, скорее свидетельствует в пользу принадлежности подобного текста титульному автору. Но в данном случае для этого вывода есть и более серьезные аргументы!

Интересующее нас стихотворение обнаруживается в текстах «карлсбадской» записной книжки Вяземского, опубликованных в «Полном собрании сочинений» («Книжка 17» по нумерации издателей) с купюрами, в частности, было целиком опущено и стихотворение, вследствие чего оно и осталось архивным «артефактом», – на что в свое время обратил внимание славист Л.С. Кишкин: «В записной книжке за 1853 год запись от 4 июля, воспроизводящая текст письма к Толстому[23], прерывается шуточным стихотворением о жизни в Карлсбаде[24]. Оно не публиковалось, поэт, видимо, сознавал его несовершенство. Однако это стихотворение в какой-то мере воспроизводит жизнь и быт чешского курорта, окружавшую Вяземского обстановку, его настроение. Поэтому кажется уместным привести его [...]»[25].

---

[21] *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон…») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145.

[22] *Дмитриева-Маймина Е.Е.* Голицын Александр Сергеевич // Русские писатели... Т. 1. С. 606.

[23] О ком идет речь, Л.С. Кишкин не комментирует. Я.Н. Толстой (1791–1867) – литератор, эмигрант, живший в Париже, давний знакомый Вяземского.

[24] Ср.: «Здесь не до чтения. Здесь надобно жить жизнью животного, а не умственно. [**Опущенный текст стихотворения!**] Со всем тем Цареградские дела и нас озабочивают, и ждем с нетерпением развязки крупного вопроса. […] В бытность мою в Париже, я видел в канцелярии посольства маленькую французскую брошюру о *Святых Местах*, писанную, помнится, духовным лицом в нашу пользу. Нельзя ли мне прислать ее? У меня также чешется рука написать что-нибудь об этом, в ответ на брошюрку Пужула. Скоро кончу свой водопой и тогда принялся бы я за работу. […] Здесь бывший ваш посол граф Пален, и брат его космополит, и много других русских. Погода не очень нас балует, но мы не унываем и пьем да гуляем во всю Ивановскую» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 58–59).

[25] *Кишкин Л.С.* П.А. Вяземский и Чехия. С. 121.

Как видим, автор статьи ошибся, полагая, что данное стихотворение не печаталось ранее, но верно определил его статус как поэтической вставки в письме Вяземского – абсолютно органичной, развивающей прозаический зачин письма[26]. Исследователь, заметим, процитировал этот текст по архивному источнику с существенными неточностями[27]. И не увидел в «шуточном стихотворении» ничего предосудительного, кроме эстетического «несовершенства»… Как, кстати говоря, и Н.Н. Голицын, упомянувший, впрочем, о некоторой фривольности других сочинений А.С. Голицына.

4

Стихотворение, однако, содержит нескромные каламбурные подтексты, характерные для поэтики Вяземского, – вследствие чего, можно полагать, и не вошло в состав публикации «записной книжки».

Во-первых, это двусмысленность слова *полька*, так как в середине XIX в. оно стало употребляться и в значении модного светского танца с соответствующим музыкальным оформлением, – судя по всему, являвшемся регулярным сопровождением массовых утренних карлсбадских лечебных мероприятий (см. ниже воспоминания А.А. Фета)[28]. Ср., например: «Театр не тот уж вовсе стал – / И декораций переменой / Он обращен в громадный зал, / И отовсюду облит светом, / И самый пол его простой, / Хоть не совсем глядит паркетом, / Но всё же легкою ногой / По нем скользить, хоть в **польке** шумной, / Сумеют дамы…» (А.А. Григорьев. Встреча. 1846); «Порой салонный блеск, мазурка, **полька**, слезы, / Порою мрачный грот и томная луна…» (И.И. Панаев. «Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...». 1847); «Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! **Польку** станем танцевать» (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся. 1849); «Но, в **польке** мерно стукая ногами, / Куда глядит так пристально она?» (Е.П. Ростопчина. Цирк девятнадцатого века. 1850); «Гуляющие любовались морем и слушали прекрасную музыку. […] Я остановился послушать знакомые мотивы из опер

[26] См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1122. Л. 34–36 об.

[27] «Здесь принц, торгаш, [барон!], ремесленник, маркиз»; «В различных образах [?] народы и сословья»; «Мы ходим три часа, чтобы [?] сходить на час».

[28] «Живой и простой по форме, этот танец получил в начале 19 в. широкую популярность в Словакии, Сербии, Венгрии, Австрии; в 40-х гг. распространился по всей Европе как бальный танец» (Энциклопедический музыкальный словарь / Сост.: Б.С. Штейнпресс, И.М. Ямпольский. М., 1959. С. 212). Ср. также: «…один из наиболее популярных нац. чешских танцев. […] З. Неедлы предполагает, что слово "полька" означает "польская" […]. Согласно др. точке зрения, название происходит от чеш. půlka – "полшага"» (*Ляхова Т.Л.* Полька // Музыкальная энциклопедия: [В 6 т.]. М., 1979. Т. 4. Стб. 371).

и незнакомые **польки**, мазурки» (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855); «Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и **польки**, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи» (К.С. Аксаков. Опыт синонимов. Публика – народ. 1857). Уже в эти годы данные лексические омонимы начинают парадоксально совмещаться: «Жена любила все обряды / Великолепных светских дам, / Днем покупала всё наряды, / Скиталась ночью по балам. / Сперва ее пленила **полька**, / Потом подъехал знатный грек…/ Что ж было делать?.. / Плюнул только, / Как благородный человек» (Ф.А. Кони. Биография благородного человека. 1848).

Поводом для поэтического каламбура Вяземского могли быть не только варшавские воспоминания, но и, например, польские корни первой и второй жен А.С. Голицына – Каролины Станиславовны Ходкевич, урожденной Валевской (1778–1846) и Элеоноры Осиповны Заржицкой (1823–1895)[29], карлсбадское окружение обоих. Ср.: «23 [июня 1853 г.] Приехала из **Варшавы** m-me Сухозанет с своею красавицею племянницею»[30]. Каламбурная игра слов основана и на выражении *вставать/ложиться с петухами*[31], поговорке *с курами ложиться, вставать с петухами*. См. также в стихотворении «Очерки Карлсбада»: «Рано ляжешь, встанешь рано / И пойдешь на водопой».

Спровоцировать Вяземского на ритуальное для него острословие могла и память об игривом, тоже со стихотворной вставкой, письме А.С. Пушкина к нему (около 7 ноября 1825 г.), лишь однажды употребившего в своих текстах лексему *полька*[32]: «В глуши, измучась жизнью постной, / Изнемогая животом, / Я не парю – сижу орлом / И болен праздностью поносной. // Бумаги берегу запас, / Натугу вдохновенья чуждый, / Хожу я редко на Парнас / И только за большою нуждой. // Но твой затейливый навоз / Приятно мне щекотит нос: / Хвостова он напоминает, / Отца зубастых голубей, / И дух мой снова позывает / Ко испражненью прежних дней»; «Благодарствую, душа моя, и цалую тебя в твою поэтическую [- - - - -] – с тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал; при разборе новой

[29] См.: Русский биографический словарь: [Доп. материалы] / Сост. М.П. Лепехин. Т. «Гоголь – Гюне». М., 1997. С. 137.

[30] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 60.

[31] Ср., напр.: «…Теперь не праздничаем мы, – / Богаты важными трудами, / Не долго спим порою тьмы, / Встаем поутру с петухами…» (Н.М. Языков. К В[ульф]у, Т[ютчев] у и Ш[епелев]у. 1826).

[32] См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 3. М., 1959. С. 523.

пиитике басен и при посвящении [- - - - -] [- - - - -] твоего»; «Трагедия моя кончена; я перечел ее в слух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын! Юродивый мой, малой презабавный; на Марину у тебя [- - - - - - -] – ибо она **полька**, и собою преизрядна […]»[33].

Во-вторых, скатологические, низовые ассоциации, присутствующие в процитированном письме Пушкина, напрашиваются и в стихотворении Вяземского: «Мы лазим *по горам*, чтобы *сходить на* ***низ***, / Мы ходим *три часа*, чтоб раз **сходить** *на час*!», – с намеками на пищеварительные и выделительные функции организмов карлсбадских «туристов», активировавшиеся или, наоборот, затормозившиеся в результате сильнодействующих «водных» процедур, на затяжные коллективные пешеходные путешествия в условиях длительного «воздержания» от естественных потребностей человека («Ноги и желудок **бродят**»). Ср., например, следующую ироническую ремарку Вяземского: «13 [мая 1853 г]. Хотя на водах и запрещено заниматься делами, но всё не худо иметь всегда при себе в кармане *нужные бумаги.* Эта глупость напоминает мне анекдот Крылова, им самим мне рассказанный. Он гулял или, вероятнее, сидел на лавочке в Летнем саду. Вдруг … его. Он в карман, а бумаги нет. Есть где укрыться, а нет, чем ... На его счастье, видит он в аллее приближающегося к нему графа Хвостова. Крылов к нему кидается: „Здравствуйте, граф. Нет ли у вас чего новенького?" – Есть, вот сейчас прислали мне из типографии вновь отпечатанное мое стихотворение, и дает ему листок. „Не скупитесь, граф, и дайте мне 2–3 экземпляра". Обрадованный такою неожиданной жадностью, Хвостов исполняет его просьбу, и Крылов с своею добычею спешит за своим делом»[34].

Еще один провоцирующий каламбур в стихотворении связан с двуплановостью словосочетания «горячие напитки», имитирующего в контексте «разгульного житья» *горячительные* напитки и злоупотребление ими *спозаранку* до вечера; юмор основан на высокой температуре целебных термальных источников Карлсбада. При этом «более горячие источники назначаются людям с повышенной кислотностью и имеющим синдром **раздраженного кишечника.** Источники с более низкой температурой подходят людям с пониженной кислотностью и **страдающим запорами**»; «Источник № 1 "Гейзер" (72° С) – назначается для лечения ЖКТ. В Гейзерной колоннаде есть термальная минеральная вода температурой 30° С и 41° С – она

[33] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1996. Т. 13. С. 239–240.
[34] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 46–47.

оказывает **слабительный эффект**, 72° С – оказывает **скрепляющий эффект**, 57° С – **универсального действия**»; «Источник № 8 “Князя Вацлава II” (58 С) содержит большое количество глауберовой соли, оказывает на ЖКТ **слабительный эффект**»[35], – что связано с вышеуказанными подтекстами стихотворения Вяземского.

Вместе с тем сочинение Вяземского отличается относительно точными деталями, подтверждаемыми дневниковыми записями, – в отношении распорядка дня, прогулок, социально-сословного колорита карлсбадской публики: «Карлсбад, 12 мая 1853 г. […] Я встал в 6 часов. В $6^{1}/_{2}$ был на водах и ходил там до 8-ми. После отправился на Hirschensprung[36]. На дороге где-то вырезано на камне: *„plutôt être, que paraître”*. По-русски можно так перевести этот девиз: *„не слыть, а быть”*»[37]; «16 [мая 1853 г.]. Вечером ходили через горы за Hammer. Дорогою разговорился я с **плотником**, который живет в деревне, за час от Карлсбада, и каждый день оттуда отправляется в 5 часов утра, а в 7 к себе возвращается. Зарабатывает он в день 40 кр., из которых он 3 крейц. платит **подрядчику**»; «10 [июня 1853 г.]. Утром был у **баронессы** Stolzenberg, морганатической супруги **принца** Wilhelm von Anhalt-Dessau»; «19 [июня 1853 г.]. Приехала из Петербурга **маркизша** Castelbajac»[38]. Он подтрунивает и над социально-терапевтическим расслоением лечащихся, и над собой: «15 [июня 1853 г.]. Человеческое тщеславие всюду прокрадывается: я замечаю, что многие, которые пьют **Sprudel**, гордятся пред нами, смиренно пьющими **Schlossbrunn**»[39]; «24 [июня 1853 г.]. Может быть, я уже **перепил**. Костя Булгаков заболев, говорил о себе: я уже не человек, а **перепел**»[40].

Приведем также любопытное свидетельство о карлсбадской жизни другого видного поэта – А.А. Фета, относящееся к тому же времени:

> С раннего утра все на ногах. В пять часов у любого источника можете убедиться, что есть сотни людей, более вас хлопочущих

[35] Источники в Карловых Варах // https://www.sanatoriums.com/ru/karlovy-vary/istochniki.

[36] Скала «Олений прыжок» (нем.), ср. *Елений скок* (чеш.) – по названию скульптуры горной серны (лани), установленной в 1851 г.

[37] См. стихотворение «Plutôt être que paraître» («*Не слыть, а быть*. Но в свете часто…», 1853) – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 36–37.

[38] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 46, 48–49, 55, 57.

[39] «Главнейшие источники: 1) **Шпрудель** (Sprudel), бьющий над поверхностью бассейна фонтаном горячей струи в 73° и дающий в сутки 25.000 *гл* воды с 14.000 *кг* растворенной соли. […] 2) **Шлосбруннен** (Schloss-brunnen). […]» (*Гольдфайль Л.* Карлсбад // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Н.А. Семашко. М., 1930. Т. 12. Стб. 371–372).

[40] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 56, 60.

о восстановлении утраченного здоровья. […] Теплых ключей в **Карлсбаде** много, но главных, при которых выстроены галереи, четыре: Шлосс-брунн, Ней-брунн, Мюл-брунн и наконец перл и гордость Карлсбада – Шпрудель. В продолжение пятинедельного лечения больных заставляют обыкновенно перепробовать все температуры теплой воды, начиная со **Шлосс-брунна**, едва ли превышающего теплотой парное молоко, до **Шпруделя**, доходящего до шестидесяти градусов жару, который надо изловчиться пить, не обжигая рта. В первые дни вода ужасно противна, но потом привыкаешь. Утром, с шести до семи часов, в двух галереях – у Ней-брунна и Шпруделя **играют оркестры Лабицкого**[41], и, должно отдать полную справедливость, играют прекрасно. После восьми музыка умолкает, толпы гуляющих редеют у источников, цветочницы уносят нераспроданные букеты, и редко-редко какой-нибудь запоздавший пациент, морщась, давится горячею водою.

(А.А. Фет. Из-за границы: Путевые впечатления. 1856)[42]

5

Нам удалось выявить еще два списка этого стихотворения, также с указанием на авторство Вяземского[43]. Особенно интересен второй из них, являющийся запиской Вяземского, адресованной М.Ю. Виельгорскому (1788–1856), которому он посвятил в те же годы послание «Графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому. В день рождения»[44] и о котором упоминал в дневниковой записи 29 октября 1853 г. в Венеции[45]. В записке говорилось: «Графу Вьельгорскому в собственные руки по секрету. La mère en dèfendre la lecture à sa fille, et en demoiselle d'honneur – en gènèral»[46], а на обратной стороне было записано с некоторыми разночтениями уже известное нам стихотворение, причем с чьим-то указанием на перестановку одной из строк:

Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем:
Ложимся с польками и с польками встаем,
И спозаранку пьем горячие напитки.
Долой заботы все и умственные пытки!

[41] Й. Лабицкий (1802–1801), чешский дирижер и композитор.

[42] *Фет А.А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4. С. 39.

[43] РГБ. Ф. 103 (П.Я. Чаадаев, М.И. Жихарев (двоюродный племянник и наследник архива П.Я. Чаадаева)). К. 1034. Ед. хр. 4. Л. 1–1 об.; ИРЛИ. Ф. 50 (Виельгорские). Ед. хр. 214. Л. 1–1 об.

[44] См.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 222–223.

[45] «Всегда повязан был огромным галстухом, вероятно, в роде приятеля нашего Вьельгорского» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 76).

[46] Условно эту французскую фразу, являющуюся, вероятно, перифразой какого-то афоризма, можно вольно интерпретировать так: «С матерью – про книжки, с подругой – про интрижки».

Здесь принц, торгаш, барон, ремесленник, маркиз, (6)
В различных образцах народы и сословья,
Все ищут одного: здоровья да здоровья.
У нас одно в виду и занимает нас:
Мы лазим по горам, чтобы сходить на низ, (5)
Мы ходим три часа, чтоб раз сходить на час.
Карлсбад 1853.

Формально указание на изменение в порядке следования строк соответствует их идеальной парной рифмовке и делает стихотворение внешне более стройным. Однако в этом случае нарушается его смысловая структура: «Мы лазим по горам, чтобы сходить на низ, (5) / Здесь принц, торгаш, барон, ремесленник, маркиз, (6), / […] / У нас одно в виду и занимает нас: / Мы ходим три часа, чтоб раз сходить на час». Нарушается и изящный параллелизм *пространства* и *времени* в заключительных строках, а также фигура единоначатия. Перед нами пример диалектического преодоления консервативных законов *формы* парадоксальным диктатом *содержания*. «Рифмовка» смыслов, лексических и синтаксических элементов оказывается не менее важной, чем классическая парная рифма. Можно предположить, что сам поэт возвращался мысленно к доработке шутливого сочинения, но предпочел оставить данный текст в первозданном виде.

Сделаем выводы. Стихотворение «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем…» вышло из-под пера П.А. Вяземского, о чем свидетельствует письмо поэта к Я.Н. Толстому; оно органично вписывается в контекст биографии и творчества автора. Произведение распространялось, вследствие своей каламбурной фривольности, исключительно в дружеском, мужском окружении писателя (А.С. Голицын, Я.Н. Толстой, М.Ю. Виельгорский, П.Я. Чаадаев). Список этого сочинения сохранился, в частности, на обложке оттиска стихотворения Вяземского «Масленица на чужой стороне» (Drezden, 1853), подаренного им А.С. Голицыну, что подвигло родственников последнего приписать поэтические шалости одного князя другому.

Литература

Баскаков В.Н. Валуев Петр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 387–389.

Бондаренко В.В. Вяземский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2014. 680 с. (ЖЗЛ)

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон…») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145.

Вяземский П.А. Неизвестный и забытый: (Из поэтического наследия) / Изд. подгот. П.Р. Заборов, Д.М. Климова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 624 с.

Дмитриева-Маймина Е.Е. Голицын Александр Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 606–607.

Кишкин Л.С. П.А. Вяземский и Чехия // Славянские страны и русская литература. Л.: Наука, 1973. С. 103–126.

Кишкин Л.С. Чешские мотивы в русской литературе // Литературные связи славянских народов: исследования, публикации, библиография. Л.: Наука, 1988. С. 58–79.

Кишкин Л.С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исследования, сообщения. М.: Наука, 1983. 368 с.

Ляхова Т.Л. Полька // Музыкальная энциклопедия: [В 6 т.] / Гл. ред. Ю.В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1979. Т. 4. Стб. 371.

Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Б.Я. Бухштаба; сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Э.М. Шнейдермана. Л.: Советский писатель, 1972. 541 с.

Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Подгот. текстов и коммент. И.С. Абрамовской, Н.П. Генераловой, В.А. Кошелева. СПб.: Фолио-Пресс – Атон, 2007. Т. 4. 555 с.

References

Baskakov V.N. Valuev Petr Aleksandrovich. *Russkie pisatel'i. 1800–1917: Biographicheskii slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaia Entsiclopedia Publ., 1989, pp. 387–389. (In Russ.)

Bondarenko V.V. *Vyazemskiy*, 2nd ed. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2014. 680 p. (In Russ.)

Dmitrieva-Maimina E.E. Aleksandr Sergeevich Golitsyn. *Russkie pisatel'i. 1800–1917: Biographicheskii slovar'.* [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaia Entsiclopediia Publ., 1989, pp. 606–607. (In Russ.)

Fet A.A. *Sochinenia i pis'ma* [Works and Letters], in 20 vols., eds. I.S. Abramovskaia, N.P. Generalova, V.A. Koshelev. St. Petersburg, Folio-Press Publ., Aton Publ., 2007. Vol. 4. 555 p. (In Russ.)

Kishkin L.S. Cheshskie motivy v russkoi literature [Czech motives in Russian literature]. *Literaturnye sv'azi slav'anskih narodov: issledovaniia, publikatsii, bibliografiia* [Literary connections of Slavonic peoples: Studies, publications, bibliography]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 58–79. (In Russ.)

Kishkin L.S. P.A. Viazemsky i Chekhiia [P.A. Viazemsky and Czechia]. *Slav'anskie strany i russkaia literature* [Slavonic countries and Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 103–126. (In Russ.)

Kishkin L.S. *Cheshsko-russkie literaturnye i kulturno-istoricheskie kontakty* [Czech-Russian literary, cultural, and historical contacts]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 368 p. (In Russ.)

L'ahova T.L. Polka. *Muzykal'naia entsiklopediia* [Encyclopedia of music], in 6 vols., ed. Ju.V. Keldysh. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1979. Vol. 4, pp. 371. (In Russ.)

Poety 1840–1850 godov [Poets of the 1840–1850s], eds. B.Ja. Buhshtab, E.M. Shneiderman. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1972. 541 p. (In Russ.)

Vasilyev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stihotvoreniia "Na nyneshn'uiu voinu" ("Vot, v voinstvennom azarte, voevoda Pal'merston…") [On the authorship of the anonymous poem "On the Present-day War" ("Here is the Belligerent Commander Palmerston…")]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 1, pp. 133–145. (In Russ.)

Viazemsky P.A . *Neizvestnyi i zabytyi: Iz poeticheskogo naslediia* [Unknown and forgotten: From his poetic legacy], eds. P.R. Zaborov, D.M. Klimova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013. 624 p. (In Russ.)

On the authorship of the poem "Our Rampant Lifestyle in Karlsbad…", or the "Karlsbad text" in Russian poetry

Nikolay L. Vasilyev, Dmitriy N. Zhatkin

Abstract: The paper deals with the authorship of the anonymous poem "Razgul'noie zhit'io v Karlsbade my ved'om..." that had been circulating in manuscript copies, and supports the assumption that this poetic joke was created by P.A. Vyazemsky – the hypothesis that is being confirmed by some new archival data. The paper dwells at some length on the details of creation and circulation of the poem, its punning implications and overtones and illustrates cultural background and polemical context of the specific "Karlsbad text" in Russian poetry.

Keywords: Karlsbad, Russian poetry, P.A. Vyazemsky, A.S. Golitsyn, M.Yu. Vielgorsky

Information about the authors: Nikolay L. Vasilyev, Doctor Hab. of philology, Professor, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Dmitriy N. Zhatkin, Doctor Hab. of Philology, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia. E-mail: ivb40@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-197-256
УДК 821.161.1

«Крест над вьюгой»: Философ Александр Горский — о поэме Александра Блока «Двенадцать»*

А.Г. Гачева

Аннотация: Статья и публикация вводят в научный оборот разбор поэмы А.А. Блока «Двенадцать», сделанный философом, эстетиком, поэтом Александром Константиновичем Горским (1886–1943). Статья, сохранившаяся в архиве Горского, состоит из двух частей, и первая ее часть была прочитана в качестве доклада в Одесском литературно-артистическом обществе 23 января 1919 г. Горский представляет Блока как поэта-мыслителя, облекающего рефлексию о человеке и истории в художественные формы, доказывает органическую связь поэмы «Двенадцать», которую он рассматривает как «лирическую драму», со всем блоковским творчеством, демонстрирует, как в ней претворяется тема «Вечной Женственности» и ее трагедии в эмпирическом мире, анализирует звучащую в поэме тему «подмены», бессилия революционного действия перед лицом природных стихий (маркером этой темы становится для него лейтмотивный образ «вьюги» и «ветра»). В отличие от тех, кто увидел в «Двенадцати» апологию большевизма, Горский показывает, как в форме непрямого высказывания Блок демонстрирует неполноту и дробность социального идеала большевиков. Образ Христа, появляющийся в финале поэмы, Горский трактует как «камень», который должен лечь в фундамент целостного идеала, нового, совершенного строя жизни. Только Христос, утишавший бури, воскрешавший умерших, дает импульс к подлинному социальному действию. «Двенадцать» преследуют Христа, но преследующий всегда невольно идет за преследуемым. И значит преследователи могут превратиться в последователей, преобразиться из «Савлов» в «Павлы». Предисловие к публикации дает сведения о биографии и наследии А.К. Горского, представляет историю обращений философа к творчеству А.А. Блока.

Ключевые слова: философ и поэт А.К. Горский, поэма А.А. Блока «Двенадцать» как «лирическая драма», дробный и целостный идеалы, трагедия «Вечной Женственности», мотивы «ветра» и «вьюги», образ Христа.

Информация об авторе: Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01432.

В свое время поэт А.Н. Тихонов называл свои тексты, так и не увидевшие печати, погребенными «в могиле стола». Эпоха, последовавшая за русской революцией 1917 г., явила множество таких текстов, созданных как творцами Серебряного века из числа оставшихся в Советской России, так и теми, кто пришел в литературу в предреволюционное или революционное время, но не смог или не захотел втиснуться в прокрустово ложе большевистской идеологии, диктовавшей свои правила и в жизни, и в литературе. Стихи, поэмы, рассказы, романы, философские эссе и статьи сбрасывались «в могилу стола» без всякой надежды когда-нибудь выйти в печать… Многие из этих текстов не пережили катаклизмов истории: одни были конфискованы при арестах и пропали безвестно, погибнув в кострах Лубянки, другие затерялись в годы войны, третьи в эпоху относительного благополучия были вынесены на помойку легкомысленными потомками, расчищавшими себе место для жизни. Но были и те, что сохранились – поистине чудом.

Один из таких чудом сохранившихся текстов мы представляем читателю. Неопубликованный доклад философа, поэта, эстетика Александра Константиновича Горского (1886–1943) о поэме Александра Блока «Двенадцать», прочитанный им на заседании знаменитого одесского ХЛАМа холодным январским днем 1919 г., а затем расширенный в статью, которую в разрухе военного времени автору так и не удалось пристроить в печать. Рукопись пережила три ареста. После гибели Горского в Тульской тюремной больнице кочевала с архивом мыслителя от его жены, певицы М.Я. Монзалевской к духовным ученицам философа О.Н. Сетницкой и Е.А. Крашенинниковой, тем самым «девочкам», что в начале войны донесли идеи философа «общего дела» Н.Ф. Федорова, до Б.Н. Пастернака[1]. Когда же и они, выросшие, прошедшие свой путь и состарившиеся, ушли в мир иной, рукопись оказалась в сарае дома Крашенинниковых в Ашукинской и хранилась там среди других материалов архива Горского несколько лет. Настоящее чудо, что снег и дождь, проникавшие через крышу сарая, пощадили две хозяйственных сумки, в которые были сложены материалы архива.

Скажем о самом авторе этого текста. Выпускник Московской духовной академии, одушевленный идеями русского религиозно-философского возрождения, Горский не пошел по церковной стезе, на чем настаивал тогдашний ректор еп. Феодор (Поздеевский),

[1] См. об этом: *Семенова С.Г. Философ будущего века* – Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. С. 547–552; *Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья*: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. С. 589–601.

проча ему блестящую карьеру и скорое епископство в Петербурге. В 1911 г., по благословению одного из старцев, живших в Черниговском скиту близ Троице-Сергиевой лавры, двадцатичетырехлетний Горский ушел в мир[2], повторив в своей биографии ситуацию, созданную Достоевским в романе «Братья Карамазовы», где старец Зосима благословлял Алешу Карамазова идти из монастыря на христианское делание за пределами церковных стен.

Скрещение жизненного сюжета с литературным, впрочем, было не удивительно. Для деятелей Серебряного века «Братья Карамазовы» стали своего рода Библией: они вышли из последнего романа Достоевского, как писатели натуральной школы – из гоголевской «Шинели». Горский исключением не был. Достоевский с юности являлся его кумиром. Как и два другие современника Достоевского – Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев. Горскому была близка одушевлявшая их идея истории как «работы спасения», вера в человека как соработника Творца, не раба, но сына, от которого Господь ожидает творческой активности и любви. И в мир молодой философ и богослов ушел не для поклонения Ваалу, не для жизни «в свое пузо»[3], а для раскрытия в нем его подлинного, Божьего лика, для служения делу спасения мира, «восстановлению его в то благолепие нетления, каким он был до падения»[4], как писал тот же Федоров.

Алешу Карамазова, любимого героя Достоевского, воплотившего в себе тип «положительно-прекрасного человека», Горский напоминал и характером (радостным, светлым, не унывающим, несмотря на превратности жизни), и складом ума, и горячностью сердца. «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»[5] – эти слова Алеши стали и его жизненным девизом. Он был тем самым «реалистом» «в высшем смысле», в котором, по слову Достоевского, «не вера от чуда рождается, а чудо от веры»[6]. Хотя, с точки зрения одномерного лужинского «реализма», твердо стоящего на прагматической почве, имеющего свои незыблемые представления о «нормальности», Горский, безусловно, попадал в разряд «юродивых» и «чудаков». Добавим: впрочем, тех чудаков, которые, по замечанию

[2] Этот поворот биографии Горского описан в очерке его биографии, сделанном О.Н. Сетницкой (*Сетницкая О.Н.* Александр Константинович Горский // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого).

[3] Выражение Ф.М. Достоевского (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 51.

[4] *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401.

[5] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 25.

[6] Там же. С. 24.

Достоевского, носят в себе «сердцевину целого», в отличие от «остальных людей» эпохи, которые «все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались»[7]. Такими «чудаками» в начале XX в. были и деятели Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний, стремившиеся к диалогу между Церковью и интеллигенцией, и идеологи «нового религиозного сознания» З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, одушевленные идеалом «Третьего Завета» между Богом и человеком, и члены Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, носившиеся с идеей «христианской общественности». И Андрей Белый, который юным студентом выбегал на балкон арбатского дома, чтобы созерцать свою «Сказку», имевшую, как и Блоковская «Прекрасная Дама», вполне земной прототип, создатель ни на что не похожих «Симфоний», на полном серьезе ходивший за Новодевичий монастырь искать кентавров и позднее, в эпоху штейнерианства, пытавшийся в одиночку вести духовную брань с «драконом войны»[8].

С Белым Горский сойдется гораздо позднее – в первой половине 1920-х гг., когда поэт приедет из Берлина в Москву и два «рыбака», друг друга увидевшие издалека, будут вести «весьма интересные беседы о разных вещах, довольно диких для окружающей публики»[9]. Но помимо этих «диких вещей», внятных только «чудакам», для которых каждое событие жизни прочитывалось метафизически, окрашивалось вневременным смыслом, выводилось в план сверхреальности, в пространство апокалиптической схватки сил света с полчищами «князя века сего», Горский и Белый касались и блоковской темы, интимно близкой и другу-сопернику Блока, и критику и философу, заболевшему Блоком еще в далекой юности, а теперь – члену Ассоциации по изучению творчества Блока, образовавшейся в начале 1924 г. при ГАХН.

От момента окончания Московской духовной академии, обозначившего крутой вираж в жизни Горского, до дня вхождения в Ассоциацию прошло четырнадцать лет. Он живет то в Москве, то в Петербурге, даже некоторое время слушает лекции на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (мечта посвятить себя литературе зародилась еще в академический

[7] Там же. С. 5.

[8] См.: *Брюсов В.Я.* Дневники. 1891–1910. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 134; *Белый А.* Материал к автобиографии (интимный) / Публ. *Дж. Малмстада* // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.: Открытое общество «Феникс», 1992. С. 409–449.

[9] А.К. Горский – М.М. Шкапской. 7 мая 1924 // РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 26 об.

период его биографии). Сближается с поэтом, публицистом, бывшим священником И.П. Брихничевым, одним из лидеров движения голгофских христиан, учивших, в духе другого «положительно прекрасного» героя Достоевского – старца Зосимы, о всеобщей ответственности за грех и зло мира и о необходимости всеобщего объединения для полной победы над грехом, злом и смертью, вошедшей в мир в результате греха. Голгофцы интересовались идеями Федорова, находя у него близкий им пафос христианского делания, идею богочеловеческого сотрудничества, призыв дополнить индивидуальное спасение спасением всеобщим, соборным. Подобно философу всеобщего дела, подчеркивали, что «христианство – активная сила», оно требует деятельного уподобления Христу-Воскресителю, наполняет смыслом историю, которая становится путем к Преображению, «к тому состоянию, когда, по слову апостола, – будет Бог все во всех»[10].

И.П. Брихничев, издатель журнала «Новая земля» (1910–1912) и еженедельника «Новое вино», начавшего выходить в конце 1912 г. и запрещенного после третьего номера, стремился собрать на страницах этих изданий голоса мыслителей и поэтов, причем особенно важным считал сотрудничество А.А. Блока и Н.А. Клюева[11]. Горский, захваченный Блоком с юности, понимал и разделял отношение главного редактора «Новой земли» к его поэзии. Еще в 1906–1912 гг. в своих записных книжках, стилизованных в духе Серебряного века под настоящие книги – с титульным листом, заглавием и псевдонимом «С. Рокустин», он обращался к блоковскому наследию. А его первый сборник стихов «Глубоким утром» (Москва, 1913) был пронизан художественным влиянием Блока, что не преминули отметить рецензенты – одни сочувственно, другие – иронично и даже несколько зло[12].

Сильнейшее впечатление на Горского произвело письмо Блока Брихничеву от 26 августа 1912 г., написанное в ответ на призыв

---

[10] *Брихничев И.П.* Огненный сеятель. М.: Н.И. Дорофеева, 1913. С. 22.

[11] Об истории сотрудничества Блока и Н.А. Клюева в газете И.П. Брихничева «Новая Земля» (1910–1912) и контактах Брихничева и Блока см.: *Азадовский К.М.* [Вступительная статья]. Письма Н.А. Клюева к Блоку // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 446–450. О «голгофских» мотивах поэзии Клюева см.: *Серегина С. А*. Н.А. Клюев и голгофское христианство: к истории вопроса // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 468–483.

[12] См.: *Перцов П.* Утренняя книжка // Новое время. 1913. 17 августа. Иллюстрированное приложение; Г.В. [Г. Вяткин]. Рец. А. Горностаев. Глубоким утром. Издание Н.И. Дорофеевой. Москва, 1913 // Сибирская жизнь. 1913. 18 июня. № 132. Георгий Иванов, которому сборник Горского категорически не понравился, раздраженно замечал: «Стихи А. Горностаева – неумелое и бездушное подражание романисту Блоку» (День. Литературное приложение. 1913. 21 октября. № 285).

последнего высказаться на страницах «Нового вина» о программе журнала и творчестве Н.А. Клюева. В 1922 г. Горский опубликует это письмо в еженедельнике «Сегодня» с собственным комментарием, где заметит, что «под маской спокойствия, сквозь страшную сдержанность тона, чувствуется в письме неимоверная душевная напряженность, биение какой-то огромной, не высказываемой (и не высказанной покуда) мысли»[13]. Блок отказался от сотрудничества в «Новом вине», подчеркнув невозможность делать хоть какое-то «общее дело» в мире, разделенном на клетки, где каждый способен делать лишь свое собственное, маленькое, «одинокое дело»[14]. Эта разделенность единого полотна человеческого рода на локальные сегменты, невозможность объединиться и согласиться в чем-то одном, на которую горестно сетовал еще Достоевский[15], а значит (в отсутствии внутреннего согласия, внутренней готовности личности соединиться с другими, отличными от нее «я») и абсолютная невозможность «делать *общее дело* <…> с кем бы то ни было»[16], по убеждению Горского, составляло главную коллизию Блока-художника и Блока-мыслителя. При этом сам поэт, казавшийся слишком большой вершиной и слишком самобытной величиной, чтобы снизойти к какому-то коллективному действию, на самом деле стремился к единству – но совершенно другого масштаба, чем то, которое предлагали деятели типа Брихничева. Блок мечтал о единстве, переходящем за грани эмпирического и человеческого, о единстве, образ которого предстал в молитве Спасителя накануне той ночи, с которой начался Его путь на Голгофу: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21).

«Может быть, я говорю так потому, что соединение и связь мыслю такими несказанными и громадными, какие редко воплощаются в мире»[17]. Эти слова Блока Горский полагал ключом к его мысли и творчеству, равно как и к пониманию трагедии поэта, не находящего в век всевозможных объединений, больших и малых, творческих

[13] *Горностаев А.К.* [*А.К. Горский*]. Голос из клетки. Неизданное письмо А.А. Блока // Сегодня. № 2–3. 3–10 октября. С. 4.

[14] [Письмо А.А. Блока] // Там же.

[15] «Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Всякий откладывает все, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 80).

[16] [Письмо А.А. Блока] // Сегодня. № 2–3. 3–10 октября. С. 4.

[17] Там же.

и общественных, политических и религиозных, такого, в котором он не чувствовал бы стреноженности, идеалы которого мог бы до конца отождествить со своими.

В 1912 г. ответить поэту лично Горский не мог. В отличие от Брихничева, у него не было с Блоком никаких эпистолярных контактов. Впрочем, и сам Горский, как и Блок, не стремился отождествляться с голгофцами, что выразил в собственном письме Брихничеву, которое под заглавием «О кличках (Из братской переписки)» было помещено во втором номере «Нового вина»[18]. У молодого философа была своя собственная траектория, которая строилась на творческом синтезе идей Федорова, Достоевского, Соловьева, на христианстве, понятом активно и творчески. Историософский пессимизм и катастрофизм в духе К.Н. Леонтьева, равно как и пассивная, боязливая, спрятавшаяся за обрядовым частоколом вера христианского обывателя были ему не просто чужды: они казались злой насмешкой над Божьим замыслом того, кто вечно враждует с Христом. И в горьком, граничащем с презрением слове Блока, прозвучавшем в том же 1912 г.: «И так давно постыли люди, / Уныло ждущие Христа… / Лишь дьявола они находят… / Их лишь к отчаянью приводят / Извечно лгущие уста», он находил выражение собственных мыслей и чувств.

Внутренний диалог с Блоком Горский начал в стихах сборника «Глубоким утром» (М., 1913). Свою первую поэтическую книгу он готовил, уже перебравшись в Одессу, где получил место преподавателя духовной семинарии и гимназии. На десять лет судьба свяжет его с этим городом. В культурную жизнь Одессы он вливается быстро, становится членом литературно-артистического общества, выступает с докладами о русской литературе, принимает участие в поэтических вечерах. В журнале «Южный музыкальный вестник» в 1915–1916 гг. появляются его статьи, посвященные проблемам синтеза искусств. В 1918 г. он уже ведает отделом поэзии в журнале «Южный огонек» и создает в городе Религиозно-философское общество.

«А.К. Горностаев» – такой псевдоним избрал себе Горский – вошел в круг современников как философский критик и «поэт мысли», последователь державинско-тютчевско-соловьевской поэтической линии, продолжатель традиции философской лирики XIX столетия, обогащенной достижениями символистской поэзии. Символ Горский понимал религиозно – как врата в ту

[18] *А.К.* [*А.К. Горский*]. О кличках (Из братской переписки) // Новое вино. 1913. № 2. С. 9–10.

сверхприродную, чаемую реальность, которая в перспективе времен должна охватить собой мир, преображая его в Царствие Божие. Чтобы это преображение состоялось, необходим первый пророческий шаг, и сделать его нужно поэзии. Свой собственный шаг Горский и делает в сборнике с говорящим названием «Глубоким утром», давая образ предрассветного чаяния, образ земли, готовой к встрече с Христом, Солнцем мира. Следуя вехам Новозаветной истории, он выстраивает словесно-образный ряд таким образом, что становится ясно: евангельские события – не далекое прошлое, они совершаются здесь и сейчас, воспроизводятся каждое мгновение человеческой жизни – и с ним, поэтом Горским, и с его современниками, и с миром, который, как и девятнадцать веков назад, ждет своего Спасителя и чает Слова Истины, обетования вечной, нескудеющей Жизни. Подобно Ф.М. Достоевскому, В.С. Соловьеву, С. Н. Булгакову, поэт и философ видит лучи софийности, пронизывающие бытие, тот образ Божий, что почил на творении, не оставляя его даже в послегрехопадном, смертном теченье времен, в природной красоте провидит красоту будущего преображенного мироздания:

<…> Глубоким утром – много мира
Струится с полусонных трав. <…>

<…> Глубоким утром – сдвинут камень
И сад цветами убелен.

Глубоким утром – небо ново,
Земля омыта и тиха,
Глубоким утром – все готово
Приять виденье Жениха.

Не только это программное стихотворение, выделенное из поэтического корпуса книги и вынесенное на отдельную страницу за титулом, пронизано блоковскими мотивами, образами, интонациями. След увлечения Блоком ощутим во многих текстах молодого поэта. Но если у Блока религиозные образы (Чаши, Причастия, Богоматери, Невесты Агнца...) зачастую выходят далеко за пределы евангельского канона, то Горский, в котором богословская закваска сидела крепко (все-таки он был сыном священника, хоть и пошедшим по иной дороге, – лишь внешне светской, на деле глубинно религиозной), берет эти образы в их изначальном, евангельском смысле, но стремится показать весь объем этого смысла, далеко не всегда внятный тем, кто считают себя христианами. Новый завет для мыслителя – пророче-

ство о преображении мира – в Царство Христово, которое отнюдь не отнесено в дали будущего, но творится здесь и сейчас.

Таким же пророчеством, по мысли Горского, должно стать и искусство. Он солидарен с Владимиром Соловьевым, видевшим назначение творчества в том, чтобы стать «переходом и связующим звеном между красотою природы и красотою будущей жизни»[19]. И, подобно Соловьеву, не ограничивает пределы искусства только предвестием и пророчеством, выводя его к задаче «пресуществления» жизни, подчеркивая необходимость расширить символистскую теорию творчества, выдвигая лозунг: от созерцания «высшей реальности» к преображению жизни по законам этой реальности. «Символизм <...> не может и не должен довольствоваться единомыслием и единочувствием, но хочет и требует единодействия»[20]. Задача искусства, как и других областей человеческой практики, от политики и экономики до педагогики и медицины, не просто воспринять и нести благую весть о «новом небе и новой земле», но и в синергии с Творцом прямо содействовать ее воплощению.

В 1913 г. Горский в сотрудничестве с Брихничевым задумывает сборник памяти Федорова. Он хочет ввести учение «всеобщего дела» в контекст современности, представить в кругу проблем, волнующих его собратьев по поколению. А главное – бросить в мир прямой призыв к действию. Название сборнику – Вселенское Дело» – дало блоковское стихотворение «Из городского тумана» (1903), где появляется символическая фигурка исхудалого ребенка (Христа), несущего в руках «стебель Вселенского дела» и призывающего на бой и молитву. Но если в финале стихотворения Блока призыв к действию рассеивается в пространстве без отклика и «слабый и хилый ребенок» в конце концов вынужден будет понять: «Невозможно!», то Горский не погашает, но подхватывает детский призыв, такой юродивый, такой нелепый для мира, привыкшего жить «в свое пузо». «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, – соединяйтесь!»[21], – такой всеобъемлющий лозунг стремится вбросить он в современность вместо знаменитого лозунга Коммунистического манифеста о соединении пролетариев. В духе Федорова смещает акцент с «вопроса о богатстве

[19] *Соловьев В.С.* Общий смысл искусства // *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 398.

[20] Вместо предисловия // *Горностаев А.* [А.К. Горский]. Глубоким утром. М.: Н.И. Дорофеева, 1913. С. X.

[21] От редакции // Вселенское дело. Вып. 1. Одесса: Тип. Венске и Любек, 1914. С. VIII.

и бедности» (который разделяет людей на имущих и неимущих, на «имеющих миллион» и его не имеющих, а потому жаждущих отнять сей миллион у тех, кто имеет) на «вопрос о смерти и жизни», напоминающий о бытийном единстве рода людского, ибо смертны и Ротшильд, и последний бедняк, и монархист, и демократ, и русский, и немец, и француз, и китаец.

Сборник «Вселенское дело» стал для Горского своего рода публичным ответом Блоку, убежденному в том, что ныне нельзя делать «общее дело» «с кем бы то ни было», попыткой донести до поэта и его современников целостный, всеобъемлющий идеал – такой, которому, по словам героя Достоевского, хотелось бы «не выставлять языка»[22]. Однако судьба сборника оказалась плачевной. Насмешница история переиграла молодых энтузиастов, чаявших, что им удастся повернуть ее ход. Сборник вышел перед Первой мировой войной, и когда она разыгралась, типография, в которой печаталась книга, была закрыта властями (на беду ее владельцем оказался германский подданный). В результате тираж книги погиб, и лишь несколько десятков экземпляров, полученных из типографии и разосланных составителями тем, кому они успели эти книги послать, в сущности, увидели свет.

Призыв к единению в борьбе со смертью, «последним врагом» человека, прозвучавший в редакционном предисловии к «Вселенскому делу», остался гласом вопиющего в пустыне. Мир на несколько лет ввергся в кровавую мясорубку войны, дойдя до последнего предела розни, а затем восставшие рабочие и матросы, вдохновляемые большевистскими идеологами, вознесли на штыках и знаменах все тот же «вопрос о богатстве и бедности», утверждая его решение залогом свободы. Рознь, впрочем, от этого не уменьшилась. На первых страницах работы «Рай на земле», посвященной творчеству Достоевского, над которой Горский работал в 1918 г., когда власть в Одессе переходила из рук в руки: от большевиков к немцам, от немцам к Петлюре, от Петлюры к Антанте, философ, апеллируя к образам Достоевского, заговорил о «раскачке, какой мир еще не видал, чему не было примера в истории. Огромный, могучий народ, как ошалелый, бросается вниз головой, испытывая адское наслаждение собственной гибелью. Все и всё погибают. Язва растет и подвигается, как саранча. <…> Мы попали в роковой вихрь-круговорот безудержного самоотрицания и саморазрушения»[23].

22 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 120.

23 *Горностаев А.К.* [*А.К. Горский*]. Рай на земле: К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Харбин: б. и., 1929. С. 3 (Работа, изданная в Харбине в 1929 г. Н.А. Сетницким, была написана в 1918 г.).

Главный вопрос, который теперь занимает мыслителя: «Вокруг чего завился этот вихрь?»[24]. Симптомом чего, какого процесса является сама революция? Ответ не заставляет себя ждать: русская революция – симптом болезненного, мучительного рождения «русской идеи». Народная душа «мечется», «мучится, и места себе не находит»[25]. Революция и есть эта судорога боли, крик нестерпимой, чудовищной муки. И важно понять – каким будет исход.

Размышляя о муках явления в мир русской идеи, сопоставляя Россию с апокалипсическим образом «Жены, облеченной в Солнце», кричащей от «болей и мук рождения» (Откр. 12, 2), Горский обращается к творчеству Блока. 9 ноября 1917 г., спустя две недели после октябрьского переворота, он делает в литературно-артистическом обществе доклад «Красная тайна. Россия в поэзии Александра Блока». На совершающийся исторический сдвиг пытается взглянуть сквозь призму идей и образов Блока. Для Горского Блок-поэт – не только певец Прекрасной Дамы и «Незнакомки», как зачастую воспринимают его культурные обыватели. Это художник-мыслитель, напряженно размышляющий об истории, ее путях и распутиях, срывах и тупиках, ищущий путей к преодолению трагедии. Подобно Пушкину, он обладал объемным, всевмещающим зрением, и в этом смысле неоконченная поэма «Возмездие» подобна пушкинскому «Онегину»: творческое сознание здесь обнимает огромные пласты бытия, жизни, истории, как власть имеющее вторгается в современность, рождает свое слово о времени, о двадцатом веке, вдвинувшемся в эпоху почти апокалипсических катастроф.

В «Воспоминаниях о Блоке», которые в 1923 г. будут печататься в журнале «Эпопея», Андрей Белый назовет Блока апокалиптиком. Горский об апокалиптичности Блока заговорил еще в 1917 г. До создания «Двенадцати», «Скифов», статьи «Интеллигенция и революция»... Рассматривая дореволюционную поэзию Блока, он показал, как врывается в нее тема всемирной катастрофы, как нарастает в блоковских циклах тревога, крепнет ощущение «кризиса любви», в котором «сокровенный корень общего кризиса жизни»[26]. И заговорил о новом образе Родины, предстающей у Блока не матерью, не ветхой старушкой, но апокалипсической Невестой, говорящей «Приди» (Откр. 22, 17), уводящей «сквозь красный костер – в голубой простор», зовущей пройти «чрез испытание пожара», наследуя

24 Там же.

25 Там же.

26 *Горностаев А.К.* [*А.К. Горский*]. Красная тайна. Россия в поэзии Александра Блока // Южный огонек. 1918. № 16. С. 10.

«новую, небом просквозившую землю», создавая на ней новое искусство и «новые формы жизни»[27].

Смогут ли современники, пленившиеся идеалом дробным, ущербным, распознать эту ущербность и дробность, найдут ли в себе силы и мужество расслышать в «музыке революции» апокалипсическую тему преображения, пробиться к подлинному образу будущего? Горский видит здесь сердцевину проблемы. Если это произойдет, то пути истории выправятся и революция окажется чем-то подобным горячке, в которую впала теща апостола Петра и которую Христос исцелил единым касанием.

Для самого Горского образ будущего был связан с манифестацией того идеала, который еще полвека назад вынашивал в каталожной Румянцевского музея «идеальный библиотекарь», «Московский Сократ» Н.Ф. Федоров. Именно Федоров с его идеей вселенского, а не только социального действия, с его утверждением человека как деятеля и соработника Творца, призванного к преображению мира в Царство Христово, с его идеалом «братотворения», тесно связанного с «усыновлением», с любовью к отцам и Богу отцов, а не голого «товарищества» без «сыновства» и «отечества», по мысли Горского, полагает основания той «русской идеи», которой чревата Россия и которую она может и должна предложить всему миру.

Образ того, как народная душа оказывается подхваченной и захваченной революционными вихрями, как простой люд в своем стремлении к правде и жажде действия откликается на призыв покончить с буржуйской собственностью, как соблазняется вседозволенностью («Запирайте етажи, / Нынче будут грабежи»), как срывается в гнев и убийство, как стреляет – горячечно, беспорядочно – в темноту, где притаился неведомый враг, не подозревая, что этот враг гнездится не вне, а внутри, спустя несколько месяцев после Октябрьского переворота был дан А.А. Блоком в поэме «Двенадцать». Как уже говорилось выше, 23 января 1919 г. на заседании Одесского литературно-артистического общества Горский сделает доклад об этой поэме, дав ему символическое название «Крест над вьюгой». Поэму, которую многие современники Блока поспешили объявить апологией революции, он прочитывает как лирическую драму, главной темой которой является тема «подмены», «лжеидеала». Но эта «подмена» явлена Блоком отнюдь не в финальном образе Христа, идущего впереди шеренги красноармейцев, который, как утверждали споривше о поэме, есть вовсе не образ Христа, но Антихриста, – нет, она явлена в сюжете убийства Катьки. В образе Катьки Горский

[27] Там же. С. 12.

видит сниженную, травестированную вариацию образа Прекрасной Дамы, Вечной Женственности, соловьевской «Подруги Вечной», подобно тому, как редуцирован этот образ в образе «картонной невесты» из «Балаганчика». Убитая Катька, «падаль на снегу» – такой же символ «крушения мечты о новой жизни», как «картонная кукла» наверху «белого катафалка» (образ, возникший в статье А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма»[28]). А вторым маркером темы подмены является приглашающий возглас, звучащий в многоголосии улицы: «Гуляй, ребята, без вина!», который сопоставляется Горским со словами лирической драмы «Король на площади»: «Во всем мире больше нет вина»[29]. Это «больше нет вина» – синоним «богооставленности», недаром евангельский образ «нового вина» соотносится с темой преображения, с образом Царствия Божия.

Однако Блок, по мысли Горского, вовсе не выступает в «Двенадцати» апостолом отчаяния и безнадежности, подобно певцам «мировой скорби» XIX в. и их продолжателям-подражателям в Серебряном веке. Поэт-интеллигент ищет выхода, причем ищет его вместе со своими героями, символизирующими народное целое, с этими двенадцатью, которые составляют говорящее «апостольское число». Они плутают во тьме, не видя ни зги, они прислушиваются к шорохам и стреляют в темноту и пургу, не понимая, кто впереди них, но, *преследуя* Неведомого, тем самым невольно *следуют* за ним. Ведомые Христом, идущим впереди их шеренги, обретают возможность выйти на настоящие, а не подменные пути жизни. Это Савлы, которые в будущем могут стать Павлами.

Интерпретирует Горский и символический образ вьюги, гуляющей по пространствам поэмы, как разгуливает она по пространствам лежащей в разрухе страны, по пространствам мира, скованного зимней стужей. Это образ стихии, находящейся вне истории, губящей равно правого и виноватого, бедного и богатого, как сгубила она в свое время города Лиссабон и Мессину, которые вспоминает Блок в программном стихотворении «Скифы». Перебрасывая мост от этого стихотворения к поэме «Двенадцать», философ напоминает упрек Блока людям культуры и цивилизации, интеллигентам, упражняющимся в любомудрии и изощренном плетении словес, в то время как подземная сила грозит обрушиться и обрушивается

[28] *Блок А.А.* О современном состоянии русского символизма // Аполлон. 1910. № 8. С. 24.

[29] *Блок А.А.* Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. СПб.: Шиповник, 1908. С. 50.

на человеческий мир, сметая, как карточный домик, умные создания техники и инженерии, оставляя бесчисленные жертвы, сея смерть и страдание. Блоковскую статью «Стихия и культура», написанную по поводу землетрясения в Мессине 1909 г., Горский считает своеобразным ключом к «Двенадцати» и «Скифам». Вопрос о путях истории и формах социального действия заостряется философом в вопрос об отношении человека к природе. Человечество бессильно «*перед трусом, гладом и мятежом* – и мразом, конечно, и хладом, и ветром – вообще перед стихией…»[30]. Может ли быть прочен «светлый пир труда и мира», когда над миром царствует вьюга? Способна ли революция, устраняющая социальную несправедливость, справиться с несправедливостью стихии, не знающей ни политических пристрастий, ни общественных иерархий, ни державных границ? Так ли неуязвимо строительство социальное, если по-прежнему правят свой бал стихия и смерть?

Заслугу Блока Горский видит в бесстрашном обнажении этих вопросов, в том, что поэт волей-неволей приводит имеющих очи и уши к выводу Федорова – о необходимости борьбы со стихией, о регуляции природы, которая должна быть таким же следствием революции, как и строительство экономики, политики, социальной жизни. И невольными глашатаями темы борьбы со стихией становятся в его поэме вот эти «двенадцать», символически представительствующие за народ. Пусть они не формулируют эту идею сознательно, но в них действует «верный инстинкт». Самый жест выстрела в пургу – своего рода протест против хаоса, против «князя власти воздушной», и эти жестом они, сами того не подозревая, «сдаются Христу»[31], обладающему подлинной властью над стихиями мира.

Публика, собравшаяся январским вечером 1919 г. на доклад Горского, услышала лишь первую его часть. Вторая, содержащая разбор финала поэмы, тогда так и не прозвучала. Озвучить ее Горский смог лишь в Москве куда переехал в 1922 г.[32] В московскую жизнь он влился столь же стремительно, как десятилетием ранее в жизнь Одессы. И столь же неотступно сопровождал его образ поэта, годом ранее уже переступившего земную черту. На протяжении всей жизни Горский жалел, что ему так и не удалось встретиться

[30] *Горский А.К.* Крест над вьюгой (о «Двенадцати» А.А. Блока) // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

[31] Там же.

[32] Судя по материалам, сохранившимся в Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого, вторая часть статьи была использована Горским для составления доклада о Блоке, прочитанного в Москве в 1922–1923 гг.

с Блоком. Когда осенью 1923 г. в Москве возник блоковский кружок, он стал деятельным его участником, а после того, как кружок вошел в ГАХН, превратившись в Ассоциацию по изучению творчества Блока, выступал там с докладами, участвовал в прениях[33]. Доклады о Блоке Горский в 1920-е гг. читал и на других площадках, московских и петербургских[34], и в одном из них, сохранившемся в архиве лишь в отдельных фрагментах, он вернулся к теме финала «Двенадцати». В отличие от доклада-статьи «Крест над вьюгой», относящегося к 1919 г., когда Одесса находилась под властью «белых», в красной Москве Горский уже не мог открыто критиковать «дробный» идеал большевизма, однако делал это непрямо – призывая строящих новый мир к расширению взгляда на революцию, к онтологической и космической точке зрения, меняющей всю перспективу вещей. Носителем такой точки зрения он и объявлял Блока, подчеркивая, что поэт «подстрекал искать космического ритма, космического сдвига в стихийных раскатах революции»[35].

Задачу расширить не только этический, но и онтологический масштаб социального действия Горский ставил не в одиночку. Его друзья, философы Н.А. Сетницкий и В.Н. Муравьев были одушевлены той же задачей. Муравьев еще в начале 1920 г., споря с Л.Д. Троцким, указывал на разность масштабов, которые задаются истории деятелями религиозно-философского ренессанса и идеологами большевизма, на то, что Третий Интернационал не что иное, как оскопленный, секуляризованный Третий Рим и необходим новый идеал теократии, в котором «мыслители» станут «деятелями» и деятели – «пророками-строителями по образцу вождей древности, полагавших основы древних культур и царств»[36]. А Н.А. Сетницкий работал над созданием концепции идеала, согласно которой по-настоящему воплотим может быть только абсолютный, целостный идеал, идеалы же дробные, не дотягивающие до него по объему, по цели, по средствам, изначально обречены на провал[37].

---

[33] Согласно протоколам Ассоциации по изучению творчества Блока, Горский сделал два двухчастных доклада – «О цикле “Мэри”» (14 мая, 4 июня 1925) и «Блок и Гоголь» (24 и 31марта 1927) // ГАРФ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 1, 39–43, 49–50; Ед. хр. 58. Л. 34–39.

[34] 31 мая 1927 г. в письме Н.А. Сетницкому Горский сообщил о докладе, прочитанном им в Ленинграде «в присутствии всех петербургских блокистов». Доклад, как следует из письма от 26 августа 1927 г., был посвящен, как и один из гахновских докладов Горского, теме «Блок и Гоголь» (Литературный архив Музея национальной письменности. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.27).

[35] *Горский А.К.* [Фрагменты доклада 1922–1923 гг. о «Двенадцати» А.А. Блока] // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

[36] *Муравьев В.Н.* Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 351.

[37] Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 160–182.

Средоточием *совершенного* действия Горский полагал фигуру Христа. Христос – для него Кормчий истории и Центрообраз искусства: «Только им измерит себя до конца человек»[38]. Мысленно ставя перед собой этот образ, Горский в 1920-е гг. пишет цикл апокалиптических поэм, выдвигая в центр образы «тысячелетнего Царства Христова», «нового неба и новой земли», философский трактат «Огромный очерк», в котором развивает идеи «Смысла любви» Владимира Соловьева, и богословский трактат «Смертобожничество» (совместно с Н.А. Сетницким). Завершает работу «Н.Ф. Федоров и современность» и задумывает большую книгу о Л.Н. Толстом. А когда в 1929 г. его арестовывают и отправляют в лагерь на Медвежьей горе, ставший с началом репрессий, по выражению А.А. Мейера, «столицей русской интеллигенции»[39], то и там, несмотря на обстоятельства, он демонстрирует абсолютную внутреннюю свободу. Как вспоминал историк Н.П. Анциферов, сидя на нарах, Горский уговаривал его «произвести работу духа»[40] и сам сохранял в сердце ясную радость. Принципом действия в условиях жесткого государственного прессинга стала формула, впервые прозвучавшая в разборе «Двенадцати» Блока: «Преследуют, значит научатся следовать».

Именно в лагере поэт и философ начал работу над поэмами на евангельские сюжеты «Двое» и «Ночь Никодима», памятуя свой собственный тезис: «Всякий художник вынуждается ныне силою вещей стать *Евангелистом*»[41]. А когда пришло освобождение и в конце 1930-х он поселился в Калуге, блоковская тема снова придвинулась к нему вплотную, тем более что на 1940 г. падал шестидесятилетний юбилей со дня рождения Блока.

Очередным текстом, упокоившимся «в могиле стола», стала статья к 60-летию автора «Скифов». Заявляя, что «Блок считал себя обязанным стоять на ветру времен, у окна в будущее»[42], что он в полном смысле слова «наш современник», Горский, опираясь на образы поэта-символиста, пытался расширить мировоззренческий и духовный охват «поколения строителей социализма». Он честно старался придать статье «благонамеренный» вид, однако религиозно-философские «концы» спрятать не получилось и до печати статья не дошла.

[38] *Горский А.К.* Организация мировоздействия // *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 183.

[39] Это высказывание А.А. Мейера приводит в своих мемуарах Н.П. Анциферов (*Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 386.

[40] Там же. С. 378.

[41] *Горский А.К.* Организация мировоздействия. С. 183.

[42] *Горский А.К.* А.А. Блок. К 60-летию со дня рождения // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

Развитие блоковской темы ушло в тексты писем, адресованных «Оле и Кате», О.Н. Сетницкой и Е.А. Крашенинниковой. А еще в «Песни без недомолвок» – оригинальный поэтический цикл, в котором Горский «дописывал» стихотворения русских классиков, то внутренне полемизируя с ними, то «проращивая» зерна заложенных ими смыслов, то достраивая фундаменты начатых зданий[43].

«Жизнь без начала и конца. / Нас всех подстерегает случай». Горский не раз цитировал начало блоковской поэмы «Возмездие», привлекая внимание к следующим далее строчкам: «Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы…», видя в них апологию творчества, которое собирает мир, одновременно просветляя его. Однако в 1943 г. подстерегающий случай настиг и автора статьи «Крест над вьюгой». Новый арест, а затем смерть от голода в тюремной больнице оборвали полет творческой мысли Горского. «Могила стола» обернулась могильной насыпью на Тульском городском кладбище, над которой супруга философа, певица М.Я. Монзалевская, Мэри, образ которой Горский внутренне соотносил с героиней одноименного цикла Блока, «пела воскресительные романсы»[44].

Статья «Крест над вьюгой» печатается по рукописи, хранящейся в Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Рукопись и некоторые материалы к ней хранятся в папке, сделанной из тетрадной обложки, на которой красно-синей ручкой выведено заглавие: «Крест над вьюгой (О «Двенадцати» А. Блока). Листы, на которых писался текст, разнородны. На первом листе в левом верхнем углу рядом с заглавием обозначено количество страниц: «58 стр.», однако сама рукопись не пронумерована. Первая часть доклада представляет собой черновую рукопись, вторая часть сохранилась в черновике и части беловика. Ряд страниц в оригинале отсутствуют. Часть из них была обнаружена в папке «Блок 1940», содержащей материалы к статье о Блоке 1940 г., а часть обнаружить не удалось.

Подчеркнуто «блоковское» название статьи опирается на фрагмент статьи Блока «Искусство и газеты», где говорится о «видении Креста» «над стихией», возникающем в момент бури. Именно этот образ, появившийся у Блока за 6 лет для создания

---

[43] Комическое как врата вечного»: А.К. Горский. Песни без недомолвок / Вступ. ст., подгот. текста, публ., примеч. *А.Г. Гачевой* // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 418–498.

[44] Из рассказа О.И. Святловской (запись А.Г. Гачевой. Ноябрь 2008).

«Двенадцати», Горский считает ключом к поэме. Другая аллюзия, которую порождает название, – заглавие лирической драмы «Роза и Крест» и содержащийся в ней фрагмент «Крест горит над вьюгой», который цитируется в статье. Также источником образа стало знаменитое издание «Двенадцати» с рисунками Ю. Анненкова, вышедшее в 1918 г. в издательстве «Алконост». В финале поэмы под последними строками, где возникает «видение Христа», Анненков помещает абрис креста, в линиях которого угадывается фигура идущего человека.

Как уже было сказано, вторая часть статьи позднее была использована Горским в докладе о Блоке, с которым он выступил в 1922–1923 г. в Москве. Об этом свидетельствует правка на рукописи, сделанная черными и зелеными чернилами. Правка акцентирует тему регуляции природы, управления погодой, актуализированную неурожаем и голодом 1920–1922 гг. Кроме того, финал рукописи, сохранившейся в архиве Горского, также, по всей вероятности, относится не к 1919, а ко времени подготовки московского доклада.

При публикации частично сохранены особенности орфографии и пунктуации подлинника.

Александр Горский

КРЕСТ НАД ВЬЮГОЙ
(О «Двенадцати» А. Блока)

I

Все «читатели резко делятся на два лагеря: на бегущих от лирики и проклинающих ее – и на заколдованных лирикой» – вот что давно подметил автор «Двенадцати» (еще в предисловии к первому изданию «Лирических драм»)[1]. Думается, что и теперь в отношении читателей к новым, неслыханным по силе лиризма созданиям величайшего лирического поэта наших дней резко обозначились те же два лагеря: не политических, конечно, даже не эстетических, но *психологических*. Любопытно и то, что *психология* первых, *бегущих* и *проклинающих*, имеет за собой свое какое-то оправдание, да и не так уж, в сущности, она далека от настроения вторых, которые, м<ожет> б<ыть>, и рады были бы бежать и проклясть – да некуда, да поздно… они… *заколдованы*.

А сам поэт, судорожно восклицающий:

Молчите, проклятые книги,
Я вас не писал никогда…[2]

он, не знающий куда скрыться от вызванного им «страшного мира», он, кидающий головные и горькие упреки – музе:

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любови цыганской короче
Были страшные ласки твои…[3]

о – трудно иногда сказать, в котором лагере он сам…

Песни будит уснувшую бурю – лирические волны упираются в шевелящийся *хаос*[4]. Имя этому *хаосу* – *бескрылое желанье* – самое страшное, проклятое состояние души – и разве наконец не вправе сколько-нибудь благоразумные читатели сказать о каждом лирике поэте то же, что Сальери о Моцарте:

---

[1] *Блок А.А.* Предисловие // Блок А.А. Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. СПб.: Шиповник, 1908. С. 10.

[2] Финал стихотворения Блока «Друзьям» (1908).

[3] Цитата из стихотворения Блока «К Музе» (1912).

[4] Реминисценция на стихотворение Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836). Ср.: «О, бурь уснувших не буди, / Под ними хаос шевелится».

Что пользы в нем! Как некий херувим
Он *несколько* занес к нам песен райских,
Чтоб возбудив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, – после улететь[5],

И разве может поэтому хоть один искренний и глубокий лирик на минуту отделаться от острого, падкого чувства вины пред теми, кому звучит его песнь, – вины и обязанности. Он ежечасно тревожно ждет, что ему скажут:

«Ты разбудил в нас *желание*, так дай же ему *крылья*; ты дал осязать в волнах своих мелодии, ослепляющее видение (вызвал)

День беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно блаженный, как рай[6].

Так укажи же *пути* в этот рай, пути ясные, для всех доступные».

И Блок издавна смиренно сознает (что долго еще):

Надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути[7].

И как заметно растет у него это сознание. В [1]908 году в упомянутом предисловии к лирическим драмам Блок еще пытается как-то (очень неумело) замести след, как-то скрыть (от себя или от читателей?) истинное положение дела.

«Лирика, – заявляет он там, – не принадлежит к тем областям художественного творчества, которые *учат жизни*. В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, – уединенной. Переживания эти обыкновенно сложны – хаотичны… Самое большее, что может сделать лирика, – это обогатить душу и усложнить переживания; она даже далеко не всегда обостряет их, иногда наоборот притупляет, загромождая душу невообразимым хаосом и сложностью…

Между тем всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы – указания жизненного пути?!..»[8]

[5] Цитата из «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).
[6] Цитата из стихотворения Блока «Ты – как отблеск забытого гимна…» (1914).
[7] Финал стихотворения Блока «Балаган» (1906).
[8] *Блок А.А.* Предисловие. С. 9, 10. Цитируя, Горский комбинирует фрагменты из начала и середины текста.

И поэт *уклоняется* от ответа на вопрос – можно ли, нужно ли связывать – эти две вещи – лирику – и жизненный путь – строительство жизни…

А вот теперь – 10 лет спустя – что пишет Блок в предисловии к своим поэмам 1918 года?.. Какая задача теперь его увлекает?

– «Что задумано?» – спрашивает он и отвечает:

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, скучная, грязная, безобразная жизнь наша стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью»[9].

Вот чему служит лирика.

Она не учит жизни – да? Она делает большее: она *строит* жизнь…

Не создать лишь несколько райских песен она должна – а переделать все – весь ад окружающей жизни превратить в рай.

Да, хочет или не хочет певец – вернее – сознает или не вполне, или совсем не сознает, *чего* ему хочется, но это так: всякая лирическая песнь уже есть бессознательный (или полуосознанный) *проект* – преображения – безобразной жизни в прекрасную, лирическая тема – это зерно какого-то творческого *плана*, какого-то общего, хорового, литургического, перестраивающего всю жизнь *действия*.

Вот почему, когда Блок порывается к переустройству жизни, то этим самым он – ничуть не изменяет своей глубинной природе, своему долгу – лирика; наоборот, до конца последовательно его проводит. Певец хочет стать Орфеем, зиждителем Жизни – он мог бы теперь сказать о себе словами Баратынского:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел –
И жизни даровать, о лира,
Твое согласье захотел[10].

Тут важно сразу разъяснить одно курьезное недоразумение, в которое вечно впадали и впадают многие, размышляя об отношении искусства к жизни[11]. Жизнь? Строительство жизни? А, понимаем! – слышны голоса, сочувственные или насмешливые – все равно. – Ну да, это значит, в поэзию, в лирику должна врываться так называемая

[9] Цитата из статьи А. Блока «Интеллигенция и революция» (1918): *Блок А.А.* Россия и интеллигенция (1907–1918). М., 1918. С. 34.

[10] Финал стихотворения Е.А. Баратынского «В дни безграничных увлечений…» (1831).

[11] Далее зачеркнуто: «(впал, например, Мережковский в своей полемике с Блоком по этому как раз поводу несколько лет назад)».

«политика», так называемая «общественность» – ну вот все то, что наполняет газету. Жизнезиждительная лирика – это – очевидно! – лирика политическая – ну, патриотическая – ну, гражданская, ну, там революционная, рекламная, наконец!.. Вот и надо раз навсегда успокоить. Нет, нет – совсем не о том речь. Почему? Да именно потому, что как раз политика – все, что *теперь* зовется этим именем, – никакого отношения к строительству жизни не имеет. Или, точнее сказать, она в мирном течении или бурном кружении жизненных стихий – играет точно такую же роль, как муха, *сидящая* на рогах, – ну, не только сидящая, а иногда очень жужжащая, хлопочущая, суетящаяся возле рогов пашущего вола или взбесившегося быка.

Именно так всегда ощущал это Блок. Вот что некогда писал он в газетной статье, так и озаглавленной «Искусство и газета»:

«Искусство не имеет ничего общего с политикой, даже не враждует с ней, потому что миры искусства, до сей поры никогда в мире вполне не воплощавшиеся, относятся к политике приблизительно так же, как море относится к кораблю. Говорю, конечно, не о содержательном отношении, и указываю только масштабы.

По морю плывет рыбак в Исландию или “Титаник” в Америку – все равно. Это маленькая цивилизация, в которую вкраплены, как всегда, бриллианты великих культур. Поднимается буря или встречается ледяная гора, – это неизвестная стихия, *подобная* стихии искусства, до сих пор не исследованная даже мировыми гениями, которые – даже величайшие из них – были несовершенными сравнительно “инструментами Божества”, не могли, отвлеченные, как все люди, заботами, услышать *весь* голос стихий.

В минуту бури или столкновения с ледяной горой над морем – над стихией возникает *видение Креста*, как в бретонских легендах. Это – религия, которая исполняет предчувствием и мирит со стихией»[12].

«Поэты, – говорил Гоголь, – берутся не откуда-нибудь из-за моря, но исходят из своего же народа. Это огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его.

Они разнесли *благозвучие* по русской земле. Благозвучие не такое пустое дело, как думают те, которые не знакомы с поэзией. Под благозвучие как под колыбельную песню убаюкивается народ-младенец еще прежде нежели может входить в значение слов самой пес-

[12] Статья Блока «Искусство и газета», которую цитирует Горский, впервые была напечатана в газете «Русская молва» 9 декабря 1912 г.

ни, и нечувствительно сами собой стихают и умиряются его дикие страсти»[13].

И сейчас звенит эта песня – нежно сопровождающая первые шаги, дикие, страстные, разбойные шаги просыпающегося народа младенца. Все одна и та же, все одна и та же загадочная, волшебная, за сердце хватающая песня:

Ревет ураган,
Поет океан –
Кружится снег,
Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Сдайся *мечте невозможной*,
Сбудется что суждено!
Сердцу закон непреложный
Радость – страданье – одно!

Что ж эта песня значит?
Объясни мне:
Как радостью страданье может стать, –
Ты знаешь песню… Что сказать мне больше?
Мне… *брезжит смысл* – но ум простой и темный
Всей светлой глубины постичь не может…[14]

Радостью страданье *может* стать? Обставший нас кошмар и позор претвориться *может* в счастье и в гордую славу?

Это кажется выше всякого разумения. Но очевидно – это так, раз *могла* возникнуть такая песня – и нам, околдованным, убаюканным, умиренным ее *благозвучием*, – предстоит еще войти в значение слов самой песни – вглядеться в брезжущий смысл ее, в светлую глубину мерцающего за ней проекта преображения жизни; и вовремя сделать это, чтобы не быть смертельно укушенным, ужаленным страшным змием, разбуженным хаосом бескрылого желанья.

12 хулиганов убивают проститутку, затем предаются погромам и грабежу частной собственности – и наконец в остервененном исступлении стреляют во все стороны в пустоту, в воздух– вот скелет

[13] Цитата из главы «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*Гоголь Н.В*. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8. Статьи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1852. С. 407). Цитата дана с небольшими неточностями и пропусками, не обозначенными отточиями.

[14] Все цитаты – из лирической драмы Блока «Роза и крест» (1912). Первые два четверостишия – песня Гаэтана, последняя цитата – диалог Гаэтана и Бертрана.

сюжета песни. О чем тут петь и чему радоваться? И какой мыслим смысл в этом апофеозе бессмыслицы?

Попробуем все-таки разобраться в этой лирической драме.

Сперва остановимся на нескольких положениях, о к<ото>рых, собственно, и говорить бы не стоило – до того они в сущности ясны – и однако ж еще почти не принятых в толк ни критикой, ни публикой.

Начать с того, что «Двенадцать» есть лирическая драма – с драматическим движением, с нарастанием действия, а вовсе не ряд отрывочных сценок из быта красногвардейцев, как почти все почему-то ухитрились ее воспринять.

Ведь красногвардейцы 3-ей, положим, строфы, не тождественны с героями 8-й, не говоря уж о 11 и 12-ой. Разве Макбета *до* убийства, им совершенного, Лира до изгнания его дочерьми можно смешивать с Макбетом и Лиром последних актов?

Попробуем начертить общую схему этой лирической драмы.

Двенадцать! Число символическое, и история двенадцати – это история символическая. История *одного*, которая будет историей – многих… всех. Это – прежде всего! – история самого поэта-символиста, не однажды им рассказанная в стихах и в прозе.

Вот ее основные моменты:

Первый акт, отправной пункт – *теза* – она так характеризуется, напр<имер>, в статье «О современном состоянии русского символизма» («Аполлон», 1910 г.): «“Ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире” (“Свобода – свобода – эх-эх, без креста!”)[15]. Твори, что хочешь, ибо этот мир принадлежит тебе… Это первая юность, детская новизна первых открытий.

Здесь никто еще не знает – в каком мире находится другой, не знает этого и о самом себе – все только *перемигиваются* – согласные в том, что существует *раскол* – между этим миром и мирами иными[16] – дружные силы идут на борьбу за эти иные, еще не известные миры».

Господствующая *нота* здесь – радостное *ожидание* чего-то большого, мирового, какого-то переворота, изменения всей жизни, прихода каких-то «больших кораблей».

«Нечаянная радость – это мой образ грядущего мира…

Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни…

[15] Цитируя статью Блока «О современном состоянии русского символизма», Горский вставляет в скобках в качестве параллели цитату из поэмы «Двенадцать», передающую выкрики красноармейцев.

[16] Зачеркнутая полемическая вставка Горского: «А что, если нет раскола?»

Новой радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли» (пишет Блок в предисловии к «Нечаянной радости»)[17].

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо.
Весь горизонт в огне – и близко появленье.

Воздух полон воздыханий
Грозовых надежд –
Весь горит от несмыканий
Воспаленных вежд
и т.д.

———

Голос и дерзок, и тонок, замысел – детски высок.

Мы на горе всем буржуям мировой пожар – раздуем – мировой пожар в крови, Господи благослови![18]

Старый мир обречен – он погибнет на горе его любителям и приверженцам = жалким, презренным мещанам – на смену ему грядет новый мир – свободы и счастья, его предтечи и борцы – чувствуют за собой силу – как их ни мало – они не одиноки, они «в лазури чьего-то лучезарного взора»[19], с ними обольстительная греза грядущего мира, нечаянная радость, богиня, мечта, муза… Некое туманное, женственное видение – знак и средоточие всего ожидаемого, символ прекрасной новой жизни. Ее огневые очи[20] – сокровенный источник их бедовой удали, зажигающей мировой пожар… но

Тут свершается нечто катастрофическое –

Акт второй – антитеза:

туго натянутая струна трепетных ожиданий и грозовых надежд с треском лопается – лирическая волна разрывается и разбивается – о подводную скалу – или, согласно описанию Блока в названной

[17] *Блок А.А.* Нечаянная Радость: Второй сборник стихов. М., 1907. С. 1, 2. Горский приводит начальные и финальные строки предисловия.

[18] *Весь горизонт∞ появленье* – из стихотворения «Предчувствую Тебя» (1901), *Воздух полон∞ вежд* – из стихотворения «Молитва» (1904), *Голос ∞ высок* – цитата из стихотворения «А.М. Добролюбов» (1903), *Мы на горе ∞ благослови!* – слова красноармейцев из поэмы «Двенадцать».

[19] Цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 22).

[20] *Огневые очи* – черта образа Катьки в поэме «Двенадцать», как он является в памяти убившего ее солдата: «Из-за удали бедовой / В огневых ее очах <…> Погубил я бестолковый, / Погубил я сгоряча». Образ Катьки рассматривается Горским как одна из ипостасей образа Вечной Женственности в лирике Блока.

статье о символизме, «как бы ревнуя одинокого теурга к Заревой ясности, некто внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес… как бы сквозь прорванную плотину врывается мировой сумрак при раздирающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским»[21].

Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач.
Стой! Стой! Андрюха, помогай,
Петруха, сзади забегай!
Трах – тарарах – тарах – тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах[22].

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо,
И я видел – сквозь ночь подруга
Улыбнулась ему в лицо.

(Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом).

Ах, тогда в извозчичьи сани
Он подругу мою усадил,
Я бродил в морозном тумане.
Издали за ними следил.

Ах, сетями ее он опутал
И, смеясь, звенел бубенцом,
Но когда ее он закутал,
Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег.
Не могла удержаться сидя!

———

[21] Цитата из статьи «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 24).

[22] Далее зачеркнут фрагмент:
«Самостоятельно разработать:
Вот раздирающий аккомпанемент. Смысл его.
Трах та-рарах. Ты будешь знать,
Как с девушкой чужой гулять!
Она *чужая* сначала, непостижная, незнакомая – и далее о снежной маске, всюду, где слово *чужой*… Она жжет меня… черная ревность…»

А встать она уж никак не могла.
Она *картонной невестой* была…[23]

Или вот еще так:

«Если бы я писал картину, я изобразил бы переживания этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит… мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз»[24].

А Катька где? Мертва-мертва!
Простреленная голова!
Что, Катька, рада? Ни гу-гу.
Лежи ты, *падаль*, на снегу!

Кажется, совпадение неоспоримое, полнейшее, до мельчайших деталей – вплоть до саней с электрическим фонариком – до вскружившегося к небу снежного праха (тема целой книги «Снежная ночь»[25]).

Картонная кукла – мертвая возлюбленная, – падаль – на снегу белого катафалка – так символизируется крушение мечты о новой жизни…

Сейчас уместно лишь в самых кратких чертах остановиться на причине этого крушения.

Нельзя проще и энергичней *определить эту* причину, чем это сделал когда-то сам Блок в уже не раз упомянутом предисловии к лирическим драмам:

«Переживающий это, уже не один: он полон многих демонов (иначе называемых двойниками), из которых его злая творческая воля создает по произволу постоянно меняющиеся группы заговорщиков. В каждый момент он скрывает при помощи таких заговоров какую-либо часть души от себя самого. Благодаря этой сети обманов он умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников – все они *рыщут* в лиловых мирах и покорные его воле, *добывают ему лучшие драгоценности* – все чего он пожелает, – один принесет тучку, другой вздох моря, тре-

[23] Горский сопоставляет строки из поэмы «Двенадцать» (*Опять навстречу ∞ снежный прах; Запрокинулась ∞жемчугом*) и лирической драмы «Балаганчик» (1906).

[24] Цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 24).

[25] *Блок А.А.* Собрание стихотворений. Кн. 3. Снежная ночь (1910–1911). М.: Мусагет, 1912.

тий – аметист, четвертый – священного скарабея, крылатый глаз… и т.д.»[26]

Дружная шла борьба за *новые* миры, дружное отречение от *старого* мира; но вот *старый* мир побежден. Иссякла (или иссякает) сила его сопротивления – как пес голодный и безродный покорно плетется он вслед искателей нового мира – но увы! *Их* мечта в их душах померкла! Она – картонное чучело, падаль на снегу, – бороться стало не с кем и не для чего; а между тем силы, накопленные для борьбы, для дела какого-то, предполагалось – мирового, великого, вселенского дела во имя былой мечты – *остались*, надо их куда-то разрядить – и тогда место мнимого дела заступает откровенная *забава*, веселое времяпрепровождение.

Позабавиться не грех!
Уж я времячко проведу, проведу[27].

Так было в поэзии, символизме – так стало в революции – так будет везде, во всех сферах жизни, где еще сегодня пока строгая, сосредоточенная серьезность, а с утра – все будет балаганом.

Одним словом:

Эх-эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте етажи
Нынче будут грабежи –
Отмыкайте погреба
Гуляет нынче голытьба…

Гуляют – демоны двойники без креста с цигарками в зубах, с примятыми картузами, гуляют, рыщут в снежном сумраке, добывают ценности, грабят, что попадется под руку.

Важное некогда, святое, священное, во имя высшей святыни предпринятое дело (мировой пожар в крови – Господи, благослови) обратилось теперь в забаву, в развлечение, причем свобода былая и вседозволенность весьма пригодились тоже: благодаря ей выбор и характер развлечения – ничем не ограничен.

Таков – третий момент, но за ним идет четвертый: где воцаряется забава – там за нею следует неразлучная спутница, ее вечная черная тень и казнь – скука – смертная скука… Люди дела со скукой незна-

[26] Цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 24).

[27] Здесь и ниже – цитаты из поэмы «Двенадцать».

комы: у людей забавы она всегда неотвязная гостья – «страшней, чем горе, эта скука»[28].

Раньше донимало их горе-горькое = нужда – напр<имер>, «рваное пальтишко, австрийское ружье»! Теперь не то… награбить могли вдоволь и шуб бобровых и новых винтовок, так что горя, пожалуй, в прежнем смысле и нет – но зато скука! скука! скука!

Все это не ново для знающих Блока, вспомним хоть, как после падения подруги в снег к бедному Пьеро (даже имя осталось без перемены: там Пьеро – здесь Петруха – Петька) – к Пьеро, лишенному вдохновительной мечты – невесты – пристает неотвязный двойник-забавник – Арлекин, внушающий ему, что «позабавиться не грех» – авось это развлечет, рассеет…

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели – Арлекин и Пьеро –
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало млечность перо.
Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны по много дней –
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!»[29]

Забавно жить! Забавно знать, что под луной ничто не ново!

Но все это в конце концов не утешает и не устраивает. Еще ночью кое-как можно себя обманывать, но едва «рассвет мне в очи глянул, Наступил мой скудный день»[30] и тогда оказалось, что

Лицо *дневное* Арлекина
Еще *бледней*, чем лик Пьеро[31]–

а уж о Пьеро говорить нечего – на несчастном убийце своей мечты «не видать совсем лица»[32].

Дело завершается тем, что на рассвете Арлекин, надеясь всецело приобщиться полноте жизни, прыгает в окно:

даль в окне оказывается бумажной, нарисованной декорацией, он прорывает бумагу и – летит вверх ногами в *пустоту*…[33]

---

[28] Цитата из стихотворения Д.С. Мережковского «Скука».
[29] Цитата из лирической драмы «Балаганчик».
[30] Цитата из стихотворения Блока «Как свершилось, как случилось?» (1912).
[31] Цитата из стихотворения Блока «Балаган» (1906).
[32] Цитата из поэмы «Двенадцать», передающая состояние Петьки после убийства.
[33] Горский пересказывает авторскую ремарку из драмы «Балаганчик» (см.: *Блок А.А.* Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. С. 35).

Значит забава только отсрочила, но не изменила положения вещей – она лишь резче подчеркнула *смертную* скуку опустошенной жизни.

Поддержи свою осанку! Великолепный совет. Чем только ее поддержать – вот вопрос.

В том же докладе Блока о символизме говорится:

«Нам предлагают: пой, веселись и призывай к жизни, а у нас лица обожжены и обезображены лиловым сумраком…»

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня.
Я стою среди пожарищ
Обожженный языками
Преисподнего огня.
(И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль)…

Спалена моя степь – трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути…

Если вспомню, лишь вихрь налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит![34]

И т.д.

Вот таковы результаты.

Помрачение грезы о новом мире, символизируемое падением подруги ничком, обращением видения с огневыми очами – в *падаль*…

Крушение мечты о новой жизни, мечты, сначала – искаженной, суженной больным и дурацким воображением – а затем за это искажение отвергнутой, убитой и выброшенной из мчащихся саней… Это случается или случится со всеми, кто мечтает о светлом грядущем, – с утонченным художником-символистом, равно и с грубыми ребятами красногвардейцами, ибо воображение у всех больное одной и той же повальной болезнью.

Разница лишь та, что наш поэт ощутил и предузнал катастрофу давно, раньше всех, тогда еще, когда вся и все было полно смутных сладких надежд на приближающееся всеобщее обновление, оживление, – он все высчитал, взвесил и… *понял*.

[34] *Я стою ∞ мне даль* – цитаты из стихотворения «Как свершилось, как случилось?»; *Спалена ∞ ни пути…* – из стихотворения «Опустись, занавеска линялая…» (1908); *Если вспомню ∞ опалит* – из стихотворения «Посещение» (1910).

Еще никто не взошел на лестницу,
А уж заслышали счет ступень.
И везде проснулись – кричали, поджидая вестницу.
Думали: за утром – наступит день…

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загорелось окно.
Там – кто-то – на счетах позолоченных
Сосчитал, *что* никому не дано…

———

И понял, что будет темно.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайте – вновь он совьется во тьму
Беззакатного дня легковернее нет.
Я ночного плаща не сниму[35].

В драме «Король на площади» несколько лиц ведут ночью такие разговоры:

Первый

Скажи мне последнее:
Веришь ли ты, что разрушение
Освободительно?

Второй

Не верю. Не верю.

Первый

Спасибо. И я не верю.

Третий

Я верю только пустоте.

Второй

Я бы поднял кубок
Во имя пустоты, если бы здесь было вино.

Третий

Во всем мире больше нет вина.

Молчат.

Вот что значит:
Гуляй ребята *без вина*.

[35] *Еще никто ∞ будет темно* – из стихотворения «Я смотрел на слепое людское строение…» (1902); И когда ∞ *не сниму* – из стихотворения «Не венчал мою голову траурный лавр…» (1909).

Гулянье без вина, мечтанье без радости, без вдохновения, по привычке, по инерции – так сейчас еще все мечтают и говорят о новой жизни, новом мире, долженствующим якобы сам собою явиться в результате пережитых трагических катастроф; жалкие мечты, жалкий остаток дней, когда все еще в воображеньи гуляло и порхало.

Гуляет ветер, порхает снег,
Идут двенадцать человек.

А теперь от дней свободы остался лишь кровавый отсвет на обугленных лицах, а в сердцах, восторженных когда-то, роковая пустота[36] – и даже в честь этой пустоты нечем наполнить кубок.

Таков крах революции, внутренний, духовный – мнимое *дело* революции провалилось сначала в арлекинаду забав – в разгул удалого разбоя, – а затем вместе с этой арлекинадой и разгулом рухнуло в смертную скуку, в пустоту отчаяния…

Есть у Блока одно стихотворение, напечатанное впервые за год с лишним до февральской революции, в конце 1915 года. Стихотворение, как все бредовые вещания его музы, – насквозь пророческое; оно дословно, до мельчайших подробностей живописует настоящий момент его личной и нашей общей истории – и сам поэт видимо хорошо это понимает и именно так его принимает; иначе не истолкуешь его жест – отдать теперь вторично это стихотворение для напечатания лево-эсеровскому журнальчику «Знамя труда»[37].

Стихотворение столь знаменательно для Блока и для «Знамени труда» и для всего, что сейчас зовется Совдепией, что прочту его целиком.

Оно озаглавлено:

Забывшие Тебя

И час настал. Свой плащ скрутило время
И меч блеснул, и стены разошлись…
И я пошел с толпой – туда за всеми
В холодную и злую высь.
За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил,
Навстречу Нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

[36] Отсылка к стихотворению Блока «Рожденные в года глухие…»

[37] Речь идет о стихотворении «Забывшие Тебя…». Впервые оно было опубликовано в № 2 «Ежемесячного журнала», второй раз – в № 1 лево-эсеровского «временника литературы, искусства и политики» «Знамя труда» за 1918 г.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам; рыдали дети
И жены кутались в платки.
И я без сил отстал, ушел в иное,
За мной с горы сошли толпы других.
Нам не сияло небо голубое
И солнце в тучах грозовых.
Скитаясь, мы беспомощно роптали
И прежних хижин не могли найти.
И у ночных костров, сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути.
Напрасный жар. Напрасные скитанья,
Мечтали мы, мечтанья разлюбя,
Так суждена безрадостность мечтанья
Забывшему тебя!

1915, XII.

И подумать только, что в Блоке увидели воспевание революции – апофеоз демократии, социализма, большевизма и еще не знаю чего. Вспоминается трагикомическая жалоба Лермонтова:

Нет, нынче свет пошел не так…
Обиняков не понимают…
Скажи не прямо: ты дурак
За комплимент уж принимают[38].

Это, впрочем, весьма на руку Блоку – это именно и есть его метод: говорить *не прямо*: ты дурак, – и потом выслушивать восторженные комплименты.

Его давняя мечта и упорная, упрямая программа:

Дохнула жизнь в лицо могилой,
Мне страстной бурей не вздохнуть.
– Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь.
Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца
Чтоб гневной зрелостью прозренья
Людские отравлять сердца[39].

О – какая гневная *зрелость* презренья разлита в «Двенадцати». Какой кипит тут едкий яд мертвеца, но яд *незримый*, настолько не-

[38] Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Трубецкому» (1831).

39 Горский приводит полностью стихотворение Блока «Дохнула жизнь в лицо могилой…» (1909).

зримый, что в годовщину большевистского переворота – бдительные власти не придумали ничего лучшего, как торжественно отпраздновать ее инсценировкой этого нового гимна революции и свободы[40].

А автор, быть может, даже смотрел, любовался, любезно делал указания актерам, а те из себя выходили, чтобы талантливее, в лицах изобразить Петьку и Ваньку, и зрители смотрели и восхищались: – Как он умен! Как он в нашу Советскую республику[41] влюблен! И едва ли обратили внимание на звучащий в ушах – нездешний странный звон, – а то кости лязгали – о кости, – то вьюга диким смехом заливалась в снегах[42] – и в этом лязге – и смехе – довольно таки явственно звучала – мелодия нового гимна, *поскольку он относился к их свободе и их революции* – все равно, большевистской, меньшевистской или средневистской, мелодия весьма немногословная: «Ты дурак! И скука с тобой смертная!», но это было сказано *немножечко* непрямо – и ничего, сошло! Издевательство принято за комплимент, трупный яд подан на стол в качестве воодушевляющего напитка жизни; повторилась старая история о мертвеце в изящном фраке, которого дарят улыбкой благосклонной хозяйка дура и супруг дурак[43].

Он изнемог – от невыносимой могильной пустоты и скуки – но лязг костей музЫкой (дивной мелодией стиха) заглушен. Он крепко жмет приятельские руки (своих новых друзей – левых эсеров). Живым, живым казаться должен он!

Все это, я сказал, особый метод «живым и страстным притворяться», «скрывая для карьеры лязг костей». «Ходить среди людей и притворяться непогибшим…»[44] И насколько сознательно применяется Блоком этот метод – насколько планомерно он поит свои творенья незримым ядом и *для чего* надобно ему это притворство и эта карьера революционера, реформатора, *весьма* партийного и *крайне* общеполезного деятеля – это, может быть, станет для нас немного понятнее из одной характеристики Ибсена, данной некогда Блоком:

---

[40] В начале 1919 г. в помещении Моссовета был устроен литературный вечер, на котором актер Театра имени Комиссаржевской А.П. Кторов читал поэму «Двенадцать», а на экране проецировались иллюстрации к поэме художника Ю.П. Анненкова. См.: *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 444; *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. М., 2005. С. 68–69. По воспоминаниям Ю.П. Анненкова, «Кторов тщательно репетировал блоковский текст» наедине с ним, а не с Блоком (Там же. С. 69).

[41] Было: Совдепию.

[42] Горский соединяет образ бьющихся друг о друга костей из блоковского стихотворения «Как тяжко мертвецу среди людей…» из цикла «Пляски смерти» (1912–1914) и образ вьюги из поэмы «Двенадцать».

[43] Здесь и далее Горский вплетает в текст статьи скрытые цитаты и образы из стихотворения Блока «Как тяжко мертвецу среди людей…».

[44] Горский объединяет цитаты из стихотворения «Как тяжко мертвецу среди людей…» и цитату из стихотворения «Как тяжело ходить среди людей…» (1910).

он берет Ибсена в период его «сближения» с вопросами момента и интересами общественной среды…

«Итак, Ибсен возвращается – к “родной и близкой” (как говорится) действительности. Он анализирует и врачует “язвы общества”. Разве не тревожили Ибсена давно уже общественные вопросы? Разве не вопрошал он еще в ранней юности норвежских скальдов: “Не на пользу ли народу дан им поэтический дар?”

Мораль и польза! Виват! *Ибсен* стал реформатором! Ибсен перестал быть “чистым художником”! К нему бросается свора публицистом, критиков. Он повторяет им: “Столпы общества” – раз! “Кукольный дом” – два! “Доктор Стокман” – три! Голодные критики хапают, не разбирая, нет ли в каком-нибудь из этих “вкусных” вопросов – кусочка иглы. Пятьдесят Нор выходят из себя, чтобы острее, больнее, талантливее – в лицах изобразить проклятый женский вопрос – и т.д. Herr Ибсен – пишет, гуляет, делает указания актерам… Он стал “великим чернорабочим”. Он стал “понятным”. Какою мерой излить толпе и слугам ее – критикам – благодарность на писателя, который “отрезвел” и “как все” занялся женским – и всеми прочими “вопросами”?

И вдруг… (для *публики* “вдруг”, потому что годы дум и сомнений для публики один миг) Ибсен превращается опять во что-то новое и перестает быть понятным. Иначе говоря – не только его новые произведения уже *менее питательны* для публицистов, но они заставляют подозревать, что и “кукольный дом” не был так прост, что в кусках, бросаемых критикам, были… иголки. Публика начинает ахать и давиться… Теперь в драмах Ибсена явственно бьет какой-то незнакомый ключ. Его происхождение объясняют на все лады. Но ведь и мы не знаем доселе, сколько в этом ключе живой и сколько мертвой воды. Страшно, Герних Ибсен, мы не совсем ясно слышали твое слово. Куда ты нас завел?

Современный Ибсену критик Шлентер говорит по поводу последней драмы (“Когда мы мертвые пробуждаемся”): “Если бывали вообще *коварные* художественные произведения, так это новейшие драмы Ибсена”. Можно прибавить: новейшие драмы Ибсена обнаружили только, что все его творчество подобно бурному потоку, в котором много *подводных* камней.

“Люди *полагают*, что я с течением времени менял свои взгляды, но это большая ошибка. На самом деле мое развитие шло вполне последовательно”, – говорил Ибсен. Все творчество его многозначно, все говорит о будущем, о несказанном и потому соблазнительно. Великая благодарность и хвала Ибсену за соблазны! Если же он

соблазнил кого, то ведь соблазняются только путники. Стоящие же на месте – те только обманываются. Их – пожалуй, Ибсен действительно обманул: кинувшись с разных сторон в объятия "*морали*" – глупцы столкнулись лбами над *пустотой*»[45].

Все сказанное здесь Блоком об Ибсене – в полной мере применимо к самому Блоку. Недаром же он сам в той же статье отождествляет свой путь с Ибсеновским: «Мы шли по следам Ибсена. Имя Ибсена красовалось на нашем знамени, оно красуется на нем и до сих пор. Слава Ибсену! Мы еще по-новому вернемся к нему»[46].

Так оно и случилось. Час настал. Время скрутило свой плащ, и наш поэт, действительно, по-новому вернулся к Ибсену. Метод Ибсена им *усвоен* в совершенстве.

Конечно, и он никогда не менял своих взглядов Большая ошибка думать это. Он повернулся «к родной и близкой, как говорится, действительности», он отрезвел, он, как все, объявил себя человеком партийным, чернорабочим – словом, «пошел с толпой туда за всеми». Ура! Мигом сбежалась свора публицистов и критиков. Он кидает им – «Двенадцать» – раз– «Скифы» – два! Голодные Ивановы-Разумники хапают, не разбирая, какие острые, злые иглы натыканы в этих хлебных мякишах. Проглотили. Тогда поэт бросает им «Забывшие Тебя» – пьеса – куда менее вкусная, куда менее питательная для публицистов. Но ничего! Напечатали и это рядом с лихими статейками Мстиславского[47] и еще кого-то в том же роде. Может быть, потом начнут ахать и дивиться: да уж поздно будет.

Тогда авось постигнут, что и «Двенадцать» не так просто, что это есть прековарнейшее произведение – коварнее северной ночи – и любови цыганской короче.

Блок издевательски стравил критиков и публицистов и всю честную публику – сторонников и противников большевизма и т.п. вещей. Разлетевшись с разных сторон в объятия *политического* смысла поэмы, те и другие (преуморительно) звонко стукнулись лбами над… *пустотой*, над *той самой пустотой*, в которую провалился вверх ногами Арлекин, той пустотой, за которую подымают пустые кубки мятежники в «Короле на площади», – той роковой пустотой,

[45] Горский приводит обширные фрагменты из статьи Блока «От Ибсена к Стринбергу» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 10–11, 13).

[46] Там же. С. 13.

[47] В № 1 журнала «Знамя труда», где было напечатано стихотворение Блока «Забывшие тебя», была помещены статьи писателя, члена партии левых эсеров и объединения «Скифы» Сергея Дмитриевича *Мстиславского* (1876–1943) «Порочный круг», а также организаторов лево-эсеровской партии В.А. Карелина «Перспективы революции» и Б. Камкова «Творцы переворота на Украине».

что воцарилась в сердцах восторженных когда-то после долгих дней войны без смысла и свободы – без креста.

«Нельзя влачить корабль к светлому будущему, когда в нем есть труп в трюме», – заявил некогда Ибсен – сосредоточив в этом образе всю тревожную боль своих ожиданий и опасений. «Труп в трюме! Какой жуткий и вещий символ!» – воскликнул в свое время по этому поводу Блок[48]. А теперь он дает и свой аналогичный символ, не менее жуткий и вещий: *падаль на снегу*… Нечего мечтать зажечь мировой пожар. Когда вокруг мороз да снег, а на снегу… падаль… Это падаль – былая мечта о новой жизни: с таким грузом за душой далеко не уйдешь.

Дохнула жизнь в лицо могилой.

Страстной бурей не вздохнуть *никому*.

Итак вот кто нынешний Блок. Менее всего, как видим, он герольд революции, популяризатор большевизма, социализма, питательных и т.п., мож<ет> быть, очень полезных, во всяком случае очень ясных, понятных и приятных – съедобных для большой интеллигентской публики вещей.

Нет, он прежде всего:

пророк пустоты

апостол отчаяния

свидетель скуки, смертной и беспросветной,

ядовитый мертвец, сдуру принятый за живого.

И это все?

Нет, конечно. Это только половина всего, и даже меньшая половина.

Если для одних Блок, до конца понятый, – необходимо окажется *мертвецом*, ибо он своим ядом гневного презренья отравил, разложил и в зловонный труп обратил все, чем они жили, во что верили, на что уповали, то, м<ожет> б<ыть>, для других, для немногих пока, этот мертвец живее всех живых – ибо им ведомо, что дальше и глубже всякого яда, глубже гнева и презрения течет в быстрине его лирического потока некий целебный ключ, подлинный жизненный эликсир; от них не скрыто, что именно этому мертвецу «дано рождать бушующее жизнью слово»[49], что как раз в «Двенадцати» и «Скифах» каждое слово именно *бушует* жизнью…

Настоящей живой жизнью, не этой политической, партийной – полусмертью.

---

[48] Эти слова Ибсена Блок приводит в статье «От Ибсена к Стриндбергу» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 10).

[49] Цитата из стихотворения Блока «Всю жизнь ждала. Устала ждать…» (1908).

Какой-то незнакомый ключ явственно бьет – в необъятном разливе блоковского лиризма – и мы доселе не знаем, сколько в этом ключе мертвой и сколько живой воды, – знаем только, чуем всем существом, что за мертвой водой там *есть* живая.

Многозначно его творчество – о будущем оно – о несказáнном. Куда-то позвал нас этот странный певец, и мы неотчетливо расслышали его голос. Какой-то в этом зове брезжит *смысл*, но «ум простой и темный всей светлой глубины постичь не может». Это постижение еще впереди. По крайней мере *отрицательный-то* смысл этого зова не должен бы возбуждать сомнений – куда его песнь не зовет, куда идти она отбивает последнюю охоту – это, право же, слишком ясно. Буйным ветром этой песни насмешливо сорван, смят и изорван на куски плакат «Вся власть Учредительному собранию». То же самое, конечно, произошло бы и с плакатом «Вся власть советам» (ветер этих *тонкостей* не различает) и со всякими другими в этом роде плакатами и канатами, и с ходящими по канатам акробатами, как бы долго они там ни балансировали.

Все это ухнуло или ухнет в пухлую снежную бездну пустоты..

И вот тогда…

Но не рано [ли] еще сейчас говорить о положительном жизненном смысле поэзии Блока и в частности последних двух поэм? Готовы ли уста и уши – для таких речей? Не лучше ли выждать время – пусть лучше сначала мертвая вода, незримый яд гневного презренья, пропитавший песни Блока, окажет свое действие на организм читателей.

Пусть от их страшной, разлагающей силы окончательно передохнут в наших умах все эти современные – злободневные – идейки, вопросики и настроеньица – *все* без остатка, как насекомые после персидского порошка.

Пока же все это кишмя облепило наши мозги – едва ли *целесообразно* сейчас идти далее в поисках родника живой воды – в поэмах Блока; несвоевременно подымать речь о солнечном, пророческом и проективном *смысле* его поэзии. Впрочем, слова два, думается, и тут все же молвить можно; обратимся к этому во второй части доклада.

———

Цель у «двенадцати» потеряна; забава опостылела, а энергии все еще непочатый угол[50]. Что им делать? Остается одно. Ринуться *в даль* «прежде милую», блиставшую «огнями, огнями, огнями», а теперь обставшую душу «пустыней бесполезной», бесцельной и снежной, где «ни огня, ни звезды, ни пути», «где одна пылит пурга», где «вьюга пылит им в очи, дни и ночи напролет… – и все-таки «вперед-вперед!» – безоглядно, безотчетно и почти безнадежно – в неизведанное – в невозможное....

Не до раздувания теперь «мирового пожара» – нечем раздувать – огни последние погасли – что же влечет их вдаль? Или некая «надежда невозможной встречи»[51] – но с кем? С «врагом неугомонным»? И Кто этот враг? Уж, разумеется, не буржуй, плетущийся жалким голодным псом сзади – не только в него выстрелить или ножичком полоснуть не тянет – даже «штыком щекотать» – лень – Скучно! Новое надвинулось.

«Ревет ураган, поет океан, кружится снег» и своим ревом «и круженьем и пеньем зовет» и «в призывном круженьи и пеньи» слух ловит что-то забытое, все явственней растет и звучит в нем мотив свистящей песни ветра, песни Судьбы: «Сдайся мечте невозможной. Сбудется что суждено!»[52]

Под волшебный ритм этой песни слышите, как меняется их походка? Прежде все Петруха путал, то уторапливая, то замедляя шаг; теперь это выравнивается: «раздается (в строфе 11-ой) мерный шаг», в 12-ой он становится даже «*державным* шагом». Но куда, куда зашагали они? К чему придут? «В путь роковой и бесцельный шумный зовет океан…»[53].

Не совсем, пожалуй, *бесцельный* – только цель его не осознана еще «умом простым и темным», «полным темного бессилья»[54]. Больное, запуганное воображение помешало осознать ее! Не оттого ли «радость страданье – одно» – радость – чувствовать цель и страданье – не сознавать ее?

---

[50] В Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого вторая часть статьи сохранилась в двух видах (начало беловой рукописи) и черновик. На первом листе беловой рукописи повторено заглавие «Крест над вьюгой», к которому сделано следующее примечание: «Настоящая статья составляет вторую половину доклада о новых поэмах Блока, прочитанного в Одесском литературно-артистическом обществе 23 января 1919 года. В первой половине вскрывается драматическая схема первых семи строф “Двенадцати”. Схема эта сводится [не дописано]».

[51] Цитата из стихотворения Блока «Гадай и жди. Среди полночи…» (1902).

[52] Первая и последняя цитаты данного абзаца – из песни Гаэтана в лирической драме Блока «Роза и крест», вторая и третья цитаты – из поэмы Блока «Соловьиный сад» (1915).

[53] Цитата из песни Гаэтана.

[54] Первая миницитата – из лирической драмы Блока «Роза и крест», вторая – из стихотворения «В часы вечернего тумана…» (1900).

Не знаешь ты, какие цели
Таишь в глубинах роз своих…[55]

Или иногда знаешь?

Ты – знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?[56]

В метельном мраке – беседы и жесты, похожие на бред, но бред вещий, подобный поэзии по цветущей глубине скрытого светлого смысла. Беседа изложена в 10-й строфе, открываясь замечанием печального Пьеро-Петрухи: «Ох – пурга какая, Спасе!» а *жест* заключается в стрельбе всех «двенадцати» в эту пургу, в переулочки глухие, где она одна пылит и вместе с вьюгой заливается диким смехом. Вся дивная музыка поэмы возникла из простого вслушивания в мелодию сочетания этих двух звуков: *ветер* и *выстрел*: вой ночного зимнего вихря и треск ружейной пальбы. Безумное сетование стихии – и полуумный отклик ей человека. В самом деле – что они, с ума сошли, герои поэмы Блока – стреляют в кого? Не в человеке, не в зверя, не в пса, не в буржуя (что было бы так естественно, понятно и приятно с точки зрения «классовой борьбы» и тысячи других, столь же разумных и обоснованных интеллигентских точек зрения). Нет – они… смешно сказать… стреляют в воздух, в ветер – в пургу… темнота! необразованность! суеверие – что ли здесь кроется? Какой процесс мысли мог подвести двенадцать сознательных человек к подобному несуразному поступку?..

Ох, пурга какая, Спасе! – На этот Петькин возглас товарищ *возражает* ему лишь против обращения к Спасу – против самой пурги ему сказать нечего: она – факт бесспорный. Все двенадцать *принуждаются* наконец уделить долю внимания состоянию окружающей воздушной среды и открыть, что ведь оно не слишком для них благоприятно. Да – это целое *открытие* для наших искателей нового мира и презрителей старого. Невозможно было, конечно, и ранее не замечать вовсе состояния атмосферы – хотя бы температуру ее, но… как-то мысль на этом никогда не задер-

55 Цитата из стихотворения Блока «Я – тварь дрожащая. Лучами…» (1902).
56 Цитата из стихотворения Блока «Под шум и звон однообразный…» (1909).

живалась, скользила без раздумья, мгновенно перепархивая к вопросу о борьбе с буржуем – и т.д. «Холодно, товарищ, холодно!» И сейчас же: а Ванька с Катькой в кабаке… т. е. им-то небось тепло – греются, а тут мерзни в рваном пальтишке… и вывод: «ну, Ванька, сукин сын, буржуй!» Так представление о *холоде* на этой ступени сознания лишь новый повод для мелкой, завистливой вражды ко всем, кто имеет возможность забраться в кабак или в воротник упрятать нос… Это насчет холода, ну а что касается ветра… Кто же будет серьезно еще разговаривать о таком пустяке, как ветер… о нем ведь ни разу не упоминало ни одно буржуазное воззвание, ни одна пролетарская прокламация... Не потому ли, что и в них [1 нрзб.] еще много буржуазного?

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий – звон печальный…
Глухота и темнота…
Только ветер, гость печальный,
Сотрясает ворота.

……..
Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Дикий ветер, буйный ветер,
Сотрясающий мой дом?[57]

Всегда, везде, во всем ветер… «Ветер, ветер на всем Божьем свете!» Но… никто его не видит, не замечает…

Буржуй «в воротник упрятал нос», а пролетарий… тот за неимением воротника упрятал нос… в мечту о борьбе с этим буржуем – за право на обладание такими же воротниками, куда все могли бы заблаговременно упрятать свои носы и уже окончательно, бесповоротно не замечать ни ветра, ни мороза.

К несчастью или к счастью… эта мечта крахнула, затея сорвалась…

[57] Горский приводит строки стихотворения Блока «Дикий ветер стекла гнет…» (1916).

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный[58]

В такое время и в такой день ветер снежный ворвался в самое сердце вышедших в ночь 12 человек и не успокоился, пока не заставил их бросить все на свете и отчаяться во всем, и все внимание отдать ему, дикому черному ветру. Игра ветра и порхание снега образовали воронку и столбушку закипающей пурги – и все теперь спуталось: уж не разберешь, кто буржуй, кто нет, кто враг, кто друг: «Не видать совсем друг друга за четыре за шага». Тогда-то Петруха первый отрезвился, очнулся от гипноза дурацкого воображения – раскрыл глаза на *действительность*, молвил: «Ох, пурга какая!» и добавил: «*Спасе*».

Что же знаменует *последняя* прибавка? Какая мысль в *ней*? А должна быть в ней какая-то мысль – хоть и *бессознательная* (по слову товарища: «бессознательный ты, право!»).

Это воззвание к Спасу, в связи с удивленным испугом перед пургой, не есть ли смутная мысль о возможности какого-то *спасения* от разгула стихии. Это… «крест над вьюгой», о котором много лет назад писал Блок в одной газетной статьей («Искусство и газета»), это, по слову Блока, «религия, которая исполняет *предчувствием*»[59] – конечно, предчувствием возможной *победы* над буйством бесчеловечных диких черных сил. Это видение бретонских легенд отражено, между прочим, и в драме Блока «Роза и Крест»:

Волны бушуют, ревет океан.
Крест горит над *вьюгой*
Зовет тебя в снежную ночь!

Или:

Вихрь налетит, завоет снег – и в памяти на миг возникнет *тот* край, тот *отдаленный* брег…[60]

Рано иль поздно забывшие Тебя вспомнят Тебя, взглянут вдаль – и в памяти на миг возникнет *образ*, связанный с мечтой невозможной, носителя этой мечты и *дела*, из нее вытекающего… Пока этот влекущий и дразнящий, раздражающий образ – не то спасителя, не то мучителя – *за вьюгой невидим* – и чтобы его увидеть, надо… одолеть – вьюгу – задача не из легких! Вот из-за чего у кое-кого из «забывших Тебя» начали «сжиматься кулаки, грозящие громам» – уже не буржую – а громам – однородный *жест* угрозы – у двенадца-

[58] Первые строки стихотворения Блока «Есть времена, есть дни, когда…» (1913).
[59] Цитата из статьи Блока «Искусство и газета» (Русская молва. 1912. 9 декабря. № 1).
[60] Начальные строки стихотворения Блока «Вихрь налетит, завоет снег…» (1912).

ти: лишь вместо громов – снежная пурга, взамен кулаков – пули из стальных винтовок.

Как *психологически* вырастает *жест*? Поэма подробно рисует это. В снежной и вьюжной пустоте у затерянных людей мало-помалу крепнет ощущение, что они не одни, что еще кто-то с ними –

Враг ли, друг ли, не поймешь, скорее всего *враг* – именно *тот* настоящий враг неугомонный, *незримый*, который *всему* мешает. Это он некогда не дал раздуть мировой пожар, он оглушил падалью на снегу, задул – все огни, огни, огни… а теперь засыпает их пургой…

И Кто он? Не этот ли самый – Кого они видели на золотом иконостасе и кресте на брюхе попа, Кого так некстати помянул Петруха, называя Спасом, хотя от чего собственно он их спас?

Кто еще там? Выходи
Кто в сугробе, выходи?
Это ветер с красным флагом
Разыгрался впереди?

Нет, не просто сугроб, не только ветер – надо *приглядеться*.

Кто там *машет красным флагом*?
Приглядись-ка – эка тьма.
Кто там *ходит* беглым шагом,
Хоронясь – за все дома.

Хорошо поясняет это *ощущение* одно из ранних стихотворений Блока:

Мы всюду. Мы нигде. Идем
И зимний ветер нам навстречу
В церквах и в сумерки и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется: вдали
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли
Еще поет и *ходит* Кто-то.

На ветер зимний я гляжу…
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю все. Но мы – вдвоем –
Теперь – не может быть и речи,
Что *не одни* мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

Нынешняя ограниченность человека непокорной ему стихией всегда – и внутри его полагает некоторую границу – (психологическую) черту, и за этой чертой невольно будет всегда чудиться некто враждебный – враг неугомонный, далекий и вечно близкий, спящий, но ежеминутно (готовый) проснуться…

Вот проснется лютый враг.

Вечно властный погасить огни
Надежд, заманчиво влекущих[61],

Близких целей – пересечь золотую нить зацветающих в сердце чудес любви и счастья.

Но этот *некто* в разные времена различно воображается – когда-то это был – Ванька – сукин сын буржуй – вообще буржуй во всех видах, стоящий на перекрестке, где пересекаются дороги…

Теперь… не то…

Ревность и страх… не к жалкому стражу старого мира, не к этому шелудивому псу или этому доброму парню «с физиономией дурацкой», к<ото>рому лень даже штыком пощекотать, а не то что стрелять в него, а… к кому-то… *Другому* –

Кто Он был, я не знаю, никогда не узнаю,
Но к нему моя ревность и страх мой к Нему…
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю, я не знаю Кому[62].

Вообще ничего не знает. Даже в то, что знает, *боится* понять и углубиться!

Бессознательный ты, право!

Ступень сознания, правда, тут невысока – все же выше той, когда – видели все зло в недобром человеке, во враге видимом, зримом, осязаемом.

Зато неудержимое движение воли

Все равно тебя добуду –
Лучше сдайся мне живьем –
Выходи… Стрелять начнем.

[61] Отсылка к стихотворению Блока «Гашу огни моих надежд…» (1902).
[62] Цитата из стихотворения Блока «На Вас было черное закрытое платье…» (1903).

Так осуществляется *новая* мечта направить дула винтовочек стальных на врага *незримого*, за вьюгой невидимого…

Тем самым, кстати, текстуально – точно разрешается вопрос – тупо запутанный чуть не всеми писавшими о поэме Блока:

– Кто же двенадцать в отношении Христа: ученики или гонители? Последователи или преследователи?

Ясно и бесспорно *второе* – но, хотя конечно, это не простое преследование – да и вообще ведь всякое преследование есть тем самым уже *следование*, и если уж сравнивать их с апостолами, так разве – с Савлом, прущим против рожна, Савлом, дышащим угрозами и убийством, но…[63]

Чем это разрешится? До момента встречи с преследуемым лицом – к лицу – не доводит поэмы Блока. Да и чем могла бы стать *сейчас* такая встреча? Ослепительной вспышкой света – после которой еще тяжелее сгустится мрачный полог вьюги. «Неимоверное видение предстало ему… все кончилось!..» – писал Достоевский о русском Власе, стрелявшем в причастие, – символе всего русского народа «в иные роковые минуты его жизни». Парень, замысливший «всех дерзостнее сделать», «упал с ружьем в бесчувствии» – упал в смирение, в страдание – и всю жизнь потом проползал на коленях по монастырям и старцам[64]. Конечно, не такого исхода ищет Блок. – Нет, если б все русское дерзновение, вся удаль бедовая нашли себе то настоящее *героическое* применение, которого не обрели она ни в бестолковой войне, ни в злополучной революции – и нигде, ни в чем, ни разу – за тысячелетнюю историю.

На моменте стрельбы в незримого врага – обрывается поэма:

Трах-тах-тах и только эхо
Отзывается в домах,
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах.

Что будет далее? Кто угадает? Темно – ничего не видно.
Приглядись-ка, эка тьма.
На ветер зимний я *гляжу*, боюсь *понять* и углубиться.

---

[63] Горский отсылает к эпизоду книги Деяний апостолов, повествующему об обращении фарисея Савла: отправившись в Дамаск, чтобы преследовать христиан, он внезапно увидел ослепивший его небесный свет и услышал голос: «Я Иисус Христос, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9, 1–7). Уверовавший Савл получил при крещении имя Павел и стал одним из первоверховных апостолов.

[64] Горский излагает содержание главки «Влас» в «Дневнике писателя» 1873 г., приводя оттуда миницитаты (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. . 34).

Боязнь – причина непонимания, неведения – оно в свою очередь порождает боязнь, порочный круг, в котором так долго топчется человечество…

Все равно ведь никто не поймет
Ни тебя не поймет, ни меня.
Ни что ветер поет – нам звеня[65].

Никто? А если кто-нибудь все-таки *поймет* – ветровую песню – тогда он и будет истинным, желанным героем русской равнины, которого ждем. Вот диалог из давней драмы Блока «Песня судьбы»:

«[*Герман:*]Слышишь, как поет ветер. Точно песня самой Судьбы – веселая песня… Когда будет ясное небо, когда отзвучит Песня, *тогда только* человек станет героем!

Елена: За тучами идут новые тучи[66]. Не дождаться ясного неба.

Герман: Будет ясное небо![67]

Елена: Если суждено, иди – мой милый, мой царственный! Я должна знать, куда ты пойдешь.

Герман: Вон той дорогой. В мир. К самому сердцу России.

Елена: Так, иди туда, где звучит песня судьбы. Я знаю: ты вернешься героем»[68].

К драме поставлено эпиграфом гоголевское:

«*Русь*! Что пророчит сей необъятный простор! Здесь ли, в тебе не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и *пройтись* ему?»[69]

Не оттого ли – все еще не родилась эта мысль и не развернулся богатырь, не оттого ли были войны и от дней свободы осталось в сердцах одно похмелье роковой пустоты, что не *такой* войны жаждет и не такую свободу пророчит сей необъятный простор?

---

[65] Цитата из стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах…» (1913).

[66] К этой фразе Елены Горский делает приписку: «Народ роптал, вожди лишились сил», отсылая ко второй строфе стихотворения «Забывшие Тебя», где появляется символический образ грозовых туч.

[67] К этой фразе Германа Горский делает приписку: «Сбудется что суждено», отсылая к песне Гаэтана из лирической драмы «Роза и крест».

68 *Блок А*. Песня Судьбы // Шиповник: Литературно-художественный альманах. Кн. 9. СПб., 1909. С. 208–209.

[69] Горский цитирует фрагмент эпиграфа к лирической драме «Песня Судьбы», представляющий собой в свою очередь фрагмент лирического отступления из «поэмы» Гоголя «Мертвые души».

Дорога к Сердцу России – только там, где звучит – песня ветра, песня судьбы – песня мечты невозможной. Там должна родиться беспредельная мысль, и оттуда выйдут богатыри, если им суждено выйти. *Двенадцать* – еще не богатыри, но стоило им краем уха прислушаться к ветру, чуть приглядеться к вьюге… – их шаг непроизвольно становится – величавым – державным… – их безумный, неосмысленный жест – героическим.

В чем же тут секрет?

«Остановись, премудрый как Эдип
Над Сфинксом с древнею загадкой…

Россия – Сфинкс!» – восклицает Блок – в новой поэме «Скифы».

Эта поэма – словно река огнедышащей лавы – вырвалась из самого сердца России – и насколько действительно Россия с ее сердцем есть еще неразгаданный сфинкс, – видно уже из того, что *смысл* этой поэмы остался для всех мудрых Эдипов абсолютно наглухо запечатанным. Там есть четыре строки – где сосредоточена вся сила гневного укора, кидаемого русской равниной европейским хребтам и плоскогорьям:

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины…

Было сделано недавно здесь нечто вроде анкеты – в самой разнообразной интеллигентской среде был обращен ко всем поголовно, кто внимательно поэму читал, от ярых хулителей Блока до восторженных его ценителей, один и тот же вопрос: «Как Вы поняли эту строфу? При чем тут, по-вашему, провал Лиссабона и Мессины?»[70]

Ответ был за ничтожными исключениями трогательно единомыслен. Ничего не понимаем. Все прочее еще так, сяк – понятно, даже сильно – дух захватывает… Как дойдем до этого места – стоп – провал в сознании – дикая сказка – какое-то дикое бормотание. –

Что ему Лиссабон, для чего поэт сюда всунул Мессину? Как будто они столь же связаны со смыслом прочих строф, сколь огородная бузина с киевским дядькой. Для рифмы что ли он сюда приплел это – Ковал – провал – не понимаем.

[70] Этот опрос был проведен самим Горским.

«Цвет интеллигенции, цвет культуры прибывает в таком аполлиническом или в таком муравьином сне. Это бесконечное и упорное строительство с пеной у рта – с падениями. И муравейник растет. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен крылами аэропланов.

И вдруг <…> телеграф приносит известие, что уже не существуют – исчезли – Калабрия и Мессина, – 23 города, сотни деревень и сотни тысяч людей. Нахлынувший океан и проливной дождь затопили все, чего не поглотила земля и не выжег огонь. Мы знаем, что значат благоуханные имена Калабрии и Сицилии, но только молчим и наблюдаем, зная. Что если исчезли на земле древние Харибда и Скилла, то впереди – в сердце нашем и в сердце нашей земли – нас ждет еще более страшная Харибда и Скилла. И что можем мы, пребывающие в аполлиническом, в муравьином сне? Мы можем только… любить облекаться в траур, праздновать торжество своей печали пред лицом катастрофы. И вот военный броненосец механически приспускает свой флаг до половины флагштока как бы в знак того, что флаг опущен в самом сердце нашем.

Пред лицом разбушевавшейся стихии приспущен неизменный флаг культуры. Да, пред событиями в Сицилии и Калабрии мы только и можем, что торжественно приспустить флаг. Ведь отклонилась только стрелка сейсмографа. Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения, что там еще не отвердела земная кора.

Мы делаем все, что можем. Король вернулся с охоты. Папа отменил аудиенцию. Все аккредитованные при итальянском дворе послы выразили *соболезнование*. Броненосцы приспустили флаги. Военное судно, отправленное на розыски какого-то города… *не нашло* того места, где он был. Русские матросы popolo d'eroi[71] – парад героев – являют чудеса самоотвержения, копаясь в тех грудах миазмов заразы, в которые в 40 секунд превратились человеческое мясо, осколки зодчества и морской ил. Ползут поезда, нагруженные мертвецами, и архиепископ носит мощи святой Агаты, смирительницы подземных сил. Телеграф стучит по всей Европе, но у нас не хватает извести, чтобы засыпать бывшую Мессину. Вульгарные слова газетных телеграмм приобретают силу древних итальянских хроник. А из Этны вырываются столбы желтого дыма, и Сицилия продолжает содрогаться, и *нам не усмирить ее дрожь*.

[71] Народ героев (*итал.*). Речь идет о российских моряках, спасавших жителей г. Мессины после землетрясения.

Неужели этим *фактам* нужно противопоставлять оптимизм? Не раз уже сотрясала землю эта подземная лихорадка и не раз уже мы праздновали свою *немощь* пред трусом, гладом и мятежом»[72].

Ясно? *Что* ставит в укор – европейскому миру варварская лира – скифского певца: *немощь перед трусом, гладом и мятежом* – и мразом, конечно, и хладом, и ветром – вообще перед стихией… Этой *немощью* и только *ею* обусловлено кошмарное, катастрофическое, как будто неотвратимое будущее – всей культуры.

А вот характеристика нашего века из повести «Возмездие»:

Двадцатый век… еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла.
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.)
Пожары, дымные закаты
(Пророчество о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине.
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь.)
И неустанный *рев* машины,
Кующей гибель день и ночь.
Сознанье страшное обмана
Всех прежних *малых* дум и вер
И первый взлет аэроплана
В пустыни неизвестных сфер.
Что ж человек? За ревом стали
В огне, в пороховом дыму
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

72 Горский приводит обширную выписку из статьи Блока «Стихия и культура», напечатанной в сб.: Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. СПб., 1909. С. 208–218. Одна из центральных тем статьи, которую выделяет здесь Горский, – тема бессилия человечества, погрязшего в муравьиной суете, перед лицом природных стихий. Мессинское землетрясение, о котором пишет Блок, произошло 28 декабря 1908 г. и унесло жизни более 100000 человек. В данной статье Горский видит ключ к процитированному выше четверостишию из стихотворения «Скифы» (1918). Прямое сопоставление образов находим на одном из листов с подготовительными материалами к докладу о «Двенадцати», вложенных в папку «Блок. 1940». Здесь приводится цитата из статьи «Стихия и культура»: «Люди культуры, сторонники прогресса – лучшие интеллигенты с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку, в тайной злобе – стараясь забыть и не слышать гул стихий земных и подземных, пробуждающийся то там, то здесь.

И только иногда, просыпаясь, озираясь кругом себя, они видят ту же землю, проклятую и до времени спокойную и смотрят на нее как на какое-то театральное представление, какую-то нелепую, но увлекательную сказку». И далее следует приписка Горского: «Дикой сказкой был для вас провал…».

О чем машин немолчный скрежет,
Зачем пропеллер, воя, режет
Туман холодный и пустой.

Вопрос этот стал неотвязно и стоит – безмолвный, как пес голодный, как… вопрос вопросов, загадка Сфинкса и пр. Какие дали? – Да никаких! Зачем? – Да кто его знает, зачем?

Так себе – режет…

И здесь, как видим, поэт опять не забывает помянуть Мессину и в трех исчерпывающих словах замыкает укоризненный смысл всех своих речей и песен на эти темы:

Стихийных сил не превозмочь…

Да – стихийных сил не превозмочь – ведь *это* же *предпосылки* всех замыслов и затей культуры. Бейся, старайся, хлопочи – но знай, что в конце концов все рухнет, как карточный домик от напора стихии. С такой вбитой в голову идеей каждый вождь и вершитель культуры подобен пушкинскому Александру из «Медного всадника»:

на балкон
Печален, смутен, вышел он
И молвил – с Божией стихией
Царям не совладать…

Покорение всех стихийных сил – обладание ими – об *этом* культура – не смеет и мечтать…

«Люди культуры, – говорится в той же статье «Стихия и культура», – сторонники прогресса – с пеной у рта строют машины, двигают вперед науку в тайной злобе, стараясь *забыть* и не слышать гул стихий земных и надземных, пробуждающихся то там, то здесь».

И самое большее, о чем они дерзают грезить, – это с помощью своих машин – куда-нибудь улизнуть, удрать с земли, с планеты, от мести пробуждающихся стихий.

Какие огненные дали открылись взору?

– А вот какие.

«Милостивые государи! – ораторствует старичок профессор на всемирной выставке, где сливки цивилизации, в драме «Песня судьбы». – В этом здании всемирной выставки собраны все продукты новейшей промышленной техники. Вы убедитесь воочию, сколь неутомима деятельность человеческого ума…

Толпа: Ума! Ума!

Старичок: И сколь велика сила человеческого таланта…

Толпа: Таланта! Таланта! Таланта!

Старичок: Сегодня я произношу в семьдесят седьмой раз слово о торжестве человеческого прогресса. Мы, ученые, можем смело сказать, что наука – единственный путь, на коем человечество преодолевает все преграды, поставленные ему природой. В недалеком будущем, милостивые государи, люди перестанут тяготиться пространством, ибо – вот автомобиль системы Лауиса, пробегающий полтораста километров в час!

Представитель фирмы выступает и расшаркивается:

Толпа: о! о! в один час!

Старичок: Вы видите, что знание опередило веру в чудесное. Нет более чудес, милостивые государи.. Вам нечего желать после того, как я познакомлю вас с последним великим открытием.

Толпа: О-го-го! Нечего желать!

Старичок: Пред вами летательный снаряд, обладающий чрезвычайной силой. Науке принадлежит честь открытия секрета управления им.

Это последнее великое изобретение, сулящее нам в будущем возможность сообщения с планетами…

Толпа: О! о! с планетами!

Старичок: Снаряд этот обладает минимальным весом, приготовлен и легчайшего материала. Но сила его летательных мышц такова, что своими гигантскими крыльями он легко может раздавить и пожрать человека.

Толпа: О! О! пожрать человека! О-о-го-го!»

Старичок удаляется с эстрады. Во втором отделении на нее взбирается Клоун и пародирует речь ученого:

«Нет более чудес, милостив<ые> государи. Сила моей семьдесят седьмой летательной пощечины такова, что этот ч<елове>к улетит высоко и исчезнет с горизонта вашего зрения. (Дает возле стоящему печальному человеку звонкую оплеху. Человек с неизменным лицом перевертывается несколько раз в воздухе и кубарем улетает за эстраду. Рукоплескания, хохот)»[73].

Все успехи науки и культуры блестяще символизированы этой пощечиной. Улететь с земли – с таким скандалом – вот до чего лишь сумела домыслиться убогая фантазия вождей и пионеров цивилизации – тут предел желаний – дальше уж никто не знает – чего еще пожелать.

Удивляться нечему. Наука – прекрасная и великая вещь – но что она делает? Она со старанием и успехом разрабатывает, проверяет

73 *Блок А.* Песня Судьбы // Шиповник: Литературно-художественный альманах. Кн. 9. 220–222.

и применяет к делу – очередные гипотезы – а эти гипотезы диктуются, поставляются господствующим воображением эпохи – а воображение-то это *больное*, а воображение-то *дурацкое*! Поистине – убеждает нас лира Блока – каждым трепетом своих струн – поистине надо иметь *безнадежно* больное и *непроходимо* дурацкое воображение, чтобы мечтать об устройстве новой жизни, прекрасной, светлой, свободной, справедливой, чистой, веселой – и т.д. при условии сохранения в ней – таких хронических явлений, как гость нахальный и буйный – дикий ветер, черный ветер – сотрясающий и ломающий дома, – или такой милой вещицы, как ежеминутная возможность Нового Лиссабона и новой Мессины, словом, при существовании хаотической, не гармонизованной, не подвластной человеческой разумной мысли и воле – стихии. И как не бросить все на свете, не отчаяться во всем – если только *вправду* нам *никогда* стихийных сил не превозмочь и со стихией не совладать!

На самом деле люди – жили столько веков, находили в себе *силы* жить – и *мириться* со стихией единственно лишь, как нам указано Блоком, в свете некоторого религиозного и поэтического *предчувствия будущего* овладения и покорения стихии. Оно, это предчувствие, вставало как видение над, крест над вьюгой, как дальней цели путеводительный маяк, символ – манящий намек, возможности не имеет [прямо] сказать.

Но вот наступает время, когда это предчувствие должно или окончательно исчезнуть, оставив людей со свободой без креста, без цели – в диком исступленном отчаянии… или… уплотниться до степени совершенно реального научного практического немедленно приложимого к делу проекта подлинно «мирового» действия, направленного на борьбу с врагом нечеловеческим…

Если архиепископ носит мощи Святой Агаты, смирительницы подземных сил, то не носит ли он с этим некоторой мысли, *утраченной* людьми культуры[74], униженно спускающей флаг своего знамени пред лицом стихии, мысли о том, что во *власти* человека смирить подземные силы, что не удирать с земли, как нашалившему школьнику из класса, а населить землю и *обладать* ею – извечное назначение человека.

Больное и дурацкое воображение – вот настоящее слово! вот подлинный корень всех несчастий. Ведь прежде чем новую жизнь *воплотить*, осуществить, надо ее сначала представить, *вообразить*... Но при больном и дурацком воображении (потому и больном,

[74] Более поздняя правка, сделанная зелеными чернилами для доклада 1922 г., дает такое чтение: «окончательно утраченной людьми буржуазной культуры».

что дурацком) естественно перервется золотая нить зацветающих чудес… Незачем подробнее говорить, некогда о самом *механизме* воображения и о том, какая именно *пружина* в нем с треском лопается – кажинный раз на том же месте. Кое-что было сказано в моем прошлогоднем докладе о поэзии Блока[75]. Важно что так или иначе – новая жизнь воображения *не удачна*. Невеста оказалась *картонной* куклой…

Тогда… чувствуя, что с наукой и мирным прогрессом каши не сваришь – обезумевшие народы возлагают остатки своих упований еще на два предприятия – два исчадия отчаянно-больного воображения – *войну* и *революцию*. Это последние две ставки на новый мир – авось хоть то, либо другое вывезет: обновит и преобразит жизнь, раздвинет горизонты – раскроет взору огненные дали. Ведь, как никак, *мировая* война, *мировая* революция – там и здесь высокого, красивого порыва хватает не надолго, в результате – *мировая мразь* – слякоть, пошлость, пустота и «скука смертная». – И мир все старее – тусклее, балаганнее, тошнотворнее становится от этих «мировых» затей. А других нет! Других никто не придумал! – Уж я ножичком полосну, полосну – скучно! Еще полосну – еще скучнее…

Для чего, собственно, так понадобилась человечеству эта судорога бескрылого желанья – война – драка государств и наций, революция – драка классов и сословий? Поводов, разумеется, тому и другому всегда найдено бездна, – поводов самых веских и основательных – а *причина* – причина только одна… жажда начать сообща какое-то грандиозное мировое действие, чем-нибудь отвести глаза, замаскировать унизительное, постыдное свое бессилие перед стихией, и хоть вид показать, что, не шутя, что-то делаешь – с чем-то возишься, борешься, куда-то двигаешься, на что-то надеешься. Только вот наше скифское племя, даже будучи в качестве всегдашних «послушных холопов» втянуто в «мировые» драки и скандалы, по уши в них увязнув, все-таки никогда не опустится до того, чтобы еще *серьезно* к ним относиться, чтобы хоть на миг счесть их *настоящим* важным делом, а не просто озорством и забавой от безделья и бесцелья.

«Народ войны не уважает», – подметил вдумчивый наблюдатель задолго до разложения нашей армии, – и конечно то же самое надо целиком отнести и к революции: и ее народ *не уважает* и *делом* ее не считает. Не имею возможности разбирать сейчас «Скифы» Блока,

[75] Горский отсылает к своему докладу «Красная тайна. Россия в поэзии А. Блока», который был прочитан в Одесском литературно-артистическом обществе 9 ноября 1917 года и напечатан в виде статьи в журнале «Южный огонек» (1918. № 16. С. 8–12).

где так откровенно выражена высшая степень этого неуважения к замыслам и мечтам, взлелеянным нашими европейскими соседями, и как равноценность противопоставлена им вероломная азиатская рожа.

Всем доселе сказанным, конечно, далеко не исчерпан смысл «Двенадцати» и лишь краем задеты «Скифы». Многие важные и любопытные грани облика поэзии Блока остались еще в тени.

Но пора подвести итог сказанному.

Старый мир, голодный, хвост поджавший пес, сколько от него не отрекайся, сколько его штыком не щекоти, будет бежать, не отвяжется до тех пор, пока не будет ясно, точно, безошибочно спроектирован новый мир. Иначе между разрушенным и невыстроенным возникает провал пустоты, скуки, куда и вытечет вся жизнь.

Желание нового мира без ясного представления о нем и есть бескрылое желанье.

Чтобы чему-нибудь вдвинуться в жизнь, воплотиться – необходимо ему сначала как следует вообразиться. И вот рецепты: вся власть учредительному собранию – или вся власть советам! Слишком ясно, что все эти собрания и советы – не смогут ни учредить, ни посоветовать ничего, что бы касалось, положим, ветра – а значит и поэту нечего сказать – о такой чепухе – вот если бы – группа людей [заговорила] о воздействии на ветер – на атмосферу – а тогда лирика – уже не могла бы остаться равнодушной.

Чтобы прочен был светлый пир труда и мира – этот мир – людей с людьми должен стать войной со стихией, с природой – войной до полной победы[76].

Да, скифскому поэту есть что предложить старому миру. И не то же ли самое предлагал «Клевет<никам> России» непонятый автор «Медн<ого> Всадника»:

«Да покорится же тобой и побежденная стихия»[77].

«Люди науки и культуры» не вняли этим голосам – не туда было направлено [1 нрзб.] их *воображения* (больного и дурацкого).

Кто, зная слабо Горького, знает его с этой стороны? Кому о последнем сказал Верхарн? И кому наконец известно самое имя Н.Ф. Федорова?[78]

[76] Фрагмент «Чтобы прочен был ∞ “В последний раз опомнись, старый мир”» является более поздней вставкой, относящейся к началу 1920-х гг.

[77] Цитата из вступления к поэме «Медный всадник». Цитируя, Горский заменяет присутствующее в тексте строки слово «умирится» («Да умирится же тобой…») на глагол «покорится», акцентируя преобразовательный пафос петровской темы поэмы.

[78] Эти отсылки, содержащиеся во фрагменте, относящемся к началу 1920-х гг., связаны со стремлением Горского не просто намекнуть, как в тексте 1919 г., а прямо указать на идею регуляции природы. Говоря о Горьком, Горский имеет в виду его выступления,

Все эти голоса старым миром искусно заглушались, они раздавались глухо, как в погребе.

«Цвет интеллигенции и культуры» пребывает во сне, спать желает и не смей его будить. Но двенадцать заставят проснуться и услышать и понять.

Все в них неосознанно, но верный инстинкт, и их выстрелы звучат предостережением:

«В последний раз опомнись, старый мир».

Жест героический для героя настоящей войны – настоящей – а не призрачной революции – и в нем раскрывается впервые душа революции, восстанья страшная душа[79]. Поскольку она вывернута наизнанку, [она] сама стихия, а не интеллигентская программа.

Этим жестом, протестующим против князя власти воздушной, они сдаются Христу, сдаются *мечте невозможной* – конечно, лишь для больного и дурацкого воображения невозможной и на самом деле весьма возможной – и уже признанной научным мышлением – хоть оно еще и терроризируется больным и дурацким воображением современников, – мечте, диктуемой здоровым и осмысленным воображением, об овладении стихией, о победе над пургой, вьюгой, над темной страстью, бескрылым томленьем Эроса – ведущего к убийству не только у Петьки с Катькой, а везде и всюду (так убивают все любимых[80]), наконец, над смертью…

Ведь и в сердце ветер снежный (страсть), и тот же ветер во сне, будет он и внутри, и всюду – одна пурга. И любовь будет убийством и т.д. И немощны пред нею, как пред ветром снежным, как пред грозовой тучей.

Обратно – уменье – управлять [1 нрзб.] ведет к плану регуляции.

в которых звучала тема победы над смертью, сближавшая писателя с Федоровым. Так, в лекции «О знании», прочитанной 30 марта 1920 г. в Рабоче-крестьянском университете, Горький утверждал «...человеческий разум объявляет войну смерти, как явлению природы. Самой смерти. Мое внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительного бессмертия. Я не вижу пределов мощи человеческого разума, я не вижу пределов работе его, я не вижу пределов его творчеству» (Архив А.М. Горького. Т. 12. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. С. 114). Упоминание Верхарна является отсылкой к статье-рецензии В.Я. Брюсова «Новые книги Эмиля Верхарна», которую родоначальник русского символизма начинал с рассказа о своей встрече с бельгийским поэтом Эмилем Верхарном (1855−1916). Когда собеседники заговорили об аэропланах и Верхарн сказал: «Я рад, что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом. Даже должен научиться управлять самим земным шаром», то Брюсов «к удивлению Верхарна» сообщил, «что эту мысль у него предвосхитил русский мыслитель, старец Федоров» (Русская мысль. 1910. № 8. С. 6, 2-я пагинация).

[79] *Восстанья страшная душа* – строка из стихотворения Блока «Вячеславу Иванову» (1912).

[80] Строка из «Баллады Рэдингской тюрьмы» (1897) О. Уайльда.

Те американцы, которые выстрелами орудий [пытались] вызывать дождь[81], сделали первый шаг к разгадке Сфинкса.

Настоящая наука, культура будет считаться с *ветром* (и Лиссабоном! И Мессиной!), ей уже не страшна сфинксообразная – Фаина – Судьба…[82]

И русские матросы – не сумели бы разве оправдать свое мессианское прозвище «народ героев», если бы их бедовой удали подвернулось такое мировое дело, которое действительно было бы делом, а не забавой – делом, которого они уже не могли бы *не уважать*! Ведь не другие – матросы – а те же самые – красовались недавно в русской революции – забавляясь вовсю, *там*, где, по их глубочайшему внутреннему чутью вообще позабавиться – не грех!

Ибо, конечно, пустая и глупая забава – переделывать жизнь по-новому, *пока*… по старому дует ветер, по-старому «бушует вьюга и пылит пурга…» Пока нет ни у кого мысли об управлении хаотическими волнами атмосферных течений, пока не начато превращение надрывной их дисгармонии безумного воя ночного ветра в дивную мелодическую музыку… то есть не затеяно в широком огромном масштабе того, что уединенно творит каждый лирик в изолированном и оттого до времени как бы иллюзорном, но пророчески-певучем круге своих волнений, своих органических излучений.

Вот чего просит и о чем ветер поет нам, звеня: чтобы жизни, чтобы воздуху и всем стихиям земли и неба даровано было согласье лиры. И началом этой гармонизации, этой космической музыки явится, может быть, как раз то самое, что практикуют кучка безумных шальных красногвардейцев в поэме Блока – стрельба в воздух, в ветер, воздействие взрывчатых веществ на атмосферические токи и волны[83].

Как это не раз бывало в истории, безумные оказались мудрее мудрых мира. Те домудрились всего-навсего до машин, кующих *ги-*

---

[81] Первые опыты по искусственному вызыванию дождя методом взрыва в облаках были произведены в Северо-американских соединенных штатах в августе 1891 г. Федоров узнал о них из корреспонденции журналистки В.Н. Мак-Гахан в газете «Русские ведомости» за 24 октября, и это стало непосредственным толчком для актуализации федоровского проекта превращения орудий истребления в орудия спасения, а самого войска – в естествоиспытательную силу. 14(26) октября 1898 г. философ выступил в газете «Новое время» с программной статьей «Разоружение», в которой этот проект был подробно изложен.

[82] Фаина, поющая «песню судьбы», – героиня одноименной пьесы Блока. Называя ее «сфинксообразной», Горский соотносит ее образ с античным образом Сфинкса, задающего загадки Эдипу.

[83] Далее черными чернилами вписано: «Не стану говорить об Америке – о Горьком, о Верхарне – их голоса заглушены – кому это нужно, но вот это нужно». Вставка относится к поздней версии доклада, сделанной в начале 1920-х гг.

бель день и ночь; а что те же машины могли бы ковать *спасение* от гибели – никому как-то в голову не зашло.

А эти, пройдя чрез «сознанье страшное обмана – всех прежних малых дум и вер» – нечаянно вплотную подошли к новой великой думе и великой вере – пред ними почти зажегся всеми утерянный – забытый – далекой цели путеводительный маяк[84].

И чем державней они будут шагать, чем отважней, уверенней и – планомерней, разумней палить в глухоту и черноту, в туман холодный и пустой, тем скорее растает в этом тумане неотвязно ковыляющий позади паршивый пес и тем явственней, ощутительней с их державным шагом сольется Чья-то «нежная поступь». Ибо поистине он уже *ищет* их, невидимый забытый *товарищ*, мнимый враг, действительный друг, союзник и помощник в одном главном и настоящем деле, воспоминанием о котором тщетно мучатся суетливые работники «культуры», и которое одно в состоянии разрешить все сомнения муки – без какового разрешения вечно будет всякое иное дело – не в дело.

Вот в каком смысле эти двенадцать никому неведомых и невежественных людей несут в себе образ грядущего человечества.

Будет ясное небо! Отзвучит песня судьбы – и будет человек героем. С беспредельной мыслью и волей развернутся и пройдутся богатыри по необъятному простору. Тогда все миры искусства воплотятся в жизни вполне.

Подобно ваятелю, метким резцом извлекающему божественные формы из косной глыбы мрамора, – должно будет объединенное население планеты, молотами орудий, доступных научной, военной и промышленной технике, высвободить зерно тайного света из-под грубой скорлупы, гробного покрова мглы и *вымостить* торные пути к блаженному краю, где «не темнеют неба своды, не проходит тишина», та тишина и сейчас уже ведома немногим, ощутима ими на краткие мгновения сквозь мутный мрак и дикий вой слепой стихии:

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля все до дна,
Что ищет нас, что в свете ветра длится
Иная тишина[85].

---

[84] Далее вписано черными чернилами: «К тому же подходя: Америка, Горький, Верхарн». Вставка фактически повторяет предыдущую. По всей вероятности, Горский, делая доклад о «Двенадцати» в начале 1920-х гг., определялся, куда вставить пассаж о вызывании искусственного дождя в Америке, об интересе Горького к наследию Федорова, о разговоре Брюсова с Верхарном (см. примеч. 122).

[85] Цитата из стихотворения Блока «Ответ Владимиру Бестужеву».

Литература

Азадовский К.М. [Вступительная статья]. Письма Н.А. Клюева к Блоку // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 427–523.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс, 1992.

Белый А. Материал к автобиографии (интимный) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.: Феникс, 1992. С. 409–449.

Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008.

Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Комическое как врата вечного: А.К. Горский. Песни без недомолвок / Вступ. ст., подгот. текста, публ., примеч. А.Г. Гачевой // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 418–498.

Муравьев В.Н. Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Семенова С.Г. Философ будущего века – Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004.

Серегина С.А. Н.А. Клюев и голгофское христианство: к истории вопроса // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 468–483.

Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995.

References

Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [From thoughts of the past: Memoirs]. Moscow, Feniks Publ., 1992. (In Russ.)

Azadovskii K.M. Vstupitel'naia stat'ia. Pis'ma N.A. Kliueva k Bloku [Inroductory article. Klyuev's letters to Blok]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Kn. 4* [Literary heritage. Vol. 92. Book 4]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 427–523. (In Russ.)

Belyi A. Material k avtobiografii (intimnyj) [Materials for autobiography (personal)], ed. by J. Malmstad. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Bypast: Historical almanac]. 9. Moscow, Feniks Publ., 1992, pp. 409–449. (In Russ.)

Berkovskaya E.N. *Sud'by skreshchen'ya: Vospominaniya* [Intertwines of destiny: Memoirs]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2008. (In Russ.)

Fedorov N.F. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 1* [Collected works in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1995. (In Russ.)

Gorskii A.K., Setnitskii N.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Raritet Publ., 1995. (In Russ.)

Iz istorii filosofsko-esteticheskoi mysli 1920–1930-kh godov. Vyp. 1. N.A. Setnitskii [From the history of philosophical and aesthetical thought of 1920–1930s. Iss. 1. N.A. Setnitsky]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Komicheskoe kak vrata vechnogo: A.K. Gorskii. Pesni bez nedomolvok [Comic as gates of eternal: A.K. Gorsky. Songs without understatements], introd., ed., comment. by A.G. Gacheva. *Komicheskoe v russkoi literature XX veka* [Comic in Russian literature of the 20th century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 418–498. (In Russ.)

Murav'ev V.N. *Sochineniia: V 2 kn. Kn. 2* [Works in 2 books. Book 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. (In Russ.)

Semenova S.G. *Filosof budushchego veka – Nikolai Fedorov* [Nikolai Fedorov as a philosopher of the upcoming century]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2004. (In Russ.)

Seregina S.A. N.A. Klyuev i golgofskoe khristianstvo: k istorii voprosa [N.A. Klyuev and Golgotha Christians: To the history of the problem]. *Utopiia i eskhatologiia v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 468–483. (In Russ.)

Solov'ev V.S. *Sochineniia: V 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. (In Russ.)

"A cross over snowstorm": Philosopher Alexander Gorsky on Alexander Blok's poem "The Twelve"

Anastasia G. Gacheva

Abstract: The introductory article and the publication introduce the academic analysis of A. Blok's poem "The Twelve" by a famous philosopher, aesthete, and poet Alexander Konstantinovich Gorsky (1886–1943). The article, which has been preserved in Gorsky's archive, consists of two parts. The first part was read as a report in Odessa literary and artistic society on January 23, 1919. Gorsky regards Blok as a philosophical poet whose reflection of man and history is weaved in artistic forms. He also reveals the inherent connection between "The Twelve", which he interprets as a "lyrical drama", and all other Blok's oeuvre, and brilliantly demonstrates the way this poem exposes the theme of "Eternal Feminine" and its tragedy in the empirical world. Gorsky also analyses in detail the theme of "substitution", the impotence of revolutionary action in front of natural disasters (they are embodied in images of

"blizzard" and "wind") described in the poem. In contrast to the literary critics, who consider "The Twelve" to be the apology of Bolshevism, Gorski states that in the form of indirect statements Blok shows the incompleteness and disintegration of the social ideal, proposed by Bolsheviks. As for the image of Christ, appearing in the poem's conclusion, Gorsky interprets it metaphorically as a "stone", which should form the foundation for the holistic ideal of a new, perfect system of life. Only Christ, who has calmed down the storms, resurrected the dead, gives impulse to genuine social action. The "Twelve" persecute Christ, but the pursuer always involuntarily follows the persecuted. And so the persecutors can turn into followers, be transformed from "Sauls" into "Pauls". The preface to the publication gives information about the Gorsky's biography and literary heritage as well as describes in detail the history of the philosopher's appeals to Blok's work.

Keywords: philosopher and poet A.K. Gorsky, "The Twelve" by Blok as a "lyrical drama", fractional and holistic ideals, tragedy of "Eternal Feminine", motives of the "wind" and "blizzard", the image of Christ.

Information about the author: Anastasia G. Gacheva, Doctor Hab. of Philology, Leading Researcher at the Department of modern Russian literature and Russian émigré literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-257-287
УДК 821.161.1

Доктринальное содержание и источники доклада Вячеслава Иванова «Евангельский смысл слова “земля”»

В.В. Петров

Аннотация: В статье анализируется доктринальное содержание доклада Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова “земля”», а также сеть контекстов (текстуальных, идейных, биографических), в которых он создавался. Отмечено, что доклад Иванова не является в строгом смысле филологическим или богословским исследованием значений лексемы «земля» в Евангелиях, а тезис Иванова о центральности «вопроса о Земле» для христианства не находит подтверждения в христианской догматике. Обсуждаются предпосылки, от которых отправляется рассуждение Иванова: он постулирует наличие разных степеней посвящения в мистические таинства и признает эзотерические откровения, неизвестные «внешней» церкви. Демонстрируется, каким образом концепции Мережковского и его мистика пола в докладе Иванова соединяются с толкованием Евангелия от Иоанна. Показано, что среди источников экзегетических построений Иванова находятся оккультные мифологемы и интерпретации Евангелия от Иоанна, заимствованные у Р. Штейнера. Указано на контраст между доктринально гетерогенным содержанием доклада и подчеркнуто традиционной формой его изложения. Демонстрируется, что некоторые из создаваемых Ивановым мифологем являются сюжетными инвариантами, проявляющимися в иных формах в других его текстах. Для прояснения концепций, лежащих в основе экзегетических построений Иванова, обсуждаемые темы анализируются в контексте других его сочинений с привлечением свидетельств из переписки, мемуаров, записей устных бесед.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Мережковский, Евангелие от Иоанна, Штейнер, Евгения Герцык, Анна Минцлова, экзегеза, эзотеризм, мистика пола, антропософия.

Информация об авторе: Валерий Валентинович Петров, г.н.с., директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, Москва, Россия. E-mail: campas.iph@gmail.com

Новозаветные комментарии Вячеслава Иванова получили наибольшее распространение в виде анонимных примечаний. Эти, датируемые 1941–1942 годами, разъяснения к «Деяниям апостолов» и «Откровению Иоанна Богослова», написанные по заказу иезуитов из Папского Восточного Института и Руссикума, уже были предметом рассмотрения[1]. Их особенностью является то, что они в минимальной степени несут на себе отпечаток мифопоэтического мировоззрения Иванова, будучи сухими пояснениями к тем или иным строкам Библии. В первый раз эти комментарии Иванова увидели свет в 1944 г. в составе вышедших в Риме на русском языке книг Нового Завета[2], а затем, в несколько отредактированном виде, они были воспроизведены в Брюссельской Библии[3]. Хотя множество людей читали эти примечания[4], о их принадлежности перу Иванова не было известно.

В этой статье мы намерены рассмотреть принципиально другой образчик ивановской экзегезы – глубоко личностный, не ограниченный формальными требованиями, а потому в наибольшей степени отражающий его собственное эклектичное мировоззрение. Мы обсудим особенности экзегетического подхода Вяч. Иванова к Евангелию от Иоанна в докладе «Евангельский смысл слова ‘земля’»[5], прочитанном 4 мая 1909 г. на заседании Христианской секции Религиозно-философского общества в Петербурге[6]. В этот период Иванов делает попытки сблизиться с кругом Д.С. Мережковского, поэтому его доклад является реакцией на идеи Д.С. Мережковского

[1] *Архипов А.* Вячеслав Иванов – комментатор Нового Завета. Предварительные соображения // Europa Orientalis. 2002. № 21.1. С. 39–94.

[2] Деяния св. Апостолов. Послания св. Апостолов. Откровение св. Иоанна. Рим: Ватиканская типография, 1946.

[3] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. Брюссель: Жизнь с Богом, 1973. В Брюссельской Библии эти комментарии были отредактированы о. А. Менем, который не знал, что автором некоторых разделов примечаний был Вяч. Иванов.

[4] Как справедливо указывает Архипов: «Брюссельский Новый Завет, Брюссельская Библия была исключительно важна для религиозной эволюции русской интеллигенции с 70-х годов и по настоящее время. […] Множество, если не большинство русских исследователей Библии […] и просто читателей […] неизбежно должны были пройти через влияние этих изданий, а значит. хотя и неявным образом, и через влияние Иванова» (*Архипов А.* Вячеслав Иванов – комментатор Нового Завета. С. 52).

[5] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926) / Публ., вступ. ст. и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 142–170; *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» / Подгот. текста, коммент. и прилож. О. Фетисенко // Символ. 2008. № 53–54. С. 68–84.

[6] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 1: 1907– 1909. М.: Русский путь, 2009. С. 610–617.

и В.В. Розанова. В этом качестве он вполне соответствует другим докладам, читавшимся в Религиозно-философском обществе. Однако в своей эзотерической части текст Иванова предлагает доктрину гетерогенную по отношению к устремлениям РФО. Более того, как мы покажем ниже, доклад Иванова не является в строгом смысле филологическим или богословским исследованием значений лексемы «земля» в Евангелиях – этот сложный и многослойный текст решает другие задачи. Мифологемы и идеи, которые в 1904–1907 гг. формировались у Иванова под влиянием оккультизма (и излагались на его языке), теперь, не меняясь по существу, формулируются им на языке перенятой у Мережковского православной мистики Земли и пола, в терминах христианско-штейнерианской эзотерики. При этом базовые взгляды Иванова не претерпевают существенных изменений.

Отношение Иванова к официальному православию сформулировано им 28 ноября 1908 г. в письме к Мережковскому, Гиппиус и Философову. Основные положения письма делают ясным методологические установки доклада «Евангельский смысл слова “земля”»:

> Всю догматику церковную я нахожу адекватно выражающей религиозную истину; но знаю также, что эта догматика не выражает *всей* истины в ее полноте. Не слишком много в церкви догматов; а, напротив, недостаточно: многое прежде скрыто или не раскрылось еще. [...] Верю в Церковь, как мистическую реальность, и в ее Таинства, как мистическую реальность (из чего вытекает признание духовного иерархизма), – почему сознаю себя – как и *вас*... находящимся в лоне Церкви. Относясь […] отрицательно к человеческой организации церковной мистической реальности, я расхожусь с вами, быть может, в том, что, тем не менее, неправым считаю прекращение общения с церковною жизнью, с обрядом и Таинством: всюду и безраздельно приемлю мистическую реальность, где нахожу ее, – но только ее одну, – не смущаясь земными оболочками, ее затемняющими. Причастие, и переданное рукою убийцы, приемлю[7].

В сущности, Иванов сообщает следующее. Принимая догматы Церкви, он утверждает свое право не ограничивать себя ими, но предполагает, что некоторые древние догматы Церковью утаены (каким образом, он не поясняет), а некоторые ей еще открыты (но явлены самому Иванову в личном мистическом опыте). Исходя из сказанного, Иванов, в отличие от Мережковских, не думает прекращать общение с Церковью в ее исторической данности: он ходит

[7] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 144.

к причастию, но не отрицает для себя и других таинств, которые настоящей Церковью не признаются[8]. Упомянутый Ивановым «духовный иерархизм» – это эвфемизм для обозначения разных степеней духовного посвящения, предполагающий наличие тайных доктрин, могущих отличаться от тех, что проповедуются во «внешней» церкви. Ближайшим аналогом здесь являются различные градусы посвящения в масонстве вообще и, специально, – в близкой к оккультному масонству школе Штейнера, которая также делилась на внешнюю и внутреннюю.

Положения письма к Мережковским помогают понять то, что затем подразумевается в докладе. Собственно, во вступлении к докладу Иванов (в чуть более осторожной форме) повторяет свою позицию. Он начинает с оправдания своей неортодоксальности, замечая, что, если брать *внешние* критерии, «я держусь мнений, чрезвычайно, быть может, расходящихся с самоопределением внешних церковных организаций». По мнению Иванова, если судить по критериям внутренним, то «живое сознание внутренней принадлежности к церкви» и «чисто-мистическая связь в духе с верными» обеспечивают «принадлежность церкви даже и такого мыслителя, мнения которого не встретили бы признания в представителях внешней церковной организации или были бы этой последней, как таковой, прямо враждебны»[9]. Как и в письме, в докладе Иванов полагает, что

> Церковь не открыла людям *всей* истины […] Доселе открытое уже во многом недостаточно […] Церковь не должна заграждаться от попыток мистического проникновения в то, что ею же самой некогда было сокрыто[10].

Свободно перелагая ап. Павла, первой ценностью Иванов называет любовь, а ценностью величайшей – «всяческие таинства и всякое знание»[11]. Сказав это, Иванов переходит к заявленной теме. При этом характер его изложения является нарочитым подражанием стилю ранних отцов церкви, насыщавших свои тексты множеством цитат из Писания. Этот обязательный с первых веков христианства подход предполагал, что автор сначала обращается к *авторитету*

[8] Как мы покажем ниже, истоки мистических прозрений Иванова находятся не только в христианской богословской традиции, но также в оккультизме и антропософском учении Штейнера.

[9] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 70–71.

[10] Там же. С. 71.

[11] 1 Кор 13:2: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны (τὰ μυστήρια), и имею всякое знание (γνῶσιν) и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».

(auctoritas) Писания или предания, и только потом – к разуму (ratio). Разумеется, ни окружение, ни аудитория Иванова такие средства не использовали, и к ним не были привычны. В начале XX века и в устах светского автора подобная манера рассуждать приобретала черты откровенной стилизации. (Сходным образом Иванов поступает, когда стилизует свою лирику с оглядкой на античные образцы.) В этой связи верной представляется выразительная характеристика, данная Иванову Андреем Белым:

> Было что-то в В.И. от идейного иезуитизма: вся гибкость его мне порою казалась приемом: пробраться в интимные закоулки чужого сознания [...] Чтоб кого-нибудь “*покорить*”, начинал агитировать он; и идейно порою пускался в интриги, [...] похождения с “*переодеванием*” […] Многие называли Иванова “*идейною*”, метафизическою кокеткою; помню, что раз, рассердившись, воскликнул я: “Да, Вячеслав, переехав в Москву, снял квартиру теперь в *Православии*; и прекрасно устроился в ней, как устраивался некогда он в мистическом анархизме” […] Когда носил бороду, то... чуть-чуть […] “*христосился*” он (по Корреджио): сантиментально, вздыхательно; этот “*аспект*” в нем казался всегда подозрителен […] “*Христов*” – это беглый налет, пробегавший по умному и некрасивому лику, казался мне “*авантюрою*”, переодеваньем Иванова. […] Отчетливо он проницал собеседника, перевоплощаясь в него; он из каждого каждому продиктовывал нужные каждому смыслы; это умение перевоплотиться в захожего человека и делало его чарователем, чуть не учителем жизни: [...] великолепно с поэтами он рассуждал о пэоне втором и четвертом; с богоискателем – о непорочном зачатии[12].

Примечательно, что окружающие нередко воспринимали Иванова сообразно тому мифу, с которым он в данный момент работал. Когда Иванов создавал «Сон Мелампа» в 1907 г., то являлся Л. Зиновьевой-Аннибал и М. Сабашниковой в виде Змея[13]. Когда готовил

[12] *Белый А*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. С. 624–627. Ср.: «Любил я его [Иванова] в колоссальнейших ботиках, утопающим в шубе на лисьем меху, в малой котиковой шапке; в таком виде его проглядывало поповское что-то, когда мы садилися в саночки, отправляясь на заседание Религиозного общества; я имел вид псаломщика, вероятно; В. И. – вид “*старинного батюшки*” […] – со стороны бы сказали: “*Ну вот, – повезли попа: службу справлять*!” *[...]* Редкие эти выезды всегда имели меткую цель: провозгласить, “*совершить*” обряд заседания, заключить союз, образовать группу: словом, – службу “*справлял*” он; и как же было уютно вернуться с ним после “*на башню*”; и там, веселясь заключенным союзом, представить все в лицах: как Иванов “*служил”,* как “*подтягивал*” с клироса я и т.д.» (Там же. С. 626–627).

[13] См.: *Петров В.В*. «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno: Edizioni culturali internazionali, 2017. P. 24, примеч. 4.

доклад «Евангельский смысл слова “земля”», тема которого – отношения Жениха-Света с Душой-Землей, А. Герцык воспринимала его отношения со своей сестрой сквозь призму тех же образов[14]. То, что в последнем случае Иванов представал Христом не должно смущать, если учитывать его интерес в 1905–1909 гг. к хлыстам с их христами и богородицами[15].

Ниже мы покажем, что было бы ошибкой воспринимать доклад Иванова, prima facie, как исключительно филологический[16] или богословский[17] анализ текста Евангелий. Цели Иванова другие – он занят жизнетворчеством, пытается подхватить и развить темы Мережковского, желает выразить свои оккультные и мистические воззрения на языке, который скрывает их истинные источники и природу.

Уже в самом начале Иванов формулирует свой основной тезис: «Вопрос о Земле представляется мне в христианстве центральным»[18]. Это суждение никоим образом не соотносится с христианской догматикой: доклад Иванова отправляется от рассуждений Д.С. Мережковского о религиозном и мистическом смысле «земли», изложенных в работе «Толстой и Достоевский. Религия. Часть 2»[19].

---

[14] В письме от 20 (6).05.1909 к Евгении она пишет: «Милая, сегодня пришло твое письмо […] о том, как Вы с Вячеславом тихо врозь идете к одному и узнаете Христа. Такая мистерия – единая, неповторимая – духовный брак Ваш, так страстно приникаю я вся к тебе, узнавая об этом. […] Напиши о реферате Вячеслава “Земля и Евангелие”!» (*Герцык А.* Письма к Е.К. Герцык // Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: Инапресс; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. С. 195–196). Схожая лексика используется ею в письме от 14(27).02.1909: «Я ценю Вячеслава […], верю ему беззаветно, и верю что только им и через него придет Свет. […] Как хорошо Вячеслав написал об опасности соединения символизма с неверием и любви к Деве-Матери и нелюбви к жене» (Там же. С. 187). В финальной фразе имеется в виду отрывок из статьи Иванова «Древний ужас» (см. ниже).

[15] В мае 1905 г. по инициативе Иванова на квартире Н. Минского было устроено мистическое «радение», схожее, как считали собравшиеся, с хлыстовским (см.: *Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 10–12).

[16] Ср.: *Обатнин Г.* Иванов–мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 108–109.

[17] «С рассуждения о жанровой чистоте как условии и аналоге вероучительного правомыслия начинается и доклад Вяч. Иванова о евангельском смысле слова “земля”; выраженный во вступительных фразах благой страх перед богословским дилетантизмом, перед нарушением границы богословского дискурса, в серьезном смысле слова трогает […]. Эту неожиданную интонацию чуть ли не робости надо суметь расслышать […] Степень чувства ответственности, владевшего поэтом перед лицом подобных тем, сама по себе достойна уважения и вносит некоторые поправки в образ человека, которого столько раз изображали демоническим соблазнителем» (*Аверинцев С.* Вяч. Иванов как истолкователь Евангелия // Символ. 2008. № 53–54. С. 782).

[18] Ср.: «Земля не представлена прямо лицом в Священном Писании; и только по намекам угадываем мы об истинной концепции Геи-Жены в первой общине христиан» (*Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 151).

[19] См.: Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Т. 12. М., 1914; впервые опубликовано в журнале «Мир искусства» в 1900–1902 гг.

Не случайно, здесь же Иванов цитирует слова Ницше: «Братья, будьте верны Земле»[20], замечая, что Ницше напрасно считал, что христианство пренебрегает Землей. Использование указанной цитаты из Ницше в контексте рассуждений о Земле, задано чтением соответствующего рассуждения Мережковского, в котором эта цитата встречается дважды[21]. Там же Мережковский пишет:

> Казалось нам, что быть христианином значит любить небо, только небо, отрекаясь от земли, ненавидя землю. Но вот христианство – не как отречение от земли, не как измена земле, а как новая, еще небывалая “верность земле”, новая любовь к земле, новое “целование земли”. Оказывается, что не только можно любить небо и землю вместе, но что иначе и нельзя их любить, как вместе, нельзя их любить раздельно, по учению Христа. Пока мы любим небо или землю не до конца […] нам кажется, как Л. Толстому и Ницше, что одна любовь отрицает другую[22].

Христианская религия, соглашается с Мережковским Иванов, отличается от других тем, что провела траекторию «нисхождения от Отца, в лике Жениха к Земле ради спасения Земли»[23]. И здесь же Иванов бросает упрек в смешении понятий Мира («космоса») и Земли В. Розанову, критикуя доклад «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира». Горек Мир, но не Земля, заявляет Иванов. Мнение «исторической» церкви ограничено «моментом в раскрытии христианской истины», а потому не имеет «философского значения». Истина Христова, а значит, нормы морали и поведения не одни и те же для всех, но зависят от *степени посвящения*:

> Хорош пост, но хорошо […] вовсе не поститься. Хорошо девство; но хорошо и составить единую плоть с женою во Христе. […] Устанавливая […] иерархии Христовых последователей […] сообразно степени посвящения […] и приближения [человека] к Отцу, христианство ясно указывает на гетерономичность каждой отдельной ступени по отношению к другим, ибо если Иоанну приличествовало

[20] Ср.: «Заклинаю вас, братья мои, *оставайтесь верны земле* и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. Ю.М. Антоновского, под ред. Е.В. Озноблкиной // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. С. 14).

[21] *Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. Религия. Часть 2 // Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Т. 12. М., 1914. С. 18, 47.

[22] Там же. С. 48.

[23] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 72. Заметим, что христианская сотериология говорит не о спасении Земли, но о спасении Человека. Некоторые богословы учили, что через человека будет спасен весь мир, космос, но, разумеется, не Земля в ее мистическом понимании Достоевским и Мережковским.

поститься и быть в пустыне, то иной был закон не только для самого Жениха, но и для сынов чертога брачного[24].

Другой упрек Иванов направляет против мысли Мережковского, согласно которой «откровение о Земле не дано в достаточной мере Новым Заветом», но получит распространение «только в Третьем Завете»[25]. Именно «Новый Завет», – заявляет Иванов, будучи проповедью самого Христа, – […] и «есть благовестие о Земле». Иванов соглашается с тем, что в определенных изречениях Нового Завета подразумевается отвержение мира, или, как говорил Достоевский, «неприятие мира»[26], но в Новом Завете нет указаний на неприятие Земли.

Далее, в духе христианских толкователей Евангелия от Иоанна, Вяч. Иванов приводит около двух десятков новозаветных цитат, подтверждающих тезис о евангельском неприятии «мира». В частности, он цитирует слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Вы от нижних (ἐκ τῶν κάτω), Я от вышних (ἐκ τῶν ἄνω), вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин 8:23)[27]. Приводятся строки о том, что мир заражен грехом, ненавидит учеников Иисуса, лежит во зле и т.д. «Мир таков», – продолжает Иванов, – «ибо подвержен князю мира сего»; после чего он переходит к цитатам, в которых упоминается «князь мира» (ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου, Ин 12:31; 16:11).

«Уже из приведенных мест, – заключает Иванов, – выявляется основной смысл различения между Миром и Землею». Заметим, что Иванов привел только строки, в которых сказано о «мире», но не строки, говорящие о «земле». Это представляется нелогичным, поскольку именно «Земля» является темой доклада. По какой причине в тексте опущены цитаты, относящиеся к «земле», непонятно. В сохранившихся подготовительных материалах к докладу имеются выписки с упоминаниями слова «земля» в Новом завете[28].

[24] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 73.

[25] Идеи Третьего Завета были высказаны Мережковским в докладе «О Церкви грядущего», прочитанном в РФО 8 ноября 1907 г. (РФО. Т. 1, с. 113–117).

[26] См. статью Иванова «Идея неприятия мира» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 79–90), впервые напечатанную Ивановым в качестве предисловия к книге Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб.: Факелы, 1906), а также слова Ивана Карамазова: «Я не Бога не принимаю […], я мира, им созданного […], не принимаю и не могу согласиться принять» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. 14. Ленинград: Наука, 1976. С. 214).

[27] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 148.

[28] Хранятся в той же архивной единице, что и сам доклад (ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 135, л. 11–19). Частично опубликованы в Иванов 2008, с. 83–84. В письме от 21.04.1909 г. А.Р. Минцлова пишет Иванову: «сегодня, открывая Евангелие, мне попалось следующее место, о котором напоминаю Вам, т.к. Вы говорили мне о *земле* в Евангелии – Гл. Иоанна III

Рассуждая о «земле» Иванов конструирует прихотливую экзегетическую цепь, основанную на числе семь: «Земля» отождествляется им с миром, которым правят 7 звездных демонов; с самарянкой, имевшей 7 мужей (Ин 4:16–18); с Марией Магдалиной, из которой Иисус изгнал 7 бесов (Мк 16:9; Лк 8:2). Наконец, Земля представляется в виде женщины, взятой в прелюбодеянии, которую книжники и фарисеи привели к Иисусу на суд (Ин 8:3).

По мнению Иванова, ныне Мир – это «Земля в ее данном, временном состоянии», когда она «подчинена князю мира сего». Как воздух относится к земле, так князь мира (дух) относится к Земле, которая есть «плоть одушевленная и душа мировая»[29]. Соперником князя мира является Христос. Когда князь мира будет изгнан вон, «Земля» сядет у ног Христа, как Мария Магдалина, из которой были изгнаны семь бесов[30]. В соединении с Христом Земля образует «новый мир, новый космос», исполнив обетование: «царство мира соделалось царством господа нашего и Христа его, и Он будет царствовать во веки веков» (Откр 11:15). В этом месте Иванов отступает от Синодального перевода в пользу буквального прочтения греческого текста, где говорится о «царствах» во множественном числе: αἱ βασιλεῖαι. Как замечает Иванов, множественное число:

> по-видимому, указывает на последовательность царств или царствований несколько князей сего мира, нескольких мужей жены Самаритянки, из коих ни один не был настоящим.

Иванов поясняет:

> Мы уже имели выражение “век” (αἰών) в применении к князю мира сего, тот есть нынешнему владыке этого нынешнего мира. Христос же воцарится не на один эон, как каждый из неправых владык и мужей Земли, – но на эоны эонов[31].

30–32. Все это место, глубоко окрашенное тем отблеском алой Розы – я привожу Вам, т.к. Вы хотели знать, где упоминается слово *Земля* в Евангелии».

[29] Интересное отождествление Земли с душой мира, лишь упомянуто и не получает дальнейшего развития. В других сочинениях Иванов неоднократно задействует эту категорему античного платонизма, но не здесь: видимо потому, что во введении обещал не обращаться к языческим теориям.

[30] Ср. Мк 16:9: «Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов»; Лк 8:2: «некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов».

[31] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 76.

Здесь примечательно упоминание о нескольких князьях мира и «эонах», под которыми здесь разумеются сменяющие друг друга мировые эры, отмеченные царствованием того или иного космического демона. С этой концепцией Вяч. Иванова познакомил В. Брюсов[32], неверно атрибутировавший её Агриппе Неттесгеймскому[33]. На самом деле, она сформулирована в одном из параграфов анонимного гримуара «Арбатель: о магии древних»[34]. Согласно «Арбателю» всемирная история подразделяется на семь «эонов» или астральных эр (длительностью по 490 лет), каждой из которых правит один из «олимпийских духов», ассоциируемых с одной из планет. Соответствующий пассаж (в сокращенном переводе с латинского) Вяч. Иванов разместил в качестве эпиграфа к своему стихотворному циклу «Carmen saeculare»:

> Есть семь мировых кормчих и семь державств небесных, коим повелел Бог ведать всю сию громаду вселенной; их же светила зримые и имена на языке небесном суть: Аратрон, Бефор, Фалег, Ох, Хагиф, Офиель, Фил. Владычествовал Бефор от 60 г. до Рождества Слова по 430 г.; ему наследовал Фалег до 920 г.; Фалегу Ох до 1410 г. Хагиф царствует по 1900 г.; оттоле Офиель (Корнелий Агриппа. Arbatel de Magia XVI)[35].

Согласно этому тексту в 1900 году правление во вселенной перешло от Хагифа (планета Венера) к Офиелю (планета Меркурий), т.е.

---

[32] Брюсов в это время начал работать над романом «Огненный ангел», одним из персонажей которого был Агриппа. Ср. письмо Иванова Брюсову от 4 августа (22 июля) 1904 г.: «Я написал Carmen Saeculare […] Этим стихотворением обязан опять тебе: это *ты* показал мне у Агриппы, что с 1900 г. судьбами земли правит новый звездный демон […] Вот почему Carmen *Saeculare*» (*Брюсов В*. Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н.В Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 454). В письме Иванов просит Брюсова при публикации в альманахе «Северные цветы – Ассирийские» (1905. № 4. М.: Скорпион) в качестве эпиграфа предварить «Carmen Saeculare» соответствующими строками из Агриппы Неттесгеймского. Видимо, Иванов узнал от Брюсова о семи демонах, правящих семью эонами, но не имел соответствующего текста. Брюсов просьбу Иванова не исполнил, поэтому тот вставил нужный эпиграф в позже – когда перепечатал «Carmen saeculare» в сборнике «Cor Ardens. I» (М.: Скорпион, 1911). См.: *Шаргородский С.* Тайны Офиэля: три оккультных эпизода Серебряного века // Toronto Slavic Quaterly. 2011. № 38. С. 73–79.

[33] Возможно, зная, что трактат не принадлежит Агриппе, Брюсов следовал традиции атрибутирования этого анонимного сочинения Агриппе, дабы придать больший вес учению о семи звездных демонах, см.: *Шаргородский С.* Тайны Офиэля. С. 73, 75–76.

[34] Arbatel de magia veterum. Basileae, 1575. Aphorismus 16; *Агриппа*. Магия Арбателя / Пер. с фр. А. Трояновского. СПб., 1912. С. 13, 17. Латинский текст см.: Arbatel. Concerning the Magic of the Ancients / Ed. and transl. by J.H. Peterson. Lake Worth, FL: Ibis Press, 2009. P. 28.

[35] Carmen saeculare // *Иванов Вяч*. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 286–289.

произошла смена веков (saeculorum)[36]. Иванов пересказывает учение «Арбателя» в эссе «Из области современных настроений» (1905)[37]:

> Агриппа Неттесгеймский учил, что 1900 год будет одним из великих исторических рубежей, началом нового вселенского периода, одного из тех периодов, длительностью каждый в 490 лет, сроки которых делят всемирную историю на последовательные царствия семи космических демонов. Едва ли кто знал в нашем обществе об этих исчислениях старинных чернокнижников[38]; но несомненно, что как раз на меже новой астральной эры были уловлены чуткими душами как бы некие новые содрогания и вибрации в окружающей нас интерпсихической атмосфере – и восприняты как предвестия какой-то иной, неведомой и грозной эпохи[39].

Отрывок о демонах, правящих эонами, и о переходе от «века к веку» в 1900 г. повторяется в текстах Ивановым трижды: в 1905, 1911 и 1930 годах, что свидетельствует о важности для него этой мифологемы. Таков оккультный фон упоминаний о князьях сего мира («мужах самарянки») в докладе «Евангельский смысл слова “земля”».

Согласно Иванову, правление князей мира прекращается с пришествием Христа[40], которого Иванов именует Женихом, Дионисом, Светом:

---

[36] Именно поэтому Иванов назвал свой стихотворный цикл «Гимном в ознаменование смены веков» (Carmen saeculare), повторив титул соответствующего гимна Горация, написанного для юбилейных торжеств, отмечавшихся на Палатинском холме в Риме раз в 110 лет.

[37] Тот же текст в сокращении дается в статье 1909 г. «О русской идее» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 322).

[38] Этот пассаж еще раз будет повторен в статье «Русская идея», вышедшей на немецком языке в 1930 г. (её обратный перевод на русский см.: *Иванов Вяч.* Русская идея / Пер. с нем. М. Кореневой, примеч. Р. Бёрда // Символ. 2008. № 53–54. С. 97–98). Текст 1930 г. в ряде мест отличается, ср.: «Едва ли кто знал у нас об этих сомнительных исчислениях старинных книжников, кроме двух поэтов, один из которых, узнав об учении неттесгеймского астролога от другого, сочинил сумрачную “*carmen saeculare*”, в которой он провозгласил начало новой эры жесточайших потрясений и приближающееся господство дикого “*adamantina proles*”» (*Иванов Вяч.* Русская идея. С. 97–98). “Adamantia proles” (лат). – «племя из стали и алмаза».

[39] *Иванов В.* Из области современных настроений. 1. Апокалиптики и общественность // Весы 1905. № 6. С. 35. В публикации 1905 г. Иванов дает в этом месте ссылку: «Ср. А. Белого “Апокалипсис в русской поэзии”, Весы, апрель 1905, стр. 12 и сл.». В «Русской идее» (1930) в этом месте добавлены слова: «Об этом тревожном симптоме, который открывается нашему духовному взору, улавливающему, как постепенно затягивается мглою горизонт, пишет Владимир Соловьев в своей последней работе (“Три разговора”)» (*Иванов Вяч.* Русская идея. С. 98).

[40] Ср.: «Господство Люцифера над Землей не распространяется до глубин ее мистической реальности […] Христос несет тварности девственную непорочность и воскресе-

> Свет символизует Жениха. Еще язычники молились Дионису: “Гряди, Жених, гряди, Свете Новый”. Свет мира сего – муж, одержащий ныне Душу Земли, – но о нем она имеет право сказать: “Я не имею мужа”[41].

Здесь Иванов имеет в виду повествование о самарянке из Евангелия от Иоанна, имевшей шесть мужей, которых заместит муж седьмой и последний – сам Христос[42].

Вариант этого рассуждения повторяется Ивановым в эссе «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917), затем вошедшем в работу «Достоевский: трагедия – миф – мистика» (1931):

> Люцифер – “князь мира сего” […] Упразднит Люцифера Тот, кто называет себя в Откровении Иоанновом “звездою утреннею, первым и последним”[43] – “Агнец божий, вземляй грех мира”[44]. Во всех писаниях Нового Завета словам “Земля” и “мир” усвоено особливое против обычного значение: светлое – первому из них, темное – второму. “Мир” ненавидит Слово, ставшее Плотию, и приявшие Слово ненавидят “мир”: “Земля” как бы покрыта и окутана “миром”, сама же не “мир”. Она подобна жене-самарянке, шестой муж которой – не муж ей: так и “князь мира сего” не истинный муж Земли, а лишь владыка ее; его владычество над нею и зовется “миром”. “Мир” есть данное состояние Земли, внешне и видимо обладаемой Люцифером: ее modus, – не substantia. Седьмой, небесный, вожделенный и чаемый Жених смутно узнается женою в чертах Пришельца[45], сказавшего ей: “дай Мне пить”[46].

ние» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, при участии А.Б. Шишкина. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 567).

[41] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 77.

[42] Ср. Ин 4:16–18: «Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала». Ср. разделы «Вечная женственность» и «“Sainte prostituée” Египта» в: *Розанов В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. 2-е изд. СПб., 1913. С. 46–50, где упоминается и эпизод с *семи*-мужнею самарянкою (на эту параллель указал Г.В. Обатнин: *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 154, примеч. 24).

[43] Откр 22:16: «Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя».

[44] Ин 1:29: «Видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет (αἴρων) на Себя грех мира». Цитируя церковнославянский перевод, Иванов получает возможность сыграть на созвучие между «вземляй» (взявший) и «земля».

[45] Ин 4:7: «Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить».

[46] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, при участии А.Б. Шишкина. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 452, 567. См. также: *Доброхотов А.Л.* Демо-

Необычное описание брака Христа – не с Церковью, но с «мистической Землей», как душой мира, восходит к Мережковскому, который в книге «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900–1902) интерпретировал используемую Достоевским мифологему «Мать Сыра Земля» как реинкарнацию древних представлений о богине-матери, жизненность которых подтверждается наличием их аналогов в философии Ницше:

> “Богородица великая мать сыра земля есть” […] “Мать сыра земля”, это – незапамятно-древнее, общее всем европейским народам, арийское […], как будто языческое, еще до-христианское, и, вместе, как будто уже не христианское, противо-христианское, идущее от Антихриста – дерзновеннейший предел крайняя точка западно-европейской культуры. Мы, только мы, в самые последние дни этой культуры начинающие вспоминать забытый смысл ранних Элевсинских и поздних, соприкоснувшихся с христианством, греко-римских таинств Великой Матери, Доброй Богини, Magna Mater, Bona Dea, Кормилицы и “упования рода человеческого”, многогрудой Кибелы Цереры, подземных таинств, в которых тело Богини превращалось в святой хлеб, только мы, услышавшие завет Заратустры-Антихриста: “братья мои, оставайтесь верными земле” – bleibt mir treu der Erde – смутно предчувствуем, какие неизмеримые религиозные возможности заключены в этом действительно пророческом символе[47].

О контексте ивановского культа женского начала, переплетающегося с мистикой пола, пишет Е.К. Герцык. Для нашей темы важно, что соответствующий отрывок ее воспоминаний начинается со слов о «силе, обращенной к Земле»:

> В.И. нередко записывал […] изречения […] Помню такие: […] Vis eius integra si versa fuerit in terram[48]. […] Поворот к Земле […] на первых порах принимает у него форму исступленного культа женского начала. Оно заливает все в мире, утверждается как женское единобожие, как стихия, в которой сладость потонуть. […] Историк – он листает ученые труды, ловит глухие указания на древний матриархат, грезит о новых формах его, о женщинах – жрецах будущего... Как из схлынувшего половодья, я сейчас нахожу следы этих настроений в его статьях и лирике 908 года. Я знала людей […], которые с него-

нология Вяч. Иванова в книге «Достоевский» // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2013. С. 190–191.

[47] *Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. Религия. Часть 2. С. 18.

[48] Лат. – Сила его нетленна, если обращена будет к Земле.

> дованием говорили, что вся книга “Cor ardens” – сплошная сексуальность, опрокинутая на сферу духа, что от нее разит запахом семени. […] Тонкий эротизм, и впрямь излучавшийся в то время из каждого слова Вяч. Ив., кружил и мне голову. […] Мысль постоянно направлена на то, что мы называли мистикой пола. Помню, как я однажды в большом возбуждении писала В.И., что мне открылось, *как* в будущем сложится его жизнь в сфере любви, пола: он, мол, уж так высок, что для него неверна любовь к *одной*, искание личного счастья – он должен давать свою любовь всем живущим, приходящим к нему. И он, старший, не одернув меня, в лад мне ответил, что это и глубже, и мистичней, что сам он думал[49].

На Вяч. Иванова, который говорит в докладе о браке небесного Жениха и Земли, весьма вероятно влияют и следующие строки Мережковского:

> Небо сходит на землю, обнимает землю, как любящий обнимает любимую (две половины, два п о л а мира) и земля отдается небу, открывается небу: “Тайна земная, по выражению Достоевского, соприкасается с тайною звездною”; – в этом-то “соприкосновении”, соединении и заключается сущность, если не исторического христианства, то самого учения Христова. Древо жизни не только уходит в невинное голубое небо весенними клейкими листочками, но и в темное, вечно-рождающее, вечно-сладострастное “чрево” матери сырой земли корнями своими. Пока земля не н е б е с н а я – она все еще старая, языческая земля; пока небо не з е м н о е – оно все еще старое, не христианское, только кажущееся “христианским” небо. Но будет “новая земля и новое небо”: это значить будет земля небесная и небо земное[50].

Здесь Мережковский задействует (часто встречающийся у него) теургический и алхимический принцип «что вверху, то и внизу», представленный, как соитие неба и земли. Образ древа жизни, соединяющего небо и землю, при этом восходит к стихотворению Шиллера «Жалоба Цереры». Иванов знал и цитировал это стихотворение[51], а позднее трансформировал его образность в своем стихотворении «Дриады» (1904)[52]. Образ брака небесного и земного также нередок

[49] *Герцык Е.* Из воспоминаний // *Герцык Е.К.* Лики и образы / Предисл., сост., коммент. Т.Н. Жуковской. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 165.

[50] *Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. Религия. Часть 2. С. 49.

[51] *Иванов Вяч.* О Шиллере (1905), см.: *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, при участии А.Б. Шишкина. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 173–174. См. также: *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова. Р. 27–31.

[52] См.: *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 746–747.

у Иванова[53]. Разделяет он с Мережковским и концепцию «что вверху, то и внизу»[54], и концепцию мистической земли-матери[55]. Согласно свидетельству М.С. Альтмана, Иванов придерживался схожего толкования эпизода с самарянкой и много позже, когда преподавал в Баку. Ср. запись от 27 января 1921 г.:

> Читали Евангелие от Иоанна, разговор Иисуса с самарянкой (читали по-гречески) […] В. сказал: “Этот разговор Христа с самарянкой есть разговор Жениха – Мужа Мира (истинный Князь Мира-Света, а не самозванец, князь тьмы) с вечно-женственной Душой Мира. И Христос прав, говоря, что она не имеет Мужа, ибо Муж тот, кто дает жизнь вечную […], кто дарит не растление, а целомудрие […]; и на слова Иисуса: “Жена, позови своего мужа” – Жена должна была ему ответить: “Ты мой Муж”. Ибо он только, он, седьмой, и есть Истинный, он, Мессия, есть Жених и Муж, которого ждет Мир […] И ни один, кроме Христа, не был еще Мужем[56].

Здесь уже нет противопоставления Мира и Земли. Есть Христос – Муж Мира, и вечно-женственная Душа Мира, для которой Он, *седьмой*, есть истинный Жених и Муж, дарящий ей не растление, а целомудрие и жизнь вечную[57].

Но вернемся к докладу Иванова, который переходит к отождествлению мистической Земли с грешницей и женщиной взятой в прелюбодеянии. Из состояния одержимости духами у Земли два пути – к окаменению или к спасению через Логос:

---

[53] Например, в мелопее «Человек» Иванова две зеркалящихся бездны, звездная и водная, смотрят друг в друга. Лучи звезд, будто копья, проникают в слепой омут сонного бессознательного «я», «будят любящие силы и манят из забытья». В поэме «Сон Мелампа» в земные глуби проникают молнии неба, а небесные цели совокупляются с земными причинами.

[54] См.: *Петров В.В.* Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и в “Ареопагитском корпусе” // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 305–307; *Петров В.В.* «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сб. статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 254–261.

[55] «…из общей Матери – живой Земли (Мировой Души), взятой как мистическая реальность» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, при участии А.Б. Шишкина. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 521).

[56] *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: Инапресс, 1995. С. 42–43.

[57] Кроме того, реконструкцию соответствующих взглядов Вяч. Иванова предложил Е.Д. Шор в письме от 18.03.1932 г., см.: «Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник». Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором / Публ. Д. Сегала, Н. Сегал-Рудник // Символ. 2008. № 53–54. С. 367–383; *Шор Е.Д.* В.И. Иванов. Опыт реконструкции мировоззрения [Текст с правкой и репликами В.И.] // Вяч. Иванов: pro et contra. Антология. Т. 2 / Сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина. СПб.: ЦСО, 2016. С. 662–667.

> Обратимся к словам Евангелия о Земле. Ни одного осуждения Земле мы не встретим в новозаветных текстах, разве лишь указание на ее страдательное отношение к одержащим ее силам зла […] Грех Земли – один: прелюбодеяние. Она создала себе мужа неистинного, взяла себе многих мужей. Наказание за прелюбодеяние и за женскую измену – lapidatio в Библии и языческих мифах. Побиение камнями равняется окаменению. Окаменела Ниобея. Окаменение […] значило бы конец Земли, закристаллизировавшейся, застывшей, как мертвая планета, в ее современном состоянии. Она была бы избавлена от одержания дурными мужьями, но она не была бы спасена, высветлена Логосом. Процесс обращения к свету был бы прерван[58].

Характерной особенностью творческого метода Иванова является то, что один и тот же инвариант/архетип/«прамиф» проигрывается им в варьирующихся сюжетных формах. Например, рекуррентный мотив трансмиграции душ, переходящих из эона в эон, формулируется Ивановым в разных сочинениях на языке разных культур и традиций. Если речь идет об античной мифологии, это будет проходящий через любые формы и воплощения бог Дионис[59]. В поэме «Сон Мелампа» под античным сюжетным и образным слоем просвечивают философемы Лейбница и речь идет уже о переходящих из века в век душах-монадах. В статье о Чурлёнисе переход душ из эона в эон толкуется Ивановым как переход из одной реальности в другую («из яви в явь»), из одной теофании в другую, из одного сна в другой, при этом он ориентируется на образность индуизма. В стихотворении, следующем немецкой мистической и романтической традиции, Иванов говорит о странниках, бредущих через миры с (епископским) посохом и перстнем[60].

В полной мере сказанное относится к мотиву множества мужей одной женщины. В докладе «Евангельский смысл слова “земля”» они отождествляются с похотливыми, но бессильными любовниками, не могущими, впрочем, осквернить Землю/Душу Мира или овладеть ею. Душе нужен высший Эрос, от которого она может зачать в Свете:

> Если вы не приближались к Земле иначе как женихи света […] с любовным желанием Жениха Истинного, […] если принцип пола высветлился в вас до того эроса, которого единственно нужно ей, неудовлетворенной насильствующею и все же бессильною похотью ее любовников, от коих она не может зачать в Свете, – то закидайте

[58] *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 77–78.
[59] *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 108.
[60] *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова. Р. 43–54.

> ее камнями, обратите ее, отверженную, в косную материю, […] забудьте о Земле-Матери, о Земле–Жене, Земле – поруганной Невесте. Спасайте Дух – не спасайте Души Мира[61].

Когда в статье «Древний ужас» (1909) Иванов в очередной раз пишет о Душе мира, в качестве примера он упоминает уже не грешницу, а богиню Изиду и множество мужей-насильников, которые, опять-таки, владеют лишь её тенью:

> Многих мужей имела богиня [Изида], подобно Елене, но не законные то были мужья, а насильники, овладевавшие одною ее тенью […], любившие ее призрак […] Майю любили они как жену и матерь, но девственною и недостижимою для мужеского бессильного насильничества пребыла […] сокровенная сущность Души Мира […] В культе девственной Артемиды раскрывалась эта правда, и она же запечатлена в словах, начертанных у подножия покрытой покрывалом Саисской богини, которая, по Геродоту, была ипостасью Девы-Афины, по-египетски же именовалась Неиф[62]: “Я то, что́ есть и было и будет, и ни один смертный и ни один бог не подымал моего покрывала”[63].

Еще одним контекстом лекции о «Древнем ужасе» является идеология хлыстовства, которым Иванов интересовался в 1905–1909 гг. Е.К. Герцык вспоминает о январе 1909 г.:

> Мысли, владевшие тогда Вячеславом Ивановым, пробудили в нем интерес к хлыстовству, пьяному тем же вином духа. Насколько мне помнится, Пришвин, сам в то время увлеченный сектантством[64], по-

[61] Там же. С. 78.

[62] Иванов ошибся: о Неиф говорится не у Геродота, а в известном отрывке из «Тимея» Платона, повествующем о путешествии греческого законодателя Солона в Египет за мудростью, см. Timaeus 21e 1–7: «Есть в Египте […] город Саис (πόλις Σάις) […]. Покровительница (ἀρχηγός) города – некая богиня (θεὸς τίς), которая по-египетски зовется Неиф (Νηίθ), а по-эллински, как утверждают местные жители, это Афина», пер. С. С. Аверинцева.

[63] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 104.

[64] См.: «7.01.1909. Был у Охтенской Богородицы. Это вторая Гиппиус по уму. […] Говорили про мир видимый и невидимый, “астральный”. […] Богородица слегка нарумянена и напудрена – быть может, потому и напоминает Гиппиус. Нет, вот еще что: те же холодные глаза. А рост! А груди! […] Премудрость свою она получила не от человека, нет, она так родилась. Больше всего меня поразило в ней ясное разграничение науки и астрального мира. Наука мешает религии, если становится ей на пути. Тут было кое-чего сказано, чему могли бы многие “ученые” поучиться. […] Сама она себя богородицей не считает (а может быть, врет?)» (*Пришвин М.М.* Ранний дневник 1905–1913 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2007. С. 199–200).

> вез его к хлыстовской богородице[65]. […] Состоялась у В. И. с нею долгая беседа. А через несколько дней он читал публичную лекцию о “Древнем ужасе”, и среди привычной модернистской публики в первых рядах сидела женщина, молодая еще, с красивыми строгими чертами, с головы до пят укутанная черной шалью. Это и была хлыстовская богородица[66]. С жадным любопытством оглядывала я ее и впервые не утерпела – спросила, не мешает ли ее пониманию множество греческих имен, цитат? Она повела очень красным кончиком языка по тонким губам и, глянув на меня немножко насмешливо, ответила: “Нет, что ж, понятно: имена разные, и слова разные, а правда одна”[67].

По свидетельству М.С. Альтмана, Иванов полагал, что в евангельском эпизоде с женщиной, взятой в прелюбодеянии, бессильные мужи, «не могущие поднять покрывала», компенсируют свою импотенцию в акте побиения грешницы /блудницы камнями, которые символизируют фаллосы и пенетрацию:

> И по законам Ветхого Завета блудницу побивают камнями. Камень – символ фаллоса […] Символ камня-фаллоса бросает свет на знаменитую сцену Нового Завета: Христос и блудница. “Кто без греха, – сказал Он, – тот брось в нее первый камень”. И при этом, низко наклонясь, что-то чертил на песке. Именно чертил. Характерно, что камень всегда воплощен в мужчине[68].

При этом бездействие Иисуса, по видимости, отстранившегося от происходящего и чертящего что-то на земле/песке, является таковым лишь для внешнего взгляда. Именно Христос, как Дух и Логос

---

[65] М.М. Пришвин сохранил запись об этом визите, см.: «18.01.1909. Хлысты не пришлись в метафизическую систему неоплатоника и etc... Человекобожество, язычество, гордыня... все обрезано... У Дарьи Вас. Смирновой (охтенская богородица). Целовали руки... Умиленность Иванова: Поразительное совпадение, я как раз пишу об этом. Отдельные разговоры. Полочка с мертвецами (бессмертие, покойники). Рождение по духу есть... Я с бомбой: мир естественный, душевный и духовный. Иногда не туда... Нужно знать, кто куда... управлять... Прежде всего познай себя: а когда познаешь, то еще (нужней) высшее...»; Там же, с. 204: «6.02.1909. Встретил Павла Мих. [Легкобытова]. […] Как он недоволен, что к богородице Иванов. […] Они не могут сойтись как равные... […] Перспектива его: Иванов и богородица – похоть. […] Если богородица интеллигента найдет, он много даст ей» (*Пришвин М.М.* Ранний дневник 1905–1913. С. 202). Легкобытов Павел Михайлович (1863–1937), один из руководителей секты хлыстов «Новый Израиль».

[66] «Рел.-фил. общество в Петербурге […], тут были богоборцы. Розанов и архиереи, и православные, и старообрядцы, […] рабочие, баптисты, штундисты, хлыстовские пророки, раза два я встретил там знаменитую Охтенскую богородицу, Мережковский, Гиппиус, поэты Блок, Кузмин, писатели 1-й г[ильдии], художники Бенуа, Добролюбов поэт, Белый» (*Пришвин М.М.* Ранний дневник 1905–1913. С. 293).

[67] *Герцык Е.* Из воспоминаний. С. 167–168.

[68] *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 61.

является истинным Женихом и Мужем Земли, которая выступает здесь в образе блудницы. Согласно Иванову, только Христос наделен подлинной мужской силой, и только от него Земля/Душа Мира может зачать в Свете. О готовности Души отдаться Логосу Иванов пишет в работе «Достоевский: трагедия – миф – мистика». Там, применительно к браку деятельных духов и души, он говорит о раскрытии «души осеменяющему ее Логосу», сравнивая это с согласием Девы Марии на то, о чем возвестил ей архангел Гавриил, сказавший, что сойдет на нее Дух Святой, а она зачнет и родит Иисуса (Лк 1:38):

> Духи–деятели […] скрывают свое имя и происхождение от души, к которой приближаются, как к невесте. Они суть истинные отцы наших благих дел, мы же на земле – матери, вынашивающие их и в муках рождающие. […] И высшее в человеческом творчестве есть раскрытие души осеменяющему ее Логосу, по слову: “се, раба Господня”[69].

Таким образом, Иисус, к которому привели грешницу, отнюдь не бездействует (Ин 8:6–8). Напротив, именно в этот момент невидимо совершается священный брак:

> “И склонясь Христос пишет на Земле”. По-гречески сказано показательно ἔγραφε εἰς τὴν γῆν – вписал в Землю. Он вписал в Землю свой новый завет ей, начертал на ней знак своего обета, начертал знак свой на своей Невесте.

Интерпретируя это место, Иванов вчитывает смысл, которого в исходном тексте не было. В Евангелии ясно сказано: «Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания», т.е. речь идет о *незавершенном* действии, выражаемом глаголом прошедшего несовершенного времени ἔγραφε, «писал»[70]. Напротив, законченность действия, подразумеваемая у Иванова, акт «вписывания» или «вкладывания» в Землю своего логоса[71], в кон-

[69] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, при участии А.Б. Шишкина. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 478.

[70] Ср. *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека 11, 55, 2, 2: «Каждый гражданин *записывал на черепке* имена (εἰς ὄστρακον ἔγραφε τοὔνομα) тех, кто, по его мнению, был наиболее способен разрушить демократию».

[71] Подобное представление имеет долгую предысторию. В «Апологии на Шестоднев» Григорий Нисский (335–394) писал, что при создании мира «в каждое из сущих вложено некое премудрое и искусническое слово (λόγον τινὰ σοφόν τε καὶ τεχνικὸν ἐγκεῖσθαι)». Согласно Григорию, речения Бога («да будет...») при творении мира надо понимать как логос, вкладывавшийся в каждую тварь (τὸν ἐγκείμενον τῆς κτίσεως λόγον) (*Gregorius Nyssenus*. Apologia ad Hexaemeron // Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 44. Paris, 1963. P. 73; *Петров В.В.* Трансформация античной онтологии у пс.-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свя-

тексте рассмотренных выше отрывков и мотивов имеет отчетливые сексуальные коннотации. Они же подразумеваются в источниках Иванова. Ближайшим из них является Д. Мережковский, который, процитировав Ин 8:3–9, пишет:

> Почему же Тот, […] “наклонившись низко, что-то пишет перстом на земле”. Что пишет Он? Какое слово? Не слово ли последней любви и последней свободы о тайне пола преображенного, о тайне святого целомудрия и святого сладострастия? В Евангелии нет этого слова, единственного, не сказанного им, а написанного, никем не прочтено оно, навсегда забыто, стерто, с земли, развеяно пустынным ветром почти двух тысячелетий скопческого и прелюбодейного христианства […] Кажется, именно это слово о старом грехе, о новой святости пола всего менее вмещается в нас […] От вмещения этого слова Господня, главным образом, и зависит вся будущность христианства[72].

Мережковский рассматривает «писание на земле» как тайнодействие, толкуя происходящее в сексуальном контексте: смысловыми доминантами приведенного отрывка являются «преображенный пол», «святое сладострастие» и «святость пола».

Другим источником Иванова является интерпретация, предложенная А.Р. Минцловой в письме от 4 мая (21 апреля) 1909 г. Она истолковывает «врезывание» Иисусом «знаков любви и силы» в Землю как акт, наделенный магической и мистической силой:

> Прикосновение Христа к Земле – ἔγραφε εἰς τὴν γῆν – в этом *движении* Иисуса, величайшая из тайн – Врезывая в землю Слова, знаки любви и силы, Он освобождал свою Мать, свою невесту от Плена Ночи и Тьмы, от глухой *ущербной* Луны к легкому, тонкому Серпу Месяца – и через него, к Солнцу[73].

Помимо использования лексики, более яркой, чем у Иванова («врезывание», «знаки силы и любви»), Минцлова выделяет курсивом слово «движение», так что в её изображении физиологизм

то-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 22–23; *Петров В.В.* Трансформация античной онтологии в «Ареопагитском корпусе» и у Максима Исповедника // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 389).

[72] *Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. Религия. Часть 2. С. 238–239. Ср.: «Джованни бредил Савонаролою, Леонардо да Винчи и Божией Матерью, которая, чертя пальцем на песке пустыни геометрические фигуры, учит Младенца Христа законам вечной необходимости» (*Мережковский Д.С.* Христос и Антихрист II: Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Т. 2. М., 1914. С. 358).

[73] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 154, примеч. 27.

совершаемого обряда усиливается. Кроме того, слова Минцловой о «величайшей из тайн» перекликаются с программным заявлением Иванова о том, что он исповедует мистические таинства, которые еще не открыты «внешней» церкви.

Важно отметить, что интерес Вяч. Иванова к Евангелию от Иоанна в этот период подогревался, в том числе, учением Штейнера: лекциями доктора, посвященными Евангелию от Иоанна (Гамбург, 18–31.05.1908), а также его наставлениями в практике медитации[74]. Учение Штейнера достигало Иванова через Минцлову[75]. 6 февраля 1907 г. Иванов пишет А.Р. Минцловой:

> Я очень нуждаюсь в Ваших указаниях… Не покидайте ученика… С 3 февраля [по старому стилю], субботы, я наблюдаю ритм жизни. Час мой 11 ч. 11 м., как строжайшая *норма,* отклонения от которой я допускаю лишь так, чтобы утренняя медитация совершалась при исходе первой четверти двенадцати часов. Оказалось, что наиболее плодотворно для меня сочетать первые упражнения в дыхании Йоги с началом Иоаннова Евангелия[76], что имманентно содержит в себе для меня и учение “Suche den Weg”[77] etc.

[74] Ср.: *Steiner R*. Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. Gedächtnisaufzeichnungen von Teilnehmern. Band I: 1904–1909, sowie Notizen von Vorträgen aus dem Jahre 1904 und Meditationstexte nach Niederschriften Rudolf Steiners. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1995 (GA 266/1). S. 91 sqq.; *Богомолов Н.А*. Anna-Rudolf // Русская литература начала XX в. века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 37–43.

[75] Ср.: «Все, что он узнал из области тайноведения пришло к нему через Минцлову, живое воплощение тех пьяных Богом вакханок, которых изобразил Еврипид и образ которых издавна влек Вяч. Иванова» (*Герцык Е*. Из воспоминаний. С. 164); «Весь “Rosarium”, полный крестами и розами, есть отражение Минцловой, многие строчки и многие истины книги – транскрипция слов А.Р. Минцловой; то же во многом в “Cor Ardens”: горящее сердце и вся диалектика “*сердце – солнце*” – лирическая импровизация Минцловой, в свою очередь, весьма-таки черпавшей из учения Штейнера, ей отвергаемого. Многие мысли статей Вячеслава Иванова суть модуляции тем, обсуждавшихся с Минцловой. Должен сказать, что ко многому в стихотворенья “Rosarium’а” в ту пору отнесся с опаскою я, отвергая отчетливый эротический привкус, вносимый Ивановым в мистику» (*Белый А*. Начало века. Берлинская редакция. С. 632–633).

[76] Ср.: «25 Ноября 1908 г. В религ.-филос. обществе. […] *Иванов*: […] Тайное православие есть. […] Происхождение: корни народа […] Афонский йогизм. Он приводит к йогийскому монизму (буддизму) […] Догматическое православие остановлено у нас невозможностью созвать вселенский собор. […] Не самодержавие извращено, а церковь... […] Причины: в […] в спиритуализации, личной святости и уходе от Земли, непризнание Майи, женоненавистничество. […] Церковь – мать. […] Сын отрывается от матери. И опять, если ему удается – возвращается. […] Священной весной сын приходит в отчий дом» (*Пришвин М.М*. Ранний дневник 1905–1913. С. 191, 193–194).

[77] «Ищи путь» – наставления № 17–20 из оккультно-мистического трактата «Свет на Пути» Мейбл Коллинз, см.: *M.C*. [Mabel Collins]. Light on the Path. Boston: Occult Publishing Company, [1885]. P. 5–7 (= *M.C*. [Mabel Collins]. Light on the Path and Karma. London: Theosophical Publishing Society, 1904. P. 9–13). Р. Штейнер высоко ценил трактат Коллинз и комментировал максимы о поиске Пути на своих эзотерических беседах, посвященных упражнениям в медитации (4.10.1905, Берлин), см.: *Steiner R*. Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. S. 57; *Штайнер Р.* Материалы эзотерической школы 1904–1914. Письма,

> Потом все исчезает. Задержка дыхания – услада. Покой и тишина божественного лона, где сознает себя Логос, где он у Бога или к Богу и тотчас же – сам Бог. Словно зеркало «я» наведено на высшее, и в этом живом зеркале также движется Λόγος и Λόγος у Самого в *я*, и Λόγος – этот Сам... А потом при выдыхании струится творческий мир из легкого лона – πάντα δι᾽ αὐτοῦ ἐγένετο (Ин 1:3) – любовь и логосом, строгою, ответственною, трагическою, все утверждающею любовью, великим *Да*, последним звуком таинственного слога индусов. Так вдыхание становится жертвой, выдыхание Жрецом. А далее – Когда утомленная грудь хочет нового вдыхания, оно входит как Жизнь, и при задержке – свет наполняет погруженный в себя дух – а слова текста также [?] подтверждают, что *человек* – свет; а при выдыхании этот внутренний свет исторгается из глубины существа наружу и пронизывает тьму, которая его не обнимает. Так повторяется аналогически первый цикл, реально утверждая и закрепляя в Микрокосме то, чему он был тогда зеркалом, когда оно совершалось в Макрокосме[78].

Упражнения в утренней медитации над Евангелием от Иоанна, включавшей дыхательные упражнения йоги (вдох – задержка дыхания – выдох), представляют собой практики, которые Р. Штейнер именовал «христианско-гностической медитацией», наставляя в ней учеников своей эзотерической школы[79]. Этим упражнениям Ивано-

документы, лекции / Пер. с нем. Вяч. Волкова. Ереван: Anthropos, 2004. С. 107. В марте 1909 г. А.Р. Минцлова пишет В. Иванову: «Послала Вам “Licht auf dem Weg” сегодня», а в другом письме (от 11/24.III.09) она спрашивает его: «Получили Вы “Licht auf dem Weg”?»

[78] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 164–165.

[79] Ср.: «Упражнение. Рукопись № 3192. *Христианско-гностическая медитация*. I. Рано утром, сразу после пробуждения, пока еще никакие впечатления не прошли через душу, стараются полностью освободить сознание от всех воспоминаний о повседневной жизни. отвлечь внимание от всех внешних восприятий. Затем, по достижении такой внутренней тишины, дают жить в душе лишь: пяти первым стихам Иоаннова Евангелия. – […] II. По прошествии [...] четырнадцати дней проходят всё Иоанново Евангелие так, чтобы в течение каждых 7 дней ежедневно человек жил в одной главе. Итак, в первые 7 дней: 1 гл. от 6 стиха до конца; во вторые 7 дней: 2 гл.; и т.д.» (*Штайнер Р.* Евангелие от Иоанна. Двенадцать докладов, прочитанных в Гамбурге с 18 по 31 мая 1908 г. Калуга: Духовное познание, 2014. С. 179–180). Ср. текст Штейнера для упражнения в утренней медитации: «В начале было Слово / И Слово да пребудет во мне; / И слово было божественным. / И божественной силой / Да пронижет меня Слово. / И Бог был Словом / И да придаст Слово божественную силу моей воле» (*Штейнер Р.* Наставления для эзотерического ученичества: из содержания “Эзотерической школы” / Пер. с нем. В.А. Богословского; под ред. Г.А. Кавтарадзе (GA 245). СПб.: Ключи, 2014. С. 68–69); а также письмо Минцловой Иванову от 26/9 января 1907: «Для того, кто взял себе Христианский Путь – вместо этих, Восточных слов [из «Света на Пути» М. Коллинз], берутся первые 6 стихов Евангелия от Иоанна, глава I – –» (*Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 165, примеч. 4).

ва обучала А. Минцлова[80]. В приведенном выше отрывке Иванов сообщает Минцловой точное время начала упражнений, для того чтобы она, как учитель, могла синхронно с ним выйти в духовное пространство медитации-молитвы и поддержать его[81]. Однако уже здесь можно видеть, что Иванов проявляет самостоятельность, модифицируя воспринятые идеи. Например, его слова об уподоблении “я” живому зеркалу, демонстрируют влияние монадологии Лейбница[82]. Таким образом, покорность ученика, которую Иванов демонстрирует по отношению к наставничеству Минцловой в эзотерике, не следует переоценивать. По этому поводу А. Белый замечает:

> Я видел, что он, принимая от Минцловой много узнаний и формул оккультного мира, с узнаниями этими дилетантски играет […] Э.К. Метнер […] – не мог выносить: дилетантского отношения Иванова к эсотерическим истинам, преподаваемым Минцловой; видел отчетливо он, что Иванов порою играет в салоне своем с тем, что он получает от Минцловой, очень кокетливо он эзотерикой щеголял, точно пудрой кокетка […] А.Р. представлялася часто какой-то дойной коровою; и В. Иванов выдаивал Минцлову; этакое отношение к “*учительнице*” мне казалося странным[83].

В других случаях Иванов также быстро переставал нуждаться в посреднике, разыскивая первоисточник[84]. Кроме того, для Иванова Минцлова была не единственным проводником идей Штейнера.

---

[80] Благодарю Е.В. Глухову за любезное указание на письма Минцловой к Вяч. Иванову и предоставленные архивные материалы (РГБ, ф. 109). Например, в письме к Иванову от 31.01.1907 А.Р. Минцлова приводит (по-немецки) два текста для утренних медитаций (*Strahlender als die Sonne*…), соединяемых с дыхательными упражнениями, которые она прямо называет «йогическим дыханием» (Ioga Athmen). Автора наставлений она не упоминает, но это текст Штейнера, который он рекомендовал в письмах в ученикам эзотерической школы в 1904–1905 гг., см. Штайнер 2014, с. 159, 172–173 (ср. Там же, с. 69; 95).

[81] Ср. письмо Минцловой к Иванову от 13.01.1908: «Вы должны назначить определенное *время* – четверть часа или 20 минут всего, не больше – – – *для отдельной еще одной*, *особой молитвы* […]. И об этом, *неизменном*, строгом часе – Вы известите меня *немедленно*, и в это время я, по строго установленному правилу – должна присоединиться к Вашей молитве, молиться с Вами и благословить Вас, 12 раз, 12 дней, особым, великим благословением, каким может и должен благословить вступающего на путь ученика тот учитель, […] кто прошел духовно через всю жизнь ученика, кто и страдал, и боролся за него – это могу и должна сделать теперь я, и только *я* одна могу сделать […] Известите меня *точно* о времени молитвы, сейчас же».

[82] См.: *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова. Р. 48–49.

[83] *Белый А.* Начало века. Берлинская редакция. С. 628–629.

[84] Например, после того, как В. Брюсов не выполнил просьбу Иванова включить параграф из гримуара «Арбатель» в качестве эпиграфа к ивановскому Carmen saeculare, Иванов разыскал и перевел этот текст самостоятельно, так что он увидел свет в составе сборника Cor ardens (*Шаргородский С.* Тайны Офиэля. С. 78). Теургическую формулу «что вверху, то и внизу» из алхимической «Изумрудной скрижали», которую Мережковский

Штейнеровская интерпретация евангельского эпизода с «писанием на Земле» могла достигать Иванова также через М.В. Сабашникову, которая лично присутствовала на соответствующих докладах Штейнера в Гамбурге в мае 1908 г. Доктор учил, что Христос – это Логос и «дух Земли», а своё рассуждение строил в терминах суда и кармы. Согласно Штейнеру, «глубокий смысл Евангелия от Иоанна» состоит в том, что Логос «через Голгофу стал Духом Земли», и если тело Земли состоит из камней, растений и животных, то Христос является ее духом[85]. Толкуя эпизод с исцелением слепорожденного (Ин 9:1–6), Штейнер говорит, что исцеляет Христос, как дух Земли, но силу Он берет у своего тела – у Земли: «Христос есть дух Земли, а Земля – это Его тело. В вышеизложенном примере мы видели Христа, одухотворяющим Землю, дающим ей частицу себя».

Другая идея Штейнера заключалась в том, что не должно судить другого, потому что у каждого – своя карма, которая и определит последующую судьбу человека. Христианину, к которому приведут грешника, следует отказаться от суда:

> Настоящий христианин сказал бы им: […] “Совершил он свое преступление или нет, […] это должно быть предоставлено его карме, великому закону, который есть закон самого духа Христова”. […] Карма исполняется в течение земного развития. […]. Можно сказать обвинителям: “Заботьтесь о самих себе! Обвинение грешнику явит Земля. Впишем же в Землю то, что и без того уже, как карма, записано на ней!”[86].

Таким образом, судьба человека, в виде его кармы, записана в мистическом теле Земли. Исходя из сказанного Штейнер толкует обсуждаемый нами отрывок Ин 8:3–6 о женщине, взятой в прелюбодеянии и приведенной к Иисусу на суд, от которого Тот отказался и только «писал перстом на земле». Согласно Штейнеру, Иисус отстранил внешний суд и предоставил женщину её карме, скрытой внутри ее. Штейнер заключает: «Вы видите, как тесно связывается идея Кармы с глубочайшей идеей Христа, со значением Его для Земли»[87]. Когда кровь из ран Спасителя, распятого на кресте, текла на Землю, «Дух Святой соединился с Землей», и «Христос влился в существо Земли» (einfloß in das Wesen der Erde):

приводит по-гречески, Иванов разыскивает и выписывает в оригинале – на латинском языке (*Обатнин Г.* Иванов-мистик. С. 110).

[85] *Штайнер Р.* Евангелие от Иоанна. С. 116.

[86] Там же. С. 124.

[87] Там же. С. 125.

Если бы кто-нибудь в это время смотрел с какой-либо отдаленной звезды на Землю, то он увидел бы, как изменился в момент этого события на Голгофе весь внешний облик Земли. Земля причастилась солнечного Логоса (Sonnenlogos), Он заключил с ней союз, стал Духом Земли. Он совершил это благодаря тому, что вошел в тело Иисуса из Назарета на тридцатом году его жизни, действовал в нем на протяжении трех лет и затем Его получила Земля. […] Благодаря воздействию этого события каждый истинный христианин […] получил возможность в христианском смысле очистить свое астральное тело, […] постепенно уподобить свое астральное тело “Деве Софии”, для того чтобы тем самым принять в себя “Духа Святого”[88].

Для превращения человеческого астрального тела в Деву Софию нужна особая сила. Силой импульсов, исходящих от Евангелия от Иоанна, человек делается восприимчивее для духовного чувства и познания и его астральное тело начинает превращаться в «Деву Софию», становясь готовым принять в себя Святого Духа[89]. Штейнер толкует Ин 19:25–27 так, что «Иисус передал Иоанну силу, которая была в его астральном теле и дала ему возможность стать носителем Духа Святого». Иоанн был должен записать события евангельской истории, т.е. всё, чего астральное тело Иисуса «смогло достигнуть в своем развитии». Написав свое Евангелие, Иоанна «заключил в нем силы, нужные для развития Девы Софии».

Описанное выше учение Штейнера передают Сабашникова и Герцык. М.В. Сабашникова в письме к А.М. Петровой (31 мая – 3/6 июня 1908 г.) излагает доктрину Штейнера весьма точно:

> *Глава* 8 [Ев. от Иоанна]. Самостоятельное независимое “я” не судит других и только “я” и может судить. Карма его “*записана на земле*” (6 стих). (Христос после таинства Голгофы стал духом земли.) Остался один Христос и женщина[90].

Е.К. Герцык тоже весьма точно воспроизводит штейнеровское толкование отрывка Ин 8:3–6, полагая, что речь в нем идет о вписан-

[88] Там же. С. 193–194.

[89] Ср. Штайнер 2014, с. 194: «Если только человек… испытает на себе влияние Евангелия от Иоанна, то его астральное тело уже на пути к тому, чтобы стать “Девой Софией” и принять затем в себя “Святого Духа”. Силой тех импульсов, которые исходят из Евангелия от Иоанна, он сделается восприимчивым для духовного чувства и познания».

[90] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 154, примеч. 27.

ной в Землю судьбе (карме) человека. Однако она атрибутирует эту интерпретацию не Штейнеру, а самому Иванову:

> Помню среди других доклад В. Иванова “Земля и евангелие” и в нем толкование главы VIII от Иоанна. К Христу привели женщину, взятую в прелюбодеянии, и, испытывая Его, требовали от Него суда над нею. “Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом по земле, не обращая на них внимания”. Этот жест Вяч. Иванов толковал так: в земле вписана страстная судьба человека и неразрешима она в отрыве от земли, неподсудна другому суду. Но это тайное; Христос, подняв голову, сказал иначе внешним, экзотерическим словом: “Кто из вас без греха – пусть первый бросит в нее камень”. И, опять наклонившись низко, писал на земле[91].

В сохранившемся тексте доклада Иванова, нет упоминаний о карме, вписанной в Землю. Возможно Е. Герцык (которая жила на башне у Вяч. Иванова с ноября 1908 – по середину января 1909 г.) была знакома с ранней редакцией текста, впоследствии переработанной. Как бы то ни было, в финальной версии Иванов следует толкованию, заимствованному из письма Минцловой, полученным незадолго до его выступления с докладом. Минцлова говорила о врезывании в Землю знаков любви и силы, и эту интерпретацию Иванов предпочел штейнеровской.

Совокупность текстов и свидетельств, рассмотренных выше, позволяет понять, каким образом Вяч. Иванов в своем докладе соединяет концепции Мережковского (инспирированные текстами Достоевского) и его мистику пола с толкованием Евангелия от Иоанна. Источниками экзегетических построений Иванова являются, помимо Мережковского, оккультные доктрины, а также интерпретации Евангелия от Иоанна, заимствованные у Р. Штейнера. Вяч. Иванов не раскрывает источники своих воззрений, но строит свое рассуждение в форме традиционной христианской экзегезы. Его доклад о евангельском смысле слова “земля” представляет собой многослойный интертекст, вобравший в себя доктринально гетерогенные источники. При этом некоторые из создаваемых Ивановым мифологем являются инвариантами, проигрываемыми в других его сочинениях.

[91] *Герцык Е.* Из воспоминаний. С. 177.

Литература

Аверинцев С. Вяч. Иванов как истолкователь Евангелия // Символ. 2008. № 53–54. С. 781–790.

Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: Инапресс, 1995.

Архипов А. Вячеслав Иванов – комментатор Нового Завета. Предварительные соображения // Europa Orientalis. 2002. № 21.1. С. 39–94.

Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014.

Богомолов Н.А. Anna-Rudolf // Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 23–110.

Брюсов В. Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н.В Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. с. 428–543.

Герцык А. Письма к Е.К. Герцык // Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: Инапресс; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002.

Герцык Е. Из воспоминаний // *Герцык Е.К.* Лики и образы / Предисл., сост., коммент. Т.Н. Жуковской. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 21–250.

Доброхотов А.Л. Демонология Вяч. Иванова в книге «Достоевский» // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2013. С. 181–193.

Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926) / Публ., вступ. ст. и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 142–170.

Иванов Вяч. Евангельский смысл слова «земля» / Подгот. текста, коммент. и прилож. О. Фетисенко // Символ. 2008. № 53–54. С. 68–84.

Иванов Вяч. Русская идея / Пер. с нем. М. Кореневой, примеч. Р. Бёрда // Символ. 2008. № 53–54. С. 96–134.

Иванов Вяч. Евангельский смысл слова «земля» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 1: 1907– 1909. М.: Русский путь, 2009. С. 610–617.

Обатнин Г. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Петров В.В. Трансформация античной онтологии у пс.-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 16–25.

Петров В.В. Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и в “Ареопагитском корпусе” // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 264–308.

Петров В.В. Трансформация античной онтологии в «Ареопагитском корпусе» и у Максима Исповедника // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 376–393.

Петров В.В. «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno: Edizioni culturali internazionali, 2017. P. 23–54. (Europa Orientalis; 29).

Петров В.В. «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сб. статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 240–268.

Пришвин М.М. Ранний дневник 1905–1913 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2007.

Шаргородский С. Тайны Офиэля: три оккультных эпизода Серебряного века // Toronto Slavic Quaterly. 2011. № 38. С. 59–109.

«Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник». Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором / Публ. Д. Сегала, Н. Сегал-Рудник // Символ. 2008. № 53–54. С. 367–383.

Шор Е.Д. В.И. Иванов. Опыт реконструкции мировоззрения [Текст с правкой и репликами В.И.] // Вяч. Иванов: pro et contra. Антология. Т. 2 / Сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина. СПб.: ЦСО, 2016. С. 662–667.

Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Arbatel. Concerning the Magic of the Ancients / Ed. and transl. by J.H. Peterson. Lake Worth, FL: Ibis Press, 2009.

Steiner R. Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. Gedächtnisaufzeichnungen von Teilnehmern. Band I: 1904–1909, sowie Notizen von Vorträgen aus dem Jahre 1904 und Meditationstexte nach Niederschriften Rudolf Steiners. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1995 (GA 266/1).

References

Al'tman M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1995. (In Russ.)

Arbatel. Concerning the Magic of the Ancients, ed. and transl. by J.H. Peterson. Lake Worth, FL, Ibis Press, 2009.

Arkhipov A. Viacheslav Ivanov – kommentator Novogo Zaveta. Predvaritel'nye soobrazheniia [Vyacheslav Ivanov as a commentator of the New Testament. Preliminary considerations]. *Europa Orientalis*, 2002, no. 21.1, pp. 39–94. (In Russ.)

Averintsev S. Viach. Ivanov kak istolkovatel' Evangeliia [Vyacheslav Ivanov as an interpreter of the Gospel]. *Simvol*, 2008, no. 53–54, pp. 781–790. (In Russ.)

Belyi A. *Nachalo veka. Berlinskaia redaktsiia (1923)* [The beginning of the century. Berlin version (1923)], ed. by A.V. Lavrov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Anna-Rudolf. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [Russian literature of the early 20th century and occultism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. pp. 23–110. (In Russ.)

Briusov V. Perepiska s Viacheslavom Ivanovym (1903–1923) [Correspondence with Vyacheslav Ivanov (1903–1923)], introd. and ed. by S.S. Grechishkin, N.V Kotrelev and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 428–543. (In Russ.)

Dobrokhotov A.L. Demonologiia Viach. Ivanova v knige “Dostoevskii” [Vyacheslav Ivanov’s demonology in his book “Dostoevsky”]. *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and the culture of the Silver Age: traditions, interpretations, transformations]. Moscow, Vodolei Publ., 2013, pp. 181–193. (In Russ.)

Etkind A. *Khlyst. Sekty, literatura i revoliutsiia* [Khlyst. Sects, literature and revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. (In Russ.)

Gertsyk A. Pis'ma k E.K. Gertsyk [Letters to E.K. Gertsyk]. *Sestry Gertsyk. Pis'ma* [Gertsyk sisters. Letters], ed. i comment. by T.N. Zhukovskaya. St. Petersburg, Inapress Publ.; Moscow, Marina Tsvetaeva Memorial House Publ., 2002. (In Russ.)

Gertsyk E. Iz vospominanii [From the memoirs]. Gertsyk E.K. *Liki i obrazy* [Faces and images], introd., ed., comment. by T.N. Zhukovskaya. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007, pp. 21–250. (In Russ.)

Ivanov Viach. Doklad “Evangel’skii smysl slova ‘zemlia’”. Pis’ma. Avtobiografiia (1926) [The report “The meaning of the word ‘earth’ in the Gospels”. Letters. Autobiography (1926)], ed., introd. i comment. by G.V. Obatnin. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1991 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1991]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994, pp. 142–170. (In Russ.)

Ivanov Viach. Evangel’skii smysl slova “zemlia” [The meaning of the word “earth” in the Gospels], ed., comment. and appendix by O. Fetisenko. *Simvol*, 2008, no. 53–54, pp. 68–84. (In Russ.)

Ivanov Viach. Evangel’skii smysl slova “zemlia” [The meaning of the word “earth” in the Gospels]. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriia v materialakh i dokumentakh: 1907–1917: v 3 t.* [Religious-philosophical society in St. Petersburg (Petrograd): History in materials and documents: 1907–1917: In 3 vols.], comp., ed., introd. and comment. by O.T. Ermishin, O.A. Korostelev, L.V. Khachaturian et al. Vol. 1: 1907–1909. Moscow, Russkii put' Publ., 2009, pp. 610–617. (In Russ.)

Ivanov Viach. Russkaia ideia [Russian idea], transl. from German by M. Koreneva, comment. by R. Bird. *Simvol*, 2008, no. 53–54, pp. 96–134. (In Russ.)

“Nu, a po sushchestvu ia Vash neoplatnyi dolzhnik”. Fragmenty perepiski V. I. Ivanova s E. D. Shorom [“Well, in essence, I'm deeply in your debt.” Fragments of V.I. Ivanov’s correspondence with E.D. Shor], publ. by D. Segal, N. Segal-Rudnik. *Simvol*, 2008, no. 53–54, pp. 367–383. (In Russ.)

Obatnin G. *Ivanov-mistik. Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919)* [Ivanov as a mystic. Occult motifs in Vyacheslav Ivanov’s poetry and prose (1907–1919)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. (In Russ.)

Petroff V. “Raznotekushchie potoki” v Sne Melampa Viacheslava Ivanova: intertekstual’nyi analiz [“Streams flowing different” in Vyacheslav Ivanov’s “Melampus’ Dream”: intertextual analysis]. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale*. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno, Edizioni culturali internazionali, 2017, pp. 23–54. (Europa Orientalis; 29). (In Russ.)

Petroff V.V. “Dve bezdny” v russkoi literaturnoi i filosofskoi traditsii: F. Tiutchev, D. Merezhkovskii i Viach. Ivanov [“Two abysses” in the Russian literary and philosophical tradition: F. Tyutchev, D. Merezhkovsky and Vyach. Ivanov]. *D.S. Merezhkovskii: pisatel' – kritik – myslitel': Sbornik statei* [D.S. Merezhkovsky: writer – critic – thinker: A collection of essays], ed. and comp. by O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 240–268. (In Russ.)

Petroff V.V. Simvol i sviashchennodeistvie v pozdnem neoplatonizme i v Areopagitskom korpuse [Symbol and sacred action in the late Neoplatonism and in the Corpus Areopagiticum]. *ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovaniia po istorii platonizma* [ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ZHTHMATA. Studies on the history of Platonism], ed. by V.V. Petroff. Moscow, Krug Publ., 2013, pp. 264–308. (In Russ.)

Petroff V.V. Transformatsiia antichnoi ontologii u ps.-Dionisiia Areopagita i Maksima Ispovednika [Transformation of the ancient ontology in works by Pseudo-Dionysius the Areopagite and Maximus the Confessor]. *XIX Ezhegodnaia bogoslovskaia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*: *Materialy. T. 1* [19th annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University: Materials. Vol. 1]. Moscow, PSTGU Publ., 2009. pp. 16–25. (In Russ.)

Petroff V.V. Transformatsiia antichnoi ontologii v Areopagitskom korpuse i u Maksima Ispovednika [Transformation of the ancient ontology in the Corpus Areopagiticum and works by Maximus the Confessor]. *ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ZHTHMATA. Issledovaniia po istoriii platonizma* [ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ZHTHMATA. Studies on the history of Platonism], ed. by V.V. Petroff. Moscow, Krug Publ., 2013, pp. 376–393. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Rannii dnevnik 1905–1913* [Early diary 1905–1913], ed. by L.A. Riazanova, Ia.Z. Grishina. St. Petersburg, Rostok Publ., 2007. (In Russ.)

Shargorodskii S. Tainy Ofielia: tri okkul'tnykh epizoda Serebrianogo veka [Secrets of Ophiel: three occult episodes of the Silver Age]. *Toronto Slavic Quaterly*, 2011, no. 38, pp. 59–109. (In Russ.)

Shor E.D. V.I. Ivanov. Opyt rekonstruktsii mirovozzreniia. Tekst s pravkoi i replikami V.I. [V.I. Ivanov. Experiment in reconstruction of the world view. Text with V.I.’s corrections and replicas]. *Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiia. T. 2* [Vyacheslav Ivanov: pro et contra. An anthology. Vol. 2], comp. by K.G. Isupov, A.B. Shishkin. St. Petersburg: TsSO Publ., 2016, pp. 662–667. (In Russ.)

Steiner R. *Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. Gedächtnisaufzeichnungen von Teilnehmern. Band I: 1904–1909, sowie Notizen von Vorträgen aus dem Jahre 1904 und Meditationstexte nach Niederschriften Rudolf Steiners*. Dornach, Rudolf Steiner Verlag, 1995 (GA 266/1).

The doctrinal content and cources of Vyacheslav Ivanov’s paper “The Meaning of the Word ‘Earth’ in the Gospels”

Valery V. Petroff

Abstract: The study analyzes the doctrinal content of Vyacheslav Ivanov’s paper “The Meaning of the Word ‘Earth’ in the Gospels”, as well as the network of contexts (textual, ideological, biographical) in which it was created. It is noted that Ivanov’s paper is not in the strict sense a philological or theological study of the meaning of the lexeme “earth” in the Gospels, and Ivanov’s thesis concerning the centrality of the “question of earth” for Christianity find no support in Christian dogmatics. Presuppositions from which Ivanov’s reasoning starts are discussed: he postulates the existence of different degrees of initiation into mystical mysteries and recognizes esoteric revelations unknown to the “outer” church. It is demonstrated how the concepts of Merezhkovsky and his mysticism of sex are combined in Ivanov’s paper with the interpretation of the Gospel of John. It is shown that among the sources of Ivanov’s exegetical schemes there are occult mythologems and interpretations of the Gospel of John, borrowed from R. Steiner. The contrast between the doctrinally heterogeneous content of the paper and the deliberately traditional form of its presentation is pointed out. It is demonstrated that certain mythologems created by Ivanov are plot invariants externalized in different forms in his other texts. To clarify the concepts underlying Ivanov’s exegetical reasoning, the topics discussed are analyzed in the context of his other writings, drawing on evidence from correspondence, memoirs, records of oral conversations.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Dmitry Merezhkovsky, Gospel of John, Rudolf Steiner, Eugenia Gertsyk, Anna R. Mintsloff, exegesis, esotericism, mysticism of sex, anthroposophy

Information about the author: Valery V. Petroff, Chief Research Fellow, director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science at the RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia. E-mail: campas.iph@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-288-306
УДК 821.161.1

К истории перевода Вяч. Иванова для «Сборника латышской литературы»*

Э.К. Александрова

Аннотация: Статья посвящена переводу стихотворения «Молитва» латышской поэтессы Аспазии (Элзы Плиекшане), выполненному Вячеславом Ивановым для «Сборника латышской литературы» (1916) под редакцией В. Брюсова и М. Горького. Реконструирована история создания текста, проведен анализ перевода и его редакций, привлечены ранее неопубликованные архивные материалы (РО ИРЛИ, НИОР РГБ).

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Аспазия, латышская поэзия, перевод, история литературы

Сведения об авторе: Эльмира Камильевна Александрова, к. ф. н., науч. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: egumerova@mail.ru

* Искренне благодарю профессора Латвийского университета (Latvijas Universitāte) Людмилу Васильевну Спроге, которая любезно предоставила сведения о латышских авторах и сделала подстрочный перевод произведения Аспазии. Выражаю глубокую признательность научному сотруднику ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Константину Юрьевичу Лаппо-Данилевскому за помощь в работе над статьей.

Вяч. Иванов обратился к литературам народов Российской империи, в том числе к латышской, в 1910-е годы. Проводником в этой работе был для него В.Я. Брюсов, привлекший поэта к сотрудничеству в сборниках национальных литератур, в которых взял на себя редакцию отделов поэзии[1]. В каждом таком проекте участвовала национальная редакция, ведающая отбором произведений для издания, созданием подстрочных переводов. Перевод Иванова «Молитва» латышской поэтессы, выступавшей в печати под псевдонимом Аспазия, предназначался для «Сборника латышской литературы», опубликованного под редакцией В. Брюсова и М. Горького в 1916 году[2]. Настоящее имя поэтессы Элза Плиекшане, урожд. Розенберга (1865–1942)[3]. Сотрудничество в прогрессивной газете социалистического толка «Dienas Lapa» («Ежедневный листок»), знакомство и союз с ее редактором латышским поэтом Янисом Райнисом (наст. имя. Я. Плиекшан) способствовали вступлению Аспазии в ряды новотеченцев («Jauna Strava»), идейного движения латышской ин-

[1] Брюсов выступил редактором в сборниках латышской, финляндской, а также еврейской, татарской, литовской и украинской литератур издательства «Парус» (четыре последних проекта не были завершены) и антологии армянской поэзии (издание Московского армянского комитета). Сравнительно небольшая по объему работа Иванова для латышского сборника хронологически совпала с его более масштабным участием в других упомянутых сборниках национальных литератур. Так, приблизительно в то же время им созданы переводы значительного количества произведений армянской поэзии, в частности, большой перевод поэмы О. Туманяна «Ануш». См.: *Александрова Э. К.*: 1) К истории создания переводов Вяч. Иванова из армянской поэзии // Вестник Ереванского университета. Серия «Русская филология». 2016. № 1. С. 3-24; 2) Вячеслав Иванов в работе над переводами для «Поэзии Армении» // Литературные события и феномены XX–XXI веков: Год 2016. Кн. II / ИРЛИ РАН. СПб.; Воронеж, 2017. С. 27–45.

[2] Сборник латышской литературы / Под ред. В. Брюсова и М. Горького. Пг.: Книгоизд-во «Парус» А.Н. Тихонова, [1916]. С. 127. (Далее исп. усл. сокращ.: *СЛЛ*). С подп. «Вяч. Иванов». Об истории создания сборника см.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство «Парус» (1915–1916) // Книга: исследования и материалы. М., 1966. Т. 12. С. 160–193; *Вавере В.* Незабываемая страница дружбы литератур // Даугава. 1977. № 1. С. 120–122; *Тименчик Р.* «Чужой восторг»: Ходасевич и Латвия // Даугава. 1987. № 2. С. 112–116; *Ускова О.* Валерий Брюсов и латышская поэзия // Даугава. 1987. № 5. С. 113; *Авдеева О.В.* Из истории подготовки сборника латышской литературы в издательстве «Парус» // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса: К 80-летию литовской дипломатии. М., 1999. С. 34–44; *Соболев А.Л.* К истории «Сборника финляндской литературы» // Russian Literature. LXXI (2012). II. P. 229–251. История ивановского сотрудничества в сборниках отчасти прослеживается в переписке А.Н. Тихонова (Сереброва), сотрудника издательства «Парус», и В.Я. Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 72. Ед. хр. 44. 40 л.; Карт. 105. Ед. хр. 1. 11 л.; Ед. хр. 2. 35 л.). Для латышской антологии Иванов выполнил два перевода: из Аспазии – «Молитва» («Грусть мне давит грудь...») (*СЛЛ*. С. 127) и из Аусеклиса (наст. имя М. Крогземис) – «Тримпула» («Льет Стабураг слезы, бушует Двина...») (там же. С. 38).

[3] Аспазия выступала и как талантливый драматург. Ее первая пьеса «Мстительница» (1988), изображающая восстание латышских крестьян, была запрещена цензурой. Драма «Вайделоте» (1891) имела большой успех в Рижском латышском театре. «Потерянные права» (1891) перешли в репертуар самодеятельных коллективов. Популярностью пользовались драмы «Недостигнутая цель» (1895), «Ведьма» (1895), «Зелтите» (1901), «Серебряное покрывало» (1905) и др.

теллигенции, возникшего в конце XIX в., участники которого занимались популяризацией идей марксизма[4]. В своем творчестве она поднимала вопросы национального самоопределения латышей, женского равноправия, проповедовала романтико-патриотические идеи. В 1897–1899 гг. Аспазия была разлучена с Райнисом, пребывающим в ссылке во Пскове и затем в Вятке, время от времени она разделяла с ним тяготы изгнаннической жизни, венчание поэтов состоялось в декабре 1897 г. в тюремной церкви. Тяжело переживаемые периоды одиночества оставили след в произведениях, составивших сборник ее стихотворений «Dzēseles krēsla» («Сумерки души»),[5] который латышской книгоиздатель Анцис Гулбис издал в Петербурге (в латышской культурной общине) в 1904 г. Среди произведений, составивших книгу, была и «Lūgšana» («Молитва»), впервые опубликованная в 1899 г. в альманахе «Jauna Raža» («Новый урожай»)[6].

Работа Брюсова с латышским сборником была затруднена скудным выбором произведений, отобранных национальным комитетом, в который вошли представители одного идеологического толка – все они были выходцами из Нового течения. В ноябре 1915 г. Брюсов писал Тихонову: «Переводы же многих латышских стихотворений представляют собою безнадежное *общее место*: или бесцветные, совсем невыразительные рассуждения о вещах, всем известных, или самые избитые образы, разные сравнения и метафоры, набившие оскомину, уже ничего не говорящие читателю […] Многие из тех лиц, которым я предлагал переводить присланные мне стихи (и прежде всех В. Ф. Ходасевич, на которого Вы сами указали мне как на желательного переводчика), *возвращали* мне данные им тексты, говоря, что переводить такие бесцветные стихи они не могут, что им стыдно будет подписать под переводом свое имя»[7]. К письму

[4] Движение организовали участники марксистских кружков Дерптского, Петербургского и Московского университетов П. Стучка, Я. Райнис, Ф. Розинь, Я. Янсон (Браун) и др. (см.: Энциклопедия «Рига». Рига, 1989. С. 511). Поэтесса вступила в ряды новотеченцев после знакомства с Райнисом. В связи с этим справедливым представляется замечание современных исследователей о том, что «в этом раритетном издании Аспазия – единственная поэтесса, хотя латышских женщин-писательниц к моменту издания сборника было уже не мало» (*Спроге Л. В., Царькова Т. С.* «Некий Мордвинов по-русски перевел наши стихи»: О переводах латышских поэтов в начале XX века // Русская литература. 2016. № 2. С. 145).

[5] *Aspazija*. Dzēseles krēsla // *Aspazija.* Raksti. Pēterburga: A.Gulbja izd. 1904. I-II burt. Здесь текст набран готическим шрифтом. Цит. по: *Aspazija*. Kopoti raksti sešos sējumos. Rīga: Liesma, 1985. Pirmais sējums: Dzeja. Lpp. 86. (*Аспазия*. Собр. соч.: В 6 т. Рига, 1985. Первый том: Поэзия. С. 86). Здесь в комментариях к произведению дано только указание на первую публикацию.

[6] См.: *Aspazija*. Lūgšana // Jauna Raža. 1899. № 2. Lpp. 56.

[7] Письмо В.Я. Брюсова А.Н. Тихонову от 15 ноября 1915 г. Копия. Черновик. (РГБ. Ф. 386. Карт. 72. Ед. хр. 44. Л. 4).

Брюсов прилагал стихотворение Аспазии, переведенное В.Ф. Ходасевичем «Звучит похоронный над миром звон…» и писал: «Обсудив его вместе с В[ладимиром] Ф[елициановичем], мы согласно пришли к выводу, что печатать такие стихи нет смысла: это – безнадежное общее место. Несколько других стихотворений Аспазии были мне также возвращены переводчиками с таким же объяснением…[8] Я не могу сказать, что в присланном мне материале нет ничего хорошего. Безусловно *есть*. Истинно хороши многие стихи Райниса;[9] подлинно поэтические вещи есть у той же Аспазии […] Я, конечно, могу выбрать лучшее и позаботиться, чтобы это было переведено хорошо […] Во-первых, переведенного окажется весьма немного. Теперь я уже роздал все, что заслуживает перевода, и всего наберется едва[10] стихотворений. Переводить же оставшиеся у меня вещи решительно не стоит: получатся стишки, стоящие на уровне тех, что у нас печатаются в мелких еженедельниках и никем не читаются»[11]. Остается не проясненным вопрос, вошло ли интересующее нас произведение Аспазии в этот первоначальный перечень достойных перевода текстов, которые редактор заказал сотрудникам уже в ноябре 1915 г., либо было включено позже под давлением Брюсова, настаивающего на расширении и пересмотре списка отобранных произведений[12].

[8] Всего в сборник вошло одиннадцать стихотворений Аспазии в переводах разных поэтов: «Молитва» (Вяч. Иванов), «Сказочка», «Майское утро» (В. Брюсов под псевдонимом «В. Спасский»), «Небытие» (В. Ходасевич), «Наивысшего», «Твоя любовь», «К прошлому», «Лунный свет» (С. Шервинский), «Прощание с молодостью» (К. Липскеров), «Где?» (Н. Ашукин), «В лунном свете» (Л. Остроумов). По-видимому, возвращать стихотворения было прерогативой мэтров и среди названных переводчиков, отказавшихся от стихов Аспазии, был, помимо названного Брюсовым Ходасевича, и сам Вяч. Иванов.

[9] Именно его произведения Брюсов взялся переводить сам.

[10] В письме пропуск.

[11] РГБ. Ф. 386. Карт. 72. Ед. хр. 44. Л. 5–5об. Ранее отрывок из письма неточно процитирован: *Авдеева О. В.* Из истории подготовки сборника латышской литературы в издательстве «Парус». С. 38–39.

[12] Однако с переложением произведений Аспазии и после произведенного редакцией расширения списка оригинальных текстов, подлежащих переводу, произошли некоторые заминки, о чем есть упоминания в письмах Тихонова Брюсову. Ср. в письме от 5 апреля 1916 года: «Присланные Вами переводы все относятся к сравнительно новым поэтам-латышам и то таким, которые войдут в основу книги. Теперь же у нас книга остановилась на Вейденбауме, Аспазии и Поруке, а поэтому очень бы просил Вас мобилизовать в первую очередь переводы именно этих авторов, а если уже исчерпаны, то, просто, сообщить, что больше переводов не предвидится и тогда мы с книгой двинемся дальше, к Блауману, Скальбе и Райнису» (РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 2. Л. 10–10 об.). В сборник латышской литературы вошло шесть стихотворений Эд. Вейденбаума и двенадцать стихотворений Я. Порука. О задержках, тормозивших выход книги в свет, Тихонов писал также 17 апреля 1916 года: «Простите, что надоедаю Вам со своими просьбами, но нам бы очень нужно знать, будут ли от Вас еще переводы Порука и Аспазии. Если нет, – мы отдаем книгу верстать, если да – то придется ждать. Если же ждать надо долго, – то лучше махнуть рукой на розданные Вами стихи Порука и обойтись без них, ибо все-таки Порук и Аспазия представлены в сборнике довольно внушительно. Обстоятельства заставляют нас очень торопиться с выходом сборника. До вашего ответа я не буду пока ничего предпринимать» (РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 2. Л. 12).

Перевод «Молитвы» был выполнен уже в марте 1916 г., о чем свидетельствует письмо Брюсова, посланное в ответ на письмо Иванова от 13 марта 1916 г.: «[…] пользуюсь случаем отослать Тебе *гонорар* за переведенные Тобою стихи Аспазии (24 стиха) и Аусеклиса (28 стихов). Я запрашивал изд[ательст]во об том, каков должен быть размер гонорара для Тебя, Бальмонта и др[угих] мастеров, но пока еще не поучил ответа. Обычный же гонорар изд[ательст]ва – 30 коп[еек] стих; по этому расчету, пока, я и высылаю Тебе 15 р[ублей] 60 к[опеек]: при согласии изд[ательст]ва на мое предложение, сумма должна быть увеличена»[13].

Впервые оригинальные стихи Аспазии Вяч. Иванов услышал на «Башне» в феврале 1906 г. в исполнении латышского поэта-декадента Виктора Эглитиса, введенного к Ивановым А.М. Ремизовым[14]. Эглитис спел народные латышские песни и прочитал стихи, свои и своих современников, среди которых было и популярное среди латышей стихотворение Аспазии «Mēness starus stīgo» («Лунных струн упала // В омут полоса...»)[15]. Иванову понравилась мелодика латышской (стихотворной) речи, он сравнил язык латышей с итальянским[16].

[13] РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 85. Л. 13–13об. По всей видимости, соображения материального порядка не в последнюю очередь явились причиной столь незначительного участия Иванова в издании. Размер гонорара за переводы с латышского совпадает с вознаграждением, которое он получил за участие в «Сборнике финляндской литературы» (Пг., 1916), в котором помещен только один перевод Иванова. Это гораздо меньшая сумма в сравнении с тем, сколько платили поэту за переложения, выполненные для других сборников национальных литератур. Так, принимая приглашение Брюсова участвовать в «Поэзии Армении», Иванов уделил особое внимание материальной стороне дела, чем спровоцировал долгие финансовые переговоры с редактором. В результате в качестве исключения за два перевода он получил вознаграждение в размере 1 руб. за стих, за остальные тексты – 50 коп. за стих. Особые условия оплаты были предоставлены Иванову также за перевод поэмы О. Туманяна «Ануш» (см.: *Александрова Э.К.* Вячеслав Иванов в работе над переводами для «Поэзии Армении». С. 30, 35–37). Для «Еврейской антологии» (М., 1918) поэт выполнил четыре перевода, за которые получил «скромный гонорар 50 коп. со строчки» (Письма Л. Яффе Вяч. Иванову от 28 июня 1917 года и от 25 января 1918 года – РГБ. Ф. 109. Карт. 53. Ед. хр. 92. Л. 4 об., 8). В издательстве Сабашниковых вознаграждение Иванова за стихотворные переводы составляло 50 копеек за стих.

[14] О взаимоотношениях русского писателя с латышскими литераторами см.: *Спроге Л.* А.М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергс, В. Эглитис, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллин, 1996. Т. II. С. 158–170; *Vāvere V., Sproģe L.* Aleksejs Remizovs un latviešu rakstnieki. Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1996. № 4/5. Lpp. 22–28; *Ваверe В.* Виктор Эглитис и русская культура // Славянские чтения: III. Даугавпилс, 2003. С. 263–271.

[15] В *СЛЛ* это стихотворение приведено в переводе С. Шервинского под названием «Лунный свет» (с. 132).

[16] Об этой знаменательной встрече Эглитис писал своему другу художнику Михаилу Яковлеву: «Почти пять часов покорно слушал Вяч. Ив. Иванова – златокудрого Диониса, говорящего солнечно медовой речью из темной, многошумной дубравы, полной пчелиных ульев. Он утомил меня вместе с супругой Зиновьевой-Аннибал, но спасибо им великое!» (Цит. по: *Ваверe В.* Виктор Эглитис и русская культура // Славянские чтения: III. Даугавпилс, 2003. С. 264–265). О том же – жене в Ригу в письме от 16 февраля 1906 г.: «[…] там грядет выше среднего, златовласый, в шиллеровских локонах до плеч Вячеслав Иванович, сама любезность. Про меня знает уже все, и что я переводчик и т. д. Спешит обо всем спросить, спешит познакомить с прочими. Наперебой с Алексеем Михайловичем [Ремизовым] выкрикивает – “латышский поэт Эглит Виктор Иванович” […] Затем я должен читать переводы Вячеслава Ивановича. Но я не помню ничего, и голова болит. “Я подумаю, я в конце…” В конце иду к столику, читаю “Mēness starus stīgo…” … “Гром-

В архиве Иванова в Пушкинском Доме сохранились черновой карандашный автограф (без заглавия, без подписи)[17] и беловой автограф чернилами (с заглавием «Аспазия. Молитва», с подписью «Перевел Вяч. Иванов»),[18] отражающие процесс работы над текстом, еще один беловой автограф чернилами – в архиве Брюсова в НИОР РГБ[19] (он идентичен беловому автографу РО ИРЛИ). Подстрочный перевод, которым пользовался поэт для создания своего переложения, не выявлен[20]. Приведем подстрочный перевод стихотворения Л.В. Спроге:

Lūgšana	Молитва («Мольба»)
Ak, kā žņaudzas krūts!	Ах, как стиснута (сдавлена) грудь!
Ak, kā žņaudzas krūts!	Ах, как стиснута (сдавлена) грудь!
Miljoni gaužas,	Мильоны плачутся,
Savas sāpes sūdz,	На свою боль жалуются,
Tev pie kājām glaužas,	К Твоим ногам ластятся,
Pīšļos tevi lūdz.	В прахе взывают к Тебе.
Tēvs, kur tava sirds?	Отче (Господь), где Твое сердце?
Tēvs, kur tava sirds?	Отче (Господь), где Твое сердце?
Gaisus iztīra	Воздух (воздушное пространство) вычищают
Tavi pērkoni,	Твои громы,
Puķes veldzina	Цветы увлажняют
Tavi mākoni,	Твои тучи (облака),
Tikai cilvēcē	Только человечество
Vēl tas pats, tas pats,	Всё то же, то же,
Valda pasaulē	Царят в мире
Sāpes, trūkums, bads. –	Боль, нужда, голод. –
Ak, kā žņaudzas krūts!	Ах, как стиснута (сдавлена) грудь!
Ak, kā žņaudzas krūts!	Ах, как стиснута (сдавлена) грудь!

че!" – кричат. "Окончания отчетливее", – Вячеслав Иванович. После трех куплетов я сбиваюсь. Я – еще две народные песенки… И все хвалят латышский язык. Но я чувствую, что немного не хорошо было, что я так робок, ничего не помню. […] Вячеслав Иванович хочет приехать ко мне или просит зайти поговорить. Аннибал тоже несколько раз. […] Пробуду верно до следующей среды, чтобы побыть у Иванова и еще насладиться раз. Пропою им, как наши старушки, народные песенки» (цит. по: *Спроге Л.В.* «Башня» Вяч. Иванова и ее лифляндские гости // Вячеслав Иванов и его время: материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Франкфурт на Майне, 2002. С. 399-400). Латышский поэт также ввел эти эпизоды в свои произведения на латышском языке. См. подробнее: Там же. С. 400-404; *Sproģe, Ludmila, Vāvere, Vera.* Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras ‘’Sudraba laikmets". Rīga: Zinātne, 2002. Lpp. 35–37 (*Спроге Л., Ваверe В.* Начало латышского модернизма и русская литература «Серебряного века». Рига, 2002. С. 35–37).

[17] ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 100. Л. 3.

[18] Там же. Л. 2.

[19] РГБ. Ф. 386. Карт. 21. Ед. хр. 11. Л. 36.

[20] В архиве Брюсова среди материалов по подготовке латышского сборника сохранились подстрочные переводы других текстов, использовавшиеся переводчиками (РГБ. Ф. 386. Карт. 21. Ед. хр. 11, 12, 14). Переводы выполнены латышскими сотрудниками национальной редакции («комитета»).

Приведем текст переложения Вяч. Иванова:

МОЛИТВА

Грусть мне давит грудь,
Не дает вздохнуть…
Скорбь мирьяд сердец
По лицу земли
Вопиет в пыли:
Утоли, Отец,
Скорбь людских сердец!..
Счета нет сердцам!
Иль не Сердце сам
Ты людских сердец?

Недр Твоих грозой
Мир юнеет вдруг;
Туч Твоих слезой
Зеленеет луг.
А в людском миру
Тьма стоит, слепа:
Знать, от зла к добру
Залегла тропа.

Все по-старому,
По-бывалому:
Горе слабому,
Горе малому…
Грусть мне давит грудь,
Не дает вздохнуть!*

18 стихов авторского произведения в переложении Иванова увеличились до 24 за счет усложнения образной системы и риторически выразительных строк. При этом переводчик отказался от анафорических восклицаний подлинника, но сохранил кольцевую композицию произведения. Ивановское переложение имеет трехчастную структуру, изменено графическое расположение текста. Осложненная строфико-синтаксическими анафорами, повторами восклицаний (1–2; 7–8 и 17–18 стихи), рубрицирующими текст на неравные части,

* Цит. по: *СЛЛ*, с исправлением: *стих 4:* земли *вместо* земли, *(по всем источникам текста*); *стих 9:* сам *вместо* сам, *(по смыслу)*.

перекрестная рифмовка оригинала в переводе Иванова переработана в смежную с переходом к кольцевой, затем – к перекрестной и снова к смежной[21]. Стихотворный размер, которым воспользовался русский поэт – трехстопный хорей с мужскими клаузулами и переходом к мелодии с дактилическим окончаниями в последней части перевода – подсказан самим оригиналом, написанным двустопным хореем с не характерными для латышской лирики начала века дактилическими клаузулами во второй части текста. В оригинале Аспазии одно и то же количество слогов, но с вариацией ударения, за счет чего достигается ритмическое многообразие, которое подхватывает Иванов.

Наиболее ранний известный нам вариант переложения представлен в черновом карандашном автографе. Здесь деление на две части по 10 и 14 стихов. Наибольшую работу поэт провел с первой частью стихотворения, вторая – осталась идентичной первоначальной редакции, за исключением последних двух стихов, составляющих кольцевую композицию произведения. Первоначальная редакция первой строфы:

Грусть теснит мне грудь…
Тяжко мне вздохнуть…
Скольких боль сердец
По лицу земли
Вопиет, Отец,
К небесам в пыли:
Утоли, Отец,
Боль живых сердец!
Счета нет сердцам!
Иль не сердце сам
Ты людских сердец?

Одиннадцать стихов уже в этом же автографе сокращены до десяти за счет объединения пятого и шестого стихов: «Вопиет, Отец, / К небесам в пыли», – в один: «Вопиет в пыли», – которое позволило избежать повтора обращения «Отец». Здесь же прослеживается тщательная работа Иванова над зачином и концовкой стихотворения, образующих кольцевую композицию. Первоначальная

[21] Иванов нарушает анафорическую структуру стихотворения, переводя 1-ый и 2-ой стихи не как восклицание, повторенное дважды, а как завершенное предложение с акцентировкой лексемы «грудь» (рифмующейся с «грусть»), тем самым аннулируется риторический прием восклицательных и вопросительных конструкций (7–8 стихи вообще опущены в переводе). Из архитектонического рисунка оригинала сохранено лишь «кольцо» начальных и финальных стихов.

редакция первых двух стихов «Грусть теснит мне грудь… / Тяжко мне вздохнуть…» исправлена на: «Грусть теснит мне грудь… / Тяжело вздохнуть…». В третьем слое ивановской правки меняется синтаксическая конструкция, два предложения объединены в одно, обогащенное однородными сказуемыми: «Грусть теснит мне грудь, / Не дает вздохнуть…». В двух беловых автографах Иванов оставляет найденную формулировку без изменений, но меняет сказуемое и его местоположение в первом стихе: вместо «Грусть теснит мне грудь» в обоих автографах «Грусть мне давит грудь». Последний стих первоначальной редакции также подвергнут авторской правке: «Тяжело вздохнуть» исправлено на «Тяжко мне вздохнуть». В данной редакции последние два стиха «Ноет глухо грудь, / Тяжко мне вздохнуть» пока еще не замыкают произведение в кольцо, как в оригинале произведения и в основном тексте.

Последующая работа поэта показывает его попытку приблизить свое переложение к тексту-оригиналу. Так, вместо местоимения-числительного чернового автографа «*Скольких* боль сердец» (3 стих) в беловом автографе появляется существительное со значением количества «Скорбь *мирьяд* сердец», что в большей степени соответствует и даже превышает заявленные в оригинале «Miljoni» («Миллионы»).

В то же время удаляясь от текста-оригинала, изменив «боль сердец» (из первоначальной редакции) на «скорбь сердец» (в беловых автографах), Иванов акцентирует внимание читателя на характере испытываемых эмоций. Изменение в седьмом стихе, произведенное в тексте при публикации (по-видимому, внесено в корректуре): «*Боль* живых сердец!..» изменена на «*Скорбь* людских сердец!..» – актуализирует библейские аллюзии, заложенные в слове. В истолковании составителей Библейской энциклопедии Брокгауза, скорбь – реалия павшего мира (Ин 16:33); ее порождают следующие причины: скорбь как следствие греха, своим грехопадением человек привнес в жизнь все мыслимые скорби (Бытие 3.15 и след., Рим 6.23; Еккл 1.18; Притч 23.29 и след.); скорбь как следствие обращения к Богу. Всякая скорбь несет с собой соблазн отпадения от Бога (Мк 4.17; 1 Фес 3.3-5), но и воспитывает терпение (Рим 5.3; Рим 12.12; 2 Кор 1.6; 2 Фес 1.4), заставляет нас прибегать к молитве (Ис 26.16; Иона 2.2 и след.)[22]. В этом значении употребление в ивановском переложении этого слова вступает в прямую взаимосвязь с номинацией произведения. Напомним, что в оригинале нет слова «скорбь»,

[22] *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза. М., 1999. [Эл. версия]. URL: http://www.agape-biblia.org/books/Book03/ (дата обращ.: 22. 11. 2017).

и Иванов, употребляя его, причем дважды (в 3-м и 7-м стихах), углубляет, «усовершенствует» текст Аспазии. Однако привнесение этого понятия, подсказано самим оригиналом. В библии «скобрь» часто соседствует с «теснотой»[23]. Греческое «θλίψη» (thlípsi) переводится как «скорбь», его изначальное значение «теснота», «притеснение»,[24] вступает в прозрачную корреляцию с анафорическими зачином и концовкой оригинала «Ах, как стиснута (сдавлена) грудь!», первым стихом первоначальной редакции перевода: «Грусть теснит мне грудь» и менее явную, но прослеживающуюся «Грусть мне давит грудь» основного текста. Кроме того, в оригинальном тексте «боль, нужда, голод», также часто сопутствующие скорби, и явный библеизм «К Твоим ногам ластятся, / В прахе взывают к Тебе», также косвенно связанный с понятием скорби (Нав 7:6; Плач 2:10; Иез 27:30; Откр 18:19).

При работе с корректурой поэт отказывается от первоначально найденного эпитета 7 стиха «живых сердец» в пользу более эмоционально нейтрального «людских сердец», что усиливает безрадостный тон стихотворения. Порядок слов в последних двух стихах первой строфы «Иль не сердце сам / Ты людских сердец?» и измененный Ивановым в беловых автографах («Ты ль не сердце сам, / Всех людских сердец?») возвращен переводчиком при публикации произведения.

Образ сердца, данный Аспазией только в анафорических 7 и 8 стихах оригинала («Отец (Господь), где Твое сердце? / Отец (Господь), где Твое сердце?»), развернут переводчиком до сложной системы, в которой помимо неоднократного повторения, возникает определение, в котором Бог предстает как «сердце [людских] сердец». Это усложнение напрямую корреспондирует с оригинальным творчеством самого Вяч. Иванова, в поэзии которого важное место занимает метафора, связанная с сердцем[25]. Ср.: «Солнце, ты планет

[23] Ср.: «...Когда постигнет вас скорбь и теснота...» (Притч 1:27); «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое» (Рим 2:9); «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение…» (Рим 8:35); «...Вот, голод и язва, и скорбь и теснота» (3Езд 16:20); «...Я встретил тесноту и скорбь» (Пс 114:3); «…День гнева – день сей, день скорби и тесноты» (Соф 1:15).

[24] *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза. Скорбь связана с бедствиями и притеснениями, в частн. с гонениями (1 Фес 1:6; 1 Фес 2:14), пребыванием в узах (Деян 20:23; Еф 3:13; Откр 2:10), поношениями (Евр 10:33), духовными борениями (2 Кор 7:5), болезнями, голодом.

[25] В первую очередь название его сборника «Cor Ardens». В оригинальном творчестве Иванова в образе «пламенеющего сердца» заложен ряд христианских подтекстов, преломляющихся через образы дантовской «Новой жизни», совмещающихся с античной традицией. См. об этом: *Устинова В.А.* Концепт сердца в мифопоэтике Данте и Вяч. Иванова // Гуманитарные исследования. Омск, 1996. Вып. 1. С. 60–63; *Шишкин А.Б.*

вожатый! Солнце, пастырь лун-овец! Новей пламенных оратай!.. Солнце – сердце солнц-сердец!» («Хор солнечный», 1906)[26]. Р.Е. Помирчий предполагает, что это выражение восходит к известной Иванову надписи на надгробье английского поэта Перси Биши Шелли: «Cor cordium» («Сердце сердец»)[27]. Иванов упоминает об этом 21 апреля 1921 г. в разговоре с М.С. Альтманом о поэзии Бальмонта: «…Шелли – сердце сердец (как написано на его памятнике)»[28]. Так озаглавлено предисловие К.Д. Бальмонта к переводам сочинений Шелли (1894). В самом начале этого предисловия переводчик приводит легенду о церемонии погребения английского поэта по обычаям древних. Тело утонувшего было предано огню, но «когда же весь труп сгорел и от костра остались одни головни, лица, наблюдавшие за похоронным торжеством, увидали нечто странное, необъяснимое: сердце Шелли осталось целым, огонь пощадил его»[29].

Во второй части переложения поэт-символист также не придерживается буквального следования тексту-оригиналу. Если ивановские метафоры 11–14 стихов («Недр Твоих грозой / Мир юнеет вдруг; / Туч Твоих слезой / Зеленеет луг») значительно приближены к поэтическим смыслам подлинника (ср.: «Воздух[30] вычищают / Твои громы, Цветы увлажняют / Твои тучи[31]»), то уже следующая часть стихотворения под пером переводчика обретает отличные от оригинала смыслы:

А в людском миру
Тьма стоит, слепа:
Знать, от зла к добру

«Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 333–352.

[26] *Иванов В.И.* Стихотворения, поэмы, трагедия. СПб., 1995. Т. 1. С. 224.

[27] Там же.

[28] *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. Ст. и коммент. К.Ю. Лаппо- Данилевского. СПб., 1995. С. 67. Примечателен тот факт, что могилы Шелли и Иванова расположены на одном кладбище. Некрополь, известный как Римское некатолическое кладбище (Il Cimitero acattolico di Roma), расположен у ворот Св. Павла, составляющих часть древней стены Аврелиана (у подножья Авентина; в этом районе расположена квартира, которую арендовал Иванов с семьей).

[29] *Бальмонт К.Д.* Сердце сердец // Сочинения Шелли / Пер. с англ. К.Д. Бальмонта. СПб., 1894. Вып. 1. С. 2. В образе «сердца сердец» прослеживается параллель с распространенным в католической традиции культом «Sacra-Coeur», почитанием раненого, пронзенного копьем сердца Христа. «Святое Сердце» манифестирует любовь Христа к людям и – одновременно – обратную любовь спасенных Им людей к Богу: отверзтая грудь Бога и сердце служат моделью для истинно верующего; последний должен также в своей вере открыть Богу свое сердце. Символика основана на идее «совмещения», слияния сердца Христа и сердца человека в едином порыве взаимной любви. См. об этом: *Проскурина В.* «Cor Ardens»: Смысл заглавия и эзотерическая традиция // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 196–213.

[30] Воздушное пространство.

[31] Облака.

Залегла тропа.

Иванов включает в свой текст традиционный христианский мотив – противопоставление света и тьмы, отсутствующий в оригинале,[32] углубляя безрадостный тон народно-поэтической метафорой «…от зла к добру / Залегла тропа», т. е. стала непроходимой, заглохла,[33] покинута, давно не езжена[34]. Пунктуационные изменения, произведенные при публикации: вопросительная интонация 15–18 стихов заменена на утвердительную, – усилили эффект безнадежности, превалирующий в тексте-оригинале[35]. В содержательном плане переложение осталось близко к оригиналу, т. к. у Иванова все же нет темы доминирования света над тьмой как основы христианского мировоззрения.

Поэтическая вольность переложения не прошла незамеченной для национальной редакции. Сотрудниками «Паруса» Брюсову были посланы корректуры латышского сборника, среди которых редактор не обнаружил ивановский перевод из Аспазии – об этом идет речь в письме Тихонова к Брюсову от 26 мая 1916 года: «Стихи латышского сборника ([2 нрзб.]) и перевод Аспазии (Вяч. Иванова) я получил. То и другое уже включено в сборник. Отсутствие в сборнике перевода В. Иванова объясняется тем, что перевод этот как Вы и сами признали, сделан весьма неточно; вторая половина стихотв[орения] – является, сказать по правде, измышлением переводчика. Весьма возможно, что от этого стихотворение даже выиграло, но перевод – проиграл. Но если дело обстоит так, как Вы пишите, то, разумеется, перевод должен быть включен»[36]. Самому Брюсову, ратовавшему при переводе за неизменное, буквальное следование оригиналу с сохранением размера и типа рифмы, была чужда переводческая манера Иванова, называющего свои переводы

[32] Хотя в данном конкретном произведении мотив не прослеживается, он не чужд творчеству Аспазии. Так, название ее сборника, в который вошла «Молитва», «Сумерки души» недвусмысленно отсылает к этой теме. Тот же образ тьмы возникает и в другом произведении сборника «Жизнь – не Бетховена соната…» (ср. в совр. пер. О. Петерсон: «Жизнь […] Она мелка, ничтожна и узка. […] жизнь всего лишь улица кривая, Которая нас в сторону ведет […] А дальше мы плутаем в темноте» (цит. по: Янис Райнис: Аспазия: Мир не привязан к людям: Стихи: С латышского / Пер. О. Петерсон // Дружба народов. 2016. № 6. С. 108–112).

[33] Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 969.

[34] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 1882. Т. 4: Р–V. С. 208.

[35] Также на этапе белового автографа автором снято восклицание в 22 стихе: «Горе малому…». В плане содержания текст этой части стихотворения остался идентичен первоначальной редакции.

[36] РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 2. Л. 16.

лишь «подражаниями», «музыкальными эквивалентами»[37]. Однако не солидаризируясь с таким методом перевода, Брюсов несомненно ценил художественные достоинства ивановских переложений, поэтому отстоял «Молитву», которая открывает подборку переводов Аспазии в сборнике. В бумагах Брюсова, касающихся работы над антологиями национальных литератур, имеется обрывающаяся запись, проливающая свет на отношение редактора к переводческому методу поэта. Возможно, это начало письма по поводу претензий редакции: «Переводы Вяч. Иванова я не почел себя в праве исправлять. От таких переводчиков нужно принимать то, что они дают. Однако со многим я в этих переводах…»[38]. Как известно, Брюсов отличался повышенной требовательностью к переводам, которые заказывал. Автографы переводчиков латышской поэзии в архиве Брюсова сохранили следы большой редакторской правки[39]. Только переводы Вяч. Иванова и А. Блока он не правил[40].

В содержательном плане перевод представляет собой эмоцию разочарования, опорные лексемы (грусть, грудь, Отец, сердце) в переводе соответствуют устойчивым образам оригинала и в основном способствуют выстраиванию основной идеи автора. В то

[37] Ср. в письме Иванова В. Я. Брюсову от 30 июля 1915 г. по поводу переводов с армянского: «Слово “перевод” употребляю […] неохотно […] ибо верую только в “переложения” и “музыкальные эквиваленты”» (*Александрова Э.К.* Вячеслав Иванов в работе над переводами для «Поэзии Армении». С. 42). В письме М.В. Сабашникову от 1 августа 1911 г. поэт писал о своих «переводах-переложениях» Эсхила: «…каждый действительно поэтический перевод есть “Nachdichtung”, не менее чем “Горные вершины” Лермонтова» (*Котрелев В.Н.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила. С. 501–502). В 1914 г. в послесловии к переводу «Алкея и Сафо»: «Верховная цель поэтического перевода – создать музыкальный эквивалент подлинника. Таковым может быть только переложение; оно одно становится имманентным поэтической стихии языка, обогащаемого даром из чужеземных сокровищ. „Буква умерщвляет“; но жертвуя дословною близостью подстрочной передачи, перелагатель-поэт должен возместить ее верностью истолкования» (Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в пер. размерами подлинников Вяч. Иванова со вступ. очерком его же. [2-е изд.]. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914 [1915]. С. 242). В беседе с М.С. Альтманом 12 февраля 1921 г.: «…Прозаики при переводе на другой язык могут быть спасены. Безнадежно теряются только поэты – их ритмы непереводимы» (*Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 52). В письме Э.К. Метнеру от 4 марта 1932 г.: «…не все равно – сказать *свое* или чужое даже на родном языке поэта: я хочу сказать, что перевод вообще бесконечно труднее оригинального творчества вообще […] я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллизую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик» (В.И. Иванов и Э.К. Метнер: Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 310–311).

[38] РГБ. Ф. 386. Карт. 17. Ед. хр. 17.

[39] Там же. Карт. 21. Ед. хр. 14; Карт. 21. Ед. хр. 11–12.

[40] См. об этом также: *Ускова О.* Валерий Брюсов и латышская поэзия. С. 115.

же время Иванов, углубляя и расширяя смысловые пласты своего переложения, вводя новые понятия (скорбь, сердце сердец, тьма, зло, добро), отсутствующие в подлиннике, отдаляется от текста-оригинала[41].

Первая рецензия на «Сборник латышской литературы» принадлежит перу Виктора Эглитиса («Līdums», 1917, № 182), который участвовал в подготовке издания, но по ряду причин, в том числе в связи с конфликтом с Брюсовым, его имя в книге не упомянуто. В его тексте чувствуется обида, особенно критика в адрес «некомпетентной латышской комиссии» по отбору произведений. Иванов только упомянут, больше всего рецензент пишет о брюсовских переводах латышских народных песен и текстов Я. Райниса. Перевод Иванова после 1916 г. появился в 1924 г. в газете «Рижский курьер» (№ 971)[42]. В русской прессе 1920-х – 1930-х гг. «Сборник…» упомянут несколько раз в разные годы как первая книга переводов с латышского. В 1921 г. в газете «Сегодня» в рубрике «Из латышской поэзии» представлен краткий обзор В.В. Третьякова[43] (переводчика с латышского, который в конце 1920-х и в 1930-е гг. переводил поэзию Аспазии, был лично знаком с Вяч. Ивановым, писал ему в Рим, оставил о нем воспоминания)[44]. Кратко и уважительно об Иванове-переводчике отзывались критик П.М. Пильский (лично знавший Брюсова и вхожий

[41] У Иванова нет сомнения, что Бог «сердце сердец», т. е. само добро и в этом смысле его текст более христианский, оригинал, в котором явственно прочитывается упрек Господу – более «ветхозаветен». Это настроение поддержано библеизмом «К Твоим ногам ластятся, / В прахе взывают к Тебе» (оказаться сидящим во прахе означало унижение и презрение (1 Цар 2:8; Пс 112:7; Ис 47:1; ср. Ис 52:2); упасть к ногам – проявить смирение (Ис 60:14; Откр 3:9), благоговение (Деян 10:25; Откр 19:10; Откр 22:8–9), обратиться с просьбой (1 Цар 25:24; Мк 5:22; Мк 7:25); молитвенное, благоговейное обращение могло сопровождаться обхватыванием (4 Цар 4:27; Мф 28:9), целованием ног (см.: *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза). Примечательна в связи с этим ветхозаветная тема стихотворения Аспазии «Ciānas bērni» («Дети Сиона», 1899), в котором выстроен «нарратив предания об Иудее – опустошение Сиона, разрушение Храма, Соломонова дворца и повержение в рабство древних иудеев в столице Вавилона». Как указывает Л.В. Спроге, иносказательно воспринял это произведение Райнис, писавший к Аспазии: «Может быть: Бедные дети Сиона: мы!». Или: «Мы, отверженные богом дети» (*Спроге Л.В.* Аспазия «Дети Сиона»: О первой публикации стихотворения латышской поэтессы в петербургском журнале «Север» // Aspazija un mūsdienas: Dzimums, nācija, radošie izaicinājumi / Aspazija and modernity: Gender, nation, creativity / Zinātniskā redaktore Ausma Cimdiņa. Rīga, 2016. Lpp. 321).

[42] О последующих републикациях перевода см.: *Sproge L.* «Cita» Aspazija: «Another» Aspazija // Aspazijai 150: Dzimumsocialitāte kultūras un varas mijattiecībās / Gender, Culture and Power interactions: Starptautiska zinātniska konference Rīgā un Jūrmalā 2015 gada 15–17 aprīlis: Tēzes / Abstracts. Rīgā, 2015. Lpp. 71–73.

[43] См.: Сегодня. 1921. 29 окт. (№ 284). С. 2. Там же см. статью: *Третьяков В.* Карл Скальбе: (К 25-летнему юбилею поэта).

[44] См.: *Спроге Л.В.* Виктор Третьяков и Вячеслав Иванов: Ось Рига – Рим // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2009. Вып. 11/12. С. 12–16.

к нему в дом),[45] писатель и переводчик Н.П. Истомин, неоднократно бывавший как журналист в доме Аспазии и Райниса. По-видимому, отсутствие подробного рецензирования переводов Вяч. Иванова объясняется глубоким пиететом рецензентов, лично знакомых с переводчиком, не позволяющим «подробно» вникать в его переводы с латышского, достаточно «своеобразные». Пришлось бы писать о «приблизительном», свободном переводе-интерпретации. Подобные «претензии» к переводческому методу Иванова не были бы откровением ни для читающей публики, ни для самого автора. И ранее Иванов не раз был обвинен в значительном расхождении переложений с оригиналом и необоснованной фольклоризации своих переводов с новых и древних языков[46].

[45] Ср. его рецензию на книгу переводов Третьякова: «Уже 15 лет тому назад был выпущен сборник латышских авторов в русском переводе под редакцией Горького и Брюсова. Казалось бы, участие такого поэта обеспечивало этой книге большую или меньшую полноту. Брюсов должен был заинтересоваться поэтами. Но значительнейшая часть сборника отдана прозаикам. […] Уже из первого “Сборника латышской литературы” русский читатель получил общее представление и развитие [так!] о литературе Латвии и о многих ее поэтах. В. Брюсов, А. Блок, С. Шервинский, В. Иванов, В. Ходасевич, В. Спасский, В. Шершеневич, Ю. Верховский и др. перевели отдельные произведения целого ряда латышских поэтов. Впервые они познакомили нас с Аусеклисом, Алунаном, Пумпуром, Вейденбаумом, дали нам немало стихотворений Аспазии […] и, конечно, Райниса […]» (*Пильский П.* Латышские поэты // Сегодня. 1931. 21 февр. (№ 52). С. 2).

[46] Так, выполненный Ивановым перевод из армянской поэзии «Дева, роза, подойди…» И. Иоаннисяна был подвергнут решительной критике со стороны члена национальной редакции П. Макинцяна. Несмотря на его пожелание поместить перевод в приложении, текст был опубликован в основном разделе книги. В некоторых рецензиях, посвященных переводам Вяч. Иванова из «Поэзии Армении», авторы упрекали переводчика в значительных расхождениях с оригиналом, уходе от армянских реалий и искусственном «обрусении» армянского текста, который лишается значительной доли «местного колорита» (см. подробнее: *Александрова Э.К.* Вячеслав Иванов в работе над переводами для «Поэзии Армении». С. 38–42). В. Ф. Ходасевич в рецензии на первое издание «Алкея и Сафо» (1914) в переводе Иванова упрекал последнего в «русификации подлинника в духе народной русской поэзии» (Русские ведомости. 1914. 25 июня. № 145. С. 5). В. В. Вересаев в своем отзыве на то же сочинение писал: «Причудливая смесь торжественно-архаических, вновь сочиненных и простонародных слов и выражений составляет характерную особенность собственной поэзии Вячеслава Иванова, но нисколько не характерна ни для Алкея, ни для Сапфо […] Читая переводы г. Иванова, всякий скажет: “сразу видно, что это – Вячеслав Иванов”» (Вестник Европы. 1915. Февр. С. 390–391). Подробнее об этом см.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* О третьем издании стихов Алкея и Сапфо в переводе Вяч. Иванова // Русская литература. 2016. № 1. С. 134–159.

Литература

Авдеева О.В. Из истории подготовки сборника латышской литературы в издательстве «Парус» // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии: Науч. чтения, 1, 30 мая 1998 г.: Доклады / Сост. Ю. Будрайтиса и Н.В. Котрелева. М.: Наследие, 1999. С. 34–44.

Александрова Э.К. Вячеслав Иванов в работе над переводами для «Поэзии Армении» // Литературные события и феномены XX–XXI веков: Год 2016. Материалы заочной интерактивной конференции (г. Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН, 4–7 июля 2016 г.). Кн. II. СПб.; Воронеж: О.Ю. Алейников, 2017. С. 27–45.

Александрова Э.К. К истории создания переводов Вяч. Иванова из армянской поэзии // Вестник Ереванского университета. Серия «Русская филология». 2016. № 1. С. 3–24.

Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.

В.И. Иванов и Э.К. Метнер: Переписка из двух миров (окончание) / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 281–317.

Вавере В. Виктор Эглитис и русская культура // Славянские чтения. III. Даугавпилс; Резекне: Изд-во Латгальского культурного центра, 2003. С. 263–271.

Вавере В. Незабываемая страница дружбы литератур // Даугава. 1977. № 1. С. 120–122.

Голубева О.Д. Книгоиздательство «Парус» (1915–1916) // Книга: Исследования и материалы. Т. 12. М.: Книга, 1966. С. 160–193.

Лаппо-Данилевский К.Ю. О третьем издании стихов Алкея и Сапфо в переводе Вяч. Иванова // Русская литература. 2016. № 1. С. 134–159.

Проскурина В. «Cor Ardens»: Смысл заглавия и эзотерическая традиция // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 196–213.

Соболев А.Л. К истории «Сборника финляндской литературы» // Russian Literature. LXXI (2012). II. P. 229–251.

Спроге Л.В. А.М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергс, В. Эглитис, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллинн: Авенариус, 1996. С. 158–170.

Спроге Л.В. Аспазия «Дети Сиона»: О первой публикации стихотворения латышской поэтессы в петербургском журнале «Север» // Aspazija un mūsdienas: Dzimums, nācija, radošie izaicinājumi / Zinātniskā redaktore Ausma Cimdiņa. Rīga, 2016. Lpp. 316–321.

Спроге Л.В. «Башня» Вяч. Иванова и ее лифляндские гости // Вяч. Иванов и его время: Материалы VII Междунар. симпозиума, Вена 1998. Франкфурт-на-Майне, 2002. С. 395–404.

Спроге Л.В. Виктор Третьяков и Вячеслав Иванов: Ось Рига – Рим // Берега: Инф.-аналит. сб. о русском зарубежье. Вып. 11–12. СПб.: Русская эмиграция, 2009. С. 12–16.

Спроге Л.В., Царькова Т.С. «Некий Мордвинов по-русски перевел наши стихи»: О переводах латышских поэтов в начале XX века // Русская литература. 2016. № 2. С. 141–151.

Тименчик Р.Д. «Чужой восторг»: Ходасевич и Латвия // Даугава. 1987. № 2. С. 112–116.

Ускова О. Валерий Брюсов и латышская поэзия // Даугава. 1987. № 5. С. 112–115.

Устинова В.А. Концепт сердца в мифопоэтике Данте и Вяч. Иванова // Гуманитарные исследования. Вып. 1. Омск, 1996. С. 60–63.

Шишкин А.Б. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 1996. С. 333–352.

Sproge L. «Cita» Aspazija // Aspazijai 150: Dzimumsocialitāte kultūras un varas mijattiecībās / Starptautiska zinātniska konference Rīgā un Jūrmalā 2015 gada 15–17 aprīlis: Tēzes. Rīgā, 2015. Lpp. 71–73;

Sproģe, Ludmila, Vāvere, Vera. Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras «Sudraba laikmets». Rīga: Zinātne, 2002.

Vāvere V., Sproģe L. Aleksejs Remizovs un latviešu rakstnieki. Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1996. № 4/5. Lpp. 22–28.

References

Aleksandrova E.K. K istorii sozdaniia perevodov Viach. Ivanova iz armianskoi poezii [On the creative history of Vyacheslav Ivanov's translations from Armenian poetry]. *Vestnik Erevanskogo universiteta, seriia "Russkaia filologiia"*, 2016, no. 1, pp. 3–24. (In Russ.)

Aleksandrova E.K. Viacheslav Ivanov v rabote nad perevodami dlia "Poezii Armenii" [Vyacheslav Ivanov working on translations for "Poetry of Armenia"]. *Literaturnye sobytiia i fenomeny XX–XXI vekov: God 2016. Materialy zaochnoi interaktivnoi konferentsii (g. Sankt-Peterburg, IRLI RAN, 4–7 iiulia 2016 g.). Kn. II* [Literary Events and Phenomena of the 20–21st centuries, 2016. Proceedings of the virtual interactive conference (St. Petersburg, IRLI RAS, July 4–7, 2016). Book II]. St. Petersburg, Voronezh, O.Iu. Aleinikov Publ., 2017, pp. 27–45. (In Russ.)

Al'tman M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov], ed. by V.A. Dymshits i K.Iu. Lappo-Danilevsky, introd. and comment. by K.Iu. Lappo-Danilevsky. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)

Avdeeva O.V. Iz istorii podgotovki sbornika latyshskoi literatury v izdatel'stve "Parus" [From the editing history of a collection of Latvian literature in the publishing house "Parus"]. *K 125-letiiu so dnia rozhdeniia Iurgisa Baltrushaitisa. K 80-letiiu litovskoi diplomatii: Nauch. chteniia, 1, 30 maia 1998 g.: Doklady* [To the 125th anniversary of the birth of Jurgis Baltrušaitis. To the 80th anniversary of Lithuanian diplomacy. Sci. proc., May 1, 30 1998. Reports], ed. by J. Budraitis and N.V. Kotrelev. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 34–44. (In Russ.)

Golubeva O.D. Knigoizdatel'stvo «Parus» (1915–1916) ["Parus" publishing house (1915–1916)]. *Kniga: Issledovaniia i materialy. T. 12* [Book: Studies and materials. Vol. 12]. Moscow, Kniga Publ., 1966, pp. 160–193. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K.Iu. O tret'em izdanii stikhov Alkeia i Sapfo v perevode Viach. Ivanova [On the third edition of Alcaeus and Sappho's poems translated by Vyacheslav Ivanov]. *Russkaia literatura*, 2016, no. 1, pp. 134–159. (In Russ.)

Proskurina V. «Cor Ardens»: Smysl zaglaviia i ezotericheskaia traditsiia ["Cor Ardens": The meaning of the title and the esoteric tradition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 52, pp. 196–213. (In Russ.)

Shishkin A.B. "Plameneiushchee serdtse" v poezii Viacheslava Ivanova: K teme "Ivanov i Dante" ["Flaming Heart" in Vyacheslav Ivanov's poetry: On the topic "Ivanov and Dante"]. *Viacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov: Materials and studies]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1996, pp. 333–352. (In Russ.)

Sobolev A.L. K istorii «Sbornika finliandskoi literatury» [On the history of "A Collection of Finnish Literature"]. *Russian Literature*, LXXI (2012), II, pp. 229–251. (In Russ.)

Sproge L. «Cita» Aspazija. *Aspazijai 150: Dzimumsocialitāte kultūras un varas mijattiecībās / Starptautiska zinātniska konference Rīgā un Jūrmalā 2015 gada 15–17 aprīlis: Tēzes*. Rīgā, 2015, lpp. 71–73.

Sproge L.V. «Bashnia» Viach. Ivanova i ee liflandskie gosti [Vyavheslav Ivanov's "Tower" and its Livonian guests]. *Viach. Ivanov i ego vremia: Materialy VII Mezhdunar. simpoziuma, Vena 1998* [Vyacheslav Ivanov and his times: Proceedings of the 7th International Symposium, Wien 1998]. Frankfurt am Main, 2002, pp. 395–404. (In Russ.)

Sproge L.V. A.M. Remizov v Latvii: V. Dambergs, V. Eglitis, V. Gusev, I. Pavlov, V. Gadalin [A.M. Remizov in Latvia: V. Dambergs, V. Eglītis, V. Gusev, I. Pavlov, V. Gadalin]. *Baltiiskii arkhiv: Russkaia kul'tura v Pribaltike. T. II* [The Baltic archives: Russian culture in the Baltics. Vol. II]. Tallinn, Avenarius, 1996, pp. 158–170. (In Russ.)

Sproge L.V. Aspaziia "Deti Siona": O pervoi publikatsii stikhotvoreniia latyshskoi poetessy v peterburgskom zhurnale «Sever» [Aspazija "Children of Zion": On the first publication of the Latvian poet's poem in the Petersburg journal "Sever"]. *Aspazija un mūsdienas: Dzimums, nācija, radošie izaicinājumi, Zinātniskā redaktore Ausma Cimdiņa*. Rīga, 2016, lpp. 316–321. (In Russ.)

Sproge L.V. Viktor Tret'iakov i Viacheslav Ivanov: Os' Riga – Rim [Viktor Tretyakov and Vyacheslav Ivanov: "Riga – Rome" axis]. *Berega: Inf.-analit. sb. o russkom zarubezh'e. Vyp. 11–12* [Shores: An information and analytical collection on the Russian émigré]. St. Petersburg, Russkaia emigratsiia Publ., 2009, pp. 12–16. (In Russ.)

Sproge L.V., Tsar'kova T.S. "Nekii Mordvinov po-russki perevel nashi stikhi": O perevodakh latyshskikh poetov v nachale XX veka ["A certain Mordvinov translated our poems in Russian": On translations of Latvian poets at the beginning of the 20th century]. *Russkaia literatura*, 2016, no. 2, pp. 141–151. (In Russ.)

Sproģe L., Vāvere V. *Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras "Sudraba laikmets"*. Rīga, Zinātne, 2002.

Timenchik R.D. «Chuzhoi vostorg»: Khodasevich i Latviia ["Another's delight": Khodasevich and Latvia]. *Daugava*, 1987, no. 2, pp. 112–116. (In Russ.)

Uskova O. Valerii Briusov i latyshskaia poeziia [Valery Bryusov and Latvian poetry]. Daugava, 1987, no. 5, pp. 112–115. (In Russ.)

Ustinova V.A. Kontsept serdtsa v mifopoetike Dante i Viach. Ivanova [The concept of heart in Dante and Vyacheslav Ivanov's mythopoetics]. *Gumanitarnye issledovaniia. Vyp. 1* [Humanitarian studies. Iss. 1]. Omsk, 1996, pp. 60–63. (In Russ.)

V.I. Ivanov i E.K. Metner: Perepiska iz dvukh mirov (okonchanie) [V.I. Ivanov and E.K. Metner: Correspondence from two worlds (conclusion)], publ. by V. Sapov. *Voprosy literatury*, 1994, no. 3, pp. 281–317. (In Russ.)

Vavere V. Nezabyvaemaia stranitsa druzhby literatur [Unforgettable page of literary friendship]. *Daugava*, 1977, no. 1, pp. 120–122. (In Russ.)

Vavere V. Viktor Eglitis i russkaia kul'tura [Viktors Eglītis and Russian culture]. *Slavianskie chteniia. III* [Slavic proceedings. III]. Daugavpils, Rēzekne, Latgalian Cultural Center Publ., 2003, pp. 263–271. (In Russ.)

Vāvere V., Sproģe L. Aleksejs Remizovs un latviešu rakstnieki. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, 1996, no. 4/5, lpp. 22–28.

On the history of Vyacheslav Ivanov's translation for "A Collection of Latvian Literature"

Elmira K. Alexandrova

Abstract: The present study is devoted to the history of creation of Russian translation "Molitva" of Latvian poet Aspazija (the name Elza Pliekšāne, 1865–1943). V. Ivanov made this translation for a collection of Latvian literature ("Sbornik latyshskoj literatury", Petrograd, 1916; ed. by V. Bryusov, M. Gorky). The study was conducted with the involvement of all the surviving materials: correspondence of Bryusov and Ivanov, epistolary materials of others, Ivanov's preparatory materials, manuscripts, translations from the archival storages of St. Petersburg, Moscow.

Keywords: V. Ivanov, Aspazija, Latvian poetry, translation, interlinear translation, autograph.

Information about the author: Elmira K. Alexandrova, PhD, researcher, RAS Institute of Russian Literature (Pushkin House), St. Petersburg, Russia.
E-mail: egumerova@mail.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-307-330
УДК 821.161.1

«Бетховен, сыгранный на балалайке»: опыт критической статьи Е.Г. Полонской о Маяковском (1919)

С.В. Федотова

Аннотация: Публикация критической статьи Е. Полонской «Владимир Маяковский», выполненной в рамках работы семинара по критике в литературной студии при издательстве «Всемирная литература», позволяет рассмотреть методику преподавания К.И. Чуковского, влияние его критических работ на студийцев, а также выявить степень самостоятельности его ученицы в оценке творчества Маяковского.

Ключевые слова: Полонская, Чуковский, Зощенко, Блок, Маяковский, Некрасов, Тынянов, студия «Всемирной литературы», семинар по критике, методика преподавания.

Информация об авторе: Федотова Светлана Владимировна, д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: lucia-th@yandex.ru

В 1957 г. к 75–летию К.И. Чуковского Елизавета Григорьевна Полонская (1890–1969)[1], в свое время единственная «сестра» среди Серапионовых братьев, достаточно известная поэтесса, переводчица и детская писательница, послала юбиляру шуточное поздравление, которое начинается с искреннего признания: «Я Вас люблю, Корней Иваныч, я Вас люблю с далеких лет…»[2]

В те «далекие» годы в тревожном и голодном Петрограде 1919 г. была открыта Студия художественного перевода при издательстве «Всемирная литература», возглавляемом М. Горьким. Просуществовав в знаменитом Доме Мурузи (Литейный пр., 24) совсем недолго, в течение только летних месяцев, в, с открытием Дома искусств (в обиходе – ДИСК'а) она переехала в бывший елиссевский дом (Мойка, 59) и была переименована в Литературную студию. Хотя это хорошо известные факты[3], стоит все же подчеркнуть, что в воспоминаниях современников различия двух студий часто стираются, сливаясь в единую историю Литературной студии при Доме искусств. Мемуары Елизаветы Полонской, одной из первых описавшей семинар по литературной критике в Студии «Всемирной литературы», – важный источник сведений о стиле Чуковского-преподавателя, но они также не касаются продолжительности его занятий и их результативности. По воспоминаниям же Николая Чуковского, семинар по критике «просуществовал недолго – отец, пылко взявшись за дело, скоро охладел к нему. И студисты его, весьма многочисленные, разошлись по другим семинарам. Однако десяток занятий отец все-таки провел»[4]. Хотя в памяти сына К.И. Чуковского, тогда совсем мальчика, сохранилось далеко не все или с большими искажениями, тем не менее приведенное замечание подтверждается документально.

Из отчета издательства за 1919 г. следует, что в Студии художественного перевода, открывшейся в феврале того же года, семина-

[1] Богатая событиями биография Полонской дореволюционного времени описана в ее воспоминаниях: *Полонская Е.Г.* Города и встречи. Книга воспоминаний. М., 2008, а также в работах: *Фрезинский Б.Я.* Жизнь и стихи Серапионовой сестры Елизаветы Полонской // Полонская Е. Стихотворения и поэмы. СПб., 2010; *Фрезинский Б.Я.* Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты. СПб, 2003.

[2] *Фрезинский Б.Я.* Судьбы Серапионов. С. 361–362.

[3] См. подробный, хорошо документированный материал в работе: *Зайдман А.Д.* Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома искусств» (1919–1921 гг.) // Русская литература. 1973. № 1. С. 241–247. Отметим только, что в этой статье датой официального открытия Дома искусств указано 19 декабря, хотя по многочисленным свидетельствам событие произошло 19 ноября. Ср. запись в дневнике Чуковского от 20 ноября 1919 г.: «Итак, вчера мы открывали Дом Искусства» (*Чуковский К.И.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921. М., 2013. С. 270). В дальнейшем ссылки на собрание сочинений Чуковского даются в тексте с указанием тома и страниц.

[4] *Чуковский Н.* Дом искусств, клуб Дома искусств, литературная студия Дома искусств // Чуковский Н. О том, что видел. М., 2005. С. 60–61.

рии велись Н.С. Гумилевым, А.Я. Левинсоном, М.Л. Лозинским, В.А. Чудовским. К.И. Чуковский и Е.И. Замятин читали отдельные лекции[5]. Семинар по критике появился только в расширенной программе Студии на летний триместр, опубликованной в «Известиях» (1919. № 126, 13 июня). Она включала в себя три направления курсовой подготовки («Поэтическое искусство», «Искусство прозы», «Критика»), внутри каждого планировались лекции и семинарии (в частности, критическое направление предполагало занятия 1) по составлению литературных характеристик; 2) по составлению биографических и библиографических очерков).

Когда Елизавета Полонская записалась на краткосрочные курсы для переводчиков весной 1919 г.[6], эта программа выглядела несколько иначе, отражая реальные направления деятельности. «Мне предложили на выбор четыре отделения: прозы, поэзии, переводов и критики, – вспоминала она. – Во главе каждого отделения стояли известные писатели. Занятия по поэзии вел Н.С. Гумилев, по литературной критике – К.И. Чуковский, по прозе – Е.И. Замятин, по стихотворному переводу – М.Л. Лозинский, по теории литературы – В.Б. Шкловский. <…> я выбрала поэзию и критику, хотя, собственно говоря, мне хотелось записаться на все отделения»[7].

Регулярные занятия в Студии начались 10 июня 1919 г.[8], хотя официально она открылась только 28 июня[9]. Занятия продолжались до конца лета, а к осени Студия стала, по выражению самого Чуковского, «хиреть» (Т. 5. С. 390). Уже 19 ноября 1919 г. открылся Дом искусств и при нем – Литературная студия с «более широкими задачами», общее руководство которой было поручено К.И. Чуковскому. При этом отдельного семинара по критике в программе новой

[5] Исторический архив. 1958. № 2. С. 79.

[6] Ср.: «Настала весна, и все жители города вышли очищать улицы от снега, скалывать лед с трамвайных путей, заросших сугробами. Когда это было выполнено, в Гавань пошли трамваи. <…> я ехала до Гаванского кольца, у меня было достаточно времени, чтобы прочитать все объявления, наклеенные сверху донизу на стекле вагона. И вот среди множества реклам, призывов и извещений об открытии самых различных студий – театральных, вышивальных, акробатических – я прочла о том, что издательство “Всемирная литература” открывает кратковременные трехмесячные курсы для переводчиков. В тот же день вечером я была на Литейном, в доме 28, где помещалась канцелярия курсов-студии» (*Полонская Е.Г.* Города и встречи. С. 340–341). Номер дома указан мемуаристкой неточно. Вместе с ней на курсы записались М. Зощенко и И. Груздев, будущие «Серапионовы братья».

[7] Там же. С. 341.

[8] В личном архиве К. И. Чуковского сохранилось объявление Студии «Всемирной литературы», состоящее из двух разделов. В объявлении оповещалось о начале занятий по вышеуказанной программе в учебном отделе Студии (Литейный проспект, д. 24) (*Зайдман А.Д.* Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома искусств». С. 144).

[9] См.: Литературная жизнь России 1920–х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М., 2006. С. 417–418.

студии уже не было[10]. Однако, судя по воспоминаниям Конст. Федина, Чуковский и позже проводил критический разбор произведений начинающих писателей[11], но здесь он уже выступал в привычном для себя амплуа *критика-художника*[12], а не критика-преподавателя, что далеко не одно и то же. Таким образом, семинар Чуковского, действительно, был непродолжителен, поэтому его более детальная реконструкция представляет определенный историко-литературный интерес. Основанием для нас послужат, во-первых, воспоминания Полонской, а также самого Корнея Ивановича, написанные с опорой на первую публикацию мемуаров поэтессы о Зощенко (1963); во-вторых, ее опыт критической статьи о Маяковском, сохранившейся в архиве Чуковского. При всей рискованности публикации ученической работы, нельзя не увидеть в ней наглядный пример, демонстрирующий методику учителя. В конце концов, «изучение подражателей плодотворно в том отношении, что позволяет видеть “манеру” мастера, служащего образцом»[13].

К моменту открытия Студии при «Всемирной литературе» Корней Чуковский был известен как один из самых ярких, талантливых и парадоксальных критиков дореволюционного периода, принявший революцию и активно сотрудничавший с новой властью. Он уже был автором нескольких книг: «От Чехова до наших дней» (1908), «Нат Пинкертон и современная литература» (1910), «О Леониде Андрееве» (1911), «Критические рассказы» (1911), переизданные в 1914 г. под названием «Книга о современных писателях», «Лица и маски» (1914) и др. Особенно ему удавался жанр литературных портретов: в них научный подход, под которым критик понимал внимательное

[10] Ср.: «В Студии читались и читаются следующие курсы: Н. Гумилев – “Драматургия”; Андрей Белый – “Ритмика”, А.З. Штейнберг – “Эстетика”, В.М. Жирмунский – “Теория Поэзии”; Виктор Шкловский – “Теория Сюжета”; К.И. Чуковский – “История современной английской литературы”; А.В. Амфитеатров – “История итальянской литературы”; Б.М. Эйхенбаум – “Толстой”; при Студии организованы также занятия по изучению новых языков. <…> С другой стороны прямой задачей Литературной Студии является помощь начинающим писателям: разбор и критика их произведений, указания и советы, касающиеся техники стихов, рассказов и проч. С этой целью при Студии ведутся практические занятия по “Технике художественной прозы” – Евг. Замятин; “Практические занятия по поэтике” – Н. Гумилев; “Перевод стихов” – М.Л. Лозинский; “Перевод прозы” – А.Я. Левинсон и др.» (Дом искусств. № 1. С. 70).

[11] К. Федин описывает свое единственное посещение занятия К.И. Чуковского в Доме искусств в 1920 г., когда объектом критики стал его собственный рассказ (*Федин Конст.* Литературная студия // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1977. С. 69–70).

[12] Ср. мнение дочери: «Критик Корней Чуковский был художником. Без этого не понять ни замысла его критических статей, ни причины их воздействия» (*Чуковская Л.К.* Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском. Архангельск, 2008. С. 160).

[13] *Бицилли П.* Зощенко и Гоголь // Числа. 1932. Кн. 6. С. 215.

изучение стиля писателя, совмещался с импрессионизмом, а также очень часто с пародийно-шаржированными приемами. Критический разбор произведений, по мнению Чуковского, необходим для того, чтобы увидеть тщательно прикрываемую «душу художника». В этой установке на психологию личности и заключалась, вероятно, живая достоверность его портретов, даже когда они были явными шаржами, утрирующими отдельные черты в ущерб целому. Позже, в 1941 г., в письме С.Я. Маршаку из Ташкента он признавался: «Я (может быть слишком поздно) понял, что основное мое призвание – характеристики, литер[атурные] портреты, и мне было весело работать над ними» (Т. 15. С. 321–322). Но, наверное, далеко не случайно, что семинар по критике предполагал в первую очередь «составление литературных характеристик».

Как же Чуковский учил своих учеников? Какие требования предъявлял к их работам? Каким образом выстраивались занятия? Имеющиеся воспоминания и материалы позволяют реконструировать методику преподавания Чуковского, применяемую им стихийно, без педагогических навыков, но с четкой установкой на то, что литературная критика – интереснейший жанр, увлекательный не в меньшей мере, чем самое остросюжетное произведение[14].

В восприятии Николая Чуковского педагогическая метода его отца сводилась к двум моментам: определению тематики критических статей студийцев и их публичному разбору с безжалостным высмеиванием их беспомощности. Первый момент несомненен. В архиве К.И. Чуковского сохранились отдельные работы студийцев (черновые наброски «Эпитеты Бунина», «О поэзии Надсона», «О стихах К.К. Вагинова», статья Полонской «Владимир Маяковский»[15], о которой пойдет речь ниже). Н. Чуковский запомнил также, что на одном из занятий Лев Лунц прочитал реферат о прозе Андрея Белого[16]. Что же касается второго, здесь воспоминания сына, отца и его ученицы Полонской расходятся не только фактически, но и эмоционально.

Так, в качестве примера педагогического метода Чуковского мемуарист приводит первое задание студийцам: «написать критиче-

[14] Ср. мнение студийца М. Слонимского: «Критические статьи Корнея Ивановича были первыми статьями о современной литературе, которые я читал, и я обязан их автору неправильными представлениями о жанре критики как об одном из самых интересных» (*Слонимский М.* За много лет // Воспоминания о Корнее Чуковском. С. 79).

[15] Все работы хранятся в НИОР РГБ (Ф. 620. Карт. 41), на всех рукой Чуковского стоят буквы «ДИ» <Дом искусств>, хотя среди них есть рукописи, датированные летом 1919 г., т.е. они выполнены в Студии художественного перевода при «Всемирной литературе».

[16] *Чуковский Н.* Дом искусств, клуб Дома искусств, литературная студия Дома искусств. С. 61.

скую статью о стихотворениях С. Надсона. Подобно большинству литераторов того времени, отец мой считал Надсона одним из самых плохих поэтов на свете, как бы учебно-показательным образцом плохого поэта. На следующем занятии отец уже разбирал принесенные статьи. Статьи были беспомощные, плохие, и отец эффектно и радостно высмеивал их недостатки». И дальше Н. Чуковский описывает, как его отец под общий хохот «издевался» над статьей М. Зощенко о Надсоне, которая «была первым его литературным произведением. Разобидевшись на моего отца, он перешел в семинар прозы, которым руководил Евгений Замятин»[17]. Тут много неточностей: сам критик вспоминал о том, что реферат о Надсоне был задан студийцам уже в конце летнего триместра. Работа Зощенко «Поэзия Надсона» (рукопись датируется 2 сентября 1919 г.) была далеко не первой (Т. 5. С. 384). К тому же ни Полонская, ни Чуковский-старший не упоминают о том, что эта работа разбиралась публично, зато оба останавливаются на другом эпизоде, связанном с Зощенко, причем оценивают его по-разному.

Как запомнила Елизавета Полонская, «Корней Иванович Чуковский вел занятия умно и непринужденно. Он рассказывал, над чем работает сам, и предлагал нам, студистам, включаться в работу над этими же темами». Чуковский в «это время занимался проблемами творчества Александра Блока», – уточняет поэтесса, поэтому в числе прочих тем предложил ей вместе с Зощенко написать «основательную статью о трех томах его стихотворений». Она «не без страха согласилась взять на себя разбор последнего тома стихов Блока», Зощенко же должен был проанализировать первые два тома и не вошедшие в третий том «Скифы» и «Двенадцать»[18].

Что из этого вышло, хорошо известно: совместной работы не получилось, и каждый пошел своим путем. Результатом ответственного, серьезного подхода Полонской стала большая несохранившаяся статья[19], в которой автору «хотелось передать это ощущение

[17] Там же.

[18] *Полонская Е.Г.* Города и встречи. С. 342. Давая такое непростое задание, Чуковский, возможно, надеялся с помощью студийцев найти выход из творческого кризиса, который постоянно отмечался в его дневнике именно по отношению к Блоку. Ср. более поздние дневниковые записи (Т. 11) в октябре 1920 г.: «В сотый раз я берусь писать о Блоке – и падаю под неудачей» (С. 301); «снова берусь за Блока. Но как-то потерял аппетит. “Стихи о Прекрасной Даме”, столь чаровавшие меня в юности, словно умерли для меня. Читаю – одни слова!» (С. 302); 1 декабря: «Сегодня похерил все, что писал о Блоке, и начал по-другому» (С. 305); 1 января 1921 г.: «сделал записи о Блоке» (С. 312); 7 марта 1921 г.: «Ну, пора за Блока – уже рассвело. Боюсь, что он у меня вял и мертв» (С. 327). Вплоть до отчаянной записи 25 апреля 1921 г. о провале лекции на вечере Блока в Большом театре (С. 329–330).

[19] «Никогда еще я не писала с таким чувством ответственности. Впервые при столь внимательном чтении лицо поэта открылось мне во всем своем трагическом величии и значении» (*Полонская Е.Г.* Города и встречи. С. 343).

обреченности», которое ей «чудилось и в стихах, и в облике поэта»: «Недели через три я огласила свою статью на одном из очередных занятий. Выслушав ее, Чуковский похвалил некоторые мысли, хотя кое в чем со мной не согласился». Как видим, лаконично переданная оценка критика не содержит даже намека на высмеивание. Ситуация с Зощенко была иной: он отказался читать свой реферат после Полонской, и его прочел сам Чуковский «“с выражением”, привычно подчеркивая интонацией отдельные слова. Так он читал детям “Крокодила” или “Тараканище”, – комментирует мемуаристка. – Это было так смешно, что мы не могли удержаться от хохота»[20]. Этот смех, однако, ни в коей мере не связывался Полонской с «издевательством» над учеником, ей запомнилось только общее впечатление (смешно «по стилю»). Позднее, уже после выхода ее мемуаров о Зощенко, она прочитала сохранившийся текст его реферата и была поражена: «…это ужасно: там ничего нет смешного! Но ведь я помню – мы страшно хохотали!»[21]

Чуковский, опираясь на «верные до последнего штриха» мемуары Полонской, дал свою оценку этому событию: «Когда он <Зощенко> выступил в Студии со своим рефератом, стало ясно, почему он держал его в тайне и уклонялся от сотрудничества с кем бы то ни было: реферат не имел ни малейшего сходства с обычными сочинениями этого рода и даже как будто бы издевался над ними. С начала до конца он был написан в пародийно-комическом стиле. <…> Своевольным, дерзким своим рефератом, идущим наперекор нашим студийным установкам и требованиям, Зощенко сразу выделился из массы своих сотоварищей. Здесь впервые наметился его будущий стиль: он написал о поэзии Блока вульгарным слогом заядлого пошляка Вовки Чучелова, физиономия которого стала впоследствии одной из любимейших масок писателя» (Т. 5. С. 382).

В этом ретроспективном осмыслении статьи Зощенко важно упоминание о «наших студийных установках и требованиях», которым не подчинялся будущий сатирик. По мнению же М. Чудаковой, глубоко проанализировавшей эту «странную» историю, критический опыт Зощенко был выполнен в самом «старательном следовании» этим установкам, что проявилось в добросовестном усвоении не только идей, но и *слога*, «даже особенностей устной интонации Чуковского-лектора»[22].

[20] Там же.

[21] Цит. по: *Чудакова М.О.* Поэтика Михаила Зощенко // Чудакова М.О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 94.

[22] *Чудакова М.О.* Поэтика Михаила Зощенко. С. 97.

В чем же заключались эти «установки и требования» в семинаре по критике? Ни один из участников, кроме самого Чуковского, да и то задним числом написавшего о них, не сохранил их в памяти. Попытаемся их реконструировать, обратившись к публикуемой студийной работе Полонской «Владимир Маяковский», датированной 29 июля 1919 г. Судя по всему, она предшествовала работе над статьей о Блоке[23]. Удивительно, но мемуаристка о ней вообще не упоминает, как и о том, что Зощенко разрабатывал аналогичную тему (в его личном архиве сохранились почти завершенный вариант «О Владимире Маяковском» и набросок «Вл. Маяковский: поэт безвременья»; одна из рукописей датирована июлем 1919 г.)[24]. Не говорит она также о том, что Чуковского в этот период интересовали проблемы творчества не только Блока, но и Маяковского, а также Некрасова. Неопубликованная статья «Две России (Ахматова и Маяковский)»[25] неоднократно читалась как лекция, причем чаще именно о Маяковском. Можно предположить, что Полонская, как и Зощенко, могла ее слушать 27 апреля 1919 г. на вечере в бывшем петроградском Земско-городском союзе, если вспомнить о том, что в Студию художественного перевода они записались примерно в это время. Лекция Чуковского имела огромный успех, и он читал не только о Маяковском, но и о Некрасове[26]. Известно также, что на официальном открытии Студии «Всемирной литературы» была его лекция о стихотворной технике Некрасова[27], а на открытии Дома искусств он читал «свою

[23] М. Чудакова убедительно доказывает это на основании появления в маргиналиях черновика статьи Зощенко о Блоке имени Маяковского. «На первом листе рукописи реферата о Блоке заголовок: “Конец рыцаря Печального Образа”. О поэзии Алекс. Блока. Статья Михаила Зощенко», в конце последнего листа – «7 авг. 19. Петербург» (*Чудакова М.О.* Поэтика Михаила Зощенко. С. 89–90).

[24] См.: *Зайдман А.Д.* Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома искусств». С. 145; *Чудакова М.О.* Поэтика Михаила Зощенко. С. 89. Отметим, что обе исследовательницы только упоминают статью Полонской, не анализируя и не цитируя ее: их внимание сосредоточено на критических работах Зощенко.

[25] Опубликована в первом номере журнала «Дом искусств» (1921). О многочисленных противоречивых откликах на статью см. комментарии Е. Ивановой (Т. 8. С. 628–630).

[26] Ср. дневниковую запись Чуковского от 27 апреля 1919 г.: «Сейчас в Петрогорсоюзе был вечер литературный. Участвовали Горький, Блок, Гумилев и я. Это смешно и нелепо, но успех имел только я. Что это может значить? Блок читал свои стихи линялым голосом, и публика слушала с удовольствием, но не с восторгом, не опьянялась лирикой, как было в 1907, 1908 году, Горький забыл дома очки, взял чужое пенсне у кого-то из публики (не тот номер) и вяло промямлил “Страсти-мордасти”, испортив отличный рассказ. Слушали с почтением, но без бури. Когда же явился я, мне зааплодировали, как Шаляпину. Я пишу это без какого-нб. самохвальства, знаю, что виною мой голос, но все же приятно – очень, очень внимательно слушали мою статью о Маяковском и требовали еще. Я прочитал о Некрасове, а публика требовала еще» (Т. 11. С. 250).

[27] Отклик на доклад Чуковского: *Шкловский В.* Техника некрасовского стиха (Жизнь искусства. 1919, 9–10 июля).

новую статью “О Маяковском”»[28]. В 1920 г. цикл литературных вечеров в ДИСК’е открылся лекцией «Две России (Ахматова и Маяковский)»[29]. То, что два последних события произошли после летнего триместра в Студии «Всемирной литературы», не имеет особого значения: лекция-статья была известна студийцам так же хорошо, как и восторженное отношение критика к таланту Маяковского, его словотворчеству, сильно повлиявшему на язык Чуковского-сказочника[30].

Обращаясь к учебной статье Полонской, надо иметь в виду, что студийцы, находясь под сильным влиянием артистического таланта критика, тем не менее умели и хотели мыслить самостоятельно. В их сохранившихся работах сталкиваются как минимум две стихии: приемы критического разбора, демонстрируемого Чуковским на занятиях и лекциях, и их собственный интеллектуальный опыт и эстетические предпочтения. Помимо этого в публикуемом материале может отражаться, на наш взгляд, и общий студийный дух сотворчества и соперничества различных «литературных канонов», проводимых руководителями семинаров[31].

Прежде всего в публикуемом тексте обращает на себя внимание наличие вопросно-ответного каркаса изложения. В самой по себе форме риторической диалогизации материала нет ничего удивительного: это хорошо известное средство выразительности. Но характер вопросов и ответов в реферате Полонской иной. Представляется, что в своей одной из первых учебных работ поэтесса пользовалась определенным алгоритмом критического анализа, своего рода вспомогательными вопросами, отвечая на которые она последовательно создавала литературный портрет. Инициатором такого аналитического «механизма», по логике вещей, мог быть именно преподаватель.

Особенно наглядно в этом отношении начало второго абзаца: «*Монологи из трагедии? Нет, потому что монолог не всегда предполагает слушателя. А Маяковский немыслим без слушателя*».

---

[28] Дом искусств. 1921. № 1. С. 68.

[29] Там же. С. 70.

[30] Ю. Тынянов в статье «Корней Чуковский» (Детская литература. 1939. № 4), говоря о необыкновенно гибком и раскрепощенном языке «Крокодила», прямо связывал это с влиянием Маяковского: «Детская поэзия вдруг приняла метры, рифмы, даже язык классической русской поэзии – от народной песни до Некрасова. Одно имя невольно вспоминается здесь: Маяковский. Эта перемена в детском стихе, в детской литературе произошла в видимой близости к нему» (*Тынянов* Ю. Корней Чуковский // Воспоминания о Корнее Чуковском. С. 66).

[31] «Наша Студия с первых же дней походила на вавилонскую башню, – вспоминал Чуковский. – Каждый ее руководитель говорил на своем языке. Каждый тянул в свою сторону: Шкловский – в свою, Замятин – в свою, Гумилев и Лозинский – в свою. <…> Мудрено ли, что уже в первый же месяц студисты разделились на враждебные касты: шкловитяне, гумилевцы, замятинцы. И все эти разнородные касты без конца сражались меж собой» (Т. 5. С. 388).

Очевидно, вопрос был связан с преобладанием одной из форм высказывания в поэмах Маяковского. Точно так же выглядят вопросно-ответные конструкции: *«Любовь? Но и любовь у Маяковского крик»*; *«Так ли это?»*; «*Доступно ли это? В этой внешней доступности глубочайшая ирония и сарказм»*. Наконец: *«О чем же может писать в наше время поэт с темпераментом Маяковского? Конечно, о революции»*.

Ответы на вопросы, а также некоторые «безвопросные» утверждения Полонской напрямую перекликаются с критическими оценками Чуковского, которые содержатся не только в его статье «Две России (Ахматова и Маяковский)», но и в дореволюционной работе «Русские футуристы» (Русское слово. 1913, 19 нояб.)[32]. Так, в реферате стилистика «*крика»* поэта связывается с тем, что *«Маяковский оратор. Его аудитория – все люди, все страны, все века, Бог, вселенная. Разве можно с такой аудиторий говорить шепотом или хотя бы вполголоса?»*. У Чуковского читаем: «… он поэт грома и грохота, всяческих ревов и визгов, неспособный ни к какой тишине. <…> Нельзя же делать революцию – шепотом. <…> В лучших, вдохновеннейших его вещах чувствуется митинговый оратор. <…> Он поэт-горлан, поэт-крикун, уличный, публичный поэт, – это мне нравится в нем больше всего» (Т. 8. С. 533–534). Утверждения Полонской о том, что «*Маяковский умеет слушать речь городской толпы, подметить характерный говор, меткое слово, расположение слов в фразе, придающее ей вкус и цвет»*, что «*улица – вот забота Маяковского»*, соответствует тезису Чуковского: «Маяковский бессознательно – каждой своей строкой – служит этой новой эстетике: уличной» (Т. 8. С. 535). Пишет студийка и об «*ошеломляющей гиперболе»*, и о *«темпе мятежа»*, и о соответствии темперамента Маяковского революционной эпохе. Все это – положения статьи-лекции Чуковского, главное из которых раскрывает «гиперболический стиль, тот гигантизм, то тяготение к огромности, которые органически присущи» поэту (Т. 8. С. 533)[33]. Перекличек и дословных со-

[32] Эта статья была включена через год в следующую публикацию Чуковского «Эгофутуристы и кубофутуристы. Образцы футуристических произведений. Опыт хрестоматии» (Альманах издательства «Шиповник». СПб., 1914. Кн. 22), а затем в сборник Чуковского «Лица и маски» без заключительной части «Образцы футуристических произведений. Опыт хрестоматии». После революции выходит книга «Футуристы» (Пб.: Полярная звезда, 1922), где к тексту сборника «Лица и маски» добавлен раздел «Владимир Маяковский». Об откликах на книгу «Футуристы», в основном отрицательных, см. комментарии Е. Ивановой (Т. 8. С. 586–588).

[33] Ср. отзыв на лекцию о Маяковском: «К.И. Чуковский прочел свой очерк о Маяковском, указав на его ошеломляющие гиперболы и метафоры и на некоторые непоэтические вольности автора “Облака в штанах”, которому, однако, ставит в заслугу обновление нашего стихосложения» (Вестник литературы. 1919. № 12. С. 16).

впадений можно привести еще много, но важнее увидеть различия: в них как раз и раскрывается самостоятельность оценок и выводов автора реферата.

Сразу же обращает на себя внимание уподобление поэзии Маяковского сочинению пародийного персонажа из повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», дворового человека Видоплясова, поэта. Хотя Полонская специально оговаривает: *«Конечно, я не думаю сравнивать Маяковского с Видоплясовым – я слишком высоко его ставлю. Но – Вопли Маяковского – разве это не звучит так же эффектно, как и "Вопли Видоплясова"»*, – можно усомниться в приведенной оценке. Поэтессе, посещавшей также семинарий Н. Гумилева, была ближе акмеистическая поэтика, что отмечалось в рецензиях на ее стихотворные сборники[34]. «*Крикливость»* футуриста, в контексте рассуждений о которой появляется Видоплясов, явно не является для нее поэтическим достоинством. В обширных мемуарах «Города и встречи» только однажды встречается красноречивое упоминание имени поэта, сопровождаемое выразительным многоточием: «…читали стихи приезжавшие из Москвы лефовцы – Маяковский с братией…»[35] С другой стороны, пародийный прием неожиданного уподобления какому-то заведомо сниженному персонажу – один из излюбленных приемов Чуковского[36]. Стоит вспомнить только знаменитые отождествления Л. Андреева с его же героем Тюхой из пьесы «Савва», или Северянина – со знаменитым пародийным персонажем Madame de Курдюков (Т. 8. С. 31), или же Маяковского – с «Исайей в личине апаша» (Т. 8. С. 534).

---

[34] Ср. «…именно Гумилев профессионально очень многому научил Полонскую, как поэта» (*Фрезинский Б.Я.* Жизнь и стихотворения Серапионовой сестры Елизаветы Полонской. С. 14). В одобрительной рецензии на первый сборник стихов «Знаменья» (1921) Эйхенбаум, например, отмечал близость стихов Полонской поэтике Мандельштама и Ахматовой (*Эйхенбаум Б.М.* Книжный угол. Пг., 1921. С. 40–42).

[35] Полонская Е. Города и встречи. С. 420. Ср.: «4 декабря 1920 г. Вл. Маяковский читал новую поэму «150.00.00» (Дом искусств. 1921. № 1. С. 70). Негативное отношение многих студийцев к Маяковскому подтверждается воспоминаниями Н. Чуковского: «Было человек двадцать <…>. Не было ни Гумилева, ни, разумеется, Блока. <…> Я припоминаю с трудом и могу ошибиться, но, вероятно, там были два Жоржика – Иванов и Адамович – да Оцуп, да Вова Познер, Нельдихен, Лева Лунц, Миша Слонимский, Оленька Зив, Муся Алонкина, Елизавета Полонская, Даниил Горфинкель. Маяковский читал «150.000.000». Мне кажется, что поэма эта была мне и всем присутствующим уже известна. Читал он потрясающе. Но большинство находившихся в комнате относились к нему и к его стихам враждебно. <…> Помню, как он, сев за стол (читал он стоя), безуспешно пытался заставить слушателей заговорить. Никто не сказал ни слова» (*Чуковский Н.* Дом искусств, клуб Дома искусств, литературная студия Дома искусств. С. 28).

[36] См. характеристику критического метода «неистового Корнея», данную Е. Ивановой, которая, в частности, отмечает, что «одним из приемов, часто используемым Чуковским, было неожиданное отождествление» (Т. 6. С. 16).

Но обращение Полонской к «Селу Степанчикову» приоткрывает еще один возможный источник ее реферата. Трудно не увидеть в нем влияние Ю.Н. Тынянова, воспоминания о котором она начинает словами: «Мне кажется, что с Юрием Николаевичем Тыняновым я никогда не знакомилась, а была знакома всегда»[37]. Тем не менее знакомство могло произойти не ранее 1919 г. Известно, что Тынянов осенью 1918 г. возвращается из Пскова в Петроград, сближается с В.Б. Шкловским и Б.М. Эйхенбаумом, примыкает к ОПОЯЗу. Хотя он появляется среди официальных преподавателей только после открытия Дома искусств, т.е. позже написания реферата, его идеи о пародии, разрабатываемые в это время, могли попасть в поле зрения студийцев «Всемирной литературы» и раньше. Они лягут в основу его цикла лекций «История и теория пародии», который будет читаться в Доме литераторов (ул. Некрасова, 11) в конце 1919 г., а в 1920 г. – курса «Пародия и литература», прочитанного в Студии ДИСК'а. Но главное – именно в этот период Тынянов активно работает над статьями «Достоевский и Гоголь. (К теории пародии)» (1921) и «О пародии» (завершенной в 1929 г.)[38]. Излишне говорить, что в первой из них анализируется пародийность «Села Степанчикова».

С влиянием Тынянова может быть связано еще одно утверждение автора реферата, на это раз оспаривающее мнение Чуковского о том, что у Маяковского нет никаких литературных предтеч. «Предков у него никаких. Он сам предок и если чем и силен, то потомками», – заявлял критик в своей лекции-статье (Т. 8. С. 545). В отличие от него Полонская, ставя под сомнение общедоступность разговорного стиля Маяковского, видит в ней *«глубочайшую иронию и сарказм. Сарказм и ирония вообще немаловажный элемент в творчестве Маяковского. Гейне несомненно относится к литературным предкам его»*. Полонская с детства читала Гейне по-немецки и любила его всю жизнь (как и Некрасова)[39]. В этом она была близка Тынянову, исследователю и переводчику немецкого поэта. В 1917–1920 гг. он работает над монографией «Тютчев и Гейне», в феврале 1921 г. в Доме искусств выступает с докладом «Гейне в России», летом того же года на основе незавершенной монографии пишет одноименную статью. Осенью Тынянов дважды выступает с докладом «Блок и Гейне», второй раз (17 октября) – в Доме искусств[40]. Впоследствии Полонская, сама профессиональная переводчица, назовет тыняновские

[37] *Полонская Е.* Города и встречи. С. 413.

[38] Юрий Тынянов: Библиографическая хроника (1894–1943). СПб., 1994. С. 13–16.

[39] См.: *Фрезинский Б.Я.* Жизнь и стихотворения Серапионовой сестры Елизаветы Полонской. С. 6–7.

[40] Юрий Тынянов: Библиографическая хроника. С. 20.

переводы из Гейне «высочайшими образцами поэтического перевода», строго воссоздающими «строй речи и лексику автора и, самое важное по тем временам, ритмическую структуру оригинала»[41]. Вероятно, не без влияния Тынянова, созвучного, как мы видели, мнению автора реферата, спустя 20 лет Чуковский будет утверждать, что «Маяковский был не безродный поэт, как чудилось многим его современникам. У него были могучие предки, наследие которых он принял и великолепно использовал... Одним из этих предков, наряду с Генрихом Гейне, был Уитман...»[42].

Нельзя не отметить еще один выразительный момент в критической статье Полонской. Говоря о «диапазоне голоса» Маяковского – *«от добродушной усмешки – к едкому издевательству, к гневному негодованию, к внезапному умилению и снова к высоким ликующим нотам»*, – который реализуется только с помощью *«низкого штиля»*, *«словами улицы»*, она вводит броскую фразу: «*Бетховен, сыгранный на балалайке!»* Похоже, в этом bon mot – суть критической статьи студийки. Внутренняя мощь, динамизм, огромность и патетичность поэтического дара, выраженного на примитивном музыкальном инструменте, – в этом парадоксальном афоризме можно увидеть и иронию, и восхищение мастерством Маяковского.

Это хлесткое выражение, по-видимому, восходит тоже к Чуковскому. Так, ядовито высмеивая «пародийность» (вторичность) творчества С. Юшкевича в книге «От Чехова до наших дней» (1908), критик бросает фразу: «…легче сыграть марсельезу на перевернутом бочонке, чем извлечь из г. Юшкевича хоть каплю религиозного экстаза» (Т. 6. С. 116). Более кратко и значительно ближе к афоризму Полонской звучит характеристика «вульгарности» и «примитивности» пьесы Л. Андреева «Царь-Голод» из книги «Леонид Андреев большой и маленький» (1908): «На барабане сыграешь ли фугу Баха?» (Т. 6. С. 189). Помимо этого пришла пора вспомнить о том, что студийка неоднократно могла слышать лекции Чуковского о Некрасове[43]. Лекционный материал вошел в книжку Чуковского «Не-

[41] *Полонская Е.Г.* Города и встречи. С. 416. Интересно в этой связи мнение Е. Эткинда о том, что «тыняновская техника переводов поэтических сатир Гейне принципиально близка поэтике Маяковского» (*Эткинд Е.Г.* «Веселый пример Гейне» (Гейне – Тынянов – Маяковский) // Revue des études slaves. T. 55. Fasc. 3, 1983. P. 457–481. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080–2557_1983_num_55_3_5353.

[42] Чуковский К. Маяковский и Уитман // Ленинград. 1941. № 2. С. 19.

[43] Вероятно, в 1919–1920-е гг. Чуковский, выступая в бесчисленных литературных кружках, чаще всего читал о Некрасове, технике его стиха, дактилических окончаниях. Последнее обыгрывается в эпиграмме пушкиниста Н.О. Лернера «Торжество версификаций» с посвящением Чуковскому – «знаменитому дактилоскопу»: «…Некрасова аллитерации / Пред чрезвычайными чухонцами / Поет Корней…» (Чукоккала. М., 2008. С. 275).

красов как художник» (Эпоха, 1922)[44]. В ней приводится цитата К.Н. Батюшкова, сердившегося на неблагозвучность русского языка: «Не похож ли я на слепого нищего, который, услышав прекрасного виртуоза, вдруг вздумал воспевать ему хвалу на волынке или балалайке? Виртуоз – Тасс, арфа – язык Италии, нищий – я, а балалайка – язык наш, жестокий язык, что ни говори». Но Батюшкову, по Чуковскому, удалось «превратить балалайку в арфу», только «Некрасов вернул нашему языку его естественный, неприкрашенный звук» (Т. 8. С. 475–476).

Можно сказать, что в первые пореволюционные годы Маяковский и Некрасов сплелись в сознании Чуковского в неразрывное целое, и работа над осмыслением их творчества шла параллельно, как и лекции о них. В его архиве хранятся наброски статьи «Некр<асов> и Маяк<овский>», где утверждается, что язык Некрасова «после Маяк<овского> воспринимается иначе. Маяк<овский > приучил нас к Н<екрасов>ву»[45]. И если критик считал, что Некрасов вернул в поэзию корявый «балалаечный» язык, то его ученица по аналогии могла назвать стиль Маяковского, подхватившего и усилившего разговорную уличную стихию, «*Бетховеном, сыгранным на балалайке*».

Иными словами, критические приемы К.И. Чуковского явно просматриваются в учебной статье Полонской, даже когда она пытается дать самостоятельные оценки или выразить собственные впечатления от поэзии Маяковского. Это проявляется не только в почти дословном повторении основных идей Чуковского, но прежде всего в самой логике построения литературного портрета: от анализа стиля к пониманию личности поэта[46]. Не в ней ли заключалась главная педагогическая идея Чуковского? «Научность» при этом «обслуживает» импрессионистическое содержание, придающее рисуемому портрету живость и незабываемо яркие черты. Однако личное впечатление, ассоциация, неожиданное сопоставление базируются на предварительном серьезном изучении произведений, выявлении доминантных мотивов и образов, выписке цитат и т.д. Импрессионистические зарисовки (часто шаржированного или пародийного характера) ритмично чередуются с парадоксально сформулированными тезисами и цитатными аргументами, неуклонно подводя чита-

[44] Позднее вошла в книгу «Некрасов» (1926), 2-е изд. – «Рассказы о Некрасове» (1930).

[45] НИОР РГБ. Ф. 620. Карт. 47. Ед. хр. 13. Л. 15.

[46] В статье «Ахматова и Маяковский» Чуковский в очередной раз проговаривает свое критическое credo: «Я люблю конструировать личность поэта по еле уловимым чертам его стиля, по его бессознательным тяготениям к тем или иным эпитетам, образам, темам. Мне кажется, что только в этих бессознательных навыках творчества сказывается подлинная личность поэта» (Т. 8. С. 521).

теля к неопровержимой наглядности и справедливости эстетической интуиции критика. Именно так выстраивались критические статьи Чуковского, структуру которых старательно воспроизвела Полонская. Правда, она не дошла до «души художника» и даже как будто стеснялась о ней упоминать. Нельзя не заметить, что, при явной ориентации на работу Чуковского о Маяковском, она не захотела повторять слишком яркие характеристики его нигилизма, «обиды на Бога», отсутствия у него «патриотизма», который, по Чуковскому, поэт заменил «вселенством, возвысившимся до планетарного чувства» (Т. 8. С. 531) и т.д. Но ученица уловила ритм критических статей Чуковского, их «композиционные жесты»[47], попыталась применить даже метод неожиданного отождествления и свести свое впечатление к одному яркому афоризму. Ее текст держится на четырех стержневых импрессионистических образах:

индивидуализм Маяковского (*«У всех произведений поэта одно законное заглавие, у каждой из его строчек – законная фамилия – Владимир Маяковский»*);

чрезмерность его «крика» (пародийное уподобление с Видоплясовым – *«Вопли Маяковского»*);

парадоксальное соединение внутренней сложности и примитивной уличной лексики (*«Бетховен, сыгранный на балалайке!»*);

ощущение вихревого, футуристического движения мира поэта (показательно, что реферат заканчивается импрессионистической картинкой, близкой манере живописцев*, братьев* Маяковского *по духу,* изображать *людей в движении – «С шестью ногами и летящим по воздуху»*).

Между этими импрессионистическими «пиками» – тезисы об особенностях стиля поэта, подтвержденные шквалом цитат из поэм «Владимир Маяковский» (1913), «Облако в штанах» (1914–1915), «Флейта–позвоночник» (1915), «Простое как мычание» (1916), «Человек» (1916–1917), «Война и мир» (1917) и «Мистерии–Буфф» (1918), приведенных без отсылок к произведениям и, судя по неточностям, по памяти. И хотя тезисы в основном совпадают с положениями Чуковского, аргументы Полонская приводит самостоятельно (из 19 цитат только три повторяют подобранные критиком). Вместе

[47] Ср. описание творческой «лаборатории» Чуковского его дочерью: «Он работал над ними, как другие работают над стихами, выстраивал абзацы, как строфы, подчиняя движение мысли и образов ритму – скрыто присущему всякой прозе <…> Статьи его (в не меньшей степени, чем сказки) рассчитаны на громкое чтение в многолюдном зале, где, слушая, не должен ни на минуту соскучиться, зевнуть, заговорить с соседом ни один человек. Отсюда разнообразие внутренних жестов, выраженное в разнообразии интонаций, крутизна и неожиданность поворотов» (*Чуковская Л.К.* Памяти детства. С. 161–162).

с постепенно увеличивающимся к концу реферата пропуском знаков препинания это выглядит как усилие выразить стремительно нарастающий поток мыслей и впечатлений, вызванных погружением в поэтическую стилистику Маяковского.

Можно предположить, что именно в этом и заключались «установки и требования», существующие в семинаре по литературной критике. Образцом для студийцев, несомненно, были импрессионистические статьи самого Корнея Чуковского. «Основа же для импрессионистической статьи – изучение, научность», – так охарактеризовала критический стиль отца Л.К. Чуковская[48]. Этот вывод совпадает с двумя принципиально важными признаниями самого критика. Первое хорошо известно по часто цитируемому письму М. Горькому, датируемому концом 1920 – началом 1921 г., которое, кстати, является ответом на горьковский отзыв о статье Чуковского «Две России (Ахматова и Маяковский)»: «Критика должна быть универсальной, научные выкладки должны претворяться в эмоции. Ее анализ должен завершаться синтезом, и, покуда критик анализирует, он ученый, но, когда он переходит к синтезу, он художник, ибо из мелких и случайно подмеченных черт творит художественный образ человека» (Т. 14. С. 446). Второе же содержится в письме от февраля 1939 г. к Т.Г. Габбе, которой он предлагал написать историю литературы для детей в виде портретов писателей, подчеркивая, что характеристики должны быть «якобы импрессионистические – четкие, меткие, – с цитатами из каждого автора». И дальше очень важный момент: «Импрессионизма бояться не нужно», потому что статьям будет придан научный аппарат, который «будет служить для читателя компенсацией. Им будут парализованы те черты кажущегося дилетантизма, которые неотъемлемы от всякой импрессионистской характеристики» (Т. 15. С. 295).

Остается добавить, что приведенные автопризнания Чуковского появились уже после его педагогического опыта в Студии «Всемирной литературы». Она стала настоящей творческой мастерской, полезной не только для начинающих писателей, поэтов и переводчиков, но в каком-то смысле и для самого преподавателя[49]. В любом случае, обучая критике, он вынужден был отрефлексировать собственный критический метод в четких поэтологических формулировках.

---

[48] Там же. С. 163.

[49] О том, что работы студийцев были полезны и для преподавателя, говорит, в частности, его дневниковая запись от 12 февраля 1920 г., где сначала он фиксирует, что «читает работы студистов об Ахматовой», а потом, в этот же день, – в Пролеткульте «читал каким-то замухрышкам и горничным об Анне Ахматовой» (Т. 11. С. 288).

Статья Е. Полонской печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Цитаты для четкости восприятия текста выделяются курсивом, в сносках приводятся только названия цитируемых произведений, без указания на печатный источник, которым могла пользоваться поэтесса.

Владимир Маяковский[50]

Владимир Маяковский – так называется главное действующее лицо в трагедии Владимира Маяковского. И сама трагедия носит название – «Владимир Маяковский». И напрасно автор придумывает другие имена для своих книг: «Простое как мычание», «Облако в штанах», «Флейта позвоночник» – все это случайно выхваченные из сотни подобных, ошеломляющих сравнений, отрывки. У всех произведений поэта одно законное заглавие, у каждой из его строчек – законная фамилия – Владимир Маяковский.

Монологи из трагедии? Нет, потому что монолог не всегда предполагает слушателя. А Маяковский немыслим без слушателя. Он постоянно чувствует вокруг себя толпу. Его стихи – всегда обращение, всегда речь. Маяковский оратор. Его аудитория – все люди, все страны, все века, Бог, вселенная. Разве можно с такой аудиторий говорить шопотом или хотя бы вполголоса?

«Как в зажиревшее ухо втиснуть им тихое слово?»[51]

И он кричит: *«Эй Вы, притушите восторженные глазенки, лодочки ручек спрячьте в карман»*[52].

Кричит о войне.

«Слушайте, каждый, ненужный даже, должен жить. Нельзя, нельзя же его в могилу траншей и блиндажей вкопать заживо. Убийцы!»[53]

А вот о поэзии.

Как Вы смеете называться поэтом и серенький как перепел -
Сегодня надо кастетом
Кроиться миру в черепе[54].

Любовь? Но и любовь у Маяковского крик. Крик желания или крик боли.

Делай что хочешь.
Хочешь четвертуй
Я сам тебе праведный руки вымою.
Только, слышишь
Убери проклятую ту
которую сделал моею любимою.[55]

---

[50] НИОР РГБ. Ф. 620. Карт. 41. Ед. хр. 44. В верхнем правом углу л. 1 почерком Чуковского простым карандашом написано: *Студия*.

[51] Из поэмы «Облако в штанах» (часть 4).

[52] Из поэмы «Война и мир» (часть IV).

[53] Из поэмы «Война и мир» (*Посвящение Лиле*), с небольшим разночтением.

[54] Из 3-й части «Облака в штанах», с неточными знаками препинания (слова, обращенные к Игорю Северянину). Цитата есть у Чуковского (Т. 8. С. 526).

[55] Из 1-й части «Флейты-позвоночник», с неточными знаками препинания.

В Селе Степанчикове Достоевский выводит замечательную фигуру, дворового человека Видоплясова, поэта.

Его владелец так рассказывает про его таланты.

«Печатать хочет, братец. Это уже решено. Ну так представь себе на заглавном листе будет напечатано – Сочинения Видоплясова.

Вопли Видоплясова, – поправляет присутствующий автор.

Ну вот видишь, Вопли, Вопли Видоплясова».

Конечно, я не думаю сравнивать Маяковского с Видоплясовым – я слишком высоко его ставлю. Но – Вопли Маяковского – разве это не звучит также эффектно как и «Вопли Видоплясова».

Простое как мычание, говорит сам Маяковский.

Так ли это? Заметно стремление к разговорной речи, к сравнениям оглушающим своею доступностью.

«Ну как Вам, Владимир Владимирович, нравится бездна?
И я отвечаю так же любезно
Прелестная бездна
Бездна восторг»[56].

Доступно ли это? В этой внешней доступности глубочайшая ирония и сарказм. Сарказм и ирония вообще немаловажный элемент в творчестве Маяковского.

Гейне несомненно относится к литературным предкам его.

Разговорные слова вошли в моду [в] за последнее время. Вот и Блок их употребляет. Но у Блока эти уличные слова становятся жуткими, усиливающими в нас ощущение трагичности происходящего.

«С юнкерьем гулять ходила
С солдатьем теперь пошла.
Попляши как, попляши
будет легче для души»[57].

Частушка превращается в трагедию.

У Маяковского

Господа
Мы все такие чистые.
Нам проливать за работой пот ли
Давайте заставим нечистых,
Чтоб они на нас работали[58].

Его Мистерия Буфф вся построена на разговорной речи.

---

[56] Из поэмы «Человек», гл. «Маяковский в небе» с неточными знаками препинания. Цитата есть у Чуковского (Т. 8. С. 535).

[57] Из 5-й главки поэмы Блока «Двенадцать» (с искажением третьей строки – у Блока: *Эх, эх, согреши!* Сопоставления Блока и Маяковского у Чуковского нет.

[58] Из «Мистерии-Буфф», с неточными знаками препинания.

Маяковский умеет слушать речь городской толпы, подметить характерный говор, меткое слово, расположение слов в фразе, придающее ей вкус и цвет.

«Низкий штиль» стал гибким материалом в его руках. От добродушной усмешки – к едкому издевательству, к гневному негодованию, к внезапному умилению и снова к высоким ликующим нотам – вот диапазон его голоса. И всего этого он достигает словами улицы. Бетховен, сыгранный на балалайке! Я не привожу цитат, пришлось бы процитировать целиком и Мистерию Буфф и Войну и Мир.

О чем же может писать в наше время поэт с темпераментом Маяковского? Конечно, о революции.

Маяковский раньше и острее других понял, что старые темы поэзии изжиты.

Долой высоких вымыслов
бунт муз обреченного данника.
верящие в павлинов – выдумка Брэма
верящие в розы – измышление досужих ботаников, —[59]
Пока выкипячивают рифмами пиликая,
Из любвей и соловьев какое-то варево,
Улица корчится безъязыкая
Ей нечем кричать и разговаривать[60].

Улица – вот забота Маяковского.

Много писали о ней за последние годы.

Вот Северянин – поэт современного города, но он смакует его как эстетический сноб[61].

Маяковский почувствовал нависшую над улицей катастрофу. Вот вот все рушится. Война, революция, мятеж – вселенная потрясена, Бог сброшен со своего престола.

Я думал ты всесильный Божище,
А ты недоучка, крохотный Божик[62].

Можно ли писать об этом спокойно и медленно. Темп мятежа – темп Маяковского. Потому то так мечутся и бегут его прерывистые то короткие, то длинные строчки.

Он весь в устремлении и в действии.

---

[59] Из поэмы «Человек» (главка «Жизнь Маяковского»), с нарушением строфики и знаков препинания. Ср. у Маяковского: *Долой высоких вымыслов бремя! / Бунт / муз обреченного данника. / Верящие в павлинов / – выдумка Брэма! – / верящие в розы / – измышление досужих ботаников!*

[60] Из 2-й части поэмы «Облако в штанах», с нарушением знаков препинания.

[61] В статье Чуковского «Русские футуристы» (1913) Северянин несколько раз именуется снобом, напр.: «под вульгарной личиной сноба – радующий и светлый поэт», «поэт-сноб», «романтический сноб» и т.д. (Т. 8. С. 32, 33, 36).

[62] Из 4-й части «Облака в штанах», с неточными знаками препинания.

«Пустите, Меня не остановите.

Вру я, вправе ли, но я не могу быть спокойнее»[63].

И слова у него все стремительны и действенны. Конечно только существительные и глаголы. Да и существительные утратили свое лицо в разбеге. Глаголы их победили. А прилагательных нет. До них ли?

Разве время нанизывать определения. Эпитеты почти все глагольные формы – причастия, деепричастия[64].

Если есть прилагательное, оно примитивно и случайно как в речи горожанина. Но за ним следует «как» и растет одна за другой ошеломляющая гипербола.

Ночь – черная как Азеф[65].

Женщина, истрепанная как пословица[66].

Лицо заспанное как простыня[67].

Ударит незабываемым сравнением и мчится дальше.

Он весь в движении, и все вокруг него устремляется, мчится в захватывающем беге.

Кто схватит улиц рвущийся вымах

Кто их остановит[68]

Скачет сумасшедший собор

Бежит Бог с книгой Маяковского под мышкой[69].

Рвясь из меридианов

пенится

звенит золотоворот

франков

долларов

рублей…[70]

---

[63] Из 4-й части «Облака в штанах», с нарушением строфики и неточными знаками препинания.

[64] Весь этот «словообразовательный» пассаж развивает и оспаривает аналогичные положения Чуковского, который считал, что Маяковский имена существительные «плавит не только в глаголы, но и в имена прилагательные» (Т. 8. С. 538).

[65] Неточная цитата из 3-й части «Облака в штанах». У Маяковского: *Эту ночь глазами не проломаем, / черную, как Азеф!* Чуковский приводит эту цитату (Т. 8. С. 539).

[66] Неточная цитата из Вступления к «Облаку в штанах». У Маяковского: … *и женщины, истрепанные, как пословица.* Цитируется Чуковским (Т. 8. С. 539).

[67] Неточная цитата из 2-й части «Облака в штанах». У Маяковского: … *с лицом, как заспанная простыня.*

[68] Из поэмы «Человек» (главка «Возвращение Маяковского»), с пропуском одной строки и знаков препинания. У Маяковского: *Кто схватит улиц рвущийся вымах! / Кто может распутать тоннелей подкопы! / Кто их остановит...*

[69] Вся эта часть о вихревом движении перекликается со статьей Чуковского, ср.: «… по улицам скачет обалделый собор, и обезумевший Бог выскакивает из церковной иконы и мчится по уличной слякоти» (Т. 8. С. 532).

[70] Из поэмы «Человек» (главка «Жизнь Маяковского»), с большими неточностями. У Маяковского: *Рвясь из меридианов, / атласа арок, / пенится, / звенит золотоворот / франков, / долларов, / рублей, / крон, / иен, / марок.*

Бежит сам Маяковский.

Выскочу выскочу, выскочу[71]

Вот захотел и по тучам лечу ж[72].

Если бы воображаемые портреты действительно писались на холсте и не рассказывались словами, портрет Маяковского должен был бы быть написан так, как писали людей в движении его братья по духу – живописцы.

Так я и представляю себе этот портрет. С шестью ногами и летящим по воздуху[73].

29/VII 1919 Полонская

[71] Из 1-й части «Облака в штанах» У Маяковского: *Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!*

[72] Из поэмы «Человек» (главка «Вознесение Маяковского»), с нарушением строфики. У Маяковского: *Вот захотел / и по тучам / лечу ж.*

[73] Эта кубофутуристическая картинка, скорей всего, обобщенное представление о симультанном изображении движения у футуристов. Так, скорость движущегося существа (человека, собаки, лошади) или велосипеда несколько наивно могла изображаться с помощью увеличения числа ног, колес и т.д., как у некоторых европейских и русских футуристов (напр., Дж. Балла «Динамизм собаки на поводке» (1912); У. Боччони «Лошадь + Всадник + дома (Динамическая конструкция галопа)» (1914), Н. Гончаровой «Велосипедист» (1913) и др.). Возможно, это впечатление от футуристического поклонения движению соединяется с образами летающих людей у М. Шагала, но ближе всего, кажется, все-таки графические иллюстрации Д. Бурлюка к футуристическому альманаху «Садок судей» (1913).

Литература

Зайдман А.Д. Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома искусств» (1919–1921 гг.) // Русская литература. 1973. № 1. С. 241–247.

Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М., 2006.

Полонская Е.Г. Города и встречи. Книга воспоминаний. М., 2008.

Фрезинский Б.Я. Жизнь и стихи Серапионовой сестры Елизаветы Полонской // Полонская Е.Г. Стихотворения и поэмы. СПб., 2010. С. 3–74.

Фрезинский Б.Я. Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты. СПб, 2003.

Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко // Чудакова М.О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М., 2001.

Чуковская Л.К. Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском. Архангельск, 2008.

Чуковский Н. Дом искусств, клуб Дома искусств, литературная студия Дома искусств // Чуковский Н. О том, что видел. М., 2005.

Эткинд Е.Г. «Веселый пример Гейне» (Гейне – Тынянов – Маяковский) // Revue des études slaves. T. 55. Fasc. 3. 1983. P. 457–481. URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080–2557_1983_num_55_3_5353

Юрий Тынянов: Библиографическая хроника (1894–1943). СПб., 1994.

References

Chudakova M.O. Poetika Mikhaila Zoshchenko [Zoshchenko's poetic manner]. Chudakova M.O. *Izbrannye raboty. T. 1. Literatura sovetskogo proshlogo* [Selected works. Vol. 1, Literature of the Soviet past]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Chukovskaia L.K. *Pamiati detstva. Vospominaniia o Kornee Chukovskom* [In memory of childhood. Memoirs of Korney Chukovsky]. Arkhangel'sk, 2008. (In Russ.)

Chukovskii N. Dom iskusstv, klub Doma iskusstv, literaturnaia studiia Doma iskusstv ["Dom Iskusstv", its club and literary studio]. Chukovskii N. *O tom, chto videl* [On what I've seen]. Moscow, 2005. (In Russ.)

Etkind E.G. "Veselyi primer Geine" (Geine – Tynianov – Maiakovskii) ["Heine's merry example" (Heine – Tynyanov – Mayakovsky)]. *Revue des études slaves*, t. 55, fasc. 3, 1983, pp. 457–481. Available at: http://www.persee.fr/doc/slave_0080–2557_1983_num_55_3_5353 . (accessed 06.06.2018) (In Russ.)

Frezinskii B.Ia. *Sud'by Serapionov. Portrety i siuzhety* [Serapion Brothers' destinies. Portraits and stories]. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)

Frezinskii B.Ia. Zhizn' i stikhi Serapionovoi sestry Elizavety Polonskoi [Life and poems of Serapion sister Elizaveta Polonskaia]. Polonskaia E.G. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems]. St. Petersburg, 2010, pp. 3–74. (In Russ.)

Iurii Tynianov: Bibliograficheskaia khronika (1894–1943) [Yurii Tynyanov: Bibliographic chronicle]. St. Petersburg, 1994. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [Russian literary life in the 1920s: Events. Comments of the contemporaries. Bibliography. Vol. 1. Part 1. Moscow and Petrograd. 1921–1922], Moscow, 2006. (In Russ.)

Polonskaia E.G. *Goroda i vstrechi. Kniga vospominanii* [Cities and encounters: A book of memoirs]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Zaidman A.D. Literaturnye studii "Vsemirnoi literatury" i "Doma iskusstv" (1919–1921 gg.) [Literary studios of "Vsemirnaya Literatura" and "Dom Iskusstv" (1919–1921). *Russkaia literatura*, 1973, no. 1, pp. 241–247. (In Russ.)

"Beethoven played on a balalaika": E.G. Polonskaya's attempt of a critical essay on Mayakovsky (1919)

Svetlana V. Fedotova

Abstract: The publication of the critical essay by E. Polonskaya «Vladimir Mayakovsky», performed for the seminar on criticism in the literary studio under the publishing house "Vsemirnaia literatura", allows to consider the teaching methodology of K.I. Chukovsky, the influence of his critical works on the students, and identify the degree of his pupil's independence in assessing Mayakovsky's work as well.

Keywords: Polonskaya, Chukovsky, Zoshchenko, Blok, Mayakovsky, Nekrasov, Tynyanov, studio of the publishing house "Vsemirnaia literatura", seminar on criticism, teaching methods.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, Leading Researcher, RAS Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: lucia-th@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-331-348
УДК 821.161.1

В.Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком

В.А. Черкасов

Аннотация: В статье рассматривается полемика ведущего колумниста парижской газеты «Возрождение» Гулливера (В.Ф. Ходасевича) с советскими мемуаристами 1920–1930-х гг., воспоминания которых канонизировали личность Горького. В.Ф. Ходасевич развенчивал мифические представления о Горьком, обусловленные советской идеологией: активная дореволюционная общественная деятельность, дружба с Лениным и Сталиным, толстовский генезис творчества, «идеальный» брак с Андреевой, искренность, душевность, человечность духовного облика в целом.

Ключевые слова: Максим Горький, В.Ф. Ходасевич, источниковедческий метод, история критики русского зарубежья, мемуары.

Информация об авторе: Валерий Анатольевич Черкасов, д.ф.н., профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия. E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

Мемуары В.Ф. Ходасевича о Горьком прочно вошли в золотой фонд горьковедения. Однако до сих пор не поставлен вопрос о собирании, публикации и изучении горьковианы Ходасевича в ее полном объеме. В частности, не изучена такая значительная часть горьковедческого наследия критика, как «Литературная летопись» (далее ЛЛ), которую он вел вместе с Н.Н. Берберовой под коллективным псевдонимом Гулливер на страницах парижской газеты «Возрождение».

В некоторых статьях ЛЛ авторская точка зрения выражена «напрямую», без какой-либо иронической двусмысленности. Подобные статьи выполняют установочную функцию, помогая читателю понять авторскую точку зрения. В горьковиане ЛЛ таковой является статья «Изучение Горького», в которой Гулливер отмечает как знаки внешнего почета, окружившие Горького после его окончательного переезда в СССР, так и навязываемый властью «процесс стремительной канонизации Горького как художника». Одним из призна-

ков сугубо официального характера этой канонизации является, по Гулливеру, «громоздкая разработка биографии и научное (или квазинаучное) исследование его творчества»[1]. В своей статье мы намерены проанализировать основные мотивы полемики Гулливера с советскими мемуаристами 1920–1930-х гг., воспоминания которых способствовали канонизации личности Горького.

В шестом номере журнала «Красная новь» за 1928 г. были напечатаны воспоминания К.П. Злинченко об участии Горького в 1906 г. в работе заграничного Комитета помощи безработным[2]. Гулливер откликнулся на них в выпуске ЛЛ от 27 сентября 1928 г. В начале воспоминаний Злинченко подробно останавливается на социальной и политической мотивировке возникновения Комитета помощи безработным: «Расстрелы, казни, карательные экспедиции и сотни тысяч рабочих, выбрасываемых на улицу. […] Чем можно было тогда помочь всё возраставшим массам безработных стачечников, выброшенных на улицу контрреволюционной волной?» Горький отредактировал составленный мемуаристом текст воззвания «К рабочим Швейцарии», поскольку входил в Комитет помощи безработным. В частности, он заменил адресат воззвания: «К рабочим Европы». К.П. Злинченко подчеркивает мотив членства Горького в упомянутой общественной организации: «Запишите и меня в члены вашего комитета, – вдруг предложил Максим Горький, взглянув на меня серьезными, сочувствующими глазами. […] – Вы позволите мне исправить некоторые места? – спросил новый член комитета».

Ниже Злинченко даже называет Горького и Л.Н. Андреева, также поддержавшего проект помощи русским рабочим, «основателями комитета». В этой связи он сообщает о возникших у него планах европейского масштаба: «В разгоряченном мозгу строились планы предстоявшей уже “европейской” работы с такими основателями комитета, как Горький и Андреев». То есть новая, горьковская редакция воззвания придала, по Злинченко, глобальный размах проекту. Между тем писатель подверг текст якобы лишь стилистической правке: «Текст моего воззвания оказался переделанным и расширенным, но сущность и даже основные формулировки остались». Согласно Злинченко, инициатива расставания с Горьким и Андреевым исходила исключительно от него: «Всем было весело, все смеялись, но мне уж не терпелось: тянуло в Лозанну поделиться с комитетом

[1] *Гулливер*. Литературная летопись: Изучение Горького // Возрождение. 1936. № 4053, 21 нояб. С. 9.

[2] *Злинченко К.П.* Из воспоминаний о Максиме Горьком (1906–1911 гг.) // Красная новь. 1928. № 6. С. 165–175.

слишком важной новостью… Да и не хотелось задерживать писателей». В произошедшем вскоре расколе Комитета мемуарист винит «меньшевиков и бундовцев», однако в результате этого образовался новый, более эффективный «“международный комитет”, в исполнительное бюро которого оказались избранными почти одни большевики и иностранные левые социалисты нескольких национальностей». Отредактированное Горьким воззвание было напечатано в европейских социалистических изданиях и сыграло важную роль в успешной деятельности Комитета: «Воззвание, подписанное Горьким, Андреевым и другими членами, было напечатано в “Бюллетенях” Бюро и в социалистических газетах почти всех стран в июле-августе 1906 года от имени “Международного комитета”. “Внепартийный” же “кадетский” комитет скончался, едва успев родиться вновь». Таким образом, принадлежавшая Горькому идея интернациональной помощи безработным русским рабочим была реализована полностью.

В самом начале своего отзыва о воспоминаниях Злинченко[3] Гулливер акцентирует мотив «ненадежного рассказчика», опуская мотивировочную часть утверждений Злинченко: «“Это было в тот момент, когда Россия представляла ужасную картину...”. Так начинаются воспоминания. Вслед за тем выясняется, однако, что речь идет не о 1919 или 1920 гг., а… о 1906! “Страшная, кровавая контрреволюция всё выше поднимала свою (!) голову”». С этой целью он иронически комментирует допущенную мемуаристом и редакцией журнала ошибку в правописании слова *фуникулер*: «Потрясенный неожиданной встречей с Горьким и первыми шагами большого успеха комитета – я долго не мог найти станции финикулера (sic! очевидно, от слова финик), кружась всё на одном и том же месте. В разгоряченном мозгу строились планы... Наконец, я попал в вагон финикулера».

Признав мемуариста «ненадежным рассказчиком», Гулливер не доверяет и его свидетельству о степени вмешательства Горького в текст воззвания. В его изложении писатель переделал воззвание полностью. При этом редактирование не мотивировано членством писателя в Комитете, так что в изображении Гулливера его поведение в целом выглядит довольно бесцеремонным: Злинченко «прочел вслух свой проект воззвания. Горькому оно очень понравилось. “От радостного предчувствия у меня горячо забилось сердце”, – говорит Злинченко. “Вы позволите мне исправить некоторые места?” – спросил Горький, и, взяв бумагу, ушел с нею в другую комнату. “Весь сияющий, бросился я чуть не на шею Андрееву”, – продолжает

[3] *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1928. № 1213, 27 сент. С. 3.

наивный воспоминатель, – и с тою же наивностью сообщает, что Горький всё это "понравившееся" ему воззвание тут же переделал по-новому. Прочли новую редакцию, горьковскую».

Мнение Гулливера о степени вмешательства Горького в текст воззвания поддержала А.И. Наумова, републиковавшая рассматриваемые воспоминания Злинченко: «Воззвание к рабочим Европы, не только отредактированное Горьким, а фактически заново написанное им…»[4] Согласно Гулливеру, сам Горький захотел расстаться со Злинченко сразу после написания новой редакции воззвания. При этом, как и при редактировании воззвания, с посетителем он особо не церемонился: «К этому времени Злинченко уже надоел. Чтобы от него отделаться, Горький сказал:

– Ну, а теперь на прощанье давайте споем что-нибудь.

Спели "Ай, за гаем, гаем, гаем зелененьким" – и Злинченко, наконец, отправился восвояси, "поделиться с комитетом важной новостью"».

В конце заметки Гулливер констатирует деструктивную роль Горького в деятельности Комитета: «Несмотря, однако, на то, что "большой успех" шел такими удачными "первыми шагами", следующая глава называется "Раскол комитета". А совершился великий раскол… на другой же день». Очевидная нелогичность написанных в мажорном тоне мемуаров Злинченко связана, по Гулливеру, с безграмотностью «ненадежного рассказчика»: «Таких "воспоминаний" о Горьком сейчас печатается в советских журналах множество. Почти все отличаются "ведомственным" восторгом и слабою грамотностью».

Итак, если Злинченко акцентировал активное участие Горького в 1906 г. в работе заграничного Комитета помощи безработным, то в изложении Гулливера вмешательство писателя в дела комитета, наоборот, способствовало его скорейшему расколу.

Следующий развернутый отзыв Гулливера на советские мемуары о дореволюционной деятельности Горького появился в ЛЛ 15 марта 1934 г. в связи с публикацией в первом номере журнала «Звезда» за 1934 г. очерка В.А. Десницкого «В.И. Ленин и М. Горький»[5], в котором рассказывалось об их первой встрече в Петербурге в ноябре 1905 г. и об их дружеских отношениях во время лондонского

[4] *Злинченко К.П.* Комитет помощи безработным / Публ. А.И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 591.

[5] *Десницкий В.А.* В.И. Ленин и М. Горький. Из воспоминаний // Звезда. 1934. № 1. С. 115–134.

V съезда РСДРП. Потом он был повторен в выпуске ЛЛ от 28 мая 1937 г.

Как указывает В.А. Десницкий в начале очерка, воспоминания Горького о Ленине (вторая редакция, 1930), посвященные тем же сюжетам, не отличаются «протокольной точностью»: «Они – документ исключительной исторической важности, превосходное художественное произведение, в котором пролетарский писатель говорит о том, как в его сознание вошел величайший исторический деятель нашей эпохи. В этом смысле и неточности рассказа ценны для нас как показатели того сложного процесса, в ходе которого закреплялись дружеские отношения художника и вождя пролетариата». Поэтому Десницкий не только не стремится повторять свидетельства своего авторитетного предшественника, но и считает возможным корректировать их. Так, он приводит свой диалог с Горьким о не упомянутом последним начале его знакомства с Лениным в ноябре 1905 г., из чего выясняется, что писатель просто забыл об этом факте. Но опровергая утверждение Горького о том, что тот не встречал Ленина до 1907 г., до начала V съезда РСДРП, Десницкий считает, что его покаянное признание в недостаточном знакомстве с произведениями Ленина соответствует действительности: «Сам Алексей Максимович говорит, что “до этого года” (года V съезда) “читал его не так много, как бы следовало”». Вот как это свидетельство Горького звучит в его воспоминаниях о Ленине[6]: «До этого года я не встречал Ленина, да и читал его не так много, как бы следовало. Но то, что удалось мне прочитать, а особенно восторженные рассказы товарищей, которые лично знали его, потянуло меня к нему с большой силой».

Согласно Десницкому, на поезде из Берлина в Лондон ехали он сам, Ленин, Горький и сопровождавшая писателя М.Ф. Андреева. Всю дорогу они играли в карты (в «тетку»). Впрочем, мемуарист запомнил следующее заявление Ленина, которое тот произнес с характерным жестом: «Немецкому пролетариату нужна более революционная партия, чем нынешняя германская социал-демократия с ее Vorstand’ом (ЦК партии) чиновников, – говорил он, показывая на сплошные линии огней фабрик и заводов». По Десницкому, это заявление подытоживало негативные впечатления Ленина от состоявшейся в Берлине незадолго до отъезда в Лондон встречи с Каутским, на которой последний вел себя по отношению к Ленину сдержанно осторожно как к представителю «родственной, но всё же не своей социал-демократической партии».

[6] Цит. по: *Горький М.* В.И. Ленин // Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М.: Художественная литература, 1975. С. 429–462.

По Десницкому, прибыв в Лондон, они опять-таки вчетвером отправились искать подходящую гостиницу для писателя с супругой. При этом Ленин, чрезвычайно озабоченный состоянием здоровья своего друга, самолично проверял степень влажности простыней и в одной из гостиниц на окраине города (в этом районе проходил съезд) обнаружил клопов. Именно поэтому они остановили выбор на одной из центральных гостиниц, хотя, по свидетельству Десницкого, «Алексей Максимович хотел устроиться поближе к съезду». Приводим соответствующий фрагмент воспоминаний Десницкого полностью:

> В Лондоне Горький жил особняком от остальных участников съезда, в большой гостинице в центре города; остальные делегаты разместились на окраинах, поблизости от той церкви, в которой происходили заседания. Алексей Максимович хотел устроиться поближе к съезду, но Ленин настоял, чтобы Горький жил в хороших квартирных условиях. […] Владимир Ильич проявлял большое внимание к устройству Горького, заботился о его здоровье. Прямо с вокзала он вместе с нами отправился искать помещение для Горького. Алексей Максимович рассказывает, что Владимир Ильич даже простыни его постели осматривал. И это верно; только делал это Владимир Ильич неоднократно и в ряде гостиниц, которые мы обошли.
>
> – Может быть, они сырое белье положили?
>
> Его особенно поразило то, что в одной из окраинных гостиниц мы даже клопов в постели усмотрели.
>
> – Клопы? В культурнейшей Англии?.. – недоумевал, и даже как бы с некоторым злорадством, Владимир Ильич.

Теперь приведем показание Горького, в точности которого усомнился Десницкий:

> Пришел в гостиницу, где я остановился, и вижу: [Ленин] озабоченно щупает постель.
>
> – Что это вы делаете?
>
> – Смотрю – не сырые ли простыни.
>
> Я не сразу понял, зачем ему нужно знать – какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив мое недоумение, объяснил:
>
> – Вы должны следить за своим здоровьем.

Таким образом, по Горькому, Ленин навестил его после того, как он поселился в гостинице. Причем пришел без ведома хозяина и на-

чал проверять его простыни. Горький не сообщает, что поселился с Андреевой в одной из гостиниц, расположенных в центре города и что решающую роль в выборе этой гостиницы сыграл Ленин. Об этом, так же как и о найденных Лениным клопах, мы узнаем из воспоминаний Десницкого.

Гулливер в начале статьи[7] опровергает главное положение мемуарного очерка Десницкого о многолетней дружбе между Лениным и Горьким, которое тот развивал в своем произведении в строгом соответствии с советским официальным каноном:

> Собственно говоря, дружбы в настоящем смысле слова здесь не было: был интерес друг к другу, было долголетнее знакомство, была обширная переписка (одни письма Горького к Ленину занимают бóльшую часть толстого тома материалов для ленинской биографии, вышедших в 1924 году под редакцией Каменева). У Горького под конец образовалась некая приятельская привычка к Ленину: недаром их отношения длились без малого двадцать лет. У Ленина к Горькому было «бережное отношение». (Заметим, от себя – более как к писателю; как политического деятеля Ленин его ставил не высоко и не слишком считался с ним.).

Излагая сцену петербургского знакомства Горького с Лениным, Гулливер применяет комический прием qui pro quo, переадресовывая Ленину признание Горького о недостаточном знании произведений нового знакомого: «У Горького состоялось собрание, на котором присутствовали Десницкий, Богданов, Красин и многие другие. Привели также Ленина, который впоследствии признавался Десницкому, что до знакомства с Горьким “читал его не так много, как бы следовало”». Акцентируемый мотив неосведомленности Ленина и Горького в идеях друг друга и изначальной чуждости их друг другу является реализацией установочного тезиса о фактическом отсутствии между ними дружбы как таковой.

Далее Гулливер следующим образом рассказывает о поведении Ленина в поезде из Берлина в Лондон: «В Лондон выехали все вместе. Ленин, глядя из окна вагона на заводы и фабрики Германии, призывал к мировой революции. Кроме того, впрочем, дорогой играли в “тетку” и разговаривали. Десницкий жалеет, что не стенографировал эти исторические беседы». Таким образом, Гулливер, во-первых, элиминирует свидетельство Десницкого о негативных впечатлениях

[7] *Гулливер*. Литературная летопись: Ленин и Горький // Возрождение. 1934. № 3207, 15 марта. С. 4.

от встречи с Каутским, мотивирующее заявление Ленина о необходимости радикальной немецкой партии. Во-вторых, он обостряет само заявление, заменив требование радикальной партии призывом к «мировой революции». В-третьих, он комически монтирует этот «высокий» призыв с прозаической игрой в «тетку». А в-четвертых, для усиления комизма в монтаже столь различных мотивов соединяет с ними «высокий» мотив «исторических бесед», которые Ленин и Горький вели во время игры и которые Десницкий опрометчиво не стенографировал. В результате все четверо путешественников предстают в комическом свете: Ленин ни к селу ни к городу призывает к «мировой революции», Горький и Андреева поддерживают за игрой в «тетку» «исторические беседы» с Лениным, Десницкий с игральными картами в руках не стенографирует эти беседы.

Комическое изображение четверых путешественников достигает кульминации в лондонских сценах:

> В Лондоне социал-демократические делегаты остановились на окраине, неподалеку от своей церкви. Горький составил исключение, заняв роскошные апартаменты в гостинице, расположенной в центре города. (М.Ф. Андреева никогда не любила смешиваться с плебсом.) Десницкий поселился с Горькими. Ленин в первый же вечер пришел навестить нового своего приятеля. (Можно себе представить, как ему бывало скучно с эсдеками). При этом посещении проявил он по отношению к Горькому большую заботливость, отчасти даже излишнюю: Десницкий с умилением вспоминает, как Ленин осматривал простыни на постелях: нет ли клопов?

Гулливер усиливает двусмысленность ленинской проверки гостиничных простынь. В его изображении Ленин приходит в гости к Горькому и первым делом начинает проверять наличие клопов в супружеской постели писателя в присутствии самих супругов и поселившегося в соседней комнате Десницкого. То есть Гулливер относит (вслед за Горьким) проверку Лениным постели Горького ко времени, как гостиница была найдена. Более того, он превращает «большую гостиницу» из очерка Десницкого в «роскошные апартаменты», чем доводит проверку Лениным до абсурда. До какой же степени нужно быть оторванным от жизни, чтобы искать клопов в супружеской постели, да еще в присутствии постороннего, да еще в «роскошных апартаментах» одной из гостиниц в центре Лондона. За шутовским поведением Ленина, в изображении Гулливера, маячит зловещий образ тирана, считающего допустимым «забираться

в чужую постель», то есть контролировать интимную жизнь человека. А если принять во внимание невысокое мнение Гулливера о моральном облике Андреевой, то в обсуждаемом мотиве можно усмотреть и намек на адюльтер или, если угодно, на menage à trois, столь распространенный среди последователей этического учения Н.Г. Чернышевского о необходимости сексуального раскрепощения женщины, к числу которых относились все трое[8].

Таким образом, Гулливер развенчивает миф официозного очерка Десницкого об отношениях Горького и Ленина как идеальной дружбе. Он последовательно противопоставляет, с одной стороны, общественную пассивность писателя, выполняющего любой каприз своей любовницы и безропотно принимающего сомнительные «дружеские» услуги Ленина, и, с другой стороны, комическую оторванность Ленина от жизни. Тем самым Гулливер внушает читателю сомнение в возможности искренних дружеских отношений между двумя столь различными людьми.

В сознании советского общества 1920–1930-х гг. бытовало представление о Горьком как достойном преемнике Л.Н. Толстого. Впервые с этим представлением Гулливер полемизировал в ЛЛ 7 августа 1930 г.[9], когда цитировал рецензию А.М. Смирнова-Кутачевского на книгу воспоминаний В.А. Поссе «Мой жизненный путь» (1929)[10]. Советский рецензент назвал фигуры Толстого и Горького фундаментальными, подчеркнув тем самым их равновеликость: «Читатель-современник встретит в книге Поссе всех выдающихся деятелей того времени. В центре – фундаментальные фигуры Л. Толстого и М. Горького. Закат одного и расцвет другого». Цитируя этот фрагмент, Гулливер опустил определение, обозначив свое несогласие с постановкой в один ряд Толстого и Горького: «Читатель-современник встретит в книге Поссе всех выдающихся деятелей того времени. В центре – фигуры Л. Толстого и М. Горького. Закат одного и расцвет другого». Так Гулливер отверг и вытекающую из равновеликости фигур Толстого и Горького идею преемственности между ними.

Более пространно на эту тему Гулливер высказывался в ЛЛ 10 января 1935 г., 9 июля 1937 г. и 22 июля 1938 г. в связи с публикацией

---

[8] См.: *Ходасевич В.* Мелочи: Лопух // Возрождение. 1932. № 2963, 13 июля. С. 3–4. Ср.: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛО, 1996.

[9] *Гулливер.* Литературная летопись // Возрождение. 1930. № 1892, 7 авг. С. 4.

[10] *Смирнов-Кутачевский А.М.* [Рец.] Поссе В.А. Мой жизненный путь. М.: Земля и фабрика, 1929 // Красная новь. 1930. № 4. С. 201–202.

воспоминаний Скитальца «Встречи» (1934)[11], посвященных, между прочим, истории его знакомства с Толстым летом 1902 г. в Крыму и роли Горького в этом. Тексты статей в основном дублируют друг друга, поэтому тройной повтор свидетельствует о том значении, которое они имели для Гулливера.

По словам Скитальца, Горький говорил ему о достаточно близких, задушевных отношениях между ним и Толстым. Последний якобы даже читал ему запрещенный цензурой рассказ «Отец Сергий». Однако Софья Андреевна, желавшая показать Горькому его настоящее место, не допустила прославленного Горького к Толстому якобы по причине его плохого самочувствия. Но Скиталец подружился с домашним врачом Толстого Никитиным, тот рассказал о Скитальце самому Толстому, и встреча всё же состоялась. Толстой пригласил едва вступившего на писательскую арену Скитальца и охотно с ним поговорил. А о неудачном визите Горького он ничего не знал. По словам мемуариста, «на прощание Толстой подарил мне свой портрет, на котором при мне же с трудом написал дрожащей от слабости рукой ласковую надпись».

Историю знакомства Скитальца с Толстым Гулливер изложил так:

> Летом 1902 года Скиталец жил в Крыму у Горького. Там же гостил Шаляпин. Однажды Горький решил сводить их обоих к Толстому в Гаспру.
>
> Гостей встретила Софья Андреевна. Постепенно в гостиной собрались все члены семьи; Скитальцу «даже надоело вставать со стула, так их было много». Сам же Толстой к гостям не вышел, и они удалились ни с чем.
>
> В другой раз Скиталец отправился один: Горький с Шаляпиным уже уехали. Чтобы познакомиться с Толстым, предварительно сдружился он с его домашним врачом Никитиным, через которого и добрался до Толстого.
>
> Скиталец пытается передать свой разговор с великим писателем. В общем, это ему удалось плохо, за исключением нескольких толстовских замечаний о мужиках. Толстой был очень слаб и едва мог надписать свой портрет, который Скиталец у него выпросил[12].

[11] *Скиталец*. Встречи (литературные воспоминания) // Красная новь. 1934. № 10. С. 148–175.

[12] *Гулливер*. Литературная летопись: Воспоминания Скитальца // Возрождение. 1935. № 3508, 10 янв. С. 4.

Гулливер пропускает признание Горького о чтении ему Толстым «Отца Сергия». Он ничего не говорит о том, что Софья Андреевна препятствовала попытке Горького познакомить Скитальца с Толстым. Он не упоминает о болезни писателя, что могло мотивировать его невыход к гостям. По Гулливеру, получается, что Толстой находился с Горьким в столь далеких отношениях, что мог отказаться от встречи с ним даже в присутствии его друзей. Гулливер сознательно принижает и образ мемуариста, якобы выпросившего у Толстого портрет: это принижение переносится по метонимическому принципу и на Горького как лидера литературной группы, к которой принадлежал Скиталец («тень Горького», как назвал Гулливер Скитальца в конце своей статьи). В противовес советскому мифу о Горьком как преемнике Толстого Гулливер подчеркивает весьма далекие отношения писателей и развенчивает этот миф.

В мемуарном очерке М.Ф. Андреевой, написанном по случаю сорокалетнего юбилея Художественного театра[13], Гулливер выделяет эпизод знакомства актрисы с Горьким в Севастополе в 1900 г. во время первой гастрольной поездки театра[14]. В частности, он цитирует признания Андреевой о том впечатлении, которое произвел на нее Горький во время знакомства и о вспыхнувшем в ней чувстве любви: «А потом улыбнулся, сверкнул из-под усов ровными крепкими зубами, и глянули его изумительные голубые глаза из-за густых ресниц так светло и ярко, что с этой минуты, и уже на всю жизнь, стал он самым красивым и обаятельным человеком на свете». Гулливер дезавуирует искренность любовного признания Андреевой, намекнув на ее другие любовные связи: «Всё это, конечно, ужасно многозначительно и трогательно. Но М.Ф. Андреева забыла прибавить, что и в П.П. Крючкове, том самом, которого расстреляли по обвинению в убийстве Горького и который во всяком случае долгие годы был злым гением Горького, тоже было немало красоты и обаяния». Этот комментарий становится понятнее в свете статьи Ходасевича «О смерти Горького», напечатанной в «Возрождении» 18 марта 1938 г., в которой, в частности, говорится, что Андреева жила с Крючковым под одной крышей с Горьким: «Не знаю, когда и при каких обстоятельствах он познакомился с Марией Федоровной Андреевой, второй женой Горького. Во всяком случае, в 1920 году (а может быть, и раньше) он уже состоял ее секретарем по управ-

13 *Андреева М.Ф.* Поездка в Крым // Литературная газета. 1938. № 59 (766), 26 окт. С. 4.

14 *Гулливер*. Литературная летопись: Воспоминания // Возрождение. 1938. № 4157, 11 нояб. С. 9.

лению петербургскими театрами, жил на ее половине в квартире Горького и, не смущаясь разницею возрастов (Мария Федоровна значительно старше его), старался всем показать, что его ценят не только как секретаря. Он был недурен собой, хорошо одевался, имел пристрастие к шелковым чулкам, которые не всегда добывались легально»[15]. Ходасевич допускал, что Крючков мог быть причастен к убийству сына писателя Максима, но не верил в возводимую на него советским судом вину в убийстве самого Горького.

Таким образом, в отклике на воспоминания Андреевой Гулливер приоткрывает читателю тайны интимной жизни писателя, далекие от официально принятых в Советском Союзе взглядов на личность мемуаристки как «жены, друга и соратника Горького»[16].

Большая часть воспоминаний советских авторов о послереволюционной деятельности Горького, на которые отозвался Гулливер, посвящены их впечатлениям от итальянских встреч с писателем. Таковы воспоминания Н.Н. Асеева[17], А.Н. Афиногенова[18] и Л.С. Рывлина (сотрудника созданного Горьким Всесоюзного института экспериментальной медицины)[19]. Сюда же следует отнести и воспоминания А.И. Цветаевой, поделившейся своими впечатлениями от встречи с Горьким в Сорренто с читателями «Нового мира» за подписью А. Мейн[20].

Из довольно объемного повествования Асеева Гулливер выделяет его свидетельство о намерении Горького весной 1928 г. посетить Советский Союз: «Н. Асеев продолжает писать о своем посещении М. Горького в Сорренто. Между прочим, он сообщает: В платяном шкафу у Горького висит новый костюм. – Гранитовый – говорит он. – Вот этот костюм, замеча-а-ательный костюм. В нем *я весной в Россию поеду*!" (курсив наш)»[21]. Обещание Горького вернуться в СССР является устойчивым мотивом для горьковианы Ходасевича в целом. Впервые он появляется в статье «Максим Горький и СССР» (Возрождение. 20 октября 1927, подпись М.). В ней Ходасевич, по емкой характеристике Дж. Мальмстада, «с иронией писал о лживых обещаниях Горького вернуться в СССР и о его упорном пребывании

[15] *Ходасевич В*. О смерти Горького // Возрождение. 1938. № 4123, 18 марта. С. 7.

[16] *Григорьева А.П.*, *Щирина С.В*. От составителей // Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968. С. 3.

[17] *Асеев Н.Н*. Из встреч с М. Горьким // Звезда. 1928. № 3. С. 170–185.

[18] *Афиногенов А.Н*. В Сорренто // Красная новь. 1932. № 9. С. 152–156.

[19] *Рывлин Л.С*. Незабываемые дни // Звезда. 1937. № 6. С. 198–200.

[20] *Мейн А*. Из книги о Горьком // Новый мир. 1930. № 8–9. С. 94–115.

[21] *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1928. № 1073, 10 мая. С. 3.

заграницей в связи со “здоровьем”»[22]. В свете данного наблюдения курсив Гулливера намекает искушенному читателю на истинную цену подобного заявления.

В ЛЛ данный мотив появляется 17 ноября 1932 г. в связи с воспоминаниями Афиногенова о встрече с Горьким в Сорренто: «Коснувшись затем положения писателей в СССР и охарактеризовав его как исключительно счастливое, Горький закончил беседу следующим признанием: “Доктора меня не пускают в Москву, а я поеду, я должен первомайскую демонстрацию увидать”. Понимать сие надо в том смысле, что ради такого зрелища стоить рискнуть и здоровьем»[23]. В последнем предложении Гулливер иронически трактует мотив жертвы собственным здоровьем/жизнью ради общественного блага, характерный для советской мифологии героического в целом.

Асеев передает рассказ Горького о Куприне, который в состоянии опьянения вел себя так эксцентрично, что становился похожим на своих персонажей: «Рассказывает Горький мягко, без нажимов и подчеркиваний, лишь изредка остановится, повторит, взвесит то или иное слово […], а перед слушателем встают четкие и выпуклые фигуры, полно окрашенные эпизоды неряшливого пьянового беспорядочного быта рассейского, с его писателями, похожими на своих персонажей»[24]. По словам Горького, Куприну так надоедали реальные необычные в каком-либо отношении люди – прототипы его персонажей, что он мог от них сбежать без объяснения причин. Однажды он таким образом сдал одного из этих прототипов на руки Горькому, вынудив его накормить за свой счет: «Куприн так и не вернулся к своему необыкновенному протеже. Он, очевидно, успел потерять для Куприна весь интерес необычайности. И Куприн сдал его вместе с его ростом и аппетитом, действительно исключительным, на руки Горькому»[25].

Все эти наблюдения Горького Гулливер переадресовывает ему самому 1 октября 1937 г.[26], иронически пересказывая воспоминания П.А. Заломова, прототипа главного героя романа «Мать» Павла Власова, о встрече в 1934 г. с писателем. Гулливер усиливает мотив сходства «рассейского писателя» с его персонажами из упомянутого рассказа Горького о Куприне. Он указывает на двойничество Горь-

[22] *Мальмстад Дж*. Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 3. М.: Прогресс; Феникс, 1991. С. 277.

[23] *Гулливер*. Литературная летопись: Юбилейные отголоски // Возрождение. 1932. № 2725, 17 нояб. С. 4.

[24] *Асеев Н.Н*. Из встреч с М. Горьким. С. 184–185.

[25] Там же. С. 183.

[26] *Гулливер*. Литературная летопись: 44 персонажа в поисках автора // Возрождение. 1937. № 4099, 1 окт. С. 9.

кого и Заломова, сравнив их разговор с диалогом Ивана Карамазова с чертом. Здесь Гулливер приводит любопытную биографическую подробность о мистицизме как существенной черте мировоззрения Горького: «Надо заметить, что не верить в Бога Горький себя заставил, но от веры в чертей никогда не отказывался и в чертях разбирался с большою тонкостью». В конце статьи Гулливер подчеркивает «писательство» самого Заломова, не ограничившегося одним газетным очерком, но замахнувшегося на «обширное издание». Говоря о приложенных к статье Заломова фотографических снимках, он пишет: «На третьем – поверит ли наш читатель? – “Петр Андреевич Заломов читает жене и дочери новые отрывки своих воспоминаний”. Вот уж куда метнуло – персонажи пишут об авторе! Эти писания составят часть обширного издания, озаглавленного “Семья Заломовых” и имеющего выйти к двадцатилетию октябрьской революции. Тут уже будет подробно рассказано обо всех сорока четырех». Этот выпуск ЛЛ назывался «44 персонажа в поисках автора», а на одном из фотографических снимков, иллюстрирующих воспоминания Заломова, изображен «самый молодой член семьи Заломовых, 44-й по счету, Юрик Адельсон». Таким образом, тематически писания Заломова не будут отличаться от повествований Горького о семье Кашириных или тех же Власовых (Заломовых).

По Гулливеру, писатели не любят встречаться с прототипами своих персонажей, и Горький не является исключением. Вот как он реконструирует чувства писателя, узнавшего о намерении Заломова навестить его в Горках: «Нет ничего более скучного и даже тяжелого для писателя, чем живой человек, однажды использованный в качестве персонажа, то есть уже переделанный, преображенный – и вдруг вновь объявившийся в первоначальном состоянии. […] Можно бы сказать, что писателю интересны все люди, кроме уже использованных. […] Ясно, что предстоящее явление персонажа к автору должно было Горького испугать. Что с ним делать? О чем говорить? А ведь если он явится в деревню, то тут получасовой беседой не отделаешься». Именно по этой причине Горький назначил встречу в городе, указав ее точное время. Далее Гулливер допустил, что Горький мог просто уйти в другую комнату во время обеда со званым гостем: «Увы, у него была эта предательская привычка – убегать от докучливых посетителей, заставляя других сидеть с ними». Итак, Горький ничем не отличается от Куприна, о котором он сам рассказывал и, следовательно, подобен прочим «рассейским писателям», похожим на своих персонажей. Круг замкнулся.

В воспоминаниях А. Мейн (А.И. Цветаевой), Афиногенова, Рывлина, которые восторженно описали свою встречу с Горьким в Сорренто и Неаполе, Гулливер обнажил приемы театрализованного поведения писателя, с помощью которых тот, по словам критика, «уловлял неопытных», внушая своим слушателям желаемые им представления о собственной личности. Емкое описание подобного поведения Горького содержится в ЛЛ 16 октября 1930 г., посвященной воспоминаниям А. Мейн: «Люди, хорошо знающие Горького, с улыбкою здесь узнают весь тот арсенал соблазнов, которым Горький располагал для уловления неопытных. Узнают и заученную непринужденность Горького, и его давнишние парадоксы, и неожиданные суждения, каждый раз повторяемые для новых слушателей, и рассказы о скитаниях, и маленькие экспромты, многим давно уже известные назубок»[27].

Из воспоминаний Афиногенова Гулливер выделяет фрагменты, посвященные беседам Горького с молодыми советскими писателями. В его передаче, эти беседы сводились исключительно к политической и антирелигиозной пропаганде:

> Затем, перейдя к текущей литературной жизни, Горький советовал Афиногенову изучать Запад и его отношение к советскому союзу: «как работают белые против нас – они вон в Париже организовали контрчеку»...
>
> Разговор зашел о религии; посмеявшись над Иерусалимскими чудесами («одна химия»), Горький поведал Афиногенову, что его знакомая, Ланина лично знавала Серафима Саровского: это был «прижимистый кулак» и умер совсем седым, а мощи открыли «совсем в другом месте и с рыжею бородой»[28].

Последний значительный отзыв Гулливера на воспоминания современников о послереволюционном Горьком содержится в статье «Сталин и Горький»[29], посвященной очерку Л.В. Никулина «Жизнь есть деяние»[30]. Из всего довольно объемного очерка Гулливер цитирует фрагмент, в котором содержится описание впечатлений мемуариста от встречи Сталина с Горьким в особняке писателя на Малой

---

[27] *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1930. № 1962, 16 окт. С. 4.

[28] *Гулливер*. Литературная летопись: Юбилейные отголоски // Возрождение. 1932. № 2725, 17 нояб. С. 4.

[29] *Гулливер*. Литературная летопись: Сталин и Горький // Возрождение. 1938. № 4139, 8 июля. С. 9.

[30] *Никулин Л.В*. Жизнь есть деяние // Литературная газета. 1938. № 33 (740), 15 июня. С. 3.

Никитской 26 октября 1932 г.: «Сталин много говорил о задачах литературы, и слушая его, Горький поглядывал на нас радостным, сияющим взглядом, точно приглашая вместе с ним радоваться справедливым и глубоко волнующим словам. Надо было видеть, с каким уважением и мягкостью поглядывал Сталин на Горького – первого среди людей советской литературы. Конечно, такую дружбу, такое прекрасное товарищеское чувство Горького к Сталину не могли разбить никакие происки и козни. Горький остался верен этой дружбе до своего последнего дня». В воспоминаниях Никулина, идеализировавшего отношения Сталина и Горького, Гулливер увидел задание власти по сглаживанию ходивших в обществе слухов о конфликте между ними: «…слова Никулина отчетливо звучат “официозным разъяснением”, ради которого и написана вся статья. По-видимому, в советской России до сих пор ходят слухи о неладах, происходивших между Горьким и Сталиным, и о том, что в последнее время своей жизни Горький изменил отношение к диктатору. Никулину поручили эти слухи опровергнуть». Этот комментарий обнажает политическую ангажированность внешне сугубо личных, лиричных мемуаров Никулина о дружбе Горького со Сталиным.

Таким образом, Гулливер развенчивал складывающиеся мифические представления о личности Горького в сознании современников, обусловленные советской идеологией: активная дореволюционная общественная деятельность писателя, его дружба с Лениным и Сталиным, толстовский генезис его творчества, идеальный, с точки зрения советской морали, брак с Андреевой, искренность, душевность, человечность его духовного облика в целом. Дополнительную убедительность построениям Гулливера придает обнаруженное им в складывающемся каноне противоречие между «реалиями жизни» Горького и «оценочной риторикой» советских мемуаристов[31]. Данное направление исследования в применении к горьковиане Ходасевича (Гулливера) в целом представляется весьма перспективным.

[31] *Цветаева Н.Н.* Биографические нарративы советской эпохи: модели дистанцирования от идеологических норм // Пятые чтения памяти Вениамина Иофе: Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. 16–18 апреля 2007. СПб.: [б. и.], 2008. С. 165–175.

Литература

Горький М. В.И. Ленин // Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М.: Художественная литература, 1975. С. 429–462.

Григорьева А.П., *Щирина С.В.* От составителей // Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968. С. 3–6.

Злинченко К.П. Комитет помощи безработным / Публикация А.И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 586–591.

Мальмстад Дж. Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 3. М.: Прогресс; Феникс, 1991. С. 262–291.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи: модели дистанцирования от идеологических норм // Пятые чтения памяти Вениамина Иофе: Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. 16–18 апреля 2007. СПб., 2008. С. 165–175.

References

Gor'kii M. V.I. Lenin. Gor'kii M. *Rasskazy. Ocherki. Vospominaniia. P'esy* [Short stories. Essays. Memoirs. Plays]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 429–462. (In Russ.)

Grigor'eva A.P., Shchirina S.V. Ot sostavitelei [Editorial note]. Andreeva M.F. *Perepiska. Vospominaniia. Stat'i. Dokumenty. Vospominaniia o M.F. Andreevoi* [Correspondence. Memoirs. Articles. Documents. Memoirs of M.F. Andreeva]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, pp. 3–6. (In Russ.)

Zlinchenko K.P. Komitet pomoshchi bezrabotnym [Committee for assistance to the unemployed], publ. by A.I. Naumova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 72: Gor'kii i Leonid Andreev. Neizdannaia perepiska* [Literary heritage. Vol. 72: Gorky and Leonid Andreev. Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 586–591. (In Russ.)

Malmstad J. Iz perepiski V.F. Khodasevicha (1925–1938) [From the correspondence of V.F. Khodasevich (1925–1938)]. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. T. 3* [Bygone: Historical almanac. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., Feniks Publ., 1991, pp. 262–291. (In Russ.)

Paperno I. *Semiotika povedeniia: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the realism era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 207 p. (In Russ.)

Tsvetaeva N.N. Biograficheskie narrativy sovetskoi epokhi: modeli distantsirovaniia ot ideologicheskikh norm [Biographical narratives of the Soviet era: models of distancing from ideological norms]. *Piatye chteniia pamiati Veniamina Iofe: Pravo na imia. Biografika 20 veka. Epokha i lichnost': rakursy istoricheskogo ponimaniia. 16–18 aprelia 2007* [5th proceedings in the memory of Veniamin Jofe: The right to a name. Biography of the 20th century. Epoch and personality: perspectives of historical understanding. 16–18 April 2007]. St. Petersburg, 2008, pp. 165–175. (In Russ.)

V.F. Khodasevich, “Gulliver” and the Soviet myth of Gorky

Valery A. Cherkasov

Abstract: The paper discusses the polemics between the leading columnist of the Parisian newspaper “Vozrozhdenie” Gulliver (V.F. Khodasevich) and Soviet memoirists of the 1920–1930s, whose memoirs canonized Gorky's personality. V.F. Khodasevich debunked mythical ideas about Gorky, established by Soviet ideology: pre-revolutionary social activism, friendship with Lenin and Stalin, the Tolstoyan genesis of creativity, the “perfect” marriage to Andreeva, sincerity, soulfulness, humanity of his spiritual appearance as a whole.

Keywords: Maxim Gorky, V.F. Khodasevich, source study method, the history of the Russian émigré criticism, memoirs.

Information about the author: Valery A. Cherkasov, Doctor Hab., Professor of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-349-357
УДК 821.161.1

А.М. Панченко. Лекция о Ломоносове

А.В. Кулагин

Аннотация: Публикуется текст лекции выдающегося учёного, академика Александра Михайловича Панченко (1937–2002) о поэзии Ломоносова, прочитанная на филологическом факультете ЛГПИ (ныне — РГПУ) имени А.И. Герцена в 1985 году. Фигура Ломоносова рассмотрена в лекции в историко-культурном контексте: обозначены истоки творчества поэта, его связь с барочной традицией, влияние немецких авторов, особенности версификации.

Ключевые слова: Ломоносов, ода, контекст, барокко, версификация.

Информация о публикаторе: Анатолий Валентинович Кулагин, д.ф.н., профессор Государственного Социально-гуманитарного университета, Коломна, Россия. E-mail: kula-mariya@yandex.ru

Настоящая публикация подготовлена на основе конспекта фактически не одной, а двух лекций о творчестве Ломоносова, прочитанных выдающимся литературоведом и культурологом Александром Михайловичем Панченко (1937–2002) на филологическом факультете Ленинградского госпединститута (ныне – РГПУ) имени А.И. Герцена 18 и 25 марта 1985 г. А.М. Панченко, работавший в Пушкинском Доме и специализировавшийся в области древнерусской литературы и русской литературы XVIII в., был приглашён тогдашним заведующим кафедрой русской литературы Н.Н. Скатовым прочесть курс истории русской литературы XVIII в. в связи с тем, что постоянно читавший этот раздел В.А. Западов находился на стажировке. Я был в ту пору аспирантом этой кафедры и, как большинство моих однокашников, посещал лекции известного учёного, для тогдашней «герценовской» молодёжной филологической среды бывшего фигурой, как сейчас говорят, культовой. На фоне идеологизированного советского литературоведения Панченко смотрелся как личность очень неортодоксальная, самобытная; его идеи казались порой спорными, но они никогда не были скучными. Научные труды и лекции филолога увлекали остротой — лучше сказать, заострённостью — научной мысли, прихотливостью ассоциаций, выявлением подспудного актуального смысла в явлениях прошлого и исторического смысла — в явлениях настоящего. Он не замыкался в сугубо литературоведческих рамках и, казалось, легко заходил на территорию смежных наук, превосходно

передавал культурно-психологическую атмосферу эпохи, о которой вёл речь, обращаясь даже к историческим анекдотам (читатель заметит это и в публикуемом тексте). И внешне он производил необычное впечатление: высокая, крупная фигура; глуховатый, как бы «нутряной» голос; ненавязчивая, но при этом очень убедительная, «профетическая» интонация; «настоящая» окладистая борода (а не интеллигентская бородка); часы на цепочке в жилетном кармане… Было видно, что это не поза, не «игра в историю», а сущность человека. Казалось, он пришёл откуда-то из глубинного прошлого – то ли из девятнадцатого века, то ли вовсе из допетровской Руси, из времён Грозного или Аввакума…

В постперестроечное время, в 90-е гг., Панченко получил возможность выступать на телевидении и стал широко известен как популяризатор русской истории и культуры. Сегодня уже не раз переизданы его избранные работы. Личности учёного и его трудам посвящён специальный сборник, выпущенный его коллегами по Пушкинскому Дому[1]. Цель же данной публикации – приоткрыть ту грань его деятельности, которая в силу самой своей специфики, относительной камерности, известна менее всего. Это – педагогическая работа. Надеюсь, что публикуемый текст лекции, в который я включил ссылки на упоминаемые лектором работы, может быть полезен преподавателям и студентам как пример адаптации научного материала (в частности, статьи Л.В. Пумпянского «Ломоносов и немецкая школа разума» (см. сноску 5), как раз незадолго до того опубликованной; опора на неё в лекции особенно ощутима), а возможно – и исследователям русской литературы XVIII века. Во всяком случае, он дополняет единственную специальную (популярную) работу Александра Михайловича о Ломоносове, опубликованную в дни юбилея поэта[2], примерно через полтора года после той лекции, которую, как и весь лекционный курс профессора Панченко, мне посчастливилось услышать и записать.

В памяти нации есть события-символы и люди-символы; к числу последних относится и Ломоносов. Национальная память как бы ваяет эти фигуры, отсекая слабости (например, Ломоносов не всегда был прав в своём русизме, порой поступался историческим материалом). Ломоносов – символ пансофии, всеобщей мудрости, которую искали и ищут люди. Удивляться тогдашнему энциклопедизму вроде бы и не стоит: было иное, чем сейчас, разделение наук. Музыка, например, считалась числовой наукой. И всё же Ломоносов – гений, которому всё подвластно. Г.А. Гуковский и П.Н. Берков сравнивали его с человеком Возрождения[3]. Но в Ломоносове не было того, что

[1] См.: А.М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы / Отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. СПб., 2008.

[2] См.: *Панченко А.* Сын Отечества // Лит. газ. 1986. № 47, 19 нояб. С. 3

[3] См.: *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века: [Учебник]. М., 1998. С. 100 (впервые издан в 1939 г.); *Берков П.Н.* Проблема литературного направления Ломоносова // Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 202 (работа 1962 г.).

А.Ф. Лосев называл обратной стороной титанизма (дьявольщина, страсти, выплеснуть которые позволил Ренессанс…).

Некоторая идеализация Ломоносова мешает правильно его понять. Между тем у него была бурная юность, не помешавшая, однако, образованию. Он ещё в холмогорский период своей биографии был знаком с основными принципами философии, этики, науки. Затем была учёба в Москве и в Германии, где Ломоносов освоил стереотип университетской студенческой жизни (бурши). В России подобного стереотипа не было – разве что бурса могла претендовать на такую роль. В Германии же устраивались студенческие застолья, обязательно с песней. Ломоносов был не только участником этой культуры в Германии, но и создателем её в России. Он полюбил немецкую культуру, особенно – поэта Гюнтера. В «Оде… на взятие Хотина» заметна ориентация на оды Гюнтера. Гюнтер, умерший в 1723 г., – тоже энциклопедист. Он учился на врача, а стал поэтом. Бродяга, пропойца, человек богемный и умерший в бедности, кумир студентов, хотя студенты – бюргеры, а бюргеры презирали Гюнтера. Но другое дело – бюргерская *молодость*… Гюнтер – плебей с чистолюбием, и Ломоносову это было близко. Он нашёл себе кумира по социальной горизонтали. У Гюнтера он нашёл и поэтические мотивы любви к науке, жажды славы. Знаменитая строка «Науки юношей питают» – прямой перевод из Гюнтера («Музы вознаграждают своих детей»).

В Москве в ту пору было известно такое поэтическое течение как силезское барокко (назову хотя бы Кульмана, заполонившего мистическими стихами Немецкую слободу и сожжённого в 1689 г. русским правительством как еретик). Но Гюнтер – поэт уже школы разума, близкой к Просвещению и классицизму. В его стихах нет барочной отягощённости деталями. Между тем, пристрастие Ломоносова к поэзии Гюнтера не означало отказа от барочной традиции, выразившейся у русского автора в тенденции к маринизму (от фамилии итальянского поэта Марúно), с присущим этому течению консентизмом (или, по Ломоносову, «сопряжением далековатых идей»). Марино был проповедником сенсуализма в поэзии: он полагал, что чувство питает интеллект, а зрение есть перст души, которым она касается внешнего мира. Маринизму присуща гипертрофия изобразительности и слуха. Поэт слушает музыку мира, которая претворяется в музыку души. Стих, согласно этому поэтическому учению, должен быть музыкальным.

Всё это есть и в поэзии Ломоносова – как и в поэзии Гюнтера, снисходительного к своим литературным противникам (то есть к ма-

ринизму) и оттого чуткого к их опыту. В ломоносовской брачной оде 1745 г. звучит мотив брака как возвращения в Эдем, в райский сад, поэтому барочная изобразительность здесь уместна.

Ломоносов ознакомился с немецкой версификацией и пытался приспособить её к русской, сделать тем самым шаг вперёд. В 1739 г. он прислал в Петербург, в Академию наук, «Письмо о правилах российского стихотворства», вызвавшее возражения Тредиаковского. Ломоносов (как и Тредиаковский) считал, что версификация должна соответствовать языку, но он не отказывается напрочь от заимствования (см. ниже). Он принимал идею стопы Тредиаковского, но возводил её в абсолютный принцип; отвергал примат женской рифмы, признавая мужскую и дактилическую; приложил к трактату практическое воплощение теории – «Оду на взятие Хотина». Ломоносов в теории предлагал различные размеры, но основными в его практике были четырёхстопный ямб (в одах) и александрийский стих (в «письмах» и «надписях»).

Ломоносов считал, что у каждого размера есть свой семантический ореол: ямб, как бы возлетающий вверх, от безударного к ударному слогу, органичен для героических од, хорей – для элегических стихов; в этом он ошибался. Но четырёхстопный ямб в самом деле стал «героическим» и вообще основным размером русской поэзии (Державин, Пушкин…). Его кризис выражен в пушкинском «Домике в Коломне»: «Четырестопный ямб мне надоел». Но кризис наступил лишь на время. Этот размер никуда не исчезает. Видимо, восьмисложник – наиболее приемлемый для декламирующего стихи размер: от выдоха до вдоха расстояние примерно в восемь слогов. Между тем, этот размер русской поэзией заимствован: все главные немецкие (и вообще европейские) оды написаны именно им.

Ломоносов вернулся в Петербург в 1741 г., при Анне Леопольдовне, и попал в среду академиков-немцев. Она ему была и близка и чужда одновременно. В неё входили и поэты. Вообще поэзия этого времени – это поэзия прежде всего Академии наук: здесь выделяются фигуры Юнкера (Ломоносов был знаком с ним по Германии) и Штелина (будущего биографа Ломоносова). Ломоносов поселяется в так называемом Боковом доме на Васильевском острове. Ему свойственны немецкий стиль поведения, привычки бурша, плебея (Штелином записаны анекдоты Ломоносова). Однажды на Большом проспекте на него напали разбойники – и он с ними справился. Одному из академиков грозил «поправить зубы»…

От живших в Петербурге немецких поэтов Ломоносов перенял ритуал прочтения оды. Для немцев-академиков, озабоченных ка-

рьерой, комплиментарная ода была своего рода службой. Но для Ломоносова она не является проявлением раболепия и сервилизма. В 1742 г. он переводит оду Юнкера на коронацию Елизаветы «Венчанная надежда…» К этому времени засилье немцев при дворе было уже позади; Юнкер и другие немцы боялись за свою судьбу. Но в этой оде – не только повышенная комплиментарность, но и защита наук, некая общая точка зрения Академии наук (ода, видимо, обсуждалась в Академии). Елизавета не жаловала науки, не была «философом на троне», предпочитала маскарады, наряды (в её гардеробе было пятнадцать тысяч платьев)… Но она была всё же одной из лучших правительниц XVIII в. – например, дала слово не применять смертную казнь.

Поэты, воспевавшие цариц, обычно обыгрывали значение их имён: София – *премудрая*; Анна – *благодать, блаженство*; у Ломоносова Елизавета – *тишина*[4]. Поскольку адресатом оды является женщина, ода должна быть эротически окрашена (об этом писал Л.В. Пумпянский[5]). Так будет не только у Ломоносова, но и у Державина в «Фелице» и даже у Гоголя в «Ночи перед Рождеством».

В немецкой сервильной поэзии звучал мотив защиты наук. Ода Ломоносова тоже – цивилизаторская; комплименты императрице – это комплименты покровительнице цивилизации. В одах Ломоносова постоянно возникает тень Петра, которого сам поэт никогда не видел, зато видел (в дни пребывания царя на Севере) его отец.

Судьба од Ломоносова не была счастливой. В эпоху Пушкина шёл спор об их ценности. Сам Пушкин относился к ним скептически, зато архаисты ценили высоко. «…в оде поэт бескорыстен», – замечал Кюхельбекер в 1824 г.[6] Вообще-то за оду полагалось вознаграждение, и в этом смысле поэт небескорыстен (бытовал анекдот о Ломоносове, зачерпывающем медь ковшом и идущем в кабак). Может быть, он бескорыстен потому, что не ищет славы? Нет: ни один одописец не был герметическим поэтом. Тынянов в статье «Ода как ораторский жанр» анализирует оду как явление не столько собственно поэзии, сколько красноречия. В «Поэтиках» XVI–XVIII вв. имелся раздел «Сильвии», относящийся и к риторике, и к поэзии. Не случайно Ломоносов «Поэтику» всё же не написал, а написал «Риторику», полагая, что его эпоха – это прежде всего эпоха риторики.

---

[4] В реальности имя *Елизавета* в переводе с иврита означает «заклинающая Бога».

[5] См.: *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век: Сб. 14. Л., 1983. С. 25–26.

[6] *Кюхельбекер В.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи.. Л., 1979. С. 454.

Так в чём же заключается бескорыстие одического поэта? В попытке – несмотря на очевидный элемент субъективности – дать объективную оценку деятельности монарха и вообще политической жизни эпохи. В одах Ломоносова нельзя «прочесть» его биографию, в них очень мало биографических реалий. То же можно сказать о Василии Петрове; в меньшей степени – о Державине. У Ломоносова «я» и «мы» взаимозаменяются свободно. Поэт – глашатай национальных и поэтических идей. Каких именно?

Во-первых, идея *translatio imperii* («странствие», переход власти). Даже наша современная история «строится» по царствиям. Идея «Москва – третий Рим» в петербургский период (а Ломоносов был первым поэтом петербургского периода нашей истории) не «замечается», но в национальном сознании постоянно присутствует. Имперская идея предполагает пространственный размах. Ломоносов первым из одических поэтов выразил идею российского пространства – «от… и до…» Дело здесь не в оппозиции по отношению к раздробленной Германии. Идея пространства имеет древнерусские корни. Например, в «Слове о полку Игореве» ярко выражен географический «полёт». Ломоносов не читал «Слова…», зато читал другие древние тексты. Важно в его оде и представление о времени, которое воспринимается как циклическое («колесо фортуны») и комуляционное (направленность времени) явление.

Во-вторых, идея *translatio studii* (переход знания, обучения). Пётр взял титул императора, исходя из понимания того, что высший промысел избрал наконец Россию. Политическому переименованию предшествовала лихорадочная научная деятельность (основание Академии наук и тому подобные шаги). Так вот, согласно указанной выше идее, Минерва – богиня мудрости – обходит все нации; музы – странствующие дамы. При Петре они переселились в Россию. В «Оде на день восшествия… 1747 года» сказано, что музы переселились в ту страну, которая сейчас обладает силой и возглавляется монархом-демиургом и монархом-меценатом: «Послал в Россию Человека, / Каков не слыхан был от века»; «Тогда божественны науки / Чрез горы, реки и моря / В Россию простирали руки…» Но Пётр умер: «И Музы воплем провожали / В небесну дверь пресветлый дух». Музы, однако, смутились: туда ли они попали? Но деятельность Екатерины I, Петра II, Анны и, наконец, Елизаветы есть продолжение деятельности Петра I.

В-третьих, идея *emulation* (соревнования). Каждая страна имеет шанс стать прибежищем муз. Но во вращении «колеса фортуны» есть опасность: можно оказаться в арьергарде. Значит, нужен посто-

янный труд. Ломоносов в оде 1747 г. пишет и об этом, вспоминая о времени Екатерины I и противопоставляя Петербург Парижу: «Ах, если б жизнь её продлилась, / Давно б Секвана постыдилась / С своим искусством пред Невой!» С этим связана и тема молодости нации, её естественного роста, вызванного развитием наук и языка.

В-четвёртых, идея *furor divinus* (божественного безумия) и близкого ему *furor poeticus* (поэтического безумия). Ломоносов настаивает на этой идее: «Священный ужас мысль объемлет»; «Восторг внезапный ум пленил, / Ведёт на верх горы высокой…» То есть – творить можно в состоянии экстаза. В этом проявляется ориентация не на ветхозаветного Бога, а на античных богов и титанов, на оппозицию хаоса и космоса. Поэт подобен Богу тем, что он превращает хаос в космос. Отсюда – присущее ему довоображение, или совоображение, которое Ломоносов считал (см. его «Риторику») важнейшим стилевым принципом оды, противопоставляя его силлогизму. Этого не мог принять Сумароков, осмеивавший в своих «вздорных» одах ломоносовскую манеру. В этом смысле Ломоносов – наследник барокко, о чём писал в своё время А.А. Морозов.[7] Согласно барочным представлениям, поэт – второй Бог. Он создаёт мир из небытия. Естественно-научные занятия Ломоносова-поэта укрепляли его в этой мысли. Поэтому Пушкин не прав, называя его стихотворство «должностным упражнением» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова»). Научные занятия есть наблюдения над хаосом и попытки перевести его в состояние гармонии. Ломоносов занимал в поэзии позицию исследователя, своего рода законодателя. Когда он изображает царя меценатом, он имеет в виду, по большому счёту, только одного Петра и как бы подменяет его собой, ставит себя на его место. Он, будучи поэтом и учёным, тоже конструирует космос.

Этот путь не мог быть перспективным, хотя многие поэтические находки Ломоносова в русской поэзии остались и укрепились (например, мотив географической протяжённости России в пушкинском стихотворении «Клеветникам России»; уже упоминавшийся нами четырёхстопный ямб как основной стихотворный размер…). Поэзия как общегосударственное дело может развиваться в эпохи государственного же становления (как это будет и в советскую эпоху, сделавшую акцент на «мы», на коллективное начало). Но впереди было осознание лирической природы поэзии в том смысле, что она станет выражением частной жизни. Уже Сумароков почувствует, что

[7] См.: *Морозов А.А.* Ломоносов и барокко // Русская литература. 1965. № 2. С. 70–96.

время программных од уходит; не случайно он выступит как автор песен (хотя и оды у него есть).

Ломоносов выразил поэтический восторг молодой нации, молодой культуры. Он – поэт елизаветинского века. При Екатерине он уже только доживал. Она его недолюбливала – возможно, за распри с немцами; уволила в отставку с половинным жалованьем (и с «утешительным» возведением в чин статского советника; он был до этого момента коллежским советником), но тут же спохватилась. При Екатерине действовал принцип: на крупных постах должны быть крупные люди (он действовал частично и при Александре I и окончательно сошёл на нет при Николае I). Ей подсказали, что Ломоносов – крупный человек. Она вернула его на службу, даже посетила лично. Благочестивый анекдот об этом посещении («Нет, не перо, а сердце моё писало» – с пафосом говорит Ломоносов императрице о своей оде в её честь) записан С. Глинкой со слов княгини Дашковой[8]. Но быть сервильным автором Ломоносов не мог – он обладал «благородной упрямкою». Ломоносов поднял русского поэта из социального ничтожества (в каковом пребывал, например, Тредиаковский) и сделал его общественной фигурой.

[8] См.: *Глинка С.* Записки. М., 2004. С. 271.

Литература

Морозов А.А. Ломоносов и барокко // Русская литература. 1965. № 2. С. 70–96.

А.М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы / Отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 432 с.

Панченко А. Сын Отечества // Литературная газета. 1986. № 47, 19 нояб. С. 3

Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 3–44.

References

Morozov A.A. Lomonosov i barokko [Lomonosov and Baroque]. *Russkaia literatura*, 1965, no. 2, pp. 70–96. (In Russ.)

A.M. Panchenko i russkaia kul'tura: Issledovaniia i materialy [A.M. Panchenko and Russian culture: Studies and materials], eds. S.A. Kibal'nik, A.A. Panchenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008. 432 p. (In Russ.)

Panchenko A. Syn Otechestva [Native Son]. *Literaturnaia gazeta*, 1986, no. 47, Nov. 19, p. 3. (In Russ.)

Pumpianskii L.V. Lomonosov i nemetskaia shkola razuma [Lomonosov and the German school of reason]. *XVIII vek* [18th century], issue 14. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 3–44. (In Russ.)

A.M. Panchenko. A lecture on Lomonosov

Anatoly V. Kulagin

Abstract: The published lecture was delivered by an outstanding scientist, academician Alexander Panchenko (1937–2002) at the Philological Faculty of Leningrad State Pedagogical Institute (now the Herzen State Pedagogical University of Russia) and is devoted to Lomonosov's poetry. Lomonosov is considered in historical and cultural context: the origins of the poet's creative works, his connection with the baroque tradition, the influence of German authors, aspects of versification.

Keywords: Lomonosov, ode, context, baroque, versification.

Information about the publisher: Anatoly Kulagin, Doctor Hab. of Philology, Professor at the State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia.
E-mail: kula-mariya@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-358-384
УДК 821.161.1

Из словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М.А. Сукенников. С.Н. Шиль)

К.М. Азадовский

Аннотация: Биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917» (с 1989 г. вышло пять томов: «Абаза К.К. – Солоницын В.Ап.») стал одним из наиболее масштабных проектов отечественного литературоведения. Значение словаря не только в итоговом корпусе (максимально точные и полные данные по биографиям около 2000 русских литераторов, включая библиографические и архивные указания), но и в том мощном импульсе, который получила историко-литературная наука в результате многолетней и скрупулезной работы над этим изданием. Словарь стал научной школой не для одного поколения исследователей; школой необычайно плодотворной и строгой. Создатели, авторы словаря и редакция «Литературного факта» надеются, что в следующем году – в год 30-летия первого тома, выйдет в свет 6-й том словаря, завершающий основной словник издания. К сожалению, строго ограниченный объем финального тома требует максимальной сжатости статей. Тут будет недопустима та свобода в подаче материала, которую обрели тома 3–5 (заинтересованные читатели видят разницу, сравнивая с первым томом, – когда редакция и авторы еще «робели» и оглядывались на пропорции БСЭ). Публикация расширенных (авторских) версий статей шестого тома «РП» приобретает особое значение – возможно, эта работа, проведенная последовательно, станет особым академическим проектом. «ЛФ» постарается предоставить свои страницы для препринтов этого проекта, его обсуждения – с возможной последующей реализацией томов «С – Я» в полном объеме.

Ключевые слова: Биографии писателей, энциклопедии и словари, М. Сукенников, С. Шиль, русская литература конца XIX – начала XX вв.

Информация об авторе: Константин Маркович Азадовский, член Германской академии языка и литературы (Дармштадт), председатель Исполкома Санкт-Петербургского ПЕН-клуба. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: azadovski@mail.ru

СУКЕННИКОВ Михаил Александрович (Одесса, 12.4.1876 – Дания, 1948), журналист, публицист, прозаик, драматург, театральный деятель, переводчик, издатель.

Дата рождения указана самим С. в «Автобиографии», помещенной в качестве предисловия к его кн. «Когда женщина созрела…» (Берлин, 1914). Там же автор сообщает о своем раннем детстве: «…В пятую годовщину моего рождения мне подарили первую книжку, и я едва перешагнул за восьмилетний возраст, когда я с гордостью выводил своими каракулями в дневнике: “Я ученик приготовительного класса одесской второй гимназии”» (с. VI). Литературное призвание, по словам С., проявилось у него рано. «Писать я начал, кажется, лет десяти, писал и прозу, и стихи, причем от прозы я был в восторге, а мои стихи мне самому не нравились. […] Моя беллетристика была сплошным подражанием Жюлю Верну…» (Там же, с. IX–X). С. сообщает далее, что, будучи еще гимназистом, он «нарушил все традиции одесского учебного округа» и напечатал свой первый рассказ «День в Пачерате (из воспоминаний старого художника)» в газете «Одесский листок» (1891, 23 июля[1]). Другой его рассказ появился приблизительно в то же время в журнале «Задушевное слово». «Заглавия его не помню, не то “Муций Сцевола”, не то “Юлий Цезарь”» (Там же, с. XIII). Свои школьные годы С. подробно описал впоследствии в очерке «Гимназия восьмидесятых годов» (Русская школа. 1904, № 4, с. 29–48; № 5/6, с. 27–50; № 7/8, с. 74–94; № 9, с. 61–71).

Закончив Вторую одесскую гимназию, С. в 1893–1894 служит вольноопределяющимся в 52-м Николаевском резервном батальоне. В середине 1890-х приезжает в Берлин, где в течение трех лет учится на медицинском факультете Берлинского университета. (Его брат Владимир (1878–?) – впоследствии известный специалист в области туберкулезных заболеваний; жена Надежда Сукенникова (1879–?) – также врач). В автобиографическом романе С., написанном онегинской строфой, сказано: «Мои студенческие годы / Провел в Берлине я, друзья, / Академической свободы / Был верным данником и я: / Средь юношей различных наций / Сидел у ног профессоров, / Следил за ходом операций…» и т.д. (Федор Волгин. Роман в стихах. Берлин, 1926, с. 63).

В 1897 С. переходит на философский факультет, где числится вплоть до середины 1900-х, что не мешает ему уже в конце 1890-х

[1] Публикации в российской печати приводятся по старому стилю; в западноевропейской – по новому.

подписываться как cand. phil. (см. письмо к Э.Л. Радлову от 21 дек. 1898 // РО ИРЛИ. Ф. 252, оп. 2, ед. хр. 1531). Академическим занятиям С.-студент явно предпочитал литературно-журналистскую и издательскую деятельность. Диапазон его интересов постоянно расширяется: С. пишет о политике, общественных проблемах, театре, литературе, известных людях, с которыми встречается и которых интервьюирует, но особенно часто – о положении русского студенчества за границей. Одна из его первых публикаций – статья «Несколько итогов движения University-Extension: (Распространение высшего образования)» (Научное образование. 1898, № 2). Другой, не менее актуальной для того времени проблеме была посвящена статья С. «Из истории борьбы за женское равноправие» (Северный вестник. 1898, № 6–7). В цит. письме к Э.Л. Радлову, редактировавшему «Журнал Министерства народного просвещения», С. предлагал к напечатанию «большую работу по вопросам о высшем женском образовании в Германии и о реформе среднего женского образования там же» (РО ИРЛИ. Ф. 252, оп. 2, ед. хр. 1531). Интерес к берлинским корреспонденциям С. проявляет «Вестник Европы», на страницах которого в течение 1899–1900 появляется несколько его статей, главным образом – о системе образования в Германии. В 1902 С. публикует брошюру «Первый конгресс русских студентов и студенток, учащихся за границей» (Берлин, 1902), в которой описывает бесправное положение русских студентов в Берлине, установленный за ними полицейский надзор, протесты немцев против «русского засилия» и т.п. (см. подробно: *Heidborn T.* Russländische Studierende an der Berliner Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880–1914. Diss. Bonn, 2009, S. 426–429).

Другая тема корреспонденций С. на рубеже веков (и позднее) – сионистское движение, к которому тяготела в то время известная часть революционно настроенной русской молодежи. В августе 1900 С. отправляется в Лондон на Четвертый Всемирный конгресс сионистов, участвует в выпуске (на гектографе) «ежедневника» Конгресса, одновременно информируя русских читателей о его ходе, своей беседе с М. Нордау и др. (см.: Одесские новости. 1900, 18 авг.). Эти настроения определяют тесное сотрудничество С. в 1899–1905 с такими изданиями русского еврейства, как газета «Восход» (СПб.) и одноименный журнал (с № 11 за 1899 – «Книжки Восхода»), в которых регулярно публикуются его «Берлинские письма», посвященные различным сторонам немецкой жизни, громким общественным событиям, известным политикам и деятелям культуры, очерки, на-

веянные поездками в Прагу, Париж, Лондон, Антверпен, Лемберг, а также – рецензии на произведения современных немецких авторов – Р. Демеля (пьеса «Сочеловек»), Г. Хиршфельда (пьеса «Матери») и др. (см.: «Восход» – «Книжки Восхода». Роспись содержания 1881–1906 гг. СПб., 2001; по указ.).

Уже в первые годы XX в. С. числится берлинским корреспондентом московской газеты «Новости дня» и газеты «Одесские новости», названной им позднее «газетной купелью», в которой он некогда «воспринял журнальное крещение от руки покойного А.Е. Кауфмана» (Время (Берлин). 1923, № 254, 28 мая). В начале 1900 С. помещает в «Одесских новостях» ряд корреспонденций, посвященных культурной жизни Берлина, прежде всего театральной: рассказывает о встрече с Г. Гауптманом и его новой пьесе «Шлук и Яу» (27 и 31 янв.), о постановке пьес М. Гальбе (18 февр.), о берлинских гастролях М.Г. Савиной в феврале 1899 (28 февр.), о берлинском «Сецессионе» (3 апр.) и т.д.

Знакомство с М.Г. Савиной занимает в биографии С. особое место. Еще до ее берлинских гастролей в марте 1899 он обратился к актрисе с «Открытым письмом», в котором рекомендовал ей пересмотреть репертуар труппы, исключив из него, в частности, «антисемитскую» пьесу А.С. Суворина «Татьяна Репина» и др. (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1899, 25 февр.; Савина не последовала этому совету). В Берлине С. встречался и беседовал с Савиной (о чем упоминается в его корреспонденциях), в дальнейшем переписывался с ней (фрагменты писем Савиной к С. за 1899–1900 см.: Изюминка (Москва). 1912, № 5). Савиной посвящена и первая одноактная пьеса С. – «Дети» (Берлин, 1902), переведенная, по его утверждению, на чешский язык и предполагавшаяся к постановке в Праге (см.: Новое время. 1903, 7/20 дек.).

К 1900 относится первое издательское предприятие С. – еженедельная «литературная, научная и политическая» газета «Запад». «Редакция надеется сделать свое издание […] существенным фактором в деле сближения русского народа с немецким как с носителем высокоразвитой культурности», – говорилось в редакционном предисловии к первому номеру (ноябрь 1900), в котором, среди прочих материалов, были помещены сказка Л. Толстого «Бык и муравейник» и статья М. Бубера «Мастера западноевропейской культуры». К участию в этом издании С. надеялся привлечь также Н.К. Михайловского (РО ИРЛИ. Ф. 181, оп. 1, ед. хр. 685) и А.П. Чехова (*ЛН*, т. 100, кн. 3, М., 2005, с. 422). Однако издание захлебнулось на первом же номере.

Через несколько лет С. пытается наладить в Берлине издание журнала «Кишинев» – после кровавого погрома в столице Бессарабии в апреле 1903 это название звучало весьма актуально. С 1903 по 1905 появилось шесть выпусков; в них публиковались статьи М. Горького, В.Г. Короленко и др. Соредактором С. был, по всей видимости, И.С. Мельник (1881? – 1931), укрывшийся за инициалами *И.М.*

О революционных настроениях С., явно тяготевшего и, возможно, принадлежавшего к социал-демократам, свидетельствует его литературно-издательская деятельность. Так, в 1902 он выпускает в Берлине книгу «Крестьянская революция на юге России. С письмами Л.Н. Толстого царю». В том же году в Берлине появляется книга «*М. Горький*. Три рассказа» с послесловием С. и указанием (на титульном листе): «Воспрещены русской цензурой», что не соответствовало действительности и вызвало раздраженную реакцию со стороны Горького (см. его письмо к С. от 15 сент. 1902 // *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 3. Письма. 1902 – ноябрь 1903, с. 99). Наконец, в 1903 С. издает в Берлине (со своим предисловием) книгу «*М. Горький*. Революционные песни и баллады», включив в нее «Песню о Соколе» с произвольно введенными в нее добавлениями, усиливающими ее агитационную направленность; их автором был, скорее всего, сам С. (см. подробнее: *Балухатый С.* «Песня о Соколе» // М. Горький. Материалы и исследования. III. М.; Л., 1941, с. 172–173). Вольное обращение С. с текстами других авторов не раз обсуждалось в русской печати и лит. кругах, вызывая в его адрес открытые обвинения. Так, именно С. приписывалась фальсификация (публикация апокрифических глав с анонимным предисловием), осуществленная в 1902–1903 в Берлине в отношении нашумевшей сатиры А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (см.: *Az Nevtelen*. Штрихи к биографии М.А. Сукенникова: https://ru-history.livejournal.com/4810402.html). Авторов и организаторов этого подлога Амфитеатров называл «литературными мародерами» (см.: *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 2, с. 96, 448).

Журналистская деятельность С. как «берлинского корреспондента» нескольких русских газет и журналов была в те годы весьма интенсивной; на сегодняшний день выявлены далеко не все его публикации в русской печати, тем более что многие из них С. подписывал либо *М. С-ов*, либо *М.С.*, либо *С.* или *S.* (некоторые же, по всей видимости, появлялись анонимно). Отвечая в 1907 на обвинения и откровенно антисемитские выпады нововременского журналиста

Н.К. Мельникова, С. сообщил, что его журнальная продукция за 1895–1905 насчитывает «около 600 страниц» (Новое время. 1907, 24 авг.).

В годы Первой русской революции С. покидает Берлин и переезжает в Петербург, где энергично пытается утвердить себя как драматург, переводчик и режиссер-постановщик. В начале 1906 в петербургском «Новом театре» была поставлена «драматическая сказка» Г. Гауптмана «Пиппа пляшет» в его переводе. Спектакль, как отмечал один из рецензентов, большого успеха не имел: «Поставили и сыграли пьесу по обыкновению… […] Мало помалу для зрителя выясняется, что перед ним символы, как о том предупредительно анонсировала и г[оспо]жа [З.А.] Венгерова» (Русь. 1906, 9 (22) февр.). В 1907 С. публикует одноактную пьесу «9-е термидора»; одно из важнейших событий Французской революции (переворот 27 июля 1794, положивший конец якобинской диктатуре) соотнесено в этой пьесе с современной российской ситуацией. Весной 1907 эта пьеса была поставлена на сцене Нового Василеостровского театра. В театральный сезон 1908/09 С. ставит несколько спектаклей в Петербургском театре В.А. Неметти. Его антреприза отличалась либеральными устремлениями и пользовалась вниманием прессы. На сцене театра Неметти была сыграна, в частности, комедия самого С. «Депутат», в которой осмеивались выборы в Государственную Думу (премьера 15 нояб. 1908). После закрытия Петербургского театра С. переносит свою деятельность в Екатерининский театр; здесь в марте – апреле 1909 проходят под его дирекцией «драматические камерные спектакли» (режиссеры – сам С. и А.П. Зонов). В марте 1909 была поставлена двухактная «сказочная драма» С. «Вихрь» (режиссер А.П. Зонов; автор выступал под псевдонимом *Apostata*); спектакль полностью провалился. По отзыву критика И. Осипова (Абельсона), С. «самоубийственно испортил этой пьесой литературный облик своего театра» (Обозрение театров. 1908, 12 марта). В следующем году С. выпустил ту же пьесу под собственной фамилией – в сборнике, объединившем три его пьесы: «На рубеже», «Вихрь» и «Депутат» (СПб., 1910).

Количество драматических произведений, вышедших из-под пера С.-драматурга и С.-переводчика, в действительности значительно превышает число опубликованных или поставленных им пьес. Электронный каталог Гос. Театральной библиотеки (СПб.) указывает следующие произведения, сохранившиеся в машинописи: «Домик в предместье» (драма в 4-х действиях; ценз. разрешение – 1899); «За кулисами» (одноактная драма; ц.р. – 1900); «Трудовик»

(1906; не дозволено цензурой); «Жертва воспитания» (драма в 3-х действиях, совместно с А. Пановым; ц.р. – 1907); «Тайна факира» (драма в 4-х действиях; ц.р. – 1907); «14-е июля» (1908; не дозволено цензурой); «Провинциалка из Лиона» (фарс; ц.р. – 1910); «Наказанье» (скетч в 1-м действии; ц.р. – 1912) и др. (см.: http://ek.sptl.spb.ru/cgi_bin/irbis64r_11cgiirbis_64exe) К этому перечню следует добавить сохранившуюся в гранках и не дозволенную цензурой пьесу «14 июля» (1908).

«Каталог произведений членов Союза драматических и музыкальных писателей […] с 1903 г. по 1 сентября 1910 г.» (СПб., 1910) указывает, кроме того, одноактную драму «В годовщину», составившую вместе с пьесой «Дети» драматическую трилогию «Сильные», а также – комедии «Гимназисты» и «Сон Анны».

Что касается переводческой деятельности С., то, помимо перевода пьесы Г. Гауптмана «Пиппа пляшет», «Каталог…» сообщает о следующих его переводах: две пьесы Г. Хейерманса («В еврейском квартале» и «Молись и трудись»); пьеса Г. Бара «Хоровод» (совместно с И. Осиповым); трагедия Р. Бер-Гофмана «Президент Верховного суда (граф Чаролей)» (совместно с А. Пановым); «Без пяти» (фарс в 3-х действиях; пер. с франц.); «Жених шестилетней девочки» («переделанный» фарс в 3-х действиях).

Живя в 1907–1912 попеременно в обеих российских столицах, С. устанавливает сотрудничество с редакциями ряда газет («Столичная молва», «Раннее утро», «Голос Москвы» и др.), выступая то как «специальный корреспондент» этих изданий, то как редактор, уполномоченный заказывать материал другим авторам. В ноябре 1910 С. отправляется в Астапово, чтобы информировать оттуда (телеграфом) «Петербургскую газету», а также газеты «Раннее утро» (Москва) и «Южный край» (Харьков) о последних днях и кончине Л.Н. Толстого.

Наряду с драматургией и журналистикой, С. пытается в эти годы заняться – без особого успеха – издательской деятельностью. С 7 января 1908 он издает (на правах рукописи) ежедневный одностраничный листок «Столичные бюллетени» (вышло 7 номеров). С именем С. как редактора-издателя связана также недолгая история московских журналов «Граммофонная жизнь» (1911–1912) и «Изюминка» (январь 1912; вышло 5 номеров). В этих журналах С. систематически публикует то публицистические заметки и «фельетоны», то одноактные пьесы (например, «Император французов» // Изюминка. 1912, № 3, 15 янв.), то «песенки» немецких авторов «для кабаре» (Д. фон Лилиенкрон, Л. Пфау, Г. Фальке) в своем переводе. Именно

в этих изданиях впервые появляется псевдоним *Робур* (видимо, от латинского «robur» (сила, твердость), либо по имени героя романа Ж. Верна «Робур-Завоеватель», 1886).

Журналистская работа С. сопровождается на рубеже 1911–1912 чередой скандалов (которые, впрочем, случались и ранее). Поводом каждый раз служили «разоблачительные» публикации С. (на страницах «Граммофонной жизни» и в других изданиях), затрагивающие знакомых и незнакомых ему людей. Это наносит серьезный ущерб его репутации и вызывает ряд ответных откликов (см.: *Богемский Д.* Навозная куча // Граммофонный мир (СПб.). 1911, № 20, 1 нояб.; [Б.п.] Осколки // Московская газета. 1912, 7 янв.; *Лопатин Н.* Пасквилянты // Утро России. 1912. 8 янв.). Венцом «обличительной» деятельности С. стала его книга «Петербургская гниль. Точки над i» (Берлин, 1913). Попытавшись изобразить закулисную жизнь российского театрального мира, С. собрал в своей книге немало сплетен и слухов и назвал в этой связи ряд известных имен. Он не пощадил ни Ф.И. Шаляпина («большой певец с хамскими манерами и мелкой душонкой»), ни Н.Н. Ходотова («устроил из своей квартиры кабак для актеров и литераторов»), ни купца А.А. Бахрушина («меценатствует на гроши, а шумит на целый рубль»), ни актрису Иолшину, жену Е.Н. Чирикова («ничтожное дарование»). «Совершенно понятно, – писал об этой книге один из рецензентов, – почему книга С. вышла за границей. Целый ряд страниц этой книги содержит совершенно ясную клевету, при наличности которой предприимчивому автору не миновать бы тюремного замка́» (*Фортунатов Л.* [*Василевский И.М.*] Сплетни или разоблачения // Журнал журналов (Пг,). 1915, № 12, с. 9). Раздавались, впрочем, и отдельные голоса в защиту журналиста, якобы не побоявшегося изобразить российскую театральную «кухню». «На меня со всех сторон сыплются нападки, – жаловался С. в письме от 3 окт. 1913 А.А. Измайлову, – и все, кому не лень, сделали из моей книги повод, чтобы сыграть роль спасителей русского театра» (РГАЛИ. Ф. 227, оп. 3, ед. хр. 30). В том же письме С. сообщает, что готовится выпустить «вторую книгу о театре» под названием «Театр как сон и действительность» (не обнаружена).

Скандал вокруг книги «Петербургская гниль» положил конец журналистско-издательской, писательской и театральной деятельности С. в России; с конца 1913 он вновь в Берлине. «По воле судьбы я поселился в Берлине, где восстановил старые связи и знакомства», – сообщал он М.М. Гаккебушу 29 янв. 1914 (РГАЛИ. Ф. 157, оп. 1, ед. хр. 129). Наиболее важной среди этих «связей» было берлинское издательство Генриха Каспари (? – 1914), выпу-

скавшее, в частности, книги на русском языке. С именем С. связаны два романа, изданные у Каспари под псевдонимом *Брут*: «Адмирал Чагин» (1913) и «Петербург» (1914). Судя по ряду признаков, главным образом стилистических, их автором был именно С. (прямых подтверждений не обнаружено).

Герой первого романа – известный контр-адмирал И.И. Чагин (1860–1912), участник Цусимского сражения, покончивший с собой при неясных обстоятельствах, которые породили немало домыслов и слухов; некоторые из них имели политическую подоплеку (на императорской яхте «Штандарт», которой командовал Чагин, была якобы обнаружена типография, выпускавшая революционные прокламации, и т.п.). Однако в романе С. все сводится к любовной драме человека, «у которого была большая любящая душа, погибшая из-за большой любви своей…» (см. авторское вступление к роману, с. XVI). По этой причине «Адмирал Чагин» был воспринят современниками как «заказное» произведение, написанное с целью «замести следы» и скрыть истинную причину гибели контр-адмирала.

В романе «Петербург», который можно рассматривать как продолжение или вариацию «Петербургской гнили», автор вновь изображает «болото», именуемое петербургским театром (с. 100). Продажная столичная печать (газета «Петербургский глашатай» т. е. «Петербургский листок»), беспринципные журналисты (Аркадий Вениаминович Этлингер, т.е. А.В. Руманов), интриги и сплетни, взбаламученное море российской жизни накануне Первой мировой войны, и на этом фоне – трагедия юной Клавдии Кальманович, кончающей жизнь самоубийством.

В том же издательстве Г. Каспари появляется под псевдонимом *Робур* сборник «Когда женщина созрела…» (1914), составленный из 20 рассказов (характерные названия: «Герой романа», «Моралистка», «Без блузки», «Мужа надо любить» и т.п.). В аналогичной стилистике выдержана и книга С. «Женщины. Письма к неизвестному. Роман» (СПб., 1916), изданная под его собственной фамилией. Банальные по своей фабуле, эти произведения близки к бульварной литературе. Впрочем, среди откликов появлялись и снисходительно-благосклонные оценки. «Он [Сукенников] не дал нам характеристику женщин или “женщины”, – писал один из рецензентов по поводу романа “Женщины. Письма к неизвестному”. – Он ничего не прибавил и ничего не изменил в известном, уже веками выработанном толковании их психологии. Он только описал любовь нескольких женщин к интересному мужчине – видному писателю.

Но описал он это хорошо» (*Овод Ев.* [*Сокол Е.Г.*] Книга о любви // Чернозем (Пенза). 1916, 1 марта).

В 1914 С. приезжал в Россию (в феврале, если верить его позднейшим воспоминаниям в шведской газете «Stockholms-Tidningen» (1944, 26 мая), он провел вечер с Распутиным). С началом Первой мировой войны он оставляет Берлин и перебирается в Копенгаген где, выучив датский язык, начинает сотрудничать с местной прессой (газета «Extrabladet» и др.). Впрочем, крупных публикаций С. за эти годы не выявлено. Возможно, находясь в Дании, он занимался преимущественно (и негласно) политической публицистикой, которая особенно увлекала его как журналиста (см., например, его предисловие к сб. «“Живой труп 17-го октября…” Из ответа гр. С.Ю. Витте А.И. Гучкову…». СПб., б.д.). Можно предположить и более активное участие С. в политических «играх» военного времени; впоследствии он пытался восстановить отдельные обстоятельства закулисной дипломатии 1910-х (см. письма к нему И.И. Колышко 1931–1933 // РГАЛИ. Ф. 2293, оп. 1, ед. хр. 101). Современный шведский историк сообщает, что С., будучи «меньшевиком», писал в то время «газетные обзоры для руководителей социал-демократической партии, поддерживал контакты с немецким посольством и лично с Гельфандом-Парвусом» (*Björkegren H.* Ryska posten: de ryska revolutionärna i Norden 1906–1917. Stockholm, 1985, p. 378). Ясно, во всяком случае, что позиция С. была в тот период откровенно антимилитаристской и обличительной по отношению к официальной России. «Я пробовал в начале 1915 г. протестовать против той великой лжи, которая свила себе гнездо в русской печати после начала войны, – заявлял С. в письме к М.К. Лемке, – но “Новое время” и “Вечернее время” объявили меня за это государственным преступником, и мне говорили, что даже радикальствующий “День”, в ту пору весьма далекий от мира без аннексий и контрибуций, писал что-то в роде того, что знаменитые 15 миллионов, данных японцами на русскую революцию 1905 года, теперь даны мне немцами на агитацию против России. Все это была сплошная ложь и гнусность…» (РО ИРЛИ. Ф. 661, ед. хр. 1070, л. 2; письмо не датировано; судя по содержанию – 1917). Об его «антипатриотических» настроениях в тот период упоминает и датский историк Б. Енсен, утверждающий, что в эмигрантской среде С. «считался весьма сомнительной личностью, вызывавшей постоянные споры и пересуды» (*Енсен Б.* Среди цареубийц…, с. 232).

После 1917 С. становится глашатаем политических групп, выступавших – и в России, и в Западной Европе – за прекращение войны и заключение мирного договора. В начале 1918 он выпускает

в Копенгагене на датском языке книгу-памфлет «Lenin – Trotzki. De blodige dage i Rusland» («Ленин – Троцкий. Кровавые дни в России»), тогда же появившуюся и в шведском переводе (Упсала, 1918). Автор приветствует большевистский переворот и «мирную политику» новой власти (Б. Енсен называет его даже «рупором большевиков»), однако аргументация С. производит странное впечатление. Так, Троцкий оказывается у него продолжателем Достоевского, якобы ведущим Россию… к новой «красоте». Позже, в эпоху «красного террора», С. отмежевывается от большевизма.

Около 1920 С. возвращается в Берлин. Пытаясь найти свою «нишу» среди русских эмигрантских изданий, он сближается с редакцией берлинской «литературной, политической и экономической» (с 1920 – еженедельной) газеты «Время» (1919–1925), становится членом редколлегии и постоянным автором, публикующим на ее страницах свои публицистические статьи, очерки и рассказы, подписанные главным образом псевдонимом *Робур*. Темы печатных выступлений С. многообразны и связаны, как правило, с русской эмиграцией, к которой он в целом относился критически. С известными русскими эмигрантами и политическими объединениями С. почти не общался и держался обособленно, чему, возможно, способствовала его репутация как автора «Петербургской гнили» и книги о Ленине и Троцком.

В письме от 28 июля 1933 к писателю А.П. Бурову (наст. фамилия – Бурд) С. утверждал, что в 1920-е он «был сотрудником крупнейших немецких газет», что «многократно, множество раз выступал с русскими темами» по радио и т.д. (РГАЛИ. Ф. 2274, оп. 1, ед. хр. 77; оригинал на нем. яз.). Удостоверить (или опровергнуть) это утверждение сложно. Однако в течение 1920-х и в начале 1930-х С. действительно помещает ряд корреспонденций в немецких изданиях, причем нередко – свои очерки или интервью, уже публиковавшиеся ранее по-русски (например, о смерти Чехова в Баденвейлере, о своем посещении Э. Фёрстер-Ницше, сестры философа, в Веймаре летом 1904, и др.). В этих публикациях нередко проскальзывают и автобиографические штрихи. Так, печатая свои «журналистские воспоминания» о встрече с Ароном Симановичем, секретарем Распутина, в Немецком клубе в Петербурге (встреча происходила, скорее всего, в 1908), С. сообщает, каким образом ему удалось получить в аренду Екатерининский театр (см.: Neues Wiener Journal. 1929, 6. Jan.). Разумеется, не все «воспоминания» С. заслуживают доверия: некоторые из них явно беллетризованы.

Несомненный интерес представляют те мемуарно-журналистские публикации С., в которых он повествует о своих знакомствах и встречах с датскими знаменитостями: актером немого кино В.Э. Псиландером, писателем и журналистом Петером Нансеном, писательницей Карин Микаэлис (сохранилась переписка С. с ней и ее мужем, писателем С. Микаэлисом, за 1916–1932) и др. Эти статьи публикуются в основном по-немецки; сотрудничество С. в русской эмигрантской печати в первой половине 1930-х гг. минимально (известно лишь о нескольких публикациях в бухарестской газете «Наша речь»).

После прихода к власти нацистов С. покидает Германию; одно время живет в Австрии, затем – в Праге (1934–1937); совершает поездки в Польшу и Норвегию. В интервью корреспонденту одной из пражских газет С. заявлял, что знаком «с ведущими политиками чешской нации» – Т.Г. Масариком, К. Крамаржем, что в начале столетия он встречался с Ф.Л. Ригером, главой Чешской национальной партии, что знает лично известных театральных деятелей Чехословакии (интервью не атрибутированному чешскому изданию; цит. по газетной вырезке). Живя в Праге, С. хлопотал о датском подданстве. Трудами датского исследователя Б. Енсена установлено, что в конце 1938 С. уже находился в Копенгагене, откуда его собирались выслать, но после обращения к датскому министру иностранных дел он получил разрешение остаться в стране.

В 1930-е С. выступает в новом качестве – как коллекционер рукописей. В его письме (май 1934) к И.П. Демидову, одному из редакторов парижских «Последних новостей», приведен список различных автографов, которыми он в то время располагал; среди них – письмо императрицы Анны Иоанновны, письма Екатерины II, Николая I, Александра II, 8 писем князя А.М. Горчакова, письмо Герцена, два письма И.С. Тургенева, письмо художника В.В. Верещагина и др. (РГАЛИ. Ф. 2293, оп. 1, ед. хр. 26, л. 45). 10 сент. 1925 в письме к А.И. Свирскому, в то время – члену правления Всероссийского союза писателей, С. предлагал для будущего Литературного музея (в Доме писателей на Тверском бульваре) материалы, относящиеся к Герцену (см. ответное письмо Свирского: РГАЛИ. Ф. 2993, оп. 1, ед. хр. 69).

Особую ценность представлял собой дневник императрицы Марии Федоровны (датской принцессы Дагмары) за 1915, оказавшийся в руках С., который – после ее смерти – он предлагал различным редакциям для публикации (копенгагенской «Berlingske Tidende», рижской «Сегодня», парижским «Современным запискам» и др.).

Публикация состоялась в «Последних новостях» в июле–августе 1933 (со вступительной статьей П.Н. Милюкова и сопроводительным комментарием С., выполнившего также перевод на русский язык). Кроме того, историю этого дневника С. поведал летом 1933 в интервью датской газете «Extrabladet». Впоследствии дневник исчез, и судьба его в настоящее время неизвестна (см.: *Кудрина Ю.В*. «Нас ждут ужасные времена…» (Императрица Мария Федоровна и ее дневники) // Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005, с. 17–19; *Енсен Б*. Среди цареубийц… с. 192–194).

В конце 1930-х гг. С. неоднократно выступает на страницах скандинавских периодических изданий (чаще всего – в Extrabladet). В шведской печати (Göteborgs-Tidningen и др.) появлялись в 1938 его очерки о пребывании в Гетеборге чешского композитора Б. Сметаны (сообщил М. Юнггрен). Есть сведения и о публикациях С. в норвежских газетах.

В октябре 1943 почти ослепшему С. удается перебраться из оккупированной Дании в нейтральную Швецию (Мальмё); в течение 1944 он регулярно помещает свои статьи в газете «Stockholms-Tidningen». В 1945 возвращается в Данию, где и проводит последние годы жизни (его сын Александр обосновался в США еще в 1920-е).

Место смерти С. до настоящего времени не установлено.

Статьи, очерки и отдельные изд.: Реформы женского образования в Германии // Вестник Европы. 1899, № 6; Съезд немецких антисемитов // Восход. 1899, № 42, 10 окт.; Внешкольное просвещение народа в Германии // Вестник Европы. 1899, № 11; Народные театры и народные развлечения в Германии // Вестник Европы. 1900, № 1 и 2; Русская драма на немецких сценах // Северный курьер. 1900, 21 марта; Берлинская ежедневная пресса // Вестник Европы. 1900, № 8; Немецкие симпатии бурам // Одесские новости. 1900, 22 февр.; Вырождение натурализма // Одесские новости. 1900, 28 июля; Максим Горький в немецкой прессе // Одесские новости. 1901, 5 июня; Что читают немецкие рабочие // Русское богатство. 1901, № 6; Вольнослушательницы в Берлинском университете // Русская школа. 1902, № 1; Пасха (перевод стихотворения Б. фон Мюнхгаузена) // Будущность (СПб.). 1902, № 14, 5 апр.; Из жизни студентов // Восход. 1902, № 19, 9 мая; У Ивана Франко. (Письмо из Берлина) // Новости дня (Москва). 1902, 27 окт.; Лембергская «драматургия» [о еврейском «жаргонном» театре в Лемберге] // Восход. 1902, № 45, 7 нояб.; № 47, 21 нояб.; № 48, 28 нояб.; «На дне» Горького в Берлине // Новости

дня. 1903, 15 янв.; Берлинские письма // Южные записки (Одесса). 1903, № 5, с. 191–194; Письма из Берлина. Митинг против цензуры // Южные записки. 1903, № 9, 7 марта; Гр[аф] Л.Н. Толстой как криминалист. Берлинские письма // Южные записки. 1903, № 10, 14 марта; Отголоски кишиневских дней // Южные записки. 1903, № 17, 16 мая; Отношение Теодора Моммзена к евреям // Восход. 1903, № 43, 25 окт.; Народные библиотеки и читальни в Берлине // Русская мысль. 1903, № 12; Последние дни Чехова // Русская правда (Москва). 1904, 11 июля; Еврейская самооборона // Восход. 1905, № 42–43, 27 окт.; Как подготовлялся кременчугский погром // Восход. 1905, № 44–45, 11 нояб.; Бельгийская школа // Русская школа. 1906, № 1; Сенни Гой [о смерти немецкого публициста] // Новости дня. 1906, 20 февр.; Из записной книжки интервьюера. (Фантазия) // Новости дня. 1906, 6 марта; Чехов в Германии // Театр и искусство (СПб.). 1909, № 27, 5 июля; Тургенев на немецкой сцене // Театр и искусство. 1909, № 30, 26 июля; Ницше, Тургенев и Виардо. Неопубликованный эпизод // Раннее утро (Москва). 1910, 12 мая; Музей самоубийств // Раннее утро. 1910, 19 мая; Алексей Толстой у немцев // Раннее утро. 1910, 12 июня; Чехов у немцев // Раннее утро. 1910, 2 июля; Чехов у немцев. (К чеховской годовщине) // Керчь-Феодосийский курьер (Керчь). 1912, 3 июля; В Баденвейлере // Керчь-Феодосийский курьер. 1912, 13 июля; На могиле Уайльда. (Письмо из Парижа) // Рампа и жизнь (Москва). 1912, № 25, 17 июня; Здесь умер Чехов // Рампа и жизнь. 1912, № 27, 1 июля; Берлинские впечатления // Рампа и жизнь. 1912, № 28, 8 июля; № 29, 15 июля; Ницше и Пушкин // Илл. прилож. к газ. «Далекая окраина» (Владивосток). 1912, 30 сент.; Русское кредитное общество в Берлине // Южанин (Кременчуг). 1912, 6 дек.; Фельдфебель царя Ирода [очерк] // Голос Москвы. 1912, 25 дек.; Русское искусство в Берлине // Голос Москвы. 1913, 23 янв.; Вильгельм II и искусство // Голос Москвы. 1913, 12 мая; Ида Рубинштейн // Голос Москвы. 1913, 23 июня; Мария из Вифании. Пьеса в одном действии. СПб., 1914; Under den russisk-danske Literatur-Konventions Tegn // Bogvennen. Dansk-norsk Literaturtidende (København). 1916, № 2, 25 oct.; О «сионских протоколах» // Время (Берлин). 1921, № 168, 19 сент.; Маленький фельетон [о спектаклях «Синей птицы»] // Время. 1922, № 183, 2 февр.; В орбите Витте. (Из миазмов ящиков Пандоры) // Время. 1922, № 209, 3 июля; № 211, 31 июля; Среди эмигрантов // Время. 1922, № 224, 30 окт.; «Господам молодым». (Весенний гротеск) [рассказ] // Время. 1923, № 248, 16 апр.; Эмиграция. Показания под наркозом // Время. 1923, № 270, 17 сент.; Письмо из Веймара // Время. 1924, № 290, 11 февр.; Из дальних странствий возвратясь…

[о книге Д'Аннунцио] // Время. 1924, № 303, 12 мая; Литература или Октябрь? [обзор советских журналов] // Время. 1924, № 320, 8 сент.; Гомерический плач [обзор советских журналов] // Время. 1924, № 329, 10 нояб.; Маленькие преувеличения [о М.Г. Савиной] // Время. 1924, № 331, 24 нояб.; Wie ich dem Zarenmörder ins Auge sah… Aus meinen journalistischen Erinnerungen // Neues Wiener Journal. 1929, 13. Januar; Wie Psylander starb. Persönliche Erinnerungen // Neues Wiener Journal. 1929. 17. März; Begegnung mit Peter Nansen. Aus meinen Erinnerungen // Neues Wiener Journal. 1929, 20. April; Nietzsche, Dostojewski und Turgenew. Gespräch mit Nietzsches Schwester // Neues Wiener Journal. 1929, 28. April; Wie Karin Michaelis lebt und arbeitet // Frankfurter Zeitung. 1932, 6. März; Glimtar av Nietzsche // Stockholms-Tidningen. 1944, 13 oct.; Glimt af Nietzsche // Morgenbladet (København). 1945, 27. juli.

Лит.: *Равдин Б.*, *Флейшман Л.*, *Абызов Ю.* Русская печать в Риге: Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов. Кн. III. Конец демократии. Stanford, 1997, с. 203–206 (письмо С. от 25 апр. 1933 в редакцию газ. «Сегодня»); *Азадовский К.М.* Русские в «Архиве Ницше» // Ф. Ницше и философия в России. Сборник статей. СПб., 1999, с. 114–122; *Николаев Д.Д.* «Время» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Периодика и литературные центры. М., 2000, с. 85–90; *Енсен Б.* О русском журналисте Михаиле Сукенникове // Енсен Б. Среди цареубийц: Вдовствующая императрица, семья последнего русского царя и Запад / Пер. с датского. М., 2001. с, 231–234; *Азадовский К.М.* «Летающий репортер». Штрихи к биографии Михаила Сукенникова // Русский Берлин. Международная научная конференция 16–18 декабря 2002. М., 2006, с. 263–285; *Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009, с. 346–347 (письмо автора к С. от 13 марта 1932). *Az Nevtelen*. Дневники императрицы: Кудрина vs Енсен: https://ru-history.livejournal.com/3145586.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4123 (письма С. к А.С. Суворину 1899–1907); ф. 2293 (рукописи и переписка С. на рус., нем. и датском языках; см.: Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ (по состоянию на 1 октября 1993). М.; Париж, 1994, с. 28). Материалы С. имеются также в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге.

ШИЛЬ (Шилль) Софья Николаевна (13.09.1863, Санкт-Петербург – 18.06. 1928, Москва; дата смерти уточнена по письму А.Н. Шиль, сестры Ш., к И.Ф. Масанову // РГАЛИ. Ф. 317, оп. 1, ед. хр. 403), детская писательница, прозаик, очеркист, поэт, переводчица, педагог.

Семья по отцовской линии – немецко-французского происхождения. Дед Николай Осипович (? –1842) – петербургский фабрикант и торговец. Отец – Николай Николаевич (1828–1887) заведовал финансовым отделом Главного общества российских дорог; о своей матери Александре Васильевне (1843? – ок. 1920) Ш. вспоминала, что она была «нравственно ненормальна», «пустая, поверхностная и бессердечная» (Мои записки. Воспоминания // Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (далее – ОРКиР). Ф. 11, карт. 1, ед. хр. 13, л. 9). Старший брат отца (крестный отец Ш.) Иосиф (Осип) Николаевич Шилль (1825–1870) – экономист, профессор кафедры русской истории и статистики Александровского ун-та (Гельсингфорс); член имп. Русского Географического общества, автор работ по экономике; по утверждению Ш., близкий знакомый Достоевских, сотрудничавший в их журналах. «По своим убеждениям он был настоящий *почвенник* и как нельзя лучше подходил к журналу Достоевских *Время*» (ОРКиР. Ф. 11, карт. 1, ед. хр. 13, л. 12). Его памяти Ш. посвятила стихотворение (опубликовано: *Овчинкина И.В.* О Софье Шиль и ее наследии // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. К 60-летию образования Отдела. М., 2008, с. 73–74). О своей семье и детстве в родительском доме Ш. вспоминала в стихотворении «Исповедь»: «Я испытала все: на утре вешних дней / Печали детские и тщетно жажду ласки; / Меня баюкали таинственные сказки / Моей любимой няни, и одна / Меня голубила и нежила она. […] Потом пришла пора пытливого сомненья / И детской веры первое крушенье» (ОРКиР. Ф. 11, карт. 3, ед. хр. 20, л. 180).

Окончив частную гимназию в Петербурге (1879), Ш. поступила на ист.-лит. отделение Высших Женских педагогических курсов в СПб., которые окончила в 1885 с золотой медалью. В течение нескольких лет преподавала французский язык в Пензенской женской гимназии. В 1894 переехала в Москву, сотрудничала в журнале «Артист», помещая на его страницах (анонимно) свои заметки и переводы.

Ранние годы Ш. отмечены напряженными поисками собственного пути – как в общественной жизни, так и в литературе. «Вся

моя молодость, – писала Ш. 10 мая 1907 писательнице О.П. Богдановой-Руновой, – прошла в уродливой, чуждой мне сфере, я съежилась и ушла в себя и только из себя могу что-нибудь выудить для творчества. Уж как я горячо принимаю к сердцу всякое движение в нашей русской трагедии – а перевоплотить этого не могу! Стоит же той жизни коснуться лично меня – сейчас является стихотворение. И все мои стихи ничто иное, как исповедь» (РГАЛИ. Ф. 425, оп. 1, ед. хр. 42, л. 14). Однако стихи, которые Ш. писала начиная с 1880-х, занимают в ее литературном наследии второстепенное место. Восемь ее стихотворений впервые появились в «Вестнике Европы» (1896, № 6, с. 753–758); в письме к В.Я. Брюсову от 11 окт. 1902 Ш. упоминает, что эти стихи опубликовал – без ее ведома – В.С. Соловьев (НИОР РГБ. Ф. 386, карт. 109, ед. хр. 1, л. 1). Позднее Ш. помещала свои стихи в детском журнале «Маяк» (1913), журнале «Нева» (1914) и др.

Литературно-общественная деятельность Ш., весьма разносторонняя, определяется искренним и страстным народолюбием, характерным для русской интеллигенции второй половины XIX в. Ш. открыто сочувствовала освободительным тенденциям в русском обществе (особенно в период 1905–1907). Своей основной задачей она считала просвещение «народа», пребывающего в нищете и невежестве, и рассматривала литературу как одну из возможностей для осуществления этой основной – воспитательной – задачи. В каких бы жанрах ни выступала Ш., она писала «для народа», преимущественно для детей и юношества. (Начиная с середины 1890-х она публикует свои произведения под литературным псевдонимом *Сергей Орловский*, который сохраняет до конца жизни.) Герои ее литературных произведений, как правило, дети и подростки; с пониманием и сочувствием Ш. описывает их печали и радости, отношения друг с другом и миром «взрослых». «Детское» содержание определяет характер и стиль ее прозы – простой, доступной, живой. Наиболее значительное из детских произведений Ш. – «История Мурочки» (1900; опубл. – 1904, отд. изд. – 1907), «повесть о современной детской жизни», имеющая «психологическую подкладку» и изображающая «переход от детства к предчувствию жизни и ее великих задач, расцвет души и ума в начале отрочества» (из письма Ш. к А.Н. Альмедингену, 1900 // РО ИРЛИ. Ф. 260, ед. хр. 363, л. 35).

С 1895 литературная деятельность Ш. тесно связана с петербургскими детскими журналами. В 1895–1897 она публикуется в журнале «Детский отдых». Однако основным изданием, с которым Ш.

сотрудничает на протяжении более 20 лет, становится «Родник», иллюстрированный журнал для детей и юношества (его редактировали А.Н. Альмединген и его дочь Н.А. Альмединген). Широкая социально-образовательная программа этого журнала, ориентированная на идеалы русского народничества, была близка Ш., охотно помещавшей на его страницах свои рассказы, сказки и очерки. Кроме того, в 1900-х «Родник» печатает серию ее очерков по истории русского и итальянского искусства, рассказы о художниках и т.д. (см.: *Юдина И.М.*, *Иванова Л.Н.* Архив Альмединген. (Из истории детской журналистики) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 16).

Первая книга Ш. была посвящена опальному арабскому поэту, певцу, лютнисту, композитору и педагогу IX в. Зириабу (Зирьябу) аль-Мугани, нашедшему приют в последние десятилетия своей жизни в испанской Кордобе (*Орловский С.* Зириаб. Повесть из жизни арабов в девятом веке. СПб., 1895; ценз. разрешение – нояб. 1894; 2-е изд. под заголовком «Певец-изгнанник. Исторический роман для юношества»: СПб., 1913).

Наряду с литературой, Ш. видела свое призвание в преподавательской и просветительской деятельности. В окт. 1897 она выступила учредителем (вместе с московским адвокатом С.А. Левицким) Пречистенских курсов для рабочих, где читала (бесплатно) лекции по русской литературе. Впоследствии Ш. неоднократно писала о Пречистенских курсах. Она также нередко выступала с публичными лекциями о русских писателях, выделяя в их творчестве прежде всего гражданскую проблематику. «Читаю теперь р[усскую] литературу в 3-х местах, – сообщала она О.П. Богдановой-Руновой 17 янв. 1907, – и все одно и то же: Новиков, Радищев, декабристы, Пушкин, Рылеев… просто во сне могу рассказывать. Особенно повезло Радищеву. О нем уже читала 4 раза по 1 ½ часа» (РГАЛИ. Ф. 425, оп. 1, ед. хр. 43, л. 9). Свое понимание русской литературы как самоотверженного «служения» во имя народа Ш. изложила в работе «Русские писатели – апостолы свободы» (Родник. 1917, № 7–9; отд. изд.: Пг., 1917). «Наши писатели столько страдали за свои книги, – восклицала Ш., – так смело ратовали за свободу и человеколюбие, что скорбный их список можно сравнить с летописью о христианских мучениках» (с. 3–4).

Позднее, пытаясь обобщить и осмыслить свой преподавательский опыт, Ш. написала небольшую работу по методике преподавания литературы в народной аудитории (см. ее анкету для Всероссийского Союза писателей от 29 мая 1921 // РГАЛИ. Ф. 131, оп. 1, ед. хр. 286).

Одним из кумиров Ш. был Лев Толстой, которого она посетила в апреле 1899 (см.: Воспоминания С.Н. Шиль [вечер у Толстого] / Публ. К. Шохор-Троцкого // *ЛН*., т. 37–38. М., 1939, с. 520–523); была также знакома с его дочерьми. С конца 1890-х Ш. сотрудничала в толстовском издательстве «Посредник» и печатала свои произведения в «Библиотеке Горбунова-Посадова для детей и юношества». «Я всегда сочувствовала этой деятельности Посредника на пользу нашего народа», – признавалась она в письме к А.Н. Альмединген 23 янв. 1898 (РО ИРЛИ. Ф. 260, ед. хр. 363, л. 15).

Живо интересуясь проблемой внешкольного образования и желая познакомиться с деятельностью народных и крестьянских университетов, Ш. совершила несколько поездок в Западную Европу (в 1899 она побывала в Вене; летом 1905 – в Скандинавии). «Была у д[окто]ра Вестерлунда [дочь Э. Вестерлунда – сноха Льва Толстого. – *К.А.*] несколько дней в Энчепинге, – описывает Шиль свое путешествие 13/26 июня 1905 А.Н. Альмединген (из Швеции), – потом прожила около двух недель в прелестной Упсале, потом поехала морем вдоль берегов Швеции на юг и теперь живу – т.е. пью воды и беру ванны – в прелестном местечке Роннебю, где останусь еще три недели, а отсюда поеду в горы близ Кристиании» (там же, л. 74 об.–75). В следующем письме Ш. (открытка из Норвегии от 24 авг. / 7 сент. 1905) сказано: «Выучилась уже читать по-шведски и каждый день читаю Svenska Dagbladet [Ежедневная шведская газета. – *К.А.*], и узнаю о том, что делается у нас дома. Так бы и полетела туда, где столько горя и бед! Когда же свергнем мы с себя это позорное иго» (там же, л. 75).

Результатом поездок Ш. оказался ряд путевых очерков и книг: «Народный университет в Вене. Его возникновение и настоящая организация» (М., 1903); «Путешествие по Норвегии» (М., 1903; изд. 2-е – М., 1915), «В горах Норвегии. (Из путевых заметок)» (Вестник Европы, 1906, № 10 и № 11); «Клубы мальчиков в Стокгольме» (М., 1907); «Очерки Швеции. Выпуск 1. Высшая народная школа в Швеции» (М., 1911).

Наряду с художественной прозой и путевыми очерками, Ш. охотно писала популярные статьи. Ее перу принадлежит ряд биографических эссе о деятелях западноевропейской и русской культуры, писателях и художниках, в том числе – Гоголе, Гюго, Диккенсе, А.А. Иванове, Белинском, Тургеневе. Последний пользовался особой любовью Ш., и на протяжении своей жизни она постоянно обращалась к Тургеневу, изучала его наследие. Осуществить удалось лишь несколько публикаций: Тургенев в переписке с П. Гейзе (Пе-

чать и революция, 1925, № 7); Лирика молодого Тургенева. (Лирическое стихотворчество Тургенева). Опыт описания. Прага, 1926 (рец. П.Н. Сакулина: Печать и революция. 1927, № 2); и др. Влияние Тургенева сказалось и в оригинальном литературном творчестве Ш., писавшей, в частности, «стихотворения в прозе» (см.: Родник. 1914, № 2). Состояла членом Тургеневской комиссии при Обществе любителей российской словесности, в которое вступила в 1909.

Глубоко и восторженно приверженная русской классической культуре, Ш. в то же время чутко откликалась на современные веяния в области литературы и искусства; особо интересовалась символистами. Это отразилось прежде всего в ее стихах: гражданственные мотивы, «некрасовское» начало сочетаются в них с романтикой в лермонтовском духе, импрессионистическими мотивами и «декадентскими» темами одиночества и тоски (о поэтическом наследии Ш. см.: *Овчинкина*... с. 75–88). Ш. явно тянулась к кругу русских модернистов, посещала собрания Литературно-художественного кружка и заседания московского Религиозно-философского общества, была лично знакома с Брюсовым, пыталась поместить свои стихи в «Северных цветах». «Это те люди, которые единственные в Москве не считают, что “сапоги выше Шекспира”, и я знаю, что среди них я не чувствовала бы себя одинокой», – писала Ш. своей знакомой Л.А. Коломийцевой 12 февраля 1901 (НИОР РГБ. Ф. 358, карт. 288, ед. хр. 19, л. 3 об. 4). О некоторых из писателей-символистов (Л. Андрееве, Бальмонте, Мережковском, Ф. Сологубе) Ш. читала публичные лекции. Тяготение к символизму определило также интерес Ш. к таким западноевропейским писателям и художникам, как А. Бёклин, Г. фон Гофмансталь, М. Метерлинк, О. Уайльд и др.

Ш. переводила с немецкого, французского, английского и шведского языков. Начав в 1894–1895 с перевода отдельных глав из книги Рихарда Мутера «История живописи в XIX в.», она перешла в дальнейшем к переводам современной западноевропейской литературы. В 1902–1903 Ш. увлекается творчеством Г. фон Гофмансталя. «Это поэт новой школы и один из самых выдающихся среди немцев», – писала она С.А. Полякову 16 мая 1903, предлагая издать в «Скорпионе» книгу стихотворных пьес австрийского писателя в своем переводе (ИМЛИ. Ф. 76, оп. 3, ед. хр. 218, л. 1–1 об.; издание не состоялось). Переведенную Ш. пьесу Гофмансталя «Авантюрист и певица» И.И. Горбунов-Посадов отправил Чехову и, рекомендуя переводчицу как «одну из талантливых сотрудниц наших», приложил к своему письму, наряду с переводом, «прекрасную» книжку Ш. о Норвегии и ее переводы «очень милых рассказов» бельгийского писателя Э.

Демольдера (НИОР РГБ. Ф. 331, карт. 41, ед. хр. 15). Книжку о Норвегии Чехов прочитал и одобрил, тогда как пьеса Гофмансталя ему не понравилась, что побудило Ш., со своей стороны, письменно обратиться к писателю; подробно рассказав о Гофманстале, она просила Чехова высказаться о пьесе и выполненном ею переводе (НИОР РГБ. Ф. 331, карт. 63, ед. хр. 29; письмо от 7 февр. 1904). Чехов на ее письмо не ответил.

Пять переведенных Ш. драм Гофмансталя («Смерть Тициана», «Безумец и смерть», «Женщина в окне», «Свадьба Зобеиды», «Авантюрист и певица») появились в другом московском издательстве *(Гофмансталь Г. фон*. Драмы. Пер. С. Орловского. М., 1906), вызвав критический отзыв В.О. Нилендера: «Его [С. Орловского] перевод – не более как бесцветный пересказ, переполненный собственными банальными выражениями и оборотами» (Золотое руно. 1906, № 11–12, с. 156). Тем не менее, отдельные драмы Гофмансталя в переводе Ш. появлялись на русской сцене; так, в марте 1909 в петербургском Екатерининском театре была поставлена драма «Безумец и смерть».

Помимо Гофмансталя и Демольдера, чьи детские рассказы, объединенные в сборнике «Сердце бедных», дважды публиковались отдельным изданием (М., 1903, 1914), Ш. переводила Э. Карпентера (…Я поднимаюсь из тьмы. Избранные стихотворения в прозе. Edward Carpenter. Towards Democracy. М., [1907]; издание открывается кратким предисловием Ш.), О. Уайльда (сказка «Соловей и роза»), рассказы С. Лагерлёф (см.: *Лагерлёф С.* Дева мира. М., 1906, 1912) и – эпизодически – других авторов (Байрона, Верлена, Данте Габриэля Россетти, Новалиса).

Ш. пробовала свои силы и на драматургическом поприще. Наибольшее внимание читателей привлекла к себе ее стихотворная драма «Сказание об Алом Цветке» (СПб., 1909) – попытка воссоздать «в преображенном виде» сказку Аксакова для «будущего народного театра». «Чего только нет в цветке, – иронизировал критик А. Левинсон, – и живопись, и литература, и бледные царевичи Нестерова, и гамаюны Виктора Васнецова, и много чего другого. И все напрасно. […] Пора, наконец, понять, что ни “народ” (в будущем), ни просто современный читатель не могут кормиться объедками с декадентского стола» (Современный мир. 1909, № 4, с. 108). Более благосклонным и даже сочувственным был отзыв Ю. Айхенвальда, назвавшего это произведение «красиво написанной и красиво изданной драмой». «Сжато и стильно движется диалог, – отметил критик. – […] “Сказание” проникнуто живым настроением, которое

невольно заражает читателя […] переносит в чарующий мир глубокомысленной сказки» (Русская мысль. 1909, № 6, с. 138).

При жизни Ш. удалось напечатать еще одну пьесу – «Сердце Эльфы, или Очарованный лес» (Родник. 1912, № 12; совместно с М.А. Хованец). Однако в анкете от 29 мая 1921 она указала (в числе неопубликованных рукописей) «две драмы в стихах» (РГАЛИ. Ф. 131, оп. 1, ед. хр. 286, л. 1 об.). Вероятно, имеются в виду пьесы «Два брата» и «Сказание о безумной душе», составившие вместе со «Сказанием об Алом Цветке» своего рода драматическую трилогию (см. недатированное письмо А.Н. Шиль к И.Ф. Масанову // РГАЛИ. Ф. 317, оп. 1, ед. хр. 403). Сохранились также рукописи пьес «Сказание о двух братьях и о горлинке-надежде. Драма для народного театра» (Севастополь, 1919) и «Над бездной» (обе – в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина).

Особое и весьма заметное место в биографии Ш. занимает ее встреча и переписка с Р.-М. Рильке и Л. Андреас-Саломе. После личного знакомства, состоявшегося в Берлине 15/28 дек. 1899, Ш. деятельно помогала при подготовке их второго путешествия по России (весна–лето 1900). Она ввела Рильке и Андреас-Саломе в круг своих московских друзей, также увлеченных народническими настроениями (Л.В. Лепешкина, С.А. Левицкий, князь С.И. Шаховской и др.). Переписка Ш. с Рильке охватывает 1899–1911, при этом некоторые из писем поэта (например, о пьесах Чехова или встрече с Толстым в Ясной Поляне 19 мая 1900) представляют собой ценные историко-литературные свидетельства. Следы переписки с Рильке ощутимы в некоторых произведениях Ш. – см., например, рассказ «Зимний день в Харланихе» (Родник. 1903, № 12), где использован фрагмент из написанного по-русски письма Рильке к Ш. от 29 декабря 1900 (с. 604). Ш. перевела также пьесу Рильке «Здесь и в час нашей смерти» (1896; в переводе Ш. – «В последний час») и ряд его стихотворений из разных сборников. В 1927 она написала воспоминания о Рильке и перевела на русский язык его письма и письма Л. Андреас-Саломе к ней (видимо, перед тем, как отправить подлинники в Германию).

В начале Первой мировой войны Ш. работает в Комиссии по образованию библиотек для раненых (см. ее письмо к М.В. Сабашникову от 8 сент. 1914 // НИОР РГБ. Ф. 261, карт. 7, ед. хр. 7). Болезненное состояние побуждает ее (как и в предыдущие годы) к длительному пребыванию в Крыму. Осенью 1916 в Феодосии Ш. присутствует на лекции М.А. Волошина «Жестокость в жизни и ужасное в искусстве», знакомится с ним и вступает в переписку (см.: *Купченко В.П.*

Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества 1877–1916. СПб., 2002, с. 411, 414). О ее жизни в 1917–1921 известно немного. С конца 1916 она находилась в Феодосии, где пыталась, в частности, продолжать свою лекторскую деятельность. «Я читаю лекции солдатам в казармах и в Сов[ете] Раб[очих] депутатов, – писала она Н.А. Альмединген 2 июня 1917. – Раз читала у нас в горах под открытым небом – нагорная проповедь! Меня здесь рвут на куски» (РО ИРЛИ. Ф. 260, ед. хр. 363, л. 23). Из Феодосии Ш. перебралась в Севастополь, где в течение 1920–1921 была написана книга стихов в прозе под названием «Сердце Отчизны» (не опубликована). Можно предположить, что события гражданской войны и картины свирепствовавшего в Крыму революционного террора положили конец народническим иллюзиям Ш.

Из Крыма Ш. вернулась в 1921. «Все наше петроградское состояние, картины, бронзы, обстановка реквизированы; мое московское добро тоже пропало, пока я 4 ½ года мучилась в Крыму», – сообщала она П.Н. Сакулину 23 авг. 1922 (РО ИРЛИ. Ф. 272, оп. 2, ед. хр. 170). В Москве продолжала преподавать (на рабфаке), занималась историко-литературной работой, связанной прежде всего с Тургеневым. Работала над книгой «Безверие Тургенева. Материалы для исследования его духовной драмы»; к середине 1927 было написано восемь глав. «Но это такая тема, с которой и не нужно вовсе торопиться, в печать нынешнюю она не попадет», – писала Ш. 12 авг. 1927 писателю А.А. Демидову, своему близкому другу тех лет (РГАЛИ. Ф. 165, оп. 2, ед. хр. 80, л. 7–7 об.). Работа осталась в рукописи (см.: *Овчинкина*…с. 112).

Наиболее крупная публикация Ш. этих лет – книга о Тургеневе, изданная в зарубежном издательстве «Пламя»: «Лирика молодого Тургенева. – Лирическое стихотворчество Тургенева. Опыт описания» (Прага, 1926). Книга прошла незамеченной; единственный известный отклик – одобрительная заметка П.Н. Сакулина. отметившего серьезность и новизну исследования. Труд Ш., по мнению рецензента, подвел «библиографические итоги» изучению тургеневской лирики и «внес немало коррективов как в самый текст, так и в датировку отдельных произведений» (Печать и революция. 1927, № 2, с. 187). Продолжая свои историко-литературные изыскания, Ш. в те годы обратилась также к наследию забытого писателя И.Т. Кокорева, написала о нем популярный очерк и научную статью, переданные ею в редакцию журнала «Печать и революция» (см. письмо Ш. к В.П. Полонскому от 5 апр. 1925 // РГАЛИ. Ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 368, л. 2); однако ни одна из ее работ о Кокореве не увидела света.

В 1922 Ш. создает в Москве литературно-художественный кружок «Камена» и остается до смерти его бессменной председательницей. Целью Кружка, подчеркивала Ш. в письме к С.Н. Дурылину 15 янв. 1926, приглашая его к участию в «Камене», является «научная работа и доклады членов, а также чтение собственных худ[ожественных] произведений» (РГАЛИ. Ф. 2980, ед. хр. 910). По замыслу Ш., «Камена» была призвана противостоять современному «бескультурью» и обскурантизму. Восхищаясь книгой Сакулина о В.Ф. Одоевском, она писала автору 2 янв. 1927, что «перед такими редкостными книгами еще больше ненавистна современность, где поколение за поколением отрезаны и отброшены от столбового пути нашего русского и европейского духовного бытия» (РГАЛИ. Ф. 444, оп. 1, ед. хр. 999, л. 25). В «Камене» выступали профессора и известные деятели культуры, читались доклады по философии, эстетике, литературе, истории живописи и т.д. За время своего существования Кружок (довольно пестрый по составу слушателей) провел множество заседаний, посвященных различным темам; его участниками в разное время были А.А. Андреева, Н.Л. Бродский, А.К. Горский (А. Горностаев), Л.Я. Гуревич, А.А. Демидов, Т.Г. Мачтет, Н.И. Радциг (товарищ председателя), С.Д. Фомин, И.Р. Эйгес и др. Намечался к изданию альманах «Камена» (не состоялся).

К годовщине смерти Рильке Ш. готовила в «Камене» большой вечер его памяти, назначенный на 29 дек. (в Доме Ученых). «Читать доклад буду я, – сообщала Ш. 17 нояб. 1927 И.А. Белоусову, – воспоминания и письма его ко мне» (РГАЛИ. Ф. 66, оп. 1, ед. хр. 1039, л. 8; сведений о проведении вечера не обнаружено). Последнее заседание «Камены», посвященное памяти самой Ш., состоялось 16 дек. 1928.

Похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве (могила сохранилась).

Изд.: Перечень (неполный) отдельных книг и журнальных публикаций Ш. 1895–1915 гг., см. в статье: *Овчинкина...* с. 111; см. также: *Сергей Орловский (С.Н. Шиль)*. Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения / Сост., автор вступ. статьи и коммент. И.В. Овчинкина. М., 2017, с. 289–292.

Публ.: Жаба. Сказка // Детский отдых. 1895, № 4; Слезы богини Изиды. Рассказ из древнеегипетской жизни // Родник. 1895, № 5; Наташин ангел. (Рождественская сказка) // Детский отдых. 1895, № 12; Железные дороги и Джордж Стифенсон. М., 1903; Жизнь Диккенса, рассказанная детям. М., 1904 (2-е изд. – М., 1912); История Мурочки // Родник. 1904, №№ 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24 (отд. изд. – М., 1907); Жизнь Фридриха Шиллера // Родник. 1905, № 9, 10, 11 и 12; Вечерние сказки // Родник. 1908, № 13–14, 18, 19, 20, 21; Памяти редактора «Родника» [об А.Н. Альмедингене] // Родник. 1909, № 3; И.С. Тургенев. Его жизнь и труды. Биографический очерк, М., 1910; О религиозных исканиях

Тургенева // Русская мысль. 1911, № 9, II отд. (то же, в др. редакции, – в кн.: О Тургеневе. Русская и иностранная критика / Сост. П.П. Перцов. М., 1918, с. 153–173); Из жизни наших писателей. Лит. очерки. С портретами писателей, памятными листками и указателями книг для самообразования. СПб., [1913]; Из жизни Гамсуна // Русское слово. 1913, 5 сент.; Ермолай из Раева. (Деревенский случай) // Родник. 1915, № 12; Приключение [сказка] // Солнышко (СПб.). 1917, № 1; Вечно живое (1897–1910 г.) // К 25-летию Пречистенских рабочих курсов: 1897–1922. М., 1922 (то же в кн.: Пречистенские рабочие курсы: Первый рабочий университет в Москве. Сборник статей и воспоминаний к 50-летию курсов (1897–1947). М., 1948); К истории московского литературно-художественного кружка «Камена» / [Публ. И.В. Овчинкиной] // Новое литературное обозрение. 2010, № 105; Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения. Сост., автор вступ. статьи и коммент. И.В. Овчинкина. М., 2017.

Публ. писем Рильке и Л. Андреас-Саломе к Ш. (на нем. языке и в рус. переводе) имеет свою историю. Наибольшую известность получило письмо Рильке от 20 мая / 2 июня 1900 (о посещении Ясной Поляны); оно было впервые напечатано в 1928 г. (Das Inselschiff (Leipzig), H. 4) и впоследствии неоднократно перепечатывалось и цитировалось. Первая рус. публ. этого письма: *Зайденшнур* Э. Р.М. Рильке у Толстого // *ЛН*, т. 37–38. М., 1939, с. 708–712. Письма Рильке к Ш. публиковались в Германии наследниками Рильке (см.: *Rilke R.M.* Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902. Leipzig, 1931). В рус. переводе (К. Азадовского) – *ВЛ*. 1975, № 9. Письма Л. Андреас-Саломе к Ш. (13 пп. в переводе К. Азадовского) – в кн.: Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи / Изд. подготовил К. Азадовский. СПб., 2003. 11 писем Рильке и 6 писем Л. Андреас-Саломе в переводе самой Ш. опубликованы И.В. Овчинкиной в кн.: Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. С. 92–111; стихи Рильке и его одноактная пьеса «Сегодня и в час нашей смерти» в переводе Ш. – в кн.: *Сергей Орловский (С.Н. Шиль)*. Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения, с. 141–155.

Воспоминания Ш. о Рильке начали публиковаться в 1971 (см.: *Азадовский К.*, *Чертков Л.* Русские встречи Рильке // *Рильке Р.-М.* Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971, с. 368–369). Бóльшая их часть опубликована в кн.: Рильке и Россия. С. 572–587. Полностью – в кн: *Сергей Орловский (С.Н. Шиль)*. Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения. С. 91–102.

Лит.: Словарь членов Общества любителей Российской Словесности при Московском университете. 1811–1911. М., 1911, с. 213–214; Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова. СПб., 2010, т. 2, с. 581–582; *Овчинкина И.В.* «Соблазн вольного строительства» // Новое литературное обозрение. 2010, № 105, с. 69–71; *Овчинкина И.В.* «Я только в отраженье вижу безоблачные небеса…» // *Сергей Орловский (С.Н. Шиль)*. Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения, с. 13–58.

Архивы: ОРКиР НБ МГУ (ф. 11, 59 ед. хр.; подробное описание фонда см.: *Овчинкина И.В.* О Софье Шиль и ее наследии, с. 111–116); Архив Музея им. А.А. Бахрушина (ф. 308); НИОР РГБ (ф. 358, письма к Л.А. Коломийцевой); РО ИРЛИ (ф. 377, автобиография и список работ; ф. 260, письма к А.Н. Альмедингену и Н.А. Альмединген; ф. 619, письма к Р.М. Рильке и Л. Андреас-Саломе); ИМЛИ (ф. 485, оп. 1, ед.хр. 206 и 207, стихотворения), РГАЛИ (ф. 131, оп. 1, ед. хр. 286, анкета 1921; ф. 590, автобиография; ф. 444, письма к П.Н. Сакулину).

Литература

Азадовский К.М. Русские в «Архиве Ницше» // Ф. Ницше и философия в России. Сборник статей. СПб., 1999. С. 114–122

Азадовский К.М. «Летающий репортер». Штрихи к биографии Михаила Сукенникова // Русский Берлин. Международная научная конференция 16–18 декабря 2002. М.: Русский Путь, 2006. С. 263–285

Енсен Б. О русском журналисте Михаиле Сукенникове // Енсен Б. Среди цареубийц: Вдовствующая императрица, семья последнего русского царя и Запад / Пер. с датского. М., 2001. С. 231–234.

Овчинкина И.В. О Софье Шиль и ее наследии. Приложение: Письма Райнера Марии Рильке и Лу Андреас-Саломе к Софье Николаевне Шиль (1900–1901 гг.) // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей [НБ МГУ им. М.В. Ломоносова]. [Вып. 8]. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 69–118.

References

Azadovskii K.M. Russkie v “Arhive Nietzsche” [Russians in Nietzsche’s archive] *F. Nietzsche i filosofiya v Rossii. Sbornik statej* [F. Nietzsche and Philosophy in Russia. A collection of essays]. St. Petersburg, 1999, pp. 114–122. (In Russ.)

Azadovskii K.M. Letayushchij reporter. Shtrihi k biografii Mikhaila Sukennikova [Flying Reporter. Notes to Mikhail Sukennikov’s Biography]. *Russkii Berlin. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia 16–18 dekabria 2002* [*Russian* Berlin. International scholarly conference, Dec 16–18, 2002]. Moscow, Russkii Put' Publ., 2006, pp. 263–285. (In Russ.)

Jensen B. O russkom zhurnaliste Mikhaile Sukennikove [On the Russian journalist Mikhail Sukennikov]. Jensen B. *Sredi tsareubiits: Vdovstvuiushchaia imperatritsa, semia poslednego russkogo tsaria i Zapad* [Among regicides: Empress Dowager, the last Russian Tsar’s family and the West], transl. from Danish. Moscow, 2001, pp. 231–234. (In Russ.)

Ovchinkina I.V. O Sof'e Shil' i ee nasledii. Prilozhenie: Pis'ma Rainera Marii Rilke i Lou Anders-Salome k Sof'e Nikolaevne Shil' (1900–1901 gg.) [On Sofia Shil and her legacy. Appendix: Rainer Maria Rilke and Lou Andreas-Salomé Letters to Sofia Nikolaevna Shil’, 1900–1901]. *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy. Iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisei NB MGU im. M.V. Lomonosova. Vyp. 8* [Manuscripts. Rare Editions. Archives. From the funds of the Rare Books and Manuscripts Department, Lomonosov Moscow State University Library. Issue 8]. Moscow, Vodolei Publ., 2008, pp. 69–118. (In Russ.)

Articles from the Dictionary of Literary Biography Russian Writers, 1800–1917 (M.A. Sukennikov. S.N. Shil')

Konstantin M. Azadovsky

Abstract: The Dictionary of Literary Biography *Russian Writers, 1800–1917* (since 1989 there appeared 5 vols – *Abaza K.K. – Solonitsyn V. Ap.*) is among the most ambitious projects in our literary studies. The *Dictionary* containing about 2000 Russian men of letters and having provided a huge corpus of the most exact and comprehensive data including bibliographical and archival indexes, gave a powerful impetus to the literary history in the course of the long-term meticulous work on the edition. The *Dictionary* was a stimulating and strict professional school for a generation of scholars. Founders, authors and the editorial board of *Literaturny Fact* expect the 6th volume, the last one of the *Dictionary*, to be published in the coming anniversary year (30 years ago the first volume appeared). Unfortunately strictly limited wordage of the last volume requires conciseness and laconicism; creative freedom typical for the vols. 3-5 (attentive readers can see the difference between vols. 3-5 and 1-2, when the editorial board and the authors were still trying to follow the patterns of the Great Soviet encyclopedia) is impossible. Hence publishing of the enlarged versions of the articles from vol.6 is very important – it is quite possible that this consistent work will become a full-fledged academic project in itself. *Literatrny Fact* plans to publish the preprints and discussions to present the last volume of the *Dictionary* in full. In this issue of *Literaturny Fact* read articles on the Russian writers and translators Mikhail Sukennikov (1876–1948) and Sofia Shil' (1863–1928).

Keywords: literary biography, encyclopedia, dictionary, M. Sukennikov, S. Shil', XIX-early XXth century Russian literature.

Information about the author: Konstantin M. Azadovsky, a member of the German Academy of Language and Literature (Darmstadt), Chairman of the Executive Committee of the St.-Petersburg PEN-club. St.-Petersburg, Russia.
E-mail: azadovski@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

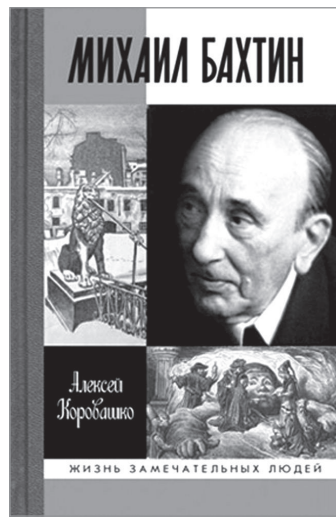
DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-385-391
УДК 821.161.1

Опороченная жизнь философа

Tarnished life of a philosopher

Коровашко А. Михаил Бахтин.
Korovashko A. *Mikhail Bakhtin.*
М.: Молодая гвардия, 2017. – 452 с. (Серия «ЖЗЛ»)

Н.И. Николаев

Информация об авторе: Николай Иванович Николаев, главный библиотекарь отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Information about the author: Nikolay I. Nikolaev, chief librarian in the rare book and manuscript section of the St.-Petersburg State University Scholarly Library. E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Книга написана некомпетентным автором, ненаучна, содержит, по формулировке конца 1940-х годов, «клеветнические измышления» и вообще составлена по рецептам эпохи борьбы с космополитами. Но ждановские подпевалы и прихвостни отдыхают, как нынче говорят, в сравнении с сочинителем этого опуса – А. Коровашко.

Обычно о таких книгах в научном сообществе даже не упоминают. Их как бы нет и не было. Такие книги не то что стыдно писать, их стыдно читать. Они заслуживают только одной рекомендации – ни в коем случае не брать их в руки.

Но в данном случае появление такой книги свидетельствует о глубочайшем гуманитарном кризисе нашего общества. И как о симптоме болезни общества о ней следует сказать несколько слов.

В 1961 г. три московских литературоведа – всем им было чуть за тридцать – приехали в Саранск к М.М. Бахтину. Он им сразу сказал, что он – философ и что он – не марксист. Итак, философ, и, следовательно, его биография это – биография философа. В серии «ЖЗЛ» была издана, например, замечательная биография философа М. Хайдеггера Рюдигера Сафрански, которому принадлежат также жизнеописания Шопенгауэра, Ницше, Шиллера, Гофмана, называем переводы. То есть образцы превосходных биографий философов наличествуют.

Итак, речь идет о «биографии мысли» М.М. Бахтина, единственного русского философа XX века, оказавшего такое исключительное влияние на гуманитарное сознание по ту и по эту сторону Пиренеев, как говаривал Паскаль и вторил ему Веничка Ерофеев.

Не столько для объяснения уникального философского дара М.М. Бахтина, сколько для понимания первых моментов его развития юношеский период из-за скудости сведений почти ничего не дает.

Так, чтение работ и слушанье лекций Н. Ланге, профессора Новороссийского университета в Одессе, знатока В. Дильтея, объясняет доскональное знание психологической проблематики в трудах М.М. Бахтина 1920-х годов; чтение братом, Николаем Бахтиным, «Этики чистой воли» Г. Когена дает неокантианский слой бахтинской терминологии; сказанное в 1961 году трем литературоведам – «Читайте Розанова!» – удостоверяет пропедевтическую ценность В. Розанова, возможно, испытанную самим М.М. Бахтиным; посещение Религиозно-философского общества и знакомство с А.В. Карташевым и А.А. Мейером показывает знание русской религиозной философии; как должное – книги университетских профессоров А.И. Введенского, Н.О. Лосского, И.И. Лапшина, С.Л. Франка; увлеченность виленского кружка – братья Бахтины, Лопатто, Кобеко, Пумпянский – идеей Третьего (Славянского) Возрождения и «божественным Вячеславом», Вячеславом Ивановым, зафиксирована в бахтинских лекциях 1920-х годов. И при этом, в отличие от Л.В. Пумпянского, никаких следов собственно символистской культуры, современником которой он был, разве что чтение наизусть в начале 1970-х годов стихотворений Вячеслава Иванова.

И вот что поразительно, когда мы впервые встречаемся в 1918 году в Невеле с М.М. Бахтиным, вернее, с непосредственным выражением, хотя и обрывоч-

ным, его мыслей, он уже сложившийся философ, на каждом суждении которого лежит отпечаток его философского дара или, если угодно, гения.

Вот отчего абсолютно бесперспективны любые поиски каких-либо влияний, воздействий, заимствований, следований и прочего на его философию. Имеют смысл только поиски тем и проблем, откликами на которые часто и были его оригинальные суждения, изменявшие исходные положения до неузнаваемости. И работа по установлению этих тем и мотивов хоть и ведется, но завершить ее предстоит только в будущем.

Столь же нерелевантны и сопоставления с западной философией. Обычно все такие сравнения, например, с М. Хайдеггером, столь любезным многим нашим соотечественникам, заканчиваются не в пользу М.М. Бахтина. И сопоставители, буде такие находятся, тут же перестают интересоваться реальным содержанием бахтинской философии.

А между тем, из обрывков высказываний, словосочетаний и намеков становится ясно, что уже в 1919 году М.М. Бахтин совершил свое первое философское открытие, открытие нравственной реальности (действительности) и сопутствующих ей характеристик – ответственности, долженствования и т.д.

Потом опять почти ничего. И только от 1922 года доходит незавершенный, да еще без начала, трактат «К философии поступка», где последовательно доказывается, что нравственную реальность можно постичь только посредством феноменологического описания. И там же сформулировано второе философское открытие М.М. Бахтина: замена гносеологического субъекта новоевропейской философии соотношением автора и героя.

Трактат прекращен на полуслове, что вызвано, скорее всего, осознанием того факта, что в России, напомним, в большевистской России, места для прямого философского говорения больше нет, знаком чему и послужил небезызвестный «философский пароход». Однако, в силу того, что надежды на возможность публикаций работ по эстетике оставались, М.М. Бахтин тут же приступает к написанию следующего трактата – «Автор и герой в эстетической деятельности», вводная часть которого и начало первой главы утрачены и до нас, увы, не дошли. Именно в «Авторе и герое», поскольку эстетическое и связанная с ним проблема автора и героя являются ближайшим аналогом или подобием нравственной реальности, изложена философская антропология М.М. Бахтина.

Но вернувшись весной 1924 года в Ленинград из Витебска, где он находился с осени 1920 года, М.М. Бахтин обнаруживает, что и сочинения по философской эстетике никто печатать уже не будет. Работу и над этим своим трудом он поэтому прерывает.

Впрочем, тогда же с помощью друзей он договаривается с редакцией журнала «Русский современник» о написании специальной работы, содержащей актуальную для того времени полемику с теорией формального метода. Осенью 1924 года М.М. Бахтин завершил первую часть заказанной статьи. Но вскоре он вынужден оставить работу над ее продолжением, так как журнал был закрыт.

И в декабре того же 1924 года при обсуждении вопроса о марксизме он делает весьма нетривиальный вывод, что, даже принимая и даже используя некоторые социологические постулаты марксизма, в сфере художественного творчества и его теории остается возможность для относительно самостоятельных философских суждений.

Однако в первую очередь пришлось заняться написанием работ для заработка, издаваемых под именами друзей – В.Н. Волошинова, И.И. Канаева, П.Н. Медведева. Это были научно-популярные статьи о философии биологии, фрейдизме, формальном методе, вульгарном социологизме. Главным достоинством этих статей было лишь то, что они написаны М.М. Бахтиным. А в 1926 году в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» он даже смог дать изложение некоторых идей своего трактата «Автор и герой», выпустив статью опять под именем друга (Волошинова).

Казалось бы, все идет хорошо, но при подготовке к изданию книги «Фрейдизм» (вышла в 1927 году под именем В.Н. Волошинова) М.М. Бахтин столкнулся с такой жесткой и непримиримой редактурой (собственно – цензурой), что надежды хоть на какое-то творческое письмо должны были рухнуть окончательно.

Но нет. Положение опять спасли друзья, совершив переход в издательство «Прибой», где М.М. Бахтин под их именами издает книги «Формальный метод в литературоведении» (1928) и «Марксизм и философия языка» (1929), а также ряд статей, где разрабатывает основной тезис своей философской герменевтики: всякое понимание – диалогично. И в том же издательстве летом 1929 года выходит под его собственным именем книга «Проблемы творчества Достоевского». Заново написанная, хотя и не без следов первого варианта начала 1920-х годов, она раскрывала проблематику трактата «Автор и герой» на примере творчества Достоевского, соединяясь с новым пониманием философской герменевтики.

Итак, только в 1929 году, к тридцати четырем годам, а написано и напечатано им к этому времени дай Бог каждому, М.М. Бахтин становится легальным автором со своим именем и теперь уже навсегда. Кстати, о своей первой невельской публикации он так никогда и не вспомнил. Она была обнаружена уже после его кончины.

В написанной в кустанайской ссылке работе «Слово в романе» развиваются темы, намеченные в книгах и статьях второй половины 1920-х годов. Однако оказавшись в Москве в середине 1930-х, после окончания ссылки, М.М. Бахтин убеждается в невозможности публикации этой работы. Дело не только в усилившемся идеологическом прессе, – когда он не усиливался? – просто языковедческая тематика 1920-х годов в официальных и близких к ним кругах отошла в сторону. Это с одной стороны. А с другой, с 1934-го, достигнув пика к 1940 году, начался медленный и не очень последовательный поворот к традиционной академической филологии. Так сказать, часть оборонной политики внутри страны с попутным уничтожением всего левацкого, пролеткультовского,

рапповского и прочего, с возвращением своеобразно понятых канонов реализма во всех областях культуры.

Изменение тематики М.М. Бахтин тут же отметил и предложил в соответствии с моментом работу «Роман воспитания и его значение в истории реализма» (рукопись, если и была, пропала в архивах издательства во время войны; сохранился лишь конспект), а потом в связи с новыми тенденциями (в Москве с 1936 года стал проводиться карнавал) стал собирать материалы для книги о Рабле с ее проблематикой возможной устойчивости официальной культуры при столкновении с неофициальной культурой смеховой, попутно написав в виде черновика работу о типах художественных хронотопов.

В 1940 году М.М. Бахтин менее чем за полгода пишет, вернее, надиктовывает книгу о Рабле, а зимой 1940–1941 годов делает доклады в Институте мировой литературы о теории романа как основного жанра последних столетий, возвращаясь на новом уровне к проблематике «Слова в романе».

Итак, к сорока пяти годам М.М. Бахтиным написано практически все, что нам известно, а написанное в остальные тридцать четыре года даже не сопоставимо, хотя бы по объему, с созданным до этого. Но и с написанным после 1941 года не все так просто. Можно сказать, что именно в периоды хотя бы частичного идеологического послабления М.М. Бахтина охватывает неукротимое желание действовать, то есть писать, а в периоды «заморозков» его Муза помалкивает.

Известно, что во время войны многих как бы окатило внезапным облегчением и чувством относительной свободы. Задуманный на века режим пошатнулся и, лишь захлебнувшись народной кровью, смог устоять. И вот словно разбуженный этой малой свободой – не забудем, что как философ он всегда был свободен – М.М. Бахтин возвращается в беглых заметках и набросках тех лет к проблематике своих самых ранних работ начала 1920-х, как будто всего того, что случилось за эти годы, просто не было. Сюда же относятся написанные с необычайной силой «Дополнения и изменения к Рабле».

И защита «Рабле» как диссертации, состоявшаяся по настоянию друзей, приходится на короткую послевоенную «оттепель». Далее потянулись годы подгонки текста под ужесточившиеся – в который раз! – идеологические требования, затронувшие, если кто помнит, всё – от генетики до кибернетики.

И только после выхода основополагающего труда вождя и учителя «Марксизм и вопросы языкознания» вслед за другими – и то не сразу – М.М. Бахтин вновь обращается к лингвистической тематике, вернее, к лингвистике, как он ее понимает, в работе «Проблема речевых жанров». А затем по мере наступления «оттепели» он обращается к критике структурализма, – точнее, структурной лингвистики, – распространявшегося через «Вопросы языкознания» и другие издания, и набрасывает заметки «Проблема текста». Но ни написанному в начале 1950-х годов, ни в их конце – выхода в печать нет и не предвидится. Как будто время еще не приспело. И только после приезда в Саранск трех московских филологов все меняется.

И теперь уже в конце очередной «оттепели» М.М. Бахтин буквально в течение нескольких месяцев перерабатывает книгу о Достоевском для нового издания 1963 года и, главное, создает новую главу о мениппее, опираясь, вопреки мнению некоторых скептиков, на труды выдающихся европейских филологов-классиков. Затем с той же необыкновенной скоростью – опять в течение нескольких месяцев – перерабатывает диссертационный вариант конца 1940-х годов для издания книги о Рабле в 1965 г. И, наверное, последним, что он написал для печати, был вступительный раздел к публикации работы о хронотопе.

Обо всем, выше бегло намеченном, в книге А. Коровашко **нет ни слова**, поскольку он при сочинении своего опуса благоразумно принял модную и выгодную ныне сторону антибахтинизма. Антибахтинизмом же называется происходящее последние лет двадцать – двадцать пять «исследовательское» уничтожение М.М. Бахтина.

Дурно понятая, то есть понятая буквально, «корректность» по отношению к П.Н. Медведеву и В.Н. Волошинову, за которую ухватились в Бахтинском центре в Шеффилде и в этом совпали с их поклонниками из России, и стала началом этого уничтожения, собрав по пути все, что накопилось антибахтинского с начала 1970-х годов, когда стали раздаваться вопросы – тогда еще только вопросы – о действительной принадлежности М.М. Бахтину книг, изданных под именами его друзей. И к настоящему времени повсюду бахтинское авторство книг и статей 1920-х годов окончательно передано и закреплено за именами, поставленными на этих книгах и статьях. Причем до такой степени, что в последнее время хотя бы малая доля соавторства М.М. Бахтина в этих книгах и статьях вообще перестала даже указываться (центр в Лозанне Патрика Серио), а П.Н. Медведев и В.Н. Волошинов превратились с приписыванием им реального авторства бахтинских книг и статей в никогда не существовавших исторических симулякров, то есть в создания, вымышленные их западными и русскими приверженцами.

Люди добрые, что же это делается? Хорошо организованная группа, так сказать, единомышленников, прикрываясь благими намерениями, средь бела дня ограбила русского философа, украв принадлежащие ему работы, и все молчат, как будто так и надо.

Дальше больше. Возвышение П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова происходило за счет умаления ведущих представителей бахтинского круга – М.И. Кагана, Л.В. Пумпянского, М.В. Юдиной и др. Их реальные отношения с М.М. Бахтиным не просто не изучаются, ими сознательно пренебрегают. Их место стали занимать Медведев и Волошинов в качестве ближайших друзей-соратников и даже учителей М.М. Бахтина. И о Бахтине начинают снисходительно говорить, что это был-де человек устной культуры, которому надо было помогать оформить свои мысли, что и делали Медведев и Волошинов. Отличился находкой этой идеи В.М. Алпатов, и он же внес недюжинный вклад в ее распространение своей книгой «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (уже каково

заглавие, сам порядок имен!). Именно этот посыл В.М. Алпатова и подхватили Ж.-П. Бронкар и К. Бота, авторы бульварной поделки о М.М. Бахтине («Bakhtin Démasqué». Genève, 2011), по извержению клеветы и невежества сопоставимой только с желтой прессой.

И здесь хочется спросить этих российских и западных товарищей: если Вы так не любите Бахтина, то зачем Вы о нем пишете и выступаете с докладами на конференциях? На что он Вам?

В книге А. Коровашко все доктрины антибахтинизма соблюдены: книги и статьи М.М. Бахтина, изданные в 1920-е годы под именами друзей, вообще не рассматриваются, ведь они написаны теми, под чьими именами были напечатаны. Загвоздка вышла, правда, с И.И. Канаевым. Но его письменное свидетельство об авторстве Бахтина с легкостью дезавуируется намеком на то, что С.Г. Бочаров мог ведь и подделать или сфабриковать это свидетельство (!). Если же его, А. Коровашко, в данном случае обвинят в клевете на порядочного человека, то всегда можно с той же легкостью заявить, что «его не так поняли».

Оставляя за скобками «развязно-фамильярный стилёк», который был сразу отмечен в первом же отклике на книгу, следует особо остановиться на двух моментах.

А. Коровашко придерживается на протяжении всей книги мнения, что все так называемые идеи М.М. Бахтина заимствованы у формалистов, в работах которых они и сформулированы лучше, особенно у В.Б. Шкловского, изобретателя формального метода. Но ежели А. Коровашко так по сердцу В.Б. Шкловский, то и писал бы о нем. Причем тут М.М. Бахтин?

Занятие же М.М. Бахтина философией, по мнению А. Коровашко, выглядит вообще чем-то малодостойным и малопочтенным.

Ну, что тут скажешь!?

Вывод об этой книге, вышедшей в серии «ЖЗЛ», может быть сделан только один: у французских авторов-клеветников Бронкара и Бота появился нижегородский собрат А. Коровашко.

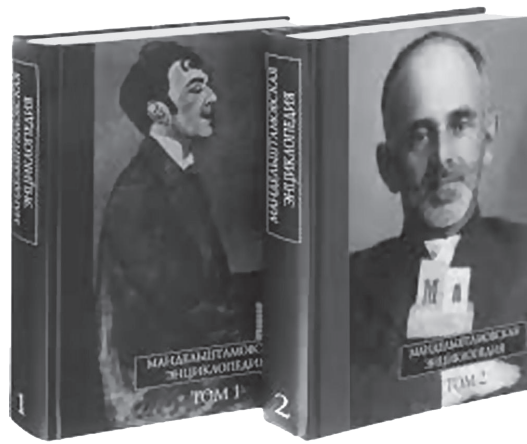
DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-392-400
УДК 821.161.1

Мандельштамовская энциклопедия

Mandelstam Encyclopedia

В двух томах. Гл. редакторы П.М. Нерлер, О.А. Лекманов
М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., 485 с.

А.Г. Мец

Информация об авторе: Александр Григорьевич Мец, исследователь жизни и творчества О.Э. Мандельштама. Гатчина, Ленинградская обл. Россия. E-mail: agmets@mail.ru

Information about the author: Alexander G. Mets, researcher and publisher of Osip Mandelstam's heritage. Gatchina, Leningrad region, Russia. E-mail: agmets@mail.ru

В первом томе помещены около 600 статей более чем 60 авторов. «Содержание» отсутствует, что создает большие неудобства для пользователя, так как статьи персонального характера, расположенные в алфавитной последовательности, перемежаются со статьями тематического содержания. Нет также и других указателей. В текстах статей, как принято в энциклопедиях, выделены курсивом слова, отсылающие к одноименным статьям, и по таким курсивам среди действительно помещенных в томе определяются статьи, в томе отсутствующие, в частности: *Санкт-Петербургский (императорский) университет, Госиздат (Государственное издательство), Каннегисер (Леонид), Мандельштамовское общество, Царское Село, Феодосия, Крым, Литературная газета, Каблуков (С.П.), Мандельштам А.Э., Мандельштам Е.Э., Мандельштам Н.Д., Ницше, Вторая книга, ЦЕКУБУ, Московский комсомолец, Народный комиссариат просвещения, Нерлера П.М. собрание, Лесник, Синани (Б Б.), Собрание Харджиева (Амстердам и Москва), Поэтическая речь, Поэтический язык, Эстетика, Пастухов, «Новый мир»* (этот перечень, возможно, не исчерпывающий). Нет статей о двух Пастуховых – художнике Павле Георгиевиче, знакомом О.М. по Киеву и Крыму, и пианисте Всеволоде Леонидовиче, авторе мемуаров «Страна воспоминаний».

В то же время представляются ненужными или необязательными в МЭ мелкие статьи в 3–5 строк о воронежских писателях, знакомство коих с О.М. сомнительно: «Ряховский», «Сергеенко», а также «Верховский», «Экстер» (данных о ее знакомстве с О.М. не установлено), «Штейман» (то же), «Варейкис», «Гнозис». Представляются также излишними в данном издании статьи «Энциклопедии и словари литературные» и «Энциклопедии персональные». Это мнение тем более актуально, что в МЭ отсутствуют статьи о таких бесспорных кандидатах в окружение О.М., как:

Выгодский Д.И., Поступальский И.С., Аничков Е.И., Бэлза И.Ф. (автор воспоминаний), Ауслендер С.А., Белявский С.И., Берендгоф Н.С., Бернер Н.Ф., Богданова-Бельская П.О., Бутомо-Названова О.Н., Варковицкая Л.М., Волконский С.М., Вольпе Ц.С., Гиппиус Вас. Вл., Горбунов Н.П., Леоновы (Воронеж), Вермель Ю.М., Велижев А.Б., Венгеров С. А., Венгерова З.А., Венедиктов А.Г., Вир (Попов) А.А., Вогак К.А., Вольф С. О., Вышеславцева С. Г., Гатов А.Б., Глухов-Щуринский А.И., Грин А.С., Грин Н.Н., Дармолатова М.Н., Заславский Д.И., Каменева О.Д., Канатчиков С.И., Карпович М.М., Моргулис А.И. Этот перечень легко расширить.

Из наличествующих хотелось бы выделить статьи Е. Тоддеса «Батюшков» и Р. Тименчика «Ахматова», а также Л. Мнухина «Русская мысль». Весьма полезны и содержат неизвестные материалы статьи Б. Фрезинского, Л. Дубшана, Л. Видгофа, М. Котовой, П. Поберезкиной, что, впрочем, можно отметить и в ряде статей других авторов. По объему

больше половины тома составляют статьи В. Калмыковой, С. Шиндина и О. Лекманова.

Чтение статей нередко сопровождается сложностями при работе со ссылками. В том случае, если ссылка дается в сокращенном виде, следует вначале определить, базируется ли сокращение на списке сокращений в начале тома или же на затекстовом для данной статьи разделе «Литература» (*Лит.*). При этом в оформлении нет твердого порядка: ссылки к цитатам или на содержательные сообщения авторами даются не всегда и не всегда гармонизированы между статьями, то есть ссылки на один и тот же источник в разных статьях оформлены по-разному или даются на разные источники текста; не всегда указываются номера страниц.

Эти обстоятельства позволяют предъявить претензии к работе редакторов, в том числе издательских, несмотря на то, что гл. редактор во вступительной заметке на с. 3–4 рисует вполне оптимистическую картину редакционного процесса работы над томом. При этом на обороте титульного листа находим загадочное уведомление: «Все статьи опубликованы в авторской редакции». В целом, после чтения тома остается впечатление беспомощности редакции перед собранным материалом.

О том, что гл. редакторами том не был прочтен насквозь, свидетельствуют неустраненные ошибки, которые в противном случае должны были быть исправлены. Показательно, например, что в статье «Гюго» автор на с. 211 упоминает о неназванном в «Путешествии в Армению» и неустановленном «несчастном персонаже» из произведения Гюго. Между тем произведение и имя персонажа было установлено П. Нерлером и оглашено в его комментарии: ПССиП 2010. Т. 2. С. 587, это Пакетта Шантфлери, мать Эсмеральды, из романа «Собор Парижской Богоматери» (то же: ПССиП 2017. Т. 2. С. 606).

В статьях имеется некоторое количество неисправностей, которые следует отнести на счет издательских редакторов, а также авторов (возникает впечатление, что многие из них корректуру не держали): опечатки, путаница в названиях произведений О.М. и др. авторов (напр., «Преодолевшие *акмеизм*» В. Жирмунского), стилистические погрешности. Между последними обнаружились уникальные: так, в 4-х статьях ссылки обозначаются как «устное наблюдение (такого-то)» (с. 260, 272, 310, 383).

В ряде случаев вообще нет ссылок на публикации. При этом отметим одну частность. Существует правило (или – обычай), что если те или иные архивные сведения были ранее опубликованы, то, помимо ссылки на архив (что, впрочем, не обязательно), следует давать ссылку на саму публикацию. В противном случае (без ссылки на публикацию) такой способ может выглядеть как претензия на приоритет в его (архивного материала) использовании. Так, на с. 82, в статье о сборнике стихов О.М. «Аониды» приводимые автором данные (содержательные и архивные)

ранее уже были опубликованы три раза (в первый раз: ПСС. С. 540), на что ссылок, однако, не имеется. Такой же «прием» демонстрирует автор ст. «Голлербах» (с. 191). Рецитируя архивную заметку Э. Голлербаха «Поэзия фарфора», ранее приведенную в кн.: Камень 1990. С. 289, он не дает ссылку на этот источник. То же в ст. «Делакруа» (с. 221), где цитируется комментарий А.А. Добрицына к картине «Свобода на баррикадах» без ссылки на первоисточник (ПССиП 2011. Т. 3. С. 640). В ст. «Гиппиус» (Вл. Вас.) другой автор цитирует его дневник и приводит архивную ссылку, но не приводит источник, в котором этот материал был опубликован и по которому процитирован: *Лекманов О.А*. Ворованный воздух. М.: АСТ, 2016. С. 32, со ссылкой на данные Ю.А. Рыкуниной. Как свое собственное наблюдение автор ст. «Блок» подает реминисценцию в одном из стихотворений О.М. на стихотворение Блока «Женщина» (с. 125), хотя она была ранее указана М.Л. Гаспаровым (Камень 1990. С. 308). В ст. «Гиппиус» (З.Н.) цитируется ее письмо к Брюсову без ссылки на публикацию: Камень 1990. С. 359. Так как данные обстоятельства могут при определенных условиях трактоваться как покушение на плагиат, хочу привлечь к ним внимание редакции «Росспэн» – не было ли здесь редакционных инструкций по упорядочиванию (сокращению) ссылок на источники?

При цитации некоторые авторы проявляют небрежность, опуская важные сведения. Так, в статье «Бальзак», ссылаясь на книгу «Девочка, катящая серсо» (с. 101), автор не указывает имена подготовивших публикацию воспоминаний О. Арбениной. Это А. Мец и Р. Тименчик. А в ст. «Средневековье» тексты О.М. цитируются вообще без ссылок. В ст. «Фет» на с. 490 не указаны номера страниц при ссылках «Аверинцев», «Гинзбург». Автор ст. «Березиль» не дает ссылки на цитаты из этого очерка О.М. и на источник указанной им даты посещения О.М. театра (с. 119). Нет ссылки на письмо О.М., цитируемое в ст. «Гедройц» (с. 177).

Переходим к локальным замечаниям.

Важная информация о персонах и ереванских встречах О.М. содержится в статьях: *Мец А., Ахвердян Г*. Заметки о «Путешествии в Армению» О. Мандельштама // Россия и Запад: Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: НЛО, 2011. С. 294–308; *Они же*. По следам путешествия в Армению О. Мандельштама: о судьбе обитателей «образцовой квартиры Вартаньянов» // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38. С. 7–16. Этой информацией следовало бы дополнить энциклопедическую статью. Во второй из названных указана действительная фамилия спутницы О.М. в Ереване Марго – Оганесян и рассказана ее биография, что вполне заслуживало персональной заметки в МЭ.

В ст. «Блок» автор сообщает о допечатном названии статьи О.М. «Барсучья нора» (с. 126), ничем не подтверждая этих данных. На самом деле эта статья получила данное название только в сборнике «О поэ-

зии» (1928). Там же отсутствуют сведения о статье А. Гришунина «Блок и Мандельштам» (Слово и судьба. Осип Мандельштам: Материалы и исследования. М., 1991).

Ст. «Верлен» (с. 158). Для читателя были бы интересны воспоминания С. Риттенберга. В 1918 г. О.М. в Летнем саду, сидя на скамейке, читал ему вслух «тюремные стихи» Верлена (см. частично в изложении: *Тименчик Р.* Ахматова в 60-е. М.; Иерусалим, 2015. Т. 2. С. 281).

Ст. «Волошин» (с.162–166). Дата знакомства Волошина и О.М., 17 февр. 1907 г., установлена в изд.: Летопись 2016. С. 25. Ошибочно указано «третье посещение» О.М. Коктебеля в июне–июле 1917 г. (с. 164). На самом деле О.М. был в Крыму (в Феодосии, а не в Коктебеле) в октябре 1917 г., с первых чисел месяца до 11-го (Летопись 2014. С. 130–131).

Ст. «Волынский» (с. 166). В ней ошибочно указано выступление О.М. на чествовании Ф. Сологуба в 1924 г. В статье того же автора «Сологуб» (с. 449) ошибка повторяется, а статья О.М. «К юбилею Ф.К. Сологуба» названа «отчетом» о праздновании. Такая же ошибка относительно чествования Ф.К. Сологуба в марте 1928 г. (с. 449), в котором О.М. участия не принимал.

В ст. «Воронеж» поэт Вадим Покровский назван одной из близких к О.М. персон воронежского периода. Однако в устных воспоминаниях Н.Е. Штемпель сообщала, что Покровский на ее предложение познакомить его с О.М. ответил отказом (засвидетельствовано Н. Гординой и А. Мецем). В статье о нем (с. 392) Покровский назван персонажем шуточного стихотворения О.М. «Эта книга украдена...», что ошибочно, так как упоминающийся в стихотворении «Вадя» – не Покровский, а сын квартирной хозяйки Мандельштамов, театральной портнихи.

Ст. «Городецкий». Дополнительный том энциклопедии «Гранат» (7-е изд.) со статьей «Акмеизм» вышел в 1936 г. Данные проверены по каталогу РНБ, подтверждены библиографом Т.В. Котовой.

Ст. «Гумилев» (Н.С.). На с. 206 указывается, что О.М. вместе с Гумилевым выступал на вечере общества «Арзамас» 13 мая 1918 г. Не имея на этот счет собственных данных, авторы игнорируют единственный источник информации, посвященный истории общества – статью «Как сделан “Арзамас” Георгия Иванова», в которой анализируется состав присутствовавших на вечере и где предполагается, что О.М. не был на вечере (Мец 2005. С. 173–174. То же: Летопись 2014. С. 138).

Ст. «Живопись». С. 245: адресатом цитируемого письма О.М. «Право смотреть на солнце и на картину...» ныне считается Викт. Шкловский (ПССиП 2011. Т. 3. С. 509). На с. 246 той же статьи МЭ автор заимствует наблюдение А. Добрицына из его комментария к ст. «Заметка о Барбье» (о фигуре «Свободы на баррикадах») без отсылки к оригиналу: Там же. С. 640. Комментатор писал: «...фигура “Свободы на баррикадах”

Э. Делакруа традиционно связывается с описанием Свободы в “Собачьей склоке” Барбье, например, у Т. Готье в книге “Искусство в Европе” (Th. Gautier. *Les beaux-arts en Europe*. Paris, 1855. Vol. I. P. 179)». Ссылки на ст. «Мандельштам в письмах Рудакова» в той же статье дважды даются с искажениями сравнительно со списком сокращений.

В ст. «Жизнь» (с. 248) по ошибке перепутаны два разных журнала – первый из них петербургский, второй – киевский.

Ст. «Зенкевич». На с. 255 приводятся цитаты «из неопубликованного письма» Зенкевича к М. Лозинскому» о переводах из Шенье. Однако большая выдержка из этого письма, как раз на затронутую тему и такого же объема, была нами опубликована: Летопись 2014. С. 244. Закономерно возникает вопрос о вторичном использовании. Здесь же в списке литературы приведены данные о статье «Эпизод истории акмеизма» (1990). При этом было бы желательно упоминание, что в расширенном виде и под названием «Акмеисты: последнее выступление группы» статья дважды переиздавалась (Мец 2005, Мец 2011). В той же статье имеются сведения, на которые дается ссылка, отсутствующая в списке сокращений и в затекстовой литературе: «Полное собрание стихотворений». По содержанию удается определить издание: это том, выпущенный в 1995 г. издательством «Академический проект» в серии «Новая библиотека поэта», сведения взяты из комментария А. Меца.

В ст. «Иванов» (Вяч.) на с. 258 сообщается, что Вяч. Иванов в 1909 г. искал комнату в Петербурге для О.М., находившегося в поездке за рубежом. Этот материал ранее был изложен в комментарии к письму О.М. к Маковскому от 27 июня /10 июля 1910 г. и основан на записи дневника Вяч. Иванова (Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 801–803), упоминающей об О.М. (Камень 1990. С. 346; ПССиП 2011. Т. 3. С. 741). Однако Н.А. Богомолов, проверивший эти трудночитаемые записи по архивному источнику, выяснил, что упоминаемая в них фамилия – не Мандельштам, а Линденбаум (*Богомолов Н.* Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 14–16). Тем самым версия об О.М. была дезавуирована, и в следующее издание (ПССиП 2017) были внесены коррективы.

В ст. «Кант» (с. 279–281) автор упустил данные об увлеченности О.М. Кантом еще в юности. Он относит знакомство О.М. с учением великого философа предположительно ко времени учебы в Гейдельбергском университете. В действительности это произошло раньше, в последнем классе Тенишевского училища. Об этом свидетельствует заметка его приятеля, в которой О.М. назван «лучший ученик Канта» (*Бѣс* [Борис Синани]. XV семестр // Пробужденная мысль. 1906. Вып. 1. С. 10–11. В кн.: Мец 2005. С. 34. То же: Мец 2011. С. 32). Подтверждение дают основанные на рассказах О.М. сценки у Георгия Иванова

в «Петербургских зимах»: «Худой, смуглый, некрасивый подросток, отделавшись наконец от томительного чаепития, читает у себя в комнате “Критику чистого разума”» (*Иванов Г.В*. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 85). Эти воспоминания Г. Иванова в МЭ также не учтены.

В ст. «Клюев» (с. 291) – опечатка в дате казни: «1934» вместо 1937 (в тексте на с. 292 год указан верно).

Ст. «Лит. особняк» (с. 313). Сведения о выступлениях О.М. на собраниях общества неполные. В 1921 г. он выступал в обществе 28 марта, а в 1922 – с чтением стихов 24 мая (Летопись 2014. С. 196, 225).

Статью «Нальди-Олькеницкая» (с. 361) следовало бы дополнить сведениями об имени-отчестве (Раиса Григорьевна) и подготовленной ею «Антологии русских поэтов XX века» (Antologia dei poeti russi del XX secolo. Milano: Fratelli Treves Editori, 1924), включающей ее переводы трех стихотворений О.М. (Летопись 2014. С. 260–261).

В ст. «Одесса» не упомянут вышедший в Одессе в 1916 г. коллективный сборник «Седьмое покрывало», подаренный О.М. с надписью «от авторов» (Летопись 2014. С. 118).

Дата ареста О.М. на с. 382 – с 13 на 14 мая 1934 г. – неверная. О.М. был арестован в ночь на 17 мая (Летопись 2014. С. 426). Эта ошибка повторяется в МЭ еще дважды.

В ст. «Прибой» на с. 393 имеется ссылка на фантомную книгу «Вагонное чтение».

Полное название лекции В. Пяста – «Новые побеги травы» (Летопись 2014. С. 192), ср. в МЭ с. 375 и с. 405, где она именуется «Новые побеги».

В статье «Радлов» (С.Э.) уместно было бы упомянуть его письмо (из Москвы в Петербург) к А.Д. Радловой от 7 июня 1923 г., свидетельствующее о продолжающихся родственных связях с О.М.: «Котик мой родненький, наконец-то от тебя записка – через Ал[ександра] Эм[ильевича Мандельштама] – я ее только сегодня в воскресенье получил. Ал[ександра] Эм[ильевича] я у себя не застал, зайду к нему сегодня или завтра, чтобы он хоть рассказал мне про тебя что-нибудь, очень уж скучно. – Третьего дня был у Осипа [Мандельштама], он взял твои стихи и обещал их устроить, – будут у Лепетоши копеечки на его собственные глупости» (Летопись 2014. С. 250).

В ст. «Рейснер» (Л.М.) уместно было бы упомянуть о визите О.М. вместе с ней (1918) к А.Б. Гольденвейзеру (Летопись 2014. С. 138–139).

В ст. «Ремизов» не упоминается предположение, что «Алексей Михайлыч» в стихотворении «На откосы, Волга, хлынь...» (1937) – есть Ремизов (ПСС. С. 636; ПССиП. Т. 1. 2009. С. 669).

Литературу к статье «Стенич» следовало бы дополнить работой: *Успенский П.* Стенич В.О.: биография, дендизм, тексты... // Наше наследие. Редакционный портфель. 2015.

К ст. «Тихон» следовало бы прибавить информацию о нем как о прототипе «народного вождя» в стихотворении «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...»), см. Мец 2005. С. 73–81; То же. Мец 2011. С. 133–140.

В ст. «Фет» произведение О.М. «Шум времени» цитируется с грубым искажением, проникшим во 2-й том Собрания соч. (1993): «Впервые я почувствовал радость внешнего *неблагоразумия* (правильно – *неблагозвучия*) русской речи...» (с. 390).

Эта ошибка 4-томного (1992–1997) издания не единична. Еще одной ошибкой является датирование статьи «О природе слова» 1920–1922 гг., повторяемое в нескольких статьях МЭ. Ее датировка – февраль 1922 г. – установлена в публикации А. Меца (Рус. литература. 2006. № 4). Заодно отметим, что указанное 4-томное «базовое» издание безнадежно устарело с текстологической стороны.

В ст. «Хазин» (Е.Я.) не указаны его письма к Н. Мандельштам 1922, 1929, 1930, 1935 годов (Рус. литература. 2015. № 4) и его постоянное участие в решении семейных проблем Мандельштамов.

В ст. «Хлам» неверно указано время приезда О.М. в Киев: конец марта – начало апреля 1919 г. На самом деле – середина апреля.

В ст. «Цветаева» (М.И.) используются устаревшие биографические данные. Так, описанный Цветаевой «Нездешний вечер» состоялся не 10, но не позднее 3 января 1916 г., отъезд в Москву – 18 января (данные Е. Лубянниковой, см. Летопись 2014).

Необъяснимым просчетом является отсутствие статей о 2-м и 3-м Цехе поэтов, в которых О.М. принимал деятельное участие.

Дата смерти В.А. Чудовского (см. с. 532) уже несколько лет известна из интернета. Вместе с женой он был расстрелян по приговору суда 4 ноября 1937 г.

Ст. «Шервинский», с. 541. О.М. использовал в «Молодости Гете» его перевод «Песни кузнецов» (ПССиП. Т. 3. 2011. С. 715).

Второй том – вспомогательный. В нем собраны 9 приложений: 1 – летопись жизни (краткая), 2 – иконография, 3 и 4 – произведения, 5 – метрический справочник, 6 – инскрипты и маргиналии, 6.1 – сведения о неразысканном, 7 – нотография, 8 – библиография, 9 – переводы. Приложено «Содержание». Из размещенных в нем материалов наше внимание привлекли две фотографии на с. 48. Выскажем мнение, что указанного в подписях Юрия Юркуна на них нет. Как «Юркун» идентифицирован один из членов семьи Поповых, при этом на верхнем фото он стоит не в центре (как указывает подпись), а крайним слева.

Вскоре после выхода МЭ руководство разослало членам общества циркулярное письмо, в котором оповестило, что начинает работать над устранением недостатков и дополнениями, с целью выпустить в недалеком будущем 2-е издание МЭ в типографском либо цифровом виде.

Условные сокращения

Камень 1990 – Мандельштам О.Э. Камень. Л.: Наука, 1990. 400 с.(«Лит. памятники»).

Летопись 2014 – Летопись жизни и творчества [О. Э. Мандельштама]. М.: Прогресс-Плеяда, 2014 (Мандельшам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011. Приложение).

Летопись 2016 – Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. Изд. 2-е, испр. и доп. Department of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto, 2016.

Мец 2005 – Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текстов. СПб.: Гиперион, 2005. 288 с.

Мец 2011 – Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текстов. Изд. 2-е, испр. И доп. СПб., 2011. 273 с.

ПСС – Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. СПб.: Академический проект, 1995 («Новая библиотека поэта»).

ПССиП – Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.

ПССиП 2017 – Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. М.: Гиперион, 2017.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2018 № 7

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 26.06.2018
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 25,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №